ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №6 | 2015

Александр Левченко

Полёт
40 × 50
х. м.

Вечер
40 × 50
х. м.

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения № 6 | 2015

В номере

Д*и*Н юбилей

Сергей Шулаков, Владимир Костров
3 Поэзия должна возвышать людей

Юрий Беликов, Евгений Родыгин
5 «Ой, рябина кудрявая», или На чём чувство держится

«Птичья тема»

8 *Победители конкурса*

Дина Крупская
15 Птицы вольные

Микаэль Шерб
21 Наставление птицам

Александр Сидоров
100 Воробушек

Дарья Герасимова
206 На фоне звёзд

Д*и*Н память

Николай Блохин
9 Свет Ключёвки

Людмила Самотик
16 Имя героя в исторической прозе А. И. Чмыхало

Д*и*Н стихи

Влад Пеньков
22 Всё, что открывает мне объятья…

Валерий Дударев
43 Предзимье

Сергей Арутюнов
45 Минойя

Сергей Ставер
47 Седые перья журавля

Нина Новикова
49 Будет ясная ночь

Никита Брагин
158 Дикий мёд

Тауз Исс
161 Стихия

Александр Петрушкин
163 В туннеле света

Сергей Задереев
165 Погружения

Александр Сигида
185 Вместо репортажа

Чермен Дудаев
204 Под газырями, нá сердце моём…

Мосты над облаками

Завен Григорян
23 Краткая история армяно-русских отношений (с момента их начала и до наших дней)

Д*и*Н дебют

Дмитрий Косяков
50 Что случилось?

Ирина Букал
108 Автостопом!

Д*и*Н лит

Дни и ночи Литературного института имени А. М. Горького

Оксана Лисковая
101 Птица в виноградных листьях

ДиН пародия

Евгений Минин
104 Стать Киплингом
122 Подруга Соломон
127 Опасный проект
201 Камни за пазухой

Библиотека современного рассказа

Эльдар Ахадов
105 Последний ремень

Виталий Пырх
109 Ласточкино гнездо

Елена Тимченко
123 Замурованные

Сергей Петров
125 По-дед-морозовски

Сергей Кузнечихин
128 Неспортивный марафон

ДиН ревю

Михаил Синельников
124 Перевал

Антон Метельков
157 Футляр

ДиН утопия

Баадур Чхатарашвили
132 Привет, птица!

ДиН дети

168 Синяя тетрадь

Живое слово Енисея

Анатолий Чмыхало
175 На Саур-могиле

Марат Валеев
186 Сбежал парнишка на войну…

Геннадий Васильев
202 Сердце солдата

Константин Мигунов
205 Бабушка Нюра

Владимир Нестеренко
207 Молодинская битва и воевода Воротынский

Любовь Степанова
225 Сиреневый ветер

Татьяна Биргер
227 Ночная кошка

Екатерина Самусенко
229 Минута славы

234 ДиН авторы

Сергей Шулаков, Владимир Костров

Поэзия должна возвышать людей

Владимир Костров родился 21 сентября 1935 года во Власихе современной Костромской области — но не стал деревенским поэтом. Работал на административных должностях в Союзе писателей, но не сделался интеллектуальным бюрократом. На стихи Кострова писали песни эстрадные и классические композиторы, но никто не назовёт его поэтом-песенником. За плечами Владимира Кострова академические переводы (например, французских стихов Тютчева), литературоведческие статьи, первые Есенинские вечера и чтения. На страницах «Нового мира» с его помощью были напечатаны Пастернак и Солженицын, многие ранее запрещённые и многие современные авторы, поэму ему посвятил Вознесенский… В свои восемьдесят он с лёгкой улыбкой читает наизусть собственные стихотворения, даже самые ранние. «Я пишу стихи в голове, а не на бумаге, — говорит Владимир Андреевич, — и учу тому же своих студентов». Профессор Литературного института имени Горького Владимир Андреевич Костров не только преподаватель. В том числе и его участию мы обязаны учреждением Дня родного языка — в день рождения Александра Сергеевича Пушкина; до этого в России Дня русского языка не существовало! Но поэзия неизменно остаётся в его жизни главной.

— Этапы вашей профессиональной жизни — это этапы русской литературы. Укажите несколько наиболее значимых для вас.

— Полагаю, можно сказать вот о чём. Я приложил некоторые усилия к возвращению читателю таких поэтов, как Николай Гумилёв, Павел Васильев, Борис Корнилов. Как вы понимаете, это было очень сложно. Главреды писали письмо Николаю Тихонову, замечательному поэту, одному из руководителей Союза писателей, который горячо поддерживал. Вообще, возвращение этих людей было дело серьёзным, нужна была какая-то коллективная воля. Мы писали письма, Бориса Васильева привлекли…

Тогда были закрыты Ахматова, Цветаева… Сейчас это трудно себе представить, но мы возвращали читателю даже их. Непосредственно при моём участии, не могу сказать что решающем, был проведён первый юбилейный вечер — девяностолетия Есенина. Образовали Есенинский комитет… Много было сделано. Я не могу сказать, что я по-настоящему исследовал творчество Есенина как учёный. Ко мне часто обращаются по есенинским и даже пушкинским темам. Чаще всего отвечаю: «Я не пушкинист. Я пропагандист его творчества». Так же и с Есениным. Я не есениновед. Просто приветствую и помогаю проведению Есенинских праздников, чтений.

— Однако в своей статье «К истории творческих взаимоотношений Есенина и Клюева», в которой вы с известной смелостью взялись за такую противоречивую фигуру, как Николай Клюев, вы говорите о двух конфликтных эпизодах, о литературной полемике двух поэтов. Если вы позволите немного расширить рамки научной статьи, ответьте, пожалуйста: каким вам видится место Сергея Есенина в нашей литературе? Ведь даже специалисты отмечают, что одни авторы его безоговорочно восхваляют, другие указывают на негативные стороны его личности. В чём тут дело?

— Есенина мало кто не любит. В основном те люди, которые не могут ему простить его гениальности. А гений бывает безрассуден. Вообще, искусство существует по факту. Сколько раз ни читаю некоторые стихи Есенина — я волнуюсь, как мальчишка. «Дальний плач тальянки, голос одинокий…» Трудно рационально объяснить, в чём здесь дело, но видится мне всё это, слышится… И надо ему, и Пушкину, и хоть кому прощать некоторые вещи за то, что поэты дают нам этот полёт духа, высшее наслаждение творчеством. Жаров о смерти Есенина написал: «Мы прощали и дебош, и пьянство, / Силу песни звонкую любя, / Но такого злого хулиганства / Мы не ждали даже от тебя…» Нужно быть очень осторожным, предъявляя такие претензии к великим и даже к малоталантливым людям. Судите по вершинам. Целым рядом стихотворений Есенин доставил нам огромное наслаждение на века.

— Сейчас каждый может называть себя поэтом, написав несколько строк в Интернете. В прежние времена поэтический круг был узким и элитарным. Это правда или легенды?

— Да, я дружил со всеми известными поэтами: с Беллой Ахмадулиной, Андреем Вознесенским,

Робертом Рождественским, Евгением Евтушенко, с другими. Круг действительно был неширок. Но даже эта общность подтачивалась и разрушалась политическими и национальными разногласиями. Сейчас я всем им благодарен, я знаю, что каждый написал значительные стихи, и наши разногласия кажутся, в сущности, мелкими. Советская поэзия—замечательное явление. Всё, что есть в Европе, есть и в нашей поэзии. А советской поэзии у них нет и быть не может.

— Вы можете назвать имена нескольких современных поэтов нового поколения, чьё творчество вам близко?

— Конечно. Александр Орлов, Максим Замшев, Максим Лаврентьев…

Поэзия должна возвышать людей, а не приводить их в скотское состояние. Если людям говорить «свинья», они захрюкают. В принципе, ничего не изменилось в поэзии. Всё то же требование выразить нечто по-настоящему существенное. Например, в поэзии нигде нет слов о правах человека. Везде—о том, что человек обязан сначала быть человеком, а затем говорить о своих правах…

— Стихотворение, в котором звучит тревога, до некоторой степени обречённость, но и ужас возможного во времена беспредела возвращения призрака Сталина, можно считать вашим исчерпывающим откликом на общественные события в России новейшего времени. Вы можете охарактеризовать важнейшие аспекты не в поэзии а, условно, в форме «профессорской публицистики»?

— Я не думаю, что Сталин восстанет из гроба. Но подобная опасность существует. Как известно, постоянное упоминание чёрта может явить нам много неприятного. Сейчас нам нужно как-то остановиться, подумать: а что мы-то? что о нас-то вспомнят?

Народ, конечно, не желает возвращения сталинской модели правления. Но некоторых моментов хочет. Нас, конечно, напугала либеральная форма устройства. Народ не хочет, чтобы мы были протекторатом, «бензоколонкой». Я не знаю как, но тысячелетний опыт нас настораживает. Можно легко стать колонией… Почему я верю в Бога, вернее, в идею его существования?.. Я считаю нашу Победу чудом. Но не меньшим чудом я считаю появление у нашей страны ядерной бомбы. Может быть, это страшно, но тем не менее. Не будь у нас ядерного оружия, нас бы сожгли. Американцы беспощадны. Я восхищаюсь определёнными достижениями Америки, но моральный регресс их общества, как, впрочем, и нашего, меня пугает.

— И всё же не верится, что вы не видите положительной перспективы. Второй строчкой вашего стихотворения «Мы—последние этого века» идут слова: «Мы великой надеждой больны». Что это за болезненная надежда?

— Надежда, конечно, в культуре как тормозе нравственной деградации. Поэзия—часть культуры. У нас достаточно высокий уровень поэзии. Нет настоящей критики, постоянной, компетентной. У нас нет настоящего отбора из того, что мы имеем. Нужно создавать нечто вроде Гонкуровского комитета. Из тех людей, которые в течение определённого времени доказали свою состоятельность в литературе и которые могли бы осуществлять компетентный отбор.

— Как ваша поэзия соприкоснулась с полем музыки? Общение с Георгием Свиридовым было для вас более дружеским—или творческим?

— Это длинная история, странная, чудесная. В тысяча девятьсот шестьдесят первом году раздался звонок. Мне позвонили из Союза композиторов и говорят: «Вами очень заинтересовался композитор Вано Ильич Мурадели». Нужно было написать песню к Фестивалю молодёжи и студентов в Болгарии. Я пригласил с собой ещё Олега Дмитриева: «Пойдём, попробуем?» Мы с Олегом явились, и первое, что Мурадели сказал: «Не надо мне метафор. Пишите проще—я всё музыкой оправдаю». И привёл в пример свою песню «Москва—Пекин»: «Идут вперёд народы…» Мы так и написали. Исполнил песню ансамбль имени Александрова. Это был первый серьёзный опыт. До этого я писал песни для университета, для студентов.

Потом снова звонок—из Новосибирска. Звонил руководитель Сибирского народного хора, композитор, Виктор Захарченко. Он сказал без обиняков: «Я взял вашу „Девичью песню“ и написал на неё музыку…» Её много исполняли по телевидению, хорошая песня получилась. Ну а потом часто звонили. В восьмидесятые мы сотрудничали с Марком Минковым… У меня до сих пор лежит письмо от Матвея Блантера, которому меня рекомендовал Константин Симонов…

У меня было стихотворение, которое кончалось строкой: «В Саврасовском, Есенинском, Свиридовском краю…» И Георгий Свиридов мне позвонил. Я привёз ему стихи. Мы часто перезванивались, с женой ходили на его концерты. Среди своих друзей я не встречал человека с таким знанием русской и европейской поэзии, как Свиридов. Он говорил: «Я последний рапсод. Я пою стихи великих поэтов». Я участвовал в организации двух вечеров памяти Свиридова вместе с дирижёром Владимиром Ивановичем Федосеевым… Сейчас хотят издать диск с песнями на мои стихи. Эта тема тоже продолжается…

Юрий Беликов, Евгений Родыгин

«Ой, рябина кудрявая», или На чём чувство держится

В наступающих сумерках он вначале не понял, куда это его привезли. Водяная и ветряная мельницы, часовни, крестьянские дома, струг под алым парусом, пожарная каланча, кузница, лошадь пасётся, гуси вперевалку бродят… Скит—не скит, деревня—не деревня. А он, Родыгин, триста вёрст отмахал из Екатеринбурга в машине вместе с сыном Романом. Тот устроителей встречи по телефону предупредил:

— Бате даже рюмки не подносите!

Но путь-то неблизкий. Как фронтовику без положенных ста грамм?..

Вышли—оба тёплые: и батя, и сынок. Батя покрутил головой, глянул на гусей, вымолвил громко:

— Где зрители?.. Кто заказывал встречу с композитором Родыгиным?!

Поелику, кроме лошади да гусей, на улице пребывал только ваш покорный слуга, я предложил Евгению Павловичу прогуляться по владениям Леонарда Постникова—этнографическому парку истории реки Чусовой. По ходу объяснил, что открытие памятного знака песне «Уральская рябинушка», на которое прибыл композитор, намечено на завтра и зрители обязательно будут. Родыгин окинул взглядом будущую привязку к местности, отчеканил:

— Лю-бо-пыт-но!

Ершистый, кряжистый, простоволосый, в белой рубашке и пиджачке. Это—на излёте сентября. Не зябко?..

Нет, говорит, пиджачок в холода—одёжа для него привычная. Родыгин до сих пор, в свои девяносто, в шесть утра просыпается, холодной водой обливается, выполняет сто двойных прыжков (в итоге—двести!), затем—пешая прогулка по Екатеринбургу. Вот и сейчас он нажимал на ходьбу.

Когда-то на деревянной обшивке кабинета директора Чусовской детско-юношеской спортшколы олимпийского резерва «Огонёк» Леонарда Постникова оставили свои автографы, рисунки и посвящения многие штучные личности. Среди них актёры Зиновий Гердт, Евгений Леонов, прозаик Виктор Астафьев, поэт Владимир Радкевич и композитор Евгений Родыгин. С той поры отгремели бури и шторма, сменилась эпоха, накатил новый век, но, точно обломок от потерпевшего крушение корабля, до нас доплыла «свидетельская» досочка, находящаяся ныне, как реликвия, по назначению—в этнопарке, основанном всё тем же Постниковым. На досочке кудрявым родыгинским почерком выведено: «Вечер тихой песнею над рекой плывёт…» И подпись: «Родыгин». И—дата: «1977 год».

— Узнаёте?—спрашиваю.

— Узнаю!..

Тогда они с Владимиром Радкевичем, взяв аванс, подрядились писать гимн Чусовскому металлургическому заводу. А поселились в «Огоньке». Аванс пустили по ветру, гимна так и не написали, зато оставили на стене свои автографы, ныне звучащие как гимн. Впрочем, и металлурги, и железнодорожники, и нынешние казаки поют воодушевлённо и не сговариваясь: «Справа кудри токаря, слева кузнеца…»—строки из «Рябинушки». Может, это и есть общий гимн—уральской природе, ныне вымирающему заводу, где «короткие встречи горячи», и вечному, как мир, любовному треугольнику?

Справедливости ради надо сказать, что автор слов этой давно ставшей народной песни Михаил Пилипенко—тоже фронтовик и свердловчанин. Рано умерший—в 1957-м, он как поэт, конечно же, неведом теперешней публике. А между тем вот хотя бы одно небольшое его стихотвореньице про сокола:

В густой листве над крышей дачной,
Среди столетних тёмных лип,
Комочек серенький, невзрачный
К стволу корявому прилип.

В своём неброском оперенье
Он так обыден. Оттого
Не вызывает уваженья,
Не поражает никого,

Пока над гордою стремниной,
Бросая злую тень в траву,
Крылом чеканным соколиным
Не вспорет неба синеву.

Судьбе было угодно, что поэт Михаил Пилипенко и композитор Евгений Родыгин, подобно двум уральским соколам, «вспороли неба синеву» яркими гроздьями «Уральской рябинушки». Однажды Постников слышал, как её исполняли

даже сдержанные финны. Разумеется, на своём, на финском.

А посему, как ни усердствуют монстры отечественного шоу-бизнеса, но Россия продолжает петь: «Ой, рябина кудрявая…», «Белым снегом», «Едут новосёлы», «А кто-то третий», «Где ты раньше был…», «Куда бежишь, тропинка милая», «Звёздочка тучку задела», «Лён мой», «Свердловский вальс». Уточню: не блескуче-тусовочная, а глубинная Россия. Ей навязывают одно, а поёт она другое.

Для кого отыскивают доломитовую глыбу рабочие Пашийского каменного карьера? Может быть, дабы увековечить Крутого и Розенбаума? Слова чьей песни отливают умельцы литейного цеха Чусовского металлургического завода? Вы полагаете, Газманова? Резника? Нет, и природный камень, и укреплённая на нём металлическая пластина с выпуклым скрипичным ключом, чей завиток заканчивается многоточием рябиновой грозди, и отлитые на этой пластине слова «Уральской рябинушки» убеждают в одном: люди продолжают петь песни Родыгина. Есть у него неофициальное звание: народный композитор России. Оно покрепче иных официальных будет.

…В этнографический парк потянулся люд — казаки, заводчане, железнодорожники, прибыли представители местной власти. Но что меня поразило: приехали преклонного возраста женщины, опирающиеся на палочки. На вид — старые учительницы (а ведь постниковское детище — не на соседней улице, а среди леса и гор), и когда Евгений Павлович, присев неподалёку от занавешенного цветастым платком памятного знака и попросив у кого-то из зрителей баян, заиграл знакомую мелодию и тихонько запел, в первую очередь эти женщины, а потом и все окружающие затянули:

Ой, рябина кудрявая, белые цветы,
Ой, рябина, рябинушка,
Что взгрустнула ты?..

— Евгений Павлович, вы родились в Чусовом в тысяча девятьсот двадцать пятом году. То есть застали уже целиком советскую действительность. И в любой энциклопедии про вас можно прочитать, что вы — «русский советский композитор». Вы от определения «советский» не открещиваетесь? Быть может, советское всё-таки наследовало русское?

— Конечно, наследовало. Русские говорят: совет да любовь. Это не нами выдумано. Оно из истории в дальнейшие времена перекочевало. И Ленин не зря назвал новую власть советской. На мой слух, словосочетание «советская власть» звучит грамотно и тепло. Я ничего отрицательного в нём не нахожу. К тому же это условность. Как писал Гёте в «Фаусте»: «Коль скоро недочёт в понятиях случится, их можно словом заменить».

Вот есть понятие. Мы его не можем постигнуть. И просто произносим слово. Например, Бога нет. Но слово «Бог» существует. И значит, для чего-то это придумано. Так?

— А вы утверждаете, что Бога нет?

— Его просто-напросто не может быть! Есть Вселенная, галактики и всё остальное. А слово «Бог» придумано для того, чтобы человеческая добродетель под этим словом что-то выиграла. Бог, он умён, добр и любим. Значит, это слово служит проводником для человеческих взаимоотношений.

— А происходили ли в вашей жизни какие-то чудесные, необъяснимые случаи? Когда как будто бы некая высшая сила вас вела, помогала и спасала? Скажем, в тот миг, когда вас на войне контузило?

— Да, это было двадцать третьего апреля тысяча девятьсот сорок пятого года в семидесяти километрах от Берлина. Около реки Одер я был контужен с переломом обеих ног. И сразу попал в госпиталь. Война вот-вот закончится. А я — в гипсе. На спине. Пластом. Мне приносят аккордеон. Я его кладу на грудь, и меня вместе с кроватью по всем палатам госпиталя девки носят! У меня даже в сборниках моих песен есть такой снимок.

— А вдруг это промысел Божий? Может, Он вас через контузию отвёл от гибели в самом конце войны, чтобы вы на протяжении полувека дарили людям радость живой музыки?

— Я же уже сказал: ссылаясь на Бога, люди стараются объяснить ту или иную жизненную коллизию…

— Тогда поговорим о том, что вам ближе, — о песне. Раньше была советская эстрада, а теперь сплошной шоу-бизнес. Лично меня на советской эстраде устраивало далеко не всё, но на фоне шоу-бизнеса она выглядит едва ли не богиней. А какие ощущения у вас?

— Это английское слово — «шоу-бизнес». Шоу — показ. Бизнес — дело. Всё опять-таки условно. И никакой разницы между советской эстрадой и шоу-бизнесом я не вижу. Старое или новое название ничего нам не добавляют. В шоу-бизнесе что-то хорошо, что-то плохо. Так оно и должно быть. Просто когда я смотрю телевизор, то выбираю программы, которые мне более любопытны.

Голова моя работает лёжа. На кровати, на высокой подушке. Под рукой у меня — толковый словарь русского языка. Рядом — карандаш и стиральная резинка. Лежу, думаю. Телевизор — там. Какая-то мысль приходит — я её обязательно записываю. Или что-то сочиняю. Или пишу о музыке. Или — что такое Союз композиторов. Он разваливается! Я пишу почему. Потому что симфоний много. Если я устал, начинаю выбирать в телепрограмме

то, что поинтересней. Оно с утра уже у меня подчёркнуто — в какой час какая передача.

— И чему же вы отдаёте предпочтение?

— Не пропускаю новости. По НТВ или по Первому каналу и так далее, и тому подобное. Я вижу жизнь, Землю, все страны, взаимоотношения людей. Это всё мне преподносят как на блюдечке, и я занимаюсь осмыслением увиденного. Так каждый день.

— А если вернуться к эстраде и, в данном случае, к народной песне, вам не кажется, что на телевизионных подмостках у неё только две Надежды: Бабкина и Кадышева? Но ведь это какой-то нарумяненный вариант русской песни. Словно больше нет других исполнителей! Достаточно вспомнить одну лишь Татьяну Петрову, которую вряд ли встретишь в пещере телевизора. Что с русской песней происходит?

— Ничего не происходит. Поют — и всё. Всяк по-своему. К тому же «искусство принадлежит народу». Я снова процитировал Ленина. Потому что эти слова надо помнить. Они до сих пор работают. И тот факт, что кого-то нет в телевизоре, вовсе не означает, что он не востребован народом. Музыка, она же принадлежит не только народу, а всему человечеству. Бетховен, Шопен, Паганини и так далее…

— Однажды вы сделали замечательную оговорку: «Серьёзная музыка! Паршивое словосочетание. Оно только дезориентирует слушателей». Что вы подразумеваете под этой «дезориентацией»?

— Как известно, краткость — сестра таланта. Так и мелодия состоит из восьми или двенадцати звуков. И это — красота. Красота мелодии. А когда пишут симфонии — там тысяча, миллион звуков! И так называемые профессионалы, надув щёки, делают вид, что вот это — серьёзно.

— А восемь звуков — несерьёзно?

— На восьми звуках чувство держится. Оно проникает в разум. А когда миллион нот, чувства нету. Одна грязь только. И разум на это не реагирует. Повторяю: красота мелодии — восемь тактов или двенадцать. Не более. Но какие это такты! Какое сочетание звуков! И оно в памяти остаётся с ходу. Запомните: любая мелодия — это благополучная последовательность звуков.

— Вас считают народным композитором. То есть автором песен, чьи слова безыскусны и доходчивы: «Но всё той же узкою тропкой между гор / Мы втроём к рябинушке ходим до сих пор…» Но вдруг я узнаю´, что вы написали песню на стихи… Киплинга…

— А-а, это «Заповедь». Её я написал лет десять, а то и пятнадцать тому назад. Она входит в мои авторские сборники.

— И вы даже улучшили классический перевод Михаила Лозинского, изучив перед этим английский?

— Я это сделал по требованию мелодии. Сейчас мне девяносто. Примерно в семьдесят лет я заинтересовался английским языком. И результатом этого моего интереса стала работа со стихами Киплинга.

— А если она свидетельствует о том, что композитор Родыгин решил утяжелить лёгкий жанр песни?..

— Ничего я не хотел утяжелить! Как сердце мне подсказывает, так я и следую. А разум подчиняется моему чувству. Сначала — сердце, а потом — разум. Разве вы не помните:

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальной…

Понятно?.. Это — Батюшков.

— Не могли бы вы напеть хотя бы один куплет из «Заповеди»?

(*Напевает.*)

Владей собой
среди толпы смятенной,
верь сам в себя
наперекор Вселенной,
умей принудить
сердце, нервы, тело
тебе служить, когда в твоей груди
уже давно всё пусто,
всё сгорело,
и только воля говорит: «Иди!»

— Известно, что в последнее время вы всерьёз увлеклись античными авторами-философами. И не только античными. И пытаетесь ответить на вопросы, что такое народ и что такое власть. И какие же ответы вам приходят?

— Это нужно в словарь залазить! Ладно, так и быть, скажу: народ — это все, кто народился и имеет свою собственную национальную культуру. Из этой национальной культуры вырастает такая же национальная музыка. А власть — это организация взаимоотношений людей. Хорошая или плохая организация — другой вопрос…

— А вот вчера, когда мы гуляли с вами по этнографическому парку вдоль речки Архиповки и я сказал, что в этой речке ловил хариусов писатель Виктор Петрович Астафьев, вы обмолвились, что «он тоже не принял многого в происходящем». В этом «тоже» прозвучала какая-то родыгинская боль, солидарная с астафьевской. Я не ошибся?

— Это надо цитировать его эпитафию: «Я пришёл в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу

из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье». Что касается моего взгляда на происходящее, то оно представляется мне как борьба противоречий. Что такое противоречия? Это сопоставление речей. Ты думаешь так, а я думаю эдак. И борьба противоречий есть борьба слов. Это закон природы. И вся философия на этом построена. Кстати, красноречие есть искусство управлять умами. И власть этим умело пользуется, если уж мы заговорили о власти.

— К вам благоволили высшие чины нашего государства. Например, Никита Хрущёв на одном из партийных съездов с воодушевлением процитировал вашу песенную строчку: «Здравствуй, земля целинная… Весну и молодость встречай свою!» «Кто написал-то?» — воскликнул он. «Женька Родыгин!» — донеслось из зала. После чего, хотя первоначально против вас выступал сам Тихон Хренников, Родыгина тут же приняли в Союз композиторов.

— Да, это было…

— Говорят, что и Борис Ельцин любил «Уральскую рябинушку». Наверняка вы видели наших властелинов с близкого расстояния. Какое впечатление они на вас произвели? Достоин их наш народ или недостоин?

— Властелин — это очень сложная ипостась. Каждый из них пашет до такой степени, что они умирают рано. Когда я вчера ехал сюда из Екатеринбурга на машине, передо мной шла вот эта дорога, которая с юга идёт на Серов. Не все знают, что этим трактом дирижировал Борис Николаевич в бытность его первым секретарём Свердловского обкома КПСС. Слева — скалы, справа — тоже скалы. Колоссальнейший труд! Целые горы надо было дробить и вытаскивать на грузовиках.

Не знаю, ответил я на ваш вопрос или нет, но я хотел бы, чтобы мой ответ прозвучал именно так…

— Тогда не считаете ли вы, что когда сегодня в Кремлёвском дворце исполняет «Мурку» Александр Розенбаум — это своего рода убийственная характеристика для нашего общества и власти?

— Я о Розенбауме даже не думаю. Доктор, который изображает из себя казака? Не смешите. <…>

— Однако нет ли чувства горечи оттого, что раньше, особенно в советскую эпоху, как композитор вы были востребованы больше, нежели во времена последующие?

— Мои мелодии звучат в пятнадцати странах мира! Я каждый месяц получаю «авторские». И так — на протяжении пятидесяти лет. О чём это говорит? О том, что песни мои востребованы. Вопреки всем розенбаумам на нынешнем «пещерном» телевидении.

«Птичья тема»

Победители литературного конкурса

Конкурс «Птичья тема» проводился в этом году впервые по инициативе арт-проекта «Ярманька №1» при поддержке журнала «Homo Legens», альманаха «Слова, слова, слова», портала «Термитник поэзии» и Союза охраны птиц России. В жюри конкурса — известные поэты, прозаики, редакторы: Юрий Коньков, Ирина Батакова, Михаил Квадратов, Лилия Газизова, Александр Павлов, Михаил Поторак, Татьяна Калугина, Татьяна Некрасова, Алёна Бабанская, Вячеслав Харченко, Оксана Шибанова, Юлия Сычёва, Юрий Погорельский, Чен Ким. Конкурс проводился в двух номинациях — «Поэзия» и «Прозаическая миниатюра». В конкурсе приняло участие более 60 авторов из разных городов России, Украины, Беларуси, Молдовы, Германии и Израиля.

Призёры

В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ»

1 место Микаэль Шерб *(Дортмунд, Германия)*
2 место Дина Крупская *(Москва)*
3 место Дарья Герасимова *(Москва)*

В НОМИНАЦИИ «ПРОЗАИЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА»

1 место Александр Сидоров *(Ростов-на-Дону)*
2 место Александр Вакулов *(Гомель, Беларусь)*
3 место Сергей Сулин *(Кишинёв, Молдова)*

ПРИЗ ЗРИТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ
присуждён Ольге Алёшиной *(Москва)*

Николай Блохин

Свет Ключёвки

Андрей Бахтинов ворвался в русскую поэзию и сгорел, как комета на небосклоне. Сгорел неожиданно. По трагической случайности в доме, в котором родились поэт, его два брата Михаил, Алексей и сестра Нина и где он жил один после смерти родителей, было газо-печное отопление. Андрея убил угарный газ. Его хоронили холодным февральским днём всем селом. Это случилось в 1993 году. Бахтинову шёл сорок седьмой год. И та трагедия не забывается вот уж почти двадцать лет… Потому что это была не рядовая смерть рядового человека. Потому что не стало поэта…

Его биография похожа на сотни биографий его односельчан. И в то же время не похожа. Она похожа на биографии поэтов. Родился Андрей Дмитриевич Бахтинов 6 сентября 1946 года в селе Труновском Труновского района Ставропольского края. Село известное. До его переименования в честь какого-то героя Гражданской войны село называлось Терновка. С незапамятных времён жизнь в селе всегда была чистой, как вода в родниках. Ключи бьют по руслу всей Терновки. Эти родники питают речку и души односельчан. Не каждому поэту везёт увидеть живьём, как начинается река, опустить ладони в её ключи… Робкий, но сильный родник Терновки бьёт из земли, пробивает себе дорогу и бежит на север, к Азовскому морю. И добегает! Сначала до речки Ташлы, а потом, слившись с её водами, впадёт в степной Егорлык. Воды Егорлыка примет Маныч, а потом сам Дон-батюшка. А там и до моря рукой подать… Своей родной Терновке и её родникам Андрей позднее посвятил несколько стихотворений. Среди них и это:

Твои, Россия, уголки
Страны Муравии чудесной,
Твои, Россия, родники
Поют серебряные песни.

Поют, и светлая печаль
Живой водой в сердца струится.
Поют, как хоры при свечах,
При чуть мерцающих зарницах…

Я столько переслушал их,
Что для меня и в зорях новых
Любовь-родник и боль-родник
От этих песен родниковых…
(«Родники России»)

Рядом с Терновкой лежит село с ещё более звучным названием — Ключёвское. В народе его величают Ключёвка. Вместе с Андреем ходили в школу ключёвские мальчишки и девчонки.

Удивительные по красоте дни выпадали для ребят весной и летом, осенью и зимой. Они вместе катались с зимней горки, вместе ходили по окрестностям, любовались лазоревой сказкой, слушали песню жаворонка, вдыхали полынный запах степи, пили воду из степных родников, а осенью провожали журавлей… А чаще Андрей оставался один наедине с природой, с окружающим его миром.

От его поэтического взгляда не ускользало, как клубятся вечерами туманы над землёй, как наливалось соком яблоко, поспевали хлеба, вырастали стога после покоса… Во всём, что сотворила природа, сотворили ум и руки людей, он видел поэзию. И сам оставался прежде всего поэтом. Он родился поэтом. И стал, как напишет он позднее, поэтом «абрикосового края»:

Задумчивые северные сосны,
Из простенького ситца небеса,
И я давно соскучился по солнцу,
Как мальчиком скучал по чудесам.

А где-то на окраине России,
Взращённые теплом родной земли,
Так молодо, так славно, так красиво
Сегодня абрикосы зацвели…
(«Абрикосовый цвет»)

Однажды (это было в шестьдесят седьмом), глядя на вечерний закат, Андрей запишет в блокноте: «День уходит походкой измученной…» А чуть позже, через тридцать лет, глядя на вечернюю зарю, Андрей напишет: «Двадцатый век в закат устало клонится…»

Ключёвка стала его музой, его вдохновением. Удивительно чистая по красоте поэзия Андрея Бахтинова — негромкая, может быть, неброская, читаемая с затаённой интонацией, сравнимая с исконно русской топонимикой тех мест, где поэт родился, — и сама стала родником. Её притягательность — прежде всего в чистоте чувств, в искренности, в отсутствии фальши…

Дорогой сердцу пейзаж он помнил и в далёкой от родных мест Сибири, когда стоял на берегу

Енисея или Ангары, любовался Дивногорском или восхищался привокзальной площадью Хабаровска…

Ночным дождём заботливо омытая,
За краткий миг до пробужденья дня,
В моей судьбе—ещё одно открытие,
Седая площадь встретила меня.

Шуршит троллейбус, тонким чутким усиком
С лучом звезды на миг сойдясь в тиши;
В холодноватом камне памятника—музыка
Прекрасной человеческой души.

Я восхожу под сине-предрассветные,
Пока совсем чужие небеса,
Но, кажется, вот-вот тугими ветрами
Они мои наполнят паруса.

Нет, не сбылись друзей-врагов пророчества,
Кому я век какой-то не такой,
Что мне, как всем, в конце концов захочется
Когда-нибудь с годами на покой.

Не погасил костров я в сердце пламенных,
Зуд беспокойства в землю не зарыт;
И как живой со мною, а не каменный,
Хабаров через площадь говорит.
(«Хабаровск. Привокзальная площадь»)

В его жизни были и Днепр, и Кама, и Ангара, и Амур, и Тихий океан… Но о Ключёвке, о родных местах Андрей помнил всегда, где бы ни был:

О тебе мне названивал
Дождик в дальних краях,
С родниковым названием
Деревушка моя.

По ночам под ракитами
У деревни чужой
Снились мне огоньки твои
За туманной межой.

И призывными кликами
В синезвёздной дали
О тебе мне курлыкали
По весне журавли…
(«Сказка моя родниковая»)

С таким чистым чуть ли не с рождения взглядом на окружающий мир поэт и прожил свою недолгую, в общем-то, жизнь. Добрая символика поэту видится во всём, что встретилось ему на его пути, на его дороге: пишет ли он о родной стороне, о снегах Сибири, о красноярском лете или когда его взгляд задерживается на Тихом океане…

Над океаном лёг туман…
А жизнь, брат,—тоже океан.
И чьи-то судьбы-корабли
Сегодня в гавань не пришли.

Под гордым флагом, как в бою,
Они в безмолвия краю
Нашли последний свой приют,
Сигнала «SOS» не подают.

А мы на пламя маяка
Ещё дошли издалека
Назло погоде и врагам
К заветным милым берегам.

Ещё с крылатых бригантин
С укором в небо мы глядим
И молимся не за себя,
Над не пришедшими скорбя.

Но не повинны небеса,
Что рвут тугие паруса
Одним—закатные года,
Другим—внезапная беда…

Я знаю, будет и со мной:
К желанной гавани родной
В какой-то час, в какой-то год
И мой кораблик не придёт…

Огня хлебну пусть и воды,
Не допустить бы лишь беды,
Чтоб все на свете корабли
Однажды в гавань не пришли.
(«Океан»)

Его отец Дмитрий Андреевич—ровесник Октябрьской революции 1917 года. Эту особенность в биографии отца поэта любили подчёркивать в советские времена. Старший Бахтинов—участник Великой Отечественной войны, вернулся с фронта инвалидом. Ранение было тяжёлым. Врач госпиталя, ампутировавший молодому солдату ногу, сказал: «Ничего, жить будешь. Если что-то не получится в жизни, то мечты твои воплотятся в твоих сыновьях». Возвратившись в село, Дмитрий Андреевич работал извозчиком. Мать поэта Марфа Михайловна образования не получила, работала в колхозе разнорабочей. Успевала и на работе, и дома. В доме пахло свежеиспечённым хлебом, украинским борщом, пампушками, пирогами, жареной картошкой, пельменями… Односельчане запомнили её добрый нрав и сердечность. Родители никогда не ссорились. В семье всегда было ладно. У всех были обязанности по дому, по хозяйству.

И где бы и кем Андрей Бахтинов ни был—трактористом в Труновском, комбайнёром в Шарыпово, сверловщиком в Днепропетровске, плотником в Игарке, бетонщиком в Дивногорске, бондарем в Дурмине или был простым путешественником на Енисее—он всегда оставался поэтом.

Захолустье, увы, захолустье…
Студит ветер таёжную глушь.
Утром кони склоняются грустно
К зеркалам затуманенных луж.

Облетевшей багряной листвою
Ветерки в закоулках шуршат;
Закатился на небо седьмое
Детским мячиком солнечный шар.

Низко стелются серые тучи
Над бревенчатым тихим жильём,
И дожди монотонно-тягуче
Долго плачут о чём-то своём.

Птицы к югу спешат обогреться—
К вечно добрым зелёным садам,
Да железные гулкие рельсы
Убегают к большим городам.
(«Осень в Дурмине»)

И где бы Бахтинов ни был, он с неизменным чувством возвращался в родной дом:

Есть одна заветная дорога,
Сколько б в мире ни было дорог,
Что уводит всё к тому порогу,
Где остался детства уголок…

Отчий дом… Смеёшься или плачешь,
Он, твой добрый друг,—не за горой.
Отчий дом—как много это значит!
Больше, чем мы думаем порой…
(«Отчий дом»)

Дети Бахтиновых были под стать родителям, любили и поддерживали друг друга. Сестра Нина рассказывала, что на музыкальных инструментах в семье никто не играл, а вот петь любили все, особенно старинные русские народные песни. У Андрея был красивый и сильный голос. Когда вечером Андрей шёл на гулянье, про него на улице говорили: «Вот наш соловей идёт». С песней Андрей не расставался всю жизнь. Такие и стихи у него—мелодичные, напевные. Не случайно многие из них, положенные на музыку местными самодеятельными композиторами, стали песнями.

Степь да степь… родимая сторонка.
По судьбе моей—твой дух полынный
От запевки звонкой жаворонка
До щемящей песни журавлиной…
(«Родина»)

Учился Андрей в местной семилетней школе. Окончил её в 1960 году с отличием. И сразу пошёл трудиться. А среднюю школу, как он сам написал в биографии, «окончил без отрыва от производства». После школы поступил в Новочеркасский геологоразведочный техникум. Но из-за болезни, а потом и ранней смерти отца учёбу в техникуме пришлось оставить. Дома оставались неграмотная мама и младшая сестрёнка. Андрей вернулся в село. Надо было помогать маме. Работал грузчиком, плотником, механизатором… И познавал жизнь.

Потом подался на Украину—работал сверловщиком на Днепропетровском заводе металлургического оборудования, в Набережные Челны—работал в управлении строительства «Камгэсэнергострой».

А потом был Красноярский край. Андрей прошёл его с механизаторами и строителями—от Шарыпово до Игарки. Убирал сибирский хлеб, работал в химлесхозе, на лесопильном участке, на бондарном заводе…

С каждого нового сибирского адреса Андрей посылал деньги маме, а в блокноте у него оставались лишь стихи: «Цвела черёмуха в Шарыпово», «Дивногорск», «Красноярск», «Красноярский вальс», «Встреча друзей в Красноярске», «Зимний вечер в Красноярске»…

Здравствуй,
мой самый желанный вокзал,
Самый красивый мой город!
Город, в котором доходит рассвет
Долго, скупыми шагами,
Словно он целую тысячу лет
Шёл голубыми снегами…
(«Красноярск»)

Какими ветрами Бахтинова и нескольких его друзей занесло в Шарыпово, один Бог ведает. Причём в этом небольшом сибирском городке он бывал как минимум дважды, убирал сибирский хлеб. Стихотворение «Цвела черёмуха в Шарыпово»—это воспоминание о молодости, о времени, которого не вернуть. Но всё такой же, как и много лет назад, остаётся природа и та картинка, которую поэт увидел в первый раз:

В антеннах ветер чуть поскрипывал,
Луна по лужицам плыла;
Цвела черёмуха в Шарыпово,
Ах, как черёмуха цвела!

По лёгким мостикам, по брёвнышкам,
По стёжке, вшитой в талый снег,
Туманной улицей черёмушной
Шагал влюблённый человек.

Шагал он гордо и стремительно,
В улыбке—весь душевный свет,
И улыбались ослепительно
Ему все звёздочки в ответ…

А вот теперь уже не молодо,
Устав от жизни кочевой,
Я прохожу Черненко-городом,
Не узнавая ничего.

Но хоть снегов немало выпало,
Хоть время вспять не повернёт,
Здесь, как тогда, как в том Шарыпово,
Опять черёмуха цветёт.
(«Цвела черёмуха в Шарыпово»)

Когда Бахтинов впервые увидел город энергетиков Дивногорск и самую большую в мире Красноярскую гидроэлектростанцию, то его поразили не масштабы стройки. В блокноте Андрей записал:

Идут в спецовках «короли…»,
Надменно, лихо кепки сдвинув,
Чьи руки пахнут, как мои,
Железом, пашнею и дымом;

Чьи скулы вновь опалены
До черноты свирепо-жаркой
Колючей яростью зимы
И отблеском электросварки;

Чьи губы лопаются в кровь
От злых ветров, от пота соли,
Кто простирает над костром
Ладонь озябшую в мозолях…
(«Идут в спецовках „короли“…»)

В Хабаровском крае Андрей Бахтинов прожил, если судить по записям в трудовой книжке, около трёх лет, с 1988 по 1991 год. Потом были Дальний Восток, Охотское море… Андрей добрался до самой дальней точки России — до Шикотана.

И улыбнётся хмурый капитан.
И за волной откроется красиво,
Как изумруд, зелёный Шикотан —
Окраинная капелька России.
(«На Тихом океане»)

Чем дальше Бахтинов забирался на восток от родных мест, тем больше в его блокноте оставалось стихов о далёком крае: «Хабаровск. Привокзальная площадь», «На берегу Амура», «Осень в Дурмине», «Скорый фирменный „Россия“», «Дальний Восток», «На Дальнем Востоке — весна», «На Тихом океане», «Пока судьбы грохочет поезд», «Океан», «Смерть меня подождёт», «Мой поезд», «Счастье разных дорог»… Однажды Андрей запишет:

Я жизнь люблю и сладкую, и с перцем,
Чтоб только бурной пенилась рекой.
А врач сказал: «У вас больное сердце», —
И прописал безоблачный покой.

С врачами спорить нынче мало толку,
В столице это иль в каком селе…
Что ж, я смогу спокойным быть, но только
Когда меня не будет на земле.
(«Я жизнь люблю…»)

Когда Андрея Дмитриевича не стало, то оказалось, что после него остался на земле след, как после той кометы на ночном небосклоне. В одно мгновение для односельчан, разбирающихся в поэзии и не разбирающихся в ней, он стал как свет далёкой звезды, как летящие в небе журавли… Бахтинов сам о себе писал: «А я родился с сердцем журавля». Односельчане стали понимать, что им не хватает их поэта, его выступлений на клубной сцене, его песен, его улыбки. В селе Труновском о нём так и говорили: «Наш поэт».

Андрей начал писать стихи рано, ещё в школе. Он щедро дарил школьным друзьям то, что писал. Уже тогда по рукам одноклассников, как среди лицеистов времён Пушкина, ходили листки в клеточку из школьной тетради с написанными Андреем стихами. Андрей щедро дарил то, что писал. И практически не заботился о том, чтобы сохранить написанное. Написал — и забыл. Так, до сих пор не найдено его стихотворение о Гагарине, хотя помнят: «Да, было, Андрей писал о первом космонавте Земли». И где-то внутри в тебе затаённая мысль: «А вдруг оно сродни великой песне: „Знаете, каким он парнем был…“?» Листаю газеты за 1961-й, 1962-й, 1963-й… Время первых полётов в космос, когда мы знали всех космонавтов по именам, и кто за кем летал, и когда, и их позывные… Да, стихи о космонавтах газеты печатали, но стихотворения Бахтинова среди них нет. Скорее всего, написал, подарил и забыл о нём…

Как оказалось, к своим взрослым сорока семи годам Андрей Дмитриевич Бахтинов создал более трёхсот стихотворений. Библиографию им он не вёл. Сегодня односельчанам известно двести пятьдесят семь его стихотворений в разных вариантах. Это сейчас. А тогда, когда Андрея не стало, односельчане, знакомые с авторским правом или только слышавшие о нём, всё чаще задавали друг другу вопросы: «А как же стихи Бахтинова? Пропадут?»

О судьбе своих стихов Андрей особо не заботился. Печатали его мало. У редакторов тех газет, в редакции которых Андрей посылал стихи, голова болела совсем о другом — о соревновании, о выполнении планов… Им было не до стихов какого-то дарования из Терновки, то бишь из Труновского. Да и Андрей особо не ходил по редакциям, чтобы узнать о судьбе своих стихов. Поэтому большинство из того, что написал Андрей, осталось в списках, альбомах, тетрадях, блокнотах, самодельных книжках друзей, знакомых. Но кое-что печатали. В районной газете «Заря коммунизма» того времени изредка выходила «Литературная страница», где печатали стихи местных авторов.

В своей творческой биографии Андрей Дмитриевич написал, что его первая публикация была в газете «Заря коммунизма» в 1964 году. Перелистав все номера этой газеты, сохранившейся в фондах Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова, я, к сожалению, не обнаружил стихов Андрея Бахтинова ни в 1964-м, ни в 1965-м…

Зато в выпусках газеты «Заря коммунизма» за 1966, 1967, 1968 годы кое-что из творчества Андрея Бахтинова тех лет напечатано.

В 1966-м — «Белые розы» («Тёплыми дождями напоённые…»), «Весенние ливни» («Тревожат, шагая…»), «Письмо другу» («Привет тебе, товарищ, мой далёкий…»), «Родина» («В чистом пруду отражается…»), «Светлана» («Голубой косынкой туман…»), «Тебя я встречу всё равно» («По палубе ветер гуляет упругий…»), «Удивительный день» («Тротуар — заколдованный круг…»).

В 1967-м — «Весёлый дождь» («В разрывах туч лазурь небес мелькает…»), «Вечерний пейзаж» («День уходит походкой измученной…»), «Истоки» («Начинается утро светом…»), «На рассвете» («Костёр догорал. Догорала звезда…»), «О любви» («В безветренный день к земле провода…»), «Раздумье» («Змеится тропа во ржи…»).

В 1968-м — «А ты ждала» («Весна цвела…»), «Буревестник» («Не ветер в то утро носился игриво…»), «В горах» («Не близок тот край…»), «Верю в грядущее» («Я верю в это время…»), «Горит закат над гладью озерца…», «Жил мальчишка в селе…», «Зовут, зовут дороги» («Когда зеленеет трава…»), «Исповедь» («Чего бы я хотел для себя…»), «На вокзале» («Не успел…»), «На Украине» («Пахнет пашнями, дымом горьким…»), «Нам с родиной нашей вовек не расстаться…», «Реет вечер над дорогами…», «Северный Кавказ» («В чужих краях тоска вам душу гложет…»), «Нежность» («В русских душах, в дороге порой огрубелых…»), «Юность моя» («Шёл солдат дорогою степною…»), «Я читаю тебе стихи» («Душный вечер. На тёплых крышах…»).

Но односельчане вряд ли знали в те годы, что автором перечисленных выше стихотворений является их земляк Андрей Бахтинов. Возможно, знал об этом узкий круг окружавших Бахтинова людей. Все опубликованные им в «Заре коммунизма» стихи подписаны псевдонимом Д. Коршун, Дмитрий Коршун. С Дмитрием понятно. Это имя отца. А вот откуда взялся Коршун? И почему? Любимая птица Андрея — журавль.

Все ранние стихи Андрея Бахтинова остались без внимания составителей сборника «Журавлиное сердце». Исключение сделано лишь для стихотворения «Сибирь, Сибирь…» («Заснеженные ели…»). В сборнике «Сказка моя родниковая» нет ни одного раннего стихотворения поэта.

О ранней поэзии Бахтинова говорили и говорят, что она подражательна, что у автора ещё нет собственного голоса. Насколько верно это утверждение, не знаю. Поэтому я просто перечитал всё, что Андрей Дмитриевич написал в юности. И могу смело утверждать, что его стихи украсили бы любой поэтический сборник, что своим творчеством Бахтинов продолжает лучшие традиции русской поэзии — поэзии Есенина, Рубцова…

Хранителем творческого наследия поэта стала сельская библиотека. Она — за парком, рядом со школой, в которой учился поэт. В эту библиотеку ходили Андрей Бахтинов и его сверстники. Новое поколение школьников ходит в ту же библиотеку, но с 2008 года она теперь уже его имени. В центре читального зала, на видном месте, портрет Бахтинова кисти художника Фёдора Николаевича Долженко. В библиотеке села Терновского собран материал о земляке. В папках с завязками — газетные вырезки с опубликованными стихами Бахтинова, статьи о нём и его творчестве. Публикует их в основном районная газета «Нива».

Стихи Бахтинова нашли приют на страницах альманаха «Литературное Ставрополье», в журналах «Южная звезда», «Сельское Ставрополье», в газете «Ставропольская правда»… Однажды подборку стихов Бахтинова напечатала «Сельская жизнь». Редакция главной сельской газеты страны, напечатав стихи «Память», «Борозда», «Накануне», от души пожелала их автору «хорошего хлеба и высокого слова».

Из двухсот пятидесяти семи стихотворений, собранных сегодня земляками, как установлено библиографами и уточнено мною, большинство напечатано в ставропольских изданиях: двадцать девять — в газете «Заря коммунизма» (город Изобильный), десять — в альманахе «Литературное Ставрополье», два — в его предшественнике альманахе «Ставрополье», четыре — в «Молодом ленинце» (Ставрополь)… Больше всего — девяносто стихотворений — опубликовано в газете «Нива» (село Донское Труновского района Ставропольского края). Остальные впервые увидели свет в двух его поэтических сборниках, вышедших в 2006 и 2011 годах.

Три его стихотворения я нашёл в «Сельской жизни». Два стихотворения Андрей Бахтинов напечатал в газете «Серп и молот» (город Шарыпово Красноярского края). Их обнаружили библиотекари Красноярска. По моей просьбе поисками творческого наследия Андрея Бахтинова занимались библиотекари и краеведы Днепропетровска, Набережных Челнов, Красноярска, Шарыпово, Игарки, Иркутска, Хабаровска, Дурмина, Владивостока…

За двадцать лет после гибели Андрея ни одно солидное российское издательство не обратило внимания на то, что сделали односельчане для сохранения памяти о своём земляке. К счастью, стихи Бахтинова переросли районный и краевой масштаб.

В районном музее села Донского, музее села Труновского есть уголок с материалами о поэте-земляке.

Их собирали бывший директор музея Фёдор Николаевич Долженко, бывший главный редактор газеты «Нива» Николай Николаевич Гвоздев, преподаватель Труновской средней школы Тамара Рандольфовна Трофимова, местная поэтесса Татьяна Николаевна Худоконенко, библиотекари

Труновской сельской библиотеки имени А. Д. Бахтинова Мария Ивановна Подольская, Ирина Алексеевна Романова, Юлия Сергеевна Вакуева, сестра поэта Нина Дмитриевна Кофанова (Бахтинова), их добровольные помощники. Продолжает работу по сохранению творческого наследия поэта А. Бахтинова библиотекарь Надежда Викторовна Позднякова.

Первая выставка о Бахтинове поразила односельчан тем, что они так мало знали о своём поэте и о его творчестве. Так началось новое познание его поэзии. Осенью 2011 года на родину поэта приехали актёры Ставропольского академического драматического театра имени М. Ю. Лермонтова и представили литературно-музыкальную композицию на стихи Андрея Бахтинова. Восторг неописуемый! Чтение актёрами стихов поэта-земляка было потрясением даже для тех, кто хорошо знал его поэзию.

Я побывал в Труновском и Ключёвском морозным февральским днём. И подивился, сколько примет этих сёл вошло в стихи Бахтинова. Вон холм, с которого он увидел всю Россию и воскликнул: «О Родина! Отцов моих земля!» А вот «маленькая речка Тугулук», она «по-прежнему течёт неторопливо». И вдруг почувствовал, как, вернувшись на родину из далёкой Сибири, Андрей увидел другую Ключёвку, «как опустело и прежде невеликое село».

Стихотворение про Ключёвку в селе знает едва ли не каждый школьник. Тут всё—и исповедь, и сыновний поклон:

Неужто же однажды ночью вьюжной
В окне не вспыхнет ни в едином свет?
Неужто было прошлое ненужным?
Выходит, что и будущего нет?..

Нет, не по мне конец такой печальный!
Я заклинаю, боли не тая:
Пожалуйста, прошу, ты не кончайся,
О сказка родниковая моя!
(«Ключёвка»)

Стихи Бахтинова читают на утренниках воспитанники местного детсада. Вопрос «Творчество нашего земляка А. Д. Бахтинова» включён в экзаменационные билеты по литературе для девятых и одиннадцатых классов трёх школ села Труновского.

Вглядываясь в судьбу своего народа, однажды Бахтинов запишет в блокноте:

Пусть толкут без меня
По Москве горделиво-спесивой
Митинговую пыль
Чьи-то нервные пары штиблет.
Всё ж большая Москва—
Слава Богу, ещё не Россия,
И не в звёздах Кремля—
Самый чистый и праведный свет.
(«Вечный свет»)

В стихотворении всего шесть восьмистиший. Но за ними судьбы миллионов, что «веками хранит деревенская горькая Русь».

Бахтинов пробивался к читателю трудно и долго. Первый сборник его стихов, «Журавлиное сердце», вышел в 2006 году, через тринадцать лет после его смерти. Его издали на народные деньги. Сдавали деньги кто сколько мог. Второй, «Сказка моя родниковая», издан в 2011-м. И оба сборника вышли благодаря стойкости и мужеству тех, кто почти двадцать лет защищал память о поэте. Смерть Бахтинова была тяжелейшим испытанием для тех, кто знал Андрея, кто слушал его песни, кто читал его стихи… Поэт ушёл на взлёте, с неосуществлённой мечтой. А мечтал он о сборнике стихов. Это он придумал ему название «Журавлиное сердце». В «Сказке моей родниковой» опубликован цикл стихов под названием «Журавлиная верность». Среди них стихи «Дорогие мои журавли», «Любовь журавлиная», «Когда курлычут журавли», «Журавли».

И опять, долго век не смежая,
Я смотрю на верхи тополей,
Будто в осень всю жизнь провожаю
Говорящих во мне журавлей…
(«Журавли»)

Небольшая группа энтузиастов из Труновского (мне всё время хочется написать историческое название села—из Терновки), Ключёвского и Донского бережёт поэзию Андрея Бахтинова. И пока она бережёт, есть надежда, что о Бахтинове услышит вся Россия. Так хочется в это верить. В 2011 году издательство «АГРУС» Ставропольского государственного университета и его ректор Владимир Иванович Трухачёв издали по всем правилам книгоиздательской практики полноценный сборник стихов Андрея Бахтинова «Сказка моя родниковая», уже получивший признание не только среди почитателей творчества поэта. Тираж небольшой: триста пятьдесят экземпляров. В его создании принимали участие Ставропольский литературный центр, Ставропольское отделение Литературного фонда России, Ставропольское отделение Союза писателей России. Первый шаг в сохранении творческого наследия поэта сделан. Это главный итог восемнадцатилетней работы. Обращаясь к землякам, Бахтинов писал:

Пусть я не был большим поэтом,
Но, моих не читавши строк,
Лжёт молва, что сгорал без света,
Что согреть никого не смог.

Пусть был путь каменист и труден
И опасен в крутой момент,
Я любил вас до боли, люди,
Ничего не прося взамен.

Было что-то во мне от неба —
От высокой его судьбы,
Пусть я славным поэтом не был,
Но поэтом я всё же был!

Проклинаемый яро, злобно
Не умеющими летать,
Я тянулся к далёким звёздам,
Чтоб их свет вам из рук отдать…

И за страстную жажду эту
Высоты до последних дней
Наградите меня… посмертно
Доброй памятью обо мне.
(«Высота»)

Перечитывая стихи Бахтинова, статьи о его творчестве, беседуя с односельчанами, знавшими Андрея Дмитриевича, много размышлял над тем, в чём состоит феномен его поэзии, но точного ответа так и не нашёл.

Побывав на родине поэта солнечным и морозным февральским днём, понял, что односельчан Андрея Бахтинова можно лишить работы, годами не платить им зарплату, обложить их непомерными налогами, дать им маленькую пенсию… Но у этих людей невозможно отнять талант! Свет поэзии Андрея Бахтинова, несмотря на сложную жизнь в современной деревне России, всё равно им светит.

За всю историю сёл Терновки и Ключёвского эта земля впервые дала России поэта такого масштаба! Как Михайловское — Пушкина, как Константиновское — Есенина, как Никольское — Рубцова!

А Терновка с Ключёвским — Бахтинова!

«ПТИЧЬЯ ТЕМА»

Победители литературного конкурса

Дина Крупская

Птицы вольные

Орлёнок

1.

Сильный орёл в вышине парит,
Крылья раскинув дугой.
Сын из гнезда на него глядит
С гордостью и тоской:
«Вот это я понимаю — вид.
А я-то в кого такой?»

2.

Крылья растопырил
Изо всех силёнок.
Он ещё подросток,
Всклоченный орлёнок.
Но нацелен в небо
Гордый взгляд орла.
Скоро нас накроет
Тень его крыла.

3.

Орлёнок зевнул на вершине,
Взирая на мир с высоты.
Туманно и тихо в долине,
Потрёпаны ливнем цветы.
Но в облачной лёгкой перине —
Просветы. И льётся тепло.
А воздух — душистый и синий.
И он расправляет крыло…

Две утки

Утка домашняя — важная птица.
Утка домашняя домом гордится,
Доброй хозяйкой, сытной кормёжкой,
Полным корытом и чистой дорожкой.
Дикая утка — вольная птица —
Неугомонно в небо стремится:
Летом на север, зимою на юг,
Землю за год облетая вокруг.
И с поднебесья, где воздух искрится,
Вниз она смотрит и думает в шутку:
«Птица домашняя — это не птица,
Утка домашняя — это не утка».

Воробей

Я птица невысокого полёта.
Я серенький московский воробей.
Над жёлтым зноем выжженных степей
Мне не парить. Да ладно уж, чего там,
Нет океана — в луже искупнусь.
Вот жук-рогач железным бьёт копытом.
В такой денёк нелепо быть убитым.
Нет, я не трус. Но я посторонюсь.
Орлу — орловье: горы и ветра.
А мне застреха. Я не претендую.
Найду жену — хорошую, простую —
И буду ей чирикать до утра.

Людмила Самотик

Имя героя в исторической прозе А. И. Чмыхало

В 1999 году, к 75-летию Анатолия Ивановича, я издала «Словарь исторической прозы А. И. Чмыхало», а в 2005-м — словарь «Литературный ономастикон (на материале дилогии А. И. Чмыхало)». Известный профессор МГУ Ю. В. Рождественский писал: «Лексика художественной литературы XX века требует серьёзного комментирования, так как в тексте этого бурного века многое ушло безвозвратно. Создание толково-энциклопедических словарей, объясняющих литературное творчество, поставит общество в относительно независимое положение от быстрой смены исторических концепций».

Словари для писателя имеют особое значение, много значат они и для исследователя. Лексикографический метод применительно к художественному тексту позволяет не иллюстрировать некоторые положения отдельными примерами, а взглянуть в целом на текст.

Дилогия «Дикая кровь» и «Опальная земля» посвящена периоду становления Красноярского острога и закрепления русских в центральной части Приенисейской Сибири. Герои — казаки Красноярского острога и «инородцы». Автор так собирательно называет всех нерусских персонажей. Само слово «инородец» зарегистрировано в письменных памятниках с XI–XIII веков со значением «единственно рождённый, единственный», к XVII веку приобретает значение «о нерусских, об иностранцах в русском государстве». Слово *иноземец* более позднее — с 1577 года, *иностранец* с XII века обозначало иноверца, а с XV века — жителя чужой страны. В современных толковых словарях литературного языка *инородец* обозначает «официальное название в дореволюционной России для представителей нерусской народности, обычно восточной окраины Российской империи».

Сейчас мы поговорим об антропонимах — личных именах героев дилогии.

Общее их количество велико — 372, героев — 293. Разница в цифрах вызвана наличием в текстах вариантов личного имени человека. Объём произведений не так велик: «Дикая кровь» — 352 с.; «Опальная земля» во второй, сибирской, части — 247 с., всего 599 с., то есть на каждую страницу текста их приходится 1,6 (только новых имён без учёта их повторяемости). Такое количество антропонимов создаёт впечатление большого эпического полотна. Использование автором поэтических антропонимов показывает его писательское мастерство.

Имена практически не повторяются, исключения — *Иван* (Иван Брюховецкий, Иван Дзиковский и Ивашко Арканов могут быть названы только именем) и *Мерген*, употребляющееся для обозначения Мерген-тайши и как прозвище начального князя киргизов Ишея. *Константинко* используется по отношению к сыну воеводы Герасима Никитина в «Дикой крови» и сыну атамана Родиона Кольцова в «Опальной земле». Иногда, казалось бы, одно имя имеет разную огласовку в тексте. Так, младшего сына Ивашки зовут *Степанка*, а имя боярского сына Коловского — *Степанко*. Однажды Харга-Варвара называет своего сына не *Степанкой*, а *Стенькой*, но, очевидно, чтобы не совпасть со Степаном Разиным, который в романе именуется как *Стенька*, ребёнка называют *Стенько*: *что тебе Стенько, то и мне твоя тётка Ойла*.

Общее количество действующих лиц в дилогии составляет около 300 человек. Автор искусно вплетает их в разные стороны сюжета, в тексте практически нет накладок, за исключением одного случая: в «Дикой крови» на странице 123 Артюшко Шелунин повествует о своём брате Жданке, с которым они пришли в Сибирь в поисках убийцы отца и который умер, не вынеся лишений: *За ним мы и потянулись с братом Жданкой. Однако не вынес Жданко лютого холода и голода, по пути приказал долго жить*. А дальше мы вдруг узнаём, что Артюшко Шелунин вместе со своим братом живёт в Бугачевской деревне: *Давно не виделись, с той самой поры, как Артюшко из города перебрался в Бугачевскую деревню, где срубили избушку на двоих с братом и посеяли хлеб* (с. 258).

Но самое интересное не в том, что автор не путается в своих героях, а что и читатель не задаётся вопросом: а это кто ещё такой?

Большое количество антропонимов связано с тем, что в дилогии поименованы не только главные герои, но и фоновые персонажи, не принимающие участия в перипетиях сюжета. Такой приём служит приданию достоверности повествования. Часть имён употребляется в тексте вообще один раз: *Алексей, божий человек; Андрей Бунаков, Семейко*

Яковлев, Бориско Ульянов, Михайло Семёнов, Бучай и Точак, Дрока Стахеев, Евдокия, Зиновий Богдан, воевода Иван Лаврентьевич Салтыков, император Консю и т. д.

Герои делятся на главных, участвующих в сюжете, и эпизодических. Эпизодические повторяются в текстах и имеют свою, чаще одну, отличительную черту. Так, осторожный воротник *Оверко Щербак* любопытен, *братья Потылицины* драчливы, *Бошохту-хан* воинственен и т. д. Это герои-маски.

Главные герои стоят в центре двух основных мотивов дилогии: военного противостояния и, как водится в романах, любовного. Неординарность текстов состоит в том, что эти герои не совпадают. Воинственная линия поддерживается рядом действующих лиц, но в разных её концах стоят *начальный князь* киргизов *Иренек* и *атаман* казаков *Родион Кольцов*. Два любовных треугольника составляют герои первого плана *Ивашка Айканов* и сёстры *Ойла* и *Харга*, герои второго плана—*Куземко* и *Феклуша* с *Санкай*. При этом Ивашка в остроге толмач, не казак, а Куземку верстают в казаки из гулящих только в конце повествования. Знаменательно, что герои любовного мотива—вымышленные, прототипами же героев, стоящих на линии противостояния, являются подлинные исторические личности.

Действие в любовных треугольниках развивается не по канону. Движущими силами выступают не «страсти», и в первую очередь ревность (ревности как таковой нет: Харга сама устраивает свидание Ивашки с Ойлой, зная об их любви; Феклуша, в которой ревность шевельнулась было, затем просто полна изумления: ведь она инородка!), не развитие чувств, а внешние события. Нетрадиционно и отношение к детям от неверных жён. Так, кровавый Шанда воспитывает единственного сына Ойлы Таганая как своего наследника, зная, что его отец—Ивашка. Для сравнения: в романе М. И. Ошарова «Последний аргиш» родовой старейшина любуется сыном: *Сутулый, низкий, толстоногий Рауль смотрел на вытертые стружками пунцовые холки сына Кордона и любовно пощёлкивал языком: «…У-у, бел-локожий люча*[1]». Такой подход автора можно оценивать по-разному, но, очевидно, возможна его квалификация как показ особого мышления людей при характерном для народа институте многожёнства. О чувствах героев дилогии мы знаем мало, мы часто даже не знаем, о чём они думают (в тексте почти нет внутренних монологов, не собственно прямой речи и т. д.). В основном герои говорят и действуют—повествование в целом напоминает театр, такова и расстановка действующих лиц. М. Веллер в книге (романе-инструкции) «Слово и судьба», когда говорит о современном театре, замечает: «Фигура режиссёра вылезает на авансцену. И режиссёр делается главным». Читатели произведений А. И. Чмыхало каждый «сам себе режиссёр». Хорошо это или плохо? Как кому…

Один из основных планов произведения—показ противостояния русской и автохтонной линий в Сибири. Это противостояние имеет несколько аспектов: военное, этническое, культурное,—а также его экономическую основу. Показан сложный процесс культурного сближения.

Русских и инородческих героев в дилогии приблизительно равное число: в «Дикой крови»—соответственно 92 и 88, в «Опальной земле» русских—65, инородческих—48. Имён русских в «Дикой крови»—133, инородческих—95, в «Опальной земле» русских—89, инородческих—55. Автор мастерски использует всё богатство личных имён для подчёркивания остроты противостояния русских и автохтонов, тяжёлого положения казаков.

Естественен вопрос о достоверности антропонимов дилогии.

Инородческие имена представлены киргизскими (алтырскими, алтысарскими, езерскими и тубинскими), качинскими, монгольскими, маньчжурскими (джунгарскими) и другими именами (*Абакай, княгиня Абакай; Абалак; Айдыр, длиннокосый шаман Айдыр, шаман Айдыр; Айкан, Айкан Ишеев, Юрукта; Алтын, Алтын-хан, Алтын-царь, Золотой царь; Арыкпай, Арыкпай Тюленев; Атаях; Бабук, князец Бабук, Бабук Татушев; Байту, Байту-зайсани* и т. д.). В наши дни многих из этих народов не существует (см. статьи *аринцы, арины, енисейские кыргызы, хакасы, качинцы* в «Енисейском энциклопедическом словаре», 1998). Но какой же язык в большей степени является наследником старой сибирской языковой культуры? Киргизы (*кыргызы* в другом графическом варианте, более распространённом в исторической литературе: вероятно, таким образом, с одной стороны, пытающейся их отграничить от современных «тянь-шанских» киргизов, с другой—идущей за источниками, так как заднеязычные *к* и *х* в древнерусский период до XII–XIII веков были только твёрдыми) населяли юг Сибири с начала нашей эры по 1703 год, когда они по неизвестной нам причине в большинстве откочевали в Джунгарию, где не смогли сохраниться как самостоятельный этнос и растворились среди монголов и маньчжуров. Эта трагическая, загадочная страница истории многочисленного народа волнует нас до сих пор, в дилогии рассказывается о предшествующих событиях. Впоследствии, на основе слияния качинцев, аринов (род ара) и остатков родов киргизов, сложилась народность хакасы (есть и другая точка зрения). Поэтому именно хакасский язык должен быть ближе других инородческому языковому пласту в дилогии. Однако антропонимы во многом носят, очевидно, вымышленный характер.

1. Русский.

Так, в словаре В. Я. Бутанаева «Хакасские личные имена» (1996) отмечены из них только 8.

Словарь В. Я. Бутанаева «составлен на основе данных ревизских сказок по хакасским родам за 1858 год», хотя отсутствие их в словаре ни о чём не говорит, так как «у хакасов бытовала своя система личных имён, количество которых превышало несколько тысяч. Многочисленность их объясняется тем, что, во-первых, младенца не называли по имени умерших, и, во-вторых, любое слово могло стать антропонимом».

Интересно, что этот факт бытования личного имени обыгрывается в романе «Дикая кровь». Ивашко, один из главных героев произведения, киргиз, не знающий своих родичей и приехавший на Красный Яр из Москвы, приглашён на охоту киргизскими князцами, среди которых одного, незнакомого ему ранее, зовут Юруктой. После отъезда князца выясняется, что это его отец — Айкан Ишеев. Герой спрашивает: *Но почему вы зовёте отца Юруктой? — А он и есть юрукта — сборщик ясака.*

Некоторые из антропонимов, используемых в произведениях, явно более позднего, нежели время действия, происхождения: так, *Ойла* — это хакасский вариант русского имени *Ольга*, *Тойна* — вариант имени *Тоня* (по другим источникам — *Дуня*), — однако русские имена вошли в хакасский язык только после крещения хакасов: «Процесс насильственной христианизации населения Хакасии начался… в середине XVIII в.» (Бутанаев).

Некоторые киргизские князья в романе имеют фамилию (*Ивашка Айканов, Айкан Ишеев, Шанда Сенчикеев* и др.), хотя процесс появления фамилий относят обычно к более позднему времени: «Со второй половины XVIII в., в связи с учётом ясачного сбора, среди хакасов были введены фамилии. Они произошли от имён глав семейств, имевших самостоятельное хозяйство» (Бутанаев). Все «фамилии» являются трансформацией имени отцов князей (Ивашка — сын Айкана, Айкан — сын Ишея, Шанда — сын Сенчикеея и т. д.). В этом видится прямая аналогия по форме с архаическими отчествами (патронимами) в романе: *Родион Иванов, Константин Родионов, Василь Игнатов* («Опальная земля»). Фамилии же русских воевод, атаманов, князей, боярских детей и даже некоторых простых казаков не мотивированы именами отцов: *воевода Данила Григорьевич Загряжский, атаман Дементий Андронович Злобин, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, боярский сын Степанко Коловский, казак Тимошко Лалетин* и др. В этом отношении двойственно имя одного из главных героев «Дикой крови» — Ивашки, как и его положение — киргиза по рождению, воспитанного русскими казаками: с одной стороны, он именуется как *Ивашка Айканов* (сын Айкана), с другой — его называют *Иван Архипыч* — отчество по имени приёмного русского отца воеводы Архипа Акинфова.

Имена русских казаков, по словам А. И. Чмыхало, также подлинные — заимствованы из ревизских сказок. Однако, как и имена инородцев, они относятся к более позднему периоду.

В художественных текстах мы можем говорить о достоверности исторической и художественной. Имена действующих лиц дилогии, несомненно, обладают художественной подлинностью.

В анализируемых текстах используются и имена исторических лиц. Из ряда представленных в исторической литературе вариантов автор выбирает одно, обычно приближенное к читателю, не архаизует антропонимы.

Так, писатель выбирает имя *Иренек*, а не *Ireняк* (более употребительное историками), также русифицированный вариант *Еренячко, Ишей, Номча, Гомбо Эрдени, Лопсан, Данжин* и др. Надо признать, что как произношение, так и написание этих имён в русской традиции не устоялось. Даже имя Чингисхана имеет графические варианты: *Чингиз-хан, Чингис-хан, Чингизхан; Чингиз и Чингис*, — все эти варианты даются А. И. Чмыхало, что, с нашей точки зрения, является результатом недосмотра литературного редактора и корректора.

Интересно используется писателем пара именований: *Алтын-хан* как династическое имя правителей северо-монгольского (Халхасского) княжества, находившегося в верховьях Енисея с конца XVI века до середины XVII века (многие считают, что именно это государство было прообразом Хакасии), и *Белый царь*, обозначающее русского царя Алексея Михайловича. Оба антропонима вошли в хакасский национальный фольклор, но первый используется в тексте через транскрипцию, второй — в виде *Ах хан*, калькой (поморфемным переводом) с которого и является именование *Белый царь*.

Некоторые подлинные имена русско-украинских исторических лиц в системе художественного произведения звучат как говорящие. Например, *Многогрешный* (Василий) — украинский полковник, забивший до смерти свою любимую жену, выступивший со своим братом — гетманом Демко — против Москвы и глубоко раскаявшийся.

Очевидна и динамика личных имён в дилогии.

Действие продолжается длительное время, герои взрослеют, стареют, меняют свой официальный статус. Движение образа отражено в антропонимах. Так, главная героиня в начале повествования именуется *Феклушенька*, затем *Феклуша, Фёкла, Фёкла Коловская, Феклушка Степанкина* и в конце повествования — *тётя (тётка) Фёкла; Родька, Родион, Родион Кольцов, атаман Кольцов, Родион Иванович, Родион Иваныч, Родионко (Родионка) Кольцов, Родивон, Родион Иванов, Родион Иванович Кольцов.*

В именах отражается процесс их русификации при использовании в русской языковой среде: *Иженей—Иженейка, Ишей—Ишейко, Ойлан—Иланка, Иренек—Еренячко; Харга—Варвара, Санкай—Глафирия*. Последние два варианта связаны с крещением инородцев и принятием ими параллельно с уже имеющимся христианского имени. Надо отметить, что Харгу неоднократно после крещения называют Варварой, Санкай же только один раз названа Глафирией. Варьируются имена в дилогии и в зависимости от изменения роли персонажа: так, например, сын Куземки и Санкай в Красноярском остроге зовётся *Илейка* (Илья), в улусе он именуется уже как *Илке* или *Илке-нойон*.

Таким образом, и эти варианты имён используются автором для создания образа. Русифицируется по ходу повествования и имя брата украинского гетмана Василя Многогрешного: *Василь Гнатович, Василь Игнатович, Василь Игнатьевич, Василь Игнатов, Василий Игнатьевич*.

Очевидна стилистическая выразительность собственного имени в дилогии.

В женских инородческих именах писателем задействованы фоностилистические средства русского языка. Так, сёстры-качинки названы *Ойлой* и *Харгой*, одна из сестёр любимая, другая—нелюбимая. Русскому читателю не нужно рассказывать, какая кто, достаточно услышать их имена. Интересно, что портрета Харги нигде не приводится, вообще о ней ничего особого не говорится («ухватиста» в работе), но она показана на фоне женственной, очаровательной *Ойлы*. Как выглядит по сравнению с ней *Харга*, нам понятно по её имени (после крещения она приняла имя *Варвара*, тоже хорошо!).

Распространённые варианты русского имени—имя с фамилией и одно имя. Но у именитых жителей острога это полное имя, у простых казаков, посадских, гулящих людей и т. п.—героев низших сословий—с суффиксом «к»: *Алексей Сумароков, Сумароков; Андрей Дубенской (Дубенский), Ондрей Дубенской, Дубенской; Оверко Щербак—Оверко, Тимошко Лалетин—Тимошко, Ульянко Потылицын—Ульянко, Якунко Торгашин—Якунко*. Эти варианты относятся не только к фоновым персонажам, но и к центральным героям повествования. Исключение, пожалуй, только одно: *Степанко Коловский—Степанко*—именование боярского сына. Таким образом, эти варианты имеют стилистическое различие, характеризуя героя по социальному статусу. Когда приводится вариант имени с суффиксом «к» по отношению к «именитым» людям, создаётся эффект пренебрежения, в этих случаях характеризуется говорящий, маркируется его личностное отношение: например, *Феклушка Степанкина* (в речи Константинки Никитина), *атаман Родионко* (в речи Артюшки Шелунина), *(целовальник) Харька* (в речи Верещаги), *Васька Многогрешный* (в речи Загряжского). Этот же стилистический эффект приобретают русские личные имена в устах инородцев: *поп Митька* (в речи Курты и Санкай), *воевода Данилка* (в речи Шанды), *(атаман) Родионко* (в речи Бабука и Мунгата).

Такие же имена, обозначая детей, имеют уменьшительно-ласкательное созначение: *Степанка, Ермилка, Бронко, Митяйка, Илейка*. Особое имя как детское употреблено Верещагой по отношению к атаману Родиону Кольцову—*Родька* и т. д. Есть в романе и другие деминутивные имена с положительной (ласкательной) окрашенностью: *Феклуша, Феклушенька, Степанушко*. Следует отметить использование автором в эпизоде разгрома *Канского острожка кровавым Шандой* официального именования маленького острога для создания сильного подтекста («зарезали ребёночка»).

В общей стилистической тональности исторического романа диалектизмы, просторечия также служат созданию исторического колорита. Примеры диалектных вариантов личного имени: *Родивон* (Родион) (звук [в] в интервокальном положении), *Олферий (Алферий), Ондрей* или *Ондрюшко* (от *Андрей* и *Андрюшко*), *Вахрушко* (от *Варфоломей*) передают оканье. Есть также особые диалектные формы личных имён: *Ивашко* (от *Иван*), *Илейка* (от *Илья*), *Стенька (Степан), Харя (Харитон)* и др. Просторечные варианты имён: *Андронович* (использование в качестве именования одного отчества), *Михайл Иванычу, Василь Игнатович* и др.

Два имени имеют переносное значение—они используются как боевой клич: *«Номча!»—кто-то выкрикнул боевой клич киргизов. «Ишей!»—гулко понеслось по зацветающей долине Нени и Уйбата*.

Ср.: у Г. Сенкевича в «Крестоносцах» при описании борьбы поляков с орденом приводятся также боевые кличи: *«Грады! Грады!»—понёсся во весь опор на крестоносцев* и т. д. *Но никто не пал ещё из прославленных польских рыцарей; выкрикивая имена своих патронов или родовые кличи, они шли вперёд в шуме и смятении…*

Большое значение имеет околоономастическая лексика (нарицательные имена, закреплённые за каким-либо именем собственным) в дилогии.

Постоянные приложения (постоянные эпитеты) характерны как для русского, так и для хакасского фольклора. Имена фольклорных хакасских героев, как правило, двух-трёхсловные. Богатыри носят титулы: *хан-царь, тайшы-царевич, мерген-стрелок*; например, «*Ах хан—Белый царь; Алтын-хан—Золотой царь…*» (Бутанаев, 1996). В произведениях А. И. Чмыхало: *хан, батор, тайша, контайша, зайсан, княгиня, князец* и т. д.; *Тушету-хан, Алтын-хан; Церен-батор, Дага-батор; Сенге-тайша, Лопсан-тайша; контайша Богатур; Байту-зайсан; князец Бабук, князец Бехтен; Дуралтабун; княгиня Абакай* и т. д. Сформированные таким образом имена соотносятся с русскими

формульными именами: *атаман Дементий Андронович Злобин, пятидесятник Дементий Тюменцев.*

Как околоономастическая лексика выступают в инородческих именах слова *старик* и *старый*: *старик Торгай* и *старая Тойна*,—которые напоминают фольклорный постоянный эпитет. Интересно, что в восточной культуре на уровне слова-титула выступает выделение людей преклонного возраста. И на этом фоне звучит русское—*бабка Прасковья*.

Особым образом в дилогии именуется шаман: *Айдыр, шаман Айдыр, длиннокосый шаман Айдыр*,—где указывается постоянный эпитет и обозначение социального статуса человека—шаман. Некоторые околоономастические имена имеют единичное употребление: *Дурал-табун, Буданай-хатан, Хара-хула* и др.

Околоономастические нарицательные имена в русских антропонимах могут быть титулатурными: *князь, боярин*; могут обозначать профессию, должностное или социальное положение человека: *целовальник Харя, палач Гридя, острожный воротник Оверко Щербак, челядник Киприянко*; могут обозначать принадлежность к этносу: *Ивашко-киргиз, иноземная девка Санкай, черкас* (т. е. украинский казак) *Юхим, нехристь Курта*; иногда же эти слова обозначают какую-либо внешнюю черту человека: *одноглазый Курта*. В некоторых случаях околоономастическое имя придаёт пейоративную (отрицательную) окрашенность: *безверь Курта, кривой Федька, киргизятин Ивашко*. Интересно, что *безверь, нехристь* относятся только к Курте, хотя большинство инородцев в повествовании—нехристи. Но это понятно: околоономастическая лексика имеет сюжетообразующую функцию, так как Курта, будучи некрещёным, незаконно стремится выкупить у попа крещёную девку Санкай.

В дилогии есть частотные околоономастические имена. Например, слово *атаман* употребляется при обозначении трёх атаманов и восьми антропонимов; слово *воевода*—для обозначения семи воевод и одиннадцати антропонимов. Есть же околоономастические имена, употребляющиеся только при обозначении одного героя: *челядник Киприян, воротник Оверко Щерба*. Околоономастические имена служат идентификации героев читателем. При таком количестве имён текст не становится трудновоспринимаемым, легко читается. С другой стороны, околоономастические имена по аналогии с фольклорными постоянными эпитетами дают характеристику герою. Они же позволяют писателю уйти от тавтологии.

В дилогии есть так называемые семейные имена (фамилии): *Кольцо (Тридцать лет прослужил атаманом в Красноярском остроге, тридцать лет прострадал сам и промаял казаков Родион Иванович Кольцов, выходец из удалой семьи Кольцо, пошедших в неведомую Сибирь в давние года, ещё при Ермаке свет Тимофеевиче), Кольцовы; Злобины; Многогрешные; Потылицыны* и др.

Некоторые варианты имени выступают в анализируемых произведениях в характерологической функции, так как реализуются в речи отдельных персонажей. Так, Родиона Кольцова *Родивон* называет только Верещага («Дикая кровь»); Фёкла («Опальная земля») единственная называет Многогрешного русифицированным именем *Василий Игнатьевич*. Только воевода Данило Григорьевич Загряжский в «Опальной земле» использует устаревшие патронимы (*Василь Игнатов, Константин Родионов*). Поскольку воевода—лицо официальное и использует эти варианты отчеств он в официальной обстановке, то эта индивидуальная черта создаёт стилистический эффект употребления имени в деловой речи.

Некоторые собственные имена имеют в анализируемых произведениях большое количество вариантов. Так, девять вариантов именования имеет атаман Кольцов: *атаман Родион Кольцов, Родион Иванович Кольцов, атаман Кольцов, Родька, Родион, Родивон, Родионко, Родион Иваныч, Родион Иванов*; семь вариантов—воевода Загряжский: *Данило Григорьевич Загряжский, Данило Григорьевич, Загряжский, воевода Данило Загряжский, Данило Загряжский, Данилка, воевода Данилка Загряжский* и т. д. Некоторые же антропонимы центральных героев вариантов не имеют: например, *Куземко, Маганах*. Косвенно это указывает на их открытость, простоту характера.

В дилогии используются дохристианские славянские имена: *Жданко, Семейко, Гридя, Верещага* (имя-прозвище). Эти имена мы рассматриваем как историзмы. Как архаизмы фигурируют в дилогии формы личного имени с суффиксом «к», оканчивающиеся на «о»: *Вахрушко, Жданко, Ивашко, Тимошко* и др. Так же, как архаизмы, рассматриваются устаревшие патронимы.

Немногие антропонимы инородцев в дилогии имеют переводы: *Харга*—«ворона», *Мерген*—«стрелок», *Алтын-хан*—«Золотой царь»: *А имя моё качинское—Харга, что по-русски значит «ворона»; Тебя звали Ишей, но ты носил прозвище Мерген, что по-монгольски означает «стрелок»; Но они слепы, словно щенята, и глупы, если верят старому хорьку Гомбо Эрдени, присвоившему себе громкий титул Золотого царя; И выходит так, что Алтын-хан по-нашему Золотой царь?* Отсутствие переводов акцентирует противопоставление инородческих и русских имён.

В традиции русской литературы использование личных имён без переводов. Перевод собственных имён обычен только по отношению к индейцам (Чингачгук—Большой Змей и т. д.), это создаёт ситуацию некоторой гордой, но примитивной культуры. Иногда в переводах современных зарубежных текстов, по сюжету связанных с восточной

культурой (Японией и Китаем), допускается и перевод некоторых женских собственных имён. Так, например, в романе Цутому Минаками «Картинка в волшебном фонаре» — Цветочек, Яшма, Сапфир и др.; в романе Роберта ван Гулика «Красная беседка (достоверные истории средневекового Китая)» — Осенняя Луна, Зелёный Нефрит, Серебряная Фея и др.; в его романе «Призрак в храме»: *Потом помощник судьи вспомнил о женщине по имени Нефрит и её таинственном послании, найденном ими в шкатулке из чёрного дерева… Покажи девушке этот знак. Зовут её Весеннее Облако*. В романе Ж. П. Трошева «Большой Ошар» есть случаи параллельного употребления имени в переводе: *Вот-вот проснётся наша Вера-Чапича*[2]*… Дослушайте сына Чабуна, молодого куркогира Микпанчу, у кого первым учителем был отец, вторым — Тымани, а третьим — большой Ошар… Мы скорбим, что жизнь смелого тунгуса по имени Утро*[3] *кончилась…*

Ср. Г. Сенкевич, «Крестоносцы»: *Двое повадились к ней: молодой Вильк, сын старого Вилька из Бжозовой, и Чтан из Роговиц… — Первый пускай на других воет*[4] и т. д. Н. Г. Михайловская замечает: «Обыгрывание семантики антропонимов преимущественно базируется на его сопоставлении с нарицательным словом».

Итак, в антропонимах дилогии показана острота противостояния через приблизительно равное количество русских и инородческих имён. Онимы в дилогии можно рассматривать в трёх аспектах: как поэтические; как следующие основной стилистической тональности произведений — созданию исторического колорита; как образующие внутреннюю ономастическую систему в дилогии и в каждом тексте в отдельности.

Таким образом, ономастическая система дилогии представляет собой прямое соответствие системе внелитературной лексики произведений: онимы соответствуют историзмам, архаизмам, экзотизмам, диалектизмам и просторечию. Анатолий Иванович Чмыхало выступает в дилогии как писатель-мастер, создатель действительно художественного текста.

«ПТИЧЬЯ ТЕМА»

Победители литературного конкурса

Микаэль Шерб

Наставление птицам

Из расколотых яиц
Прорастает травка слуха.
Птицы сделаны из спиц,
Из папируса и пуха.
Величавы, суетливы,
Блёстки, трели, переливы,
Шёпот, шорох, шелест, свист.
Пышным венчиком из перьев
Плотный воздух взбейте пенно,
Раскачайтесь вдохновенно
На качелях высоты,
Звонкие, как горло горна,
Раскладные, как зонты,
И компактные, как зёрна.
Птицы, правнуки драконов,
Мы вас слушаем и внемлем.
Вниз спускайтесь, к нам, на землю,
К нам слетайте: на балконы,
На картины, на иконы,
Или лучше — прячьтесь в кронах, —
Станет каждый сад фруктовым!
Клюйте просо, крошки хлеба,
А потом — взмывайте в небо, —
Вам в уютных гнёздах тесно,
Душно вам в древесной тине, —
Вы — пловцы морей небесных,
Гончары блакитной глины,
Слойки солнечного теста.

2. «Птичка».
3. Тымани — утро *(эвенк.)*.
4. Вильк (wilk) — волк *(польск.)*.

Влад Пеньков

Всё, что открывает мне объятья…

Несколько адаптаций

1.

Как много на небе огней,
как будто разбили бивак.
Тоскуешь ли Ты обо мне?
И если тоскуешь, то как?

Смородины привкус во рту,
немного похожий на кровь.
Тоскую. А значит, сочту
уместной для рифмы—любовь.

Уместной для рифмы к Тебе
и алой смородине ран,
к тому, что покажет с небес
ван-гоговской ночи экран.

Оливами полночь шуршит,
хоть так далеко до олив.
Касается крепко души
тоски океанский прилив.

Для рифмы сгодится Ван Гог,
он кое-что видел и знал…
Всё, что я увидеть не мог,
а только—без имени—звал.

2.

Девушка в промокшем насквозь платье,
дождь, повисший синей пеленой,—
всё, что открывает мне объятья,—
это не прогул, а выходной.

Потому что завтра на работу,
раз—и замолкают небеса,
два—и проступают капли пота,
алые, как Божия роса.

А потом—по Марку и Матфею—
топот и шуршащие плащи,
и летит на небо, багровея,
утро из оливковой пращи.

Песня песней-87

Под небом серым или бурым,
под небом всё равно каким,
над парком отдыха-культуры
парила юность-херувим.

Парила юность прошлой эры,
синел облупленный забор.
На серебристых пионерах
не останавливался взор.

А те в свои дудели трубы,
что и предвидел Иоанн.
И то соприкасались губы,
то прикасался к ним стакан.

Придёт пора—и снимем пенки
с того, что сказано навзрыд,
с того, что в самой малой венке
и до сих пор не догорит,

с губы, раскатанной тогда же
на сад и город золотой,
с того, что обошлись без лажи,
взяв эту нежность на постой.

Но что такое—пенки эти?
Ямб торопливый, кое-как
напомнивший: почти что дети
лежат в траве, в руке рука.

Над ними полнят чаши гнева,
над ними топчут виноград.
А с ними—из земных напевов—
всего-то «в городе том сад».

Завен Григорян

Краткая история армяно-русских отношений (с момента их начала и до наших дней)

Посвящается 187-й годовщине Туркманчайского мирного договора

Эта статья ставит перед собой задачу коротко показать всю историю развития армяно-русских отношений. Мы старались останавливаться на самых важных и ключевых фактах, которые помогут составить цельную картину.

Можно сказать, что вплоть до XX века роль России в армянской истории воспринимается однозначно положительно, однако после произошли события, в ходе которых армяне потеряли огромную часть своих исторических территорий. Некоторые псевдоисторики и граждане, симпатизирующие «либеральным» западным идеям, пробуют возложить основную вину за эти события именно на Россию. Мы же считаем, что описание тех событий должно быть дано максимально беспристрастно, и выводы внимательный читатель должен сделать сам. Период этих событий показан максимально подробно, насколько позволяет формат данной статьи. В процессе работы над ней мы использовали только проверенные исторические источники, в основном постсоветского периода, для того чтобы избежать обвинений в предвзятости и необъективности.

1.

История армяно-русских отношений насчитывает много столетий. Как писал в своей монографии профессор З. Григорян: «*...если сравнивать с опытом отношений, который армяне имели с агрессивными государствами греков, римлян, персов, арабов, византийцев, сельджуков, татаро-монголов, османов, то отношения с Российским государством были совершенно иными. Все вышеперечисленные империи использовали любую возможность для того, чтобы завоевать армянские территории, завладеть их богатствами, превратить армянскую землю в театр затяжных и кровавых военных действий, а народ подвергнуть физическому уничтожению. Совершенно по-другому складывались отношения с русским народом, который всегда протягивал дружескую руку помощи*»[1].

Многовековая история армяно-русских отношений начинается со времён Киевской Руси. В этот период между армянским и русским народом устанавливаются и постоянно укрепляются экономические и торговые отношения. С древнейших времён по территории Армении проходили торговые пути с Запада на Восток и с Востока на Запад, что позволило армянам установить торговые связи не только с ближайшими соседями, но и с народами, живущими далеко, в том числе и с русским. Столица Армении, Двин, была одним из основных торговых и ремесленных центров Востока. Её регулярно посещали купцы из Индии, Персии, Рима, Византии, а также из Крыма и причерноморских областей. Участие Армении в мировой торговле особенно выросло в IX–XI веках и совпало с активизацией караванного сообщения между Арабским халифатом и Византией. Армянские купцы торговали пшеницей, скотом, винами, красками, металлами. Они начинают посещать крупные города Киевской Руси, прибывая по территории Византии, а затем и из Крыма, где жили с VII-VIII веков и даже имели свой крупный торговый центр в Судаке. В результате опустошительных монгольских походов XIII–XIV веков ещё больше армян бежало в Крым, увеличивая численность общины, которая играла основную роль в торговых отношениях с Русью. Об активности армянских торговцев в Киеве писал Николай Михайлович Карамзин в своей «Истории государства Российского»[2]. Со временем некоторые армянские купцы начинают получать разрешение на постоянное место жительства в Киеве, в результате чего и там в XI веке начинает формироваться армянская община. Армяне создают общину во Львове, которая впоследствии будет вести торговлю с Московским царством. Сюда же бежали с балканской ссылки многие члены жестоко подавленных армянских религиозных движений павликиан и тондракийцев.

После принятия христианства на Руси начинают укрепляться и церковные связи. В 1157 году в Киеве проводится собрание армянских церковников,

1. *З. Т. Григорян*. Вековая дружба армянского и русского народов. Ереван, 1960. С. 6.
2. *Н. М. Карамзин*. История государства Российского. Т. 3. СПб, 1816. С. 201.

в котором принимают участие и представители русской церкви[3]. Среди фресок церкви Спаса на Нередице можно встретить и изображения армянских святых, Григория Просветителя и святой Рипсиме[4]. В Киеве, Львове, Каменец-Подольске и Великом Новгороде были армянские церкви.

Вместе с церковными связями развиваются армяно-русские культурные отношения. В древнейших русских источниках упоминаются армянские врачи, развернувшие свою деятельность в Киевской Руси[5]. К их услугам прибегали даже киевские князья. История сохранила информацию о враче-армянине, который вращался в самых высших кругах и лечил Владимира Мономаха и бояр[6].

Имеются свидетельства об армянских архитекторах, каменщиках, скульпторах, которые работали в Киевской Руси[7]. Известен факт, что на надгробии великого князя Ярослава Мудрого имеется армянский орнамент. На нём же, в числе надписей на других языках, имелась надпись и на армянском, которая, впрочем, была стёрта. Несмотря на это, даже сегодня на нём можно обнаружить следы армянских букв[8]. Армянские мастера участвовали в работах по сооружению и отделке церкви Спаса на Нередице в Новгороде.

Развивались и литературные связи. В XII–XIII веках начались совместные переводы. С армянского на русский и с русского на армянский были переведены несколько значимых работ того времени. К примеру, на армянский язык была переведена притча Бориса и Глеба[9]. Значительно позже, в 1616 году, переехавший из Армении во Львов некий Ованес Карматенянц основывает армянскую типографию. В 1616–1618 годах в ней печатаются «Псалтирь», «Врачебник» и «Молитвенник».

Следующий этап развития торгово-экономических связей армянского и русского народов приходится на период Московского царства. Армянское купечество обращает внимание на развивающиеся рынки Ростова-Суздаля, Владимира, Новгорода и, конечно, Москвы. Многие из купцов, видя торговые возможности новой столицы, остаются в ней жить. Они сыграли далеко не последнюю роль в установлении торговых связей молодого Московского царства с крупными рынками Востока. Записи о присутствии в Нижнем Новгороде армян имеются в летописях[10]. Примечательна запись в Семёновской и Московской летописях о пожаре 22 июля 1390 года, во время которого сгорел торговый дом армянского купца Абрахама[11]. Число армянских купцов в Москве растёт с каждым годом, они начинают играть всё более важную роль. Это отметил академик Тихомиров: в своей книге «Древняя Москва» он писал, что с помощью армянских купцов держалась торговая связь по Волге с Золотой Ордой, Персией и Закавказьем[12].

С конца XIV и начала XV веков в Москве растёт число армянских ремесленников и представителей других профессий. Несмотря на сложное отношение к себе со стороны Русской православной церкви, которая со своей византийской нетерпимостью считала армян еретиками, они устанавливают с русскими добрососедские отношения. Летописные источники гласят, что в 1552 году, при осаде Казани войсками Ивана IV Грозного, местные армяне под угрозой смерти отказались стрелять из своих пушек в русских воинов либо намеренно делали так, что посланные ими ядра не попадали в цель. Уже после завоевания Казани в благодарность за это армянам были предоставлены дополнительные льготы как в Казани, так и в Москве. Один из куполов собора Василия Блаженного на Красной площади был построен в честь Григория Просветителя. К концу XVII века число армянских жителей в Москве превосходило 2000 человек.

Таким образом, постоянно развивающиеся торговые и культурные отношения армян и русских в XVI–XVII веках создают предпосылки для установления отношений политических. Русское государство становится всё больше и сильнее, а во времена Ивана Грозного начинает граничить с Кавказом. Неудивительно, что страдающий от турецко-персидского мусульманского ига армянский народ начинает видеть в христианском русском народе союзника. Россия, в свою очередь, исходя из своих стратегических интересов, оказывается всё более заинтересована в углублении связей с народами Закавказья.

2.

В качестве экскурса в армянскую историю вспомним, что со второй половины XIV века (с момента падения Киликийского царства) армянами была полностью утрачена государственность. Армения стала ареной нашествий со стороны войск Тамерлана, туркменских агрессивных племён Ак-коюнлу

3. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. II, с. 284.
4. *А. И. Успенский*. Фрески церкви Спаса Нередицы. Москва, 1910. С. 5, 8.
5. Киево-Печерский патерик.
6. *М. Н. Тихомиров*. Древнерусские города. Москва, 1956. С. 293.
7. *О. Х. Халпахчьян*. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван, 1957.
9. См. подробно в статьях Л. Меликсет-Бек «Древняя Русь и армяне» и Л. Хачикяна «Новые материалы о древней армянской колонии Киева» (в сб. ИСД, 1961, с. 111–112).
8. *О. Х. Халпахчьян*. Указ. соч. С. 10.
10. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб, 1913. С. 104.
11. Там же. С. 140.
12. *М. Н. Тихомиров*. Древняя Москва. Москва, 1947. С. 142.

и Кара-коюнлу и, конечно же, Турции и Персии. В 1639 году Турция и Персия окончательно поделили Армению между собой: Персии отошла Восточная Армения, а Турции — Западная. На территории Армении образовалось множество турецких и персидских ханств. Центральная часть Восточной Армении входила в Эриванское ханство, во главе которого стоял персидский хан с неограниченной властью. Форма правления была восточной, присутствовал феодально-ханский военно-деспотический аппарат, вся тяжесть деятельности которого падала на плечи простого армянского народа. Непомерными были размеры налогов и податей. В налоговой системе ханства присутствовала политика национального угнетения армян. Помимо общих для всех подданных ханства налогов, армяне, будучи христианами, выплачивали ещё особый налог, который назывался «платой за веру». Армянское крестьянство было доведено до крайнего разорения и нищеты. В результате персидского ига производительные силы в Армении переживали крайний упадок. Торговля при персах почти замерла. Персия уничтожала вековые культурные ценности, созданные армянским народом. Персы совершали над порабощёнными армянами различные методы насилия, зачастую применяя даже кошмарные изобретения средневековой инквизиции. И вот в это тяжёлое время армянский народ поднялся на освободительную борьбу, чтобы спасти себя от угрозы полного уничтожения, однако силы были слишком неравными.

В конце XVII века и в начале XVIII века начался новый, более организованный, этап развития армянского освободительного движения, в процессе которого армянский народ окончательно переориентировался в сторону Руси. Важнейшую роль в этом сыграл сын сисианского мелика[13] Исраэла — Исраэл Ори.

В 1677 году в Эчмиадзине католикос Акоп Джугаеци созывает совещание двенадцати видных светских и духовных лиц, на котором принимается решение отправить посольство в Западную Европу с просьбой о военной помощи для освобождения от чужеземного ига. Посольство во главе с католикосом прибывает в Грузию, затем отбывает в Константинополь, чтобы оттуда отправиться в Европу. Но в 1680 году Акоп Джугаеци умирает, а члены посольства возвращаются на родину. Не возвращается только Исраэл Ори, который сопровождал своего отца. Молодой патриот продолжает путь в Европу, скитается по ней в течение двадцати лет, живёт в Италии, Франции и Германии, изучает военное искусство, приобретает политические и военные знания. Устанавливает связи с высокими политическими кругами Франции, среди которых поднимает вопрос об освобождении армянского народа от персидско-турецкого ига, однако встречает лишь холодное безразличие.

В 1695 году Ори поселился в Германии, в Дюссельдорфе, и познакомился с пфальцским курфюрстом Иоганном Вильгельмом. Немецкий князь отправляет Ори с рекомендательными письмами к императору Австрии и правителю Флоренции, однако из-за того, что Ори не имел официальных полномочий от армянской элиты, его заявления были оставлены без внимания. Ори возвращается на родину, для того чтобы их получить. В 1699 году в Сисиане состоялось собрание армянских меликов-патриотов Арцаха и Сюника, на котором Ори уполномочили на ведение переговоров в Западной Европе.

С письменными полномочиями и заверениями князей Ори возвращается в Европу и является сначала к курфюрсту Пфальца, а затем и императору Австрии, однако и на этот раз они не делают ни одного практического шага. Окончательно разочаровываясь в европейских дворах, Ори направляется в Россию. Прибыв в 1701 году в Москву, Ори представил Петру I обращение меликов, в котором они просили, чтобы царь проникся состраданием к армянскому народу и освободил его от турецко-персидского ига. «*Нет у нас иной надежды*, — писали они, — *мы надеемся на Бога и твою страну*»[14]. Благодаря своей эрудиции и интеллекту Ори смог привлечь к себе симпатии царского двора. В документе, написанном много позднее по поручению князя Г. Потёмкина, Ори характеризовался как «*муж отличного разума и дарований*»[15]. Пётр I обещает оказать помощь армянскому народу после окончания русско-шведской войны. Таким образом, в начале XVIII века при русском дворе поднимается вопрос о подготовке похода в Закавказье.

План Ори, предложенный России, состоял в следующем: для освобождения Грузии и Армении в Закавказье должна быть послана двадцатипятитысячная русская армия из пятнадцати тысяч казаков и десяти тысяч пехотинцев. Казаки пройдут через Дарьяльское ущелье, а пехота, отплыв из Астрахани, пересечёт Каспийское море. В Закавказье русские войска получат поддержку грузин и армян. Было решено, что в Персию отправится миссия во главе с Ори, которая узнает умонастроения местных жителей, соберёт информацию о дорогах и крепостях.

В 1707 году Ори, в ранге полковника русской армии, с большим отрядом выступает в путь. Французские миссионеры в Персии пытались предотвратить прибытие Ори в Исфахан. Они донесли шаху, что Россия хочет образования

13. Князя.

14. История армянского народа с древнейших времён до наших дней. Ереван, 1980. С.166.

15. *С. В. Востриков*. Карабахский кризис и политика России на Кавказе. Общественные науки и современность, 1999. №3.

независимой Армении, а Ори хочет стать армянским царём. Когда Ори прибывает в Ширван, ему приходится ждать несколько дней для получения дозволения войти в пределы страны. В Шемахе он встречается с местными лидерами армян и грузин, поддерживает их ориентацию на Россию. В 1709 году Ори прибывает в Исфахан, ведёт переговоры с политическими лидерами. К сожалению, планам Ори не суждено было сбыться: при возвращении в Россию из Персии он внезапно умирает в Астрахани в 1711 году.

Ориентация Ори на русское государство имеет исключительно важное значение в истории освободительного движения армянского народа, именно с этого периода армянские светская и духовная элиты окончательно сориентировались на Россию. Известно письмо католикоса Нерсеса из Ерицманканца[16], которое он написал Петру I в 1723 году. «…*Со всем нашим народом просим, что мы ныне в руках неверных, яко пленные обретаемся, которые нас денно и ночно жестоко изгоняют, грабят и убивают до смерти и берут в полон, и сколько есть остальных и те убегая в горы и под горы кроючись нужно живём без хлеба и без воды, однако в начале на Бога и потом на ваше величество имеем надежду, а на иного кроме вашего величества нам надеятца не на кого, того ради просим от такой нашей болезни нас высвободить и защитить яко великий пророк Моисей освободил из рук фараоновых тако ж и нас да освободите из рук варварских*…»—писал он. Со времён Петра I Закавказье приобретает для России важнейшее военно-стратегическое значение, которое актуально и по сей день. Благодаря своему удобному географическому положению, являясь своеобразным мостом между Востоком и Западом, оно стало своеобразным плацдармом для борьбы с влиянием Англии и Франции на Ближнем Востоке.

Большую роль в беспрецедентном русско-армянском сближении сыграли армянские общины в России. Помимо существовавших с древних времён армянских колоний Кизляра, Моздока, Астрахани и Москвы, во второй половине XVIII века основывается ряд новых, самой крупной из которых становится нахичеванская. После второй русско-турецкой войны в бассейне Днепра возникает колония Дубасара, основывается армянский город Григориополь. Население всех армянских колоний постоянно растёт. Эти колонии, в особенности московская, становятся очагами армянской культуры на территории России.

3.

Во второй половине XVIII века вопрос освобождения армянского народа вновь стал обсуждаться в Армении, России, а также в армянских общинах Индии. В 1760-х годах видный армянский политический деятель Иосиф Эмин, происходящий из индийских армян, ведёт переговоры с русским правительством и грузинским царём Ираклием. Эмин предлагал сформировать армяно-грузинскую армию европейского типа, которая с помощью русских войск могла бы освободить армянский и грузинский народы от ига турецкого султана и персидского шаха.

После Иосифа Эмина во главе армянского освободительного движения в Индии встал Шахамир Шахамирян. Он открывает в Мадрасе армянскую типографию и печатает ряд трудов, в которых затрагиваются вопросы освобождения Армении. Индийские армяне предлагают царскому правительству проект договора, в котором, наряду с программой освобождения Армении, были определены взаимоотношения, которые должны были установиться после создания нового армянского государства.

После первой русско-турецкой войны русский двор вновь начинает планировать поход в Закавказье. В 1780 году представители русского государства ведут переговоры с армянской епархией в России, в которых принимает участие великий полководец Александр Васильевич Суворов. Ему предоставляется записка, согласно которой планируется восстановление армянского государства со столицей в Ереване. Ему же поручается подготовка военного похода, который тогда так и не был осуществлён. С точки зрения развития армяно-русских отношений, вторую половину XVIII века следует рассматривать как период, когда были созданы все необходимые предпосылки для присоединения Восточной Армении к России. Этому событию суждено было стать реальностью после русско-персидской войны 1826–1828 годов.

В рамках этой статьи мы не будем углубляться в подробную историю хода боевых действий этой войны. Упомянем, что армянское население вместе с русскими солдатами пролило в ней много крови. Армяне добровольно организовывали вооружённые отряды, которые присоединялись к русским. Известен конный отряд из пятисот всадников под командованием Григора Манучаряна, который действовал в Казахе и Шамшадине. Видя настроение армян, командование Кавказской русской армии выпустило специальное обращение о создании армянских военных отрядов. В целом русская армия по ходу боевых действий в Закавказье всегда получала от армянского населения военную, экономическую, политическую и моральную поддержку.

Истории известно немало случаев, когда принудительно мобилизованные в персидскую армию армяне бежали из неё и примыкали к русским, а иногда, в разгаре боя, обращали оружие против персов. Армяне вели разведку, доставляли

16. Ныне в Мардакертском районе Республики Арцах.

русскому командованию ценнейшие сведения о персидских войсках. В персидском тылу армяне вели широкую пропаганду, деморализуя персов, способствуя таким образом успехам русской армии. Армянские крестьяне добровольно помогали русской армии восполнять недостаток продовольствия, отдавая свои последние скудные запасы.

С точки зрения истории, 1 октября 1827 года, когда Эриванская крепость была взята силами русской армии, пала твердыня, которая в течение веков была символом персидской тирании в Закавказье. Армянское население Эривана встретило русское войско с восторгом и признательностью, что великолепно показал великий армянский просветитель Хачатур Абовян в своём романе «Раны Армении»: *«Да будет благословен тот час, когда русские благословенной своей стопой вступили на армянскую светлую землю и развеяли проклятый злобный дух кизильбашей*[17]*»*[18].

Персия была вынуждена начать мирные переговоры, в результате которых 10 февраля 1828 года был подписан Туркманчайский мирный договор. Он был составлен на условиях, которые предложило русское командование. Большую роль в подписании договора сыграл русский посол в Персии, великий писатель Александр Сергеевич Грибоедов. Туркманчайским миром закончилась вторая русско-персидская война, к России были присоединены Эриванское и Нахичеванское ханства и район Ордубада. В результате присоединения Восточной Армении к России были окончательно сорваны планы персов и их покровителей, Англии и Франции, изолировать и оторвать Закавказье от России.

В марте 1828 года из Эриванского и Нахичеванского ханств и района Ордубада была образована Армянская область. Конечно, это не было национальным государством, о котором веками мечтали армяне, да и у царского правительства не было планов давать армянам независимость. Но эта новая форма правления по сравнению с отсталой персидской ханской системой управления была, вне всякого сомнения, прогрессивной.

Постепенно началось массовое переселение армян из Турции и Персии. Русское правительство, исходя из своих интересов, тоже было в этом очень заинтересовано. Если в 1832 году на территории Восточной Армении проживало 168 530 армян, то уже в 1897 году их число достигло 739,9 тысяч, а в 1914-м перевалило за миллион человек (1 014 255)[19]. События последующих десятилетий показали, что армяне, которые переселились в Восточную Армению, спаслись буквально от физического уничтожения. Во время русско-турецких войн 1853–1856 и 1877–1878 годов на стороне России воевали тысячи армян, в их числе было много военачальников, а также сотни офицеров из потомственных военных семей. Известны генералы-армяне: Василий Осипович Бебутов, Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, Арзас (Аршак) Артемьевич Тер-Гукасов, Иван Давидович Лазарев и многие другие.

Вместе с увеличением населения постепенно стали восстанавливаться и показывать устойчивый рост сельское хозяйство, ремесленное производство и торговля.

Сильный импульс к развитию получила армянская культура. Новые социально-политические условия жизни армянского народа позволили армянской литературе выйти из рамок средневековой ограниченности. Возникла и стала развиваться новая армянская литература. Достаточно вспомнить того же Хачатура Абовяна и Микаэла Налбандяна. Последний, будучи близок по взглядам с русскими революционно-демократическими деятелями того времени, сам стал проводником их программы. Благодаря ему прогрессивная мысль проникла и в среду западных армян, которые находились под турецким гнётом. Толчок к развитию также получили театр и драматургия.

Величайший армянский драматург Габриэл Сундукян с любовью изучал русскую культуру и признавался, что театральные представления, которые он смотрел в Санкт-Петербурге, произвели на него неизгладимое впечатление. Великий армянский писатель Нар-Дос писал, что Тургенев, Гончаров, Толстой и Достоевский оказали на него большое влияние. Другой великий армянский писатель Ованес Туманян отмечал, что именно русские поэты, главным образом Лермонтов и Пушкин, побудили его самого писать в форме поэм.

Важнейшие этапы творческого развития великих армянских композиторов, таких как Александр Спендиаров, Романос Меликян, Макар Екмалян, прошли в центрах русской музыкальной культуры. Появилось целое поколение армянских художников, которые получили художественное образование в Петербурге и Москве, среди которых можно отметить Степаноса Нерсесяна, Акопа Овнатаняна и других.

4.

Присоединение Восточной Армении к России открыло новую страницу в истории армяно-русских отношений. Конечно, если бы армянский народ смог освободиться от турецко-персидского ига своими силами и создать национальное

17. Кизильбаш — перс, перс-шиит, говорящий на турецком языке. Название произошло от красных шапок, которые носили турецкие солдаты династии Сефевидов.
18. *Х. Абовян*. Раны Армении. Электронная версия: http://armenianhouse.org/abovyan/wounds-of-armenia/2.html
19. *З. Т. Григорян*. Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение. Ереван, 1978. С. 302.

государство, это было бы лучшим решением армянского вопроса. Вхождение Восточной Армении в состав Российской империи было результатом её завоевательной политики, но тем не менее в исторической перспективе этот акт был во многом прогрессивен. Перед армянским народом стояла дилемма: либо освободиться от турецко-персидского ига с помощью русских и признать господство Российского государства, либо продолжать жить под невыносимым мусульманским гнётом. Остановив свой выбор на первом варианте, армянский народ получил возможность спокойно развиваться, а Россия, в свою очередь, окончательно укрепилась в Закавказье.

Конец XIX века ознаменовался развитием капиталистических отношений, особенно после крестьянской реформы 1870 года. Восточная Армения была окончательно включена в общий рынок Российской империи. Как следствие, значительно оживилась торговля, усилилась капитализация натурального хозяйства, банковский капитал начал проникать в село.

Экономические связи Восточной Армении с другими российскими регионами получили новый толчок к развитию благодаря ускоренному строительству дорог. Достаточно вспомнить, что в 60–70-е годы XIX века были реконструированы и построены дороги Тифлис—Ереван, Александрополь[20]—Горис. В конце же XIX—начале XX веков в Закавказье были построены железные дороги Тифлис—Ереван—Джульфа, Баку—Тифлис—Батуми.

Сложилось так, что деятельность армянского капитала протекала в основном вне территории Восточной Армении. Армяне предпочитали вкладывать деньги в крупнейшие торгово-экономические центры Закавказья—Тифлис, Баку и Батуми, а также города Северного Кавказа. Согласно статистике, в конце XIX века больше половины предприятий и банков Тифлиса принадлежали армянскому капиталу, доля которого в общем обороте составляла целых семьдесят три процента. Армянский капитал доминировал и в нефтяной промышленности Баку. Обществу «Мирзоян и другие» в 1879 году принадлежали сто пятьдесят пять из двухсот девяноста пяти нефтяных скважин Баку. Меценаты армянского происхождения основывали типографии, школы, больницы и благотворительные общества по всей территории Российской империи. Ереванские коньячные заводы Шустова и Сараджева с начала XX века каждый год увеличивали объёмы производства. Около восьмидесяти процентов производимых в Армении коньяка, спирта и вин продавались на территории России.

5.

Начиная рассказ о XX веке, отметим, что в него Армения вступила разделённой на две части. В Восточной Армении происходили прогрессивные процессы, непосредственно связанные с общим развитием Российской империи, частью которой она являлась. Западная же Армения изнывала под жесточайшим режимом турецкого деспотизма. Впрочем, самому страшному из деяний турок, геноциду армян, ещё только суждено было произойти.

В 1914 году началась Первая мировая война. 16 (29) октября на стороне германо-австрийского блока в войну вступила Турция. Младотурки[21] видели в этой войне способ претворить в жизнь идею пантюркизма—объединения всех тюркоязычных народов в единое государство под руководством Турции. По их планам, в состав «будущего великого турецкого государства» должны были войти весь Кавказ, Крым, Башкирия, Татария и Средняя Азия. Понятно, что эта программа была откровенно антирусской и антихристианской в целом. Младотурки считали Россию главным противником на пути их фантастических планов.

По итогам кампании русских войск на Кавказском фронте Турция фактически лишилась Западной Армении. Районы Центральной Анатолии были под угрозой захвата. В составе русской армии сражались армянские добровольческие отряды. Их численность доходила до десяти тысяч человек. Армяне были воодушевлены идеей скорого освобождения Западной Армении, население которой могло бы быть спасено от истребления. В целом, не считая добровольцев, в русской армии служило около двухсот пятидесяти тысяч армян. К сожалению, в 1916 году царское правительство расформировало эти отряды, так как не питало доверия к национальным воинским соединениям из-за революционного движения, которое нарастало с каждым днём.

В начале Первой мировой войны традиционные армянские партии, такие как Армянская революционная федерация Дашнакцутюн и партия Гнчакян, связывали решение армянского вопроса (освобождение земель Западной Армении) с Россией, Англией и Францией. От их партийных органов печати постоянно исходили призывы поддерживать Россию и её союзников. Впрочем, надежды эти были пустыми. Ни одна из великих держав того времени не была заинтересована в независимости или даже автономии для Западной Армении. Руководство же Турции, напротив, призывало армян к созданию добровольческих отрядов, которые должны были воевать против России. В 1916 году освобождённые русской

20. В советское время—Ленинакан, ныне Гюмри.

21. Политическое движение в Османской империи, которому удалось свергнуть султана. Оно же ответственно за геноцид армян.

армией армянские территории были объявлены временным генерал-губернаторством, управление которым переходило к командованию Кавказской армии. Надо отметить, что в то время армянские большевики во главе со Степаном Шаумяном, которого иногда называли «кавказский Ленин», не верили, что армянский вопрос может быть решён по итогам этой войны, и всячески пробовали превратить её в войну гражданскую, революционную, направленную против царского руководства.

В 1915 году произошла страшная трагедия. Младотурецкое правительство в невиданных до этого времени масштабах и с поистине неслыханной жестокостью организовало массовое убийство армян. Необходимо отметить, что по иронии судьбы дашнаки в первое время после появления младотурков на политической арене Турции заигрывали с ними, считая их прогрессивной силой, с которой можно договариваться. Истребление армянского населения происходило не только в Западной Армении, но и по территории всей Османской империи. Путём осуществления геноцида армян младотурки планировали навсегда покончить с армянским вопросом. Подробная история хода геноцида известна и не попадает в список задач данной статьи. Однако считаем важным остановиться на следующих вопросах.

Во-первых, нужно усвоить, что кайзеровская Германия, будучи союзницей Турции, покровительствовала турецкому правительству. Германия хотела полностью захватить весь Ближний Восток, в то время как освободительная борьба западных армян этим планам препятствовала. Кроме того, немцы рассчитывали с помощью депортации западных армян получить бесплатную рабочую силу для строительства железной дороги Берлин—Багдад. Немцы подстрекали младотурок к осуществлению насильственного выселения западных армян. Имеются свидетельства о том, что немецкие офицеры, которые находились в Турции, сами участвовали в организации резни и депортации.

Страны Антанты[22], на словах объявляющие армян своими союзниками, тоже не предпринимали никаких практических шагов против действий младотурок. 24 мая 1915 года они опубликовали дежурное заявление, в котором обвинили младотурок в резне армян. Примечательно, что США вообще не сделали ни одного заявления. Напротив, Государственный департамент США, вопреки всем доходившим до него фактам, пытался создать впечатление, что сообщения о массовом истреблении армян преувеличены.

В 1919 году Верховным комиссаром США в Турции был назначен адмирал Марк Бристоль, который был против американской помощи армянам. Он выступал за увеличение американского экономического влияния в Турции, в деле достижения которого был готов пожертвовать национальными меньшинствами, в том числе армянами, которые воспринимались им как фактор, угрожающий стабильности Турции. Бристоль критиковал действия американских организаций по помощи армянам. Известна его циничная цитата о попытке «Ближневосточной помощи» вывезти из Турции армянских сирот. Профессор Дональд Блоксхэм приводит её в своём исследовании: «*Лучше пожертвовать этими сиротами, если это необходимо для установления доверия*»[23]. Он всячески мешал попыткам по освобождению армянских женщин, попавших в турецкие семьи. Бристоль заявлял, что армяне и греки—это «*пиявки, на протяжении веков высасывающие кровь*»[24]. Позже, в 1923 году, в США была создана организация «Американские друзья Турции», которую впоследствии возглавил Бристоль. Как известно, США до сих пор официально не признали геноцид армян, что было одним из предвыборных обещаний Барака Обамы армянской общине Америки.

Второй вопрос, который требует прояснения. Многие противники армяно-русских отношений заявляют, что геноцид армян был совершён на глазах у российской армии, и та не сделала ничего, чтобы его предотвратить. Попробуем рассмотреть правдивость этого тезиса.

В начале 1915 года русские войска на территории Турции вели себя странно. Армия постоянно и хаотично перемещалась, зачастую наступая, а затем необъяснимо отступая с захваченных территорий. Естественно, младотурки действовали только там, где в этот момент русских войск не было. Великий армянский историк Лео писал: «*Практически сразу, одновременно началось непонятное и паническое отступление из Вана и Маназкерта до российской границы*»[25]. Эту же тему исследовал профессор А. Арутюнян. Он тоже отмечал «*намеренные либо неоправданные перемещения русских войск*», которые сыграли «*катастрофическую роль в судьбе армянского народа*»[26]. В своём труде он пробует дать им объяснение.

Историк приходит к выводу, что Николай II, военный министр генерал В. А. Сухомлинов, начальник генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич,

22. Антанта (*фр.* entente—согласие)—военно-политический блок, в который входили Россия, Англия и Франция. Он был создан в качестве противовеса Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии.
23. *Д. Блоксхэм*. The great game of genocide: imperialism, nationalism, and the destruction of the Ottoman Armenians. Оксфорд, 2005. С. 195.
24. Там же. С. 185–197.
25. *Лео*. Из прошлого. Тифлис, 1925.
26. *А. О. Арутюнян*. Кавказский фронт. 1914–1917 гг. Ереван, 1971. С. 186.

министр иностранных дел С. Д. Сазонов, главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и другие чиновники были полностью погружены в дела Западного фронта и совершенно не обращали внимание на Кавказский фронт, который целиком был оставлен на усмотрение наместника Кавказа графа И. И. Воронцова-Дашкова, который с самого начала войны слёг с серьёзным заболеванием. Практически не вставая с постели, граф не мог достойно заниматься делами фронта, на котором начался хаос. Профессор пишет, что было бы абсолютно нелепо искать злой умысел. Естественно, царское руководство не хотело независимости Западной Армении, но при этом нельзя допускать, что оно было заинтересовано в уничтожении союзнического христианского населения. Невозможно одновременно организовывать и вооружать армянские отряды для освобождения Западной Армении и при этом хотеть истребления армянского населения.

Суммируя сказанное, отметим, что главная причина, по которой русская армия не смогла предотвратить геноцид, была в неправильных, необдуманных приказах, а зачастую и вовсе в их отсутствии. К тому времени, когда командование было полностью восстановлено, основные зверства младотурок уже были совершены.

В подтверждение этой версии полезно вспомнить ещё одно событие того периода. Как известно, армяне поднимали восстания, организовывали очаги самообороны против турецких карателей. Одно из самых известных восстаний — Ванское. Героическая самооборона города Ван длилась с 20 апреля по 19 мая. На его подавление младотурки отправили целую дивизию. Несмотря на героизм защитников, падение Вана было бы лишь делом времени, если бы не вмешался 4-й Кавказский армейский корпус русской армии с примкнувшими к нему армянскими добровольцами. Перейдя в наступление, они пришли на помощь восставшим ванским армянам. В результате турки отступили, а русские освободили ряд населённых пунктов, включая сам Ван. Русский генерал Николаев провозгласил в Ване армянское правительство. Приход русских войск 19 мая спас от неминуемой гибели тысячи армян. Через шесть недель, отступая из Вана, русские брали с собой тех армян, которые могли и хотели уйти. В целом многим западным армянам удалось с помощью русских войск избежать геноцида и перебраться на Кавказ. В течение 1914–1916 годов туда переселилось около трёхсот пятидесяти тысяч человек[27].

6.

Весть о победе Февральской революции по всей России встретили с ликованием. В Ереване, Карсе, Александрополе, Эчмиадзине и других городах состоялись митинги, на которых собравшийся народ приветствовал свержение самодержавия. Людям казалось, что в стране установятся мир и демократия, что будут решены наболевшие аграрный и национальный вопросы.

Впрочем, как известно, Временное правительство не исполнило ни одного обещания и показало свою полную неспособность управлять страной. Оно продолжило колониальную политику времён империи, право народов на самоопределение вновь было забыто. По всей стране, в том числе и в Армении, стали формироваться советы, которые брали на себя всё больше функций. По сути, установилось двоевластие.

Вскоре после победы Великой Октябрьской революции и провозглашения Советской власти, 29 декабря 1917 года, большевики издали так называемый «Декрет о Турецкой Армении», в котором Совет Народных Комиссаров объявлял армянскому народу, что новое правительство России поддерживает право армян в оккупированной Российской империей Турецкой Армении на свободное самоопределение, вплоть до полной независимости[28]. Однако местные партии Закавказья — эсеры, грузинские меньшевики, мусаватисты и дашнаки — не признали Советское правительство. Установление Советской власти в Закавказье было пресечено. Большевикам удалось взять власть лишь только в Баку, во главе которого встал Бакинский совет рабочих депутатов во главе с виднейшим армянским большевиком С. Шаумяном. Остальные же закавказские советы в ноябре 1917 года создали в Тбилиси свой орган власти, Закавказский сейм. Эти события очень приветствовали недавние союзники России из Антанты, Германия и, что самое важное, Турция.

Таким образом, начался короткий период охлаждения армяно-русских отношений. Отделение Закавказья от Советской России способствовало развязыванию турецкой агрессии. Уже в январе 1918 года турки, нарушив перемирие, начали наступление на Закавказье. Естественно, тогда они не встретили серьёзного сопротивления и заняли ряд районов. Были заняты Эрзерум, Сарикамыш, Батум и Карс. В процессе наступления продолжалась резня местного армянского населения. Советская Россия отправила Германии (союзнице Турции) ноту протеста против очередных зверств турок.

3 марта 1918 года в Брест-Литовске был подписан договор, который ознаменовал выход России из Первой мировой войны. Многие армяне и сегодня не могут простить советскому государству того, что по этому договору Россия уступала Карсскую и Батумскую области. Однако необходимо

27. История армянского народа с древнейших времён до наших дней. Ереван, 1980. С.268.

28. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г.—16 марта 1918 г. Москва, 1957.

понимать, что договор был подписан из крайней необходимости. Для большевиков жизненным вопросом был выход из войны любой ценой, для того чтобы начать строительство нового государства. Достаточно одного беглого взгляда на основные пункты договора, чтобы понять, что вопрос потери армянских земель был в нём отнюдь не главным.

- Россия теряла территории Украины, частично Белоруссии, Польши и Прибалтики, а также Великого княжества Финляндского.
- На Кавказе Россия уступала Карсскую и Батумскую области.
- Русские армия и флот должны были быть немедленно демобилизованы и полностью покинуть места сражений.
- Черноморский флот со всей инфраструктурой передавался Германии и Австро-Венгрии.
- Балтийский флот выводился из своих баз в Финляндии и Прибалтике.
- Советское правительство обязывалось прекратить революционную пропаганду в Европе и государствах, образованных на отданных территориях Российской империи.
- Россия выплачивала шесть миллиардов марок репараций плюс уплата убытков, понесённых Германией в ходе русской революции,—пятьсот миллионов рублей золотом.

Закавказский сейм был вынужден провозгласить независимость Закавказья от России. Турция первой признала эту независимость и возобновила мирные переговоры. В процессе переговоров Турция выдвинула неприемлемые требования, переговоры зашли в тупик, после чего Турция немедленно вновь нарушила перемирие—началось наступление на Александрополь, после чего турецкие войска двинулись на Караклис и Ереван. Это не была обычная война, турки намеревались вновь повторить геноцид, теперь уже в Восточной Армении.

В этот критический момент своей истории армянский народ поднялся на борьбу против Турции. 21–28 мая 1918 года в результате героического Сардарапатского сражения турки были побеждены. Армяне, воодушевлённые успехом, отбили все последующие атаки турок, и враг был обращён в бегство. По всей территории Восточной Армении турки терпели поражение за поражением.

К тому времени центральная власть в Закавказье переживала кризис. Английская интервенция подавила Бакинскую коммуну, её руководство во главе с Шаумяном было расстреляно. Закавказский сейм был распущен. Дашнакское руководство Армянского национального совета 28 мая 1918 года провозгласило Армянскую Республику. 4 июня 1918 года между Турцией и Арменией был подписан позорный Батумский договор, по которому Армении оставалось лишь десять тысяч квадратных километров. Согласно договору, Турция могла использовать железные дороги Армении для переброски войск и грузов. К счастью, поражение Турции и союзников в мировой войне привели к аннулированию Батумского договора—были восстановлены границы от 1914 года.

7.

Армянский народ получил долгожданное независимое национальное государство. Однако за два с лишним года Армянская Республика под властью партии Дашнакцутюн оказалась на краю катастрофы. Первая мировая война и турецкая агрессия нанесли существенный урон экономике Армении: закрылось большинство предприятий, деградировало сельское хозяйство, галопировала инфляция. Республика оказалась не в состоянии прокормить огромное количество беженцев из Западной Армении и оккупированных Турцией районов Восточной Армении. В стране царили ужасающая коррупция и взяточничество.

Армяно-русские отношения в период Первой Республики были холодными. Дашнакское правительство, считая себя союзником стран Антанты, к Советской России относилось враждебно. С правительством Армении постоянно работали западные эмиссары. Вместе с тем дашнаки устанавливали связи с белогвардейскими силами России. Они имели представителей в штабе сначала генерала Деникина, а после его разгрома—генерала Врангеля. В свою очередь, представители белогвардейских сил присутствовали в Армении.

Резюмируя, можно сказать, что вся внешняя политика де-юре независимого дашнакского правительства проходила фактически под диктовку стран Антанты и была враждебной по отношению к РСФСР.

Закавказье оказалось полностью оторванным от России, в край были введены английские войска, они заняли все стратегические пункты, взяли под контроль железные дороги. Английские военные периодически вмешивались в дела закавказских республик. В Закавказье зачастили военные, экономические и дипломатические миссии Англии, США и Франции. Полковник армии США Уильям Гаскель был назначен комиссаром союзников в Армении. Американцы стремились получить на Парижской мирной конференции мандат на Армению, что и произошло. Впрочем, позже Сенат США этот мандат отклонил. В наше время армянские либеральные деятели любят сетовать на то, что США не приняли управление Арменией. Они же, как правило, являются противниками Армении Советской, якобы из-за того, что, по их мнению, она не имела независимости. Нет ли

в этом явного лукавства? Выводы пусть каждый читатель делает сам.

10 августа 1920 года в Севре[29] был подписан договор союзников с побеждённой Турцией. По нему Армения признавалась самостоятельным государством и получала выход к Чёрному морю; территория Армении должна была составить 170 000 квадратных километров. Гарантом соблюдения договора выступали США. К сожалению, Севрский договор так и остался на бумаге из-за того, что был заключён с султанским правительством Турции, которое к тому времени власти в стране уже практически не имело. Мустафа Кемаль Ататюрк взял реальную власть в стране и Севрский договор не признал. По сути, кемалисты продолжили политику младотурок по отношению к армянскому народу. Турки не ушли с занятых армянских территорий, а обещания западных держав направить войска для осуществления условий Севрского договора так и остались пустыми обещаниями. Впоследствии кемалистам удалось принудить этих «союзников» Армении сначала пересмотреть Севрский договор, а затем и вообще от него отказаться. Таким образом, мы видим, что попытка дашнакского правительства решить армянский вопрос с помощью западных держав полностью провалилась.

Пожалуй, самое сложное для описания время—это период, связанный с установлением в Армении Советской власти. Однозначной оценки тех событий нет. Истории ещё только предстоит дать её в будущем. С этим периодом связан целый ряд мифов, большинство из которых было рождено псевдоисториками в перестроечное время и первые годы независимости Армении.

Например, самый известный из них гласит, что якобы РСФСР и кемалистская Турция заключили некий секретный договор, в котором поделили Армению между собой. До сих пор в Армении имеет хождение популистский тезис: «Ленин просто взял и подарил наши земли». Постараемся разобраться в тех событиях, отбросив эмоции и вспомнив факты, оставляя читателю право сделать выводы.

8.

Как мы уже упоминали, армяно-русские отношения в этот период (1917–1920 годы) были, пожалуй, самыми холодными в истории. Дашнакское правительство сделало ставку на врагов Советской России—западные державы. На этом фоне начались отношения Советской России и кемалистской Турции. Мустафа Кемаль с присущими ему турецкой коварностью и хитростью сумел убедить В. И. Ленина в том, что он является его союзником в борьбе против стран Антанты и в деле победы мировой революции.

В мае 1920 года армянские большевики подняли восстание, которое войдёт в историю как «майское». Прошли многочисленные митинги по всей территории Армении. Был избран Военно-революционный комитет, который объявил дашнакское правительство низложенным и провозгласил Советскую власть. Однако дашнаки жестоко подавили восстание, над его участниками была учинена кровавая расправа. Сотни людей были брошены в тюрьмы, многие участники восстания бежали из страны.

История, как известно, не признаёт сослагательного наклонения, но тут стоит допустить отступление от этого принципа. По некоторым оценкам, с которыми мы согласны, именно в этот момент история имела возможность пойти по другому руслу, в результате чего территория Армянской ССР и современной Республики Армения могла бы быть в два раза больше. Если бы уже в мае 1920 года Дашнакцутюн сдал власть и Армения стала бы советской страной, то последующих трагических событий могло бы и не произойти.

Много лет спустя в Бейруте во время беседы с известным искусствоведом Рубеном Заряном бывший премьер-министр дашнакского правительства Симон Врацян с нескрываемым сожалением высказал такую же точку зрения[30]. К таким же выводам после всестороннего изучения документов пришёл известнейший армянский историк, профессор Ричард Ованнисян[31].

После установления на Южном Кавказе Советской власти РСФСР предложила Армении начать переговоры для заключения перемирия и договора о дружбе. Была сформирована делегация во главе с членом парламента Армении, поэтом Левоном Шантом, которая прибыла в Москву для переговоров. Требования Армении были следующими:

- РСФСР должна признать независимость Армении вместе с Нагорным Карабахом и Гюлистаном;
- РСФСР должна признать права Республики Армения на земли Западной Армении;
- РСФСР не должна вмешиваться во внутренние дела Республики Армения и развертывать на её территории коммунистическую деятельность;
- РСФСР должна разрешить вернуться в Армению армянским беженцам, которые находились в России.

Поначалу переговоры проходили успешно. Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин говорил, что *«армянский народ может рассчитывать на неизменно дружеское отношение РСФСР»*,

29. Город во Франции.
30. *М. С. Карапетян.* Армения в 1912–1920 гг. Ереван, 2003. С. 292.
31. Там же.

на *«помощь в пределах её сил для предотвращения от армянского народа новых грозящих ему кровавых бедствий»*[32]. Соглашение вот-вот должно было быть подписано, однако в дело вмешалось руководство Азербайджана, имевшего территориальные претензии к Армении. Там уже была провозглашена Советская власть, что позволяло азербайджанскому руководству иметь особое расположение Москвы. Азербайджанцам удалось сорвать подписание договора.

Политику дашнаков тоже нельзя называть проницательной и умной. РСФСР вызвалась стать посредником в разрешении вопросов между Арменией и Турцией. Чичерин предложил продолжить переговоры в Ереване, куда должен был быть послан полномочный представитель РСФСР Б. В. Легран. По предложению Чичерина члены армянской делегации встретились в Москве с Леграном и армянским коммунистом С. М. Тер-Габриэляном, чтобы ещё раз получить подтверждение благожелательной позиции РСФСР.

Однако правительство Еревана молчало и не давало никаких инструкций относительно дальнейших действий, в результате чего Легран отправился в Ереван, а Шант остался с делегацией в России ждать дальнейших указаний. Легран прибыл в Закавказье, но дашнакское правительство отказалось принять его в Ереване. Причиной отказа оно назвало то, что прежде ему надо будет выслушать отчёт делегации Левона Шанта, и лишь после этого приступить к продолжению переговоров в Ереване[33].

Свою жёсткую оценку этому дал известный армянский историк Джон Киракосян в своей книге «Младотурки перед судом истории»: *«Это была явная волокита, роковая безответственность, предательство по отношению к армянскому народу»*. Легран отмечал, что *«дружественные и мирные намерения Советской России не встречают со стороны правительства Армении того отклика, который являлся бы залогом скорейшего и успешного окончания начатых мирных переговоров»*[34]. Есть версия, что в странном поведении дашнакского правительства виноваты имевшие на него исключительное влияние англичане и французы, которые не были заинтересованы в нормализации отношений между Республикой Армения и РСФСР.

В конце концов 10 августа 1920 года первое официальное соглашение между РСФСР и Арменией было подписано. Известный историк, академик Г. А. Галоян в своей монографии обращает внимание на дату соглашения, которая совпала с заключением Севрского договора. По мнению академика, это не было совпадением, таким образом Советская Россия давала понять, что не хочет окончательно потерять Армению[35]. Историк отмечает, что европейским державам очень не понравилось заключение этого договора, в телеграммах своему правительству британский представитель в Тифлисе Гарри Луки называл его *«предательством армянского правительства по отношению к Великобритании»*[36]. Прибывший 24 августа в Ереван французский полковник Корбейл прямым текстом заявил руководству Армении, что договор произвёл на союзников очень плохое впечатление и у них сложилось впечатление, что официальный Ереван больше не заинтересован в борьбе против большевиков, на что получил от дашнаков заверения, что он был подписан исключительно для того, чтобы выиграть время, а Ереван всё ещё является врагом большевиков[37].

Другой известный историк, профессор А. Г. Симонян, в свою очередь, отмечает, что европейские державы, с одной стороны, не сделали ни одного реального шага для осуществления условий Севрского договора, а с другой — всячески препятствовали нормализации отношений с Россией[38].

Тем временем Мустафа Кемаль не терял времени и всячески стремился укрепить отношения с Москвой. Туда 19 июля 1920 года прибывает турецкая делегация для переговоров уже о русско-турецком соглашении. От России их ведёт Лев Карахан.

Академик Галоян исследовал все документы касательно этих переговоров. Он пишет, что турки поднимали вопрос о сооружении дороги из Турции через Закавказье в Россию, такая дорога могла бы проходить только через Армению, и, естественно, армянские власти были против неё. Карахан предложил туркам остановить приготовления к нападению на Армению и дать России время уладить этот вопрос мирным путём, в ответ на что турки подняли вопрос об армянской национальности Карахана и потребовали, чтобы переговоры вёл сам Чичерин. Уже у него турки просили военную и финансовую помощь якобы для борьбы против стран Антанты, а на самом деле для нападения на Армению. Тогда Чичерин отказал.

После короткого перерыва в переговорах, 17 августа, турки предложили подписать договор о военном альянсе, но русские предложение отвергли. Тогда турки предложили подписать договор

32. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Сборник материалов и документов. Ереван, 1960. С. 373–374.
33. Вестник архивов Армении. Ереван. С. 42.
34. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Сборник материалов и документов. Ереван, 1960. С. 382.
35. *Г. А. Галоян*. Армения и великие державы. 1917–1923 гг. Ереван, 1999. С.256.
36. Там же. С. 257.
37. Там же. С. 258.
38. *А. Г. Симонян*. Освободительная борьба Зангезура 1920–1921 гг. Ереван, 2000. С. 164–165.

о дружбе и взаимопомощи, что уже устраивало русских. Но они выдвинули неприемлемые для турок условия. Русские потребовали, чтобы железная дорога Шахтахт—Джульфа была оставлена Армении. Турки пришли в ярость и пригрозили свернуть переговоры и уехать из Москвы.

Чичерин объяснил им, что РСФСР не может позволить силой открыть дорогу, так как это будет означать войну между Арменией и Турцией. Ответ турок не удовлетворил, и они потребовали встречи с Лениным.

Академик Галоян отмечает, что до сих пор нет достоверной информации о ходе той встречи и о том, что именно обещал Ленин туркам[39]. Переговоры с Чичериным продолжились, в их процессе он настаивал на передаче Еревану части вилайетов[40] Вана и Битлиса[41], после чего Россия поможет Турции, на что турки заявили, что ни в одном турецком вилайете армяне не составляют большинство.

24 августа переговоры завершились составлением проекта документа, который турки увезли на рассмотрение своего правительства. РСФСР также передала Турции полтора миллиона рублей золотом в качестве помощи в борьбе против стран Антанты. Главное в этом договоре было то, что РСФСР отказывалась от признания международных договоров против Турции, в том числе Севрского, и признавала более недействительным свой «Декрет о Турецкой Армении», а Турция, в свою очередь, отказывалась от признания Брестского мира. Также этим договором РСФСР брала на себя вопрос об открытии дороги через Армению.

Именно на этом этапе кемалистская Турция, боясь того, что в будущем РСФСР может потребовать возврата части территорий Армении, решает не откладывать и решить вопрос самой—путём военного уничтожения Армении. Турецкие историки в своих работах прямым текстом заявляют об этом, что, впрочем, не мешает некоторым зарубежным армянским историкам и либеральным деятелям игнорировать факты и считать проект документа от 24 августа «антиармянским сговором Турции и РСФСР». Впрочем, понятно, что это имеет в первую очередь политическую подоплёку.

9.

Абсурдно предполагать, что Ленин, прекрасно знающий историю, не понимал стратегического значения Армении, пусть и не советской. Даже несмотря на враждебную политику дашнаков, отдать её на растерзание туркам он не мог исключительно из традиционных геостратегических интересов России. Доказательства этого утверждения мы приведём ниже.

Академик Галоян в своей работе приводит слова турецкого посла в Москве Али Фуата Джебесоя и турецкого историка Тевфика Бюикоглу, которые утверждали, что главной причиной провала утверждения проекта документа от 24 августа явилось как раз то, что Москва требовала передать Армении Карин, Ван и Битлис[42]. Конечно, было бы неверно утверждать, что на РСФСР не легла часть ответственности в последующей турецкой агрессии, но необходимо чётко понимать, что в первую очередь это было злым стечением обстоятельств. Непримиримая позиция дашнаков на переговорах с русскими, а также их антироссийская политика, демарш турок, которые охотно заявляли о приверженности идеям мировой революции, а также готовность стран Антанты использовать малейшие разногласия между Москвой и Анкарой в свою пользу повлияли на советское руководство, в котором, несомненно, были и антиармянские деятели.

В сентябре 1920 года Турция, при военном бездействии РСФСР, начала новую армяно-турецкую войну, в итоге которой кемалистские войска, воспользовавшись отводом советских войск и оголением армяно-турецкой границы, захватили две трети Армении, включая всю Западную Армению и Карсскую губернию, в том числе священную для армян гору Арарат.

В наше время либеральные деятели любят напоминать, что турки решились на эту войну во многом благодаря финансовой помощи РСФСР и поставкам российского оружия. Возможно, это так, хотя неизвестно, имело ли это определяющую роль, ставки для Турции были слишком высоки. Вместе с тем необходимо осознавать, что российская помощь была предоставлена Турции для борьбы против интервенции Антанты и отражения наступления греческой армии на западе Анатолии, а никак не для агрессии против Армении. Турки просто цинично обманули советское руководство.

Джон Киракосян в своём труде «Младотурки перед судом истории» напоминает, что 9 октября 1920 года в докладе о внутреннем и внешнем положении республики Ленин писал: *«Недавно турки стали наступать на Армению с целью захвата Батума, а потом, может быть, и Баку»*[43]. Историк заключает, что Ленин находил, что Турция напала на Армению с целью захвата Батуми и Баку, и, естественно, снабжать её оружием для этих целей Советское государство не могло.

Киракосян пишет, что как только в Москве поняли намерения Турции, снабжение их оружием

39. *Г. А. Галоян.* Армения и великие державы. 1917–1923 гг. Ереван, 1999. С. 264.

40. Крупная административная единица в Турции.

41. *А. Ф. Джебесой.* Московские воспоминания (21.11.1921–2.6.1922). Стамбул, 1955. С. 83–86.

42. *Г. А. Галоян.* Армения и великие державы. 1917–1923 гг. Ереван, 1999. С. 272.

43. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений. Т. 41. С. 339–340.

было прекращено, поставки возобновились только после прекращения враждебных действий турок против Армении и принятия советского посредничества. В том же труде приведён факт о том, что 5 октября 1920 года Серго Орджоникидзе в телеграмме Ленину и Чичерину настаивал на том, чтобы предложить армянскому правительству разрешить ввести в Армению части Красной Армии для пресечения продвижения турецких войск. Однако дашнаки отвергли это предложение.

Киракосян приводит факт о том, что 14 сентября 1920 года Мустафа Кемаль писал Али Фуат Джебесою[44]: «*С армянами начать благоприятную войну с тем, чтобы присоединить Азербайджан к Турции*»,—о чём сам Джебесой упоминает в своих воспоминаниях. Академик Галоян, в свою очередь, также обращает внимание на то, что если в первые три недели войны она не особо волновала РСФСР, то уже в середине октября в Москве были очень обеспокоены. Кемаль знал об этом, поэтому в этот период предусмотрительно прервал все телеграфные связи с Москвой[45].

Уже в самом начале турецкой агрессии дашнакское правительство попросило помощи у своих «союзников» из Антанты, однако не получило её. По поручению армянского премьера от 28 сентября представитель Армении в Тифлисе Тигран Бекзадян попросил помощи у представителей Франции, Англии, РСФСР, Греции, Грузии, а также генерала Врангеля. Он также телеграфировал Чичерину в Москву с просьбой использовать все возможности для прекращения наступления турок. Бекзадян встретился с Леграном, который напомнил, что дашнакское правительство само заявило о политической ориентации в сторону Антанты. Легран напомнил Бекзадяну, что дашнаки сами в своё время отказались от призыва Чичерина стать посредником в решении территориальных споров с Турцией, в то время как турецкая сторона его приняла. Легран заявил, что РСФСР и сейчас готово оказать давление на Кемаля и остановить его нападение, если дашнакское правительство выступит с соответствующим заявлением[46], на что Бекзадян ответил, что не видит в этом смысла после того, как турки предпочли решать всё силой оружия.

Примечательно мнение профессора Э. А. Зограбяна, который писал, что Бекзадян предпочёл принять это решение самолично, не посчитал нужным спросить на этот счёт мнение своего правительства из-за того, что имел стойкие антирусские и антибольшевистские убеждения. Анализируя письмо Бекзадяна армянскому премьеру Оганджаняну относительно встречи с Леграном, профессор отмечает, что в нём не было ни слова о том, что армянскому народу в результате турецкой агрессии угрожает физическое уничтожение. Для Бекзадяна опасностью являлось лишь установление Советской власти в Армении, заключает историк.

8 октября дашнакское правительство от имени армянского народа обратилось с призывом ко всему цивилизованному миру спасти Армению от физического уничтожения. После получения этого обращения представитель армянской делегации в Париже Аветис Агаронян встретился с представителями США, Англии, Франции, Италии и Греции, прося у них реальной помощи. Но и на этот раз «цивилизованная Европа» не помогла армянскому народу. Европейские державы отделались произнесением в Лиге Наций высокопарных речей о том, что они не могут влиять на кемалистскую Турцию экономическими и другими способами, а вооружённых сил в распоряжении Лиги нет.

Министр иностранных дел Великобритании лорд Джордж Керзон отверг предложение британского адмирала Джона Де Робека о том, что реальной помощью Антанты будет захват Трабзона, назвав его невозможным. Президент США Вудро Вильсон заявил, что не может отправить американские войска на помощь Армении и не вправе предоставить финансовую помощь без решения Конгресса, который в тот момент не проводил заседания[47]. Представитель Франции в Закавказье Нетеман заявил, что сейчас сложилась такая ситуация, которая делает невозможной отправку войск союзников в Анатолию для помощи армянам[48].

В то время, когда итальянский представитель Франгони заявлял, что они найдут способ принудить Турцию уважать независимость Армении, итальянские транспортные суда бесперебойно снабжали Турцию оружием[49]. Греция выразила готовность отправить двадцатипятитысячный десант в Трабзон в помощь Армении, но из-за позиции Великобритании этого не случилось. Грузия же вместо помощи, наоборот, воспользовалась ситуацией для увеличения своей территории за счёт Армении, становясь, таким образом, сообщником Турции[50]. 5 октября британский комиссар полковник Стокс прибыл из Тифлиса в Армению, побеседовал с премьером Амо (Амазаспом) Огаджаняном, затем отбыл в Карс, где турки оказали ему шикарный приём. Стокс прошёл по линии фронта, убедился, что он достаточно крепок,

44. Османский и турецкий политический и военный деятель, соратник Ататюрка.
45. *Г. А. Галоян*. Армения и великие державы. 1917–1923 гг. Ереван, 1999. С. 317.
46. *Э. А. Зограбян*. Армяно-турецкая война 1920 г. и державы. Ереван, 1997. С. 185.
47. *М. С. Карапетян*. Армения в 1912–1920 гг. Ереван, 2003. С. 363.
48. Там же. С. 364.
49. Там же.
50. Там же.

и уехал. Отметим нескрываемый цинизм недавних «союзников» дашнакского правительства, в угоду которым оно испортило отношения с Россией.

12 октября в Ереване возобновились армяно-российские переговоры. В их процессе дашнакское правительство было вынуждено принять все условия РСФСР, в числе которых были отказ от Севрского договора и предоставление права России решать территориальные споры. Был подготовлен проект документа, в котором РСФСР:

- Признаёт независимость Армении.
- Признаёт право на присоединение территорий Турецкой Армении.
- Признаёт право Армении на Зангезур и Нахиджеван, в обмен на что Армения отказывается от Нагорного Карабаха. РСФСР официально становится посредником в решении территориальных вопросов.
- Получает право перевозить по железным дорогам Армении войска, оружие и обмундирование. Двадцать пять процентов перевозимого оружия должно было остаться Армении. Передаваемое Турции оружие не должно было использоваться против Армении.
- Безвозмездно передаёт Армении два с половиной миллиона рублей золотом.
- Становится посредником в разрешении армяно-турецкого конфликта при условии, что Турция прекратит боевые действия и отзовёт свои войска на границы 1914 года.

Была подписана резолюция, в которой стороны обязывались подписать документ, а также отдельно подтверждалось, что права Армении на Зангезур и Нахиджеван признаёт и Азербайджан.

10.

Соглашение, однако, так и осталось на бумаге. Уже через два дня после начала переговоров Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение согласиться с мнением ЦК Компартии Армении о том, что пришло время установить в Армении Советскую власть и оказать помощь в остановке продвижения турецких войск уже армянским большевикам. Сталин и Орджоникидзе были заинтересованы в скором провозглашении в Армении Советской власти и использовали своё влияние для недопущения соглашения с дашнаками. Все вопросы с турками Сталин хотел решить позже, уже после советизации Армении. Свою роль в провале соглашения сыграли также великолепные отношения с Москвой руководства Советского Азербайджана.

Ни в коем случае не оправдывая большевиков, которые были поглощены своими интересами, мы вынуждены отметить, что этот документ сильно запоздал. Дашнакское правительство могло гораздо раньше решить все вопросы с РСФСР, не доводя всё до критической точки, если бы не являлось заложником политики европейских держав и своей ненависти к большевикам. Очень важно отметить, что страны Антанты были очень обеспокоены ходом переговоров и возможностью подписания армяно-русского соглашения. Для оказания влияния на дашнаков в Ереван вновь прибыл печально известный британский полковник Стокс. На основании документов из американских архивов академик Галоян пишет о том, что посол США в Константинополе Марк Бристоль в своих отчётах призывал правительство США воздержаться от оказания помощи Армении, мотивируя это тем, что среди армянского населения велика симпатия к большевикам и что при первом удобном случае она станет советской[51].

В начале ноября положение армянских войск становится совершенно безнадёжным. Стало ясно, что Армения в этой войне терпит поражение. Профессор Зограбян в своей книге приводит причины этого поражения. Кроме явного превосходства турецких сил как в численности, так и в вооружении и военной подготовке, он указывает на плохую организацию армянской армии, слабость командования (достаточно сказать о том, что призванных в армию крестьян отпускали домой на время сбора урожая), недостаточное патриотическое воспитание войск и, как следствие, дезертирство, недальновидную политику дашнакского руководства. Историк ещё раз отмечает, что власти целиком связали все свои надежды со странами Европы и США, и даже их явное предательство ничего не изменило. Вместе с тем власти Армении проигнорировали всё более увеличивающуюся с каждым днём роль России в регионе и турецкие военные возможности[52].

16 ноября дашнакское правительство принимает условия Турции, 18 ноября подписывается перемирие на семь дней. 23 ноября правительство Оганджаняна уходит в отставку, премьером назначается Симон Врацян. Главной задачей нового кабинета становится заключение мира с Турцией для недопущения провозглашения в Армении Советской власти. 24 ноября в Александрополе начались мирные переговоры. Много лет спустя Врацян писал, что на тот момент у Армении было два варианта: либо стать игрушкой в руках турок и встать перед опасностью полного уничтожения, либо быть с Россией[53].

51. *Г. А. Галоян.* Армения и великие державы. 1917–1923 гг. Ереван, 1999. С. 323.
52. *Э. А. Зограбян.* Армяно-турецкая война 1920 г. и державы. Ереван, 1997. С. 347–355.
53. *С. Врацян.* Республика Армения. Ереван, 1993. С. 529.

На тот момент неизбежность советизации Армении принимали уже не только армянские большевики, но и огромная часть народа и политические силы, среди которых и левое крыло партии Дашнакцутюн. Врацян вновь ставит вопрос о помощи Армении перед Леграном, тот предлагает отклонить требования турок, отозвать делегацию из Александрополя и разрешить ввести в Армению советские войска. Премьер отклоняет предложение Леграна, опасаясь, что турки захватят Ереван раньше, чем прибудут советские силы. Уже 29 ноября Легран в ультимативной форме ставит Врацяна в известность, что ЦК РКП(б) принял решение об установлении в Армении Советской власти.

В тот же день члены созданного в Баку Революционного комитета (Ревкома) вместе с 11-й Красной Армией вступили в Армению и провозгласили Советскую власть. Оценку этому событию дал академик Галоян: «*В тех условиях единственным спасением для Армении мог стать только крепкий союз с Россией, вне зависимости от того, какой в ней был политический режим*». 2 декабря Ленин в телеграмме Саркису Касьяну приветствовал советизацию Армении. Ревком и советские войска двинулись в Ереван, не встречая никакого сопротивления. Дашнакское правительство складывает полномочия.

Однако ещё 30 ноября бюро Дашнакцутюн, опасаясь, что турки захватят Ереван и Эчмиадзин до прибытия советских войск, приняло решение поручить делегации в Александрополе согласиться на все требования турок. Уже в течение ноября дашнаки сменили риторику, их партийные органы печати начали восхвалять кемалистов, Турция провозглашалась «*действительным защитником политической свободы народов Закавказья*». Складывается впечатление, что дашнакская партия скорее бы предпочла владычество Турции, чем Советскую власть. Результатом этого стал подписанный в ночь со 2 на 3 декабря 1920 года позорный Александропольский договор между дашнакской Республикой Армения и кемалистской Турцией. Договор включал четырнадцать пунктов. Вот некоторые из них:

— Война между Турцией и Арменией признаётся оконченной.

— Турции отходит свыше двадцати тысяч квадратных километров территорий Западной Армении, в том числе Карс, Сарикамыш, Ардаган, Олтин, Сурмалинский уезд, Кархзван, Александрополь. В районах Нахичевани, Шарура и Шахтахты объявлялся временный протекторат Турции, впоследствии референдум должен установить особую администрацию. Армения лишалась права вмешиваться в дела этой администрации независимо от того, какую форму она примет.

– Наиболее отвратительным был третий пункт, по которому признавались неоспоримые исторические, этнические и правовые связи Турции с отошедшими ей по данному договору землями.

– Армения лишалась права иметь обязательную воинскую повинность, максимальная численность её армии устанавливалась в размере полутора тысяч человек при восьми орудиях и двадцати пулемётах.

– Турция обязывалась предоставить Армении военную помощь, если того потребует внешняя или внутренняя угроза или правительство попросит о ней.

– Запрещалось возвращение в свои дома тех беженцев, которые покинули их во время мировой войны и сражались против своего правительства. Это в первую очередь касалось тех, кто бежал из Западной Армении во время геноцида 1915 года.

– Турецкое правительство отказывалось от возмещения расходов на «*войну, которую оно было вынуждено начать*» Тем самым оправдывалась агрессия по отношению к Армении.

– Армения признавала аннулированным Севрский договор, из Европы и США должны были быть отозваны армянские делегации. Армения брала обязательство «*устранить от государственного управления всех лиц, провоцировавших и преследовавших империалистические задачи*». Армения признавала потерявшими силу все договоры, которые были заключены во вред Турции или затрагивали её интересы. Академик Галоян отмечает, что этот пункт был направлен прежде всего против России. Армения не смогла бы заключать с ней соглашения и фактически оказывалась оторванной от неё[54].

– Турция получала право контролировать железные дороги и прочие пути сообщения Армении, «*принимать военные меры*» на территории Армении и пресекать перемещение оружия, если оно превысит указанные выше размеры.

– Восстанавливались торговые и дипломатические связи между Турцией и Арменией.

Симон Врацян отмечал как злую усмешку судьбы тот факт, что Турция, подписав Батумский договор 4 июня 1918 года, стала первой страной, признавшей независимость Республики Армения, а теперь Армения первой признала независимость кемалистской Турции[55]. Ревком Армении отказался признать договор и объявил его аннулированным,

54. *Г. А. Галоян*. Армения и великие державы. 1917–1923 гг. Ереван, 1999. С. 377.

55. *С. Врацян*. Республика Армения. Ереван, 1993. С. 538.

однако впоследствии, на переговорах в Лондоне, Москве и Карсе, турки постоянно ссылались на него, помешав принятию решения в угоду Советской Армении.

11.

Новая власть в Армении сразу развернула бурную деятельность по созданию новой государственности и решению экономических вопросов. Главная сложность, мешавшая большевикам, была в том, что территория Советской Армении была практически разделена. Александропольский уезд всё ещё был в руках турок, большая часть Лори была занята войсками Грузии (в то время в ней хозяйничали меньшевики), а в Зангезуре были сильны позиции дашнаков. 9 декабря 1920 года Ревком Армении принял декрет, по которому армянский язык признавался государственным в республике, затем обратился с письмом к армянской интеллигенции, проживающей за пределами Армении, в котором призвал их вернуться на родину.

Сейчас, зная последующую историю СССР, стало понятно, что высокая цена, заплаченная простым советским народом, была необходима для того, чтобы страна смогла преодолеть разруху и вступить на новый путь развития. Наверное, только с помощью таких непопулярных и железных методов, какие использовались большевиками, стало возможным пробежать столетие развития всего за пятнадцать лет и победить самую страшную военную машину в истории человечества. В тот период населению было очень сложно, и зачастую оно выражало несогласие, чем и воспользовались дашнаки.

Сразу после прихода к власти большевиков начались расследования действий членов прежнего правительства, офицерского состава армии и национальных деятелей. Были арестованы и сосланы более 1400 офицеров разного ранга, в том числе и знаменитый Дро. Основное недовольство простого населения вызывала политика «военного коммунизма», которая начала проводиться в республике. У крестьян изымались все запасы хлеба и посевная пшеница. Любое несогласие с политикой новой власти объявлялось антиреволюционной деятельностью.

На этом фоне в феврале 1921 года Дашнакцутюн сумела поднять в стране антисоветское восстание. 13 февраля вооружённые отряды прибыли из Зангезура и захватили ряд населённых пунктов. В них проводились жестокие расправы над коммунистами. 18 февраля восставшие сумели захватить Ереван. Ревком отступил в Камарлу[56] и организовал оборону, чтобы не допустить распространение восстания. В Ереване дашнаками был создан «Комитет спасения Родины» во главе с бывшим премьером Врацяном. Расчёт дашнаков был прост: они опять ждали военной помощи от стран Антанты, которой, естественно, не последовало.

В начале апреля 1921 года восстание было подавлено силами 11-й Красной Армии. В истории февральское восстание оценивается по-разному: советская историография клеймит его как позорный мятеж и авантюру, последующие же оценки разнятся от нейтрального до полной героизации. Однако, по нашему мнению, кое в чём оно армянскому народу точно навредило. Попробуем разобраться.

Главной задачей Ревкома оставалось аннулирование позорного Александропольского договора и освобождение занятых турками районов, на территории которых продолжалось беззаконие. Ревком неоднократно обращался к Турции с предложением начать переговоры и аннулировать Александропольский мир, однако кемалистское правительство всякий раз отказывало. Тогда в дело вмешалась Москва, и в феврале-марте 1921 года в российской столице состоялась советско-турецкая конференция. В Москву отбыла делегация Армении во главе с наркомом иностранных дел республики Александром Артемьевичем Бекзадяном, чтобы участвовать в конференции, однако этому не суждено было произойти.

Как раз в это время дашнакский «Комитет спасения» отправил в Москву телеграмму, в которой сообщал Советскому правительству о произошедшей смене власти в Армении и аннулировал полномочия находящейся там для переговоров с Турцией делегации Армении. Для турок это явилось подарком провидения, они немедленно ухватились за факт восстановления в Ереване власти дашнаков и то обстоятельство, что с ними у них имелся заключённый 2 декабря 1920 года Александропольский договор. Турки потребовали, чтобы представитель Советской Армении не принимал участия в работе конференции, при том что значительная часть повестки дня этой конференции должна была относиться именно к Армении. Так и произошло.

16 марта 1921 был заключен трагический для Армении советско-турецкий договор о дружбе, который войдёт в историю как Московский. Несмотря на то, что он отменил грабительский Александропольский договор, Армения понесла огромные территориальные потери. Была установлена северо-восточная граница Турции с Арменией, Грузией и Азербайджаном. Турция закрепила территориальные приобретения, указанные в Александропольском договоре, за исключением города Александрополя и восточной части бывшего Александропольского уезда Эриванской губернии — они были присоединены к Армении. Грузия получила северную часть Батумской области,

56. Ныне — Арташат.

а Азербайджану достались территории бывших Нахичеванского и Шарур-Даралагёзского уездов Эриванской губернии. В составе Турции остались южная часть Батумской области, бывшая Карсская область, бывший Сурмалинский уезд (со священной для армян горой Арарат) и западная часть бывшего Александропольского уезда Эриванской губернии. Заключённый позже Карсский договор между Турцией и закавказскими республиками практически повторил положения Московского.

Есть полулегендарная история, согласно которой в ответ на протест турецкого правительства против того, что на гербе Армянской ССР изображён Арарат, не являющийся частью Армении, Чичерин ответил: «На флаге Турции изображён полумесяц, но Луна не является частью Турции»[57].

Резюмируя, ещё раз отметим, что из трёх закавказских стран только делегация Армении имела возможность участвовать в работе конференции, и кто знает, каковы были бы её итоги и территория Армении сегодня. Могла бы Москва добиться для Армении лучших условий?

Однозначных оценок историки не дают. Мы считаем, что в существующих условиях было сделано всё возможное, ведь земли Западной Армении имели стратегическое значение для России, просто так их не отдали бы. Это подтверждается событиями 1945 года, когда Сталиным была предпринята попытка пересмотра Московского договора. Мы коснёмся этой темы в рамках данной статьи. С другой стороны, советское правительство, вне всякого сомнения, было заинтересовано в сближении с Турцией. Есть мнение, что именно в угоду ей, которая тогда, как и сегодня, стремилась быть покровителем Азербайджана, Нагорно-Карабахская область была передана Азербайджанской ССР[58].

12.

После создания СССР Армения вошла в его состав. Естественно, армяно-русские отношения советского периода были наиболее тесными в истории. Потеряв право на ведение самостоятельной внешней политики, многострадальная Армения приобрела мощный ресурс для экономического развития.

В задачи данной статьи не входит подробное описание небывалых достижений Армении в советский период. Отметим лишь, что за короткий период Армянская ССР превратилась из отсталой и нищей в мощную индустриальную республику. Абсолютно все экономические показатели показывали невиданный рост. Республика покрылась заводами и научными институтами. Интеллектуальный потенциал Армянской ССР был одним из самых высоких в Союзе, бурное развитие переживала культура.

Первый секретарь ЦК Компартии Армении занимал своё законное место в союзном ЦК. Армяне внесли огромный вклад в Победу в Великой Отечественной войне, её национальные формирования (76-я, 390-я, 409-я, 89-я, 261-я армянские стрелковые дивизии) с тяжёлыми боями прошли от предгорий Кавказа до Балкан и Берлина. Армянский народ дал четырёх маршалов Советского Союза и одного адмирала флота. Более шестидесяти генералов-армян командовали крупными соединениями Красной Армии.

Население Армении зафиксировало беспрецедентный рост.

После войны советским правительством, по плану первого секретаря Компартии Армении Григория Артемьевича Арутинова (Арутюняна), была организована репатриация армян со всего мира. За два года, с 1946 по 1948 год, в Советскую Армению иммигрировало более девяноста тысяч армян[59].

После войны армянский народ имел уникальную историческую возможность вернуть свои исторические земли. Иосиф Сталин был лично очень заинтересован в этом. Приведём рассказ бывшего первого секретаря ЦК КП Грузии А. И. Мгеладзе, дополненный впоследствии В. М. Молотовым:

«После войны на дачу Сталина привезли карту СССР в новых границах. Сталин приколол её кнопками на стену

— Посмотрим, что у нас получилось… На севере у нас всё в порядке, нормально. Финляндия перед нами очень провинилась, и мы отодвинули границу от Ленинграда. Прибалтика — это исконно русские земли! — снова наша, белорусы у нас теперь все вместе живут, украинцы — вместе, молдаване — вместе. На западе нормально, — и сразу перешёл к восточным границам. — Что у нас здесь?.. Курильские острова наши теперь, Сахалин полностью наш, смотрите, как хорошо! И Порт-Артур наш, и Дальний наш, — Сталин провёл трубкой по Китаю, — и КВЖД наша. Китай, Монголия — всё в порядке… Вот здесь мне наша граница не нравится! — сказал Сталин и показал южнее Кавказа»[60].

Как известно, несмотря на декларируемый нейтралитет, Турция фактически выступила во Второй мировой войне на стороне гитлеровской Германии. В последние годы войны в среде советской и зарубежной армянской интеллигенции начал обсуждаться вопрос о возможности возвращения Западной Армении после войны. В архивах есть

57. *А. Т. Гханаланьян.* Армянские предания. Ереван, 1979. С. 61.

58. *С. В. Вострико*в. Карабахский кризис и политика России на Кавказе. Общественные науки и современность. 1999. №3.

59. *А. Вирабян.* Армения от Сталина до Хрущёва, общественно-политическая жизнь. Ереван, 2001. С. 81.

60. *Ф. Чуев.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991. С. 623.

данные, что Анастас Микоян в беседе с писателем Аветиком Исаакяном подтвердил, что после войны вопрос Западной Армении будет решён[61].

Желая наказать Турцию и извлечь геополитические выгоды — в частности, добиться контроля над черноморскими проливами, — СССР 19 марта 1945 года денонсировал Московский договор. Начались неформальные консультации и переговоры о заключении нового договора. В апреле первый секретарь ЦК КП Армении Г. Арутинов отправился в Москву и встретился с советскими руководителями, ему были даны инструкции по приготовлению Армении к советскому вторжению в Турцию.

В мае загнанная в угол Турция предложила проект соглашения, при котором в случае войны гарантировался бы свободный проход армии и флота СССР через турецкую территорию. В. Молотов лично встретился с послом Турции в Москве С. Сарпером. Он потребовал режима совместного советско-турецкого контроля в черноморских проливах (с размещением советской военно-морской базы) и «*исправления*» Московского договора 1921 года, который назвал несправедливым для «*обиженного в территориальном вопросе*» СССР. Советское руководство желало восстановить границу, примерно соответствующую границе Российской и Османской империй по состоянию на 1878 год. Должны были быть возвращены бывшая Карсская область, юг Батумской области, а также Сурмалинский уезд бывшей Эриванской губернии.

В ходе Потсдамской конференции советско-турецкий вопрос активно обсуждался. Известны слова из выступления Молотова: «*Мы считаем границу между СССР и Турцией несправедливой. Действительно, в 1921 году от Советской Армении и Советской Грузии Турцией была отторгнута территория — это известная территория областей Карса, Артвина и Ардахана. Поэтому мною было заявлено, что для того, чтобы заключить союзный договор, следует урегулировать вопрос об отторгнутой от Грузии и Армении территории, вернуть им эту территорию обратно*»[62].

Уже тогда планировалась репатриация армян. Молотов говорил Энтони Идену[63]: «*Всего в Советской Армении живёт около одного миллиона армян, а вне территории Советской Армении, за границей, проживает свыше одного миллиона армян. Когда территория Армении расширится, многие армяне, проживающие за границей, будут стремиться возвратиться на родину. Армяне очень способные и энергичные люди, особенно в хозяйственных вопросах. Пусть турки отдадут Советскому Союзу армян, это будет справедливо*»[64].

Москва представила многочисленные обращения к руководству СССР как от советских армян, так и от представителей зарубежной армянской диаспоры, в которых обосновывались территориальные претензии к Турции. В армянских архивах имеются данные, что уже была назначена партийная номенклатура, которая должна была взять контроль над возвращёнными армянскими землями. Антон Кочинян[65] был утверждён в должности секретаря Карсского областного комитета Компартии Армении.

Однако турки вновь проявили дипломатическое коварство: если в двадцатых они решали все вопросы с Москвой, то теперь пришла пора просить помощи у Великобритании и США, которые сделали бы всё для недопущения усиления влияния СССР на юге. Заручившись их поддержкой, Турция отвергла все предложения СССР. Анкаре было оказано политическое покровительство: США и Англия стали её защитниками от советских территориальных претензий.

Во время Потсдамской конференции Гарри Трумэн получил и торжествующе сообщил Сталину известие об успешных испытаниях американского ядерного оружия. Не прошло и месяца, как американцы сбросили бомбу на Хиросиму. СССР в то время собственного ядерного оружия пока не имел.

Некоторые авторы ссылаются на воспоминания членов Политбюро, согласно которым новость о результатах атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки повергла Сталина в шок, и он якобы заявил им: «*Поход на Стамбул отменяется… до лучших времён. А турки пусть вечно благодарят японцев, которые пострадали из-за них*»[66].

Вождю пришлось уступить. Советские войска, сосредоточенные на советско-турецкой границе, так и не дождались приказа начать освобождение Западной Армении. Есть свидетельства, что маршал И. Х. Баграмян заметил однажды в частной беседе: «*Когда появился шанс восстановления в армянском вопросе исторической справедливости, западные державы, потрясая ядерной дубинкой, взяли под своё покровительство Турцию. Не будь этого, проблема Западной Армении была бы решена в считанные дни*»[67].

По ещё одной версии, союзники предложили Сталину выбрать между Польшей и Западной

61. *Ф. Чуев*. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. Москва, 1991. С. 34.
62. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. Москва, 1984. С. 135–136.
63. Британский государственный деятель, член военного правительства Черчилля.
64. Советский Союз на международных конференциях. Москва, 1984. Т. 6. С. 39–41.
65. Крупный армянский советский политический деятель, первый секретарь ЦК КПА в 1966–1974 гг.
66. *Ю. Райхель*. Турецкая война Сталина, которая не состоялась. Газета «День». Украина, 2008. №183.
67. Там же.

Арменией. Вождь выбрал Польшу, тогда он посчитал её важнее Армении в геополитическом смысле и, возможно, на тот момент был прав. Однако сегодня, наблюдая за проводящей откровенно русофобскую политику Польшей, которая к тому же является членом НАТО, становится понятным, что, выбрав Армению, он бы усилил верного союзника России, который не отвернулся бы от неё даже в самый трудный период.

Эту же версию поддерживает американский историк Эдуард Марк. По его утверждению, именно кризис вокруг Турции в августе 1946 года и военные приготовления СССР привели к тому, что американское командование разработало первый серьёзный план ядерной войны против СССР. Этот план, в свою очередь, и привёл Кремль к отказу от дальнейшей эскалации конфликта, чреватого развязыванием этой войны.

Таким образом, вековым мечтаниям армян вновь не суждено было стать явью, а благодарная Турция одной из первых вступила в НАТО, где пребывает и по сей день.

Когда закончилась сталинская эпоха, СССР отказался от территориальных требований к Турции. Спустя всего два месяца после смерти вождя, 30 мая 1953 года, новое правительство отправило Турции ноту, в которой окончательно зафиксировало свой отказ от требований по пересмотру советско-турецкой границы. Никита Хрущёв в процессе своей антисталинской кампании прошёлся и по сталинской дипломатии в отношении Турции. Недалёкому Хрущёву не давало покоя, что Сталин «потерял дружественную Турцию» и «толкнул её в объятия НАТО».

13.

В 1965 году армяне по всему миру отмечали пятидесятую годовщину геноцида армян. В Армянской ССР такой возможности не было. В советское время разрешалось широко отмечать только утверждённые в Москве исторические события. 24 апреля 1965 года почти по всем городам Советской Армении, и особенно по Еревану, прокатилась волна демонстраций. Во многом благодаря им первому секретарю ЦК КП Армении Якову Никитичу Заробяну удалось добиться согласия Москвы для сооружения в Ереване Цицернакабердского мемориала, увековечившего память жертв геноцида армян.

Впрочем, есть и другая версия этих событий, сторонником которой является доктор исторических наук А. С. Вирабян. Историк считает, что в деле распространения коммунистических идей Москва делала большую ставку на многочисленную и влиятельную армянскую диаспору. В странах, которые имели многочисленные армянские общины, местные компартии имели отдельные армянские секции, которые зачастую имели влияние, превосходящее головные партии. Уже в 1964 году Заробян довёл до сведения Москвы необходимость строительства памятника и проведения мероприятий, в противном случае диаспора могла бы отвернуться от Советской Армении. Советское руководство согласилось с доводами, и 24 апреля стало официально отмечаться в Армянской ССР как день памяти жертв геноцида армян[68].

7 декабря 1988 года в Армении произошло катастрофическое землетрясение магнитудой 8,2 балла. Были разрушены город Спитак и пятьдесят восемь сёл. Частично разрушены города Ленинакан, Степанаван, Кировакан[69] и ещё более трёхсот населённых пунктов. Двадцать пять тысяч человек погибло, ещё пятьсот четырнадцать тысяч остались без крова. Все союзные республики участвовали в восстановлении разрушенных районов. 10 декабря 1988 года был объявлен в СССР днём траура.

В 1991 году СССР прекратил своё существование. В «либеральной» среде принята популистская версия под авторством западных и прозападных российских историков, экономистов и советских диссидентов, согласно которой он просто сам развалился под грузом своей нежизнеспособной экономики. Однако не будем забывать, что этому развалу предшествовал процесс, вошедший в историю как горбачёвская «перестройка». По нашему мнению, перестройка была не чем иным, как «революцией сверху». Правящая элита во главе с Михаилом Горбачёвым и Александром Яковлевым намеренно сделала всё, чтобы страна перестала существовать.

Вместо того чтобы провести обдуманные реформы, подобные тем, что были осуществлены в Китае, горбачёвский ЦК подорвал и затем разрушил до основания все основные институты государства, после чего оно уже было не в состоянии существовать.

Горбачёв и сегодня любим и обласкан Западом, он читает лекции, снимается в рекламе. Его фонд финансируется иностранным капиталом. Он лауреат Нобелевской премии мира, несмотря на то что в результате его действий были развязаны десятки межнациональных конфликтов. Когда армяне обратились к нему со справедливым требованием вернуть Армении Нагорный Карабах, Горбачёв вместо этого сделал всё для того, чтобы раздуть нагорно-карабахский конфликт до необратимых масштабов. Неприкрытая азербайджанская агрессия против мирного населения Карабаха была не только не пресечена горбачёвским ЦК, а, можно сказать, открыто поддержана. Достаточно вспомнить операцию «Кольцо», во время проведения которой Советская Армия закрывала глаза на азербайджанские этнические чистки армянских

68. Кремль дал разрешение на постройку мемориального комплекса «Цицернакаберд» ещё до протестов 1965 г. (http://news.genocide.ru/2007/12/03/452.htm).

69. Ныне Ванадзор.

деревень. Армяне с честью сразились в навязанной им войне и одержали в ней сокрушительную победу, в результате которой появилась независимая Республика Арцах.

Доверие населения Армении к советскому руководству было окончательно подорвано. Единая страна перестала существовать.

21 сентября 1991 года по итогам референдума была провозглашена независимость Армении, появилась третья армянская республика. Настала эпоха дикого капитализма, соответственно и отношения между Российской Федерацией и Республикой Армения стали во многом определяться интересами крупного капитала.

Да, несмотря ни на что, со стороны кажется, что сегодня отношения Армении и России находятся на очень высоком уровне. Армения считается основным союзником России в Закавказье, позиции стран совпадают или близки по ключевым международным вопросам.

Российская Федерация одной из первых стран официально признала геноцид армян. Государственная Дума РФ 14 апреля 1995 года приняла заявление, осуждающее организаторов геноцида армян 1915–1922 годов и признающее 24 апреля Днём памяти жертв геноцида армян.

Армения наряду с Россией является одним из основателей и полноправным членом СНГ[70] и ДКБ (ОДКБ)[71]. На территории Армении дислоцируется 102-я российская военная база, есть объединённая российско-армянская войсковая группировка. Пограничники ФСБ России совместно с армянскими пограничниками охраняют границу Армении и Турции. В Ереване действует Российско-Армянский (Славянский) государственный университет, обучение в котором проходит на русском языке; кроме него, функционируют шесть филиалов крупных российских вузов. На территории Армении доступно вещание всех крупных российских телеканалов.

Вместе с тем отметим, что Россия, являясь крупнейшим зарубежным инвестором в экономику Армении, в некоторых сферах ведёт себя далеко не как друг и союзник. В полной или частичной собственности и управлении российских компаний находятся важнейшие объекты топливно-энергетического комплекса Армении: компания «АрмРосгазпром», Разданская ТЭС, Севано-Разданский каскад ГЭС, распределительные сети, Армянская АЭС.

Тарифы на газ и электроэнергию для населения в Армении непомерно высоки, и, учитывая, что именно Россия является собственником этих энергетических компаний, население во многом винит в этих ценах именно её. Этим и любыми другими удобными для политики Запада факторами через подконтрольные им СМИ, политиков и «гражданских активистов» умело пользуются зарубежные организации и многочисленные НПО, разжигая среди населения Армении антироссийские настроения. Цель у них одна — окончательно добить и Россию, и Армению.

Несмотря на существующие проблемы, мы оптимистично настроены в вопросе дальнейшего развития армяно-русских отношений. Мы считаем, что у руководителей России и Армении хватит политического благоразумия и воли для продолжения укрепления союзнических отношений. Конечно, постоянно будут попытки устроить в наших странах цветные революции, подобные недавнему Майдану на Украине, и разрушить то, что было создано. Впрочем, недавняя история показывает, что и российский, и армянский народы очень сложно обмануть путём западной пропаганды и вытащить на площади.

В феврале отмечается очередная, 187-я годовщина Туркманчайского мирного договора, этому великому событию мы и посвящаем эту статью.

Заканчивая наш рассказ об истории армяно-русских отношений, отметим, что мировые геополитические интересы великих держав редко меняются. Несмотря на официальные заявления турок, мы уверены, что Турция всегда будет лелеять мечты о конечной цели пантюркизма — государстве Великий Туран. Армения всегда будет препятствием на пути осуществления этого плана, а Россия будет этому плану противостоять.

Что же касается США, Великобритании и Германии, то они всегда будут заниматься своей хитрой, почти всегда антироссийской политикой.

Со 2 января 2015 года Армения вступила в состав Евразийского экономического союза, который, по нашему мнению, с каждым годом будет играть всё более важную роль. Но, по нашему мнению, для осуществления этого либеральные прозападные деятели должны быть полностью устранены от управления российской экономикой и тем более идеологией.

Надеемся, что в рамках этого Союза будут построены новые, истинно союзнические армяно-русские отношения. Мы ещё раз призываем читателя не поддаваться влиянию псевдоисторической пропаганды, которая зачастую преследует сиюминутные и деструктивные политические цели, а объективно изучать исторические факты и делать самостоятельные выводы.

Ереван, февраль 2015

70. Содружество Независимых Государств, региональная международная организация, призванная регулировать отношения сотрудничества между государствами, ранее входившими в состав СССР.

71. Организация Договора о коллективной безопасности, военно-политический союз, созданный несколькими государствами Евразии.

Валерий Дударев

Предзимье

Предзимье

Снег созрел под утро.
Ветер налетел.
Чёрная дорога бьётся о метель.

Ах, зачем же биться
Да себя крошить?—
Ведь на белом свете не сыскать души!

И никто не вспомнит, если б и хотел,
Как моя дорога
Билась о метель!

Поэзия

Наречье гиблое продлится
И, может статься, в свой черёд
Через века, через границы,
Через сомненья перейдёт.

Кому-нибудь неосторожно
Вручив и посох, и суму,
В глухом притоне придорожном
Даст объяснение всему!

Всему, что билось и звучало
И что теперь не в свой черёд,
А роково и запоздало
Вечерней молнией мелькнёт.

Мелькнёт, чтоб снова повториться!
И повторяется уже
Сухим листком, смешной синицей,
Дымком на дальнем рубеже…

● ● ●

Когда от молний ночь светла—
В окошках вздрагивают лица,
Но наша старая ветла
От молний вряд ли загорится.

Возможно, лес сгорит дотла.
Возможно, сгинут звери, птицы.
Но старая ветла
От молнии не загорится.

Мы можем бросить все дела,
Мы можем спятить, можем спиться…
Ветла
Не загорится!

● ● ●

Есть в России тихие долины,
Где горят огни, а вечер тих,—
Это жгут подруженьки лучины,
Ожидая суженых своих.

Есть в России тихие погосты,
Где растут забытые цветы,
В небесах заботливые звёзды
Плачут, одиноки и чисты.

Даже в тёмном вихре снегопада
Мне снежинок ласковых не счесть.
Господи, чего же людям надо?!
И любовь, и смерть в России есть.

● ● ●

Одинокое, злое раздолье!
Дело к осени.
Травы горчат.
Бесполезные грубые колья
Из разбитых заборов торчат.
Невозможно!
Пустые надежды
Невозможно, как сено, убрать.
Нестерпимо!
Тяжёлые вежды
Нестерпимо к утру поднимать,
Обжигаясь пейзажем привычным,
Размышляя,
        куда же идти,
Вспоминая друзей закадычных,
Что спешили,
        но сбились с пути.
Им казалось,
        что им ещё можно
Всё начать и куда-то успеть.
Им казалось!
А ночью тревожной
Никому не дано рассмотреть
В бесконечном мерцании звёздном
Непохожий,
        родной огонёк.
По-земному жестоко и поздно
Понимаешь, как ты одинок!

● ● ●

Осень. Звёзды. Тень причала.
Резкий след на вираже.
Я хочу, чтоб ты молчала—
Недоступная уже.

С кузовком гвоздики алой
В полумраке вечных лип—
Я хочу, чтоб ты молчала,
Словно я давно погиб.

Я хочу, чтоб ты встречала
Тот последний пароход,
Что у этого причала
Никогда не пристаёт.

Только лилий одичалых
Упоительный изгиб…
Я хочу, чтоб ты молчала.
Я хочу, чтоб я погиб.

● ● ●

Звёздное многоточье
Ставят в Ташкенте ночью.
Могут зарезать спокойно.
Могут не резать вовсе,
Если уже устали
Резать ежесекундно.
Средства общенья скудны:
Мы им свирепых конных
В семнадцатом поставляли.
Они нам сегодня пеших.
Сказочные детали,
Если судить по-детски.
Русский район, «узбецкий»
Тянутся друг за другом.
Север смешался с югом
По-взрослому, по-советски.
Слышишь, собаки брешут?
Жаркий глотая воздух,
Можешь погибнуть глупо.
Правда, пока не режут—
Слишком большие звёзды,
Чтобы не видеть трупов.

● ● ●

Я не участвую в истории.
Весь исторический процесс
Моей не знает территории.
Здесь поле, стог, река и лес.
Хожу-ищу грибочки рыжие.
Солю на зиму огурцы.
И, слава Богу, снятся хижины
Гораздо чаще, чем дворцы.

● ● ●

Чужеземье миров и эпох,
Где всю ночь простоял не дыша…
Ветер плыл, серебрился и глох
В родниковой глуши камыша.
Так, наверно, звучала свирель
До игры, до рождения мглы…
Непролазная сельская сель,
Где тропинка цепляет стволы,
Где стряхнуть не посмеет рука
С подорожника гроздья росин,
Ни шмеля отогнать с василька.
Так, наверно, звучал клавесин…

● ● ●

Сгорают звёзды, люди, царства…
Испепеляющий конец!—
И нет на свете государства,
В котором умер мой отец.
И словно он в сороковые
И не выигрывал войну—
Так быстро справили живые
Себе отдельную страну.
И словно не было державы,
Свалившей гордого врага.
И там, где город русской славы,
Теперь чужие берега.
И там, где время сохранило
Могилы русских казаков,
Теперь степная правит сила
Чужих очей, чужих подков.
И там теперь чужие страны,
Где гибли русские полки,
А горстку русских ветеранов
Добьют латышские стрелки…

Гениальное

Неутолимо хванчкары
Глоток упрям, родим и светел,
И серебрит меж вётел ветер
Сонеты солнечной игры.
Напитан звуками клавир,
Форель бурна, овечка блеет—
И в этом жизнь.
Так любит мир.
Но лишь поэт любить умеет.
Когда, судьбу свою итожа,
Он различает—
    час настал!
Любовь и смерть—
    одно и то же!
И возникает мадригал.

Сергей Арутюнов
Минойя

Портрет первый

Пузат, подобен бодхисатвам,
Клюкой загнутой стук-постук,
Заложенным соседским садом
Неспешно шествует пастух.
Не то что преуспел в пороках,
Но крыл кредитами кредит,
Сберёг овец разнопородных,
И жив ещё, и не кряхтит.

И дед его хозяйство гробил,
Ссудив потомку зной долгов,
Сарай, обшарпанный «лендровер».
Паракало—и был таков.
И вот на рыбине губастой
Потомок едет сквозь холмы,
Ещё не скот, уже не пастырь,
А человек. Такой, как мы.

Портрет второй

Эти местные—как цыгане:
Ни один из них не знаком,
И деревья глядятся мхами,
И минувшее мнится мхом.

Кем бы ни был, чему б ни верил,
Распахнётся над головой
Малахитовой пальмы веер,
Никакуще-никаковой,

И архангел, что катахрезой
На счастливую жизнь сподвиг,
Не заметит, что мальчик резвый
Без чего-то уже старик.

И не взыщешь уже с такого:
Ходит с грацией колуна,
И лопата его совкова,
И рука его холодна.

Светлым днём, угодив святыне,
Счистив мух, что святыню злят,
Он пригладит усы седые
И в минувшее вперит взгляд.

Пейзаж полдневный

Те боссы, что неторопливо,
В отличие от вшивоты,
Потягивают в барах пиво,
Выпячивая животы,
По бросовым скупивши ценам
Имущество семи колен,
Убеждены, что сельским цехом
Не настрогать на «Порш Кайенн».

«Само растёт…» А ты попробуй
Такие вырастить сады,
Чтоб воссияли, как акрополь,
Среди окрестной тесноты.
Пустеет бак за каплей капля,
Сезонно вздорожал бензин.
Дефолт небес, воды и камня
Премьер доступно объяснил.

Но воля дерзкая восстала,
И властью данной теплоты
В окне брюссельского вассала
Бушуют листья и плоды.

И озаряется аллея,
И пчёлы, паука ловчей,
Разносят липкий запах тленья
Над плащаницами лучей.

Пейзаж вечерний

Уж поздно. Природа затихла,
На ветви накинута мгла,
И тень водяного сатира
На дикие пляжи легла.

Ну что, погостили—и ладно,
Прошли, не оставив следа,
По лестнице с лейблом «Эллада»
Вселенной вода разлита,

И мы уезжаем, не споря:
Не наша та жизнь и тот спор
Зверья, что выходит из моря
Навстречу бегущему с гор.

Видение первое

Из глубины стопхамья,
Где пепелища жжём,
Эта земля сухая
Выглядит миражом:
Мерно, необратимо
Время пылит вдали
В сицилиоз Ретимно,
Рыжий откос Бали.

Жара—хоть ешь горстями.
Сушь да узлы олив.
Мнительные крестьяне,
Беглый свершив полив,
Толком не порыбачат:
Строго по существу
Жертвенник, бородавчат,
Гневно с них взыщет мзду.

Если уж так он с ними,
Как же с тобой, чужак,
Что, в умиленье нимфе,
Век просвистал в чижах?
Смилуйся, не бесчинствуй:
В греках лишь тот варяг,
Кто прибивает щит свой
На золотых дверях,

Или, презрев обычай,
Мифы с камней сколов,
Сам с головою бычьей
Первым идёт с холмов.
Что ему Галатея?
Девка, как ни крути,
В сизой тени отеля,
Сползшей с его груди.

Пейзаж дневной

Благословенные края!
Шизофрения альтиметра,
Где, склоны инеем кропя,
Почиет со снопом Деметра,
И море словно бы над ней,
Но, как ни хмурь оно надбровий,
В бездумии ни сатаней,
Холмы всегда глядятся в профиль.

Ни зелень горных анфилад,
Ни солнц бесчисленных глазуньи,
Ни городишек рафинад
Не растворяются в лазури,
Ни Господа, ни Сатану
В свидетели не призывая…
Лишь поскакушка плясовая
Ракушкой лепится ко дну.

Пейзаж ночной

Не в петушином сипе водомёта—
В огне к закату наклонялся день.
Святилище в меня смотрело мёртво,
Не видя смысла в жизни без людей.

Давно над ним стелилась тьма полого,
Шептали тени: ну же, присягни
Развалинам язычества былого,
Проросшего из пахотной земли.

Лишь к западу сияла плоть веранды.
На вилле с подъяремным гаражом
Носились вожделенья, девиантны,
И буйный свет, что в них преображён.

Там ужинали с узо и чинзано,
Интриг и то, расслабясь, не плели,
И время постоянно исчезало,
Не кланяясь ни смерти, ни любви.

Видение второе

Впору ли опасенья,
Если уже вот-вот
Смена воды в бассейне,
Частный воздуховод?

Грезь! На ладьях-оладьях
Махом вплывёшь туда,
В клёклую пыль галактик,
Коим века—туфта.

Сам разделишь слиянья:
Там, где фрегат возник,
В бездну глядят селяне,
Бездна глядит сквозь них.

Вот и деревья мокнут,
Ливни листву смели,
Долбит небесный молот
Впалую грудь земли.

Копоти огнестрельней
Серая песнь камней,
Жалобы менестрелей,
Урна и прах над ней.

Ересью альбигойца
Странник не погребён:
Козии колокольца,
Как на заре времён.

Сергей Ставер

Седые перья журавля

● ● ●

Мудрость — свет! От глупости лекарство,
Жизнь — целитель… слушайте врача!
Излечитесь, люди, от лукавства
В повседневной жизни и речах…

Свет и тьма вовек несовместимы!
Но всегда соседствуют они…
Напишите солнышком картины!
Расплещите радости огни!

Там, где ложь скрывается за лестью,
Мрак царит и лекари больны…
Никогда там совесть не воскреснет,
Опочив в тенётах сатаны!

Пастораль

В лазури вечной, в брызгах струй,
Где даль ласкает парус,
Светла, как первый поцелуй,
Заря в волнах купалась.

Румяна лил из чаши Феб
Небрежно и лениво…
И колосился жёлтый хлеб
У синего залива.

Пчела спускалась к лепесткам,
И шмель искал приюта…
И по серебряным пескам
Ступала нимфа Утро.

Дремал Зефир, красив и юн,
Блестел росой малинник!
И пела птица Гамаюн
Проснувшейся долине.

И всё казалось без конца,
Незыблемо и вечно!
Пылали в солнце деревца,
Как золотые свечи.

И стайка белокурых дев
Носилась у залива…
А я на камешке сидел —
Беспечный и счастливый.

● ● ●

Всё пройдёт… и солнышко отсветит,
Как лисица, заползёт в нору…
Отцвету и я на белом свете
Костерком вишнёвым на ветру.

Словно струны умершего счастья,
Отзвенят, забудутся слова…
Упадёт на белые запястья,
На лицо осенняя листва.

В лёгком танце розового дыма,
Где сирень черёмухе сестра,
Будет кто-то думать о родимых,
Вспоминать до самого утра.

А потом всплакнёт и втихомолку
Спать уйдёт на старый сеновал…
Гармонист сыграл — гармонь на полку!
Знать, отпел своё, отцеловал.

Гармонист ушёл… ему дороже
Чёрных нот небесный домик твой!
Стынь ползёт мурашками по коже,
По душе живой и неживой.

Стынь ползёт… и плачу я о милых.
Но что толку в мире горевать?
Ведь любовь, застывшая в чернилах,
Никого не может взволновать.

Век ушёл, а мне осталась малость —
Лишь мечтать о милых в тишине…
Видел я: с другими целовалась
Красота, обещанная мне.

● ● ●

Заката луч завис над бездной,
Прощальный росчерк бытия…
Не возвратить друзей любезных,
Погибших в битвах пития!

Вина полно! Но льётся в кружку
Не тот рубиновый агдам…
Свою последнюю подружку
За все цехины не отдам!

Я буду пить! Я буду плакать,
На лире старенькой бренча!..
В краю родном под красным флагом
Горит церковная свеча…

В краю родном блатные песни
Поют блатные женихи…
И нет огня священной мести
За оскоплённые стихи!

И нет в душе моей пожара,
Что распалял и гнев, и страсть,
Чтоб правду-матку уважала
Неуважаемая власть!

● ● ●

Моя мечта, как песнь, не спета
И разделяет страсть с другим…
И пьёт тоскующее лето
Осенней скуки жёлтый дым.

Природа плачет… серый август
Уже маячит позади,
И не рождает скука сагу,
Родив томление в груди.

Кричать—но это несерьёзно,
Когда всё прахом, вкривь да вкось!
И замедлять движенье поздно,
И рано прыгать под откос.

Состав летит по чёрным весям,
Скулит на стыках синих рельс!
Давай печаль в ладонях взвесим
И унесём в осенний лес.

Давай тоску задраим страстью,
Как люк пустого корабля…
Давай фиалками украсим
Седые перья журавля!

● ● ●

Лето. Ласточки и лира
Лечат душу, как молитва…
Лора… Лера… Лена… Лия!
Мендельсон и мандолина.

Мило, радостно и сладко…
Солнце сердцу посвятило
Синтез звуков и таланта
С задушевностью мотива.

Мёд мелодии—как лето,
Как изящество заката…
Мелодичность менуэта,
Миловидность музыканта!

Муза, что ли, посетила
Нашу скромную квартиру?
Менуэт и каватина
Вечно шествуют по миру!

Море радости и света,
Солнце ластится к долинам…
И поют, рождая лето,
Мендельсон и мандолина!

● ● ●

Полушалок голубой
А глаза синée…
Зачарованный тобой,
Обнимаюсь с нею.

С озорною, с разбитной,
Без нытья и форса!
Обручались с сединой
Золотые косы.

А в душе моей пожар,
Сотворенье чуда!
Я красивых обижал,
А теперь не буду!

Тают сладкие слова
На щеках рассвета…
Я девчонку целовал,
А казалось—лето!

Жизнь—маршрут и колея
Страсти и заката…
Виноват в изменах я,
Ты не виновата!

Нина Новикова

Будет ясная ночь

● ● ●

Затянуты постромками условностей,
по чёрно-белым клеточкам скользя,
все смотрят, удивляясь (что за новости?),
как пешка превращается в ферзя.

А ей хватило бесшабашной смелости,
дойдя до края, заглянуть за край,
спросив у бездны, разомкнувшей челюсти:
— За белых или чёрных? Выбирай…

● ● ●

Молодость музыкой ветра звенит:
«Динь»,—пустотелый бамбук;
«Доннн»,—ускользающий звук…
Скоро ты станешь богат, знаменит.

Хрупкие трубочки, тронь—разобьёшь,
ветер запутался в них:
«Дзень»,—поиграл и затих…
Ты не богат, но всё так же хорош.

Цветом лиловым окрашена грусть,
ветра покой нарочит,
музыка ветра молчит—
пусть, ты запомнил её наизусть.

Звон обещания—светлая ложь—
шумом остался в ушах,
молодость тихо ушла…
Не знаменит—и что ж?
Просто живёшь.

● ● ●

Чёток нефритовых бусины
мерно, бездушно стучат.
Губы до крови искусаны,
стынет жасминовый чай.

Перелицовано ветхое
рубище старых обид.
Сло́ва инъекция меткая—
жжёт, но уже не болит.

Выплесну горечь холодную.
Слабость мою не суди—
это не я. Непогодою
вызван тоски рецидив.

● ● ●

Сонно сыплется с небес шелуха—
Звёзды-семечки лущит лунный клёст.
Я чернила уберу от греха—
Не февраль, ещё не время для слёз.

Щёлк!—костяшками на счётах, как встарь,
Засыпая серебро в закрома,
Подведёт мои итоги декабрь—
Плюс ещё одна всего-то-зима.

● ● ●

Беспечно листвой шелестя,
плывёт невесомое лето…
Но осени близкой приметы
рекламой пестрят в новостях.

Не в срок пожелтевший листок
и сок переспелой малины
напомнят об осени длинной,
бредущей с котомкой пустой.

Капризен у августа день
в предчувствии скорой утраты—
то солнце, то дождик закрапал,
рождая круги на воде.

● ● ●

Ночь. Попрошайка-дождь
дробно стучит по окнам,
плачет: «Душа промокла»,—
ломаный просит грош.

Утро. Под стук дождя—
неба туманный сумрак,
серое время суток
хочется переждать.

День. Некрасив и слеп,
тёмен наполовину.
Дождь посильнее хлынул,
пляшет на крышах степ.

Вечер. Прогонит прочь
ветер тугие тучи.
Солнца закатный лучик—
ясная будет ночь.

Дмитрий Косяков

Что случилось?

Самое страшное — это умереть заживо. Это самое чудовищное, что я могу себе представить: умереть «мучительной жизнью».
Егор Летов

Глава 1,
в которой Васенька не оказывается за столом со значительными людьми

Васенька с удовольствием устроился на сиденье у окна: он любил загородные автобусные поездки. Принялся распутывать наушники. Плеером и привычкой постоянно слушать музыку он обзавёлся после того, как переехал с матерью на окраину. На работу добираться часа полтора-два, и столько же обратно. Путешествия по городским пробкам — занятие невесёлое: за окном изуродованный точечной застройкой пейзаж или брошенные, разрушающиеся заводы. Если добавить к этому хмурый осенний дождик, то и вовсе захочется повеситься. В салоне пахнет газом, люди набиты тесно…

К счастью, сейчас ему предстояло нечто совсем другое: просторный, почти пустой комфортабельный заказной автобус и почти три часа природных пейзажей за окном. Он ехал в качестве корреспондента на торжественное открытие рытья тоннеля. Это был первый Васенькин журналистский опыт. Не так давно он устроился работать в местный филиал радио «Эго Москвы». Вообще он не очень интересовался журналистикой, не следил за новостями — жил «вечными вопросами», ходил в церковь и зачитывался Достоевским. На филфак он пошёл потому, что хотел стать писателем; на лекции ходил выборочно; сидя на задней парте, сочинял стихи о любви и смерти. Что-то в духе:

Тоскуют песни стрелами в колчане,
И полнят разум думы, да не те,
Но при свечах моленье и молчанье
Соперничать способны в красоте.

И так далее.

Подавляющее большинство преподавателей были православные и усердно наставляли студентов на путь истинный. Василий Спиридонович по прозвищу Борода, подпрыгивая и приседая, как будто укачивал невидимого младенца, рассказывал, как в любом произведении найти образ Христа, ибо вся культура — это лишь вариации изначального мифа о распятом и воскресшем Боге. Васеньке нравился такой подход: всё искусство превращалось в нехитрый детский ребус в духе «Где спрятался слон?». Елена Максимовна обличала проклятых большевиков, загубивших Китеж-град, и предлагала брать пример с русских символистов: изящно выражаться, изящно одеваться и окружать себя изящными предметами. Она взмахивала широкими рукавами платья, как чёрный лебедь, желающий умчаться от ненавистной земли. А вот Ада Викторовна по кличке Шамбала была похожа на хищную птицу: устремив на студентов острый нос и злое око с огромным чёрным зрачком, она призывала отказаться от разрушительного прогресса и жить в землянках, как её прабабка. Разделяя ненависть Елены Максимовны к «красному периоду истории», она мечтала скрыться ещё глубже во тьму веков. Что говорил молодой преподаватель Юлик, вообще никто не мог понять, поскольку он ко всем словам добавлял приставку «мета», а когда Васенька попросил объяснить, что такое «дискурс», он вдруг очень рассердился, а потом на экзамене влепил Васеньке тройку. И всё же весь этот пёстрый набор странноватых персонажей «не от мира сего» был лучше, чем мир «попсы», который тёк с экранов телевизоров и кинотеатров, из колонок и витрин и, казалось, с макушкой захлестнул более девяноста процентов населения.

Даже с Интернетом приходилось быть очень осторожным: если ты отчётливо не знал, зачем ныряешь в Мировую паутину, ты гарантированно оказывался на порносайте, рекламной страничке, залипал в чём-то мигающем и розовом с дракончиками, котятами и блестящими автомобилями. Так что что-то новое и интересное проще было узнать от преподавателей или однокашников.

Увы, теперь учёба закончилась, а до всемирной литературной славы Васеньке было ещё далековато. Засиживаться на шее у матери он не собирался — надел лучшую рубашку и тесные туфли и стал искать работу. Промыкавшись без толку целое лето, нещадно истерев привыкшие к кедам ноги, он наконец устроился на радио. Местное вещание «Эго Москвы» организовал пресс-секретарь бывшего губернатора, разбившегося на вертолёте при загадочных обстоятельствах. Новый ставленник

президента привёл собственную команду, подчистую разогнав аппарат несговорчивого предшественника. Поправившись после вертолётной катастрофы, бывший главный пресс-секретарь региона решил сделаться официальной оппозицией и стал спешно набирать молодые и буйные кадры для фрондирующей радиоволны.

Нет, сам Васенька не интересовался политикой. «Всё суета»,—повторял он за Экклезиастом. Но кушать чего-то надо было—стало быть, приходилось и суетиться. Вообще он ел мало и даже в армию не попал благодаря недостатку веса. Один брикетик китайской лапши с хлебом и пара стаканов чая—что ещё нужно поэту? Поэту нужна любовь. А вот для любви нужна была самостоятельность. Обзавестись собственным или съёмным углом и забрать даму сердца с собой, запереться от внешнего мира, впуская по мере надобности только друзей и Господа Бога. О, это был бы рай! Рай на земле. Да и на небесах он не помышлял о большем.

Значит, нужно стиснуть зубы и работать. На любой работе, какая подвернётся. Лишь бы встать на ноги. Васенька ещё раз проверил свою аппаратуру. Ему выдали громоздкий кассетный диктофон «Marantz» и микрофон с логотипом его радиостанции—устаревшая, но качественная техника. Аккумулятор заряжен, главное—следить за лампочками. Убедившись, что всё в порядке—паспорт, блокнот и ручка при себе,—он откинулся на удобную спинку, надел наушники, и ласковый голос Бориса Гребенщикова стал облизывать ему уши:

Отпустите мне кровь, голубые снега…

Ехать предстояло довольно долго—на далёкую стройплощадку. Сегодня предстояло торжественное открытие рытья тоннеля. Для этого будет использована новейшая импортная техника. Говорят, что потом эти же машины будут применены для рытья метро. Строительство подземки в его городе планировалось ещё с советских времён, но споткнулось о девяностые годы, да так и не двигалось с мёртвой точки. Теперь это стало практически ритуалом: каждый кандидат в мэры или губернаторы обещал прорыть злосчастное метро. Васенька не слишком верил этим обещаниям, хотя и не был настроен оппозиционно. Даже наоборот, действующую власть он любил и почитал, потому что она поддерживала православие и русский народ против представителей других вер и национальностей, а также был благодарен этой власти за то, что она уничтожила ненавистный СССР, в котором обижали рокеров и священников.

…Вылетела пташка—да не долетела;
Заклевал коршун—да голубя.
Привели, взнуздали мне коней беспредела,
А кони понесли—да всё прочь от тебя…—

блеял БГ.

«Вот оно! Это же про нашу историю. Устроили мы великий беспредел—революцию, и это отдалило нас от Бога,—догадался Васенька, тем более что неоднократно слышал нечто подобное по телевизору и в университете.—Ну ничего. Слава Богу, теперь всё на лад пошло: церкви строятся, значит, и души исцелятся. А как души исправятся, так и всё остальное расцветёт». Власти он верил безоглядно и даже мечтал ей быть полезен. Правда, он не знал чем. В православных кружках и воскресных школах чтение книг и слушание рока было как-то не в ходу и даже вызывало косые взгляды. Ему не удавалось найти общий язык с молодыми попиками, слушавшими попсу и хоровое пение, или с молодыми активистами, читавшими только молитвослов, да и Библию, в отличие от Васеньки, знавшими с пятого на десятое. Увы, мудрая кремлёвская власть была далеко—в златоглавой Москве. А её местные представители, которых ему доводилось видеть, производили отталкивающее впечатление. Это были какие-то шкафы с глазами, говорящие предметы. Васенька пугался своих истинных чувств и старался относиться к чиновникам иронически. «Если уверуют, то исправятся»,—рассуждал он.

Оппозиционеры ему тоже не нравились. Во-первых, они были наверняка евреи и совершенно не интересовались православием. Во-вторых, они (взять хотя бы знаменитого московского журналиста Монопольского) говорили очень громко, быстро и непонятно. При этом в любом споре слушали только себя. Они не рассуждали о высоких материях, о смысле жизни и о нравственности. Их интересовали только ямы на дорогах, пробки—в общем, всё, что связано с автомобилями. И ещё они очень много ехидничали и грубо шутили. Им казалось, что если они достаточно едко пошутят о президенте, то этим что-то докажут. Или, например, уличая попов в грехах, они считали, что опровергают христианство. Но Васенька был неуязвим для их яда: он вообще никак не связывал веру с реальной жизнью. Одно дело—священники, другое дело—идея священноначалия. В Библии же чётко сказано, что воровать нехорошо. Как же может конкретный вор это перечеркнуть? Пусть хоть все священники погрязнут в разврате, православие для Васеньки останется чисто и свято.

И главное, эти диссиденты с протестных радиостанций не выдвигали никакого собственного идеала. Они только критиковали то, что есть. Однако как бы плохи ни были нынешняя Россия и её церковь, за их спинами маячили авторитеты Достоевского, Шмелёва, Солженицына и Астафьева. А оппозиционные умники предлагали взамен анекдоты, памфлеты и непонятные иностранные конвенции и декларации. Всё это было слишком зыбко, не имело ни вершин, ни корней. И хотя теперь сам Васенька оказался сотрудником такой

радиостанции, он не собирался окончательно «прогибаться под изменчивый мир». Он был намерен делать репортажи в «правильном» ключе, всячески превозносить родину и веру, а со временем, может быть, даже сделать собственную авторскую программу и там уж сказать всю правду.

За окном проносились жидкие перелески. Осенние ветра практически лишили их листвы. Схваченная первым инеем придорожная грязь заиндевела живописными волнами. Во все стороны тянулись придавленные серыми облаками поля. И всё же этот унылый октябрьский пейзаж дарил умиротворение, как-то особенно откликался на Васенькин душевный настрой. В душе и в голове его было так же пусто и серо. И, кроме того, живая природа в любом своём виде была предпочтительнее индустриальных развалин, в которые превратился его некогда процветающий город.

> Поколение дворников и сторожей
> Потеряло друг друга в просторах бесконечной
> земли-и-и,—

пел Гребенщиков. На соседних сиденьях общались между собой другие журналисты. Но Васенька был новичок, стеснялся их, да и не мог поддержать беседу о чём-либо, кроме искусства и религии. Студенты-филологи относились к студентам-журналистам с лёгким презрением за поверхностность их знаний, суждений и за ловкачество. Журналисты начинали работать буквально с первых курсов, а оценки на экзаменах добывали хитростью: забалтывали или зашучивали преподавателей, клянчили, жаловались на трудности совмещения работы с учёбой. К третьему курсу они обрастали уже кой-какими связями, у них заводились свободные деньги, которые они проматывали в ночных клубах. В целом они были более успешны. И это в глазах бессребреников-филологов тоже было грехом. Быть успешным в мире гламура и денег считалось зазорным.

Вот почему Васеньке не хотелось принимать участия в беседе попутчиков. Он изредка оглядывался на их лица, и под чарующие гитарные переборы они казались ему особенно нелепыми, а их улыбки фальшивыми. «Что они с таким увлечением обсуждают? Над чем с такой готовностью и так нервно хохочут? Всё суета…» Он не вынимал наушников до тех пор, пока не стали раздавать коньяк. Васенька не знал о том, что журналистов на вывозе принято задабривать, и стаканчик коньяка стал для него приятной неожиданностью. Вообще он не пил и сам никогда не тратился на спиртное, предпочитая сладости, но от даровщинки не отказывался, в том числе от алкоголя. Тёплый огонёк с бананово-абрикосовым привкусом разлился по телу, и ехать стало в два раза интереснее и веселее. А когда он снова включил музыку, она сделалась просто восхитительной: каждый звук каждого инструмента стал различим и особенно приятен, а тексты, наоборот, перестали распадаться на отдельные фразы, а слились в единый поток слов и образов, из которого, сосредоточив внимание, можно было вдруг выловить нечто интересное — какую-то идею или метафору, мысленно полюбоваться ей несколько секунд, пока новые стихи не вытеснят её и не унесут в тёмные глубины подсознания. С другой стороны, Васеньку и задабривать было не обязательно: он и так был настроен архилояльно и собирался прославить успехи отечественного тоннелестроения.

В общем, доехали просто замечательно. На момент прибытия алкоголь уже совершенно выветрился, но всё же, едва Васенька покинул автобус, у него закружилась голова от обилия свежего воздуха, света и неба с величаво плывущими тучами. Пейзаж был настолько необычен и огромен, что просто не поместился в Васенькиной голове и впоследствии начисто стёрся из памяти. Крутые сибирские холмы, покрытые зелёной тайгой, были расчерчены геометрией траншей и котлованов. Куда-то вниз, в переплетение стрел, кранов и проводов, по изгибам утёсов убегали лестницы и конвейеры. Группа стала спускаться, и по мере продвижения становились видны установленные праздничные транспаранты.

— Господи помилуй,— интуитивно прошептал Васенька, глядя на циклопические агрегаты и замершие в ожидании сигнала механизмы.

Но здесь молитвы показались неуместны. На этой территории царили совсем другие, непонятные боги.

Линия рельсов упиралась прямо в скалу, и напротив этой природной стены на рельсах был установлен главный механизм с огромным логотипом иностранной компании. Ему предстоял поединок с таёжным камнем. На платформе топтались рабочие, начальство и ещё какие-то люди. Журналисты кинулись в толпу собирать комментарии, а Васенька стоял с разинутым ртом и смотрел по сторонам. Тут из хрипучих колонок грянула праздничная музыка. Это были переделки шлягеров Высоцкого, превращённые в рекламные песни тоннелестроительной фирмы. Переделки были убогие, тексты примитивные, да и музыка вся была записана на синтезаторе — ни одного живого инструмента. Однако филолога Васеньку порадовало, что за основу взяли именно Высоцкого, а не какой-нибудь шансон. Он мигом оценил огрехи и достоинства этих песен; можно сказать, что в непривычной обстановке его мозг охотно ухватился за знакомую работу — анализ художественных произведений.

Песни звучали уже по второму разу, все бесцельно топтались по платформе, первые лица запаздывали. Наконец на трибуну взошли трое: представитель власти, глава компании, осуществлявшей

проект, и директор западной фирмы — поставщика технологии. Иностранец отличался тем, что шире улыбался. В остальном все трое были очень похожи: одинакового возраста, комплекции, одинаково одеты. Они произнесли дежурные фразы, и Васенька записал их на свой «Marantz». Они говорили о том, какое вселенское значение имеет этот тоннель и какие они молодцы, что затеяли это дело. Всем, включая самих выступающих, было абсолютно всё равно, что они говорят. Потом грянула торжественная музыка, такая же бессмысленная, как и произнесённые речи, все зааплодировали, грохнули об одну из опор бутылку с шампанским, разрезали ленточку, и специальный рабочий побежал к пульту управления машиной. К электронным фанфарам присоединился рёв агрегата, и железное диво двинулось на скалу. Визг и скрежет разрубаемой породы окончательно заглушили музыку. Тайга загудела.

— Ой, Танечка… — имя возлюбленной невольно сорвалось с Васенькиных губ.

Всё вокруг дрожало, весь мир превратился в зубоврачебный кабинет. Ему показалось, что сейчас треснет небо. Наконец гул машины стих, она отступила назад по рельсам, предъявив собравшимся груду отделённых от утёса обломков. Сквозь шум снова прорезались музыка и общие аплодисменты.

Толпа задвигалась. Васенька оглянулся и увидел, что другие журналисты полукругом стоят перед сошедшим с пьедестала чиновником и тычут в него диктофонами. Васенька тоже подбежал и нажал на запись. Он не очень хорошо слышал и понимал, о чём шла речь, но это можно было выяснить позже, при прослушивании плёнки. Брифинг закончился, и все затопали куда-то дальше по дощатым настилам, перекинутым через осеннюю сибирскую распутицу. На специальной площадке были установлены столы с водкой и закуской, а также была оборудована сцена. На открытом месте людей быстро продуло ветром, и они поспешили к столам с горячительными напитками, причём рабочие, журналисты и начальники, не сговариваясь, подошли к разным столам. Ими никто не командовал, каждый сам почувствовал своё место. Васенька запихал в рот два бутерброда и залил их двумя пластиковыми стаканчиками водки. Ещё с детства он привык есть быстро и ни с кем не делиться.

Водка начала действовать согревающе, когда снова заиграла музыка и открылась концертная часть. На эстраду вышли женщины в русских народных сарафанах и кокошниках, расположились полукругом и под попсовый «туц-бац» стали петь «Калинку» и «Во поле берёзка стояла»; иногда вперёд выбегал казак с лакированным чубом и принимался гикать, притопывать и махать огромной блестящей шашкой. Конечно, это была попса, но всё-таки на русской народной основе. Всё грохотало, журналисты хохотали и пили.

«Вот ведь, веселятся все, пьют, а Богом тут и не пахнет. Где же духовность?» — размышлял Васенька, с трудом проталкивая мысли сквозь пелену опьянения и выискивая взглядом на столе, что бы ещё такое попробовать. Комочки жульена в песочных корзиночках, канапе на пластмассовых шпажках — Васенька отродясь такого не едал. От закусок его взгляд скользнул к людям. Под противоположным навесом он увидел трёх главных хозяев торжества, стоявших в тесном кругу своих помощников и что-то весело обсуждавших (иностранец общался через переводчика). Они выглядели особенными, не похожими на других людей и совсем не такими, как по телевизору. На Васеньку магнетически действовало близкое присутствие «больших» людей. Казалось, что от их рубашек, их лиц и волос, оправ их очков исходит чудесное сияние.

Потом он снова посмотрел на сцену. «Пляшут, поют, тоннель вот собрались рыть, но разве это праздник? Пир во время чумы. Есть в душе человека такая пропасть, которую может заполнить только Бог. Без Него это место наполняется тоской и отчаяньем. Стало быть, под покровом повседневных забот и напускного веселья жизнь без Бога — сплошная пустота и абсурд…» По церковным правилам, человек родился для того, чтобы молиться либо в творчестве своём славить Господа, то есть опять же молиться. Но сколько Васенька ни молился, тоска и отчаянье сохранялись. Они отступали, только когда он писал стихи. И он писал помногу, чуть не каждый день.

Его взгляд пробежал по грубым лицам рабочих. Разгорячённые водкой, они о чём-то возбуждённо спорили. Они были непонятны и неприятны Васеньке. Начальники тоже были ему непонятны, но его притягивал их мир больших дел, секретных совещаний и чистых воротничков. Он решил вынуть из рукава свой заветный козырь — знание английского языка — и взять интервью у иностранца. Ему хотелось, чтобы тот принял его за своего, понял, что даже здесь ему есть с кем поговорить на родном языке, и, может быть, даже испытал благодарность за оказанное почтение. Васенька пощупал свой «Marantz», но пальцы слушались плохо, перед глазами всё приплясывало, он без толку пощёлкал кнопками и нетвёрдым шагом направился к палатке начальства. «Ведь я же поэт, у меня такой богатый внутренний мир, он интересен всем моим друзьям, а значит, должен быть интересен и этим незаурядным людям». Ему было немного страшновато приближаться к таинственным начальникам, и всё же он пошёл к ним, а не к рабочим. «Наверное, они знают о жизни что-то такое особенное, эти люди в дорогих чёрных пальто», — думал Васенька, и ему хотелось заглянуть в их мир. «Они должны понять, какой я необыкновенный», — вертелось в его захмелевшей

голове, пульсировавшей вместе с басами фонограммы, под которую казак выкаблучивал по помосту. Васенька приблизился к иностранцу и, вытянув микрофон, заговорил на его родном языке — представился и спросил:

— Мистер Маккормак, в чём смысл жизни?

Пускай почувствует, какой глубокомысленный ему встретился собеседник, а главное, что его интересуют не фирма, не деньги, а взгляды и чувства большого человека.

Однако вопрос не оказался для заморского гостя неожиданностью, и он с готовностью отчеканил, загибая пальцы:

— Первое — это дело (business), которое ты делаешь. Второе — это семья. Третье — это польза (profit) для окружающих.

«Не назвал религии, — усмехнулся про себя юный филолог. — Ну ничего. Я ему напомню».

— Скажите, почему же тогда все эти люди, — он широким жестом постарался охватить побольше присутствующих: рабочих, журналистов, артистов, — так печальны?

Лицо большого человека мигом застыло, а глаза сковал лёд: он подумал, что натолкнулся на коммуниста. Ещё бы! Он увидел перед собой типичного марксиста — худого, длинноволосого, в немодной поношенной одежде. А при этом держится так, словно наряжен во фрак! Он всегда считал, что «красных» в России не добили, что чернь всё ещё верит в своего не похороненного Ленина. Его отец в шестидесятые построил на их вилле бомбоубежище на случай ядерной войны и оттуда пристально следил за развитием событий во Вьетнаме. «Ещё парочка таких Вьетнамов — и нам некуда станет ездить в отпуск!» — говорил папаша. Но скоро дела пошли на лад.

Нынешние русские производили приятное впечатление: они были сговорчивы, и с ними можно было делать дела, не опасаясь, что останешься внакладе или что они станут совать нос куда не надо.

И вот на́ тебе! Сейчас этот «комми» начнёт спрашивать, куда они подевали профсоюз, о прибылях, о налогах и о том, откуда он добыл свою технологию. Перед мысленным взором Маккормака мелькнуло лицо его компаньона — инженера-эмигранта из СССР. В начале девяностых он не только привёз с собой ценные чертежи, но и объяснил, оборудование каких советских заводов необходимо скупить для успешной разработки и производства аппарата.

«Э нет, друг рабочих, не выйдет. Ничего из меня больше не вытянешь!»

— Я, кажется, уже ответил на ваш вопрос, — проговорил он стальным тоном, каким обычно объявлял о сокращении штата.

Именно таким голосом он сообщил об увольнении своего русского компаньона, когда строительство агрегата было завершено.

Васенька растерянно захлопал глазами, хотел что-то объяснить, но большие люди уже повернулись к нему спиной, и их затылки были неприступны, как бастионы крепостей. Но Васенька был пьян и потому не обиделся.

Стараясь двигаться ровно, он пошёл к другим палаткам. Журналисты продолжали травить анекдоты и уже доедали закуски. С ними необходимо было вступить в разговор и наконец признать себя одним из них. Рабочие… их было много, они большие, сильные, но и более пьяные, чем другие. Их разгорячённая толпа пугала и отталкивала Васеньку. Так он и метался между тремя накрытыми столами, невольно пританцовывая под народные песни, изуродованные эстрадной обработкой…

На обратном пути он немного проспался, успел набросать репортаж и придумать фабулу нового мистического романа про ангелов.

Глава 2,

в которой Васенька не делает предложения Танечке

Конечно, он приехал гораздо раньше, чем было назначено. Весь путь от дома был наполнен особенным очарованием, каждая деталь пейзажа за окном вызывала сладкое чувство просто потому, что это была дорога *туда*. Даже шансон из динамика не раздражал, и только хотелось, чтобы автобус ехал быстрее. «Вот эта улица, вот этот дом…» А ведь он был здесь всего неделю назад. Пятиэтажные хрущёвки стояли правильными рядами по обеим сторонам улицы, а между ними были устроены дворы и чахлые палисадники. В целом эта картина могла бы показаться унылой, но мамаши гуляли с колясками, ребятня оживляла дворы радостным визгом. По мере приближения к нужному дому к Васенькиному нетерпению примешивалась робость. Всё-таки он действительно явился слишком рано, так что принял решение остановиться во дворе и провести несколько минут на скамейке. Правда, здесь есть небольшая проблема: сиденья скамеек, имеющих спинки, испачканы грязью. Шпана предпочитает сидеть на спинках и топтаться по сиденьям. А на лавочке без спинки Васеньке не сидится из-за сколиоза. В таких случаях выручают качели. К счастью, в этом дворе они были. Васенька устроился на сиденье и достал книгу, но смотрел не столько на страницы, сколько по сторонам. В городе царило бабье лето, солнце присоединяло своё тепло к блаженному чувству, согревавшему Васеньку изнутри, так что он надёжно пропекался с двух сторон. Казалось, что сейчас вовсе не осень, а самая настоящая весна, что деревья цветут, а люди через пару деньков и вовсе скинут тёплую одежду и примутся загорать. Дети забрались на ржавую горку, и благодаря

волшебству их фантазии она превращалась то в космический корабль, то в пароход. Всё оживало, всё обновлялось в этот день.

Неуклюжие карапузики под присмотром мамаш совершали великие открытия: гонялись за голубями, падали, смотрели в лица прохожих, а как только родители отвлекались, тащили в рот всякую каку и заползали в лужи. С не меньшим интересом малыши знакомились друг с другом, отбирали или дарили игрушки и подолгу с разинутым ртом смотрели друг другу в глаза.

У детей постарше — иные заботы. Вот девочку лет пяти вывели гулять в новом жёлтом пальтишке. Дедушка задремал на скамейке, а другие дети не желают обращать внимания ни на неё, ни на её обновку. Тогда девочка начинает вредить другим: ломает песочный за́мок, не даёт прыгать по классикам. Это не приносит ожидаемого эффекта: дети злятся, но не интересуются ею. Наконец самую старшую девочку-заводилу зовут домой, она уходит, и другие от нечего делать обращают внимание на шалунью и её жёлтое пальто. Оказывается, что у неё ещё и новая сумочка. Что же внутри? Платок! Гармония восстановлена, выход в свет состоялся.

Васеньке очень интересно наблюдать за этими нехитрыми драмами самоутверждения, дружбы и соперничества маленьких людей. В такие минуты он не думает ни о Боге, ни о себе. Он думает только вот об этих детях и событиях их сегодняшней жизни, и ему очень хорошо. Может быть, прав был Холден Колфилд, и подлинное счастье — просто наблюдать за играющими детьми? Пары прочитанных страниц из Сэлинджера вполне достаточно, чтобы занять воображение… А если бы не было детей, можно было бы наблюдать за птицами или облаками. И ему уже почти не хочется идти туда, куда он так жаждал попасть с прошлых выходных.

Он оглянулся на *то самое* окно и, кажется, даже разглядел неясное движение между занавесок. Может быть, это она… Образ Танечки разгоняет все прочие чувства и мысли и снова единолично воцаряется в душе. Влекомый неодолимой силой, он встал с качелей, спрятал книгу и медленно, как под конвоем, двинулся к подъезду. Здесь он остановился у железной двери, ожидая, чтобы кто-нибудь вошёл или вышел и впустил его. Эта вынужденная задержка и радовала, и огорчала. В предвкушении сладостного момента сердце готово было выпорхнуть из груди. Наконец некая дамочка подошла к подъезду и достала ключи. Она с неудовольствием покосилась на Васеньку. «Ходят тут всякие», — читалось в её взгляде. Она делает движение по направлению к двери, но оборачивается к Васеньке:

— Вы к кому?

— А вам какое дело? Вы что — из КГБ? — огрызается Васенька.

Ему совершенно всё равно, что подумает тётя: в крайнем случае, он дождётся следующего жильца или позвонит и попросит сбросить ключ из окна. Дамочка презрительно фыркает, но позволяет ему зайти следом в подъезд и быстренько убегает вверх по лестнице.

На свежевыкрашенных бугристых стенах подъезда уже кое-где красуются надписи: «Кому надо, кому нет — Светка делает минет» или «Геям звонить сюда» (далее — номер телефона). Но Васенька был не так прост, чтобы признаваться в любви на стенах этого подъезда. Каждый шаг по серым покатым ступенькам даётся с трудом. Наконец он у заветной красной двери. Рука тянется к звонку, но палец замирает в воздухе. Сердце бьётся так сильно, что, кажется, уже выдало Васеньку тем, кто за дверью. Чего он боится? Первых взглядов, которыми встретят его обитатели квартиры. Как будто ему предстоит представить взыскательной публике неважно срежиссированный и плохо отрепетированный спектакль. Он поднимается на площадку выше и останавливается, глядя сквозь заплёванное окно на покинутый солнечный двор. Но грязное мутное стекло искажает образ. В углу стоит баночка для окурков. Свидетельницей скольких нежных признаний и грозных разборок между жителями подъезда была эта баночка? Сколько драматических событий происходит на лестничной площадке под надзором дверных глазков?

Наверху щёлкнул замок — кто-то спускается вниз. Васенька метнулся к нужной двери и нажал на кнопку. Вместе со звуком первого звонка всё в нём похолодело. Слышны шаги, но трудно определить чьи. Наконец щёлкнул шпингалет, и дверь отворилась. На пороге — Алина Авангардовна, мать Танечки. Наряжена в какой-то засаленный халат и тапки, лицо закрывают огромные старомодные очки. Раньше она была красавицей, сводила мужчин с ума. А может, наоборот, питала страсть исключительно к психически неустойчивым личностям. Так или иначе, первый муж спился, второй стал слышать голоса ангелов.

— А, здравствуйте, Вася, — сказала она с едва заметным ехидством. — Что-то вы рано пришли.

Она не хотела обидеть, но вела себя, как будто играла роль. Причём скверно играла. Васенька издал неопределённое мычание и переступил ногами. А что тут ответишь? «Да, я явился раньше, но пустите меня всё равно», — или: «Вы правы, пойду-ка ещё постою в подъезде»?

— Ну входите. Только мы не готовы.

Васенька вошёл, уши его пылали. Зачем он, действительно, явился так рано? Но разве можно было усидеть дома, если всё его существо рвалось сюда, если он не представлял, что делать с собой, куда девать себя, на какую полочку положить, в чьи руки отдать свою ненавистную независимость? Сегодня утром он проснулся в похожей квартире на другом

конце города, покормил кошку, пособачился с братом, послушал «Машину времени», постоял у окна, посмотрел, как люди сдают у ларька бутылки, как юноши в спортивных костюмах тусуются вокруг лавочек, как народ ожидает автобус на остановке. Что же дальше? Он не выдержал и поехал сюда.

Алина Авангардовна вышла, а Васенька стал раздеваться. Одет он был довольно немодно и небогато: поношенная серая куртка, свитер, ботинки—всё куплено на рынке. В иных местах ему был абсолютно безразличен его внешний вид, но здесь он чувствовал стыд за свою дешёвую одежду. Сама Алина Авангардовна была небогата, но на людях старалась выглядеть эффектно. И теперь её новый, недавно купленный палантин словно бросал упрёк Васенькиной куртке и засунутому в рукав рыжему шарфику в катышках. «Ну ничего, это мы поправим»,—подумал он и стал озираться, чтобы определить, в каком направлении проходить—в комнаты или на кухню. В проходной комнате, через которую можно было попасть в спальню Танечки и её мамы, бормотал телевизор, на диване ворочалась бабушка.

—Кавалер пришёл?—спросила она.

—Он самый,—ответила Алина Авангардовна.—Проходите на кухню!—крикнула она Васеньке.

И тот поплёлся на кухню дожидаться аудиенции. В этой квартире на него нападали какие-то апатия и сонливость. Ему хотелось либо выйти на свежий воздух, либо остаться тут навсегда—накидать на пол одежды, свернуться калачиком и уснуть.

Сквозь приоткрытую дверь ванной была видна висящая одежда, одежды было много и в прихожей, так что некуда было пристроить свою. Васеньке казалось, что это не квартира, а большой шкаф или театральная костюмерная. Крохотная кухонька, на которую он прошёл, была заставлена посудой: посуда была на столе, на плите, в тумбочках и антресолях с расшатанными дверцами. В основном это была старая утварь советских времён, но Алина Авангардовна привезла из Москвы две новые особенные тарелки—синюю и жёлтую. Теперь дамы ели исключительно из них.

Васенька опустился на табуретку и стал смотреть во двор. Из соседней комнаты до него доносился разговор бабушки и мамы.

—Почему ты не хочешь продать этот сервант? Он уже весь раздолбанный, только место занимает. Давай купим стеллаж, и пыль убирать станет легче.

—Аля, ты с ума сошла! Это же память об отце.

—У нас этой памяти—полные фотоальбомы. Зачем ещё сервант? О чём он тебе напоминает? Ты же помнишь, что он не хотел его покупать.

—А куда ж его девать?

—Выкинем.

—Ох!—заскрипела старуха.—Может, вы и меня на помойку выкинуть хотите? Ничего менять не дам, пока я жива…

Васеньке, с одной стороны, казалось, что он может понять бабушкин консерватизм. Всё старое притягивало его. Но дедушка Танечки, как говорят, был несчастлив с бабушкой. Всю жизнь они ссорились. А теперь вот на его месте этот сервант с дохлыми тараканами на задней стенке. Да, мёртвых любить удобнее—они не вырываются. Чего же дедушка с бабушкой не поделили, в чём не сошлись? Впрочем, Васеньку интересовал не мёртвый дедушка и не полуживая бабушка, а живая Танечка.

—Таня больна,—сказала Алина Авангардовна, входя с торжественным видом в кухню.—Так что недолго.

Вот те на! Целую неделю он ждал этого дня. Да ещё и неделя выдалась нелёгкая—первая рабочая пятидневка на радио, первая настоящая работа. И теперь—«недолго»! А ведь ему столько хотелось рассказать. Он поспешно двинулся в Танечкину комнату. По дороге через плечо поздоровался с бабушкой, похожей на гору тряпок, наваленных на диван, и прошмыгнул в заветную дверь. Здесь тоже было много одежды; комната была сплюснута шкафом и пианино, далее—две расположенные друг напротив друга кровати и окно с чистым сентябрьским небом и голыми ветками деревьев между тяжёлыми карими шторами. Несмотря на ясный погожий день, в самой комнате было темно, только полоска света падала на утонувшую в продавленной постели фигурку. От этого Танечка делалась совсем тоненькой, словно вырезанной из бумаги. Чёрные волосы прилипли ко лбу, щёки горят румянцем, блестящие чёрные глазки смотрят просительно и немного капризно.

—Здравствуй,—сказал он, взяв в руки горячую сухую ладонь.

Его пронзило мучительно-приятное чувство жалости к ней. Желание заботиться. Хотя ему показалось, что в этом чувстве есть нечто нехорошее.

—Здравствуй, Васенька.

—Значит, мы не пойдём гулять? На улице так замечательно!

—Значит, не пойдём,—сказала она обидчиво и отняла свою руку.

—Как же это ты так заболела?

—Мама говорила мне, что напрасно мы ездили за город в прошлые выходные, что я обязательно заболею, вот я и заболела.

—Слушай, а может, это всё самовнушение?

—Самовнушение? Да я по-настоящему больна, у меня температура! Ты меня совсем не жалеешь.

—Жалею. И потому хочу понять, отчего ты болеешь. Ведь проходит твоя температура, когда ты пьёшь гомеопатию.

—Конечно. Потому что это настоящая медицина.

—Да это просто сахарные шарики, растворённые в воде!

Васенька наклонился к Танечке, хотел снова взять её за руку, но тут распахнулась дверь,

и Васенька, словно вор, отпрянул. Оба сидели красные до ушей.

— Танюша, пора принимать гомеопатию! — сказала Алина Авангардовна и, строго посмотрев на Васеньку, протянула девушке стакан воды.

Танечка выпила и тоже строго посмотрела на Васеньку. Он съёжился, сидя на противоположной кровати. В этом доме он почти совершенно терял волю: им овладевали смутные желания и страхи, он становился управляем, им можно было помыкать, его можно было передвигать, как мебель; эти три женщины трёх возрастов были слиты с окружающей обстановкой и друг с другом, Васенька словно тонул в сладком киселе и с наслаждением терял остатки воли, остатки своего «я». Точнее, его «я» как бы отделялось и смотрело на всё происходящее со стороны. Он продолжал размышлять о вопросах, которые занимали его постоянно: о смысле жизни и смерти, о Боге, об устройстве человеческой души… Танечку настороживал его остановившийся взгляд.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

Васенька словно смутился, застигнутый врасплох. На самом деле он думал о том, как бы похитить Танечку из этого места, отделить её от этой пропахшей гнилостным запахом квартиры, увезти её куда-нибудь (куда?), и тогда… Но сознаться в этом было опасно и преждевременно: он не готов был брать на себя такую ответственность, да и опасался, поторопившись, получить отказ… «О чём я думаю? О чём я думаю?» — его взгляд отчаянно метался в поисках подсказки. Трудно было соображать под пристальным надзором Танечкиных глаз.

— Я думаю про сказку, которую мы сочиняем, — выпалил он наконец.

Танечка почувствовала, что он солгал, но поддержала разговор. Они действительно сочиняли музыкальную сказку: Васенька — слова, а Танечка — музыку. Произведение называлось «Птицы и камни» и рассказывало о прибытии в некий город бродяги-певца Стерха. В городе — траур по случаю смерти мэра, и безымянный человек в сером просит Стерха не петь в городе песен. В то же время в городе готовится помолвка кандидата в мэры Сапфира с Астреей — дочерью священника. Однако Стерх нарушает запрет, и его песня трогает сердце Астреи…

— Я сочинила музыку на момент, где человек в сером настраивает Сапфира против Стерха. Хотела показать тебе, но мама говорит, что из-за этой песни я переволновалась и это тоже повлияло на болезнь.

«Да что ж эта Алина Авангардовна за ведьма такая! — подумал Васенька. — Как ни поверни, а наши встречи-де опасны для Танечкиного здоровья!»

— Мама, можно я сыграю Васе новую песню?

Алина Авангардовна с готовностью вошла в комнату, а бабушка сделала потише телевизор, чтобы слышать, о чём будут говорить мать с дочерью.

— Я же говорю, ты опять переволнуешься. А у тебя уже температура тридцать семь и две.

— Ну мама…

— А что «мама»? Я не могу тебя постоянно спасать. Решай сама, но помни: я тоже не волшебница, чтобы всё время тебя лечить.

Танечка вздохнула, и Алина Авангардовна с триумфом покинула комнату. Однако телевизор не сделался громче — стало быть, из соседней комнаты следили за общением молодых людей.

— Ничего, — заговорщицки подмигнула Танечка, когда они остались одни. — Я записала песню.

Она протянула Васеньке наушники и нажала кнопку плеера. Зазвучали отчаянные клавишные аккорды, и чистый, как родник, голос Танечки полился в его сердце. Но песня была трагичная:

САПФИР:
Снова сомненья стеной
Встали предо мной,
Моё терзая сердце!

БЕЗЫМЯННЫЙ:
Астрея с чудаком
В саду вдвоём
Уже успели спеться!

САПФИР:
Старик, я знаю, ты лжёшь,
Но такая ложь
Опаснее стилета.

БЕЗЫМЯННЫЙ:
Астрея и поэт —
Какой дуэт
Я слышал ночью этой!

САПФИР:
В сердце юноша любой
Любовь к Астрее прячет.
Кто ты такой? Кто он такой?
Ловцы чужой удачи!
Ревность лишает ума,
В мыслях кутерьма,
И чувства — словно звери.
Танцуют миражи.
Старик, скажи:
Во что теперь мне верить?
Смешался с воровской толпой
И сам готов украсть я.
Кто он такой? Кто я такой?
Ловцы чужого счастья!
Я так любил, а она
Стала неверна,
И всё-таки я воин.
Если затронута честь,
Пусть решает месть,
Кто и чего достоин!

В сердце юноша любой
Любовь к Астрее прячет.
Кто ты такой? Кто он такой?
Ловцы чужой удачи!
Кто ты такой? Кто я такой?!

Конечно, песня ему очень понравилась. И дело не только в «красоте в глазах влюблённого», но и в том, что у Танечки действительно был талант, а также в том, что ей была небезразлична судьба сочинённых Васенькой персонажей. Один раз за время прослушивания в комнату ворвалась насторожённая длительной тишиной Алина Авангардовна: уж не происходит ли что-то недозволенное? Она взяла для виду расчёску со стола и удалилась, довольная тем, что все сидят на своих местах и не нарушают приличий. При этом вела себя чрезмерно предупредительно, театрально извинялась за вторжение и так далее. Конечно, она понимала, что мешает, и одновременно ей было оскорбительно, что она мешает кому-то в собственном доме. Она не любила Васеньку за то, что он претендует на её дочь, шушукается с ней, что дочь имеет теперь от неё какие-то тайны. С другой стороны, у Васеньки действительно хватало недостатков… А у кого их нет?

— Скажи,— спросила Танечка, когда он вынул наушники,— почему серый стравливает Сапфира со Стерхом?

Васенька немного замялся.

— Понимаешь, Тань, я не хотел вот так сразу выкладывать карты на стол. Видишь ли, мне кажется, что далеко не всё должно быть в сюжете очевидно и объяснено. Иногда стоит вложить в текст больше, чем кажется, и чем больше будет подводная часть айсберга, тем более убедительным будет то, что на поверхности. Внешне этот сюжет может выглядеть как обычная история любви и ревности, и пускай слушатели так считают, но внутри…

— Так что же внутри?

— Кхм… В общем, Стерх — это один из падших ангелов, ищущих искупления и возврата на небеса, а человек в сером — сам сатана. Город — это всё человечество. Вот почему серый вершит в городе дела и заставляет людей поклоняться идолу — памятнику мёртвого мэра. Только песня Стерха, призыв к духовности может пробудить человеческие сердца, потому серый хочет устранить певца, не допустить его влияния на людей. И сделать он это пытается разными способами, в том числе руками Сапфира.

Васеньке стало неловко, как будто он сознался в чём-то стыдном — в обмане или слабости. Действительно, объяснять изнанку сюжета, обнажать каркас, на котором держатся декорации, значило разрушать красивую иллюзию, вынимать из говорящей куклы механизм. Однажды с ним произошло это в детстве. У сестры была механическая кукла, которая могла ходить и качать коляску. Васенька разломил куклу напополам и увидел внутри стальные шарнирчики и шестерёнки. Его неприятно поразило, насколько эти шестерёнки не были похожи на внешний облик куклы. Кукла была мягкая, тёплая, коричневатая, с округлыми изгибами тельца, а шестерёнки были холодные, блестящие, с острыми зубцами. Игрушка была только снаружи, а внутри была схема, логичное, экономичное устройство без каких-либо украшений или излишеств. Вот и сейчас выходило так, что, прямо назвав свою идею, он разрушил её очарование. Просто и ясно высказанная, она уже не казалась ему такой убедительной. Ага… ангел и сатана, люди, погрязшие в грехе, — ведь всё это было… было…

— Это, конечно, не ново,— тут же попытался поправить себя Васенька.— Но, может быть, в том и состоит суть искусства, чтобы различными путями снова и снова подводить людей к вечным вопросам?

— Кто же будет отвечать на эти вопросы?

— Церковь,— уверенно заявил Васенька.— Я не претендую на большее, кроме как довести читателя до её порога. Дальше его поведут более опытные и мудрые люди.

Васенька вообразил себе сияющий храм, облака, белых голубей и величественных людей в белых одеждах. Да, именно это он запрятал в свою сказку, во все свои сказки, во все свои стихи… «А что, если и это — только оболочка для ещё более простого механизма? Не хочешь ли ты разломить Бога и посмотреть, что внутри?» — на мгновение мелькнуло в его голове. Васеньке сделалось страшно.

— Так, значит, ты считаешь, что Сапфир — орудие серого, то есть сатаны?

Вопрос Танечки, её голос вырвали Васеньку из той бездны, в которую он заглянул, и вернули его в эту душную комнату, набитую вещами, мебелью и людскими отношениями. Он какое-то время вникал в суть вопроса.

— А… ну да. Он его ставленник и заботится только о материальном.

— Что же плохого в том, чтобы заботиться о людях? Ведь они поют: «О да, построим города! О да, забудем холода!» Разве плохо, что людям не будет холодно?

— Надо заботиться не о теле, а о душе,— отрезал Васенька, которому сейчас было тепло, не хотелось есть, а хотелось рассуждать о Боге и поцеловать Танечку.

— А я-то думала, что Сапфир — главный герой, что ты… — она опустила голову.

Васенька старался понять, что скрывается за этим вопросом, но его язык работал быстрее разума:

— Сапфир — карьерист. Он даст Астрее только внешнее благополучие, но не насытит её души. Настоящий герой — богоискатель Стерх.

— А что он даст Астрее? — Танечка подняла на Васеньку строгий взгляд.
— Он даст ей самое главное, что только можно дать, — Бога, бессмертие.

Танечка задумалась. Но в этот момент в комнату вошла Алина Авангардовна с чаем и бутербродами.
— Может быть, чаю желаете?

Васенька кивнул и поблагодарил, но в душе желал, чтобы навязчивая Алина Авангардовна провалилась вместе с подносом прямо в ад. И умеет же она разрушить самые важные моменты, прервать разговор на самом важном месте!
— Вы, кажется, говорили о вашей сказке? — спросила Алина Авангардовна, пристраивая поднос на Танечкиной постели и усаживаясь с нею рядом.
— Да, — коротко ответил Васенька, проклиная всё на свете.

Менее всего ему хотелось, чтобы кто-то посторонний лез в выдуманный им для Танечки мир.
— Хорошо, — торжественно произнесла Алина Авангардовна. — Насколько я поняла, в данном произведении вы выдвигаете теорию, согласно которой подразделяете людей на условно «птиц» и условно «камни».
— Пожалуй…
— И «камни», по-вашему, плохие, а «птицы» — хорошие.
— Я бы не сказал прямо, плохие или хорошие…
— Перефразируем, — она важно поправила очки. — «Птицы» вам ближе, чем «камни», так?
— Мне хотелось бы причислить себя к ним…
— О, прекрасно! Это даже больше, чем нужно. Но на каком основании вы превозносите «птиц» над «камнями»?
— Это очень просто, — улыбнулся Васенька. — Птицы возносятся над камнями на крыльях, а камни просто лежат.
— Допустим. А как вы считаете, вьют ли птицы гнёзда?

Этот вопрос застал Васеньку врасплох. Это совершенно не вязалось с его стройной метафорой: камни неподвижно лежат на земле, птицы парят в небе. При чём тут гнёзда?
— И не вьют ли они эти гнёзда на камнях? — продолжала Алина Авангардовна.
— Постойте, — нахмурился Васенька. — Какие гнёзда? Почему на камнях? Это же метафора. К чему всё так запутывать?
— А к тому, Вася (его почему-то передёрнуло от тона, с каким было произнесено его имя), что те, кого вы называете «птицами», не могут составить счастье девушки. Сапфир, которого вы описываете, амбициозен, он добился уважения людей, получил общественное признание, он сможет сделать Астрею счастливой, а со Стерхом она будет вечно мыкаться по чужим домам, голодать, и питаться только его песнями. Вы совершенно правы, такие «птицы» не вьют гнёзд, они ненадёжны, в отличие от «камней».

Тут только до Васеньки дошла вся суть беседы и смысл того вопроса, который задавала ему Танечка. Теперь ему стало ясно, почему она с такой лёгкостью и охотой написала музыку для дуэта Астреи и Сапфира, да ещё и просила Васеньку исполнить эту песню вместе с ней. Понятно, почему она никак не могла сочинить мелодий для песен Стерха, почему этот персонаж оставался для неё непонятен. А главное, он вдруг понял, в какое положение он себя поставил и в каком свете предстал. Невольно в этой сказке он выразил не религиозные тайны, а собственное представление о любви. Он огляделся на собеседниц и увидел в глазах Алины Авангардовны торжество, смешанное с жалостью (vae victis!), а во взоре Танечки читался упрёк, но и призыв: «Сделай что-нибудь! Докажи, что ты Сапфир!»

Но ведь с этим он и пришёл — с тем, чтобы сообщить, что он устроился на хорошую работу, что скоро он окончательно встанет на ноги, и уж тогда… Однако он не произнёс ни слова. Ему вдруг стало противно что-то доказывать маме Танечки и даже самой Танечке. «Я устроился на работу потому, что должен был слезть с шеи матери, а вам я ничего не должен… Да что мы, на базаре, что ли? Чего они считают мои деньги, в самом деле? Может, мне ещё стадо баранов в качестве калыма привести? У нас любовь любви цена… У нас любовь любви цена…» На лице его изобразилось высокомерие.
— Это всё прах, тлен, — сказал он холодно.
— Ах, не царское это дело — семью содержать! Ваш Стерх — просто безответственный человек, — заявила Алина Авангардовна и вышла из комнаты.

Васенька был взволнован. Не осталось ни следа философских или романтических настроений. После минутного молчания Танечка спросила:
— Почему ты так легко унижаешься?
— Что?! — вспыхнул Васенька. — Я?!
— Ну, то есть не сам, — смутилась Танечка, — а позволяешь другим себя оскорблять и унижать?
— А кто они такие, эти *другие*, чтобы они были в состоянии меня оскорбить? Чтобы мне вообще было до них дело?

Танечке стало обидно: она понимала, что речь идёт о её матери, но в то же время именно таким — живым, гордым, самоуверенным — Васенька ей нравился больше всего.
— Как ты думаешь, — заговорила она примирительно, — а Стерх сможет дать сдачи Сапфиру? Сможет он бороться за свою любовь, если у них там всё-таки дойдёт до драки?
— Пф! Не только даст сдачи, но и победит! — запальчиво ответил Васенька.

Этот ответ произвёл должное впечатление и отчасти исправил эффект от только что произошедшей сцены.

— Дело в том, что с тобой кое-кто хочет встретиться.
— Кто же?
— Артём, мой одноклассник. Он видел нас вместе и теперь хочет поговорить с тобой.
— Вот как?
— Он ухаживал за мной на выпускном балу и полез целоваться…

Васенька помнил этого здорового парня. Он видел его, когда, притворившись студентом-практикантом, целую неделю преподавал литературу в Танечкином классе. Южный парень, горячая кровь. При обсуждении «Отцов и детей» он всё спорил и доказывал необходимость почитания родителей.
— И что же ты ему сказала? — спросил Васенька с тайной надеждой, что вот теперь Танечка скажет наконец, как она к нему относится на самом деле.

Она ведь никогда не говорила Васеньке ничего определённого — всё присматривалась да что-то высчитывала. «Если любит, так и в морду получить не жалко», — решил он.
— Что же я могла ему сообщить? Сказала, что не хочу с ним целоваться. А выводы он сделал сам. Только учти: говорят, у него тяжёлый кулак — второй раз бьёт уже по трупу.

Васенька мысленно плюнул: «Вот так. Никаких авансов. А цену набивает…»
— Я встречусь с ним. Дай мне его телефон.

Потом он заявил, что ему пора идти, и никто не стал его удерживать. Он вышел с тяжёлым и горьким чувством. Хорошая погода не радовала. Как будто надежды, всё нетерпение, всё ожидание этой недели не разрешились встречей, а увеличились, отвердели и легли на душу тяжёлым грузом. Оттого, что его не любит Танечка, ему казалось, что его никто не любит.

Он дошёл до железнодорожных путей, взобрался на насыпь и в задумчивости побрёл по шпалам. Впереди послышался гудок паровоза. Васенька упрямо шёл по шпалам, погружённый в свои размышления:

«Лечь на рельсы, как Анна Каренина, — и делу конец. Вот тогда они все поплачут. А что, разве самоубийство — не лучший способ доказать серьёзность своих намерений? Разве самоубийство — не высшая христианская добродетель? Отринуть грешный мир, принести все его удовольствия на алтарь любви к Господу. Все прославляют мучеников и страстотерпцев, которые прямо-таки напрашивались на гибель и пальцем не шевелили ради своего спасения. Чем не самоубийцы? Если Бог — это главная, конечная точка пути, почему же нельзя двинуться к ней наикратчайшим путём? Но нет, Бог запретил самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Это Он решает, когда и кого убивать. Право предстать перед Ним ещё необходимо заслужить. И Он тоже проверяет меня, как капризная бабёнка. Так, может, Он потому и Танечку у меня отнимает, охлаждает её сердце, потому что ревнует и хочет оставить меня для себя? Ведь называет же Он себя в Библии: *Бог-ревнитель*… За что? За что? Неужели нельзя просто любить кого-нибудь и обращаться с ним бережно и ласково?! Везде тайный расчёт, везде задняя мысль. У нас любовь любви цена! У нас любовь любви цена!»

Он сошёл с путей, и железный ураган, обдав жаром, с истерическим воплем промчался мимо. Васенька спустился с насыпи, сел на бетонный блок и набрал номер Артёма.

Глава 3,
в которой Васенька не дерётся с соперником

— Артём? Это Вася. Ты хотел со мной встретиться? Я готов.

Они условились о встрече. Васенька задумался: может быть, стоило предупредить друзей? Да нет, как-то это не по-мужски. Какие тут ещё могут быть предосторожности? К чёрту! Будь что будет.

Они условились встретиться через полчаса в центре: соперник явно спешил «проветрить вопрос». Васенька добрался до места первым. На улицах было людно: горожане старались воспользоваться, быть может, последним погожим деньком перед долгой сибирской зимой. Девушки ходили в розовом, парни — в чёрном. Одежду других цветов в магазинах отыскать было довольно трудно. Голуби безжалостно гадили на памятники великих людей. Начиная с девяностых годов, советские памятники потихоньку сносились, и на место революционеров ставились купцы и чиновники. Вот изваяние некоего командора, странно перекошенное, балансирует на одной ноге, как будто готово завалиться набок, увлечённое гигантской шпагой и грибообразной треуголкой. Вокруг него на трёхколёсных велосипедиках кружат ребятишки, постоянно рискующие попасть под колёса автомобилей, бороздящих газоны в поисках парковки. Парни посасывают пивко, девушки тыкают кнопки своих телефончиков.

Скоро среди прохожих замелькала широкоплечая фигура Артёма — он приближался к месту встречи. У Васеньки было преимущество: это его пригласили на встречу — стало быть, он имел право задавать вопросы.
— Привет. Ты хотел меня видеть? — он посмотрел собеседнику в переносицу, как учил его знакомый студент-психолог.

Артём не выдержал этого взгляда, отвёл глаза и, заложив руки за спину, двинулся по улице, приглашая собеседника пройтись. «Ага, воевать он не собирается, — догадался Васенька. — Стало быть, Танечкино предупреждение было ни к чему». Он пошёл рядом с Артёмом. Тот не сразу решился заговорить.
— Скажи, вы с Таней… ты и Таня…

— Ты хочешь спросить, встречаемся ли мы с ней? — Васенька пришёл на помощь Артёму.
— Да, — с благодарностью выдохнул тот и тут же снова затаил дыхание, ожидая ответа.
— Нет, она не является моей девушкой и не влюблена в меня, — с горькой улыбкой сказал Васенька. — Однако я часто бываю у них и дружу с её семьёй.

Собственно, он нисколько не солгал: он действительно дружил с мужем её сестры Володькой. И сейчас он не верил, что Танечка питает к нему какие-то чувства. Он видел её насмешливый взгляд, с которым она послала его на эту встречу. Но вместо дуэли вышел простой разговор. Разговор, из каких состояла вся его жизнь. Вместо живого, настоящего, человеческого Бога и чудес христианства выходили сплошные слова, лес слов. И неизвестно, есть ли что там — за этим лесом. Вместо любви — пошлая игра. И стихи, стихи, которыми ему хотелось подменить действительность. Итак, он воображает, что верит в Бога; Танечка воображает себя больной; её мать воображает себя целительницей; а бабушка воображает, что любила своего мужа. «Артём, наивный мальчик, зачем ты впутался во всё это? Ты, конечно, можешь размазать меня по стенке, войти в жизнь этих женщин и попытаться разложить в ней всё по полочкам, но это не сделает тебя счастливым…»
— Послушай, — сказал Васенька. — Хоть я тебе и не соперник, но вряд ли у тебя что-то получится с Таней.
— Почему? — удивился Артём.

Первые слова Васеньки так обрадовали его, а теперь он снова насторожился и напрягся.
— Ты напугал её, когда полез к ней на празднике.
— Это она тебе сказала? — теперь в голосе Артёма слышался испуг, почти отчаяние.
— Да. Она теперь и думать про тебя не хочет.

Артём побелел.
— И с чего ты вообще взял, что она к тебе расположена? — продолжил Васенька.
— Она пошла со мной танцевать…
— Это ещё ничего не значит.
— Нет, значит! Если девушка идёт танцевать с парнем…
— То что? И с чего ты вообще взял, что у вас может что-нибудь получиться? Ведь вы такие разные. Какая, например, у тебя любимая музыка?
— Тимур Муцураев.
— А у неё Рахманинов! Ты знаешь хоть одно произведение Рахманинова? А знаешь ли ты её любимых писателей? Говорил ли ты с ней об этом? Видишь, как мало вы друг о друге знаете, как мало у вас общего!

Артём начал краснеть.
— Это всё не главное… — пробормотал он.
— Вот как? А что главное?
— Любовь.
— Что же такое, по-твоему, любовь? Немного погулять вместе, поесть в нескольких ресторанах, посмотреть несколько фильмов, пообниматься, потом пожениться и нарожать побольше детей?
— Да, — обидчиво отрезал Артём.
— Но пойми, для этого совсем не нужна Таня со всеми её качествами, особенностями и талантами! Даже с точки зрения деторождения у неё не самая подходящая… подходящие физические данные. Да и характер! Учти, слушаться тебя она не станет.

Артём окончательно поник. Он не догадался в ответ расспросить соперника, что тот считает любовью. А если бы догадался, то Васенька рассказал бы ему… рассказал бы ему о Танечкином таланте; о её голосе и уверенных опытах сочинения музыки, в которых её сердце всё ещё дышало искренностью, юное и нежное, как первая ветка сирени; он рассказал бы о своей мечте передать Танечке собственный поэтический опыт и вступить с ней в творческий диалог, который распахнул бы их души и умножил их силы; рассказал бы, как её музыка вдыхает жизнь в придуманных им персонажей… И тогда Артём мог бы спросить: «Да полно! Об одной ли девушке мы говорим?»

Но он ничего не спросил и поспешно и угрюмо откланялся. Противник был окончательно повержен, но у Васеньки снова остался нехороший осадок от этой беседы, как будто он и здесь в чём-то солгал. Он решил пройтись через центр в надежде встретить кого-нибудь из знакомых… или незнакомых… в общем, в надежде, что произойдёт хоть что-нибудь, что позволит ему отвлечься от мыслей о Танечке и сложить какие-то новые впечатления поверх сердечных ран. Из динамиков играла пустая, но не раздражающая музыка. Васенька ощущал себя героем американского фильма, одиноко слоняющимся среди витрин магазинов и вечерних кафе. Ему было очень скучно, хотелось размышлять над философскими вопросами, но ничего не лезло в голову. Знакомых он так и не встретил. Точнее, попалась ему группа местных неформалов. Но это была молодая поросль, малознакомая Васеньке. Юные панки были с ног до головы увешаны покупной атрибутикой, держали себя шумно и вызывающе, поскольку в центре города могли не опасаться столкновения со шпаной. «Встань, страх преодолей! Встань во весь рост!» — пели они и сами верили в свою отвагу и свободу. Среди них была начинающая поэтесса Тоня Колдунова (такой она себе выбрала псевдоним), проявлявшая к Васеньке определённый интерес; но у девушки с накладными ногтями не было шансов покорить Васенькино сердце, так что он перешёл на другую сторону улицы.

Вообще, герой американского фильма в такие вечера отправляется в бар, где его поджидают романтические или детективные приключения.

Но Васенька вовсе не был любителем выпить и до первой зарплаты был стеснён в средствах. В итоге он ещё немного побродил по улице и поехал домой, тем более что погода начала портиться.

Он втиснулся в грязный разваливающийся автобус, набитый горожанами, которые тоже возвращались по домам после субботнего променада. Водила, воспользовавшись цеховой привилегией, врубил радио погромче и пускал в салон кольца табачного дыма. К запаху Васенька был равнодушен, а вот песни выводили его из равновесия. Радио чередовало песни мужчин и женщин с одинаково хриплыми голосами, певших о своей животной страсти и бестолковой жизни. Снаружи теснились громоздкие персональные автомобили, содрогаясь от икоты навороченных аудиосистем. Ехать предстояло долго.

Зажатый пассажирами, Васенька не мог дотянуться до спасительных наушников. Он никак не мог понять: неужели можно по доброй воле включать музыкальное радио и слушать его, да ещё и заставлять других? Нет ли здесь тайного заговора или неофициальных инструкций по зомбированию населения?

Впрочем, слушать чужие разговоры было не лучше. Почему-то пассажиры не обсуждали книги или что-то интересное. Их беседы вертелись в заколдованном круге бытовых проблем, сплетен, анекдотов и телесериалов. Если же они пытались выразить мнение о чём-то выходящем за пределы этого круга, то они не находили в своём лексиконе подходящих слов и снова сворачивали на протоpённую для их мозгов дорожку.

Какие-то два парня рядом принялись спорить о преимуществах марок автомобилей и газовых баллончиков, похваляться алкогольными подвигами. Как верующий христианин, Васенька старался вызвать в себе чувство любви к людям, но христианское человеколюбие хорошо, когда культивируешь его в уединении. А как было любить вот этих, с которыми ты толкаешься в одном автобусе? Особенно когда они так непохожи на полубогов с рекламных плакатов…

Люди, одетые помоднее и побогаче, вышли неподалёку от центра, автобус заполнялся обитателями городских окраин. Какими они были? В общем, не слишком симпатичными: лица мужчин испорчены алкоголем и курением, одежда дешёвая, однотипная, поношенная, немарких цветов — в основном спортивные костюмы. Женщины — с претензией на изящество, но дешёвые безделушки, китайские платьица выглядели вульгарно. Высоцкий пел: «Она одета как уборщица…» Что ж поделать, если многие из них и правда были уборщицами? Откуда вы возьмёте на окраине фотомодель? Возможно, эти люди чувствовали, что Васенька их не любит, и, возможно, платили ему тем же.

За окошко смотреть не хотелось, да было и необязательно: Васенька помнил все повороты и ухабы дороги, так что мог отследить свою остановку одним только вестибулярным аппаратом.

Где-то плакал ребёнок. Даже не плакал, а мучительно сипел и кряхтел. Как будто ему не хватало воздуха или что-то со страшной силой безжалостно давило его. И короткие всхлипы не могли перейти в плач. Иногда он затихал. А потом снова раздавалось протяжное «а-а-ах-х-х». Причём это «х-х-х» переходило в какое-то бульканье. И от всего этого становилось так душно, так тесно, что хотелось сорвать пуговицу на воротнике…

Стало быть, ребёнок тоже не мог дышать этим воздухом, ему были невыносимы эта железно-резиновая давка на дороге и разноязыкое музыкальное месиво со всех сторон. Васенька изогнулся, чтобы разглядеть ребёнка и его родителей.

Ещё довольно молодые, но уже придавленные жизнью, они принимали всё как есть — и эту музыку, и рекламные плакаты за окном, и то, что многие пассажиры автобуса пьяны (отец ребёнка и сам держал наготове бутылку с пивом). Быть может, они не вполне принимали своё место в этом мире: они бы с большим удовольствием оказались в одной из персональных металлических коробок на колёсах, а не в этой, коллективной. Но сам мир они принимали полностью. И он подумал, что их согласие является одной из причин, почему он не любит этих людей. Они были похожи на жутких зомби, готовых пожрать мозг младенчика. Так хотелось отобрать у них ребёнка, вообще отобрать и спасти всех детей…

К моменту, когда Васенька покидал автобус, в его голове уже сложились четверостишия:

Плачь, дитя, плачь безутешно,
Каждую душу никак не спасти.
Борись, дитя, борись безуспешно,
Ты будешь один в этой битве. Прости.

Я тоже, как ты, выносил испытания,
Цветы собирался посеять вокруг,
Но ты, как и я, угодишь на заклание,
И выпадет сабля из дрогнувших рук.

Казалось, что царство заполнено птицами,
Прекрасными птицами, что пели для нас,
Но мир населён оказался убийцами,
Только убийцами без сердца и глаз.

«Вот, снова птицы, — подумал он. — Надо что-то с этим делать». И быстрым шагом направился к дому. Он привык перемещаться по месту обитания перебежками, не любил и боялся этих дворов. Говорят, на соседней улице сожгли полицейского. Стукнули чем-то по затылку, облили бензином и подожгли. По дороге ему встретилась группа молодых людей; когда он проходил мимо, все они сплюнули на землю. Это у них было вроде

рефлекса, приветствия для незнакомых: мол, мы на своей территории — плюём куда хотим. Соответственно, при встрече с детьми или стариками они не плевали, поскольку перед теми было незачем форсить.

Васенька поднялся на свой этаж, перешагнув через спящего на лестнице бомжа. Дома он пошёл было на кухню, но под ноги ему с писком полезла кошка, требовавшая не то еды, не то ласки. Вот так всегда: захочешь подумать о чём-то, настроишься на высокую волну, а нужно кормить кошку или убирать за ней дерьмо.

Васенька с досады пихнул кошку ногой, убрал со стола оставленную братом посуду, достал из рюкзака тетрадку и принялся писать — так ему было удобнее думать.

...

«Может быть, и не было этого ребёнка и этого безумно переполненного автобуса. А были только сны… И я всё не переставал летать и видеть бесконечные обмелевшие реки, вдаль… в даль острова с кустами и слабыми деревьями. Грусть. Грусть — это когда почти примирился с утратой. Грусть заполняет ту пустоту, которая образовалась… вот-вот, совсем недавно…

Пустыня… или пустырь… степь… много неба, но оно почти без облаков. Оно просто есть, и в нём нечего вычитывать, кроме бесконечной синевы. Оно давно уже всё сказало. Нечего прибавить. Печаль близка смирению. Она понимает, как трудно, почти невозможно и совершенно нельзя ничего исправить. Да… печаль примиряется с непоправимым. Только душа не перестаёт от этого болеть. В душе всё устроено иначе. Но понемногу она научается видеть в болезненной дисгармонии и непоправимости особую трагическую, безнадёжную красоту. Печаль понимает, что любовь не может победить… и всё же… не в силах отступиться от любви. Печаль — это признание поражения, это лёгкое скольжение удаляющихся друг от друга ладоней, когда ты стоишь на берегу, а она — на корме уходящего парохода. Ей будет лучше, а стало быть — пустыня… или пустырь… это твоя жизнь, лишённая самого главного. Однако внутри тебя это главное продолжает жить. Кроме твоего сердца, ему некуда деваться на белом свете.

Тоска, нет… Она скручивает душу в тугой узел. Она приковывает локти к подоконнику, вынимает из тебя мысли и бросает их под дождь. Или, может, она заставляет колени срастаться с полом, да только не на что поднять глаза. Лучше зажмуриться и увидеть ясно всё то, за что ты готов бороться. Тоска даст тебе силы, чтобы вернуть потерянное. Тоска — это обратная тяга, зуд оборванных корней, пепел сожжённых мостов, прах городов, который никак не отряхивается с ног. Попробуй! Прогони прочь тоску, ты сам покинешь себя вместе с ней. Сам посмотришь себе в спину и покачаешь головой. Это неукротимое стремление к воссоединению».

...

И удивительное дело: не было в написанном отрывке ни Танечки, ни Артёма, ни центра, ни окраин, ни педагогов, ни друзей, ни близких — ничего, что соприкасалось бы с его жизнью. Одни абстракции, как будто он нарочно отталкивался от всего материального. Но когда он остановился и перечитал написанное, то решил, что это неплохое начало для его нового романа. Да, это опять будет история об ангеле, потерявшем крылья и ищущем дорогу на небо. Только на этот раз он всё напишет как следует, всем всё докажет и станет знаменитым.

И ещё он подумал, что всё-таки любит Танечку, точнее, не может без неё жить. Было, конечно, в написанном отрывке и что-то ещё, скрытое пока от его ума.

Глава 4,

в которой Васенька не получает знака свыше

Ночью ему приснилось, что у него выпали все зубы — сначала один, а потом остальные. Он выплёвывал их, как апельсиновые косточки. Васенька проснулся, объятый ужасом: в его мозг холодными когтями вцепилась мысль о смерти, хоть и далёкой, но неизбежной. Эта мысль преследовала его с раннего детства. Раньше он старался отогнать её, думая о чём-нибудь приятном. Потом всё приятное, все ожидания и мечты собрались для него в образе Танечки, а теперь они исчезли вместе с пропавшей надеждой на взаимность, и перед внутренним взором как единственная реальность встал образ чёрной могилы: «Сейчас я живу, дышу, думаю, а потом всего этого не будет — меня не будет. Моё тело сгниёт в земле». Обычно, чтобы заснуть, он тихонько включал музыку и старался сконцентрироваться на ней, но сейчас от страха не мог даже пошевелиться, только чувствовал, как ныли его тёпленькие перепуганные внутренности. Он постарался погасить мрачные мысли, отогнать их, подумать о чём-нибудь другом. Но это было не так-то просто: в голову ничего не шло. Для начала он вообразил какие-то красноватые полукруги, ураганы, спирали, снова перед глазами мелькнул и растаял образ Танечки; потом он попытался составить хит-парад своих самых любимых рок-песен, но в голову лезли не самые любимые, а самые попсовые: «Страдания» «Калинова Моста», «Evil Louie» «Deep Purple», «Воспоминание из детства» «Ногу свело». «…Я — воспоминание из детства, сильное, как моющее средство…» Что за чушь! Вовсе это не его любимые песни. Раздражение придало ему смелости, чтобы пошевелить рукой и зажечь лампу. Тусклый свет словно бы утопил комнату в жиденьком чае. Стали различимы плеяды

рок-звёзд на стенах: Шевчук, Шклярский, Гребенщиков, Кинчев смотрели со стен с надменным и всепонимающим видом. На полках — башенки из кассет и дисков, а также не столь многочисленные, но строго отобранные книги: русская классика и религиозная литература. Ничего постороннего, ничего такого, что могло бы нарушить гармонию этой замкнутой вселенной, ничего, что могло бы оспорить правоту Васенькиных кумиров. Иконы, плакаты и картинки — всё в этой комнате смотрело внутрь, а за опущенной тяжёлой шторой существовал непонятный, пугающий и потому остающийся непонятым мир.

Через приоткрытую дверь в комнату проскользнула кошка и бесшумно запрыгнула на подоконник. «Интересно, а думает ли кошка о смерти? — подумал он. — Ну конечно. О чём ей ещё думать? Только у неё нет ни способа противостоять смерти, ни даже возможности выразить свой страх. Кошка обречена и знает это, заперта в неудобном тельце, механизме, заряженном на самоуничтожение. Вот немного побегает туда-сюда и умрёт, так же покорно, не прося никого о помощи…»

Взгляд Васеньки остановился на иконах. Он встал на колени перед образами и развернул молитвослов. Вечернее правило начиналось с Иисусовой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матере, преподобных и богоносных отец наших и всех святых, помилуй нас». Ему нравилась эта молитва, потому что она прочитывалась на одном дыхании. Сначала шёл как бы возглас: «Господи!» Потом получалось расширенное: «Господи Иисусе!» К этому прицеплялось «Христе», и «Сыне Божий», и всё остальное — на выдохе. Сначала шли короткие и понятные молитвы. Читая их, Васенька старался вкладывать чувство в каждое слово, произносить каждую фразу осмысленно, с чувством покорности и стыда. Но уже тропари начинали пересыпаться бесконечным количеством повторений «аминей» и «Господи, помилуй», которые невольно превращались в бессмысленное бубнение. Но Васенька знал, что если он пропустит хотя бы одно «во имя» или «и ныне», то чуда не произойдёт. Все эти молитвы были составлены премудрыми святыми отцами, которые знали, каким образом подчинить Бога своей воле. Естественным состоянием Бога был гнев, и только сложный код из церковнославянских слов мог перепрограммировать его на милость. Например, Васенька совершенно не понимал, что такое «благоутробен», но произносил это слово. В конце концов, разум мёртв, а вера жива, значит, нужно не думать, а повторять нужные формулы.

Дальше пошли длинные молитвы. Первую молитву Макария Великого Васенька читал ещё внимательно и даже на словах «избави мя, Господи, от помышлений суетных, оскверняющих мя, и похотей лукавых» мысленно попросил Бога избавить его от мучительной, навязчивой любви к Танечке, да и вообще потребности в человеческой любви. Впрочем, он каждый раз просил об этом Бога, но Бог никогда ни насколько не облегчал Васенькиной тоски и жажды любви. В третьей молитве ко пресвятому духу Васенька в очередной раз смутился длинным списком перечисляемых грехов. Ведь он точно знал, что он не клялся именем Бога и даже в мыслях не ругал этого имени. Да и как можно, если ему постоянно казалось, что взгляд взыскательного и обидчивого Бога постоянно устремлён ему в затылок? И не клеветал он сегодня ни на кого, и не спал «безгодно», и не «объядохся», и не «опихся». Зачем же ему каяться в грехах, которые он не совершал? Получалось какое-то ханжество наоборот — навешивание на себя несуществующих грехов. Но он отогнал от себя эти мысли. Уж если унижаться перед Господом, то по полной, смиренно решил он: «Та бо вся и больша сих содеях».

По мере чтения длинных и запутанных молитв ему казалось, что он как будто приподнимается над землёй, хотя на самом деле у него просто занемели колени. Спина устала, и, раскачиваясь, скороговоркой он продолжал, как робот, произносить нужные звуки: «Ивоспоюипрославлюпречестноеимятвоесоотцемиединороднымегосыномнынеипр…» Только ещё одна фраза вызвала в Васеньке душевный отклик: «Что Ти принесу, или что Ти воздам, великодаровитый Безсмертный Царю?» Он даже развёл руками. Действительно, что нужно всемогущему Богу? Неужели ему так необходимо унизить малозначительного глупенького человечка? Чем его можно задобрить, чем подкупить? Но святые отцы не сдавались: они льстили, заигрывали, даже брали Господа на слабó.

Наконец Васенька настолько устал и заморочил себе голову, что его мысли о смерти сменились естественной сонливостью. Он возблагодарил небеса за чудесное избавление, с трудом отклеил колени от пола и рухнул на кровать. Воскресным утром он встал рано и решил, не завтракая, ехать в церковь, чтобы причаститься. Он прихватил с собой молитвослов, чтобы по дороге дочитать необходимые молитвы. Демонстративно читать молитвослов в автобусе было даже круто, получалась ненавязчивая реклама православия для пассажиров.

Старый храм считался памятником архитектуры, хотя ничего особенно красивого в его облике не было, а местная епархия ещё и выкрасила его стены в голубой цвет, что никак его не украсило. Васенька сунул монетку одному из нищих, встал напротив дверей, снял шапку и перекрестился: пусть, мол, прохожие видят, что в церковь ходят не только старухи, но и молодёжь. Внутри, в помещении перед

входом в главный зал, была устроена церковная лавка. Здесь торговали свечами, безделушками и обрядами. Свечи были различной толщины и достоинства. Понятное дело, что любому угоднику приятней, когда ему ставят свечу пожирнее. Из литературы—молитвословы, наставления в христианской жизни, Библия, календари. Также продавались сувениры, иконы, украшения из золота и серебра, подсвечники, освящённое масло и мёд, реликвии из различных монастырей, платки, пояса, диски с хоровым пением и видеозаписи бесед со священнослужителями. Чего тут только не было—прямо глаза разбегались от обилия товаров и услуг. Да, об услугах. Здесь же висели бумажечки с прейскурантами на священнодействия: можно было заказать обряд венчания и снятия венцов, крещения и отпевания, соборования, молитвы о здравии, об успехах в учёбе, в путешествиях и в бизнесе, освящение любого движимого и недвижимого имущества. К окошку тянулась длинная очередь, бодро звякали медяки, бойкая бабуся выдавала кусочки благодати.

Васенька был настроен на встречу с потусторонним, и ему было противно толкаться тут, как у пивного ларька, так что он сразу направился в основное помещение. Здесь было гораздо свободнее. Священник читал молитвы, люди крестились, на стенах и сводчатом потолке застыли изображения святых, пониже были развешены иконы, а под иконами стояли ящики для приношений и подсвечники. На лавках по углам дремали старухи. Колеблющиеся огоньки свечей отражались на позолоте. Позолочено здесь было почти всё, как в боярских хоромах: подсвечники, иконы, люстры, одеяния священника и Библия в его руках. Всё блестело и мерцало.

Васенька встал у стенки и стал молиться, периодически оглядываясь по сторонам, чтобы не пропустить начало исповеди. Батюшка бубнил что-то себе под нос, хор дребезжащих старушечьих голосов периодически тянул «аминь» или «Господи, помилуй», и тогда все крестились. Васенька поймал себя на том, что он вовсе не молится, а просто механически крестится вместе со всеми. Это показалось ему неправильным: ведь нужно было вести диалог с Богом о своих грехах и скорбях, о надеждах, страхах; у каждого они свои, стало быть, нельзя каждый раз обращаться к Богу по одному и тому же шаблону: вот тут мы каемся, а теперь аллилуйя. Это всё равно что с любимой девушкой общаться по бумажке. С другой стороны, такая позиция попахивала гордыней. Зачем лезть к Богу вперёд других? Да и литургию придумали умудрённые, знающие люди много веков назад. Вот и повторяй за всеми. Смиряйся. «Да неужели Тебе наше поклонение и покорность важнее нашего понимания? Неужели Твоя любовь—это конвейер, и сам Ты не хочешь, чтобы мы любили Тебя таким, каков Ты есть на самом деле? Ты ускользаешь, Ты не открываешь своего лица…»

Васенька устал стоять на месте и кланяться, в храме было душно, слов молитв было не разобрать, поскольку пономарь «бубнил, как пономарь». Потом по толпе стали шастать послушницы с покрытыми салфеткой подносами, на которые надо было складывать деньги. И снова зазвенели медяки и зашуршали бумажки. Васенька знал, что даже если послушницы пройдут мимо, Бог всё равно заметит всех, кто не дал денег, и обидится. Поэтому Васенька очень переживал, что не успеет положить деньги на поднос, и пока сборщицы не подошли к нему, думал только о мелочи в своём кулаке. Но всё прошло благополучно.

Однако стоять было невыносимо скучно. Васенька уже рассмотрел все иконы. Люди, ангелы и сам Бог изображались на них одинаково. Так что Иисус отличался от своих распинателей только нимбом. У всех святых были тёмные бесчувственные лица. Единственной эмоцией была суровость: насупленные брови Бога Отца или Николая Чудотворца выдавали недовольство людьми. Да вот ещё Иисус извивался и мучился на кресте. Закованные в металлические оклады, увешанные драгоценными камнями, придавленные своими коронами и митрами, закутанные в негнущиеся одеяния, святые напоминали мумий в музее.

И всё же он вглядывался в их сдавленные нимбами лица, в их огромные глаза и старался молиться: молиться о прощении и вечной жизни; о том, чтобы Танечка полюбила его или чтобы он тогда сам разлюбил Танечку; молиться за друзей и родных. Просил и тут же стыдился своих просьб. А хор тянул «аллилуйя», специальные старухи тёрлись у подсвечников и непрерывно переставляли, поправляли или убирали свечи. Они занимались этим с таким остервенением, словно только от этого зависело спасение их души. Но зато благодаря наличию «послушания» в храме они ставились выше других прихожан и давали это понять другим суровой деловитостью своих движений. И Васенька чувствовал это. Он понимал, что старухи здесь у себя дома, а он—в гостях. Он—бедный родственник, мелкочиновный проситель… Незаметно для себя он стал думать о сюжете своего романа… Он увидел молодую колдунью, которая живёт на проклятой горе среди демонов и теней и не знает ничего о христианстве, без которого мир и есть жутковатая сказка, рассказанная дьяволом. Вот об этом он и расскажет в первых главах. О том, что подлинная реальность—это Бог, а весь сложный и опасный мир—обман, который не стоит принимать всерьёз.

«Я напишу этот роман для Тебя, для Твоей славы, и тогда Ты увидишь, что я не хуже этих старух, натирающих Твои канделябры»,—мысленно восклицал Васенька. Но святые и Бог оставались

всё так же равнодушны. «Дай же мне знак, хоть малейший намёк, что Ты слышишь меня, что Ты вообще есть. Я не прошу ни говорящих кустов, ни расступившихся морей, ни явления ангелов, ни громового голоса с неба, которыми Ты одаривал даже своих врагов. Но дай мне хоть намёк, хоть малейшую надежду»,—шептал Васенька дрожащим голосом, и слёзы наворачивались ему на глаза, но церковь оставалась мёртвой и застывшей, стоящие столбами люди медленно крестились под монотонные команды пономаря.

Наконец, после долгого и утомительного стояния, из-за боковой дверки выскользнул священник, и началась исповедь. Сегодня исповедь должен был принимать известный в городе священник-поэт отец Юлий Прохладов. Несмотря на то, что он был ещё очень молод (батюшке едва перевалило за тридцать), в его аккуратно постриженной бородке виднелась эффектная седина. Сложение он имел изящное, даже щуплое, острый носик и внимательные чёрные глазки. Появление именно отца Юлия на сегодняшней исповеди Васенька предпочёл счесть особым знаком свыше, хотя никакого душевного покоя это ему не прибавило. В душе он догадывался, что на чудо это совпадение явно не тянет, однако решил после службы подкараулить священника и поговорить с ним.

Люди засуетились, стали строиться в очередь и передавать свечки, которые батюшка складывал возле себя на специальную тумбочку. То ли они этими свечами занимали очередь, то ли обозначали количество причащающихся—раньше такого обычая Васенька не наблюдал, да и в религиозных книгах ничего такого не значилось. Растерянный Васенька кинулся обратно к церковной торговой точке. К счастью, Бог значительно укоротил очередь, хотя и поленился убрать её совсем, и юноша с волнением наблюдал за тем, с какой скоростью обслуживаются прихожане. Внезапно стоявшая впереди маленькая старушка, через голову которой он следил за движением очереди, обернулась и посмотрела на Васеньку. Его прошиб холодный пот: перед ним была Ада Викторовна, преподаватель из его университета! Она посмотрела из-под платка взглядом хищной птицы, и Васенька на минуту позабыл о Боге и замер, как пойманный суслик.

В их шутливом студенческом фольклоре она носила прозвище Шамбала и была воплощением зла. Она ненавидела всё, что начинается на «ш», кроме легендарной страны, которую художник Рерих искал в Сибири. Так, она завалила Васеньку на экзамене только за то, что он носил ш-шарфик, а его друга—за то, что тот ш-шептался на её лекции. Ни один отличник и ни один преподаватель не мог ответить на каверзный вопрос, который Ада Викторовна раз за разом задавала Васеньке: чем литература отличается от других видов искусства? Васенька сыпал цитатами, ссылался на авторитеты, называл различные теории—всё было тщетно. И вот после нескольких пересдач Ада Викторовна насытилась его унижением. «Да тем, умник, что „литература“ начинается на „л“»,—рассмеялась она. Васенька был потрясён. Он получил наглядный урок того, как можно поставить с ног на голову гуманитарную истину. Ведь эдак можно всё что угодно наизнанку вывернуть, кроме одного—права сильного. Если Ада Викторовна обладает властью казнить и миловать на своём экзамене, то её правда будет непререкаемой аксиомой, а твоя мелкая правдишка будет полностью зависеть от её благоволения, настроения, погоды за окном—от чего угодно. Он почти зримо представил, как на стальной каркас общественной иерархии наклеиваются жиденькие кишочки гуманитарных концепций и преподавательских разглагольствований. Идеи можно вертеть так и эдак—непререкаемой останется только одна: я—начальник, ты—дурак.

Но ведь играть словами—это значит играть истиной! А Васенька свято верил в истину.

Когда отец демонстрировал маленькому Васеньке свой авторитет, то он громко кричал и хлопал по столу огромным кулаком. Его авторитет подтверждался физической силой либо неумолимым здравым смыслом. Власть Ады Викторовны была чистая власть положения, права—без лишних примесей и обоснований. После этого урока—пожалуй, главного за все годы обучения,—Васеньке захотелось уйти на какой-нибудь физмат. По крайней мере, если ты знаешь, что дважды два—четыре, то тут никто не имеет права тебя высмеять или отнять это знание, назвать невеждой. Васеньке захотелось защититься железными законами точных наук от закона силы и произвола. Но было слишком поздно: жребий был брошен много лет назад, и в точных науках он не соображал ни черта.

Сколько раз мечтал Васенька, как он после сдачи экзамена разбежится по университетскому коридору и отвесит Шамбале бодрого студенческого пенделя. Но оказалось, что она будет принимать экзамены и на четвёртом, и на пятом курсе, что власть её не кончится до самого вручения дипломов. А кроме того, нельзя вот так просто наподдать Викторовне и не оказаться в конфликте с другими преподавателями, поскольку она является частью корпорации, а Васенька никем не является, кроме как самим собой, и при столкновении с хамством, злобой ему не на что рассчитывать, кроме своих тонких рук и ног и жалкой улыбочки.

И вот теперь Ада Викторовна явилась ему в церкви, в которой ему хотелось укрыться от всех и вся. Первым порывом Васеньки было обратиться в бегство, но он поборол себя, назначил эту встречу испытанием собственной твёрдости. Ада Викторовна осклабилась из-под платка, и хотя взгляд её оставался холоден, в улыбке было что-то заговорщицкое: мол, вот мы оба здесь. Пока

Васенька размышлял о том, дьявол ли это его искушает или испытывает Бог и в чём, собственно, разница, Ада Викторовна купила какую-то свою дольку вечности и исчезла.

Васенька выгреб последние копейки на самую дешёвую свечку и кинулся к причащающимся. Впопыхах он забыл ещё один обычай и передал свою свечу через левое плечо какой-то бабки. Старуха зашипела:

— Кто же свечу через левое плечо передаёт?— и, придирчиво оглядев его с ног до головы и убедившись, что он не старуха, добавила:— Ишь, сразу видно: наркоман.

Васенька не выдержал, приблизил к ней лицо и проговорил прямо в глаза:

— Да кому это вообще надо? Навыдумывали себе правил!

Старуха попятилась и даже задохнулась от такой наглости. Она не нашла слов и принялась крестить Васеньку, приговаривая:

— Изыди, сатана! Изыди, сатана!

А свечку она разломила и с плевком бросила ему под ноги. «А ну вас!»— раздражённо подумал Васенька, оттёр бабку плечом и прошёл к исповеди.

Отец Юлий привычным движением, как будто выполнял силовой приём, накинул на него епитрахиль и нагнул голову к аналою, так что Васенька уставился на его модные туфли с квадратными носами, торчащие из-под рясы.

— В чём исповедуетесь?— спросил батюшка.

Васенька набрал воздуха и, как с горы покатился, стал рассказывать туфлям о своих грехах:

— Я грешен в том, что люблю девушку и не могу ни перестать любить её, ни любить её так, как следует. Я ведь знаю, как нужно любить— в книгах про это много написано. Нужно гулять по красивым садам, нужно говорить красивые слова, совершать красивые поступки. И поверьте, я знаю много красивых слов, я сочинил не одну сотню стихов об этой девушке и о моей любви. А она всё равно сомневается, встречает меня то приветливо, то холодно. Но неужели стихов недостаточно? Кто же другой сочинит для неё такие стихи? Никто. Я желаю ей только добра, но, как это ни ужасно, при каждой встрече в самые возвышенные и священные минуты меня не покидает похоть. В лучших книгах и фильмах всё выглядит иначе. Герои в белых одеждах сидят среди цветов, держат друг друга за руки, и им этого достаточно… Но я видел и другие фильмы. О да. Не так-то просто выкинуть их из своей головы, когда буквально всё— плакаты, мультфильмы, компьютерные игры— кричит о другом отношении к женщине. И вот мне хочется сорвать с неё белые одежды и проделать над нею всё то, что я видел в этих фильмах. И не только над ней— над каждой красивой девушкой. И мне всё равно, что у красивой девушки в душе, умна она или глупа, есть ли у нас что-то общее, кроме неумолимого закона полового притяжения. И вот как совместить в голове два разных образа любви? Да в голове-то ещё ладно— как совместить их в жизни? А если это невозможно, то не лучше ли вовсе не любить? Я бы оскопил себя, если бы точно знал, что это поможет. Потому что ни от звериной страсти, ни от нежного томления нет мне ни радости, ни покоя— одна мука, вечные голод и жажда. С каждым вздохом её имя повторяю. Все стихи, все сны, все мысли— про неё. А настоящее человеческое величие расположено на другом этаже. Писатели должны писать, святые— молиться, герои— совершать подвиги, а не топтаться без толку под чужим балконом. Да, Шекспир воспел любовь Ромео и Джульетты, но нам же при этом абсолютно всё равно, что происходило в личной жизни Шекспира. А я? Провожу дни в ожидании свиданий. Я даже хотел бы укокошить её мамашу, если бы только это не возбранялось законом человеческим и небесным. Сейчас ведь она принадлежит матери, а я бы хотел, чтобы она была моей. Иногда хочется надеть на неё венец или кольцо, или посадить на цепь, или ещё что-то подобное. Хочется умереть или убить её. Только так можно успокоить жажду. Или есть другой способ? Я просил, я неустанно прошу Бога об избавлении, как монах из «Собора Парижской Богоматери». Но Бог молчит. Стало быть, Ему угодно моё чувство? Тогда почему Он не отогреет в ответ её сердце? Я знаю, что надо больше молиться— это всегда ответ на всё: надо молиться-молиться-молиться… Или я что-то делаю не так? Я же совершенно ничего не умею. Когда я молюсь, это как разговор со стеной… или с самим собой. Тут я себя не обманываю. Да, в молитве я не усерден. В церкви я бываю не всякую неделю и уже полгода не причащался… Мне тут всегда так скучно и одиноко. Впрочем, как и везде. Мне скучно с людьми, они меня раздражают: живут неясно зачем, да и знать этого не хотят— едят, спят, детей рожают да деньги копят, так, как будто во всём этом есть какой-то глубокий смысл. Что в американском фильме увидели, то и повторяют. Иногда мне хочется, чтобы произошло землетрясение или война— хоть что-нибудь, что заставило бы их задуматься и заговорить о чём-то, кроме еды, денег и всяких товаров. Я слышал в новостях про новые теракты в Европе, и знаете, что я испытал? Радость. Даже не радость, а удовлетворение. Может быть, теперь все эти леди и джентльмены с этикеток и обёрток шоколада задумаются о чём-то. Или, по крайней мере, перестанут улыбаться. И я вовсе не против того, чтобы следующий взрыв уничтожил меня самого, потому что я не хочу так больше жить.

Он перевёл дух, ожидая гневной отповеди или мудрого наставления— в общем, какой-то ответной реакции…

— Как зовут? — спросил отец Юлий.
— Вася…
— Отпущаются рабу Василию грехи вольные и невольные, — вполголоса пробубнил священник и, перекрестив Васеньке затылок, снял с него епитрахиль.

Васенька отошёл в сторону, как пёс, которого пихнули ногой, и стал дожидаться причастия. Он видел, что следом за ним к исповеди подошла та самая вредная старуха и протянула священнику сложенную бумажку. Священник не глядя (да и чего там глядеть? бабка просто переписала перечень грехов из молитвы ко пресвятому духу) порвал бумажку и отпустил бабку. Та отошла с сияющим лицом. А вот Васеньке после исповеди не стало легче — наоборот, на сердце собралась накипь в виде стыда и раздражения, ему показалось, что церковный сумрак сгущается и хочет проглотить его…

И тут, прямо как в кукольном театре, хор запел бодрее и единодушнее, распахнулись узорчатые дверцы, и к публике высыпали персонажи в ярких разноцветных костюмах. И в руках у главного была блестящая чаша причастия. По толпе пронеслось оживлённое движение, все приободрились и выпрямились. Сложив руки на груди, причастники, покачиваясь из стороны в сторону, медленно двинулись к чаше. Васенька приблизился и разинул рот.
— Как зовут? — осведомился священник, с высоты своей приступочки подозрительно глянул на Васеньку и на всякий случай уточнил, исповедался ли он.
— Да, — сказал Васенька, и позлащённая ложечка с кусочком мяса Христова оказалась у него во рту.

После бессонной ночи, бесконечных молитв и волнений, унижения исповеди, специального голодания и изнурительного стояния в душной церкви вино и хлеб не могли не вызвать эйфории. А как только Васенька оказался на свежем воздухе, на него снизошло такое блаженство, что едва не подкосились ноги. Шёл слепой дождь, небо казалось чёрным, а земля сверкающей. В голове разорвалась божественная световая бомба, солнце в прорехах туч ослепило, а шум города оглушил его, грустные мысли до поры вылетели из головы, так что даже прогулка по старому кладбищу вызвала не гнетущее ощущение, а только светлую грусть. «Мир без Бога — это кладбище; стало быть, тот, кто не может верить и при этом достаточно честен, остаётся один на один с мыслью о смерти. А другие люди прячутся от этой мысли в воображаемые миры», — так рассуждал Васенька. Он скользил взглядом по надгробиям, касался старых оград и брёл под мелким слепым дождём навстречу персонажам своего романа…

Глава 5

«Не тот голос и не те слова»

«Костры выхватывали из темноты небольшие куски, но были не в силах разорвать её непроницаемого покрова. Темнота превращала окружающий мир в груду расплывчатых теней, неясных образов. Эта непонятная картина пугала абсурдностью и хаосом, но пытаться придумать ей хоть какой-то смысл не хотелось. Какие образы мог бы вычленить измученный разум в этой игре мглистых полутонов? Казалось, что стоит только задуматься о том, что тебя окружает, — и кошмарные призраки вползут в сознание. Вот это бесформенное пятно превратится в угрюмого старика, волхвующего над прудом, ряд горизонтальных сгустков шевелящегося мрака станет погребальной процессией, в которой мертвецы хоронят живого, а белёсые клочья взметнутся крыльями стремительных филинов. И всего ужаснее этот звук! Поскрипывание стволов, шелест усталых осенних листьев да чарующее журчание ручья — всё это словно таило в себе невнятную речь. Казалось, вот-вот — и ты разберёшь слова, ещё немного — и станет понятно, кто и зачем поспешно шепчет слова монотонных проклятий.

Словно предчувствуя угрозу, сердце начинало бешено стучаться в грудную клетку, и хотелось зажать уши руками, зажмуриться и повалиться в холодную траву. Но страх отверзал твой слух, мир ду́хов вливался в душу липким потоком, и ты слышал ясно и отчётливо. „Поздно!“ — грозил старик у пруда. „Поздно!“ — стонал несчастный в руках мертвецов. „Поздно! Поздно!“ — ликовали филины и рвали твою одежду кривыми когтями.

Да, всё это было правдой, и не только это.

Но ей было всё равно, поскольку она ждала дождя. И дождь пришёл. Как всегда, холодный и одинокий, обдавая своим холодом всю землю, скрывая шевелящиеся фигуры от глаз и погружая наблюдателей во влажное одиночество. И всётаки ей нравился дождь. Он выгонял из памяти любые воспоминания, и хорошие, и дурные, он всё заменял собой. В этой всепоглощающей воде было нечто величественное, древнее. И вот она стояла под дождём, словно причастная великой тайне. Только она и дождь. Девушке очень хотелось верить, что это дождь послушно пришёл на её зов. Она давно втайне желала научиться заклинать водную стихию, но здесь было запрещено желать. И оттого тайное желание ещё сильнее волновало и будоражило. Потоки воды делали тело единым, как ствол дерева: волосы сливались с плечами, плечи переходили в руки, руки — в бёдра, бёдра — в ноги, а ноги сливались с травой и словно врастали глубоко в землю. В такие минуты ей казалось, что и душа у неё целостная и здоровая, как тело,

и что ей ничего не нужно, а капли с ненавистью обрушивались на весь мир, и только её они нежно гладили и шептали на ухо: „Слушай… слушай…“ И она охотно слушала каждый раз и всё ожидала каких-то важных слов, но струи трепетали одним и тем же аккордом и повторяли: „Слушай…“

И в этот раз произошло то, чего она так ожидала: чей-то голос, не похожий на звук дождя, вдруг произнёс: „Последний полёт“. Это напоминало вздох или стон. Кто же мог стонать здесь? О чём здесь можно вздыхать? Да, здесь есть чем наслаждаться, есть что ненавидеть, но почему в этом голосе столько тоски? И были ещё вопросы, много-много. Загадки громоздились одна на другую, угрожая захлестнуть весь мозг. Ах, как не хотелось прерывать холодное дождливое оцепенение. И ведь это не тот голос и не те слова, которых она ждала. А чего она, собственно, ждала? И почему? И как давно? И снова вопросы, вопросы!

Беспокойство и возбуждение распалили её и так или иначе нарушили покой. К тому же небесные потоки, видимо, иссякли, словно раздвинулись мокрые портьеры и она сошла со сцены, на которой играла блистательную роль, в пыльное мрачное закулисье. Колдовская ночь продолжалась, изгнанные тени стали выползать из укрытий. Земля и трава ещё какое-то время переливались мокрым металлическим блеском, но вот снова зажглись дымные костры, и всё стало по-прежнему. Только одежда и волосы бережно хранили печать дождя.

В раздумьях она продолжала идти вперёд, и её взор медленно блуждал среди предметов и неясных фантомов, не замечая их: она глядела в пустоту и видела свою жизнь. Чего же она желает? Желала ли чего-то прежде? Да, управлять стихией воды… Зачем?

Вся прежняя жизнь прошла как в тумане. Радостное детство… без воспоминаний. Без друзей. Несколько шумных фигурок, копошащихся на дне оврага. Во что они играют—в семью или в войну? Они, кажется, делят блестящие осколки чего-то, каждый старается обмануть других, чтобы забрать себе побольше кусочков и навсегда зарыть их в землю. Каждый из этих малышей втайне мечтает поскорее стать взрослым, самым взрослым, чтобы все его уважали. Для этого надо всегда быть очень серьёзным, никогда не смеяться, ни во что не верить.

Грань между игрой во взрослых и взрослением осталась незамеченной, а может, её и нет вовсе. Иногда ей казалось, что она всё ещё ребёнок, но этого нельзя было показывать. Нужно быть сильной и защищённой, только тогда тебя будут бояться, а значит, и любить. Любовь была одной из интереснейших игр, пришедших на смену невинным детским забавам. Если ты сумеешь привлечь к себе внимание, распалить жертву и накрепко привязать её к себе, то ты победил. Дальше можно делать что угодно: тот, другой, полностью в твоих руках. Главное—не выдать себя, оставить в нём слабую надежду и в то же время не дать никакого повода… Она не всегда побеждала в подобных состязаниях. Тогда на её долю выпадали унижение и горечь. Но уж если кто-то попадал во власть её чар, то она умело отыгрывалась за все обиды, кем-либо ей принесённые.

Теперь, когда она увидела всё то, что ей сулил этот мир, оставалось только совершенствовать свои навыки и стараться получить как можно больше удовольствия. И мир был неплох—настолько, чтобы никогда ни о чём не задумываться, настолько, чтобы не надоесть до старости, а там уже наскучить до того, чтобы проклясть всё и вся и помереть с наслаждением. Одна часть её сознания так и желала жить, но другая, может быть, от врождённого упрямства, всё металась, всё искала чего-то, всем была недовольна. Периодически она даже впадала в задумчивость. Думала о том, почему река не течёт обратно, почему трава боится ветра, по своей ли воле листья расстаются с ветвями. Всё шло не так, как хотелось, всё вызывало раздражение. Вот и теперь мечущаяся половина её сознания жаждала ответов, она обрела голос, или повод, или что-то ещё.

В этих странных словах как будто заключалась суть недовольства и непонимания. „Последний полёт“—странные, неправильные слова! Казалось бы, всем ясно, что филины и нетопыри летают, путаясь между цепкими ветвями, и вороны, захлёбываясь хрипом, бьются грудью о тяжёлый купол туч, скитаются между серых стен тумана тоскливые чайки и привидения. И всё это повторяется изо дня в день, от ночи к ночи. Почему же полёт должен стать последним? Да и вообще, к чему этот полёт, отрывающий от надёжных скал и их укромных теней?

И тогда она решила пойти к Старухе за советом.

Старуха жила в норе за старым храмом, силуэт которого и теперь был виден. Тьма испуганно шарахалась от его изглоданных пламенем стен, и одинокие руины задумчиво смотрели внутрь себя провалами окон. Когда девушка проходила мимо, она увидела вереницу жрецов, которая торжественно двигалась мимо храма. Их лица были скрыты капюшонами, руки, увешанные тяжёлыми стальными браслетами, бессильно свисали вдоль тела, и только пальцы яростно сжимались в кулак, заставляя скрежетать массивные перстни. На саване у каждого спереди и сзади было начертано имя кумира, которому служил жрец. Их цепи и вериги свисали до земли и волочились по лужам. Они не видели ничего, даже величественных развалин, и всё брели куда-то мимо, бессильно сжимая и разжимая кулаки. Впереди шёл верховный жрец с самыми длинными волосами, он медленно раскачивал массивное кадило, от которого поднимались

дурманные курения, окутывавшие шествие серым скучным облаком.

Она ускорила шаг, чтобы пройти мимо прежде, чем длинная процессия перекроет путь, и лишь на мгновение через плечо взглянула на храм, и ей показалось, что окна грозно смотрят прямо на неё и в их недрах вспыхнул тайный пламень.

Вот и холм и чёрное отверстие у его подножия. Изнутри повеяло удушливым запахом разложения. Девушка немного помедлила у входа и шагнула вперёд. Протиснувшись между высохшими корнями деревьев, она углубилась в мрачный тоннель. Прикреплённые к стенам гнилушки окрашивали обычные земляные стены в причудливые цвета. С потолка свисали вязанки сушёных трав, гроздья мелких зверушек. Все эти запахи сливались в один дурманящий дух, особенно силён он был в самом конце норы, где в просторной берлоге Старуха устроила свою кухню и своё святилище. Да, здесь было на что посмотреть! И девушка с неустанным любопытством каждый раз глядела на загадочные деревянные фигуры и чучела небывалых птиц, перебирала ворох исчерченной и изрезанной бересты, едва касалась странных изображений на шкурах и пёстрых коврах. Даже костёр у Старухи был непростой: его танец завораживал, а прихотливая игра отблесков делала необычными самые простые вещи. Блуждающий между стенами дым напоминал прикосновение тёплых шершавых пальцев.

Казалось, что всё здесь рассматривает, изучает тебя. А вот Старухи нигде не было видно. Девушка задумалась, в какой из теней она может скрываться, откуда она наблюдает за гостьей. В каждом краю пещеры, недосягаемом для света костра, мерещилась пара пристальных глаз. Холод обдавал тело, словно это недружелюбный пронизывающий взгляд обшаривал девушку, стараясь проникнуть ей в сердце.

Наконец ей померещилось, что она видит чёрную неподвижную фигуру, и девушка шагнула к ней.

— Здравствуй! — сказала она, но голос её дрогнул, а фигура оставалась неподвижной и безмолвной, и девушку охватила робость.

Она попробовала сделать шаг вперёд, но страх приковал её к земле, и она лишь слегка подалась вперёд всем телом и застыла, напряжённо всматриваясь в силуэт.

В этой темноте и обманчивом мерцании огня трудно было определить размеры и очертания неясного пятна, однако медленный скрипучий голос нарушил тишину. Сначала нельзя было разобрать слов, можно было принять эту речь за протяжный злой хохот. И вот ещё что странно: голос подхватывало многократное эхо, в то время как приветствие девушки прозвучало глухо и сдавленно, словно стены знали свою хозяйку и душили чужие слова.

— Я знаю, зачем ты пришла, — проговорила Старуха и вышла в круг света.

Отблески сразу легли на складки её бархатной мантии и морщины уродливого лица, как будто она не подошла, а сложилась из света и тени. Девушка с облегчением перевела дух, она узнала свою наставницу. Столько лет прошло, а всё никак не удавалось привыкнуть к странному нраву обитательницы пещеры.

— Д-да, — неуверенно протянула гостья.

— Сегодня был дождь. Ты хочешь, чтобы я научила тебя заклинать стихию воды.

О, это было так желанно, что в первое время она даже позабыла об истинной цели своего визита. Старуха не могла быть неправа: да, именно за этим она и явилась.

Между тем дребезжащий, усиленный эхом голос звучал тысячей голосов:

— Я научу тебя. Со временем я научу тебя всему, что знаю. Я не желаю, чтобы моё знание, мои силы, на приобретение которых я потратила свою долгую жизнь, умерли вместе со мной. Ты продолжишь меня, а я переселюсь в твоё молодое красивое тело. Без учеников мы, учителя, не имели бы смысла; но и вы без нас — ничто, поскольку вы бы потратили свою жизнь впустую, пытаясь достичь наших высот. Не нужно искать других путей. Мы проложили колею, которая упирается в счастье, и вы не можете идти иной дорогой, потому что наши тени вечно взирают на вас. Мы дадим вам силу, а вы посвятите нам свою юность… Ты овладеешь стихией воды, ты узнаешь много тайн, именно поэтому тебе не следует торопить меня. Отрекись от своих желаний и взгляни на меня как на пророчество своей судьбы, а я уже давно вижу в тебе своё отражение…

Старуха говорила уверенно, повелительно, и стены повторяли каждое её слово, но девушка поймала себя на том, что слушает вовсе не свою наставницу, а всё тот же неведомый печальный голос, который вдруг снова зазвучал возле самого уха: „…Не важно… Они всё говорят, и очень много острят, и, видимо, вполне довольны всем сказанным. Но мне всё равно, ведь во всей их мудрости нет и намёка на ключ от этой постылой клетки… Ах, если бы можно было хотя бы на секунду увидеть блеск маяка и выбраться, накопить сил и оттолкнуться от всего тяжёлого и пыльного, вроде их речей, их радостей… Воздух, прозрачный чистый воздух целует лицо, свет становится всё ярче и ласковее, он больше не бьёт по глазам… И много разрозненных мыслей, сливающихся в одну, главную…“

И снова голос исчез, растворился за раскатистыми речами хозяйки пещеры:

— И главное — помнить, в каком неоплатном вы перед нами долгу. В каком долгу!

— Госпожа, — неожиданно для самой себя проговорила девушка, — а что такое „последний полёт“?

Старуха запнулась и умолкла. Она с необыкновенным проворством придвинулась вплотную к ученице и посмотрела ей в глаза. Лицо дряхлой колдуньи было испещрено глубокими морщинами, оно утонуло в этих складках, только глаза холодно блестели из-под седых прядей. Эти глаза вцепились в душу девушки и стали выворачивать её наизнанку, потрошить душу. Ей показалось, что сначала с неё сорвали одежду, потом кожу, потом…

А потом глаза вдруг погасли, и Старуха отступила в тень. И снова стало совершенно неясно, в какой стороне теперь она находится. Только голос витал по пещере, как пленённый демон:

— Изыди. Я вижу твою душу насквозь, и я знать не знаю, зачем тебе нужен смысл этой ереси. Ты сочиняешь и торопишься. Того, о чём ты говоришь, нет на земле.

— Но ведь я сама слышала, как кто-то сказал мне: „Последний полёт“,—и ещё что-то.

— Изыди, повторяю тебе. Здесь нет никого, чья душа не была бы зрима для меня, как твоя.

Девушка не посмела ослушаться наставницу и двинулась к выходу, и вслед ей вместе с дуновением костра понёсся голос Старухи:

— Опасайся мечтать, опасайся мнить о несбыточном, опасайся всего того, что нельзя схватить руками!

Душная нора осталась позади, лицо снова овеял ночной холод. Близился рассвет, и туман стал понемногу отползать обратно к реке, выпуская из своей пелены деревья, кусты и камни. В отдалении слышался неясный рокот: где-то шумел водопад. Она медленно побрела на звук, не отдавая себе отчёта в том, что надеется в рёве падающей воды снова услышать таинственный шёпот. „Чьи же это были речи?—думала она.—Был ли это дождь, или призрак, или я сама? Ведь там, в пещере, эти слова были созвучны моим собственным мыслям. Или это мои мысли подчинились чудесному обаянию невидимки? О чём же он говорил?.. Не важно. Важно лишь то, что, не разгадав эту загадку, я не смохгу вернуть уважение своей наставницы, и никогда мне не держать в руках жезл повелительницы стихии…“

И ещё она даже не решалась себе признаться в том, что любопытство жгло её гораздо сильнее, чем жажда власти.

Между тем шум воды становился всё отчётливее и громче: до берега реки оставалось всего несколько шагов. Но непроницаемая завеса тумана отодвигалась лишь на ничтожное расстояние перед глазами, так что нельзя было предугадать, встретишь ли ты на следующем шагу твёрдую почву или сорвёшься с крутого высокого берега на острые скалы. Наконец рокот стал настолько сильным, а туман настолько густым, что девушка совсем забыла, откуда и в каком направлении двигалась. Она замерла на небольшом обозреваемом пятачке, боясь сдвинуться с места.

И снова она закрыла глаза и постаралась отдаться ощущениям, уловить голоса окружающего мира. Она пребывала в неподвижности долгое время, но в плеске воды не услышала ничего похожего на то, что искала. Водопад ревел о неистовстве, о ярости и силе, но рассыпался мелкими брызгами и ничем не нарушал дальнейшее степенное течение реки».

Глава 6,

в которой Васенька не получает и не даёт мудрых наставлений

Васенька остался доволен тем, как удачно и ненавязчиво вплёл он в фантастический сюжет свои размышления о христианстве и даже о рок-тусовке, остался доволен тем, как образом Старухи он отомстил Алине Авангардовне. Он постарался получше запомнить все детали, чтобы вечером дома всё перенести на бумагу, даже не догадываясь, что сказал больше, чем собирался. Тут он увидел, что отец Юлий торопливо топает через кладбище к церковному автопаркингу. Васенька решил не упускать случая и окликнул священника.

Отец Юлий подождал, пока Васенька приблизится, и при этом внимательно к нему присматривался. Он не смог на глаз определить тип остановившего его молодого человека и с некоторой неуверенностью протянул ему руку, поскольку не знал, пожмёт или поцелует её этот «юноша бледный со взором горящим». Со взрослыми людьми всё ясно: те, что победнее, целуют руку и низко кланяются; те, что побогаче и попредставительнее, предпочитают пожимать. А молодёжь… явление непредсказуемое. Но Васенька знал правила церковного церемониала и чмокнул протянутую ладонь, нагнувшись под благословение.

— Если можно, я хотел бы всё-таки спросить вас кое о чём.

Отец Юлий ещё раз пристально посмотрел на Васеньку и узнал в нём юношу, который так страстно исповедовался сегодня. Васенька почувствовал себя как влюблённый мальчик, пришедший за советом к сопернику. Отец Юлий посмотрел как бы сквозь него, и Васенька, запинаясь, попытался высказать свою мысль:

— Дело вот в чём, ну, вот я пр…—он осёкся, поскольку не посмел присвоить себе звание, перед которым благоговел.—Я хочу… я стараюсь быть православным. То есть молиться, поститься, всё соблюдать, но веры-то во мне всё равно нет, и покоя в душе нет. И откуда же это взять всё, а?

Отец Юлий не дал ему договорить и автоматически выпалил:

— Ищите и обрящете,— и значительно замолчал, но вдруг ощутил, что его слова не произвели должного эффекта.

Впервые посмотрев в глаза собеседнику, он смутился: его встретил холодный и чистый взгляд мертвеца — так, наверное, смотрят в небо трупы тех, кто умер внезапно, не успев догадаться, что его больше нет на свете.

И отец Юлий продолжил говорить, только чтобы отгородиться словами от этих глаз:

— Есть такое предание. Человек нёс свой крест. Дорога была длинна, а крест тяжёл. И не выдержал человек — бросил свою ношу на пыльную землю и взмолился к Богу: «Господи, помоги! За что наказываешь меня? Не хочу нести эту тяжесть». И явился ему Господь, взял за руку и отвёл в поле, где лежали самые различные кресты, всевозможных видов и размеров. Бог повёл рукой и сказал: «Это — поле человеческих судеб. Выбирай себе такую, которую сочтёшь самой подходящей». Долго ходил человек среди чужих крестов, выбирал, прикидывал на вес, примерял на плечо. Пробовал он даже золотые кресты с драгоценными каменьями, но все они были или слишком увесисты, либо неудобны. Господь терпеливо ожидал, скрестив руки на груди, и наблюдал за человеком. Наконец попался человеку простой деревянный крест. Примерил он его — в самый раз! Даже выемка под плечо протёрта как раз впору. «Нашёл! Вот самый подходящий»,— воскликнул он. «А ты разве не заметил, что это тот самый крест, который Я тебе дал и который ты бросил у дороги?» — улыбнулся Господь.

Отец Юлий тоже благодушно улыбнулся, а Васенька задумался, но не о смысле притчи. Мораль была ему ясна: «Jedem das seine»,— или, говоря проще: «Довольствуйся тем, что имеешь». В подобных историях его интересовала не суть, а подробности. Например, его интересовало, почему в притчах Бог так запросто, чуть ли не по щелчку пальцев, является людям. Причём не каким-нибудь святым и угодникам, а всяким разбойникам, скептикам — одним словом, грешникам. В притче отца Юлия Он явился обычному нытику не в виде внутреннего озарения или голоса во тьме ночной, не в виде удачного стечения обстоятельств, не во сне, а наяву, в зримом образе, так что автор притчи описывает, как Бог улыбался или шевелил руками. А вот Васеньке Он не являлся ни в каком виде, хотя бы в качестве тихого шёпота в самую тяжёлую и отчаянную минуту. И слишком трудно было принимать за Бога неясные эмоции или бурчание в животе.

— Да ведь я не ропщу, и судьбой своей я вполне доволен. По крайней мере, в главном она не отличается от всех остальных: как и всякий человек, я умру. В этом мы все равны. Я беспокоюсь о другом: правильно ли я живу? Нужна ли моя судьба Богу? Нужен ли я Ему весь, такой как есть, со всеми своими качествами и способностями? Нужно ли всё это Богу? Если жизнь земная — лишь подготовка к тому, что будет потом, то надо ведь понять: а что там будет-то? Вдруг там всех в шкаф сажают? Или заставляют кроссворды решать? Так надо тогда научиться как следует это делать. А ты, может, всю жизнь учился бегать. А там, например, бегать не надо — все на крылышках летают. Зачем же ты тогда бегал всю жизнь? Зачем стихи сочинял?

Васенька намеренно упрощал свою речь, даже где-то юродствовал, прикидывался дурачком, сам не понимая почему. Возможно, боялся отпугнуть отца Юлия. Ему очень хотелось, чтобы отец Юлий его понял… Потому ли, что отец? Или потому, что брат-поэт? И чего он ждал? Что тот возьмёт сейчас и начнёт ему читать лекцию по богословию? Вряд ли… Наверное, самые сложные противоречия запросто бы растаяли от пары ласковых слов. Но у священника и правда голова загудела от Васенькиной казуистики. Сперва он пытался вдуматься в то, что говорил Васенька, но потом поднял руку, как бы заслоняясь от света:

— Это ты сейчас рассуждаешь, что там будет и как, надо это кому-то или не надо. Дух твой мечется оттого, что ещё не испытал встречи с Господом. А вот распахнутся перед твоим сердечным взором врата вечности, так ты и думать забудешь — так всё станет понятно и просто.

Васенька глянул исподлобья и усмехнулся:

— Это бы, конечно, хорошо. Врата вечности… Только что-то не распахиваются они никак. Вот я и пытаюсь понять: может, я что-то не так делаю? У кого тут учиться, на кого ориентироваться? Может, на старушек, которые подсвечники трут? Тогда я тоже буду! Хотя… не слишком похожи они на людей, перед которыми что-то там распахнулось…

— Не нам судить, что происходит у них в душе. Богообщение есть великая тайна. Надо не возноситься над другими людьми, а любить всех подряд.

— Вне зависимости от того, злы они или добры, мелочны или великодушны, глупы или умны?

— Любовь не делает никаких различий. Любовь всё соединяет в себе.

— Зачем же тогда быть умным, добрым, великодушным?

— Авва Дорофей говорил, что люди подобны точкам на окружности, центром которой является Бог. Вот ты пытаешься отдалиться от одних — глупых и злых — и приблизиться к другим — добрым и умным, но это лишь движение по периферии круга. Если же ты начнёшь двигаться к центру, если все начнут двигаться к центру, то есть к Богу, то расстояние между людьми сократится.

Васеньке очень понравилась эта метафора, тем более что она выглядела так наукообразно. Сам он, как и отец Юлий, в математике не разбирался, но живо себе представил, как люди, оседлав радиусы,

двигаются к центру. И чем быстрее бабуськи чистят канделябры и переставляют свечки, тем быстрее они едут к Богу. Васенька аж прыснул со смеху, но тут же спохватился, строго отчитал себя за безверие и самомнение и постарался придать лицу постное почтительное выражение. И ещё у него мелькнула мысль: «Если все такие разные и уникальные, что их ни осуждать, ни понять нельзя, то зачем же нам всем одинаковые молитвы?» Но когда Васенька вынырнул из размышлений, отец Юлий уже рассуждал о вреде наркотиков. Так уж их учили на пастырских курсах: с молодёжью надо говорить про наркотики.

— Наркотики — это буддистский принцип нирваны, который чужд русскому человеку. Когда святой князь Владимир принимал православие, он сказал: «На Руси есть веселие пити». А про наркотики он ничего не сказал. Поэтому лучше пить водку, чем употреблять наркотики. Попробуй — и ты почувствуешь разницу.

Васенька очень удивился, что ему рассказывают про водку и наркотики, хотя он спрашивал совсем о другом, но взгляд отца Юлия был пуст, священник смотрел мимо Васеньки и видел перед собой аудиторию кадетского корпуса, в которой ему предстояло выступать завтра. Им он тоже собирался рассказывать про наркотики. И ещё про Россию.

— А кто сказал, что наркотики — плохо? — не выдержал Васенька.

Нет, сам он не употреблял наркотики или алкоголь и даже обычных сигарет в рот не брал. Но почему-то ему вдруг захотелось поюродствовать.

Отец Юлий сбился и захлопал глазами:

— То есть как?

— А так, — отвечал Васенька. — Жизнь трудна, а мы сюда не воевать пришли. И я не подписывался на всю эту идиотскую жизнь. Меня Бог за ручку не водил и крестов на выбор не предлагал. Может быть, в этом моё предназначение и заключается, чтобы во всём сомневаться? А может быть, и в том, чтобы наркотики употреблять!

Говорил он это всё не сердито, даже заискивающе, только в глазах светилось холодное отчаяние, как у препарируемой собаки.

Отец Юлий окончательно смешался. Он решил, что виной тому усталость после утреннего богослужения. Он сунул Васеньке памятку:

— По субботам в церковной школе собирается кружок православной молодёжи. Вот куда тебе надо. Там твои сверстники — с ними можно обсудить любые вопросы.

Пока Васенька рассматривал бумажку, отец Юлий поспешил улизнуть.

Отец Юлий бодро проследовал к автостоянке и забрался в свой автомобильчик. Неправда, что все попы катаются на здоровенных джипах. Не все. Те, что рангом пониже, катаются на более скромных машинках. А отец Юлий особо наверх и не рвался, хотя, конечно, жене и ребёнку требовались средства. Отец Юлий не мог допустить, чтобы его попадья работала, потому старался набрать в церкви побольше нагрузки. Прямо с кладбища он махнул в больницу, где причастил и соборовал несколько полуживых и полубезумных старух, потом очутился в офисе какой-то фирмы мелкой руки (фирмы средней и крупной руки окормлялись более значительными иереями). Он потряс мокрой метёлочкой над компьютерами и карандашом нарисовал на стене специальный крестик — «голгофку». По дороге обратно на кладбище, где ему предстояло кого-то хоронить, он заскочил в техосмотр и поправил кой-какие документишки. После похорон он смотался в магазин, предварительно созвонившись с супругой, накупил чего надо. По возвращении домой он долго не мог найти местечка и припарковался за три двора, притащил сумки, потолковал с женой, расспросил сына об оценках, помолился, поел, снова помолился, посмотрел телевизор… Перед сном он тоже помолился — молился без молитвослова, потому что знал молитвы наизусть. И вдруг ему показалось, что за ним наблюдают заискивающе-насмешливые глаза того парня с кладбища. Отец Юлий решил помолиться основательнее, как будто это была образцово-показательная молитва. Он стал читать молитвы медленнее, словно разъяснял их дураку. Сознание выполненного долга и собственной праведности наполнило священника, и он решил, что это и было признаком угодности его молитвы Богу. Так что отец Юлий положил ещё один дополнительный поклон, а потом спокойно лёг спать и во сне не видел ничего предосудительного и вообще ничего…

А Васенька после разговора с отцом Юлием ещё какое-то время бродил по кладбищу. Им снова овладело чувство одиночества и собственной ненужности. Он бродил, думал, даже пробовал снова сочинять и всё никак не мог сообразить, как ему избавиться от чувства одиночества, какой-то противоестественной отъединённости от всего, что происходит вокруг. Кто мог бы восстановить разорванную связь с миром, навеки успокоить его испуганное сердце? Он так и эдак переворачивал в голове произошедший разговор со священником, примерял различные варианты ответов и фраз, но всё оставался недоволен. Он попытался вообразить: а чего он, собственно, хотел от встречи с отцом Юлием? Чего он ждал?

Ему ярко представилось: вот отец Юлий выходит из храма и видит фигуру Васеньки, которая сразу приковывает его взор. Он невольно приближается к Васеньке и в одном только взгляде прочитывает всю глубину его скорби и отчаяния. Удар колокола падает с неба, как медное яйцо,

и Васенька падает на колени, в точности повторяя картину Рембрандта. И отец-священник молча простирает руки… Постойте, это ведь уже было. Во время исповеди были и простёртые руки, и отпущение грехов.

Нет, пускай бы лучше священник попросил его прочитать стихи… А потом бы сказал… Но в мечтах Васеньки отец Юлий говорил голосом Танечки, и запутавшийся юноша, бессильный хоть что-нибудь понять, метался по кладбищу, спотыкаясь о заросшие старые могилы.

И тут ему пришла мысль посетить одно особенное место, тем более что это было недалеко…

Он миновал островок полуразвалившихся деревянных домишек, на которые со всех сторон наступали высотные новостройки. Будучи облаян бродячими собаками и праздношатающимися пьяными мужиками, едва не угодив в лужу, Васенька вынырнул к широкому проспекту. За проспектом находился детский сад, утопавший в зелени, и Васенька снова умилился резвящейся детворе. Наконец он подошёл к одинокой четырнадцатиэтажке—самому высокому зданию этого района. Потоптавшись у подъезда и подкараулив выходившего жильца, Васенька проник внутрь.

Буквально с первого этажа стены подъезда были покрыты различными надписями. У входа преобладали нецензурные слова и изображения. Все эти надписи существовали задолго до того, как Васенька впервые побывал в подъезде,—нацарапанные чем-то острым, написанные авторучкой или даже намалёванные грязью. Ругань, пошлый юмор… Казалось бы, что такого особенного в половом акте или человеческих гениталиях как таковых? И ведь не научные теории об их устройстве тут излагались! И всё же безымянные народные творцы не устают острить на эту тему! А если нет фантазии—достаточно и трёх букв. Васенька здесь ничего не писал, но иногда невольно останавливал взгляд на какой-нибудь надписи. Взять, к примеру, слово «GABHO». Звучит как имя легендарного персонажа—какого-нибудь мудрого старца. А изображение полового органа похоже на забавную рожицу. Углы тут, конечно, были загажены. Что поделаешь: падение нравов, да и не у каждого ведь есть свой персональный туалет.

Васенька поднялся чуть выше. На стенах второго этажа и следующего лестничного пролёта преобладала информация о местных жителях. Надо сказать, не только провокационного характера. Вот кто-то начертал: «Вовик, привет!» А вот: «Машка заболела. Тащите мандарины». Или: «Не забуду мать родную»,—чем плохо? Васенька вытащил из сумки свой синий маркер, прислушался, не идёт ли кто, и быстро подписал снизу: «И отца». Хотел было идти дальше, но вернулся и добавил: «И сына». Маркер для удобства и конспирации он спрятал в рукав и закрепил под плетёным браслетиком—памятью о хипповом студенчестве.

С третьего этажа шли рисунки. Их было так много, что они наползали друг на друга и сливались в общую картину. На стенах росли зелёные леса, в которых цвели красные цветы и сердца, гуляли фигуры в синих балахонах, чёрные чёртики и скелетики гонялись за сиреневой принцессой (фломастеры других цветов поштучно не продавались). Возле зелёного дома в зелёной траве играли красные котята или львята, а сверху плыли синие звёзды и облака. Трубы были расписаны как египетские колонны, а на люке мусоропровода красовался загадочный иероглиф. Васенька заметил в зелёном лесу новое дерево, оно было фиолетовым и выглядело немного печальным. Ещё он увидел, что синюю птицу, которую он изобразил на шляпе огромного зелёного гриба, кто-то заковал в чёрную клетку. Но зато у гриба появились два сиреневых глаза, которые с жалостью смотрели на несчастную птицу. Васенька добавил ещё парочку синих птиц возле самого красного солнца. Уж их-то никто не посадит в клетку. И пожелал им никогда не приземляться.

На четвёртом этаже никто не решался писать: здесь жил очень злобный дядька. Он почти неотлучно караулил у дверного глазка, готовый в любой момент выскочить и покарать нарушителя. Этот этаж Васенька проехал в лифте, где успел ознакомиться с рекламной листовкой какого-то моющего средства: «Мы знаем, что лучше всего для вашей головы!»

На пятом этаже над всеми надписями возвышалась нацарапанная лет десять назад: «Цой жив!» Внизу синим Васенькиным маркером было выведено: «Перемен требуют наши сердца!» Другие маркеры подчеркнули эту фразу. Однако в остальном музыкальные вкусы «цветов» расходились. Зелёный написал названия «Beatles» и «Creedence Clearwater Revival», а внизу добавил: «Imagine all the people living life in peace»,—и пацифистский значок. Чёрный старательно, с углами и завитушками, написал «Black Sabbath» и «Ария», прибавив: «Имя мне Антихрист»,—а внизу—три шестёрки. Фиолетовый назвал Бориса Гребенщикова и Ольгу Арефьеву, заключив: «Встань у реки, смотри, как течёт река». Красненький начертал: «„Led Zeppelin“—„Dancing Days“» и «Эмир Кустурица!!!» Здесь же были Васенькины надписи «Александр Башлачёв», «ДДТ» и «Калинов Мост».

Он исправил некоторые грамматические ошибки, немного постоял в задумчивости, осматривая пёстрый перечень имён, а потом принялся за дело. К списку зелёного он добавил название рок-оперы «Jesus Christ Superstar», рядом с названием группы «Ария» подписал строчку: «Там, где неба кончается край, ты найдёшь потерянный рай». Под именем Бориса Гребенщикова написал: «Серебро Господа

моего, серебро Господа...» К «Led Zeppelin» присовокупил: «О да. „Houses of the Holy“ — лучший альбом!» Потом он обратился к своим названиям и размашисто процитировал Башлачёва: «Душа гуляла в рубашке белой, да в чистом поле всё прямо-прямо, и колокольчик был выше храма». Потом он вспомнил и написал: «„Машина времени“: „Но верю я: не всё ещё пропало, пока не меркнет свет, пока горит свеча“». После этого он решил, что его миссия на этом этаже выполнена, и продолжил подъём.

На шестом этаже обсуждались книги. На одной из стен так и значилось: «Давайте здесь обсуждать книги!» Да, тема этого этажа, как и большинства остальных, была задана Васенькой — весь этот подъезд был его «храмом», который он строил из цитат и намёков. И он представления не имел, кто скрывается за другими цветами, да и не особо стремился это выяснить. Здесь же на вопрос: «Кто любит Достоевского?» — он получил утвердительный сиреневый ответ. Ещё он написал цитату из Анненского: «Теперь нам грезятся новые символы, нас осаждают ещё не оформленные, но уже другие волнения, потому что мы прошли сквозь Гоголя и нас пытали Достоевским».

Некоторое время, как помнил Васенька, эти стены пустовали, но наконец чёрный провозгласил: «У Д. мне нравятся только первые главы „Преступления и наказания“. Чисто по-ницшеански!»

Потом была отповедь Васеньки: «Ницше тоже многое говорил сгоряча, не подумав. Если тебе нравятся мрачные книги — прочти „Жизнь Василия Фивейского“ Леонида Андреева».

И снова фиолетовый: «А мне нравится Льюис».

Сегодня Васенька прибавил: «Клайв Стейплз? О да, „Хроники Нарнии“ — прекрасная вещь!»

Зелёный скромно приписал в углу: «Кастанеда».

Такого нельзя было допускать. Васенька добавил рядом: «Stop narcotics», — и пошёл дальше.

На седьмом этаже почти под самым потолком Васенькиной рукой было выведено: «Где бы вам хотелось жить?» А на противоположной стене он как бы пояснял свою мысль: «С чего начинается Родина?» Слово «Родина» он со школьной скамьи привык писать с большой буквы. За последние недели цвета высказали своё мнение. Чёрный заявил, что хочет в Прагу, потому что «там вместо гопов готы». Зелёный и красный единогласно высказались за «культурную столицу — Питер». А сиреневый ответил уклончиво — строчкой из мюзикла «Собор Парижской Богоматери»: «Дочь дорог... Край сыскать мой никто бы не смог». Васенька так и остолбенел, разинув рот и выпученными глазами уставившись на надпись: это была строчка из его собственного перевода французского мюзикла! Стало быть, фиолетовый мог быть кем-то из его знакомых, предположительно женского пола. Вот так открытие! Впрочем, он подозревал, что знаком с некоторыми из «цветов». Но кто бы это мог быть? Перевод он показывал многим, даже как-то читал его перед университетской аудиторией, но запомнить и процитировать строчку... Сразу же возник соблазн спуститься и ещё раз внимательно перечитать всё, написанное фиолетовым маркером. Но он сдержался. Лишь подписал ниже вторую строчку: «Дочь дорог... На скитания Бог нас обрёк», — и повернулся к другой стене. Там была лишь одна надпись: зелёный отвечал на вопрос «С чего начинается Родина?» вопросом же: «А вы как считаете?» Васенька уверенно вывел: «С веры», — и продолжил восхождение.

На восьмом этаже были и надписи, и рисунки, повсюду порхали красные сердечки и амурчики. Синяя Васенькина надпись гласила: «Пока ещё со мною дочь зари...» Зелёный писал: «Love reign over me!» Чёрный — тоже по-английски: «Love's the funeral of hearts». Но Васенька на этот раз с особенным вниманием всмотрелся в сиреневый рисунок: на вершине лестницы или постамента стояли двое — юноша и девушка. Девушка была в лёгком коротком платьице и широкополой шляпке, она опиралась на руку своего кавалера; привстав на цыпочки, почти оторвавшись от земли, смотрела вдаль. Юноша смотрел на девушку и держал её, будто бы опасаясь, что она вот-вот улетит. Особых примет у него не было — разве что длинные волнистые волосы. Конечно, большинство романтичных девочек рисуют своих принцев такими, но это и доказывало, что обладательницей сиреневого маркера была романтически настроенная девушка. Многие ли из Васенькиных знакомиц могли нарисовать такую картинку? Неформалки нарисовали бы в качестве принца могучего байкера или мрачного вампира. Гламурные девочки изобразили бы модного хлыща или богатого «папика»... Пробежавшись ещё раз взглядом по нарисованным ступеням, он уже хотел было идти дальше, но наверху скрипнула дверь, и Васенька прижался к трубе мусоропровода, чтобы не быть замеченным. В своём «храме» он избегал встреч с людьми. Лифт проглотил жильца, и только после этого Васенька поднялся ещё на один пролёт.

«Быть или не быть?» — гласила синяя надпись на девятом этаже. Долгое время стена под ней оставалась чистой. Потом возникли две фразы: чёрная «To live is to die» и зелёная «Пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я». Это не удовлетворило Васеньку, он расшифровал шекспировскую формулу так, как понимал её сам: «Есть ли смысл в жизни? Если да, то какой, и кто его назначает?» Чёрный и зелёный проявили удивительное единодушие. Первый написал: «Мы сияем, пока не умрём», — а второй: «Светить всегда, светить везде!» Тогда Васенька изложил очередную «синюю» идею: «Теория светлячков и мотыльков гласит:

первые ищут свет внутри себя, вторые—вовне. Свет светлячков умирает вместе с ними». Теперь под этими словами появился фиолетовый рисунок, изображающий свечу, с подписью: «Осторожно, мотылёк!» Красный ничего не сказал—только добавил красок к пламени свечи. Юноша задумался, даже присел на ступеньки, а потом крупно написал: «Надо найти такой свет, который просветит и согреет всех».

На десятом этаже Васенькой был поднят вопрос о Боге. Чёрный охотно откликнулся: «Бога нет. Он сосёт у Сатаны»,—и нарисовал перевёрнутую пентаграмму и перевёрнутый крест. На это Васенька ответил подробнейшим образом: «Если ты не веришь в Бога, то зачем рисуешь православный символ Преображения Христова и крест святого Петра? И если его нет, то кто же сосёт у сатаны? И откуда взялся сам падший ангел, и против кого он восстал?» Чёрный не придумал ничего лучше, как ещё раз написать «SATAN» готическим шрифтом. Васенька и тут его поддел: «А почему ты пишешь католическими буквами? Вот видишь, как Антихрист является корявой копией Христа, так и сатанизм лишь повторяет всё за христианством, только наоборот. Интересно, а ходят сатанисты тоже задом наперёд и едят не ртом, а…?»

«Мне кажется, Бог внутри»,—робко на другой стене высказался зелёный. Красный помалкивал. Сиреневым маркером было написано лишь два слова: «Ave Maria». И снова это был намёк на мюзикл «Собор Парижской Богоматери». После переживаний сегодняшнего дня и предыдущей ночи Васенька не знал, что ещё добавить на этом этаже. Ему не была близка позиция, высказанная зелёным, но он решил не трогать его. И ещё он почувствовал копящееся в чёрном раздражение. Может быть, Васенька перегнул палку с высмеиванием чёрного, но написанное не так-то просто было стереть.

На одиннадцатом этаже никто ничего не писал, здесь было так же чисто и пусто, как и на четвёртом, но по другой причине. За деревянной дверью с белой облупившейся краской находилась квартира музыканта, погибшего полгода назад. Васенька знал его, бывал на его концертах, хотя и не сильно восторгался непонятной мелодикой его песен. Теперь вот музыкант умер—сорвался со скалы во время туристического похода, и благоговение перед памятью об умершем, а точнее—перед памятью о неизбежно трагичном окончании любой жизни не позволяло Васеньке высказываться на этих стенах, сковывало его разум. Однако «храм» не заканчивался на десятом этаже, а продолжался на двенадцатом, хотя «цвета» и не знали об этом.

Здесь Васенька представил образец собственного творчества:

Тысячи лет выхода нет,
Заблудилась память.
Тысячи лет выбора нет
Между берегами.
Тысячи лет выхода нет,
Это бег по кругу.
Тысячи лет выбора нет:
Мы нужны друг другу.

Если бы кто-нибудь из «цветов» узнал про надпись на двенадцатом этаже и спросил поэта о смысле последней строки, он бы не знал, что ответить. Не то речь шла о его отношениях с Танечкой, не то о богоискательстве. Он лишь понимал, что больше не может жить в одиночестве, точнее, не может жить в этом мире одиноких людей, где для того, чтобы поговорить по душам, надо было сначала спрятаться от собеседника.

Дом был четырнадцатиэтажный—стало быть, в запасе оставались ещё два этажа, но Васенька не знал, о чём писать выше…

Вдруг он услышал звук поднимающихся шагов. Васенька спрятал маркер в рукав и стал бесшумно подниматься, однако быстрые шаги приближались. На последнем этаже юноша решил выбежать на общий балкон и притвориться, что любуется видом. Шаги за спиной пропали, а Васенька увидел, что на балконе уже кое-кто был. Он даже не сразу узнал её.

—Здравствуйте,—сказала девушка.

—Добрый день,—автоматически отозвался Васенька и только после этого всмотрелся в лицо.

Это была Саша, ученица класса, в котором он проходил педагогическую практику. Она всегда сидела на первой парте и усердно тянула руку. Ей было интересно всё, что рассказывал учитель. Саша даже записалась на придуманный Васенькой спецкурс «История рок-музыки». Она была активнее и выглядела взрослее многих сверстников, всегда улыбалась. Она улыбалась и сейчас, но Васенька заметил, что за спиной она прячет дымящуюся сигарету.

—Ты куришь?—удивился Васенька.

Это совершенно не вязалось с образом отличницы-картиночки, какой он её видел в школе… Подождите, а сколько же ей сейчас лет?

Саша вынула сигарету из-за спины, и её рука непроизвольно дёрнулась к губам, но в конце концов девушка нервно затушила папироску о стоявшую на подоконнике банку. Но потом, мельком глянув на бывшего учителя, с вызовом бросила окурок вниз. Васенька проследил за ним взглядом, и у него закружилась голова: он не любил высоты. Саша облокотилась на перила и уставилась в мутное варево туч, ворочавшееся в небосводе. Улыбка не исчезла, но стала застывшей, вымученной. А может, она всегда и была такой? Не всё же можно разглядеть из-за учительского стола…

Васеньке захотелось смягчить ситуацию.

— Ты сейчас в каком классе? Или уже закончила?
— Закончила.

Взгляд Сашиных серых глаз всё ещё оставался прикован к пустому пространству над городом, где гуляли осенние ветра.
— Поступила куда-нибудь?

Васенька понимал, что более банального вопроса и придумать было нельзя, но не мог свернуть с накатанной колеи общих тем. Не мог же он сразу начать спрашивать её о смысле жизни на земле!
— Поступила.
— Куда?

Нужно было срочно свернуть к каким-то менее формальным вопросам, но как?
— На экономический,—она посмотрела на него, и Васенька не успел скрыть, как поскучнело его лицо.

Саша стала смотреть в облака, а Васенька мучительно думал, что же ему сказать такого этой девочке, чем прошибить стену непонимания, вырастающую между ними. Он ведь помнил, с каким восторгом она слушала про хиппи в России и за границей, про мистические искания знаменитых рокеров, про их борьбу с режимом, поиски настоящей свободы и любви.
— Саша, а ты всё ещё посещаешь все эти свои кружки и секции? Я помню, ты куда только не ходила…
— Посещаю, но сейчас надо будет сильнее сконцентрироваться на учёбе,—похоже, она говорила с чужих слов.
— И кем же ты будешь, когда вырас… то есть когда закончишь университет?
— Отец устроит меня в свою фирму.
— А книги ты сейчас читаешь какие-нибудь?
— Нам выдали список литературы в университете.
— Так ты уже была на первых занятиях? Как тебе группа?
— Очень хорошие ребята.
— А что сейчас слушаешь? Я помню, тебе раньше группа «Queen» нравилась.

Саша назвала пару иностранных групп, которые Васенька не знал. Он неловко замолчал, глядя в темнеющее небо. Он чувствовал, что с девушкой что-то происходит, хотел сказать какие-нибудь ободряющие добрые слова, но Саша была закована в сверкающую броню напускной улыбчивости и вежливости. Говорить о себе? Так ведь выслушает, поулыбается, посочувствует—и только. Говорить с ней про экономику или фирму её отца? Васеньку тошнило от одних этих слов. Он выругался про себя, улыбнулся, попрощался и покинул поле боя. Только на прощанье сказал:
— Ты не теряйся. Если будут какие-то вопросы или проблемы—сообщи.
— Конечно,—она улыбнулась, намекая, что проблем у неё не будет никогда.

Правда, улыбка получилась не такая ослепительная, как раньше: от курения зубы темнеют.

Спускаясь по лестнице, он даже не смотрел на стены своего «храма», не обращал внимания на проходивших мимо жильцов.

Глава 7,

в которой Васеньке не удаётся превратить друга в соратника

Снова он был недоволен, снова не произошло чего-то важного. Он ведь и тогда догадывался, что Саша не исчерпывается тем блестящим фасадом, который наблюдали окружающие. Несмотря на улыбчивость и доброжелательность, кажущуюся открытость, она была, в сущности, замкнутой, самодостаточной личностью. И ещё одно: почему же она всё-таки курит? Как-то это не вяжется с её привычным образом. Да и одеваться стала заметно небрежнее…
— Вот так-то,—сказал Васенька вслух, выходя из подъезда,—сам напуган до смерти, а ещё хочу кому-то помочь. Или это как-то связано?

Ему на ум пришли строчки:

Врач, излечи себя сам,
Высчитай верную дозу,
Через четыре часа
Тебе перекроют воздух.

Через четыре часа
Тебе заломают руки,
Если не сможешь послать
Демонов друг против друга.

Это была песня его друга и однокашника Вальки Егорова, который весьма кстати жил неподалёку. Васенька решил завернуть к нему. Впереди было ещё полвоскресенья, и к тому же собирался сильный дождь. Васенька не привык пока постоянно пользоваться сотовым телефоном (обзавёлся им всего год назад) и предпочитал спонтанное хождение в гости; кроме того, он почти не сомневался, что застанет домоседа Вальку дома.

Однако по дороге произошли два важных события. Во-первых, пришла эсэмэска от Танечки: «Что у вас произошло с Артёмом? Он сам на себя не похож—как в воду опущенный». Васенька воспрял духом: стало быть, соперник повержен. Он написал в ответ: «Просто поговорили по-мужски». В конце концов, они и правда поговорили как взрослые люди. Ну а Танечка пускай тешит себя надеждой, что ради неё они таки расквасили друг другу носы. И снова Танечкино сообщение: «В следующие выходные мы поедем на дачу. Поедешь с нами?» Васенька возликовал. Его зовут, его принимают как друга семьи, и он будет вместе с Танечкой на лоне природы! Вот так нечаянная радость! Мрачные мысли пропали в один миг, весь мир залило блаженным светом счастья. Васенька даже ускорил шаг и полетел как на крыльях,

перепрыгивая через лужи, воображая сладостные картины загородной идиллии.

Однако буквально через несколько шагов его поджидало второе происшествие—встреча с журналистом Димой Аполлошиным. Под стать фамилии, он был красив как бог—светловолос, строен, элегантен—и держался с чувством собственного превосходства. Он был старше и гораздо успешнее Васеньки—работал помощником мэра в соседнем небольшом, но развитом городе. Увидев Васеньку, Дима помахал рукой. Он не брезговал общением с Васенькой и относился к нему покровительственно ещё с института.

Поздоровались, разговорились, постояли под навесом, пережидая дождь. Дима одобрил новое рабочее место Васеньки (теперь как-никак коллеги) и даже пригласил его на собрание литературного кружка, которое было назначено через несколько дней в издательстве местного толстого журнала. И тогда, словно бы желая пред кем-то извиниться за неудачный разговор с Сашей, Васенька пошёл напролом и прямо спросил у Димы: для чего тот пишет рассказы? От этого вопроса до смысла жизни было рукой подать.

Дима пролил на него свет голубых глаз с высоты своего божественного величия и проговорил с извечной улыбкой:

— О, это для меня совершенно естественный процесс, как дышать, как есть и… наоборот.

Васеньку чуть не стошнило от такой аналогии:

— То есть для тебя это—как нужду справить? Кто же тогда захочет это употреблять?

Дима расхохотался:

— Вот не знаю. Это уж их проблемы. Однако, веришь ли, потребляют! Совсем недавно мой рассказ включили в сборник фантастики, вышедший в Петербурге.

Слово «Петербург», как и полагается провинциалу, Дима произнёс с особым почтением, после небольшой паузы, чтобы отделить его от остальных не таких священных слов. При этом, подражая столичным жителям, он говорил очень медленно, словно бы в его словах заключалась такая могучая истина, ради которой собеседник обязан терпеть все его бесконечные «э-э-э» и «а-а-а».

— Если бы кто-нибудь стал есть моё дерьмо, мне бы это не было приятно и не прибавило мне самоуважения…—мрачно проговорил Васенька.

Диму несколько раздосадовала уже надоевшая метафора, развёртывание не придавало ей красоты, поэтому он спросил:

— Ну а ты для чего пишешь?

Перед Васенькой промелькнули кадры фильма Тарковского «Андрей Рублёв», и он выпалил:

— Я пишу для людей.

— Для люде-ей?—протянул Дима и снова рассмеялся. Правда, смеялся он очень картинно, закинув голову и выталкивая короткие сухие смешки, как задыхающийся. Не было ничего весёлого или заразительного в этом механическом смехе.—Это для каких же людей?

— Ну как… для разных… для всех…

Снова приступ деревянного смеха-кашля:

— Для всех? То есть, например, для какого-нибудь шахтёра Петровича или доярки тёти Дуси?

— Что же такого?

Конечно, среди знакомых Васеньки и Димы не было ни доярок, ни шахтёров, но почему-то каждый из них был убеждён, что знает, о чём говорит.

— Ничего, кроме того, что они все—быдло, понимаешь? И им не то что твои стихи, но и вообще никакие книги не нужны и не интересны. И, знаешь ли, это даже к лучшему. Уму простецов мысли противопоказаны—пробки перегореть могут. В конце концов, каждому своё: элита должна писать и читать книги—таково уж её предназначение, а простые люди должны работать и пить водку. Ну рассуди сам: если рабочие у станка вдруг примутся толковать о Борхесе и Пелевине, кто же будет гайки винтить? И наоборот: разве ты хотел бы идти работать на завод? Ведь не захотел бы. Значит, тебе хорошо там, где ты есть. А им—там, где они. Телевизор, футбол—чего же ещё? Разве не так?

— Нет, не так…

— А как же?—Дима озарял Вселенную милостивой улыбкой.

А Васенька мучительно соображал, что же ему не нравится в речах Димы, которые звучали так естественно и веско. Мышление вообще было для Васеньки болезненным и трудным процессом, особенно когда нужно было соображать быстро, на ходу.

— Вот Христос. Он же для всех людей пришёл,—медленно стал рассуждать Васенька, сам прислушиваясь к собственным размышлениям,—со всеми Он говорил. И с рыбаками, и с проститутками, и с мытарями. И многие Его поняли. В конце концов, кто же такие были апостолы? Значит, простым людям доступна любая мудрость. Надо только достучаться…

— Христос для меня авторитет слабый. Я в душе буддист.

— Это как?

— А как Борис Гребенщиков. Но оставим религиозные споры. Вернёмся к творчеству. Я хочу спросить: как *твои* успехи? До скольких «достучался»? Насколько популярно твоё *народное* творчество? В журналах тебя часто публикуют? Может быть, на телевидение позвали уже?

Васенька поник:

— Так я разве… ради этого?

— Постой-постой. Это ведь ты «для всех» пишешь. А эти «все» на тебя начхали!

— Значит, плохо пишу!—неожиданно для себя выпалил Васенька и выбежал под дождь…

Васенька бежал, уворачиваясь от вездесущих автомобилей. Вода заливала ему глаза. «Как так может быть?—мелькало в голове.—Ведь Дима унижает самого себя, принижая своё творчество… Самодостаточный пузырь, который только потребляет и выделяет, не давая себе труда задуматься, что́ он потребляет, перерабатывает и производит… Если то, что мы делаем, никому не нужно, то зачем же мы сами? Для самих себя? Но этого мало! Мало!»

Он добежал до старого двухэтажного дома с покатой шиферной крышей. Дом треснул посередине и несколько ввалился сам в себя, словно его понемногу засасывала земля. Подъездная дверь не запиралась—атавизм советской эпохи. Внутри пахло подвалом и гнилым деревом. Васенька позвонил в угловую дверь на первом этаже. Послышалось приближающееся поскрипывание половиц, и дверь отворила мать Вальки—невысокая женщина с ироническим выражением лица. Однако она благоволила Васеньке, потому что он был очень вежливый и не употреблял спиртного, в отличие от прочих приятелей её сыновей.

— Привет, проходи,—сказала она и крикнула через плечо:—Валентин, к тебе пришли!

Васенька разулся, снял промокшую куртейку и прошёл по коридору. Это был старый дом, постепенно уходящий в землю, и всё в нём было старое, пропитанное кислыми запахами,—всё осыпалось, трескалось, гнило, несмотря на постоянные усилия Вали и его матери противостоять распаду. Валька неплохо набил себе руку и даже иногда подрабатывал ремонтом. А его старший брат был профессиональным бездельником, любителем выпить и послоняться неизвестно где, а потом заявиться домой с разбитой рожей и проспать пару суток. Своё тунеядство он оправдывал тем, что, в сущности, ничего и не ест, а только бесконечно и громко пьёт чай по ночам на кухне.

Васеньке нравился этот дом. Отчего-то он чувствовал себя в нём спокойно. С одной стороны, всё здесь напоминало о неумолимом и разрушительном течении времени, с другой—время настолько впиталось в стены, в поверхности мебели, в кучки хлама по углам, что делалось осязаемо, близко, почти управляемо. И здесь Васенька нисколько не стеснялся за свои протёртые носки.

Мама Вали ушла в свою комнату, в которой негромко ворковал телевизор, а Васенька направился в спальню её сыновей. Тут друг напротив друга стояли две кровати. Кровать Вали была ровно застелена, недавно он соорудил для неё новое днище из ровных досок. А брат довольствовался продавленным диваном, постель на котором напоминала бурное море. Кстати, под диваном, подобно обломкам кораблекрушений, вечно лежал разнообразный мусор, который хозяин лежанки добывал в скитаниях по чужим квартирам, чердакам и дворам. Трофеи приключений представляли собой обрывки плакатов, всевозможные металлические предметы с помоек, куски еды и даже книги. Впрочем, читал он только фантастику и сказки.

Ближе к окну друг другу противостояли компьютерный стол и пианино. Валя всячески оберегал их от старшего брата, не без оснований полагая, что тот и машину, и музыкальный инструмент сможет превратить в гору хлама.

Однако в комнате никого не оказалось. Васенька удивился: он был уверен, что именно отсюда доносился Валькин голос, отвечавший матери. Васенька растерянно огляделся по сторонам, но вот прямо из-под земли появилась Валькина голова.

— Привет!

Вслед за чёрной лохматой головой возникла рука с ведром, наполненным землёй.

— А ну помогай!

Васенька вытащил ведро и увидел, что пол частично разобран и его приятель находится внутри вырытой под ним ямы. Следом за ведром выбрался и сам Валя.

— Ты что там делаешь?—изумился Васенька.

— Разве не видишь? Подвал рою.

— У вас же уже есть подвал—прямо тут, во дворе…

— Так то под картошку, а это специально для меня,—усмехнулся Валя и вытащил из глубины ещё одно ведро.—Давай помоги мне землю отнести.

Они потащили вёдра к ближайшей уличной яме. Дождь уже переставал, и физический труд был в радость.

— И всё-таки—на что тебе подвал? Что ты там собираешься хранить?

— Самого себя. Если хочешь знать, то я бы целыми днями оттуда не вылезал. Только представь себе: наверху брат пьёт водку, ищут меня курьеры из военкомата, милиция мне чужой дебош шьёт, кришнаиты хотят меня вегетарианцем сделать, менеджеры по продажам товары втюхивают, телевизор орёт, у соседей свадьба или день вдв… А я сижу себе на табуреточке, лампочку зажёг и читаю Ницше. Если ещё немного вёдер потаскать—я туда и лежаночку пристрою. Можно даже запереться изнутри и люк так замаскировать, как будто меня вовсе на свете нет. Улавливаешь? Этот мир устроен дураками для дураков, а я лучше буду жить в книгах.

— А кушать что будешь?

— Работать я не отказываюсь, тут уж ничего не поделаешь. Но моё свободное время посвящать дуракам я не намерен,—и Валя показал пространству кукиш.

— Ты прямо монах-затворник! Тебе бы в твоём подвале не Ницше, а Библию читать. Вот уж воистину достойное времяпровождение. Нам же недаром в университете постоянно повторяли, что абсолютно все тексты восходят к Библии. Открываешь потом любую книгу, обнаруживаешь там библейские мотивы—трах!—дело сделано,

текст истолкован. А с Ницше ещё Достоевский блестяще разделался: если Бога нет, то всё позволено — трах! — и где теперь Ницше? Нету его.

Они закончили таскать вёдра, и Валя пригласил гостя перекусить. Васенька очень этому предложению обрадовался и вынул из котомки два пакетика китайской лапши, которые купил по дороге. Это было стандартное лакомство их студенческих лет.

Кухня была под стать остальным комнатам: в стены и предметы навечно впитались запахи… не то чтобы неприятные, но запоминающиеся и навеки окутавшие Васенькины воспоминания об этом доме, о том времени, о дружбе с Валькой. На подоконнике, столе, дребезжащем холодильнике стояли многочисленные баночки и кулёчки, в которых что-то хранилось, настаивалось и портилось. Валя не был ни неряхой, ни фанатичным чистюлей, и он не отчаивался оттого, что ему и маме не удаётся побороть непрерывный распад: что-то гнило, пачкалось, сыпалось с потолка, трескалось, со всех сторон наступали тараканы и прочие домашние вредители (к коим он причислял и своего старшего брата). Всё было старым и требовало замены.

Они разорвали пакетики с лапшой, но приступили к ней по-разному. Васенька всё делал по инструкции, а Валя любил экспериментировать, поэтому он приправу высыпал на хлеб, а не в чашку.

— На тему Достоевского и Ницше я придумал забавный сюжет, — сказал Валя. — Представь себе дуэль в пушкинском духе. Участники готовы к бою. И вдруг один из них поднимает свой пистолет в небо и говорит: мол, мне религия не позволяет человека убить — Бог это запретил. Произносит свою торжественную речь и в подтверждение нерушимости своих убеждений стреляет вверх. Ну, понятно, все потрясены и растроганы этими самыми убеждениями. Но внезапно наверху слышен ужасный крик, и с неба падает Бог. Весь в белом, с нимбом… и с дыркой от пули промеж глаз. Некоторое время оба дуэлянта с удивлением смотрят на мёртвого Бога, потом второй участник дуэли спокойно стреляет в первого и сражает его наповал.

Друзья засмеялись, но Васенька опомнился и постарался подавить в себе веселье.

— И не стыдно тебе так шутить в Его присутствии? — улыбаясь, сказал он.

— А не стыдно Ему присутствовать? — снова сострил Валя и, заметив Васенькино смущение, добавил: — Ну как ты думаешь, есть у Него чувство юмора или нет?

У Васеньки полегчало на сердце от этих слов, и на этот раз они вместе от души рассмеялись. У Васеньки даже выступили на глазах слёзы, и с этими слезами его покинуло всё тяжёлое, что накопилось от посещения церкви.

Насытившись и напившись чаю, они вернулись в комнату и продолжили разговор под музыку «Deep Purple» из колонок старого, но несокрушимого советского магнитофона. Немного поговорили о роке, вспомнили имена членов групп, годы выхода альбомов.

— Подумать только! — сказал Васенька. — Ведь я помню названия сотен песен и даже знаю наизусть слова большинства из них, могу мысленно рассортировать их по альбомам, по именам исполнителей или авторам текстов. Сколько же места эта информация занимает в моей голове — и зачем всё это? Я ведь дату крещения Руси или отмены крепостного права назову не сразу, а разбуди меня ночью и спроси состав группы «Ария» такого-то года — перечислю без запинки…

Между тем «Deep Purple» отгрохотал, и наступил черёд «Pink Floyd». Валя принялся рассуждать о манере игры каждого из участников, о том, что каждый из них привносил в конечное произведение. В непримиримом споре между лидером Роджером Уотерсом и остальными членами группы, который привёл к расколу, Валя был на стороне последних, поскольку они хотели играть более изысканные и оторванные от реальности песни. А Уотерса он называл презрительно «десантником» за то, что тот пел о политике, о войне и об отце, погибшем на Второй мировой.

— Но я ведь помню, как ты сам на втором курсе пел что-то против правительства, что-то про анархию и про «славянскую землю».

— Это в прошлом, — отрезал Валя.

Он не любил, когда Васенька пересказывал его собственные мысли. Валя чувствовал, что его как будто пытаются поймать на слове, а он не хотел быть пойманным. Он не узнавал своих мыслей, когда их озвучивал Васенька. В чужом пересказе они казались ему серыми и блёклыми. Васеньке же, наоборот, такие манёвры Вали казались предательством. Он относился к словам друга с почтительным вниманием, старался дословно запоминать понравившиеся фразы, долго и упорно их обдумывал и порой перерабатывал в стихи.

Когда он был маленьким и играл во дворе, какой-то мальчик однажды кинул песком в девочку. Девочка заплакала. Васенька погнался за обидчиком, а когда припёр его к стенке, тот вдруг испуганно сказал: «Я больше не играю». Васенька совершенно растерялся тогда: ведь он принял обиду девочки всерьёз, он гнался за мальчишкой всерьёз и собирался драться с ним по-настоящему. Разве это была игра?

Васенька вынырнул из воспоминаний и почувствовал, что его окружает сильная, непонятная музыка «Pink Floyd». Он принялся выискивать в этой музыке хоть что-то, что помогло бы ему определить религиозные взгляды авторов. Ведь все пять лет в университете им упрямо внушали,

что весь мир или уж, по крайней мере, вся культура покоится на религии. Стало быть, от религиозных взглядов авторов зависит, хороша их музыка или плоха, «свои» они или «чужие». Он уже забыл свой небольшой «бунт» в разговоре со священником. Вообще, чем дальше он находился от церкви, тем истовее верил. Гитара продолжала неторопливый, загадочный диалог с синтезатором, мысли Васеньки беспомощно барахтались в море музыки, не чувствуя под собой опоры. Наконец послышались слова:

> Far away, across the field
> The tolling of the iron bell
> Calls the faithful to their knees
> To hear the softly spoken magic spell…

— Ага! — воскликнул Васенька. — Здесь что-то про колокол.

Валя рассердился. Ему было неприятно не только то, что приятель ложно понял и упростил его любимую музыку. Сама попытка расшифровать, понять музыку показалась ему кощунством.

— Да это же не церковный колокол, тут имеется в виду «division bell» — символ разделения людей.

Он хотел добавить ещё что-то, но по сосредоточенному виду Васеньки догадался, что тот буквально на ходу старается перевести всё, что Валя ещё только собирается сказать, на язык религии и мифологии.

— Послушай, тебе ещё не надоело? — не выдержал он. — Что ты упёрся так в это христианство? Какой смысл искать в каждой песне Бога и все разговоры сводить к одному?

— А во что, по-твоему, я должен верить? Что я должен везде искать? Если Бог действительно существует, так я должен Его найти. В песнях, в книгах, в людях, в монастырях — всё равно. Но допустим — Его нет и это пустое занятие: чем я должен заниматься? Нет, ты скажи, скажи! Только умоляю, не говори «просто жить», под этим чаще всего имеют в виду «травку жевать и бежать со стадом». Посмотри вокруг: чем люди занимаются, для чего живут? Жрут и трахаются. А те, что постарше, просто жрут и детей приучают жрать. Дальше-то что? Что над этим болотом хоть как-то возвышается? Церковь и рок. Ничего ведь больше вокруг не видно. Ни о чём более глубоком или серьёзном я никогда ни от кого не слыхал. Может быть, ты что-то знаешь? Тогда пожалуйста — расскажи, я слушаю. Потому что жить просто так, безо всякой цели, имея впереди только одну перспективу — старость и смерть, я не могу.

— Смерть-смертушка… — пробормотал Валя. — Тут ты прав. Это и самое страшное, и самое неизбежное, и самое реальное. Единственная правда. Я лично так рассуждаю: хоть ты в лепёшку расшибись, а что «там» — всё равно не узнаешь. Так это самим Богом придумано.

— Ну хорошо, а жить-то как? Что нам здесь делать, пока не… И главное — как перестать бояться, дрожать, как победить эти наплывы отчаяния?

— Вот это и есть единственная задача. Мне кажется, единственное, чего я хочу, это перестать думать. Помнишь, как нас Борода учил? Разум — это болезнь. Надо как-то здесь перемы́каться, а там… там разберутся.

— Не думать? Такое ощущение, что у людей… — он так и говорил «люди», как будто считал себя и Валю какими-то иными существами, — у людей в голове стоят защитные приборчики, которые предохраняют их от страха смерти, понимания её неизбежности. Это и помогает им тратить свою жизнь попусту и не испытывать никакого беспокойства в этой связи.

— Вот именно! И у каждого установлен свой предохранитель. Вот мой школьный приятель Руся просто говорит: «Когда меня не будет, мне ведь это будет совершенно всё равно. Чего же мне бояться?» И живёт себе и в ус не дует. Или вот брат мой выдумал, что в астрал попадёт и будет вокруг Земли летать. Да ещё и коммунистом себя считает.

— Это как? — неприязненно поморщился Васенька.

— Да водку постоянно с одним комсомольцем пьёт и Зюганова хвалит.

— Ну нет. Коммунизма мне ещё в советских учебниках во время учёбы хватило. «Прогрессивные деятели передовых классов, беззаветно преданные делу освобождения трудящихся масс в период демократического подъёма…» Тьфу! Сразу в зубах застревают все эти затасканные словечки. Как будто вся история человечества совершалась для того, чтобы Брежнев на очередном пленуме ЦК КПСС чего-то там постановил!

Валя одобрительно хихикнул:

— Анархия — мать порядка. А в мировом хаосе никто и никогда ничего не поймёт.

Васенька смущённо почесал затылок:

— Ну почему же никто и никогда? Разве кто-то всерьёз пробовал? Задавались же этими вопросами и другие, более гениальные и одухотворённые люди. Надо просто найти этих мудрых учителей, отыскать эти правильные книги, собрать всё это в кучу, объединить… И, может быть, тогда у нас всех что-то получится!

— Хе-хе! А ты обратил внимание, что мы говорили о грустном, пока играла минорная песня, а сейчас идёт мажор?

Васенька прислушался. И правда — звучал бодрый, пафосный финал альбома «Dark Side of the Moon».

— Что ж, пускай, — сказал он. — И это наблюдение нам пригодится. Когда мудрые люди будут думать и беседовать, пусть играет радостная музыка. А иногда пусть звучит грустная, чтобы они не забывали о сложности своей задачи, чтобы сомневались, ставили новые вопросы… Люди должны

действовать заодно с себе подобными. Потому что… потому что один я не справлюсь и никогда ничего не пойму.

— А ты считаешь, что мы с тобой друг другу подобны?— Валя посмотрел Васеньке в глаза, и тот отвёл взгляд, а Валя продолжил:— Тут себя бы спасти, а не человечество. Мне для того и нужен этот бункер,— он указал ногой в тапке на вырытую яму, прикрытую досками,— чтобы от дураков спрятаться… Знаешь, в начальных главах некоторых романов главный герой встречается со своим дядюшкой. Такой мудрый старый дядюшка с неясной биографией. Этот дядюшка даёт герою пару наставлений, изрекает пару истин и уходит со сцены, уступая её главному герою, его друзьям, врагам и возлюбленным. А ближе к концу герой узнаёт, что дядюшка скончался… У меня такое ощущение, что нам уготована судьба таких дядюшек. Другие будут жить, совершать подвиги, побеждать негодяев, а мы лишь отдадим им в наследство несколько выцарапанных у повседневности идей, букет кувшинок с родного болота…

Кассетник щёлкнул и умолк, и тогда Валя сел за пианино и заиграл какую-то мелодию, сочинённую им давным-давно, чуть ли не в школе. Сейчас он почти не писал музыки, но часто возвращался к этой, главной, обрабатывая, улучшая, оттачивая её. Это был гимн юношеского романтизма, стыдливое поклонение прежним идеалам. Для Васеньки не могло быть ничего прекраснее, чем то, что сочинял Валя. Ведь это была музыка не из магнитофона или телевизора, не из параллельной вселенной великих композиторов и суперзвёзд, а мелодия, рождённая здесь, в этом городе, на этой улице, человеком с похожей судьбой. Красота этой музыки пробивала себе дорогу сквозь все те зло и серость, с которыми имел дело и Васенька, и потому гармония, найденная Валей, была в сто раз правдивее и реальней, чем музыка мировых классиков. Валя бил по клавишам растрескавшегося пианино, он вынужден был сочинять свои мелодии с учётом сломанных клавиш, а Васенька готов был плакать от счастья, что у него есть такой друг, который тоже по-своему строит мост над мрачной пропастью их тусклой и бестолковой жизни. Или строил когда-то в прошлом… Это не важно, ведь, в сущности, время очень скоро обгонит нас, и все мы останемся в прошлом. Васенька подумал, что неплохо бы им с Валей объединиться и сделать что-нибудь вместе. В конце концов, стихи и музыка были их единственным оружием в борьбе с пустотой.

И тут зазвонил телефон, музыка оборвалась. Руся звал Вальку на дружескую попойку. Валя покочевряжился, но согласился.

— Опять собрались пиво пить,— с презрением сказал он, повесив трубку.

— Так зачем же ты идёшь? Не ходи.

— А затем, что Руся мне помогает зарабатывать. Мы с ним ремонтом квартир занимаемся.

— Послушай, иди лучше к нам на радио! Мы же только открылись, люди нужны. А у тебя и опыт, и образование. Хочешь, я договорюсь?

Валя задумался и потом, уже в коридоре, когда они обувались, ещё раз спросил:

— Значит, ты считаешь, что мы с тобой друг другу подобны?

Васенька не успел ответить: на улице Валя быстро побежал на автобусную остановку. Васенька посмотрел ему вслед и подумал: «Если откликаться на каждый призыв пива попить, то никогда себе подполье не выкопаешь».

В задумчивости он побрёл в сторону парка. Впереди был ещё целый вечер.

Глава 8,

в которой Васенька не противится злу насилием

Гулять в парке было, конечно, лучше, чем вдоль ревущих автострад, но и здесь было не вполне безмятежно. Траву тогда ещё не косили, но деревья уничтожали безжалостно. То тут, то там на границы парка посягали новостройки, набивая себе цену близостью к «зелёной зоне». Сквозь прореженный строй деревьев город заглядывал в самое сердце парка. А изнутри парк разъедали непрерывно расширявшиеся асфальтовые и брусчатые дороги, на которых, как прыщи, росли торговые точки и аттракционы. К счастью, осенью и зимой работы по «благоустройству» замедлялись, стихала беспардонная попса, и до весны парк дышал остатками своей красоты.

Васенька кружил среди голых деревьев, старался не слышать машин, не видеть рекламы, думать и сочинять. Но мысли его тоже ходили по кругу: Бог молчит, Танечка не любит… И ничего он не мог придумать, чтобы изменить это или чтобы захотеть чего-то иного. «Плюнуть на всё, зарыться под землю…» И сразу же в голове всплыл Валькин вопрос, его лукавое сомнение в том, что они друг другу ровня. «Да, я считаю его своим другом, даже лучшим другом, но чем именно мы с ним похожи? Ну, прежде всего, пожалуй, ходом мысли. Мы оба осознаём, что такое смерть, и ищем в жизни чего-то большего, чем комфорт и развлечения… Мы оба ценим искусство, хотим понимать и создавать его. Причём, опять же, искусство для нас — не развлечение, а способ познания и преобразования мира. Да, мы не какие-нибудь Аполлошины, которым безразлично, о чём и для кого писать,— лишь бы товар находил сбыт. Мне, например, не всё равно, что происходит с моим словом после того, как оно произнесено, и я не согласен с расхожим мнением, будто каждый видит в произведении что-то своё. Может быть, так

оно и есть, но настоящий автор всегда стремится свести разночтения к минимуму, жаждет наиболее точно и ясно передать своё послание. Почему? Да потому, что последней, высшей целью художественного произведения является не созвучное чувство и даже не пробуждённая мысль, а ответное действие аудитории, поступок… Вот это надо бы обсудить с Валей, он должен понять».

Каких же действий ожидал Васенька от адресатов своих стихов и читателей будущего романа? Чего он хотел добиться, описывая метания колдуньи Аи или рифмуя такие строки:

Добрые песни и злые стихи,
Ласковый взгляд и касанье руки—
Всё это способ сказать о любви,
Которую мы потеряли.
Я оставлю тебя наедине
С белой церковью, там, где-нибудь на крыльце.
В ней много лестниц и много дверей.
Мы увидимся снова? Едва ли.

Он хотел влить в людей свою тоску и заставить их открыть невиданную охоту на Господа Бога, чтобы совместными усилиями человечества затравить, поймать потустороннего беглеца и, как пел Цой, «если к дверям не подходят ключи—выломать двери плечом».

«Согласится ли Валька на такую задачу? Вряд ли… Ну а если копнуть глубже? Почему мы мыслим именно так, а не иначе? Какие обстоятельства сформировали наш образ мыслей, навязали нам наше одиночество и ненавистную независимость, сделали для нас неприемлемыми наиболее очевидные и низменные смыслы жизни? Начнём с того, что нам обоим жутко не везёт в любви. Это отнимает надежду на простое человеческое счастье, позволяет, даже вынуждает сконцентрироваться на чём-то важном».

Васенька стал вспоминать. Валька почти никогда не упоминал о своих сердечных привязанностях и любовных историях. Но в его стихах и песнях иногда проскальзывали осторожные, почти благоговейные упоминания о некой далёкой, недоступной… Валька был чудовищно застенчив из-за своего роста, упоминания о котором всегда воспринимал болезненно, что-то ему не нравилось в своих руках и форме пальцев; короче, он вообще был недоволен своей внешностью, хотя многие, в том числе девочки, отмечали невероятную, даже пугающую красоту его глаз и выразительность взгляда. «Словно в пропасть смотришь»,—сказала одна девчонка. А может, это и отпугивало? Но главной помехой, бесспорно, была Валькина скованность. Ему даже собственное имя не нравилось, казалось «бабским» и непоэтичным. Ему хотелось называться как-нибудь по-скандинавски—Нильс там или Турбьорн… И ведь при всём этом он был душой любой компании, лихо играл в футбол, был остёр на язык, неистощим на выдумки и рискованные проказы…

«Хорошо. Это уже кое-что. Но, очевидно, не всё. А что ещё? Мы оба—безотцовщина. Это не могло не сказаться».

Например, Валькин бывший одноклассник и сосед по парте Егор Валентинкин (у Господа и вправду есть чувство юмора!) обладал отцом. И что же? Все жизненные вопросы были для него проще пареной репы. Стоило его белобрысую голову затуманить хоть тени сомнения, он тут же шёл к отцу, и тот с авторитетом и цинизмом старого медика разъяснял ему все тайны мироздания и человеческих отношений. Егор накрепко с детства усвоил: человеческие отношения—это математика, а любовь—это биология,—а потому не тратил время на лишние раздумья и в свободное время смотрел смешные мультики. После школы отец пристроил Егора в медицинскую академию и скоро пристроит в аспирантуру. Егорка катился по жизни, как варёное яичко,—ни острых углов, ни крутых поворотов. Родители уже присмотрели для него квартирку, на очередной день рождения обещали отдать свою старую машину; видимо, ещё через пару лет подарят и жену… А когда родители умрут, их место займёт благосклонное и авторитетное начальство. Так что мозг Егорке был нужен только для того, чтобы получать пятёрки на экзаменах.

А у Васеньки и Вали всё было наоборот: «по кочкам, по кочкам, в ямку бух!» Отец Вальки жил где-то далеко. Валька ездил к нему в другой город, но особо не задерживался: у отца там была семья. Кажется, он был архитектором—профессия доходная, престижная. Но авторитету отца в Валькиных глазах мешало то, что он бросил мать. Поэтому все отцовские наставления и мудрствования разбивались о стену Валькиного упрямого скептицизма…

Маломощная спираль Васенькиного мозга перегрелась от таких сложных раздумий. Он решил ехать домой. Но, проходя мимо кондитерского магазина, не устоял перед соблазном и решил слопать на дорожку что-нибудь сладенькое (любил он это дело). В кармане было двадцать рублей. Проезд, кажется, стоил тогда восемь, так что Васенька мог считать себя богачом. Он зашёл в магазин. Однако внутри его ничего не привлекло: как-то скверно пахло, пирожные имели усохший вид, так что сила духа возобладала, и он вышел наружу, не истратив ни копейки. Когда он спускался по крылечку, сзади его кто-то окликнул. Васенька оглянулся—следом за ним из магазина вышли двое парней. Васенька стоял уже внизу, и окликнувший его парень смотрел на него сверху вниз. С первого взгляда Васенька определил парней как типичных «гопников», то есть уличную шпану. Одеты они были во что-то дешёвенькое, полуспортивное,

ничто не демонстрировало принадлежности к какой-нибудь музыкальной субкультуре. У того, который окликнул и был ближе к Васеньке, голова была брита наголо, с парой порезов от бритвы или ножа, только над бровями нависала русая чёлка; спортивные штаны он сочетал с чёрными стоптанными туфлями с загибающимися носами. Глаза мутные, цвета клейстера. Второй, чернявенький, в рубашке, держался чуть сзади. То ли для страховки, то ли для учёбы. Сердце Васеньки почуяло неладное: уж точно не о литературе захотелось с ним поговорить этим двоим. Либо деньги, либо поиздеваться, либо и то, и другое…

Но лысенький начал дружелюбно:

— Ты, что ли, рок слушаешь?

Тут парень попал пальцем в небо. Васенькин внешний вид ясно говорил, что он слушает.

— Ну,—утвердительно ответил Васенька.

В сущности, его прощупывали. Сначала нужно было удостовериться, насколько объект норовист. Васенька ещё не вполне понимал всю эту механику. Он посчитал, что вопрос исчерпан, и сделал движение, чтобы уйти. Это было ошибкой: он показал свою неуверенность.

— Я тоже раньше рок слушал,—поспешил возобновить разговор лысый.—Группу «Metallica» знаешь?

— Знаю, но я не…—Васенька хотел сказать, что он не очень любит эту группу, но лысый не дал ему договорить.

— А знаешь ты там всех музыкантов?

— Нет,—сказал Васенька.

В нём всё ещё жила надежда, что разговор ограничится музыкальными темами. Он понимал, что двоих он точно не одолеет, да и бегать он не горазд…

— Джейсон Ньюстед, Ларс Ульрих, Джеймс Хэтфилд и Джон Леннон,—назидательным тоном перечислил лысый.

Видимо, для того, чтобы «опустить», унизить лоха и «развести его на бабки», нужно было сначала побить его на его же поле. Теперь можно было начать что-то «предъявлять», то есть убеждать, что «лох спорол косяк» и обязан свой грех искупить…

— Но я это дерьмо больше не слушаю и все кассеты выкинул,—продолжил лысый; черняvenький внимательно наблюдал.—Теперь, видишь, не одеваюсь как чмо и волосы стригу. Во, видал?—он с гордостью продемонстрировал шрамы на голове.—Кореша по пьяни ножом брили, порезали. Ты зачем такие штаны надел?—внезапно спросил он.

Вот она, «предъява». На Васеньке действительно были расклешённые джинсы по моде семидесятых годов. В городе так уже никто не ходил, но Васеньке хотелось подражать своим любимым героям эпохи хиппи. Чтобы клёши не трепались, Васенька проклепал их по нижнему краю, так что они эффектно позвякивали при ходьбе.

— Купи себе нормальные штаны, как у меня, или стрейч,—с угрозой сказал лысый.

— Почему бы и нет? Чтобы было в чём на работу ходить. А где же мне купить этот стрейч?

Васенька всё ещё надеялся перевести разговор в конструктивное русло, сделать его именно разговором, а не ритуальной прелюдией к вымогательству. Но это был как раз тот случай, когда человек слышит в твоих словах то, что хочет слышать. Гопники—истинные постмодернисты.

— Работа у него!—зло усмехнулся лысый.—А меня вот из техана выгнали.

Васенька постарался изобразить на лице сочувствие.

— Да вот ещё тёлка моя меня сифаком заразила,—продолжал лысый.

Этим сообщением он, как ни странно, хотел набить себе цену—представить себя более отчаянным и опасным. Он сделал движение, будто стряхивает на Васеньку свою болезнь. Но тот в болезнях, как и хулиган, ничего не понимал и потому не испугался, а только удивлённо посмотрел на собеседника.

Васенька с тоской оглядывался по сторонам, ища какой-нибудь поддержки, но рядом никого не было. Только старый нищий (впрочем, нищие всегда выглядят старыми) подошёл к мусорной урне у крыльца. Лысый решил использовать нищего по-своему—чтобы ещё больше запугать Васеньку. Он приблизился и грубо толкнул нищего:

— Э, старый, ты чего тут трёшься?

Старик в запылённом пиджаке поднял на него заросшее тёмное лицо, в его взгляде отчаяние уже давно переплавилось в равнодушие, в непрерывную, ставшую привычной му́ку. Лысый решил ещё раз толкнуть его, но Васенька, неожиданно для себя, робко придержал хулигана за рукав:

— Не надо. Чего ты к нему прицепился?

Лысый увидел, что его манёвр имел обратный результат, и огрызнулся на нищего:

— Ладно, проваливай,—и снова занялся Васенькой.

Получался не развод, а какая-то тягомотина. А может, и сам он был недостаточно опытен. Так что сразу перешёл к кульминационной, отточенной поколениями схеме:

— У тебя деньги есть?

— Нет.

Шах и мат. Васенька солгал—это и называлось «спороть косяк». Теперь ему предстояло «отвечать за базар». Лысый довольно усмехнулся:

— А в магазин зачем заходил?

— Пы-посмотреть.

— Значит, нету у тебя?

— Только на проезд,—поспешил поправить своё положение Васенька.

— Покажи.

Васенька честно выгреб из кармана монетки и показал на ладони.

— А не свистишь? Если ещё найду?

— Ищи! — с вызовом ответил Васенька.

С одной стороны, он позволил хулигану унизительно обхлопать свои карманы, но с другой — исправил «косяк» и показал свою честность. Пришлось и лысому показать перед наблюдавшим за всем корешем свою справедливость.

— Восемь рублей я тебе оставлю, а на остальные ты мне купишь сигарет, — сказал он с таким видом, словно выдавал Васеньке правительственную награду: мол, носи с честью и будь достоин её!

— Хорошо, только ты сам покупай: я в сигаретах не разбираюсь.

— Ну, пошли.

Лысый потянул Васеньку за собой обратно в магазин, ему не хотелось ещё расставаться с обработанной жертвой, доведённой до состояния покорности. А у Васеньки от нервов уже рубашка к спине прилипла.

Они подошли к прилавку, а второй хулиган остался у двери. Лысый стал покупать сигареты, и тут Васенька отважился на побег. Он метнулся к выходу и встретился взглядом с чернявеньким. То ли тот растерялся, то ли пожалел лоха — по глазам этого нельзя было прочитать, только он не вмешался, не окликнул кореша и дал Васеньке улизнуть. Оказавшись на воздухе, Васенька трусцой перебежал улицу и нырнул в подворотню. Он бежал до самой автобусной остановки, причём не до ближней, опасаясь преследования, а до следующей. Сердце бешено колотилось от бега и страха. Чего он боялся? Этих мутных глаз, словно бы заплывших серой слизью? Всё ещё дрожа, он вошёл в автобус и долго не мог успокоиться и собраться с мыслями. Не помог даже всемудрый Гребенщиков в наушниках.

Приехав домой и уединившись в своей комнате, он решил помолиться, чтобы унять распрыгавшееся сердце. «Ведь религия учит кротости и смирению», — твердил он себе, но по мере того, как утихал страх, словно остров из мелеющей реки, стал выступать стыд, осознание собственной трусости. И тогда он стал молиться, чтобы заглушить и успокоить уже это чувство стыда.

— Господи, помилуй… Господи, помилуй… — бормотал он, но от частого повторения получалось: «Оспамипа… оспамипа…»

Бам… бам… Васенька бил земные поклоны, и этот стук пробуждал в нём странное чувство: со дна взбаламученной души поднимались какие-то воспоминания, картинки детства.

Бам… бам… Это отец бьёт ладонью по столу. Ладонь у него широкая, толстая, рука сильная. Васенька пристальнее всмотрелся в картинку. Почему папа бьёт по столу? Он сердится: Васенька что-то сделал или сказал не так. Кажется, он осмелился в чём-то поспорить с отцом. Это недопустимо. Зычный папин голос обрушивается как гром с небес…

Бам… бам… Васенька висит вниз головой, главный дворовый хулиган Каша держит его за ноги и методично стукает об асфальт. Остальные смотрят. Каше лет девять, Васеньке — пять. Перед глазами всё наоборот. На перевёрнутое крыльцо выбегает мама и кричит. Васеньку бросают и бегут врассыпную.

«Оспамипа… оспамипа…» Хлоп… хлоп… А это уже мама лупит Васеньку: он пересказал во дворе разговор взрослых. Что-то о том, что всем миром правят «жиды» и что Америка — тоже «жидовская» страна. Родители часто говорили об этом между собой после просмотра телевизора. Но когда мама услышала собственные рассуждения в устах маленького сына, ей почему-то стало неловко, она рассердилась. Теперь он стоит в углу и изучает контуры облупившейся краски на стене. В одном месте она напоминает медведя, тонущего в болоте. Наконец он не выдерживает. «Я больше не буду, мама», — произносит он через плечо формулу извинения. «Ты не выйдешь отсюда, пока не скажешь, за что именно просишь прощения!» — доносится голос из соседней комнаты. Васенька действительно не понимает, в чём заключается его вина, и поворачивается носом в угол. Медведь продолжает тонуть в болоте…

Бам… бам… Его друг Тимыч и главный забияка из «В»-класса Барвицкий, или Барвиха, катаются по земле, осыпая друг друга ударами. В первом классе Барвицкий обижал Васеньку, как самого маленького и слабого, а когда во втором появился Тимыч, то переключился на него. Тимыч хакас, и Барвиха стал хлопать его по щеке и называть китайцем. Тимыч принял вызов, и теперь они распластались на газоне, нелепо растопырив ноги. Тимыч не может выбраться из-под тяжёлого Барвицкого, его лицо раскраснелось. Остальные снова стоят и смотрят. Васеньке не хочется лезть в драку, но и бросить друга он не может. Он делает шаг к дерущимся, но кто-то из «вэшек» отстраняет его и говорит: «Две собаки дерутся — третья не лезет». Васенька решает, что «вэшкам» видней, по каким правилам должны происходить драки, поэтому он встаёт вместе со всеми и продолжает смотреть.

Хлоп… хлоп… Это Васенька поспешно стучит ладонью по татами. Противник сидит на нём верхом и, упершись коленом в позвоночник и взяв горло Васеньки руками в замок, тянет на себя, одновременно душа и больно выгибая тело. Васенька едва достаёт рукой до пола, чтобы постучать. Рефери прекращает бой. На тренировках им говорили, что зажимать голову в замок нельзя, но Васеньке всё-таки засчитывают поражение. Он растерянно и обиженно отходит в сторону, поправляя кимоно.

Родители отдали Васеньку и Тимыча в секцию дзюдо, чтобы те научились защищать себя. Однако Васенька к тому времени уже выработал другой

способ самозащиты в школе: он рассказывал одноклассникам истории с продолжением в духе американской фантастики—с роботами, звездолётами и лазерным оружием—и тем приобрёл определённый авторитет. Теперь ему непонятно, с какой стати он, так складно умеющий писать стихи, окончивший первые два года на одни пятёрки и пользующийся уважением сверстников и учителей, должен что-то доказывать, валяясь по полу с незнакомыми мальчишками. Конечно, кувыркаться с Тимычем очень весело, но именно поэтому сэнсэй и не любит ставить их в паре. Васеньке приходиться драться с мальчишкой младше себя, который, однако, превосходит его ловкостью и упорством. Быть побитым малышом обидно вдвойне, а этот ещё и очень вредный: каждую схватку он сопровождает неприличными ругательствами, а каждую победу—язвительными насмешками. Однажды Васенька зажал ему голову в замок, но ему сказали, что так делать нельзя. «Ну что, обделался?»—говорит ему малыш после удачной подсечки. В том, что ругаться нехорошо, Васенька убеждён железно, но против этого сэнсэй не возражает. Да, тут работают иные законы, которые Васенька отказывается понимать. Разве дзюдо—это не спорт, не честное состязание в ловкости? Зачем же непременно ненавидеть соперника, унижать его? Да за какие грехи он оказался в этой пропахшей по́том казарме, где все смеются над ним за то, что он не может ни разу подтянуться?

Он всегда так любил фильмы про восточные единоборства, про мудрых учителей и преданных учеников. А оказалось, что вся эта восточная романтика пропитана дикостью и несправедливостью. После турнира он сдал кимоно гардеробщице спортзала и больше туда не ходил. Скоро бросил это дело и Тимыч. Вместо этого они решили вместе рисовать журнал комиксов про ниндзя.

«Оспамипа… оспамипа…» Бац… бац… Играют в футбол дворовые мальчишки—пинают мяч об стену. Когда Васенька проходит мимо, один из них с силой пинает мяч в его сторону, целится в голову. Васенька узнал его: он жил в правом крыле, и звали его, кажется, Витька. Однажды он приставал к малышне, а Васенька как раз проходил мимо. Васенька был постарше Витьки и сказал ему от малыша отцепиться, а когда Витька огрызнулся, то как-то очень удачно его срезал парой едких слов. Витька этого не забыл и однажды привёл старших дружбанов, чтобы на Васеньку «наехать». С тех пор они не давали Васеньке проходу: зубоскалили, толкали, улюлюкали, если встречали на крыльце, то не пускали в дом. Приходилось выжидать, кружить по окрестностям, пока не уйдут. Но это ещё ничего. Хуже всего было внутри дома. Раньше это было типовое общежитие, внизу помещалась вахта. А после приватизации жилья вахта стала не нужна, нижний холл опустел и стал излюбленным местом сборищ шпаны. Здесь они курили, пили, лапали девчонок и пинали футбол. В тусклом заплёванном помещении они чувствовали себя более смело. Но зато в полутьме можно было быстренько проскользнуть в своё крыло. Правда, ждать лифта на виду у всех и спиной ко всем было небезопасно: могли окликнуть; а при подъёме пешком можно было столкнуться с неприятелями на каждой площадке. На узких пролётах с ними было особенно трудно разминуться. Здесь тоже было темно и тяжело пахло мочой. Врагов у Васеньки был полон двор, а единственный друг детства Аркаша с первого этажа и сам был трусоват и заступаться за друга не стал бы.

Отец тогда уже ушёл из семьи—не сладилось у них с мамой, некого было расспросить о том, как себя вести в «мужских ситуациях». Надо ли драться или избегать конфликтов? Как реагировать на оскорбление, как защищать своё достоинство? Что противопоставить численному перевесу уличной шпаны? Никто не мог объяснить ему этого, и даже во всех книгах, которые он читал в школе и в университете, об этом не было сказано ни слова.

Потом они переехали на окраину. И этим конфликт был исчерпан. Но до сих пор, если ему доводилось проходить мимо дома своего детства, его передёргивало от отвращения, а в сердце пробегал холодок.

…И ещё ему вспомнился один случай. Он с друзьями (сколько же их было?) гулял по центру города. Вот они прошли мимо небольшого скверика, а точнее, закутка с парой деревьев и несколькими лавочками возле шумного перекрёстка. Раньше здесь было традиционное место сборищ неформалов, теперь здесь пьют пиво типы неприятного и опасного вида—подчёркнуто неряшливые крупные парни с красными физиономиями. Так что приятели спешат пройти мимо. Но от выпивающей толпы отделяется несколько бритоголовых. Они кричат Васеньке вслед: «Эй, пацан!» Васенька мысленно втягивает голову в плечи, но старается ничем не подать вида, что услышал этот вызов, и, не ускоряя шага, но решительно уйти подальше. Он делает глазами знак спутникам следовать за ним: они ведь тоже недрачливы и длинноволосы. Авось лысые ограничатся тем, что покричат в спину что-нибудь обидное. Но, похоже, у тех кончилось пиво и свободные деньги, так что они быстрым шагом догоняют компанию. Васенька увидел впереди трёх «стритующих»: девочка дудит на флейте, один парень играет на гитаре, другой подсовывает прохожим шляпу. Все трое тоже неформалы. Васенька с друзьями остановился около них. Может, хулиганов остановит хотя бы число волосатых?

Эти были совсем бритоголовые, даже без чёлочек над глазами — значит, фашисты. Сколько же их было? Трое или четверо. Среди них выделялся ростом здоровенный детина — видимо, главный экзекутор. Уйти не удалось, встреча перешла в фазу «базара». К Васеньке подошёл самый мелкий из преследователей. Почему именно он, почему именно к Васеньке?

Видимо, мелкую сявку пускают вперёд, чтобы она училась лаять, или потому, что жертве будет проще огрызнуться на мелкого и тем самым создать прецедент для пуска «тяжёлой артиллерии». Основной сзади уже разминает лапы. Почему мелкий подошёл именно к Васеньке? Наверное, счёл его самым главным. А ведь и правда Васенька пользуется уважением в своей компании, и выглядит он наиболее заметно и ярко: длинные волосы до плеч, пёстрая рубашка, расклешённые джинсы, на руках бисерные браслеты, а на шее — металлическое солнце с подвешенными к лучам колокольчиками. Ну зачем он так одевался? Неужели затем, чтобы регулярно получать по морде? Был ли это вызов «миру попсы» или подсознательный призыв о помощи: «Посмотрите, я ищу смысл жизни — присоединяйтесь!»?

Мелкий окидывает Васеньку взглядом, выбирая, до чего бы докопаться. Выбор богатый! Наконец он упирает палец в позолоченное солнце: «Это у тебя зачем? Ты что, солнцу поклоняешься?» — «Нет, я православный», — спешит пояснить Васенька.

Ну вот. Разве не ради разговоров о религии он превратил себя в ходячий экспонат? Жаль только, что откликались на это послание одни хулиганы… Васенька давно и напряжённо думал о том, что такое русский народ. То есть что такого он может сказать рядовому россиянину, чтобы тот увидел в нём своего брата. Ведь ясно же, что не за внешний вид его били. В нём опознавали чужого. Но почему? Васенька был убеждён, что единственной «духовной скрепой» русского народа является православие. Если ты православный, то «будь ты хоть негром преклонных годов» — всё равно русский; если считаешь себя русским, значит, в глубине души — православный. Конечно, не сам он дошёл до такой философии. Собственно, никакой цепочки размышлений, обоснований и доказательств за ней не стояло. К этой идее можно только «приплыть». Эти мысли сквозили в лекциях университетских преподавателей, вскользь упоминались по телевизору, они обсуждались в новых несоветских книгах (а советские книги Васенька на дух не переносил); вот и религиозный философ Бердяев, захвативший полки книжных магазинов (кроме него, был ещё Ницше, но его Васенька тоже на дух не переносил), писал: «И даже отпадавшие от православия русские люди остаются православными по своему душевному типу». Никаких доказательств, никаких умозаключений, только ненавязчивое бесконечное повторение…

Хлоп… хлоп… одно накладывалось на другое. Телевизор, преподаватели, модные философы и суперзвёздные рокеры пели в унисон — и однажды Васенька ощутил и принял эти мысли как свои собственные.

«А я думал, ты — язычник и в Перуна веришь», — сказал мелкий.

Всё ясно, эти бритоголовые — язычники. Сейчас это очень популярно среди фашистов. Знакомец Васеньки с истфака по кличке Батхед постоянно подсовывал ему газетки со свастикой на первой странице. Там многое говорилось о богах славян… Ещё можно было притвориться, выкрутиться. Но Васенька не готов был, не мог, не хотел вот так прямо предать то, во что верил.

«Нет, я православный, — и попытался сразу вдогонку воспроизвести столь нравившуюся ему формулу Бердяева: — Упавшие люди… становятся православными…» — «А зачем у тебя нос такой неславянский?»

Васенька прямо растерялся. Да, нос у него длинный, с горбинкой. Но ведь у привязавшегося к нему мелкого у самого глаза карие, сросшиеся на лбу чёрные брови — тоже как-то не по-славянски это выглядит. И что тут скажешь?

Все остальные волосатые неуверенно топчутся на месте, помалкивают и отводят глаза, прохожие спешат мимо, лишь раздражаясь оттого, что столпившаяся молодёжь мешает проходу. Помощи ждать неоткуда.

И вдруг откуда-то сбоку раздаётся: «Эй, чего привязались к пацанам?»

К сборищу подходит паренёк невысокого роста, жилистый. С виду вовсе не неформал: джинсы, расстёгнутая рубашка навыпуск, короткая стрижка. Он смотрит на бритоголовых вызывающе.

«Слушай, вали отсюда, не лезь», — говорит ему самый крупный хулиган неожиданно писклявым голосом.

Парень подходит прямо к нему и смотрит на него снизу вверх своими пронзительными голубыми глазами. Детина невольно отшатывается от него, а парень продолжает наседать: «Ну вот я еврей. Пойдём-ка отойдём в сторону».

Конечно, на еврея он вовсе не похож, однако настаивает на этом и требует драки. Бритоголовые сперва струсили, но потом сообразили, что он предлагает им отойти в сторонку — стало быть, в какой-нибудь тихой подворотне они навалятся всей кучей и одолеют супостата, так что охотно последовали за странным парнем вдоль по улице. Неформалы радостно выдыхают и спешат разойтись.

Говорили, что скинхеды жутко избили того парня; впрочем, возможно, они сами этот слух и распустили. Говорили ещё, что этот парень наркоман.

Это был утешительный слух, поскольку избавлял от чувства вины (что ему, наркоману, сделается?) и стыда (это он из-за наркотиков такой смелый, а то непременно бы струсил, как и мы). Но вот теперь все эти воспоминания, взятые вместе, не позволяли себя успокоить никакими доводами и молитвами…

Бам… бам… От челобития на лбу обозначилось красное пятнышко. Васенька поднял глаза на икону. Иисус на кресте стыдливо опускал глаза и разводил дырявыми руками. Уж не под стать себе ли Васенька выбрал этого беспомощного, кроткого, бездеятельного Бога? Конечно, не все христиане робки: крестоносцы залили кровью Святую землю, гугеноты и католики резали друг друга, пуритане изничтожили индейцев, православные тоже любят похвастаться, кого и в каких количествах они поубивали… Васенька устало поднялся с колен: Бог, которого он выдумал по своему образу и подобию, опять отмолчался на его вопросы.

Засыпая, он думал о новых персонажах своего романа, о том, что хорошо бы было завтра встать не в шесть утра, а далеко за полдень…

Глава 9

«Это выдумано… это не нужно…»

«Он проснулся далеко за полдень. Что заставило его так долго спать? Колдовство или просто усталость? Над головой был высокий, но заплёванный потолок. Сначала он просто вглядывался в мутные разводы, но они рождали только гадкие ассоциации или оживляли дурные воспоминания. Что происходит?.. Зачем он всё ещё жив?

Он повернулся на бок и ощутил боль во всём теле и бутылку пива в правой руке. Почувствовав своё тело, он в то же время почувствовал, как из него уходит энергия, вытекает жизнь. Надо было сцепить руки и закольцевать внутренние биотоки, но на это не было сил. Тогда он понял, что жизненная энергия передаётся через его пальцы бутылке и концентрируется в пиве. Ему хватило героизма, чтобы волевым усилием влить в себя остатки спасительного напитка.

Теперь всё будет хорошо.

И всё было хорошо, пока он не вспомнил о ней. Она уже ушла. Ушла давно. Зачем? Разве им было плохо вместе? Да, им было плохо. Просто она любила пить пиво, а у него было так мало денег…

В соседней комнате заиграл телевизор. Рассказывали шутку об одном жадном и хитром народе и другом, пьяном и глупом. Нильс приподнялся и беззвучно выругался. Он сполз с кровати. Пол был грязный, и это помогло подняться на ноги. Нильс уронил бутылку и побрёл на звук, придерживая руками голову, чтобы она не развалилась напополам.

Почему же она всё-таки ушла? И сколько дней назад это случилось?

В дверной проём он попал не сразу. „…Входите тесными… сквозь игольное ушко…“

В соседней комнате, такой же пустой и грязной, на полу стоял включённый телевизор. Кто-то шипел оттуда: „Вы не толерантны к убийцам? Тогда вас надо убить…“ Перед телевизором на корточках сидел человек. Почувствовав присутствие Нильса, он встал и обернулся. Это был Вильмар. Он был одет в элегантный чёрный плащ, поверх которого сияли улыбка и бритая макушка.

— Какого чёрта ты снова здесь? — просипел Нильс.

Улыбка стала ещё шире.

— По-моему, тебе давно пора вернуться. Посмотри, на кого ты стал похож.

— Куда вернуться?

— Я хотел сказать, тебе давно пора забить на людей. Ты им не нужен и никуда не приткнёшься. У нас есть для тебя работа.

— У кого у вас?

— Ты прекрасный оборотень-лицедей, ты бы мог выступать на сцене. Петь им песни. Наши песни.

— Ты из этих… из жрецов? Как я сразу не догадался! Вилька, а я думал, ты от самого…

— Скажем так, немного от тех, немного от других. Так ты хочешь петь?

— Но это же мерзкая гадость.

— Это только юмор. Ты изображаешь подонка, они это хавают. В душе ты — гений, тонкий эстет. А они будут обожать тебя за твою низость. Таковы уж люди. Разве не смешно? Ты им плюёшь в лицо, а они тебя благодарят, платят деньги. Да и мы подкинем… Впрочем, есть и ещё один заказ…

Нильса сильно тошнило не то от вчерашних напитков, не то от этой улыбки… И трясло. Тоже то ли от озноба, то ли от злобы.

— Не так уж отвратительны люди.

— А вот увидишь.

— Просто не надо подзуживать их, сбивать их с толку…

— Да, а они мягки, как пластилин. Сейчас добры и сознательны, а через секунду, глядишь, морду друг другу бьют. Ты и сам для себя всё решил. Просто спорить любишь. Ты и соглашался со мной вчера. Разве не помнишь?

— Нет, не помню.

— И неудивительно. От этой травы у тебя давно уже память отшибло. Надо было сначала спросить у меня, как это действует, а потом уже покупать. Желательно у меня же. Сегодня говоришь одно, завтра — другое. И каждый день считаешь себя умным и правым.

Это было невыносимо. Нильса качнуло, и он ухватился за плечо Вильмара.

— Ты неправ.

Вильмар стряхнул его руку, Нильс упал на четвереньки. Мысли путались, голова кружилась, и потому трудно было спорить и возражать, но спорить было необходимо.

— Я могу создавать совсем другие вещи. Красивые, добрые…

— Зачем?

— Людям.

— И?—ухмылка.

Нильс стал цепляться за ноги и плащ вампира, чтобы встать и посмотреть ему в глаза.

— Разве ты не понимаешь, что должно быть на свете добро? Что нельзя гадость, понимаешь, просто нельзя?

Тело Вильмара странно вибрировало под руками, оно наклонилось куда-то назад. Голову крутило. Нильс вертел в руках своего оппонента, пытаясь найти его глаза. „Я не хочу быть злым. Делать добро естественно. Это в человеческой природе. А зло, потакание инстинктам—это выдумано… это не нужно… это разрушает…“ Он мотнул головой, окинул глазами комнату, в глаза бросилось какое-то трюмо. В зеркале мелькнула испуганная гримаса. „Все дети добры изначально, а чем мы отличаемся от них? Это иллюзия. Каждый, я повторяю—каждый способен на внутренний подвиг… некое озарение…“ Он хотел схватить Вильмара за одежду, но пальцы возились в чём-то скользком, что-то липкое засыхало на щеках, на груди… „Помню, в детстве… ну кто из нас не будет рад солнечному погожему дню?..“ Он не ощущал тела Вильмара, не чувствовал и своего тела, понимал только, что прилагает все силы, чтобы не упасть, чтобы держаться за эту худую длинную фигуру в плаще. Ещё, наверное, тряслись руки. Перед глазами всё прыгало и качалось. Плыли какие-то пятна, проносились какие-то клочья. Ухало сердце. „Мы будем чисты, как небо… Да что там! Мы и так чисты, как небо. Надо только поверить в это, расправить невидимые крылья души и…“

Потом он не смог говорить, перед глазами снова появилось лицо. Губы больше не смеялись, они что-то отчаянно кричали, но не было слышно ни слова—в ушах стоял треск оттого, что что-то хрустело на зубах. И Нильс старался поскорее разгрызть это что-то, выплюнуть его и продолжить свой монолог о чём-то… О чём?!

„Я объясню ему… объясню“,—думал Нильс, отшвыривая прочь левую руку Вильмара. Это была точно левая рука—на ней не было перстня. Пары пальцев не хватало, но средний остался. Всё труднее было держаться за Вильмара. Или они оба уже лежали на полу?.. По крайней мере, сквозь одежду прощупывалась твёрдая поверхность… Упали? Или опёрлись о стену? Впрочем, Нильс искал его глаза. И нашёл. Один. „Голубой“,—подумал Нильс. Второй искать в однородном месиве и крошеве было уже бесполезно. Он положил глаз на ладонь, чтобы больше не потерялся, и хотел продолжить свой разговор. Но слова не произносились, как будто гортань и челюсти изменили свою форму. Встать тоже не удалось. Тогда Нильс облизал кровь с губ и пополз прочь из комнаты.

Из дома он вышел на своих двоих, но уже в сумерках. Молодёжь толпилась у ларьков. Из автомобилей гремела музыка. Ночь обещала быть тёплой, теперь весь квартал не уснёт до утра. Он прошёл мимо одной шумной компании. Перед глазами всё плыло, качались слепые нерабочие фонари, как скрюченные пальцы, вцепившиеся в небо; качались дома. „…Мы с Васьком в тренажёрке вчера качались…“ Они хохотали в одиннадцать глоток. Голоса сливались в общий гул. „Люди… люди…—твердил себе Нильс, пытаясь докричаться до себя через шум проезжающих машин, грохот и разговоры.—Люди… люди…“

— Эй, пацан!—услышал он за спиной, когда завернул в какой-то проулок.

Нильс обернулся—к нему спешили двое. Один—в спортивных штанах, мешковатой куртке и лихо заломленной на затылок вязаной шапочке. Второй был в чёрной форме охранника. Они подбежали и встали так, чтобы ему некуда было деться. „Люди… люди…—твердил себе Нильс.—Они просто спросят у меня время или немного денег“. Он поднял на них глаза.

— Слышь, пацан, дай денег. Нам на пиво не хватает,—сказал парень в шапочке.

Нильс сразу мысленно окрестил его „Хлопец“. Охранник ждал и пока разминал кулаки.

— У меня нет денег.

— Нет?! А если найдём?—шагнул поближе Охранник.

— Погоди,—махнул ему рукой Хлопец.—Слышь, пацан, а ты чего модный такой?

„Люди… люди… Не буду же я им объяснять, как хочется иногда запомниться проходящим мимо, оставить о себе яркое впечатление; как хочется побольше рассказать о себе своим видом, создать некий образ. Оставаясь в чужой памяти, доказывать себе, что я всё ещё существую. Однако это трудная задача. А я всего лишь волосы отпустил слегка да шарф разноцветный у одной бабушки купил…“

— Нравится мне так.

— Нравится тебе так?!—Хлопец придвинул своё лицо совсем близко и вытаращил глаза.—А знаешь ли ты, что сейчас ребята на войне умирают? А ты тут в шарфу ходишь!

— Я этих ребят туда не посылал. А если вам за них так обидно, так поезжайте им на помощь.

— Э нет,—они прижали его к стене.—Мы здесь для того, чтобы от таких, как ты, Родину защищать.

— Родину надо не от цветных шарфов, а от братвы и мрази защищать,—оскалился Нильс.

И тут они разглядели его перепачканное в крови лицо.
— Ты в чём это вымазался? Варенье, что ли, ел?— заржал Хлопец.
— Да… варенье.
— Ха-ха-ха! Ну и как?
— *Сладко!!!*

С этими словами Нильс вцепился в его лицо когтями. Парни даже не сразу поняли, что происходит. Потом Хлопец замахал руками, пытаясь ударить Нильса, но, ощутив страшную боль, захрипел и ухватил противника за… когда он осознал, что это лапы, Хлопец заорал по-настоящему. Охранник нервно выхватил баллончик и брызнул Нильсу в морду. Впрочем, баллон был, очевидно, старый: газ разлетелся во все стороны, забиваясь в глаза, рты и ноздри всем троим.

Шипение, звуки кашля и брань.

Нильс выпустил исцарапанного Хлопца и нырнул под локоть второго противника. Тот всё ещё давил на кнопку. Облако газа росло. В глазах ворочались слёзы, перемешанные с кислотой. Охранник почувствовал, как звериные челюсти сомкнулись на его левом запястье. Он глянул вниз и сквозь боль рассмотрел налитые кровью круглые глаза с вертикальными зрачками.
— А-а-а!

Хлопец ещё, видимо, не вполне понял, с кем столкнула его эта жестокая городская ночь, он вытащил из кармана нож и бросился на врага со спины. Чутьё зверя не подвело Нильса. Он резко развернулся, не выпуская чужого запястья из зубов, и сшиб Хлопца с ног его же товарищем. Захрустели кости — теперь руку Охранника не спас бы ни один врач. Он застонал и в полуобморочном состоянии стал отползать к стене. Хлопец беспомощно пошарил руками в снегу в поисках ножа и повернулся, чтобы бежать.

Нильс одним прыжком настиг его и придавил к земле. Когти мигом прошли сквозь плоть и упёрлись в асфальт. Парень сразу перестал шевелить продырявленными руками и ногами. Он с ужасом смотрел на клыки чудовища своими слезящимися глазами. Из жаркой тёмной пасти пахло смертью… многими смертями.
— Ты любишь Родину?— проговорил зверь.— Вот и расскажи мне, что такое Родина!
— Я… я не знаю ничего!— прохрипел парень.
— Отвечай, я сказал!— заревел зверь.

У стены застонал и пошевелил ногами Охранник.
— Родина… это… это…— торопливо и сбивчиво заговорил Хлопец. Его глаза испуганно шарили вокруг.— Это наша земля. Это наша страна.
— Земля?— усмехнулся Нильс. Его лицо смягчилось и стало отдалённо напоминать человеческое.— А если здесь инородцев поселить, а вас всех повыгонять отсюда? И как это земля запрещает кому-то в шарфе ходить? И почему за эту землю кто-то воевать должен?! По-моему, этой земле совсем без людей гораздо лучше было бы. И страна, говоришь? А на кой ты этой стране сдался? И что ты о ней знаешь, а?! Отвечай: что знаешь?!
— Мы… у нас оружие самое лучшее, а ещё…
— Читай стихи. На родном языке. Понравятся — отпущу.

Глаза парня забегали ещё быстрее, в них появилась надежда. Сидя у стены, Охранник шарил рукой в снегу. Нож и правда валялся где-то рядом. Хлопец долго не мог ничего вспомнить, он всё быстрее вращал глазами, не решаясь глядеть на зубы Нильса. Горячая слюна капала ему на лицо. Охранник уже нащупал нож и, взявшись за лезвие, примеривался для броска. Хлопец торопливо залепетал, постоянно оглядываясь на товарища:

> Эй, подруга, держи мой винтик в губках,
> Я им сорву резьбу тебе под юбкой…

Охранник не решался на бросок — боялся привлечь к себе внимание. Уж лучше чудовище сожрёт дружка, а о нём и вовсе забудет. Морда зверя наклонилась к Хлопцу, парень, захлёбываясь, затараторил:
— Это песня… т-так поют… они… г-группа… „Дикий вылуп“… песня это… т-т-такая…

Челюсти сомкнулись. Раздался хруст. Из лопнувшего черепа потекли мозги. Много ли их было? Теперь, в общем-то, всё равно.

Охранник почти нашёл в себе силы подняться, когда зверь повернулся к нему. Нож, брошенный дрожащей рукой, не пролетел и двух метров и снова исчез в снегу. Тяжёлые лапы опустились на плечи парня.
— Твоя очередь.

Из пасти пахло кровью и ещё чем-то, из чего раньше состоял Хлопец. Охранник испуганно вскинул глаза, лицо свело судорогой страха.
— Ну!— взревел Нильс.

И парень нашёл в себе силы прошептать:

> В твоих ладонях — небо, которого нет.
> В твоих ладонях…
> Теперь я понял: ночью не нужен свет.
> Теперь я понял.

Зверь ждал, и ободрённый Охранник продолжил нараспев (похоже, это тоже была какая-то песня):

> Несовершеннолетняя,
> А совершенно зимняя.
> Песня недопетая,
> В детство унеси меня.

— Барахло,— прорычал зверь и раскрыл пасть.

В переулке как будто стало ещё темнее, как будто ночь настала именно в эту минуту. И тогда перепуганный парень зажмурился и сам для себя неожиданно проговорил:

Две лягушки под мостом
Говорили с кораблём:
„Ты откуда к нам плывёшь?
И чего с собой везёшь?“
„Я приплыл из дальних стран.
Я привёз вам барабан“.

— Сам придумал?—удивился Нильс.

Он слегка отодвинулся, парень понял это по тому, что жаркое дыхание больше не обжигало лицо.

— Это мне мама в детстве… то есть да, сам… то есть мама… не убивайте меня, пожалуйста. Мы же не знали…

Охранник открыл глаза. Перед ним стоял человек. Обычный человек, просто в цветном шарфе и чуть длинноватыми волосами.

— Чего вы не знали? Что я смогу защитить себя?

Нильс вытащил из кармана наушники, там, в кармане, нажал на пуск, а наушники надел на Охранника. Играла какая-то старинная музыка.

— Вот послушай. Это твоя Родина.

Музыка сначала была просто похожа на всё то, что играют большие оркестры. А потом это просто стало не важно. В ней было много всякого, и сразу захотелось думать и вспоминать. Музыка становилась то грустной и торжественной, то радостной и простой. Всё это переплеталось, и Охранник думал о своей жизни и смерти Хлопца, которого называли Штырь и имени которого теперь, наверное, никто не узнает. Думал о том, как несколько часов назад его самого выгнали с работы. Думал об отце, который умер от пьянства, о матери, которая так и не смогла выйти замуж во второй раз, несмотря на большое количество любовных связей. О девушке, которая, не любит его за то, что он беден. И о другой девушке… с тем же финалом. Думал про войну, про инородцев и про то, что хорошо бы хоть раз побывать за границей, подальше от своего вонючего города, своей скучной земли.

А потом он упал в обморок от кровопотери, и Нильс забрал наушники и ушёл.

— Всё честно,—сказал Нильс, вынимая из кармана глаз Вильмара.—Просто они желали удовольствий, а я с детства желал быть сильным. Сильнее всех. И стал. Всё честно. Я этого хотел. А они проиграли. Вы все проиграли».

Глава 10,

в которой Васенька не нарушает неписаных правил журналистики

В шесть утра противно запищал будильник. Васенька резко поднялся: он не любил долго раскачиваться. Более-менее пришёл в себя во время умывания. Конечно, каждый ранний подъём—это стресс. Утро выдалось совсем холодное, изо рта шёл пар. Единым порывом втиснулся в автобус. Маршрут проходил через рынок, и потому по утрам автобусы были набиты гостями из Азии и их баулами. Васенька не очень разбирался в национальностях, да и не особо интересовался этим вопросом после того, как какой-то священник обосновал интернационализм словами из Библии: «Нет во Христе ни эллина, ни иудея». Почему-то Васенька сразу ухватился за эту фразу, хотя раньше неоднократно слышал от православных идеологов националистические и даже расистские тирады. Он с лёгкой душой выбросил газетки, которые подсовывал ему знакомый националист Батхед, и дал волю сочувствию к этим бедным людям, попавшим в трудные жизненные обстоятельства. Мать его после развода с отцом тоже избавилась от ксенофобских чувств.

Так что теперь во время долгих поездок в автобусе, набитом представителями разнообразных национальностей, Васенька думал лишь о том, как бы сохранить вертикальное положение. И ещё он размышлял о новом эпизоде романа, о том, как совместить историю оборотня Нильса с сюжетом о ведьме Аи. О работе до начала рабочего дня он старался не думать.

Наконец Васенька прибыл в офис. Его оппозиционное радио делило здание с официозным краевым каналом. Оппозиционеры находились на первом этаже, официоз занимал второй и третий. Обе волны принадлежали единой телерадиовещательной фирме. Но Васенька был ещё слишком политически девственен, чтобы увидеть в этом какое-то противоречие. Здание было старым, оно было выстроено ещё в советское время для трансляции краевого радио и передачи столичных волн. Оснащено для тех времён оно было первоклассно: множество удобных, хорошо обставленных помещений, звукоизолированные студии и даже большой оборудованный зал для записи симфонических концертов. Теперь поговаривали о том, чтобы сдать большую часть площадей в аренду: ну кому, скажите на милость, понадобится записывать симфонический оркестр, если можно за пять минут скачать из Интернета последние хиты MTV?

Атмосфера на радио была хорошая. Много лет спустя Васенька с удовольствием вспоминал об этой работе. Что любопытно, сами по себе эти люди были не очень интересны или приятны в общении, но работалось с ними легко. Почему так? Возможно, секрет заключался в характере деятельности. Допускался определённый творческий поиск, некоторая свобода самовыражения. У каждого из корреспондентов была собственная авторская программа, многие вопросы решались открытым обсуждением. Начальник по прозвищу Надиваныч, тот самый бывший пресс-секретарь разбившегося губернатора, держал себя с молодёжью довольно демократично. В итоге коллектив

получился дружный, Васенька у многих бывал в гостях и с удовольствием прогуливался с коллегами после смены.

Работать было не так уж сложно: официальный канал делился с ними своим планом мероприятий, анонсов и приглашений, а уж они сами выбирали, куда им стоит поехать, что и как осветить…

Начальство осталось довольно репортажем о рытье тоннеля, так что сегодня ему предстояла поездка в краевое Законодательное собрание. Это было и интересно, и страшно. Шутка ли — вот так, в своих вечных кедиках и потёртых джинсах, оказаться в главном здании всего региона, в двух шагах от первых лиц, не вылезающих из ящика.

Помпезное строение сталинских времён в девяностые обзавелось двумя многоэтажными пристройками: аппарат разрастался. У парадного подъезда с колоннами припаркованы здоровенные чёрные автомобили. На углах поглядывают во все стороны мордастые милиционеры (тогда их ещё не переименовали в полицию, но смысл был тот же). Даже просто проходя мимо этого здания, Васенька невольно ускорял шаг. А теперь ему предстояло дерзновенно взойти по ступеням пьедестала краевой власти.

Слава Богу, отправился он на задание на служебном автомобиле, что несколько придавало смелости: как-никак пассажир всегда статусом повыше, чем пешеход.

Чтобы попасть к «народным избранникам», предстояло пройти несколько ступеней охраны. Впрочем, и тут Васенька не видел никакого противоречия. Он воспринимал депутатов не как слуг, а как хозяев народа, как высокое начальство. На выборы он тоже никогда не ходил, будучи уверен, что «там, наверху» и без него разберутся, кто должен победить. Кое-кто из знакомых негодовал на Васеньку за «отсутствие гражданской позиции», но тот и правда не понимал, за кого и зачем ему голосовать: все кандидаты выглядели одинаково и говорили примерно одно и то же.

Он с трудом выкарабкался из служебного автомобиля, прижимая к боку верный «Marantz». С громоздкой аппаратурой он чувствовал себя увереннее, чем с какой-нибудь цифровой «печенькой», поскольку каждому издалека сразу было видно, что он журналист, а не обыкновенный проситель или искатель правды. Однако, поднимаясь по крыльцу к огромной двери, он всё-таки втянул голову в плечи.

Итак, первым делом он подошёл к окошечку регистрации. Пропуск на него был ещё в пятницу заказан Надиванычем. Васенька показал паспорт, ещё раз повторил, кто он и зачем пожаловал, и получил бумажечку с печатью, в которой было указано время прибытия. На обратном пути он должен будет её сдать с подписью специального чиновника и указанием времени убытия. Далее следовала рамка металлоискателя, выгрузка содержимого карманов, открывание чехла магнитофона, чтобы показать, что это действительно магнитофон, демонстрация внутренностей рюкзачка двум милиционерам, прохождение автоматического турникета.

И вот Васенька идёт по мраморным коридорам, устланным алыми коврами. Если бы у него был хвостик, то сейчас он непременно завилял бы от всего этого великолепия: дерево, мрамор, портреты, гардины, изящные лампы — роскошь советской бюрократии гармонично вписалась в достижения западного дизайна.

Он входит в зал, где будет проходить сессия Законодательного собрания. Боже мой! Сколько кресел, какой высокий потолок, какой длинный стол президиума и какое соцветие солидных людей начальственного вида… Сверкают оправы очков, зажимы галстуков и колпачки авторучек, белеет седина, переливаются пиджаки, сияют лысины, алеют щёки; дамы утопают в слоях косметики, красок и лаков, блестят золото и бриллианты. Царедворцы, да и только. А ведь Васенька так любил всё, что связано с царями.

И всё-таки он ощущал свою чуждость этому миру. Опыт на открытии тоннеля несколько отрезвил его и указал его место. Вот он и сел на самый последний ряд: микрофон и так отлично ловит звук.

Сегодняшнее заседание было посвящено обсуждению проекта создания нового краевого телеканала. Это ещё только обсуждение, так что журналистов в зале немного. Выходит толстый оратор и выступает в защиту проекта — приводит доводы, доказательства. Васенька верит ему: телеканал, безусловно, нужен. Следом выходит ещё более толстый оратор и заявляет, что новый телеканал избыточен, будет напрасной тратой бюджетных денег, а краевая власть заботится лишь о создании рупора собственной пропаганды. Теперь Васенька верит ему: действительно, телеканал не нужен. И так далее: сменяются на трибуне ораторы, меняется Васенькино мнение. От разноголосицы позиций голова идёт кругом, но он старательно фиксирует точки зрения…

По возвращении Надиваныч зазывает его в свой кабинет и спрашивает о плане будущего репортажа. Васенька сообщает, в какой последовательности намерен изложить позиции ораторов.

— Ну а сам-то ты как думаешь? — с улыбкой спрашивает начальник.

Васенька теряется. Откуда же ему взять собственное мнение, на чём его утвердить? Все по-своему правы. Надиваныч задумчиво произносит:

— Да чихать им на телеканал. Авторам проекта нужно определённую статью расходов в бюджет пропихнуть. Никто ведь не будет отслеживать, сколько средств реально выделяется на этот телеканал, а сколько оседает в их карманах.

А противники не хотят, чтобы все деньги в одни руки ушли, и за своё согласие требуют вознаграждения, а не то грозятся провалить проект…

Васенька потрясён: он-то думал, что все по-своему правы, а оказывается, что правдой тут и не пахнет! И откуда у одного человека столько умища? Не иначе оттого, что он раньше был одним из них, из этих небожителей. Это же просто бомба, а не информация! Васенька предлагает изменить структуру репортажа.

— Что ты! — машет руками Надиваныч и утверждает первоначальный план.

Это был первый урок самоцензуры, который он получил на поприще журналистики: не всякую правду уместно излагать. После рабочего дня, потребовавшего стольких умственных усилий, а также после длительной поездки в переполненном автобусе ему уже ни о чём не хочется думать, так что выводы из полученного урока он оставляет на потом. Кстати, во время разговора с Надиванычем он таки замолвил словечко за Вальку. Осталось только уломать его самого и притащить в редакцию…

Ужин, компьютер, сон.

На следующий день ему предстояло другое любопытное задание — присутствие на «Конгрессе оппозиционных сил». И вот он снова в служебной машине, а на коленях у него всё тот же «Marantz».

Васенька с шофёром не сразу обнаружили указанное в анонсе место. Оказалось, что конгресс проходит в высотном офисном здании, в редакции какой-то мелкой газетёнки. Они долго кружили по окрестностям, пока их внимание не привлёк красный флаг. Около крыльца офисного здания стоял местный сумасшедший деда Петя. Пенсионер часто появлялся на улицах города с красным бархатным знаменем с жёлтыми кистями. Его тщедушное тело сгибалось под тяжестью стяга, он двигался шаркающей, семенящей походкой. У него было доброе наивное лицо, горожане любили его и, хотя он никогда не просил, подавали деньги, не зная, как иначе выразить свою жалость и как отделаться от этих сумасшедших укоризненных глаз.

Вот и теперь он стоял на крыльце, пристроив тяжёлый флаг у двери, и, помахивая поднятым кулаком, что-то неслышно пел или скандировал слабым старческим голосом. Знак оказался верный: присмотревшись к номеру дома, Васенька понял, что ему сюда. Он ненавидел всё, что связано с СССР и коммунизмом, но не мог, проходя мимо, не улыбнуться и не кивнуть деде Пете. В нижнем холле здания дремал в своей будке вахтёр, турникет не фиксировался, так что Васенька без задержек вошёл внутрь. Лампочки светили тускло, иные плафоны моргали и потрескивали, на стенах — вкривь и вкось наклеенные объявления и обрывки плакатов. Васенька удивился, что это неприглядное и запущенное здание живёт какой-то своей непонятной и незаметной жизнью: сверху донизу оно набито конторками, фирмочками, учрежденьицами. Он никогда прежде не слыхал этих названий, однако они существовали, и как-то и на что-то существовали их хозяева и сотрудники, иногда попадавшиеся в кривых коридорах с чайниками и кружками в руках. Быть может, у них даже были клиенты… И всё-таки оставалось неясным, на чём держалась эта сонная, шуршащая пустота.

Кое-как он отыскал нужную комнатушку. Оказалось, что конгресс подходил к концу и что состоял он… из трёх человек. Трое молодых парней сидели на продавленных диванчиках и пили чай. Одного из них Васенька сразу узнал: это был Комаров. Он учился на филфаке вместе с Васенькой — вечно опаздывал, вечно прогуливал, вечно приносил какие-то справки и объяснительные. Периодически на задней парте мелькало его круглое красное лицо. Он уходил в академический отпуск и выходил из него, отчислялся и восстанавливался и никогда ничего не учил. Создавалось впечатление, что он непрерывно учится на факультете с момента его создания, с неизменной папочкой, в которой лежали справки, постоянно запыхавшийся, помятый, с заспанными и очумевшими маленькими глазками. Валька сразу сошёлся с ним — как прогульщик с прогульщиком. О чём-то они говорили между собой, может быть, и о политике — это не интересовало Васеньку тогда.

Второй был Мишаня. Когда-то и где-то он написал какую-то заметку и с тех пор гордо именовался оппозиционным журналистом. Но прославился он не этим, а тем, что в одиночку захватил офисное помещение краевой метеорологической службы, запугав бабушку-вахтёршу. Совершив этот зверский террористический акт, он покрыл себя славой и подвергся репрессиям не то со стороны прибывшей милиции, не то со стороны пришедших на работу сотрудников. Был ли он судим или просто вытолкан взашей из вестибюля — осталось для общества тайной. Казалось невероятным, чтобы этот невысокий мешковатый человечек со светлым ёжиком на макушке мог что-либо захватить.

Ну а третьим, разумеется, был Дыня, он же Викентий Астраханский, внук звезды перестройки академика Астраханского. Посредствующее звено между этими двумя характерными личностями оставалось в тумане, но внук совершенно не был похож на деда. Даже внешне он не походил на статного благообразного профессора — имел гнилые зубы, вечно грязный хвост жёлтых волос и водянистые рыбьи глаза, которые никогда не смотрели в одну и ту же сторону, одевался неряшливо и при своей природной худобе обладал пивным пузиком. Жизнь он вёл замысловатую: несмотря на косноязычие и отталкивающую наружность, всё рвался на сцену, на трибуну и на телеэкран.

В конце девяностых он возглавил местную ячейку национал-большевистской партии и с гордостью передавал всем отзыв Лимонова о том, что данная ячейка является самой худшей в России. Он дружил с местными бритоголовыми, к удовольствию которых орал на рок-концертах со сцены: «Слава России!» При этом поддерживал тесные контакты с молодёжью из КПРФ. На большинство людей он производил отталкивающее впечатление, но это не мешало ему как-то постоянно держаться на плаву.

Все трое очень удивились и обрадовались появлению прессы и отставили в стороны кружки с чаем. Васенька не знал, о чём их расспрашивать, лишь задал заготовленный вопрос о целях «конгресса». Комаров и Дыня начали наперебой тараторить в микрофон. Что-то о митингах, о партиях, о правительстве. Васенька дремал с внимательным видом: болтают—и слава Богу, потом можно будет отслушать плёнку и разобраться, что к чему. Когда словарный поток иссяк, Васенька протянул микрофон к Мишане:

— Ну и ты скажи что-нибудь.

Мишаня заговорщицки подмигнул кому-то и, как будто сам восхищаясь своей дерзостью, проговорил:

— Свободу политзаключённым.

С таким же видом Васенька и Валька на спор матерились вслух во время лекций.

Когда Васенька покидал здание «конгресса», деды Пети на крыльце уже не было.

По возвращении Надиваныч снова зазвал его к себе, подробно расспросил о событии и о собственных впечатлениях. Васенька сознался, что мероприятие было совершенно незначительное и произвело жалкое впечатление.

— Ну а как собираешься освещать?—испытующе глядя на Васеньку, спросило начальство.

Улавливать, чего от тебя хочет собеседник, Васенька научился ещё во время университетских экзаменов и мигом смекнул, что подавать информацию как есть не годится. И не потому, что начальство благоволит этой «оппозиции», а потому, что информационному агентству не к лицу давать в эфир пустяки, а более солидного материала к выпуску уже не приготовишь. Он изложил свой план: напишем, мол, состоялся конгресс, задачи были такие и такие, участники пришли к таким-то выводам, участвовавший лидер местного отделения НБП Астраханский сказал то-то, делегат Комаров заявил то-то, а оппозиционный журналист такой-то призвал к освобождению политзаключённых. А уж сколько их там было, оставим на слушательскую фантазию.

Надиваныч остался доволен, но собственного мнения о событии и его участниках не высказал и отправил Васеньку писать репортаж. Конечно, Васенька понимал, что он напишет ложь, точнее, довольно хитро и однобоко представленную правду. Он даже осознавал, что это нехорошо. Но при этом он чувствовал, что таковы неписаные правила профессии: не нравится—проваливай из журналистики. «Вся эта политика—сплошная путаница и грязь,—повторял он про себя.—Надо сделать всех православными, тогда не станет лжи».

А под вечер в редакции стало известно, что арестован деда Петя. Был уже конец рабочего дня, никому не хотелось с этим возиться, однако Васеньке было поручено составить небольшое сообщение. Он позвонил в милицию, и деревянный голос пресс-секретарши отчеканил ему, что Ибрагимов Пётр Сергеевич напал на проезжавший мимо отряд ОМОНа, сам запрыгнул в машину, где нанёс себе несколько телесных повреждений и теперь помещён в камеру предварительного заключения вплоть до судебного разбирательства.

Как и полагается, Васенька изложил только официальную информацию, однако дважды в тексте назвал деду Петю пенсионером, чтобы подчеркнуть нелепость предположения о том, что тщедушный старик ворвался в машину с омоновцами. Надиваныч утвердил этот вариант. Перед уходом Васенька заглянул к нему и высказал недоумение, почему же милиция сцапала безобидного сумасшедшего, хотя именно в этот момент в двух шагах проходил «конгресс оппозиции». Мишаня вон сам распускает слухи о своей экстремистской деятельности, а Дыня, можно сказать, сам в тюрьму просится: он и фашист, и комсомолец, и анархист в одном флаконе. Надиваныч пожал плечами и рассказал историю о том, как пару лет назад милиция прямо на улице подбежала к Дыне и двум его приятелям. Дружкам—руки за спину и в машину, а Дыня—ничего, дальше гулять пошёл. Надиваныч многозначительно умолк. Окончательно он ничего так и не объяснил, и Васенька ничего определённого не подумал.

На душе было как-то смутно. Рассуждать о политике он не хотел и не умел. А все мысли о морали и справедливости упирались в вопрос о Боге. И только голос Бориса Гребенщикова в наушниках по пути домой очистил голову от мыслей, оставив лишь привкус горечи по поводу того, что мир устроен так запутанно и дисгармонично.

По прибытии он решил написать Гребенщикову письмо. Автор таких благостных песен уж точно должен был знать ответы на все вопросы бытия. Стиль письма он старался подделывать под изысканное пустословие своего питерского гуру…

* * *

«Уважаемый имярек!

Всё это, конечно, приятно: и Бог, и рай, и аватары всякие, но неужели это всё сильнее ночного страха перед неизвестностью? У вас, конечно, достаточно творческой магии, чтобы держать призрак

смерти на расстоянии, но всё же… Вам должно быть знакомо это чувство леденящей пустоты, заполняющее засыпающий мозг. Ухватиться за веру, за бледные знаки дневного мира? А вдруг не поможет? „Мир — видимость“, — скажете вы. Но от этого не легче. И внутреннее спокойствие настораживает ещё больше.

Нет права на ошибку. Хоть заройся с головой в подсознание.

Ладно, пускай нам ничего неизвестно о другом мире, пускай его нет вовсе, но в этом-то есть хоть что-нибудь настоящее? Хоть что-то, ради чего стоит жить и писать стихи? Вот вы зачем пишете свои песни?

В общем, я не прощаюсь.

Молодая шпана, что сотрёт вас с лица земли».

Письмо он отправил на электронную почту официального сайта группы «Аквариум». По крайней мере, для переписки медленный Интернет того времени вполне подходил. Ему показалось, что призрачная надежда на ответ, на то, что столичный шоумен разрешит все его вопросы, принесёт ему покой. Но стоило ему лечь в постель и закрыть глаза, как впечатления последних дней снова обступили его. В ночной темноте растаяли пестрота и шум дневного мира. Не на что стало отвлечься, переключиться — из хаоса выступило главное. Сиятельные чиновники и клоуны-оппозиционеры… зверюги-менты, безумный взгляд и обезоруживающая улыбка деды Пети… умный, но помалкивающий в тряпочку Надиваныч… Валька роет себе подвал, а на улицах хозяйничают гопники… молчащий Бог и громогласно фальшивящий церковный хор… журналисты, рабочие, иностранные бизнесмены… Как могло всё это сосуществовать в одном мире, в одной стране? А между тем всё это не просто существовало бок о бок, но и являло собой фрагменты единой картины, дополняло и обусловливало друг друга… Или, может, для понимания целого ему не хватало каких-то ключевых элементов?

Одолели думы, обступили мысли
Голову лохматую мою,
Закружились буквы, завертелись цифры —
Словно очарованный стою…

Сочинив это четверостишие, он наконец уснул.

Глава 11,

в которой Васенька отказывается проявить любезность

В среду он предложил позвонить в крайком КПРФ — уточнить, состоял ли деда Петя в партии и собираются ли там что-то предпринять по поводу его задержания. Всё-таки Васеньке было жаль старика и хотелось верить, что за него есть кому заступиться. Санкция была получена, он позвонил и от имени своей организации поинтересовался. Оказалось, что деда Петя действительно состоит в КПРФ и что там возмущены произошедшим. Обещали даже провести пикет в поддержку своего активиста.

У Васеньки отлегло от сердца. «А что тут ещё поделаешь?» — решил он и переключился на другие дела. Он уже потихоньку привыкал к тому, что и как нужно освещать в новостях: иногда позволял себе иронию, но в целом не посягал на установленный порядок вещей. Он таки притащил Вальку на собеседование, и тот произвёл на Надиваныча приятное впечатление своим ехидным умом. Вальку приняли на работу и поручили ведение юмористической аналитической программы.

Чиновные гости регулярно приходили в студию на интервью. Надиваныч в обязательном порядке водил их к себе в кабинет на чай. Похоже, он всё ещё надеялся вернуть себе положение в высшем свете.

Васеньке стали иногда поручать ведение эфиров, беседы с приглашёнными гостями. Но в прямом эфире Васенька себя чувствовал скованно. Не мог он ни всерьёз, ни понарошку заинтересоваться спартакиадами, выставками, конференциями, о которых рассказывали гости. К профессиональному спорту он, в отличие от Вальки, был равнодушен. Он никак не мог понять, зачем эти люди на стадионах и трассах лезут вон из кожи и почему их прыготня вызывает такой звериный восторг у толпы мужиков отнюдь не спортивного вида. Пива и зрелищ — Колизей, да и только. К искусству Васенька не был холоден, но краевые и городские мероприятия нагоняли тоску. Ну нарисует какой-нибудь художник пейзаж, пусть даже хорошо нарисует — дальше-то что? Неужели это хоть на шаг приближает к разгадке вечных вопросов и решению мировых проблем? «Да ведь художник и не ставил себе такой задачи», — улыбаясь отвечали ему. Ах, не ставил? Ну так в топку его тогда, этого художника! Про выставки «современного искусства» и говорить не хотелось. Там не только задач не ставилось, но и смотреть было не на что.

Пожалуй, заинтересовала его в этом мутном информационном потоке лишь конференция наркологов. Да-да, никогда не нюхавший и не употреблявший Васенька и не ожидал, что эта тема так взволнует и увлечёт его. Во-первых, конечно, было приятно оказаться среди врачей не в качестве пациента, а в качестве стороннего наблюдателя и ходить по длинным больничным коридорам без угнетающего чувства собственной приниженности и зависимости. И кроме того, многие из выступающих высказали очень интересные мнения. В обществе, где на первом месте стоит принцип удовольствия, проблема наркомании не может быть побеждена одними медицинскими

средствами, поскольку в человеке с детства воспитывается психология наркомана. Разве наркотик не является самым грубым, но и самым действенным источником наслаждения? Чтобы отказаться от него, пациент должен поставить нечто на более высокую ступень в своей шкале ценностей, должен обладать «сверхмотивацией». Об этом, энергично взмахивая рукой с зажатым в ней пучком бумаг, говорил молодой врач из Казани. А Васенька думал себе: «Вот оно! Вера—это и есть сверхмотивация, которая делает человека сильнее разрушительных соблазнов нашей гниющей цивилизации…»

Другой врач говорил о том, что состояние зависимости вырастает из чувства скуки:

—Личность, склонная к зависимости, не умеет сама найти себе применения. Ей хочется, чтобы её развлекли, чтобы её чем-то заняли, чтобы ей придумали какое-то предназначение. Особенно часто это проявляется у так называемых «артистических личностей»… А, с другой стороны, разрешили ли мы сами проблему скуки? Вот вы, сколько раз в час вы проверяете свою электронную почту?

Васенька не совсем понял, о чём говорил этот мужчина в белом халате. Сам он проверял электронную почту только в начале рабочего дня. Но дело было в том, что до провинции ещё не добрался безлимитный Интернет, а соцсети только делали свои первые шаги… Но вот насчёт скуки—это Васенька уловил ясно.

Третий врач поднялся с места и дополнил второго:

—Не забывайте про эскапизм. Ведь наркотики—это ещё и средство бегства от реальности. В этом смысле таким же вариантом патологической психологической зависимости, как и классическая наркомания, является, например, «людомания»—зависимость от игры.

Васенька покраснел. Ведь и он вплоть до первого курса увлекался выездными ролевыми играми. Но теперь-то он не изображает из себя хоббита или эльфа, теперь он не бежит от реальности. Хотя такая реальность кого угодно обратит в бегство…

А ещё он подумал о подвальном философе Вале. Сейчас-то Васенька, слава Богу, вытащил его на свет Божий, но не связано ли Валькино стремление отгородиться от ненавистной действительности с его периодическими пьянками? Религию он в качестве сверхмотивации принять не хочет и даже, наоборот, её-то и называет наркотиком… Но что же тогда может послужить для него точкой опоры? Васенька решил дождаться второго доктора после конференции, рассказать ему о друге и расспросить его о видах сверхмотивации.

Он нетерпеливо расхаживал у выхода из аудитории, пока коллеги обменивались контактами и деловыми предложениями. Но всё-таки он был на работе: со двора бибикнул заждавшийся водитель, и Васенька поспешно отбыл в редакцию.

Если встреча с наркологами заронила в голову Васеньке несколько ценных мыслей, то интервью с корифеем местной литературы оставило яркое, образное впечатление. Борис Николаевич Мотнев был ещё не слишком стар, но с героическим упорством расстраивал своё здоровье алкоголем. Большую часть времени он проводил в своём доме в деревне, а иногда бывал в редакции местного литературного журнала, которая располагалась через два дома от радиоточки. Васенька договорился, чтобы в один из таких выездов Борис Николаич дал интервью их волне, однако писатель настоял, чтобы за ним прислали автомобиль, и гордо проехал на нём сотню метров. От него попахивало перегаром, но Васенька решил, что это только развяжет старику язык, и оказался прав. Борис Николаевич сразу взял в беседе панибратский тон.

—Давай, Васютка, заводи свою шарманку,—усмехнулся он, кинув в угол портфель и тяжело опускаясь на стул напротив микрофона.

Васенька начал стандартное приветствие:

—Здравствуйте, уважаемые любители слова. В эфире программа «Абзац», посвящённая писателям нашего края. Сегодня у нас в гостях корифей русской литературы, знаменитый писатель, чьи произведения знакомы всем нам и даже включены в школьную программу, Борис Николаевич Мотнев.

—Моё почтение,—барственно проронил Мотнев.

—Борис Николаевич, всем нашим радиослушателям и мне очень интересно узнать, над чем вы работаете в данный момент.

Писатель расплылся в улыбке: Васенькина лесть нашла в его душе благодатную почву и дала кустистые всходы красноречия. Оказалось, что сейчас Мотнев работает над повестью «Хвала русской дыбе», а поводом, «тулчком» к ней послужил случай на городском вокзале. Писатель увидел одинокую старуху с картонкой на шее. На картонке было написано: «Это моя мать. Я не могу её прокормить. Подайте ей, кто сколько сможет». И такая злоба взяла писателя на сына или дочь, которые вот так избавились от родной матери, что воспомянулось ему старинное русское средство—дыба, и пожалел он, что сейчас не используется этот способ вразумления ослушников векового завета о почитании матерей и отцов. Мотнев принялся со смаком и подробностями описывать действие дыбы на организм человека, пересыпая свою речь матом и архаизмами.

—С каким бы наслаждением надел я красную рубаху да принялся вырывать култышки из рамен всем этим охальникам. Тогда бы у них сразу достало и денег, и сил, чтобы прокормить кого угодно,—сказал Мотнев, причмокнул и задумчиво добавил:—Тудыть его в качель.

А Васенька подумал, сколько ему придётся трудиться над записью, чтобы вырезать и «запикать» всю похабщину.

Далее повесть охватывала различные периоды истории Руси и показывала, какое важное политическое, но прежде всего духовное, облагораживающее значение имела дыба, как она спасала русский народ от прихода инородцев и от внутренней крамолы. И каждый раз, добираясь до сцены пытки, Борис Николаевич вздыхал и повторял, с каким наслаждением надел бы он красную рубаху…

— А женщина?—не удержался от вопроса Васенька.

— Какая ещё женщина?—заморгал Мотнев.

— Ну та—на вокзале… которую сын бросил.

— Да Христос с ней, почём же я знаю? Померла, должно быть. А вот была бы дыба—тогда другое дело… Но, увы, последняя часть повести рассказывает о лихолетье большевистского террора, который оторвал русский народ от дыбы и довёл его до того, что дети перестали уважать своих родителей.

Васенька всколыхнул в памяти обрывки школьных знаний:

— Но дыбу-то ещё при царях отменили, кажется.

Борис Николаевич аж побагровел:

— Ты что же это—за большевиков заступаешься? Ты с этой красной гадиной не жил и не знаешь, сколько горя я от них хлебнул.

— Жил немного,—как бы извиняясь, возразил Васенька.

— Все вы гордецы!—махнул рукой Мотнев.—Жил он… Спросил бы меня да послушал бы, как жили отцы. Ведь ничего нельзя было: ни сказать, ни написать.

— А как вы относитесь к творчеству Варлама Шаламова?—похоже, под действием винных паров, исходивших от Бориса Николаевича, Васенька и сам несколько захмелел и осмелел.—Ведь Шаламов прямо выступал тогда против системы.

Это был неверный ход: писатель ещё пуще обиделся и расходился:

— Вольно́ ему было обличать режим, сидя в лагере: терять-то было неча. А я в Союзе писателей состоял. Чуть пикнешь—и снова придётся идти в монтировщики или слесари. Солженицын вон за границу тогда махнул, его американцы закармливали. А нам тут колбасы не хватало, кругом—стукач на стукаче. Я сам, конечно, не стучал, но рот мне зажимали, не давали правду молвить.

Васенька решил блеснуть своей подготовкой к интервью и выпалил:

— Но вы уже тогда опубликовали романы «С именем Ленина» и «Матёрый вор».

— И вовсе не «С именем Ленина»,—со злобой оборвал его писатель.—Изначально роман назывался «С именем царя-батюшки», и был он посвящён не колхозному строительству, а счастливой жизни крепостных крестьян. Но цензура перед самым выходом потребовала заменить буквально каждую букву—вот и вышел совсем другой роман. Много вы, нынешние, понимаете! А в «Матёром воре»—тут да, ничего не меняли. В этом романе я рассказываю про развал деревни, про ужасы коллективизации, про то, как крестьян насильно загоняли в колхозы.

Васенька попытался спасти положение и ещё немного польстить гостю:

— Вам за этот роман ещё Горбачёв премию дал.

Мотнев подпрыгнул на стуле как укушенный:

— Что Горбачёв? При чём тут Горбачёв? Да разве ж тогда были премии? Вот после развала «совка»—тогда стали давать: я и себе, и детям дома выстроил. У нас на селе тогда животноводческий комбинат как раз ликвидировали, так я кой-кого из соседей к себе на работу нанял: землишки-то прикупил, одному не совладать.

— Вы говорите о Государственной премии за роман «Они не верили в Бога»? Давайте поговорим о нём. Как вам пришла в голову идея написать роман о Великой Отечественной войне?

Борис Николаевич немного оттаял и, довольно хмыкнув, стал рассказывать:

— Идея-то зрела у меня давно. Вон у меня отец воевал. Сначала роман назывался «Благословлены и бессмертны», но потом я изменил замысел и название. Помню, было это годку в девяносто четвёртом, пригласил нас к себе президент. Говорит: «Время сейчас трудное, понимаешь. Надо поддержать новый строй и реформы, а за благодарностью от меня дело не станет». Я тогда ещё для верности спросил: «А вы советскую власть вернуть не захотите? А то написать мы напишем, а потом нам же по шее и прилетит».—«Нет,—говорит,—не захочу и даже празднование Дня Победы отменяю». Тут я понял: вот оно, самое время про войну писать! И буквально в тот же вечер вспомнил, что война-то была вовсе не героическая, что всё наше командование делало неправильно и только для того, чтобы вместе с немцами русский народ в могилу свести. Наши солдаты плохо питались, редко мылись и шли под пули. А почему? Вовсе не потому, что они родину любили или там семьи свои хотели спасти, а потому,—Борис Николаевич воздел палец,—что коммунизм им головы затуманил и оторвал от корней.

— Сейчас-то Победу снова отмечают.

— Ну и флаг им в руки,—добродушно махнул рукой Мотнев.—А я зато у обоих соседей землю скупил, расширился. И, в конце концов, книгу мою никто не запретил. Издают и переиздают, все её читают—от мала до велика. Так что всё путём, Васютка.

— Я правильно понял: вы считаете, что воевать с фашистами не надо было?

— Почему это не надо? Надо. Они ж нерусские. Со всеми нерусскими надо воевать, народу тоже расширяться надо, хе-хе. Но воевать-то надо было не под красным флагом, а под трёхцветным и с иконами. Если бы русские от Бога не отвернулись,

не расхристианились, мы бы врагов шапками закидали, и никаких потерь у нас бы вообще не было!

Ответ про религию Васеньке понравился. Напоследок он решил закинуть удочку:

— Борис Николаич, как вы считаете, а есть ли среди молодых писателей подающие надежды? Помогаете ли вы им сделать первые шаги в литературе?

— А то как же! Но ты сперва почёт старшим окажи, пусть все увидят, что ты свой человек. Вот, например, как его… Аполлошин. Он обхождение понимает.

— Вам нравится то, что он пишет? — разочарованно протянул Васенька.

— Да разве ж я читал, мать твою за ногу?! Но парень толковый. Рекомендовал его в пару журналов покамест. А там видно будет. Может, протолкну в Союз, а может, и пинком под зад с крыльца отправлю.

Беседа закончилась, и Мотнев спросил:

— А где же это мой портфель? — но при этом он почему-то не оглядывался по сторонам, а в упор смотрел на Васеньку.

И под этим пристальным взглядом Васеньке вспомнились старые фотографии, которые он видел в Интернете при изучении биографии Мотнева. На этих фотографиях молодой ещё писатель часто оказывался около кого-нибудь из старших, заслуженных с их портфельчиком или папочкой в руках. А на современных фотографиях рядом с Борисом Николаевичем и вправду постоянно мелькал Аполлошин — то дверку придержит, то ручку подаст…

— Вон ваш портфель, в углу, — буркнул Васенька.

Взгляд Мотнева сразу потух, он засуетился, как будто даже протрезвел, схватил портфель и вышел из комнаты.

Васенькой овладело какое-то возбуждение. Он чувствовал, что сделал некий решительный шаг, принял важное решение. К добру ли? Не поставил ли он крест на том, к чему настойчиво и упорно шёл всю сознательную жизнь? А к чему он шёл?

Ему нужно было немного собраться с мыслями. Другие журналисты для этих целей обычно идут в курилку. Именно там и обсуждаются новости и офисные сплетни, а в этом и заключается основа корпоративной культуры. Там каждый из них делится планами о том, как он уедет в Питер. Васенька тоже мечтает уехать туда, где по берегам Невы бродят Шевчук и БГ, и стать там великим писателем, но ему не с кем поделиться своими надеждами, и он почти жалеет, что не курит и не может дышать чужим дымом. Он выходит на крыльцо и вдыхает влажный осенний воздух. В отдалении гудит автострада, пасмурное небо отражается в лужах, мимо пробегают прохожие, и ветер лепит на их согнутые спины красные и жёлтые листья. Васенька подставляет лицо ветру, в его сознании пусто, он ни о чём не думает. Но это не значит, что в глубине его разума не ведётся тайная работа.

Васенька почувствовал, что ему необходимо выговориться. Валька для этого не подходил, он все эти дни сторонился Васеньки. В новом интересном окружении ему было неприятно присутствие того, кто знал его слишком хорошо. И тогда Васенька предложил знакомой со второго этажа, стажёрке краевого радио Иринке прогуляться после работы. Она согласилась.

Когда они дошли до парка и вдоль дорожки почётным караулом выстроились облетающие тополя, Васенька рассказал о своей передаче и противоречивых чувствах, которые он испытывает по отношению к литературной тусовке. Иринка умела слушать…

— В детстве я, как и все, рассказывал стишок, встав на табуреточку, и получал за это одобрение родственников или подарок от Деда Мороза, которого, надо сказать, побаивался. Дед Мороз и Снегурочка в ярких, кричащих целлофаново-картонных костюмах и париках, от которых пахло уличным холодом и косметикой, пугали меня шумным весельем и тем, что сразу же начинали требовать, чтобы им предъявили детей… Но речь не об этом.

— А о чём?

— О том, что стишок — это было хорошо. Я даже помню, как отец заставлял меня учить и рассказывать стихи на английском. Я ни слова не понимал, но покорно повторял последовательность странных звуков. Ещё я помню книжные полки на нашей старой квартире и на квартире у бабушки. Папа часто читал, и мне нравилось совать нос в его книги, рассматривать скупые загадочные рисунки, вдыхать пьянящий запах, читать по складам названия. Я чувствовал, что эти книги открывают дверь в необъятный мир человеческого знания, который ждёт меня. Помню, отец читал мне на ночь «Дядюшкин сон» Достоевского. Изображая дядюшку, он забавно картавил, как юмористы, пародировавшие Ленина. Ещё папа читал мне «Мастера и Маргариту». Я с замиранием сердца слушал о том, как длинная рука Геллы тянется к задвижке окна… потом засыпал и во сне снова переживал события книги.

— Повезло тебе. Мне ничего такого на ночь не читали.

— Это ещё не всё. Вот, помню, папа сам сочинял и рассказывал мне перед сном загадочную историю о бароне и баронессе, которые живут в старом замке. Барон отправляется на охоту, а баронесса остаётся в замке одна. Барону предстоит встреча с огромным кабаном и с ещё более огромной собакой, а баронессе — знакомство с таинственной тенью старухи. Он сочинял историю на ходу, она

рождалась прямо на моих восхищённых глазах. И ведь я не считал эту сказку выдумкой, я верил, что всё это существует на самом деле, а творцом, богом этого фантастического мира был папа. История так и не была досказана, но оставила впечатление всемогущества художественной фантазии.
— Неудивительно, что ты стал писать.
— Не знаю. По крайней мере, начал я совсем с другого. В шесть лет я прочитал сатирические стихи Сергея Михалкова, увлёкся этими простыми рифмованными историями и попробовал сочинять нечто подобное. Это мне казалось несложным: главное, чтобы в сюжете присутствовали двоечники и прогульщики. Что-нибудь вроде:

Коля не сделал уроки,
Это было бы скверно,
И поэтому вместо школы
Он пошёл погулять в скверик.

Причём эти стихи я постарался оформить в виде книжки с картинками — писал, рисовал, вырезал. Книжечки, сделанной собственными руками, пока было вполне достаточно для удовлетворения моих амбиций.
— А потом?
— Да нет, пока ещё длится «пока». Когда я пошёл в первый класс, то под впечатлением от различных стихов на школьную тему, которые услышал в первые дни, я написал собственное довольно длинное стихотворение:

Вот наступил учебный год,
У каждого душа поёт…

И так далее. Я написал это стихотворение просто так, без адреса, но им заинтересовались учителя, поместили этот опус в стенгазете. Ко второму классу я отчётливо понял, что я физически слабее сверстников, но и догадался, что могу влиять на них словом. Я стал рассказывать им фантастические истории с продолжением и привык видеть интерес в их глазах. Я видел, как они замирали, следя за полётом моей фантазии. Благодаря слову я мог отличиться перед учителями. Мои сочинения зачитывались перед классом. В третьем классе я выступал со своими стихами на школьной ёлке. Всё это было ещё очень подражательно, но как же иначе?
— Ой, прочитай мне что-нибудь из тех стихов! — стала просить Иринка.
— Подожди, я потеряю мысль. А кроме того, что́ я тогда писал — это совершенно не важно. Важно другое. Можно сказать, что я и мир шли навстречу друг другу. Я оттачивал свои литературные навыки, а педагоги поощряли меня как могли. Меня пристроили в литературную студию Дома детского творчества, где тётенька с наивными глазами давала мне всевозможные творческие задания, с которыми я легко справлялся: писал различными типами рифмовки, на различные темы, играл с девчонками в буриме. Стоит отметить, что на литературном поприще я, как правило, оказывался в обществе девчонок, и это тоже давало мне некоторые преимущества.

Ирина прыснула, Васенька погрозил ей пальцем.
— Очередной ступенькой подъёма стало выступление на отчётном мероприятии Дома творчества. Тут я уже выступал не перед одноклассниками, родителями и учителями в родной школе, а перед совершенно незнакомыми людьми. Пока я ожидал своей очереди — непрерывно повторял про себя стихи, боялся до жути. Тело стало словно деревянным. Но ничего, всё прошло благополучно. Вот и ещё одна ступенька — выступление в районном Дворце культуры. Ох, как же я нервничал! Голова горела, я снова, как заведённый, десятки раз повторял за кулисами свои стихи перед выходом на сцену. Наконец моя очередь: блеск прожекторов, огромный зал, заполненный взрослыми людьми, в первом ряду сидят ветераны с медалями на пиджаках. Тело почти свело судорогой. Но когда я начал читать, весь страх куда-то ушёл — был только я, мои стихи и люди, с которыми я хотел чем-то поделиться. Ещё раз повторюсь, стихи-то были дурацкие, пустые, хотя и складные; пожалуй, главный смысл всех моих стихов заключался тогда в том, что я хочу быть поэтом, что я хочу быть услышанным, вот и всё. Зрители наградили меня аплодисментами. Может быть, они хлопали так всем, но мне их хлопки показались просто шквалом оваций (ведь я никогда не выступал ещё перед такой большой аудиторией), так что я даже невольно попятился и запнулся. В школе я уже укрепил свой статус праздничного поэта: мне поручали сочинение поздравительных стихов, юмористических песенок, сценариев. Я уже дважды опубликовался в газете. Учителя отправляли меня на всякие городские литературные конкурсы, я копил грамоты и благодарственные письма.
— А что было дальше? — спросила Ира, видимо, просто для того, чтобы напомнить, что она ещё здесь.

Но Васенька не смотрел в её сторону: он вглядывался в прошлое.
— Дальше мою повесть (подражательную, но кто из начинающих не подражает?) пристроили в журнал. Тот самый, из которого сегодня приходил Мотнев. О, наслаждение — видеть свою фотку на странице толстого издания! Меня тогда мало интересовало, читает кто-то эти журналы или нет. Скорее всего, конечно, нет. Дальше… дальше… На последнем году обучения в школе меня пристроили в литературный лицей, а ещё вручили краевую литературную премию. Пожалуй, это была вершина, пик моей творческой карьеры. Мне в числе других победителей пожал руку губернатор (да, покойный шеф Надиваныча). Я поступил на филфак нашего университета. Это казалось мне

закономерным, естественным, да и преподаватели меня всячески зазывали…

— И это всё? Ведь столько лет прошло. Неужели с тех пор ты ничего не добился?

— Выходит, что так. Я всё так же продолжал писать, оттачивал стиль, но это ни к чему не приводило. Новым преподавателям не нужны были стихи, никакого запроса извне не поступало. Они просто давали нам задания, а мы сдавали экзамены. Так прошло пять лет… Мне кажется, что все эти годы я стою на одной ноге, а другой пытаюсь нашарить, куда бы шагнуть, но вокруг пустота… Более того, оглядываясь назад, я вижу, что пройденные ступени исчезают, обрушиваются. Поэзия теперь не в чести. Раньше слово «поэт» (с отчётливым «о») произносилось с благоговением, наравне со словами «учитель», «истина». Теперь в почёте какие-то другие слова, на мероприятиях не читают стихов — всё больше пляшут. Где эти конкурсы? Где эти кружки? Центр детского творчества и лицей закрылись… Как там пела Янка?

Некуда деваться,
Нам остались только грязные дороги.

— А может, тебе следовало поехать в Питер?

— Питер, Питер… Может быть. Ох, прости, я, кажется, совсем тебя заболтал. Вот и остановка.

Васенька не обратил внимания, как горели Иркины глаза, как она смотрела ему вслед, когда он прыгнул в свой автобус. Ему было совсем не до Иркиных взглядов. Он впервые почувствовал, что жизнь заманила его в хитрую западню. Это чувство было невыносимо само по себе, и чтобы избавиться от него, нужно было приложить немалые усилия, разгадать устройство загадочной ловушки. А где-то по ту сторону этой неподъёмной умственной работы маячили громадные, как ангелы апокалипсиса, вопросы: «кто виноват?» и «что делать?».

— Молиться! Молиться! Нет ничего выше этого, — твердил себе Васенька и старался переключиться на предвкушение предстоящей «езды в остров любви» — путешествия на дачу с Танечкой.

Но ночью его разбудил телефонный звонок, и незнакомый голос сообщил, что его бывшая ученица Саша покончила с собой — спрыгнула с четырнадцатого этажа.

Окончание следует…

«ПТИЧЬЯ ТЕМА»

Победители литературного конкурса

Александр Сидоров

Воробушек

Под асфальтовым покрытием плаца проходила труба с горячей водой. Даже в самый суровый мороз узкая полоска асфальта над трубопроводом оставалась сухой и тёплой. Потому и облюбовала это место зимою стайка воробьёв. Собьются в стужу — и греются.

Однажды, в двадцатиградусный мороз, воробьиная компания щебетала на привычном месте. А третий отряд топал строем из столовой. Завидев людей, пернатые вспорхнули и разлетелись. Лишь один воробьишко остался: промёрз и не смог оторваться от тёплого местечка. Вжав головёнку в тощие птичьи плечи, он жалко чирикал, ожидая гибели.

Отряд приближался, громыхая тяжёлыми ботинками. И вдруг кто-то в первой пятёрке заметил бедную птаху!

— Братва, смотрите под ноги! — прогремело над строем. — Воробья не раздавите!

Перед самым воробьишкиным клювом, как волна перед носом корабля, строй разделился, обогнул пятачок и вновь слился за пернатой спиной в серую массу.

Дежурный Сёма Панько рванул наперерез колонне.

— Стоять! — грозно рыкнул он. — Шо за кренделя на плацу? Попали вы, ребята, как хрен в рукомойник. Так и запишем: «Нарушали дисциплину строя»…

И дежурный раскрыл замусоленную тетрадку, чтобы внести в неё историческую фразу.

— Пиши, Достоевский, — угрюмо буркнул бригадир Рыков. — И добавь, что группа осуждённых вступила в преступный сговор с воробьём…

— С каким воробьём? — не понял Панько.

— Пошли глянешь.

Через минуту суровый Сёма держал птаху на лапе и гладил её по головёнке указательным пальцем:

— А у меня дочка как-то сороку приручила… Таскала, стерва, всё, что плохо лежит!

— Дочка?

— Сорока, дурень! — дежурный вздохнул. — Лады, топайте дальше. А этого я временно заарестую. По такой стуже он того гляди коньки отбросит. Пусть по зиме у меня перекантуется, а там — поглядим.

И отряд потопал своей дорогой, дежурный — своей.

Оксана Лисковая

Птица в виноградных листьях

Мне нужно было похоронить бесхозного старика. Я не хотела забыть про него сразу, как только он умер. Ему ампутировали ногу и сказали, что опасности для жизни нет, но в пятнадцать минут пятого он сказал, что ему негде жить, вздрогнул, сжал одеяло и умер.

Я шла домой с работы. Выскользнула из своей калитки и пошла, как обычно, мимо памятника Пушкину к Трубной. Так я вспоминала свои прогулки в Петербурге. Так я шаталась по бульварам Садового кольца, чтобы, вдыхая болезненный московский воздух, думать, что я сворачиваю с Невского проспекта к Русскому музею в Михайловский сад. Я ни о чём не думала, я просто плыла по бульвару, ждала, пока светофор поменяет сияние красного на зелёный, и перешла дорогу. Тело, непонятно—человека ли, лежало под стелой. Я прошла мимо, а потом вернулась, как тогда к старушке-актрисе, успешно выманившей у меня двести рублей. От него воняло иван-чаем. Вонь была жуткая, но в ней не было ни запаха немытого тела, ни мочи, пропитавшей брюки, а затем и другую одежду, ни старости. Я надела перчатки и дотронулась:

— Эй! Вам плохо?

Тело застонало и повернулось ко мне. Это был некрасивый старик.

— А ты кто?

— Я иду домой.

— Нет, ты идёшь совсем в другую сторону. Домой тебе сегодня не попасть.

— Почему?

— Потому что ты не такая, чтобы легко попадать домой.

— У вас болит что-то? Я вызову скорую помощь,— мне стало неприятно и страшно.

— Вызови, к тебе приедут. У меня нога болит.

Я отошла от него и, вызывая скорую, заметила, что нечто, что раньше называлось брюками, было мокрым. Когда я договорила, то вернулась к старику и, преодолевая тошноту, потянула за брючину. Она словно рассыпалась, обнажая тёмную ногу в чём-то липком и мокром; где была рана, я не поняла.

— Рана вот здесь,— показал старик чуть ниже колена.

Я сняла ремень со своих брюк и затянула выше колена, довольно неуверенно. Старик ойкнул и улыбнулся.

— Хороший ремень.

— Да, теперь пропал.

— Приехали, видала? К тебе всегда приезжают.

— Это к вам. Мне не нужно.

Я объясняю врачам то, что могу. Они ворчат. Особенно толстая тётка: она кричит, как ей надоели бомжи бесхозные.

— Он не бесхозный. Это мой бомж.

— Ну так и садитесь в машину.

— И сяду.

Мы едем через бульвары куда-то далеко. Я не смотрю на старика, на недовольных врачей, я смотрю в окно.

— Меня везут, куда всех бомжей свозят,—поясняет мне старик.

— А куда ещё?—снова кричит тётка.

Мы долго торчим в приёмном отделении. Старика помыли и голого уложили на каталку.

— Вы с ним?—спрашивает меня доктор в синих брюках и сползшем на одно оттопыренное ухо синем колпачке.

— С ним.

— Вы ему кто?

— Никто.

— Понятно.

— Она, доктор, совершенно необыкновенное существо. Вы посмотрите, какие у неё ручки.

— Покажите,—насмешливо говорит доктор, толкая в лифт каталку с потемневшей простынёй.

— Смотрите,—я поднимаю к лампе в лифте две своих руки в перчатках.

— Отличные ручки у вашего никто,—кивает доктор.

— Деточка, ты сними перчатки и не смотри на простыню,—снова вмешивается старик.

Мы с врачом переглядываемся.

— Поздно, пока прооперируем, будет ночь. Идите домой.

— Нет, останусь с ним.

— Ночью даже родственники не остаются, не положено.

— Нельзя быть злым на ночь, я останусь, я буду очень тихо сидеть в коридоре, а потом в палате. Я за ним присмотрю, а вы поспите.

— Ага, как же, я сегодня посплю. Ночь с бомжа началась, теперь покатится. Переспите со мной, тогда останетесь.

— Хорошо, как хотите.

Становится холодно, но я не могу бросить этого чужого странного старика, сама не знаю почему.

— Кого привёз, Паша? — появляется за спиной новый мужской голос.

— Девку привёз нам на ночь и бомжа на ампутацию.

— Офигел? Что за девка?

— Она — необыкновенная, — шуршит языком старик и плачет. — Не уходи от меня.

— Не уйду, — задыхаясь, говорю я.

Мне так же страшно, как и ему. Я не поворачиваю голову, пространство плывёт.

— Вы, пожалуйста, вернитесь вниз, сдайте пальто, скажите, что Юрий Григорьевич Телихов разрешил вам остаться. Сдадите вещи, сядете вот здесь и будете ждать.

Я сижу на скамейке в коридоре. Смотрю, как мерцает молочно-фиолетовый свет, как ходят больные в смешных халатах и трусах в туалет, медсёстры с уколами и штативами для капельниц. Мне хочется спать — начало первого.

— Как мне хорошо, деточка! Мне не больно, — улыбается мне голый старик с подушки. — Посидишь со мной?

— Посижу, если разрешат, или потом подойду, после…

— Не-не, ты не слушай его, это он со злости, устал за день.

— Думаете?

— Иди сюда, красивые ручки. Посмотрим их поближе, — слышу я за спиной голос ушастого врача.

— Я к вам вернусь, — тихо говорю старику и глажу его по руке.

— Нет, не уходи, я без тебя умирать не могу, страшно очень.

— Будешь орать, мы тебе снотворного дадим. Опасности для жизни нет.

Я выхожу в коридор.

— Так нельзя! Понимаете, это плохо. Для вас тоже.

— Для меня чем плохо?

— Вдруг я… необыкновенное существо? А?

— Кашин! Иди сюда, нам нового привезли.

— И-и-и-и, так я и знал. Ну всё, давай сиди, часа через два нового тебе подкинем.

— Смотри, деточка, как у тебя ручки светятся при луне. Покажи.

Я вытягиваю свои руки прямо к окну; луна, смешиваясь с фонарём, подсвечивает белую кожу.

— Знаешь, сколько в мире таких, как ты?

— Миллион.

— Одна, одна на целый мир. Самая необыкновенная.

— Почему? Я — обыкновенная.

— Нет, не говори так. Если ты разденешься, то будешь вся такая, как твои ручки. Разденешься?

— Ладно. Только если этот войдёт…

— Не войдёт, этот не войдёт, никто больше не войдёт. Их нет.

— Хорошо.

Подумать только, я ведь — начальница. Мало того, что я теперь ночью в больнице с незнакомым мне некрасивым стариком, провонявшим иван-чаем и оставшимся без ноги, стою на тумбочке. Я — абсолютно голая — смотрю на фонарную луну. Старик на меня не смотрит. Он закрыл глаза и стонет, вдыхая и выдыхая больничный воздух.

— Вы бы надели халат, — слышу я голос, — а то мне кажется, что вы просто птичка.

— Ладно. А где халат взять?

— Принесу.

— Юрий Григорьевич Телихов, вы всегда всё разрешаете?

— Ещё чего! — снимая меня с тумбочки, возмущается он. — Пойдёмте чай попьём, пока вы тут не нужны, он спит.

— Спит? Он стонет.

— Конечно, стонет. Он умрёт сегодня.

— Почему?

— Потому что. Ногу можно было и не трогать, но так ему будет менее больно, не будет разрывающей боли. Одежду свою возьмите, бельё можно постирать, потом покажу где. Можно просто Юра.

Я сгребла одежду в кучу и босиком, в белом халате, пошлёпала за просто Юрой.

— А тот где?

— Да ну его на хрен. Вечно чёрт знает что. И ведь — хороший вообще, — Юра помахал руками, показывая, какой «вообще хороший» его коллега, — но как накатит говно — не выветришь, — опустил он руки.

— Он бы меня изнасиловал?

— Не знаю, люди порой непредсказуемы.

— Да?..

— Вы что голая на тумбочке делали?

— Стояла.

— Чай?

— Кофе.

— Кофе… кофе нужно пить в Вене.

— Поехали?

— Поехали. Босиком вы?

— Да.

— Чай, кефир, есть варёная рыба.

— Фу-у-у.

— Вот кусок шоколадки.

— А вы давно врач?

— Давно, почти с детства. А вы кто?

— Я начальница.

— Круто. Любите на тумбочках стоять?

— Нет. Старик говорит, что я необыкновенная.

— Ага. Верите? Бомжи странные вещи говорят. У него — бред.
— Мне кажется, он — не бомж. Он просто никому не нужен. А это трудно вынести тем, кто привык быть нужным.
— Хотеть быть нужным — неправильно.
— Возможно. Но я пойду. Вдруг он проснётся, а меня нет? Он заплачет.
— Идите. Носки мои наденьте.
— Спасибо.

— Ух ты! Ты превратилась из прозрачной в беленькую.
— Да.
— Послушай меня. Я когда-то любил девочку. Такую прозрачную, как ты, но между вами, теперь я вижу, принципиальная разница. Ты — необыкновенная. А она была совсем простая. Просто не загорала, а была такая прозрачная, с просвечивающими венами повсюду. Даже на сосках. У тебя нет на сосках вен?
— Нет.
— Вот я и говорю. Ты — необыкновенная. А у неё были. И когда она плясала передо мной совершенно голая, я видел, как она вся перетянута этими синеватыми ленточками. Она толстая была, килограмм сто. Совсем на тебя не похожа, жопа жирная, ляжки, приятно очень было на неё ложиться. Над тобой нужно парить, а она была как матрас пуховый, шмяк — и в тепле. Но дело не в этом. После наших трёхлетних танцев я сделал ей предложение, но она отказала. Оказывается, у неё был другой, за которого она и вышла замуж, а я — так, развлечение. Вот после того, как она вышла замуж, я пошёл и устроился на работу в одно место лаборантом. Стал пробирки мыть. И как-то разбил одну, а она врезалась мне в палец. Я потерял сознание, а когда очнулся, всё знал про свою жизнь, и оттуда осталось мне навсегда одно видение: в больнице на тумбочке стоит голая женщина, она хочет знать, как устроен мир, и люди вокруг неё, и всё, к чему она прикасается, — все говорят ей маленький кусочек тайны, и она это слышит. Она сама ещё не знает, какая она необыкновенная, просто она живёт так, и этот большой человек — вовсе не тот, кто будет любить её, ждать её, целовать её, не тот, кому она будет танцевать, разворачивая ему навстречу прекрасные ладони, рассказывая и записывая всё, что она знает, сжимая в своих ладонях всё это непостоянное людское счастье и разбрасывая его вокруг себя, словно пшено птичкам. Она меня проводит туда, к тому Месту. Это ты, деточка. Ты — необыкновенная.
— Вы уверены? Мне, конечно, хочется быть этим вашим виденьем, но всё-таки. Я совсем не умею танцевать голой.
— Ты научишься. Ты такая смешная.
— Вы бы поспали, вам отдыхать нужно после всего этого.
— Ничего *этого* у меня в жизни не было, деточка. А у тебя будет. Ты пойдёшь однажды и увидишь, что я был прав, и вспомнишь опять своего некрасивого случайного старика. А все твои боли уйдут, уйдут и из груди, и из живота, и из ног. Это всё только небольшое преображение, на него нужно и время, и боль. Нет в тебе никаких болезней, только знания, знания, которые наполняют тебя со скоростью света. Разрывают сейчас твою грудь до боли, а ты думаешь, что это мастопатия или того хуже. Ты поезжай в свою Прагу, он соскучится по тебе и придёт. Ты только посмотри на свою Прагу и постой там под часами. Боль уйдёт, а знания останутся. А потом ты всё запишешь и вспомнишь меня. Ты даже сможешь похоронить меня, как своего нерождённого брата, как птенца, выпавшего из гнезда. Завернёшь меня в виноградные листья и закопаешь в тёплом песке. И тогда для меня это будет счастье, я словно упаду на свою толстую танцовщицу.
— Дать вам воды?
— Дай. Знаешь, мне негде жить.

Я подошла к раковине, немного запутавшись в носках доктора, и налила воды в железную чашку, которую нашла на соседней тумбочке. Когда я вернулась, старик, кажется, умер. Я испугалась, пролила на него воду и побежала в ординаторскую за Телиховым Юрием Григорьевичем, Юрой, который разрешил старику умереть без ноги. Юра не сразу вышел. Он был сонный и почему-то такой же голый, как и я под халатом, но в кедах. Он велел мне сесть на скамейку и ушёл в палату. За ним вошли медсёстры. Потом одна вышла, прошла мимо меня в ординаторскую и вернулась с ушастым Пашей. Паша нырнул в палату, поправляя на ушах колпачок. Потом он вынырнул оттуда, схватил каталку за торчащие ручки и уже с ней исчез в палате. Скоро прямо передо мной оказалась каталка с моим голым стариком, закрытым простынёй вместе с лицом.
— Будете прощаться? — вопросил Юра, почесав в паху.
— Буду.

Юра обнажил старику лицо.

Тот лежал, открыв рот, в углу рта была болячка и немного слюны, он, видимо, всё ещё говорил со мной.
— Я не прощаюсь, — торжественно произнесла я шёпотом, — я попробую вас сначала похоронить, завернув в виноградные листья.
— Дура какая-то, — зевнул Паша.
— Да заткнись, — огрызнулся Юра и спрятал от всех лицо старика, кивнул мне, и они укатили его к лифту.

Я осталась на скамейке и вспомнила, что не постирала своё бельё. Не люблю несвежее бельё, но

фиг с ним. Стало тихо, и я легла; было неудобно и скользко, я как-то сама собой заплакала и заснула.

— Вставай, и так задница холодная.

Я села на скамейку, потёрла глаза. Ушастый Паша стоял надо мной и насмешливо выпячивал губы.

— Иди у нас спи, мы пошли за новыми бомжами. Будем им отрезать лишнее.

— А мой где?

— В морге.

— Я заберу его.

— Ага. Необыкновенная. Чокнутая. Государство похоронит. Сюда ложись. Ещё не хватает тебя с утра в терапию откатать. Ты такая дура всё время или по нечётным?

— Я — начальница.

— Ясно. Ну, спи, начальница, и Юркины носки вернуть не забудь. Выпить хочешь?

— Нет, я старика хочу забрать.

— Потом. Всё, пока, я тебя запру здесь.

— Заприте.

В семь утра я стояла в предбаннике морга, на мне была вся моя одежда, в том числе и недосохшее, постиранное кем-то бельё. Сотрудник морга вывез ко мне моего старика, я сдёрнула простыню. Старик лежал так же — абсолютно голый и словно продолжал что-то рассказывать мне. Потом он внезапно вздрогнул и сжался. Санитар упал в обморок. Я обошла вокруг него и сняла с каталки маленькое птичье тельце без ноги, оно воняло иван-чаем. Я положила его в целлофановый пакет, потом в сумку между записной книжкой и косметичкой и вышла на улицу.

— На работу? — спросил Юра, опять почесав в паху.

— Да. А вы почему были голый, как я?

— Я залез на стол, хотел посмотреть, что получится. Пашка ржал. Вы его похороните? — Юра смотрел на мою сумку.

— Обязательно. Куплю на рынке виноградных листьев и похороню.

— Это правильно.

— Да.

Я еду на рынок в Выхино за виноградными листьями, мне нужно похоронить бесхозного старика, а потом я сразу поеду на работу и буду командовать, чтобы всё шло как обычно.

Евгений Минин

Стать Киплингом

Не в коня корм

Писать стихи
меня учил Борис Слуцкий.
....
Писать стихи
меня учила Эмили Дикинсон.
....
Писать стихи
меня учил Стивен Крейн.
....
И я сказал ему: «Никто,
и звать меня Никак».
Константин Ситников

Учил меня слагать стихи
великих пантеон,
а я вот всякой чепухи
понаписал вагон.
Напрасно мучался в ЛИТО,
зачем кончал филфак,
когда зовут меня «Никто»
с фамилией «Никак».

Стать

Стать Киплингом Советского Союза —
вот мой размах.
Пусть гибельно, но так диктует Муза
мне второпях.
Евгений Рейн

Стать Киплингом Советского Союза —
всегда хотел.
Живу я Робинзоном Крузо —
вот мой удел.
Стать Кушнером сегодняшней России —
не тот масштаб.
А стать подобьем Бродского-мессии —
то рифмой слаб.
В моём мечтанье безыдейном
надежда есть.
Назвать Неву однажды Рейном —
окажут честь.

Эльдар Ахадов

Последний ремень

На ярко-белом снегу возле зимней ледяной дороги на куске картонной коробки стоит на коленях смуглолицый человек в ярко-оранжевом зимнем комбинезоне. Его склонившаяся голова обращена в сторону тонущего в дымке сумеречного солнца, а губы шепчут неслышные слова древнего певучего знойного языка. Священная мусульманская молитва — намаз. Неподалёку, возле КАМАЗа-длинномера, гружённого трубами, — второй смуглолицый человек, видимо, водитель-напарник: наблюдает за ним…

В натужно завывающем на подъёме «Урале» мы медленно проезжаем мимо. Уже несколько дней с ночлегами наша вахтовка движется по приполярным и заполярным зимникам, останавливаясь перед каждым серьёзным подъёмом и спуском, для того чтобы мы с Алексеем могли произвести инструментальный замер очередного уклона. Они нужны дорожной службе, чтобы определиться, насколько велика опасность для проходящего транспорта и какие именно предупредительные знаки следует расставлять в каждом конкретном измеренном месте.

Винты тахеометра в любом случае удобнее вращать пальцами. Без варежек и перчаток они чувствительней, но именно потому — сразу же и стынут, скрючиваются на морозе. Ходить с отражателем на вешке вроде бы теплее, но заезженные транспортом ледяные склоны не держат ног, регулярно норовя выскользнуть из-под них. Выручает лишь остриё вешки, поневоле превращающейся в единственную опору.

Но работа есть работа. И мы её выполняем. У каждого она своя. У шоферо́в наших (их двое, один за баранкой, другой отсыпается, затем они меняются) работа, от которой трясёт, причём всех и сразу. Зимник — это не асфальт, а смёрзшийся уплотнённый полуснег-полулёд. Смерзается он не всегда ровно: колеи и рытвины, тундровой кочкарник — всё чувствуется, от всего потряхивает основательно и в самом прямом смысле. Конечно, дорожные службы направляют К-700 с утяжелителями на разглажку этих «морщинок», но всё везде не разгладишь, участки протяжённые.

Известно, что зимний день короток, и едешь в основном в тёмное время. Свет фар подрагивает, выхватывая из темноты снежное, опустившееся на землю облако — дымчатый лес, окутанный, запорошённый мягким снегом, словно зависший между землёй и небом. Это очарование длится сотни километров — весь отрезок пути от Русского до самого Тагула. От Тагула же на север мимо Ванкора лес редеет, а сплошные заснеженные кусты на рассвете напоминают нежный розоватый пушок, покрывающий стылую землю. Чем ближе к Сузуну, тем меньше растительности, уже только отдельные розоватые пушинки остаются на пустынных, как голая простыня, пространствах. И вдруг весь снежный пушок исчезает. Впереди — только чёрные хилые скелеты-остовы одиноких лиственниц да отдельные чёрные кусты, впившиеся в снежную равнину, как старые репьи. Безжалостный северный ветер — хиус — махом сдул всю красоту…

Русское, Русско-Реченское, Тагул, Ванкор, Сузун — это одни из тех газонефтяных месторождений, из-за которых, собственно, в этой глухомани и появились зимники. В ночном мраке видны шевелящиеся красноватые пятна облаков над горящими где-то за горизонтом газовыми факелами. Их самих не видать, но отсветы в небе — дышат.

А оно здесь удивительное, северное! За вагончиками рабочего посёлка замечаю вертикально вонзающийся в небо фантастический свет прожектора. Оказывается, идёт снег. В темноте его не видно, но луч прожектора очень высок, и он в нём. Как в сказочном сверкающем воздушном столбе, крутятся, сверкают, переливаются мириады сияющих серебром снежинок. Гигантский столб, протянувшийся из ниоткуда в никуда, порхающего и ликующего живого снега! Абсолютно потрясающей красоты зрелище.

Не менее неожиданно выглядит здесь иногда и само солнце. Когда мы возвращались с Сузуна — самой северной части маршрута, оно было слева от дороги и напоминало собой неяркую (щуриться не надо, глаза не режет) красноватую медузу с плоской, как бы обрубленной сверху тучами головой и длинными, вьющимися до земли щупальцами-лучами. Потом щупальца выпрямились, и светило стало напоминать собой кисточку-помазок для бритья. Но и это ещё не всё.

Вскоре солнце меж протяжённых тёмной полосой вдоль горизонта облаков вытянулось в вертикальную струнку и обратилось в прямой,

как колонна афинского акрополя, турмалиновый двухцветный кристалл: чем выше к небу, тем желтее, а чем ближе к земле, тем краснее. Нижняя часть постепенно скрылась за облаками, а верхняя—засверкала золотистой прозрачной короной, затем она закосматела, стала грязновато-жёлтой и, наконец, сгинула, захлебнувшись вздымающейся вечерней облачностью.

Перед отъездом с Тагула оранжевое утреннее солнце, будто на прощанье, вдруг разделилось по цвету надвое. Ровно на две половинки—как сердце. Левая половинка—ярко-арбузно-красная, а правая—не менее яркая, но жёлтая…

На Тагуле Алексей, которого всю дорогу мучили то изжога на всё вплоть до простой воды, то скачущее атмосферное давление, решил расслабиться, сходить в баньку. Сходил… Посидел в сухой, протопленной горячей парилке до изнеможения, пропотел и вышел сполоснуться. А воды нет. Никакой. Бойлер работает, греется, но в душевом кране—ни капли. Задумался мужик. Ключ от бани ему дал Альберт, наш «сокамерник» по вагончику, который приехал сюда на вахту. Значит, с него и спрос. В предбаннике возле большой ёмкости с набранной холодной водой—насос и кабель от него. Вилка кабеля лежит свободно, не вставленная в розетку, над которой строгая надпись «Не включать». Алексей—бывший военный топограф, человек дисциплинированный. Нельзя так нельзя.

Оделся, побежал за Альбертом. А у того плановое вечернее совещание по ТБ—«час техники безопасности». Неудобно заходить, отвлекать человека. Вернулся. Стал ждать конца «часа». Час прошёл. Миновал и второй, пошёл третий час. Бойлер продолжает греться. Воды нет. Пот на теле купальщика высох. Тело стало чесаться. И тут разум победил дисциплину: Алексей мужественно воткнул вилку в розетку, невзирая на все запрещающие надписи. И зашумел насос. И потекла вода. И желаемое свершилось. Альберт для этого не понадобился. Топографический волк прыгнул-таки за флажки…

Лес тает, растворяется на глазах в быстро текущей меж ложбинок и взгорков, стремительно приближающейся дымке метели. Мы едем домой. Вспоминаю оленя, встреченного нами по пути возле базы строителей-дорожников. Дикий, доверчивый. Водители захотели сфотографироваться с ним, боялись, что убежит, а он после фотосессии пошёл за ними, как собачонок за мамками. Говорят, что олени прячутся возле людского жилья, если чувствуют, что за ними ходит волк. Вспоминаю молящегося водителя-мусульманина на дороге и другой КАМАЗ—водовоз, странным образом, строго перпендикулярно зимнику, воткнувшийся по брюхо в снежную целину. Умник-начальник, находившийся в кабине рядом с шофёром, приказал тому съехать с дороги и поездить-поискать ближний путь к реке—хотел, видимо, выяснить уровень воды подо льдом: достаточно ли для того, чтобы качать в водовозную бочку? Очень дальновидно. Они проехали, пропахали в сугробах метров тридцать. И теперь их не вытащить ничем, кроме трактора. Наш водитель—горячий дагестанец—рванулся было выручать, еле отговорили.

Увы, но эта вахтовка абсолютно не приспособлена для подобных дел: у неё и фаркопа-то нет. Однако, на счастье водовозки, минут через десять нам встретились два «Кировца», видимо работавших на зимнике. Вот они вытянут её наверняка. Можно считать, что мужикам-водовозчикам на этот раз подфартило.

Впрочем, без удачи в дороге—никак не обойтись. Я это давно понял. В принципе, здраво рассуждая, нынешняя поездка была изначально невозможна—и всё-таки как-то состоялась. Во-первых, мы ехали по зимнику, который официально не был принят в эксплуатацию, то есть официально на тот момент никакой дороги на Сузун ещё не существовало. Во-вторых, ездить по дикой тундре сотни и сотни километров одной машиной—просто опасно: случись что—помочь ведь некому. Тем более что, в-третьих, никакой связи с внешним миром у нас с собой не было: сотовая связь здесь отсутствует, спутниковых телефонов с собой тоже нет, ничего нет. В-четвёртых, один из шоферо́в, ярый дагестанец, абсолютно не представлял себе, как следует ездить по тундре. Он сам являл собой жуткую опасность для всех остальных. Почему? Потому что человек не знал, что яркий снег слепит, что снежная дорога посреди снежного пространства может сливаться с окружающей местностью, что есть такое понятие «куриная слепота»—невозможность чётко видеть при ярком освещении. Так вот он, когда понял, что не видит дорогу перед собой, вместо того чтобы затормозить, постоянно переключался… на пятую скорость. А когда его спросили, зачем он это делает, отвечал, что инстинктивно пытался «поскорей проскочить неудобный участок», вместо того чтобы честно сознаться, что ничего не видит перед собой. По салону при этом летало всё, что не было пристёгнуто.

А не пристёгнуто не было ничего. На каждом сиденье формально находились ремни безопасности. Однако воспользоваться этими ремнями мне лично так и не удалось, ибо их длина была столь мала, что пристегнуть к ним можно было бы разве что дамский ридикюль, но никак не мужика в зимней полярной амуниции. Алексей «успокоил» меня тем, что сказал: мол, в прошлый раз было хуже, тогда у машины вдобавок не работали тормоза и сцепление, но всё как-то, слава тебе Господи, обошлось.

«Урал»—не наш, а обслуживающего автопредприятия. Приключения, связанные с этим фактом,

начались у нас с самого начала. Выезд от офиса планировался на восемь тридцать. Вахтовка явилась часом позже. И тут же выяснилось, что машина вообще не заправлена топливом, что у неё один бак вместо двух (хотя едем мы в места, где автозаправок нет и быть не может,— в тундру), что оба водителя не имеют ни путёвок, ни командировочных документов и что, естественно, ни один из них не взял с собой ни корочки хлеба в дорогу (словно они собирались обедать в придорожных кафе и столовых, которых, естественно, в безлюдной тундре не существует).

Наконец двинулись от офиса. Через минуту выяснилось, что «автономка» не работает. То есть в салоне нет никакого отопления. А на улице, между прочим, январь. И едем мы, кстати, в лютые крещенские морозы… Короче, первым делом все мы невольно оказались в гаражном ангаре автопредприятия, где водитель-даг побежал искать ремонтников. Дольше всех ему не удавалось найти начальника гаража и электрика, которых, увы, не было нигде. А когда появились, толку от этого не было всё равно. Электрик сказал, что сейчас посмотрит, после чего провалился в неизвестном направлении. Прошло ещё два часа. Обнаружить электрика или начальника более не удавалось никакими силами, ни в каком направлении, ни на каком рабочем месте. Они просто растворились. А сам водитель ремонтом заниматься не имеет права категорически. Зачем? Есть службы, есть специалисты. Наверное, есть.

И появились голубчики как раз перед тем, как наступил обеденный перерыв. Тут уже всем в гараже точно некогда: какая может быть работа, если столовая открыта? Всё-таки с помощью какой-то матери и невзирая на мрачную физиономию недовольного электрика, «автономка» заработала.

Кстати, оба водителя увидели тот самый «Урал», на котором им предстояло ехать в не самые оживлённые в мире места… утром в день выезда. Естественно, оба понятия не имели, что в нём есть, чего нет, и вообще — на ходу ли он. Пожилой усатый даг сказал, что с ноября его пересаживают на другую машину в восемнадцатый раз, и он каждый раз не знает, как поведёт себя в дороге порученный ему автомобиль.

Начинало темнеть, когда мы заглохли, отъехав от города километров на пятнадцать. Полетел патрубок, вытек тосол — охлаждающая жидкость для двигателей. Благо, что город всё ещё недалеко. Позвонили по сотику, через полчаса приехала дежурная «Газель», привезли патрубок. Один. Не того размера. Позвонили по сотику ещё раз. Механик гаража обиделся, и в этот раз машину ждали ещё часа два. Привезли другой патрубок. Этот, к счастью, видимо случайно, подошёл по размеру.

Так что в дорогу, к которой мы с Алексеем были готовы с половины девятого утра, в реальности мы отправились в кромешной вечерней темноте. Мы не знали, но чувствовали, что это — не последние поломки в нашем пути.

На обратном пути от Тагула до Русского отказало освещение приборной доски. За рулём был второй водитель, молодой татарин Руслан. Почему-то никакие его усилия оживить свет не помогли. И тогда произошло нечто сверхъестественное. По крайней мере, толкового объяснения тому водители дать не смогли. Расстроенный поведением приборной доски, Руслан вышел из кабины, резко хлопнув дверью. И тут же освещение доски загорелось. Ровно на ту её половину, которая была ближе к двери. Воодушевлённые шофера́ хлопнули второй дверью — доска осветилась полностью. Какова здесь логическая связь, не понял никто. Зато поняли главное: освещение работает, можно ехать дальше.

Ехали не слишком долго. От КПП Русского ровно пять километров семьсот метров. Я по навигатору определил. «Урал» заглох. Полетел ремень генератора. Так сказали шофера́. Ремни у них с собой были. После того как порвали пару ремней, оказалось, что дело вовсе не в ремнях. В салоне становилось всё холодней. Вышел из строя генератор. А значит, аккумуляторы перестали заряжаться, и печка вот-вот должна заглохнуть. Мало этого, когда разрядятся аккумуляторы, машина останется без освещения. Двигатель молотить будет, если его не выключать. Если горючее не кончится. А оно обязательно кончится, его и так оставалось почти впритык до города доехать.

Выход один: возвращаться на КПП, пока аккумуляторы работают, звонить оттуда в гараж и просить привезти новый генератор. Так и сделали. В будке охранников, по крайней мере, есть тепло.

Пока дозвонились, пока те, кто должны были нас выручать, поняли положение и начали рассуждать на тему «как нам организовать Рабкрин»… В общем, много воды утекло с той поры. Сердобольные охранники предложили чай, потом и покушать предложили. Чаю мы попили, от еды вежливо и грустно отказались.

Пока длилось ожидание, в полудрёме ко мне возвращались фрагменты увиденного за эти дни. Вот, весь в снежной дымящейся пыли, проносится мимо меня с ледяного берега Хеты вездеход геологоразведчиков, увешанный трепещущими на ветру флагами, словно ёлка. Здесь и флаг России, и флаг Украины, и флаг Ямала, и флаг Таймыра, и флаг Туруханского края. А вот аккуратный вагончик маркшейдера Распопина на Сузуне. Его самого нет, он в отпуске, но есть чайник, есть две постели, стол, стулья, два больших монитора, сушилка для обуви, умывальник, масляные обогреватели — короче, всё, кроме туалета. Туалет на Сузуне — в железном синем контейнере, какие грузят на баржи в портах. Не сразу и догадаешься. А какую замечательную

ароматную выпечку готовят в здешней столовой три татарки — поварихи Лола, Регина и… третью не помню по имени. Пирожки с яблоками с пылу с жару — всем понравились, не только мне.

Глаза мои полуприкрыты. В ушах — копошатся шорохи снега. Существует понятие «поющие пески», это происходит, когда песчинки под влиянием ветра трутся друг о друга. Чем больше масса текущего песка, тем выразительнее звук — от тихого писка до мелодии орга́на. Издают звуки лишь сухие пески. Люди говорят, что так говорят духи пустыни. Но снег на морозе тоже бывает сухим, как песок. Он и движется, как песок, собираясь в точно такие же барханы. И мне кажется, я слышал то, что можно назвать поющими снегами. Среди шороха прорезались тявкающие звуки. Да это уже не снег, это песцы. Перебегают с места на места, носом чувствуя: где человек — там и пища.

Прибегают они к столовой на Тагуле. Вьются около помойки. Но это — когда нет собак. Когда же возле рабочих вагончиков появляются мохнатые друзья человека, то тагульским работникам сразу понятно: опять местные кочевые ненцы «ушли в крутое пике». Выпивка — бич не только для людей, но и для их собак. Пока люди пьют, их ведь кормить некому. Вот и бегут от чумов и стойбищ к столовским поварихам: авось не прогонят, подкормят. Вот как они угадывают, что хозяева протрезвели и можно возвращаться, — загадка. Но однажды собаки вновь бегут к чумам и стойбищам. И тогда снова появляются тявкающие песцы.

Сейчас я слышу песцов. Значит, собаки вернулись. Вот они, возле ненецкого костерка на перекрёстке зимних дорог. И нарты, и олени, и хозяева их — все тут. Однако, рыбу продают шофера́м. Перекрёсток бойкий, машины на Ванкор едут часто. Правда, рыба мелковата и цена неглупая. Ненцы цены знают, не продешевят. Зато кто захочет — может с оленями сфотографироваться. За так. Приезжим — экзотика. Местным — бесплатная реклама…

Всё, хватит дремать. Пригрелся тут. Пора в дорогу. Генератор наконец привезли. Поставили уже. «Урал» бодро шумит. Рассаживаемся и едем. Руслан радостно сообщает, что генератор новенький, только пока прилаживали, все ремни порвали. Вернее, не все. Последний остался. Вот он один и крутится теперь. Последний ремень… А что, если и он по дороге выйдет из строя? Что делать будем?

Смеётся татарин. Говорит, начальник ему велел завтра на этой же машине ехать в другую «тмутаракань» — Юрхарово, в новую командировку. Так что последний ремень обязательно нас довезёт, не подведёт. Ему ведь кивать и надеяться уже не на кого, он же — последний. Доедем!

Литературное Красноярье ∴ ДиН дебют

Ирина Букал

Автостопом!

На карте мира алыми флажками
отметь места, где мы не побывали.
Ну вот, гляди, весь мир неведом нам.
Давай всё бросим? Схватим чемодан,
рюкзак походный, деньги, паспорта.
Пусть нам вослед они кричат: — Куда
уходите? Да жизнь — она ведь тут!
Пусть они дальше богатеют — и умрут
в своих гробах, обитых блеском шёлка.
Пусть дальше вьются нитью за иголкой
Ведомые. Безвольные объекты.
Поедем к племенам, чьи диалекты
неведомы всезнающим лингвистам.
В страну цветов, полей и чистых рек,
что вьются голубою лентой быстрой.
Какие глупости возвысил человек.
Какие пошлости его стесняют сердце.
Лишь звон монет ему лелеет душу.
А то, что, в сущности, он никому не нужен…
Так это никому не интересно.
Скажи, что нам такими не бывать.
Что будем с солнцем утренним вставать
и продолжать свой бесконечный путь,
росой прохладной омывая стопы.
Скажи, что мы с тобою автостопом
пройдём весь мир: от гор до дюн песчаных.
И что никто не станет нас искать —
потерянных, счастливых, безымянных.

Виталий Пырх

Ласточкино гнездо

Ласточкино гнездо

Они появились внезапно, как будто упав с неба.

В один из апрельских дней, когда наша семья копошилась в саду, на бельевую верёвку, протянутую во дворе, уселась пара ласточек. Птички весело зачирикали, с интересом поглядывая окрест, и, казалось, изучали нас. А мы, разумеется, смотрели на них: с какой они целью? Просто так залетели или как? Неужели поселятся?

А надо сказать, что к ласточкам на Украине до сих пор отношение благоговейное. Я ни разу не слышал, чтобы ласточкино гнездо, свитое под крышей, до которой от земли рукой подать, кто-то намеренно разорил — не было такого.

Этих юрких и чернокрылых птичек на Украине любят…

Уж и не знаю, по каким там птичьим законам, но селятся ласточки не везде. Вроде даже избегая добротных с виду домов, а выбирая для своих гнёзд самые обыкновенные строения, иногда даже под саманной крышей, в двух вершках от земли. Словно одаривая этим за что-то хозяев.

«Заиметь» ласточкину семью считалось делом престижным и богоугодным, но как? Птицам ведь не прикажешь…

Поэтому на нашей городской окраинной улице, где мы жили, насколько я теперь помню, не было ни одно ласточкиного гнезда. До самого того апрельского дня, о котором я упомянул.

Посидев несколько минут на бельевой верёвке и вволю начирикавшись, ласточки улетели, чтобы потом, через пару часов, снова появиться на прежнем месте.

— Ей-богу, начнут строить гнездо, — заметил, отрываясь от работы, отец. — Если только кота не заметят…

А кот был у нас видный.

Минувшим летом отец принёс откуда-то с работы маленького рыжего котёнка, и мать, чтобы он не внёс в дом какой-нибудь заразы, тут же поместила его в большую алюминиевую миску и густо намылила с ног до головы едким хозяйственным мылом.

Оно, конечно же, сразу же попало котёнку в глаза, тот вырвался из рук и, весь, как и был, в мыльной пене, бросился наутёк — подальше от злополучной миски.

Но так как глаза его были закрыты, то и понесло его на собачью конуру, вблизи которой властвовал на цепи Шарик — тоже огненно-рыжего цвета пёс.

Увидев бежавшего прямо на него кота, тот струсил и, за неимением другого выхода, проворно юркнул в собачью будку. Даже не высунув оттуда морды!

Зато котёнок, ткнувшись в деревянную конуру, тут же сообразил, что это такое, и стремглав развернулся на сто восемьдесят градусов.

Его поймали, опять затащили в миску и смыли наконец пену. А потом бережно вытерли какой-то тряпкой насухо.

Со временем Мурчик превратился в огромного и пушистого кота, почти не уступающего по своим размерам собаке, с которой у него сложились вполне приятельские отношения. Он не лез без лишнего повода к собаке, а она не замечала существования кота.

Бывало даже, что и кормились они из одной миски, пока кот не повзрослел окончательно.

А повзрослев, Мурчик стал охотиться не только на мышей, которых вокруг было немало, так как многие держали живность, а где коровы или свиньи, там всегда в изобилии и грызуны, но нет-нет да душил он и крыс, на что способен, как говорит мой жизненный опыт, только один кот из ста.

Пойти на крысу с открытым забралом, да ещё где — на Украине! (ведь недаром их там называют пацюками — по своей упитанности и размерам они скорее напоминают маленьких свиней, чем крыс) — отважится далеко не каждый кот. Крысоловом нужно родиться. Потому что выйти живым после такой охоты у кота столько же шансов, сколько и у крысы.

Но Мурчик душил их десятками, аккуратно складывая омерзительные свои трофеи возле крылечка в надежде получить от моей матери мисочку деревенской сметаны, которая всегда полагалась ему после такой удачливой охоты.

И всё же не мыши и не крысы представляли для нашего кота главную добычу: уж чего он вообще не мог терпеть, так это птиц! Стоило только воробьиной стае прилететь откуда-то из посадки и усесться на яблоне или на груше, как кот преображался. Он как бы расползался по земле и скатывался жёлтым шарфиком поближе к стволу

дерева. А потом незаметно исчезал в ветках, чтобы через какое-то время спрыгнуть оттуда на землю с очередной пернатой добычей в зубах!

Как я его ненавидел в такие минуты, как ругал! Мне так было искренне жаль несчастных птичек, которых он потрошил с каким-то садистским азартом.

Но, видимо, кот ничего не мог с собою поделать, и мало-помалу все к его «шалостям» привыкли. Наверное, в прошлой жизни птички ему чем-то особенно насолили…

А когда в саду поспевала черешня и тучные стаи прожорливых грачей ежеминутно усаживались на тяжёлых негнущихся ветках, чтобы полакомиться дармовой пищей, то даже жалеющая воробьёв моя мать специально подзуживала кота:

— Пойди-пойди, Мурчик, погоняй гадов — всю черешню расклевали!

Но Мурчика упрашивать было не нужно: он уже давно сидел под деревьями, яростно разглядывая копошащую на ветках добычу. И смело полз по стволу навстречу своей очередной жертве…

Прошло только одно лето, и все мы с удивлением заметили, что птички стали облетать наш сад: присутствие на территории такого воинственного кота стало их отпугивать.

А меньше в саду птиц — больше на деревьях гусениц, это же аксиома.

И вот уже отец заворчал на бедного кота: распугал, мол, всю живность, а кто теперь с бабочками и метеликами будет бороться?

Но кот не обращал на эти стенания никакого внимания: прирождённый охотник, он зорко следил за тем, чтобы на вверенной ему территории были тишина и порядок. А птицы этот порядок нарушали.

И тут появились ласточки…

— Ни за что они не станут у нас селиться, — сказала мать, и никто ей не возразил.

Они же не сумасшедшие! Им нужно потомство вывести, ухаживать за ним, научить его летать, а тут такой кот. Зачем лишние сложности? Вон сколько домов на улице, выбирай любой.

Но ласточки что-то там ещё почирикали между собой, покрутились, повертелись, а потом, не обращая никакого внимания на гуляющего по подворью кота, принялись летать на какой-то водоём в поисках грязи и глины. И, обильно смачивая её своей слюной, быстро возвели под крышей что-то похожее на перевёрнутый ковшик — ласточкино гнездо.

Мы так и онемели. Вот это да! А кот?

Мурчика их вездесущая деятельность тоже заинтересовала. Усевшись напротив, он долго сидел, задрав голову кверху, и гневно сверкающие его глаза не обещали занятым работой птицам ничего хорошего.

Тут уже не выдержал я.

— Тронешь, — показал я ему кулак, — задушу. Задушу, как крысу…

Кот, как мне показалось, презрительно фыркнул, чуть отодвинулся в сторону, но смотреть вверх перестал: меня он побаивался и любил.

Во-первых, я его кормил, а коты этого не забывают. А во-вторых, мы с ним были как одно целое. Бывало, возьму его за четыре лапы, передние — левой рукой, задние — правой, и положу себе на шею в виде лисьего воротника.

— Мам, а у меня лиса на плечах!

Мать оторвётся от своих дел, посмотрит на нас и только улыбнётся в ответ:

— И как это он всё терпит, не пойму… Мне он себя и погладить не даёт.

Потом я стал брать кота на уроки в школу: засуну его под одежду на живот, и кот терпеливо сносил эту пытку в течение сорока пяти минут!

Иногда, правда, начнёт шевелиться, рваться наружу. Но я на него прикрикну — урок ведь идёт! — и кот успокаивается. Терпит до перемены.

Потом я его отпускал, и кот несколько часов шёл домой, хотя расстояние до школы было всего триста метров.

Но одно дело — школа, и совсем другое — охотничьи инстинкты. Как быть? Как уберечь ласточек от этого прожорливого гада?

А ласточки между тем закончили строительство своего жилища, навели в нём порядок, нанесли туда пуха, сделав из него мягкую подстилку. И в гнезде появились, видимо, яйца, потому что теперь летать птицы стали по одной. Одна находилась в гнезде, а вторая в это время кормилась. Потом они менялись ролями.

Я никогда не забуду тот день, когда у ласточек появились птенцы. Как только кто-нибудь из родителей подлетал к гнезду, как оттуда сразу же высовывалась целая ватага большеротых пичуг, и во дворе поднимался такой гвалт, что хоть уши затыкай. Один из птенцов принимал корм, а родитель тотчас же устремлялся прочь в поисках следующей добычи. И через минуту возвращался обратно, держа в клюве бабочку или комара.

— Да у них одни рты вместо головы, — не выдержал я, глядя на эту бесконечную кормёжку. — Как они накормят такую ораву?

Но ласточки управлялись, и птенцы подрастали быстро. И скоро у нас не было иного зрелища, чем наблюдать за птицами. Даже отец, когда выпадала свободная минута, ставил стул напротив гнезда и долго любовался тем, как дружно и слаженно действуют птичьи родители.

А ведь действительно было на что посмотреть! Когда птенцы подросли, аккуратные ласточки утроили свои усилия, чтобы содержать гнездо в абсолютном порядке.

Ласточки — не голуби, гадить вокруг себя они не будут, и как ни присматривайся, а вокруг

ласточкиного жилища не увидишь птичьего помёта. Как только у большеротого недоросля наступала минута, чтобы справить нужду, и он поворачивался в гнезде задом, как тут же к нему подлетал родитель и мгновенно схватывал клювом готовые упасть на землю птичьи экскременты.

А потом уносил всё это добро за тридевять земель.

— Ты посмотри, какие молодцы! — восхищалась мать, глядя на такую аккуратность. — Иным бы людям не мешало этому поучиться…

Постепенно и кот начал привыкать к нашим посиделкам, хотя при виде птиц, летающих у него прямо над головой, — тут уж ничего не поделаешь, инстинкт есть инстинкт, — шерсть у него вставала дыбом.

А ласточки, увлечённые выращиванием своего потомства, не обращали на нас никакого внимания. Хотя, как мне думается, они тоже чувствовали то тепло и нежность, с которыми мы относились к ним.

А потом мы стали замечать, что со временем в нашем саду стали происходить удивительные вещи: если поначалу вездесущие родители, покормив птенцов, тут же возвращались с новой добычей, то чем старше те становились, тем дальше им приходилось за нею летать.

Видимо, вся эта мошкотня — бабочки, мухи, комары, метелики — давно уже пошла на прокорм прожорливых птенцов.

А те всё требовали и требовали новой пищи!

— А ведь действительно гусеницы стало меньше, — как-то одобрительно заметил отец, разводя, как обычно, медный купорос, чтобы обработать деревья. На яблонях начинали наливаться плоды, а это самое время для плодожорки. — Неужели ласточки?

— А то, — подхватил я и поведал отцу о недавно прочитанной мною статье в воскресном приложении «Сельский вестник» за 1910 год. (Вот времена были — не чета нынешним: какое отношение к русскому языку! В начале двадцатого века даже приложение к журналу именовалось не как приложение, а как воскресное прибавление. Звучит сейчас как музыка…) Статье, посвящённой полезности птиц.

Рассказывая о повадках того или иного пернатого «друга», автор публикации С. Логинов не пожалел целой журнальной страницы для того, чтобы наглядно продемонстрировать русскому крестьянину стоимость работ, выполняемых птичкой на его поле или в саду за один год.

И оказалось, что по своей полезности для человека такие птахи, как, например, ласточки или щеглы, не только не уступают курам или гусям, а в чём-то даже превосходят их.

Судите сами: за один только летний сезон одна быстрокрылая ласточка поедает всевозможных насекомых и вредителей сада на тридцать восемь рублей. (И это в ценах 1910 года, когда за один пореформенный российский рубль давали полмешка американских долларов! И когда корова в Российской империи стоила не дороже пяти рублей!)

— Да ну, — не поверил отец, — то корова, а то — ласточка…

— А вот представь себе, что это так. Ночная сова, например, уничтожает за год грызунов на тридцать рублей. А козодой и летучая мышь — поедают вредных насекомых и гусениц на пятьдесят пять рублей! Даже маленькая синичка и та приносит пользу — съедает всякой нечисти на тринадцать рублей. Представляешь?

— Ну и ну, — только и сказал мне на это отец, поражённый не столько моей учёностью, сколько самим фактом пересчёта уничтоженных насекомых на рубли.

Но против науки, как говорится, не попрёшь…

И вскоре наши ласточки стали как бы членами нашей семьи. Выйдя утром из дома, мы первым делом вскидывали головы кверху: всё ли у них на месте, всё ли в порядке? И только потом принимались за свои обыденные дела.

В один из жарких летних дней пришлось мне отлучиться из дома на несколько часов. А когда вернулся обратно, не поверил глазам: возле крылечка, на привычном для Мурчика месте, стояла его миска, до самого верха наполненная густой деревенской сметаной. А сам кот сидел от неё поодаль, лениво облизывая роскошные рыжие усы.

— Вот это да! — удивлённо воскликнул я при виде такой картины. — А где же задушенные крысы? За что такая честь?

И тут моя мать поведала историю, от которой у меня по телу побежали мурашки. Копаясь, как всегда, в огороде, она вдруг услышала истошный ласточкин крик, прерываемый тонким писком. И тут же поспешила во двор, поняв, что что-то случилось.

Так оно и вышло: подросшим птенцам стало тесновато в ласточкином гнезде, и один из них, видимо, самый крупный, не удержался за краешек и… вывалился на землю. Причём — прямо под ноги коту, который хоть и делал вид, что ласточки его больше не интересуют, но тем не менее пристально следил за всеми их перемещениями.

Да для него это было настоящим оскорблением!

Тем более что только вчера его хорошо проработали за конфликт с нашим красно-коричневым красавцем-петухом, драчливый характер которого знала вся улица. Обычно петух при виде кота вставал в свою бойцовскую стойку и так яростно начинал грести землю ногами, что Мурчик, не желая с ним связываться, равнодушно отворачивал морду в сторону и проходил мимо: домашних кур он презирал.

А тут кот почему-то не выдержал и резво замахнулся на петуха лапой: знай, мол, своё место, паршивец!

На его несчастье, это заметила мать, подметавшая двор, и тут же тяжёлая метла полетела в сторону кота. Метла пролетела мимо, но кот это запомнил, и где-то часа два или три его не было видно.

На несправедливость он обижался, как ребёнок.

А тут даже не петух, а птенец, да какой! Только одним когтем двинуть…

Но случилось невероятное, и об этом потом рассказывали целые истории, всё время обраставшие новыми деталями: не обращая внимания на кричащих над его головой ласточек, готовых пожертвовать своей жизнью ради спасения выпавшего из гнезда птенца, кот шумно втянул в свои ноздри воздух, внимательно посмотрел на возможную свою жертву, а потом спокойно развернулся и ушёл. Как будто перед ним был не птенец, а заводная игрушка.

А может быть, и он проникся с нами тем благоговейным обожанием, которое испытывали мы, глядя на этих удивительных птиц?

— Молодец ты мой,— растрогался я и, не скрывая своих чувств, обнял кота.— Молодец…

Кот, конечно, понимал, что речь сейчас идёт о нём, о его необыкновенном подвиге, но такая уж у него была натура: на всё и всех в этой жизни он смотрел философски. И только тогда, когда я ласково потрепал его по загривку, Мурчик не удержался и привычно замурлыкал: на этом его философское спокойствие заканчивалось…

Наверное, и в мире птиц существует почтовая связь, потому что уже через несколько минут на наше подворье слетелось чуть ли не полтора десятка «чужих» ласточек. Они что-то там выговаривали нашим жильцам, видимо, осуждая их за недостаточно надёжно оборудованное гнездо, а может быть, просто наставляли уму-разуму подрастающее потомство.

Побывавший на земле птенец сидел, нахохлившись, где-то в глубине гнезда и, видимо, понимал, что это его поведение стало поводом для разборок.

Потом ласточки так же внезапно улетели, и всё пошло обычным чередом. До тех самых пор, порка птенцы совсем не выросли и не научились летать. Ласточкино гнездо опустело.

Но пополневшая семья по-прежнему не покидала наше подворье. Немного подкормившись, птицы надолго усаживались на бельевой верёвке и что-то там обсуждали до позднего вечера. Наверное, готовились психологически к долгому перелёту в тёплые края.

А наш кот, по-прежнему не дававший спуску ни воробьям, ни грачам, абсолютно потерял к ласточкам интерес. И равнодушно внимал этой птичьей трескотне, нежась на августовском солнце.

На следующий год ласточки появились опять и снова вывели птенцов. Радуя нас аккуратностью и почти человеческой заботой о своём потомстве.

Потом они прилетали ещё и ещё…

А когда «наших» ласточек не стало— то ли умерли от старости, то ли погибли где-то в дороге,— их место под крышей заняли другие. Возможно, даже те, кто когда-то родился и вырос в нашем дворе.

В последний раз ласточкино гнездо становилось обитаемым в самом конце восьмидесятых годов, когда моя мать уже серьёзно прихварывала. Я помню, как однажды она, глядя, на очередную чернокрылую пару, уютно устроившуюся у нас под крышей, тихо сказала:

— Только бы это случилось не зимой— нанесут вам в дом люди грязи на своих ногах… Будете маяться. Умереть бы на Спас, в любимый мой праздник…

Моя мать умерла, как и просила, в Яблочный Спас. Да и отец, переживший её всего на два года, ушёл из жизни в жарком и сухом сентябре.

В дом наш грязи не нанесли: перед тем как попасть на кладбище, оба они лежали на том самом дворе, где по-прежнему гнездились чёрные, как траур, ласточки…

Недавно я снова побывал у себя на родине, в Запорожье. Смахнул пыль с родительских могил, повстречался с друзьями. Но впервые за многие годы не стал наведываться в родительский дом. Зачем? Живут в нём сейчас почти чужие мне люди, и нет во дворе ни кота, ни собаки.

Да и ласточки в этом доме больше не селятся.

Фифочка

Вот и не верь после этого в судьбу! Вчера, играя в карты с приятелями, мы неожиданно заспорили: а что было бы, если бы каждому из нас пришлось прожить свою жизнь заново? Пусть с теми же действующими лицами, с теми же героями, в тех же обстоятельствах… Всё было бы так, как было, или же по-другому?

— Ух и задал бы я тогда нашим девчатам!— мечтательно закрыл глаза Леонид, недавно женившийся, кажется, уже в шестой раз, но тем не менее снова активно косившийся «налево».— Скольких я тогда «пожалел» на нашем курсе…

— А я бы, наверное, сменил профессию,— поддержал его Борис.— Стал бы геологом или экономистом.

Борис у нас всё время носил «для солидности» чёрную курчавую бородку, и с ним никто спорить не стал. Ведь все геологи ходят с бородами. Да и экономисты, наверное, тоже. Сидишь за столом, копаешься в цифрах, а левая рука твоя— в волосах… Хорошо!

— А ты чего молчишь?— повернулись ребята ко мне.— Как бы ты прожил свою жизнь? Ничего не меняя?

Я отложил в сторону карты и задумался.

— Да нет, наверное, почему же… Что-то бы в ней поменял…

И потом рассказал приятелям про один случай, произошедший со мной ещё на заре туманной юности…

Учился я тогда на втором курсе металлургического техникума, после семи классов, и мало-помалу осваивал семейную профессию: мой отец тоже работал на металлургическом заводе. Но в пятнадцать лет о продолжении семейной династии задумываешься мало. Да и времена тогда были нелёгкие. Всего чуть более десятка лет прошло после окончания войны, многие семьи на Украине жили ещё трудно. Во всяком случае, я, помнится, частенько под разными предлогами привозил к себе домой ребят, живущих в общежитии, чтобы подкормить.

Не скажу, чтобы моя мать была довольна этими набегами, мы ведь тоже особенно не шиковали, но кормить всё-таки нас она кормила. Да и как можно было не кормить, если стипендия на втором курсе в техникуме была всего двести дореформенных рублей! Её не хватало и на полмесяца жизни…

Поэтому практиковавшиеся тогда частые выезды, вместо учёбы, на сельскохозяйственные работы осенью мои сокурсники воспринимали как манну небесную.

Во-первых, можно было отойти хоть на время от зубрёжки основ марксизма-ленинизма, которые нам вдалбливали в голову покруче металловедения и термической обработки металлов. А во-вторых, в деревнях нас кормили, и кормили очень даже прилично.

А в тот раз, как мне помнится, повезли нас на уборку томатов — в какое-то овощное хозяйство, расположенное в нескольких десятках километров от города.

Разместили в бараках — отдельно мальчиков, отдельно девочек. Спали мы в одной большой комнате, куда были внесены железные кровати, а когда в помещении находится сразу несколько десятков молодых парней, то можно себе представить, какой это был отдых!

Мы и веселились после работы до упаду, да так, что в иные ночи не спали вовсе и ходили потом по совхозному полю, усеянному ненавистными томатами, понурив головы.

Располагались наши бараки почти на берегу реки, от которой по вечерам поднимались целые тучи комаров.

Чтобы представить себе наши детские шалости, расскажу только о двух. Однажды мы, дождавшись, пока уснёт Миша Ходыкин, крупный такой деревенский увалень, приехавший «учиться на металлурга» из далёкого села, потихоньку вынесли его массивную кровать за пределы барака. А потом, стараясь не шуметь, спустились с ней на речной берег и установили кровать прямо в воде — метров за пять от береговой полосы.

Думаете, что потом мы разбудили спящего и заставили его осознать происшедшее?

Как бы не так! Мы опять на цыпочках вернулись в свой барак и несколько часов кряду корчились в своих кроватях от смеха, представляя на все лады Мишино пробуждение. Как он себя, проснувшись, поведёт? Что скажет?

Или другой прикол, попроще. Свернув газетные трубочки, мы их засовывали спящему между пальцами на ноге и потом поджигали. Смеху было поменьше, конечно, зато веселья — хоть отбавляй.

Глупая, беззаботная юность! Казалось, что и мы, вовсе не нюхавшие пороха, расстаёмся так с недавней и страшной войной…

Однако была и ещё одна деталь, о которой я забыл упомянуть. Курс, на который я поступил учиться, был в своём роде уникальный: вместе с нами, вчерашними семиклассниками, на нём учились и те, кто пришёл в техникум после десятилетки. Таких в группе было даже чуть больше.

Произошло так потому, что в техникум в тот год можно было поступить только на ту специальность, на которую поступал я, а для окончивших среднюю школу набора вообще не было. Но и на завод ведь без специальности в кармане не пойдёшь! Вот и пошли они учиться вместе с «семилетками», и не два, как положено было в их положении, а целых четыре года!

Можно себе представить, какими жадными глазами следили мы за вполне уже сформировавшимися девушками-переростками — сверстницы занимали наши умы меньше.

Конечно, одевались они не так, как одеваются нынешние модницы, но пятнадцатилетние пацаны этого не замечали. Они были для нас как богини. Красивые и недостижимые.

И даже на таком фоне светловолосая Рая Бондаренко выглядела как царица. Великолепная точёная фигурка, тонкая талия — куда там Гурченко, дьявольски пышная грудь… Я сам частенько, сидя на лекции в аудитории, косил в её сторону, любуясь водопадом волос, спадающих на красивые плечи (тогда я ещё не знал, что не все на свете блондинки имеют «свои» волосы!).

Наверное, и она замечала моё любопытство, но дальше невольного скрещивания взглядов у нас не пошло. А тут подошёл к концу первый курс, и до меня стали доходить разные слухи. Помню, лежали мы однажды на хорошо уже прогретом речном берегу — здание нашего техникума тоже было недалеко от берега, и Жорка Махотин, мой приятель, небрежно, как бы мимоходом, бросил:
— А ведь животик у нашей Раечки округляется… Замечаете?

Я посмотрел в его сторону, где на речном песке вместе с остальными девушками загорала

на жарком майском солнце и Рая Бондаренко, и внезапно почувствовал озноб.

— С чего ты взял? Что ты имеешь в виду?

— А то, что и все: беременна наша Раечка!

— Ну ты даёшь!.. От кого?

— А это ты у неё спроси…

Вот так всегда: самые «жаркие» новости я узнаю на курсе последним…

Но Жорка Махотин не ошибся, и через какое-то время уже и я стал замечать, что животик у нашей белокурой богини действительно стал округляться. Не зря, значит, ходили разговоры о каком-то её взрослом романе с одним мужчиной, поговаривали даже о свадьбе, но потом, ещё в канун летней сессии, что-то у них разладилось, и вскоре всё стихло. А Раечка Бондаренко попросту исчезла! Пропала, и всё. Даже сессию не стала сдавать. Мы корпели над конспектами, после экзаменов шли на городской пляж купаться, а она вроде бы и не училась с нами никогда.

Я уже даже стал забывать, как выглядят её голубые глаза на фоне изумительных жёлто-золотистых волос.

А потом наступило лето, все мы разъехались кто куда, и когда в сентябре снова собрались вместе, то выяснилось, что и Рая Бондаренко будет учиться с нами. Летом она, оказывается, всё же сдала требуемые экзамены, получила зачёты и снова заняла своё место в аудитории.

Была она уже «без живота» и почти такая же красивая, как и прежде. Вот только в голубых её родниковых глазах появилась какая-то затравленная жалость.

Так, наверное, смотрят на этот мир собаки, когда их разлучают навсегда с только что родившимися щенками.

Но вот что интересно: как только наша беглянка появилась на курсе, так сразу же вокруг неё установилась атмосфера отчуждения и неприятия. По какому-то негласному правилу все тут же отворачивались в сторону или же утыкались носом в свои конспекты. С нею не здоровались, не разговаривали, её не замечали.

Я часто потом возвращался к этим пятидесятым годам и всё пытался понять истоки этого отношения. Ни священника не было среди нас, ни работы разъяснительной никто не проводил, а вот поди ж ты — такое единодушное осуждение!

Неужели это тоже была реакция на недавнюю войну, стоившую нам столько жертв?

Но меня проблема абортов занимала мало. И в свои пятнадцать лет я искренне полагал, что иметь или не иметь детей — это всё же решает не государство. Да и не мы, её однокурсники. И продолжал относиться к Рае Бондаренко, как будто ничего и не произошло.

Что-то подсказывало моему подростковому инстинкту: не судите сами, да не судимы будете!

Помнится, подошла она как-то к нам на перемене — мы сообща покуривали под незатейливые песенки, исполняемые по местному радио, — и, обворожительно улыбаясь, попросила:

— Мальчики, а у вас можно на минутку спичку?

И что наши «мальчики», ещё недавно готовые в ответ на её просьбу голыми руками таскать из костра угли?

Да они просто отвернулись. Все как один, как по команде.

И только я как ни в чём не бывало вытащил из кармана коробок спичек и протянул его ей.

— Спасибо! — вернула она мне его обратно и снова улыбнулась, да так, что у меня мурашки по ногам пробежали.

И пошла по своим делам, легко щёлкая каблуками.

Мы продолжали мило здороваться при встречах, переглядывались на лекциях, и я всегда её защищал, когда возникали разговоры в мальчишеской среде. Иногда мы даже оказывались рядом, но я считал себя последним на курсе уродом и стеснялся такой красивой девушки.

И вот теперь мы тоже были почти рядом, в соседних бараках, и мало-помалу стали осваивать нехитрое ремесло сборщиков томатов. Уж и не помню, по какому такому поводу, но в один из сентябрьских вечеров мы что-то там решили отметить и, приготовив нехитрую снедь, пригласили девочек на совместную пирушку.

По-моему, закусывали мы одними только помидорами, которые лежали в бараках в огромных плетёных корзинах, но пили-то водку…

А сколько её надо, когда тебе всего пятнадцать лет?!

И я вскоре почувствовал, что захмелел. Наверное, это почувствовала и Рая Бондаренко, которая была в числе приглашённых — на этом настоял я.

— Может, прогуляемся? — подошла она ко мне.

— А почему бы и нет? — ответил я, и мы через минуту вышли к пологому речному берегу, с удовольствием вдыхая после жаркого дня сырой речной воздух.

Где-то там, на горизонте, светился большой город, сливались со звёздами огни металлургических заводов, а большая жёлтая луна висела на чёрном небе как абажур.

— Хорошо-то тут! — выдохнула моя спутница и чиркнула в темноте зажигалкой.

От прикуренной сигареты её лицо озарилось как сполохом. Я с трудом поспевал за своей однокурсницей, изо всех сил стараясь продемонстрировать ей свою трезвость, и это получалось всё хуже и хуже. Зачем я попёрся сюда, мелькнула мысль, в такую темень?

А Рая что-то там строчила про своё — про то, как ей тяжело стало учиться, про то, что она не понимает такого отношения к себе.

Потом она вдруг обернулась и внимательно посмотрела на меня.

— Ты меня тоже презираешь?

— Да что ты! — воскликнул я. — С чего мне тебя презирать?

Тогда она ближе подступила ко мне, и я почувствовал её грудь. Такой красивой груди я больше в своей жизни не встречал.

— Поцелуй меня, — попросила она. — Поцелуй!

— Ну что ты, зачем? — я отстранился.

Её волшебная грудь перестала на меня нажимать. Но Раины глаза внезапно сверкнули.

— Так всё-таки брезгуешь?

И я едва устоял на ногах от её сильной пощёчины…

Девушка стремительно развернулась, бросилась вверх по узкой тропинке — в сторону черневших неподалёку бараков. И я догонять её не стал…

— А сейчас? — ехидно переспросил Борис, когда я поведал друзьям эту грустную историю. — Сейчас ты бы тоже её отпустил?

— Сейчас? Даже не знаю… Но почему-то я часто возвращался в мыслях к этому эпизоду… Как бы поступил, окажись в той же ситуации сейчас, не знаю… Конечно, я был откровенно пьян, а ещё воспитан в том же ключе, как и большинство моих сверстников. «Не дай поцелуя без любви» — разве не это было записано в дневнике у Зои Космодемьянской?

— Во куда загнул! — искренне удивился Леонид. — Про Зою Космодемьянскую вспомнил… Ты бы ещё про «Капитал» Карла Маркса припомнил… Да ты бы сейчас с Раечки, повторись ситуация один к одному, неделю бы не слез. Поверь мне на слово!

— Может быть, и так, не знаю, — согласился я, и вскоре мы разошлись.

Картёжные игры надоели, да и время было позднее.

Уже выйдя из чужого дома на главный в городе проспект и дойдя до известного памятника знаменитому местному художнику, я вдруг обратил внимание на редких в это время прохожих и… остолбенел. В паре шагов от меня шла молодая пара — он и она, и они о чём-то весело щебетали друг другу.

За спиной у юноши болтался модный сейчас рюкзачок, а в левой руке он держал жестяную банку.

Такая же банка была и у неё, но что они пили на ходу — пиво или ещё какой-нибудь там возбуждающий напиток, я не заметил. Потому что во все глаза смотрел на её до боли знакомую фигурку.

Те же точёные ножки, та же осиная талия, те же белокурые волосы, спадающие на красивые плечи… Как будто, надсмеясь над временем, полвека спустя снова шла передо мной Рая Бондаренко.

Тогда она вскоре окончательно исчезла с моего горизонта, не выдержав осуждения. А я стал её забывать.

И вот она опять идёт по городу, и снова сердце предательски зашкаливает в груди.

На перекрёстке зажёгся красный свет, и, сам того не желая, я нагнал парочку. И тут же стал невольным свидетелем их разговора. Вернее, не разговора, а тех двух фраз, которые я услышал, пока на светофоре опять не зажёгся зелёный.

— Ты бы поменьше (тут он употребил отборное ругательное слово) жрала бы это шампанское (опять мат). Так же обосцаться (снова матерное слово) можно! Разве не так? (Он умудрился смачно выругаться ещё и в конце этого незатейливого предложения.)

Но спутницу это не смутило. Она, отпив в свою очередь глоток из жестяной банки, мило прощебетала в ответ:

— Ну ты даёшь (мат)… А сам? (Снова мат.)

Тут зажёгся зелёный, и я, словно заждавшийся автомобиль, резко рванул вперёд — позавидовал бы и Шумахер…

А пройдя с десяток метров на одном дыхании, сбавил ход, чтобы отдышаться.

Нет, это была не Рая Бондаренко, не она. Я ошибся.

Старик Тимоша

Поезд уже подходил к Екатеринбургу, когда старик Тимоша вышел в коридор вагона, чтобы «покурить». Ехал он в купе один и мог бы не церемониться, но теснота четырёх стен угнетала, и хотя он давно, ещё в молодости, бросил курить, время от времени у него появлялось это желание — выйти на ковровую дорожку вагона и, чувствуя спиной полузакрытую дверь, постоять часок-другой у запылённого оконного стекла, вглядываясь вдаль.

За окном уже потянулись знакомые городские окраины уральской столицы, а чёрный снег по обочинам напоминал о том, что впереди — большой город.

Вообще-то старика звали Тимофей Петрович Лыткин, но это прозвище за ним — старик Тимоша — закрепилось ещё со студенческих времён, проведённых здесь же, в Екатеринбурге. Прилетел он в этот славный уральский городок в конце шестидесятых годов минувшего столетия из солнечной Украины и поступил без каких-либо особых сложностей в местный университет, считавшийся тогда одним из лучших в стране.

Впрочем, город тогда носил другое название — Свердловск…

Но как это было давно! Старик Тимоша на днях разменял восьмой десяток и, глядя в помутневшее от пыльных дорог окно, с трудом различал всё те же станционные пути. Ехать ему оставалось минут пять-десять, не больше, и он опять вернулся

в купе, где на нижней полке напротив уже стояла приготовленная к выходу дорожная сумка.

Старик поставил её рядом с собой, облокотился, и что-то вроде сонного забытья нахлынуло на него…

— Ну ты даёшь, старик! — не поверил Борис, когда Тимоша признался ему, что уже две недели как ночует на железнодорожном вокзале. — А где ты там умываешься? Ходишь в туалет?
— Да где придётся… Иногда, по дороге на занятия, спускаюсь к Исети и там умываюсь… А что делать?
— Ну ты и оригинал… Знаешь, какая вода в Исети? Вся таблица Менделеева! Туда мочиться страшно, не то что умываться… Надо искать — Свердловск город большой…
— Да пробовал я уже… Не получается!

Стояла сухая затяжная уральская осень, и они шли по улице Малышева к старому университетскому корпусу на 8-го Марта, где располагался их факультет, а внизу, под мостом, змеилась извилистая Исеть, каким-то непостижимым образом вырвавшаяся из бетонных объятий одноимённого пруда. Построенного, как утверждают старожилы, ещё в демидовские времена.

Справа от неё высилось приземистое кирпичное здание красного цвета — бывший Монетный двор, где когда-то чеканили русские деньги, а за ним чернел брусчатый остов недавно восстановленной реставраторами часовни — самой старой в городе.

Но вовсе не городские достопримечательности занимали сейчас их умы. Борис хоть и жил в общежитии, но, видимо, понимал, что и Тимоша не меньше его мог бы рассчитывать на место под солнцем.

На первый курс факультета журналистики поступило в тот год более полусотни человек, а места в общежитии достались считанным единицам. И пока счастливчики пропивали, празднуя вступление в студенческую жизнь, последние свои сбережения, бóльшая часть первокурсников носилась как оголтелая допоздна по городу в поисках какого-то жилья — комнаты или угла. Но всё было везде и давно безнадёжно занято.
— Вот ты мне скажи, Борис, — горячился Тимоша. — Я сдал вступительные экзамены на одни пятёрки, поступил в университет после армии, и в городе у меня — ни знакомых, ни родственников. А в общежитие попали почему-то троечники… И в основном — бывшие десятиклассники. Ты считаешь, что это справедливо?
— Ну при чём тут экзамены?.. — Борис отвернулся и густо покраснел: из четырёх оценок, полученных при поступлении в университет, у него значились две тройки. — На всех ведь мест всё равно не хватит… Давай сделаем так: сегодня ты переночуешь у нас. Переночуешь-переночуешь… На одной с тобой койке разместимся! А потом поможем что-нибудь подыскать. Нужно с кем-то объединяться, скооперироваться — одному найти в городе комнату сложно…

Борис был к тому времени уже секретарём комсомольской организации факультета и знал, что говорил. Уже через несколько дней Тимоша, объединившись с двумя однокурсниками, снимал небольшую комнатку в деревянной одноэтажной избе, расположенной в самом центре города, на улице Допризывников, — сейчас на этом месте стоят высотки проспекта Маршала Жукова…

Впрочем, прожил он там недолго: зачастив «на огонёк» к ребятам в пятую комнату — о эта пятая комната в студенческом общежитии по улице Чапаева, 16! — он вскоре стал здесь настолько своим, что то и дело оставался ночевать. И спал зачастую «валетом» вдвоём в одной кровати с Борисом Ножкиным, с которым они сдружились по-настоящему.

В комнате жили ещё трое парней — каждый по-своему оригинал, как сказал бы по этому поводу классик, а время было настолько загульное, что часто койки пустовали или их обитатель появлялся на пороге уже под утро. Так что переспать можно было вполне сносно.

Как и многие будущие журналисты, Тимоша писал стихи и в один прекрасный день принёс в пятую комнату тетрадный листок бумаги, исчерканный мелким почерком.
— Я тут, ребята, — стесняясь, порозовел он, — песню сочинил… Про пятую комнату.
— Про комнату? Ну ты даёшь, старик!

Борис вскочил со своей панцирной сетки, и та взвизгнула от этого, как расправленный лук.
— А ну-ка читай!

Тимоша набрал в лёгкие воздуха, ещё гуще покраснел и принялся читать.
— Песня про пятую комнату.

Увидев вокруг серьёзные лица ребят, приободрился и уже читал не останавливаясь:

Здесь не чувствуешь запаха сессии,
Пусть хоть снег, хоть дождь за окном…
Посидели немного, взвесили —
И по «рваному» — в гастроном!

Не спеши расходиться, ребята!
Будем пить, коль пришли сюда.
Пусть останется в памяти пятая
Навсегда. Навсегда.

Снова пятую взлихорадило,
Снова, морщась, мы пьём и пьём…
Эй, Андрюха, прихлопни радио,
Мы «Крапивочку» запоём.

Не спеши расходиться, ребята!
Ведь осталось ещё кое-где…
Не беда, что с неделю пятая
Будет жить на одной воде.

Если вдруг мы завалим сессию
И уехать придется нам,
По последней мы трахнем весело
И с гитарами — по домам!

Не спеши расходиться, ребята!
Будем пить — и к чему слова?
Увезём мы с собою пятую
На Курильские острова!

Закончив, он обвёл всех вопросительным взглядом и увидел, что стихи его понравились. Его попросили прочитать ещё раз, потом ещё, невесть откуда появилась гитара, и уже через полчаса пятая комната горланила песню, ставшую её гимном.

Но больше всех радовался за своего товарища Борис. В его курчавой семитской голове то и дело рождались какие-то идеи, и, отстучав по столу в качестве ударников ладонями, он вдруг предложил:

— А зачем тебе, Петрович, возвращаться домой? Живи у нас. Поставим кровати одна на одну, вот и получится пять мест. С комитетом я договорюсь. А лишнюю койку я сейчас достану…

И он выскочил в коридор, а через пять минут вернулся оттуда, таща за собой ещё одну панцирную сетку. А поспешивший за ним «песенный Андрюха», с лица которого не сходила улыбка, втащил в комнату и две металлические спинки от неё.

Так в пятой комнате появилась двухъярусная кровать, и Тимоша стал обитателем общежития…

Старик пришёл в себя от наступившей тишины. Поезд уже стоял на перроне, немногочисленные пассажиры, ехавшие до Екатеринбурга, вышли, и старик, чтобы не создавать толчею при посадке, поспешил в тамбур.

Вообще-то старик Тимоша в Екатеринбурге уже бывал: разъехавшись после выпуска по всей тогдашней стране — от Ленинграда с Одессой до бухты Провидения на Чукотке, бывшие выпускники журфака Ургу нет-нет да и заезжали в свою альма-матер ненадолго, тем более что объехать стороной Урал по дороге в Европу было нельзя. Встречались, вспоминали, выпивали…

Правда, потом, с годами, такие встречи становились реже. Во-первых, не стало Советского Союза, а во-вторых, не у всех теперь были деньги. Да и в городе уже всё меньше оставалось знакомых: кто перебрался в столицу, а кто и ещё дальше, «за бугор».

Было немало и таких, с кем уже пообщаться можно будет только на том свете.

Но старик Тимоша чувствовал себя хорошо. В одну из последних поездок в Екатеринбург — их курс отмечал какое-то …летие со дня своего выпуска — он вдруг с удивлением заметил, как незаметно сдали все его однокурсники.

Было это на том же железнодорожном вокзале, когда они собрались, чтобы сфотографироваться на привокзальной площади у памятника уральцам-добровольцам, отправляющимся на фронт, — именно отсюда и они, будучи студентами, уезжали «в колхоз» на картошку. После бурного возлияния в общежитии теперь они следовали, чтобы пообщаться, на озеро Таватуй — это была очередная инициатива Бориса, работавшего к тому времени у свердловского губернатора в начальниках. А туда можно было добираться только электричкой.

Сфотографировавшись, они не торопясь начали разбирать свои дорожные сумки, и вот тут-то и оказалось, что нести они их, набитые бутылками и едой, не в состоянии — здоровье не позволяет.

— Надо бы тележку какую-то достать, подвезти, — мечтательно проронил Юрий, приехавший из Донецка.

— Да где же ты её тут возьмёшь, тележку-то? — возразила ему черноволосая Тина с грузинской фамилией, ставшая сибирячкой. — До вокзала отсюда далеко, не поедут…

И тогда старик Тимоша, бросив своё: «Эх, вы…» — легко водрузил на своё плечо одну за другой четыре объёмистых сумки однокурсников, потом добавил к ним столько же на второе и зашагал в сторону вокзала.

— Хоть не отставайте, а то — опоздаем…

И притихшие однокурсники цепочкой двинулись за ним…

Вот этот памятник, вот эта остановка трамвая. Старик Тимоша постоял возле гранитного постамента, жадно вдохнул свежий январский воздух. Ничего не изменилось, всё как всегда. Хотя нет — новые дома появились, метро… Растёт, значит, город!

Подошёл трамвай, и, взглянув на номер, старик Тимоша легко вскочил на его подножку.

В гостинице он в первую очередь принял с дороги душ, распаковался, а затем прилёг на удобный диван немного отдохнуть.

Было уже три часа пополудни, когда он, отдохнувший и посвежевший, отобедав в ресторане и заварив себе крепкого чаю, закрыл на ключ дверь своего одноместного номера и сел к журнальному столику. Привычным движением руки он вытащил из кармана записную книжку и набрал нужный номер телефона.

В трубке долго не отвечали, шли длинные гудки, и старик уже было хотел перезвонить ещё раз, как что-то на том конце щёлкнуло, и он услышал приятный женский голос:

— Алло?

От волнения Тимоша неожиданно закашлялся, но там терпеливо ждали.

— Алло…

Нет, всё-таки правы классики юмористического советского жанра: как угодно могут изменить

облик женщины годы, но голос у неё останется прежний.
— Здравствуй, Тома,— наконец произнёс он.— Узнала?
Там на секунду замешкались.
— Кто это? Валик, ты?
— Да нет,— бросил он,— это не Валик. Тимоша…
— Тимоша?— женский голос зазвенел, как натянутая струна.— Да неужели? Неужели ты? Вот это номер… А я думала, что ты шутишь. На последнее письмо твоё даже не ответила: думала, разыгрываешь… А ты действительно приехал…
— Да, приехал. И очень хотел бы тебя увидеть. Когда ты сможешь навестить меня?
Там на секунду замешкались.
— А где?
Он назвал гостиницу, где остановился, свой номер. Она ещё секунду раздумывала, а потом решилась:
— Хорошо, приеду. Жди!
— Приезжай. На дорогу у тебя уйдёт часа полтора, не больше, я город помню…
Он положил трубку, отпил глоток чая. Потом подошёл к своей сумке и выложил из неё содержимое. Бутылку шампанского и водку он поставил в холодильник, пакет с каким-то соком, уже начатым по дороге, тоже. А вот тонко нарезанную рыбу, вынув из контейнера, он аккуратно разложил на тарелке, и в комнате аппетитно запахло копчёной форелью, неркой, сёмгой…
Из другого контейнера он вытащил заранее припасённое мясо и тут же на тарелке, используя её как разделочную доску, тонкими пластиками нарезал мясной орех, буженину, куриный рулет…
Добавил к этому убранству припасённую ещё из дома зелень, предварительно освежив её проточной водой, и, немного подумав, вытащил из сумки коробку шоколадных конфет. А потом, взглянув на всё это гастрономическое благолепие, удовлетворённо хмыкнул: нет, это не Чигвинцево…

В уральскую деревню Чигвинцево — убирать картошку — они поехали вскоре после вступительных экзаменов. Собралось их тогда на огромной привокзальной площади Свердловска более тысячи человек, и сотни полторы из них — это был сводный отряд факультета журналистики.
Охотников ехать «в колхоз» и тогда было немного, но пропустить это занятие без уважительных причин опасались многие. Легко можно было «за прогулы» попрощаться с университетом.
— И где оно — это Чигвинцево?— спросил Тимоша черноволосого паренька, стоявшего рядом.
— Как где?— не понял тот.— В Красноуфимском районе. Километров двести отсюда. Ты что, не местный?
— Не-э… Я из Запорожья, Украина.
— Ах, вот оно что… Ну и занесло тебя! Тогда давай знакомиться: Борис.
— Тимоша.
— Как-как? Тимоша?
— Ну, Тимофей… Тимоша — это для краткости.
— Ну ты даёшь, старик… Ладно, пусть будет Тимоша. Старик Тимоша, так сказать…
С тех пор его так и называли: старик Тимоша.
Уже в поезде он обратил внимание на довольно-таки миловидную блондинку с короткими — тогда были в моде бигуди — волосами. Тамара Шаркова — так звали её, но в вагоне все пели, кричали, и было не до знакомств. Познакомились они уже тогда, когда отработали на картофельных полях несколько дней, и, возможно, он тоже произвёл на девушку какое-то впечатление. Потому что когда они как бы случайно вместе вышли из столовой, где их отряд после изнурительного двенадцатичасового рабочего дня восстанавливал силы, столкнулись на дощатом крылечке, то она как бы невзначай подтолкнула его:
— А не скажет ли молодой человек, который час?
«Молодой человек» сказал, и они так же вместе пошли по измызганной сентябрьской грязью улице Чигвинцево, уже погружённого местами в ночной сон. Таких улиц было всего четыре на деревню — Лесная, Каменная, Набережная и Новая, и, пройдя только первую из них, они едва передвигали ноги. В липкой и вязкой грязи их сапоги тонули…
И тогда Тамара сама предложила:
— А может, зайдём куда-нибудь, посидим?
— В кафе или в ресторан?— съязвил Тимоша и сам же рассмеялся своей шутке: в глухой уральской деревушке не то что кафе — столовой приличной не было.
Тамара была из Свердловска и, пока они увлечённо искали место, «где бы посидеть», красочно расписывала достопримечательности родного города, казавшегося отсюда, из этого хоть и живописного, но убогого далека, настоящей столицей.
— Ты уже познакомился с городом?— спросила она, когда Тимоша признался ей, что не местный.
— Да нет пока. Сдал экзамены, дождался зачисления — и на самолёт. Надо было кое-какие дела дома завершить. Уволиться с работы, то да сё…
— А военная форма почему на тебе?
— Так я же в армии отслужил — полгода только как демобилизовался. А вообще-то три с лишним годика отдубасил, есть что вспомнить…
— Вот здесь-то и давай вспоминать,— смеясь, увлекла его Тамара, увидев чернеющий в темноте огромного двора сеновал.
Рядом стояла деревянная лестница, по которой можно было залезть.
— Ну что?— шёпотом спросила она, когда Тимоша, легко вскочив по лестнице, пошарил руками в темноте.
— Никого… Поднимайся!

Девушка с опаской поднялась наверх и встретила крепкие мужские руки, раскрытые для объятий.

— Дай хоть отдышаться… Не спеши.

Но Тимофей, сбросив с себя военный бушлат и устроив из него что-то наподобие спального ложа, обхватил её смеющееся лицо руками и стал осыпать поцелуями. Девушка не сопротивлялась…

Старик Тимоша внезапно очнулся и взглянул на часы. До их долгожданного рандеву с Тамарой Шарковой осталось не более получаса. Ему не хотелось в этом признаваться, но всё-таки он волновался. Столько времени прошло! Какая сейчас она?

Уже после распределения он узнал, что Тамара уехала куда-то в Архангельскую область, вышла замуж и долгое время работала в районной газете.

Он же, получив красный диплом, тоже выбрал в качестве распределения для себя Север — ведь именно там закаляли свой характер любимые его герои Джека Лондона.

Но белое безмолвие оказалось чёрным, и оберегаемая с таким трудом семья Тимоши распалась. А сам он оказался к концу своей жизни в далёкой Сибири, куда его занесло ещё в горбачёвскую говорильню. Там он, проработав какое-то время в «большой» газете, вышел в отставку и, будучи не у дел, частенько стал ворошить в своей памяти страницы прошлого. Бывало, усевшись возле стола просторной гостиной, он вытаскивал фотографии полувековой давности и с интересом подолгу их рассматривал. Уже порядком подзабытые лица, люди, с которыми его сводила судьба…

С кем-то из них он переписывался, с кем-то давно разошёлся, а кого-то уже и вспомнить не мог.

Дети его, сын и дочь, уже выросли, с женой он отношений не поддерживал, и вскоре такие посиделки стали для него чуть ли не единственным в жизни времяпровождением. Посмотрит вечерние новости по телевизору — и опять за стол, опять в мир своих размышлений.

В один из таких вечеров и пришла к нему эта мысль: а что, если объехать страну и снова повстречаться с теми, кто его когда-то окружал?

Причём не просто повстречаться, поболтать о том о сём, это неинтересно, да и дорого по нынешним временам, а сделать вид, что никаких прожитых лет нет, что жизнь только начинается!

Ну, скажем, вот на одной из студенческих фотографий Маша — она вроде бы симпатизировала ему. Один раз даже поцеловались — пусть и в шутку, но поцеловались. Где она сейчас? С кем? Жалко, конечно, что он тогда пожалел, не переспал с ней, а ведь вполне мог. Кого боялся? Чего?

Или Майка Корума — ведь стоило только захотеть, стоило только поманить пальцем! Не захотел. Не поманил.

А вот Наташка — с ней он даже повстречался пару раз на какой-то съёмной квартире у однокурсниц. Пока те шумели и веселились за накрытым столом в соседней комнате, он увлёк влюблённую в него девушку на кухню и там, обняв, стал шептать на ухо всякую чушь, в то время как пальцы одну за другой расстёгивали пуговицы кофточки.

Наташка готовилась к поступлению в театральный институт и попала в их компанию только потому, что на факультете учился её брат.

В тот вечер она стояла перед ним как мраморное изваяние. Её голое тело — с высокой девичьей грудью, с симпатичной ямочкой на животе — было не просто прекрасным, оно было возвышенным. Казалось, прикоснись к нему — и оно взлетит вверх, как пушок…

Кто-то приоткрыл в комнату дверь, ойкнул от неожиданности, но он только крепче обнял обнажённую девушку, и дверь снова закрылась.

Жаль, но он и её оставил тогда целомудренной…

А вообще-то его отношение к прекрасному полу — это особая тема. Уже в пять лет Тимоша научился читать и, будучи предоставленным самому себе — отец много работал и на заводе, и дома, а мать едва управлялась по хозяйству и с тремя детьми, — запоем «проглатывал» далеко не детские книги. Сначала те, что были дома, потом он записался в ближайшую библиотеку. И там, как правило, просил сразу две книги: детскую для себя, а взрослую, мол, для родителей.

Но, приходя домой, Тимоша тут же откладывал в сторону принесённые «для себя» «Русские сказки», а сам принимался за Мопассана, Золя, Драйзера, Флобера…

А затем, на второй день, снова появлялся в библиотеке и сдавал прочитанные книги. Но «Русские сказки» он возвращал на библиотечную полку так и не раскрытыми…

Так что к первому школьному классу Тимоша мог вполне уже ориентироваться в мировой литературе, и его первая учительница, старая чопорная еврейка, семья которой полностью была уничтожена в гетто, не могла нарадоваться на ученика, едва переступившего порог школы, но уже прочитавшего «всего Пушкина».

Не всё, правда, он в нём понимал, но вот во взаимоотношениях полов ориентировался точно.

Половое созревание на Украине происходит быстрее, чем на Русском Севере, потому и браки там разрешены с шестнадцати лет. А тут ещё постоянное подстёгивание детского воображения постельными сценами из взрослой жизни! Так что к своим десяти годам Тимоша был уже вполне сформировавшимся юнцом, и редкая ночь у него обходилась без поллюций…

Наверное, не было среди его сверстников человека, который бы так страстно мечтал о близости

с женщиной! Такой же прекрасной и необыкновенной, как в книгах. Близости, от которой потом всю жизнь будет кружиться голова.

К тому же он нравился девочкам — и в школе, и в техникуме, куда он поступил после седьмого класса.

Но время шло, а близости этой не было. И он ушёл в армию, так, по существу, никого и не поцеловав.

В армии женщины продолжали приходить к нему по ночам — то романтичными героинями из Майн Рида, то суровыми, но надёжными спутницами жизни из Джека Лондона.

Хотя чаще всего это были вертлявые вертихвостки — доступные, как глоток воды, женщины, воспетые Мопассаном…

Друзья его ходили в самоволки, хвастались добытыми «победами», а он продолжал мечтать о той единственной и неповторимой, которую он видел в своих ежедневных снах.

Наконец не выдержал и напросился на одну из таких самовольных отлучек из воинской части в ближайшую деревушку, где жили героини солдатских рассказов. Его взяли с собой.

После «отбоя», полежав в кроватях ещё с полчаса, чтобы разошлось по домам армейское начальство, любители ночных приключений потихоньку оделись, а затем прошли мимо всё понимавшего дневального. Оставив ему в виде отступного пару сигарет.

В деревню продирались через лес, напрямки, заедаемые комарами. Они, словно почувствовав молодую кровь, резвились, как кони.

Наконец — пришли. Подталкиваемый сзади добродушными спутниками, уже бывавшими здесь не раз, Тимоша переступил порог низенькой избы и застыл от удивления: за столом у стены сидел какой-то человек и что-то там ел, аккуратно облизывая оловянную ложку. А напротив сидела подслеповатая старуха и, щурясь от электрического света, с любопытством смотрела на вошедших.

— Туда, — толкнул Тимошу его приятель в сторону небольшого закутка в углу комнаты, отгороженного самодельной шторой. — Оставишь ей рубль…

Тимоша шагнул за штору и обомлел: на кровати в полутьме лежала женщина лет сорока — сорока пяти, с натянутым до подбородка одеялом. Усталое и бледное лицо её фосфоресцировало, как у мертвеца, чёрные всклокоченные волосы были разбросаны по подушке…

— Тебе чего? — приподнялась она на локте, видимо, поняв, что произвела на молодого солдата тягостное впечатление.

— Мне? Ничего!

Тимоша шагнул за шторку, но когда присел на кровать, понял, что ничего у него с этой женщиной не получится. Слишком большая пропасть разделяла её с теми героинями, которые навещали его во снах из прочитанных когда-то книжек. И, оставив рубль на одеяле, он стремглав выскочил из пропахшей по́том и вчерашними щами избы…

С минуту они ещё полежали на сене, чувствуя, как стучат сердца, а потом Тимоша предпринял ещё одну попытку овладеть своей нежданной добычей. И ничего не получилось! Его мужское достоинство, словно издеваясь над ним, демонстрировало полное пренебрежение ко всем женским прелестям.

— Да не спеши ты так, подожди… — прошептала на ухо Тамара, тоже слегка встревоженная происшедшим. — Успеется…

Но ничего не успевалось, и Тимоша лежал рядом с ней с красным от стыда лицом, проклиная бессилие…

Потом он часто возвращался к этому сеновалу и не понимал, почему так произошло. Неужели он импотент? Неужели ему так и не познать это блаженство — женскую близость?

— Да брось ты, старик, переживать! — накинулся на него Борис, когда он на следующий день поделился с приятелем своей катастрофой. — Не ты первый, не ты и последний… Из сотни мужчин девяносто через такое прошли, можешь поверить… Это тебе не языком трепать. Практика нужна, опыт. Не переживай!

— Ну как не переживать, Боря! Как я теперь ей в глаза гляну?..

— А что тебе туда смотреть? Делай вид, что ничего не произошло. Экая невидаль — бабу не завалил…

С этим у самого Бориса было всё в порядке, девчата вокруг него роились, как пчёлы возле улья, а вот Тимошу ничего не радовало. Он то и дело возвращался к событиям минувшей ночи, и краска стыда заливала его лицо. Надо же так облажаться!

— Пройдёт, — продолжал успокаивать его Борис, — наладится. Нужно не очень хотеть, тогда и получится. А ты перенапрягся весь, сконцентрировался… Женщина, старик, должна расслаблять, а не наоборот. На прелюдии задержись, таблицу умножения вспомни — сразу почувствуешь результат.

И Тимоша вспомнил, как в Германии, где он служил в учебном полку, Мишка Разбойников, призванный в армию с Братской ГЭС, где он работал электрослесарем, не раз мечтательно заявлял: «Вот приеду домой, напущу в ванную воды, лягу на спину и усажу на себя жену… А сам возьму „Крокодил“ и буду рассматривать картинки…»

— Вот-вот, — одобрительно рассмеялся Борис, когда Тимоша рассказал ему о Мишке Разбойникове и о его армейской мечте. — Женатый человек знает, как надо поступать — рассматривать во время секса «Крокодил». А ты — трагедия, катастрофа… Смеяться потом будешь!

Смеяться он, правда, не смеялся, но, женившись через два года на своей же однокурснице Маринке,

частенько потом вспоминал этот разговор. Дорвавшись наконец до исполнения самого своего заветного желания, он буквально неистовствовал в постели. Иные ночи проходили на одном дыхании, с перерывами на короткий сон в пятнадцать-двадцать минут. Жена частенько передвигалась в такие дни, держась за стену…

А бывало, он бегал голым по квартире, повесив на причинное место авоську, гружённую несколькими стеклянными бутылками с кефиром и молоком. Проверяя, так сказать, готовность последнего «к бою».

Словом, Борис оказался прав, но всё это будет потом. А тогда Тимоша искренне переживал постигшую его неудачу и мечтал о том, чтобы поскорее оказаться подальше от сразу же ставшего ему ненавистным Чегвинцево…

В дверь номера постучали, и старик кинулся открывать. В крохотной гостиничной прихожей он сразу увидел её смеющиеся глаза.

— Ну что, не признал бы? Прошла бы по улице — и не заметил?

— Да уж конечно, — протянул Тимоша и улыбнулся.

Стоит ли обсуждать их возраст? Время не пощадило никого, но жаловаться всё же было бы преждевременно: внешне Тамара Шарова была такой же эффектной и привлекательной, как и раньше. Седые, коротко подстриженные волосы, гладкая, почти без морщин, кожа лица…

Да и фигура изменилась мало: такая же элегантная, хрупкая…

Одета она была в белую кофточку, обтягивающую грудь, и старик Тимоша даже покраснел невольно от предвкушаемого удовольствия.

Она тоже с любопытством разглядывала его, а потом перевела взгляд на столик. На котором уже стояли приготовленные деликатесы, посредине которых высилась горка фруктов.

— Ты меня извини, я тебя не спросил, что ты пьёшь… Вино или водку? У меня есть и то, и другое…

— Да что нальёшь, — улыбнулась она, обходя стол. — Могу и шампанское, раз оно на столе…

— Тогда с него и начнём, — сказал Тимоша и ловко сдёрнул с бутылки алюминиевую фольгу.

А потом эффектно, чтобы не пролилась ни одна капля холодного, как снег, напитка, открыл содержимое…

Они не спеша выпили по бокалу вина, потом по второму… Потом старик Тимоша налил себе в рюмку водки, но Тамара на его предложение решительно помахала ладонью: нет-нет, только вино…

От выпитого их лица порозовели, невольная стеснительность прошла, и вскоре за столом мирно беседовали два немолодых уже человека, учившихся когда-то в одном университете. Сначала поговорили о работе, потом о детях, о семье.

Оба они уже были на пенсии, но бывших журналистов, как и бывших чекистов, не бывает. Тамара прирабатывала в каком-то издательстве, Тимоша писал для газет рассказы.

— А помнишь?

Они заговорили «про колхоз», про то, как они встретились тогда впервые — после ужина в столовой. И как потом пошли по ночным деревенским улицам в поисках подходящего убежища.

Тамара разволновалась, вскочила на ноги, подошла к окну — давно уже так она ни с кем не выпивала. За окном смеркалось, и сквозь тяжёлое полотно гардин гостиничного номера с трудом можно было различить стоящую вдалеке скульптуру человека, по распоряжению которого, как говорят, и была расстреляна в этом городе семья последнего российского императора. За нею чернело здание знакомого университета.

Старик Тимоша неслышно подошёл сзади, обнял за плечи. А потом, не говоря ни слова, настойчиво увлёк её в сторону гостиничного дивана…

Они лежали на диване, глядя в потолок, и чувствовали, как время словно растворилось в выпитом вине. Не было ни прошедших десятилетий, ни бездарно прожитой жизни. Были только тот сеновал в уральской деревне Чигвинцево и лёгкий холодок, исходивший от слежавшейся соломы и травы.

Потом, так же молча и решительно, он овладел ею ещё раз, потом ещё…

— И где же это ты всё держал? — запыхавшись, засмеялась Тамара, когда он наконец угомонился. — Я уже и забыла, честно говоря, как всё это делается…

— А вот я не забыл, — проронил он и снова налил себе водки.

За его спиною Тамара, собираясь, шуршала одеждой, а он сидел с рюмкой в руке и молча смотрел, как бесцветная жидкость переливается в хрустале.

Они опять немножко выпили, а потом Тамара засобиралась домой.

— Надо! — решительно заявила она. — Поздно уже. Да и волноваться будут. Это тебе не в Чигвинцево — замужем я!

Оставшись один, старик Тимоша посидел какое-то время за столом, допил початую водку, а затем рассовал оставшуюся снедь опять по контейнерам. После чего вытер начисто салфеткою столик, внимательно следя за тем, чтобы на нём не осталось крошек.

Потом он достал из дорожной сумки приклеенную на картон фотографию — их университетский выпуск. Вгляделся в знакомые лица, увидел в углу смеющееся лицо Тамарки.

Почти, стерва, не изменилась, симпатичная была девка…

Он достал из внутреннего кармана своего пиджака «вечное» перо — подарок Бориса в Риге, когда

они путешествовали, строя под Нарвой Прибалтийскую ГРЭС, и, не сводя глаз с лица симпатичной блондинки, поставил под фотографией «птичку».

Таких «птичек» на этом фотолисте было уже несколько…

Он вспомнил, с чего это всё началось: как, приехав несколько лет назад в Москву, встретился на Тверской со своей бывшей однокурсницей, вот она на фотографии, и как потом они долго, всю ночь, занимались любовью в гостинице «Минск». Он тогда чуть с ума не сошёл от нахлынувших чувств—и что такое, скажите, годы, что такое возраст, если душа у него осталась такой же молодой, такой же трепетной и нежной!

Старик улыбнулся, ещё раз посмотрел на фотографию, и взгляд его остановился на красивой и пышногрудой Люське Рублёвой, жившей в Саратове. Они уже давно переписывались и даже перезванивались по праздникам.

Жила Люська одна с дочерью, была в разводе—почему бы не поехать?

Старик Тимоша потянулся к телефону и набрал нужный номер.

К его удивлению, ему ответили сразу же.

— Мне бы до Саратова на завтра один билет в купейном вагоне.

— Саратов, Саратов… На одиннадцать двадцать устроит?—послышалось в трубке.

— Устроит.

— Купейный вагон… Верхняя полка или нижняя?

— Давайте верхнюю,—ответил старик Тимоша и положил на рычаг трубку.

В это время, зимой, ездить на верхней полке в поездах было дешевле.

ДиН пародия

Евгений Минин

Подруга Соломон

Мордастное

Ну, наконец-то я вошёл в мяса,
стал круче костью и мордастей ликом!
Геннадий Русаков

Как я, второго даже не ищи,
стал королём глаголов и причастий.
Как штык, вошёл в мяса, вошёл в хрящи,
стал круче костью, обликом мордастей!
Железный прут могу согнуть рукой,
мгновенно выбить пробку из бутыли.
Я изменился, я теперь другой,
и лишь стихи такие ж, как и были…

Нерешительное

Эту пуговку ты расстегни, застегни,
Расстегни и опять застегни.
Александр Романовский

Я совсем не садист, уродился таков,
Что ужасно стесняюсь похвал.
Я любимой своей толстый томик стихов
Подарил и обратно забрал.
Говорил же: раскрой и обратно закрой,
Раскрывай и опять закрывай.
А читать всё подряд я позволить не мог—
Чтоб не кинулась та под трамвай!

Это не пройдёт

Подруга Соломон вещает: всё пройдёт,
поспи—и организм вберёт режим привычный!
Наталья Лясковская

Есть у меня, друзья, подруга Соломон,
я у него всегда во всём прошу совета,
и если где кольнёт, вещает сразу он,
что вскоре всё пройдёт—и то пройдёт, и это.
А если я стихи писать бросаюсь вдруг
и вдохновенья жар ко мне с небес нисходит,
то, глядя на меня, вздыхает мой подруг,
он знает лучше всех, что это не проходит…

Зашибистское

Я просто не мог иначе
И рифмы кидал с плеча…
Александр Тимофеевский

Я мир потрясал глаголом,
Поэта судьбу влача.
Мироновским «Дискоболом»
Я рифмы кидал с плеча.
Хотя дорога кремниста,
Но критиков видел в гробу.
А если найду пародиста,
То рифмой его зашибу!

Елена Тимченко

Замурованные

Однажды я с двумя своими товарками застряла в китайском лифте. Это было в пекинской гостинице во время июльского пекла, от которого спасение было только одно — кондиционеры.

Внезапно отключили свет в лифте, а вместе с ним угас и кондиционер, и вот мы, три русские женщины среднего возраста, оказались в изоляции. Сначала вели себя цивилизованно, можно сказать — прилично, терпеливо ожидая конца затруднения. Нажимали аварийную кнопку, что-то пытались говорить по-английски в микрофон (владение китайским заканчивалось на приветствии «нихао»). Но спасение никак не наступало. Испытание темнотой и, что самое страшное, жуткой духотой всё длилось и длилось. Температура в лифте неуклонно и быстро поднималась, становилось трудно дышать, одна из подруг страдала астмой, за неё особенно было страшно. Нас постепенно охватывала паника. Надолго ли хватит кислорода в плотно закупоренной кабине?

Вдруг откуда-то из глубин сознания, взбаламучивая ил прошлого, всплыл эпизод из детства, давно мной позабытый.

…Я, маленькая девчонка, нахожусь в запертом шкафу с другой такой же маленькой перепуганной девчонкой. Нас кто-то заманил в этот шкаф, кто-то в галифе… ноги босые… гимнастёрка без пояса. Солдат! Тётки Анны, бабушкиной невестки, хахаль.

Мы играли с Наташкой, моей двоюродной сестрой, у них дома в детской, нам не было никакого дела до взрослых, мы лишь ненадолго выбегали в другую комнату, чтобы похвастать, какие мы хорошие девочки и какую замечательную игру придумали.

Как оказалось, *мы им мешали*.

Солдат затеял с нами коварную игру в прятки, заманил в тесный стенной шкаф, а потом плотно придвинул кровать к дверце.

Сначала мы орали и стучали в стенки шкафа, потом обессилели от духоты, пыльного спёртого воздуха, необъяснимого предательства взрослых и отсутствия ясности в нашей дальнейшей судьбе. Может, нас навечно заточили? Мы ведь не могли, по малости лет, даже догадаться о намерениях взрослых. Так чувствуют себя котята в пыльном мешке: то ли их понесли топить, то ли просто несут куда-то с какою-то тайной целью.

Когда мы наконец выпали из шкафа с посеревшими лицами и глазами, ввалившимися от шока, мы даже не стали спрашивать ни у кого: что это было? Или обсуждать между собой — слов просто не было. Я никому ничего не рассказала, даже бабушке, слишком большое потрясение перенесла, чтобы болтать об этом. И ведь и не вспомнила бы никогда, если бы не китайское приключение…

Представляю, какой бы разгорелся скандал, проговорись я бабушке, ведь тётка Анна была женой её старшего сына. Бабушка и так подозревала её во всех грехах.

Анна была настоящей деревенской бабой «а ля натурель». Однажды на гулянке она шутя подняла захмелевшего мужичка, нечаянно заснувшего за столом, и под гомерический хохот гостей отнесла его в комнату в постельку.

Она мне нравилась, честно, какая-то сила от неё исходила. Высокая, осанистая, с фигурой — груди гордо выпячены, не ссутулится, плеч не опустит. Портили её только очки, глаз не видно за толстыми линзами, и рот сильно тонкий — змеиный. Под стать рту и шуточки отпускались — ядовитые, острые, как бритва.

Анна вполне владела повседневной деревенской магией. По крайней мере, сажать в огороде при ней нельзя было, это точно. Она и сама смеялась, глядя, как мама старательно сеет лук: «Брось ты это занятие, всё равно ничего не вырастет!» И тут же извинялась: «Я не нарочно, просто как увижу, что кто-то при мне это делает, так обязательно подумаю… сами всплывают гадкие слова в голове».

Работящая была и в некоторых случаях бескорыстная: если человек ей, к примеру, нравился, могла за спасибо выбелить ему избу — просто из любезности. Ну, слаба на передок, это да, что есть, то есть, сила в ней клокотала и требовала выхода немереная… Говорили, любвеобильность — это у них семейное. Её мать, баба Нюра, которую под старость лет подвели ноги, на вопрос, как здоровье, неизменно дерзко отвечала: «Да как-как… Ноги не носят, ребята не просят». Славная была старушка, умерла с трогательной частушкой на устах: «Отходила коридором, отсчитала лесенки. Отыграл милый на гармошке, я отпела песенки».

Вернёмся к Анне, которая любила мужиков крепко. И с солдатами путалась. Я слышала, как

кто-то из деревенских доброхотов донёс бабушке, что видели-де Анну с солдатом на Мысах, и это почему-то было нехорошо. Меня при передаче информации в расчёт, как обычно, не принимали.

Я сама себе дорисовывала картины Анниного грехопадения.

Мысы—это такие холмы за деревней, поросшие жухлой от солнца травой, боярышником и шиповником. Зимой с них отлично было кататься на санках; мне, правда, никогда не разрешали. При этом рассказывалась одна и та же назидательная история, как один мальчик катился с горы на лыжах и напоролся—о ужас!—на свою собственную лыжную палку.

В детстве Мысы казались огромными и какими-то возвышенно непростыми. Они торчали из земли, как лысины исполинов, и магнетически влекли к себе…

Я с удовольствием представляла Анну в ситцевом платье, обрисовывающем формы, в платочке, повязанном по-деревенски вокруг головы, и как она бегает по этим таинственным Мысам; бегает-бегает и хохочет, и хохочет. А за ней, тяжело топоча сапогами и раскорячив руки, бегает солдат в галифе и в пилотке со звёздочкой… Дальше этой сцены я в своей фантазии продвинуться не могла, но и эта картинка была достаточно интересной. «Что же такого они делали? Может, целовались ещё?»—думала я.

Я людям не судья, тем более тётку Анну я никогда не осуждала и не собираюсь этого делать. Прошлое—это сон, посмотрел—и дальше живи, как сейчас модно говорить, здесь и сейчас… А детская психика, как оказалось, имеет большой запас прочности: маньяк-извращенец, несмотря на злоключение в раннем детстве, из меня не получился *(так и хочется добавить: а жаль ☺)*.

…А в Китае всё тогда закончилось так. Одна из нас, дама спортивного телосложения, поднатужилась, крепко упёрлась ногами в пол и с силой раздвинула дверки лифта, ну точь-в-точь как Самсон, разрывающий пасть льва. Вы бы видели выражение лица молоденького китайского коридорного, когда дверцы обесточенного лифта разверзлись и оттуда вывалились три русские взопревшие тётки, смеющиеся и ругающиеся одновременно.

ДиН ревю

Михаил Синельников

Перевал

Москва: «Исолог», 2015.

Польское

Г. …… ской

Вращался бал, и от зеркальных стен,
Блиставших и в Москве, и в Петербурге,
Неутолимо тему вёл Шопен,
До польских пущ неслась метель мазурки.
Металась, всё сметая на пути—
И царский трон, и ресторанный столик…
Грудзинской и Кшесинской посвяти,
Седой поэт, рассказ о страсти полек!
Но и Собаньской, лгавшей без стыда,
Достался этой прелести излишек,
Явившейся давным-давно, когда
Впервые в Кремль вошла Марина Мнишек.
Так этот облик был голубоок,
Когда звенела музыка изменой
И в русской речи длился холодок
Эфирный выси, нежной и надменной.

Армения

Вот—страна мятежа и терпенья,
Ничего не меняется в ней
Оттого, что её песнопенья
Родословье ведут от камней.

Так поют жернова и хачкары,
Что мгновенно твердеют слова!
Вечно жаждут награды иль кары
Эти храмы и эта трава.

Здесь вино золотое в стакане
Размывает в ущельях года,
И бурлит превращённая в Кане,
Оживившая камни вода.

Вот—Армения, гроздь винограда,
Над которым склонился Григор,
И его ледяная лампада
Озарила безмолвие гор.

Сергей Петров

По-дед-морозовски

В тот день, тридцать первого декабря, всё началось не с чуда, а наоборот—с неудачи.

Матвей потерял перчатки. Он растерянно стоял посреди тротуара и старательно вспоминал, где он мог их оставить.

— Ты бы ещё на проезжей части встал!

Окрик небритого мужика в дублёнке вернул Матвея к реальности. Для острастки дублёнка ещё и злобно толкнула его в плечо. Так ведь нет худа без добра!

— Вспомнил! Забыл на почте! На столе!

Надежды на то, что его собственность не присвоили, а добросовестно передали куда следует со словами: «Спохватится человек, будет искать, вот и отдадите!»—были почти несбыточны.

Но Матвей привык до конца «всё отработать» и «поставить галочку»: мол, что мог—то сделал.

С почты всё и началось!

Усталая девушка, закутанная в серую старушечью шаль, равнодушно выслушала его, проворчала что-то вроде «ходят тут маши-растеряши» и достала из-под стойки забытые перчатки.

От радости Матвей действительно—растерялся.

— Есть ещё порядочные люди!

Ему захотелось сказать ей что-то приятное, но вид у него, наверное, был такой смущённый и ошарашенный, что девушка и без того невольно улыбнулась.

Улыбка фантастическим образом изменила её лицо: уголки губ кокетливо приподнялись, щёки чуть зарумянились, выбившаяся из-под костяного ободка светлая чёлка грациозно оттенила высокий лоб. Но главное—глаза! Глубокие, синие. Очаровательная девушка! Чудо как хороша!

— Принцесса, вы из какой сказки?—изумился Матвей.

Тут она и сама удивилась, прижала к груди ладошки и по-детски пролепетала:

— Скажете тоже! Какая принцесса? В лучшем случае—золушка!

— Имя-то у золушки есть?

Оказалось, её зовут Варя. И голос у неё был звонкий, музыкальный. И маленькая рука так славно уместилась в его руке…

— Рабочий день заканчивается,—виновато проговорила она, будто пропела.

— Разрешите вас проводить?

— Я быстро…

В чёрном пальто, в чёрных сапожках на невысоких каблуках, в белоснежном платке-паутинке Варя снова была другой. Эта девушка менялась—как декабрьская погода: тучка на небо набежит—серо и холодно, солнышко выглянет—и такое сияние, такой блеск кругом, что Пушкина вспомнишь: «Мороз и солнце… день чудесный…»

…Они шли, взявшись за руки. Порой их толкали, осыпали, оборачиваясь, язвительными замечаниями. Но они двигались словно в ином измерении. Вот прошли мимо сквера с белыми, осевшими под тяжестью снега елями… вот улыбками блестящих на закате окошек их проводила школа, в которой оба учились, понятия не имея о том, как близко были друг к другу… вот—больница, в которой…

Стоп! Что это? Тихий плач вывел их из «нирваны»…

Перед ними, рядом с чёрной металлической оградой, прямо на снегу сидела полная седая женщина в поношенном пальто. Зажав руками рот, она давилась рыданиями. Не сговариваясь, Варя и Матвей бросились к ней.

— Что с вами?

Но она ничего не могла толком объяснить, и лишь минут через пять стало понятно, что бабушка где-то рядом потеряла кошелёк, а в нём вся её пенсия—семь тысяч рублей, и жить ей не на что. Только сейчас ребята заметили, что снег вокруг перерыт и перетоптан: пыталась найти кошелёк.

— Успокойтесь,—уверенно скомандовал Матвей.— Нас теперь трое. Найдём!

И вот уже втроём они стали разгребать снег на дорожке и под деревьями. Прохожие—кто равнодушно, кто с любопытством—посматривали на них. Тут же протоптала тропинку большая лохматая собака, тоже не без интереса поглядывая на раскопки.

Матвею очень хотелось помочь. Ведь и он сегодня что-то потерял. И нашёл! Повезло! И сейчас—повезёт. Обязательно!

Но чем дальше, тем отчётливей он понимал: кошелёк бабуля обронила где-то в другом месте.

Наконец у бабки кончилось терпение.

— Не найдём мы, детки. Спасибо вам. Потеряла — и сама не знаю где, — вздохнула она.

И вытерла варежкой слёзы.

— Бабушка, смотрите! Не ваши? — закричал вдруг Матвей, показывая мокрые купюры. — Видимо, кто-то поднял ваш кошелёк, но часть денег обронил. А мы их нашли! Вот — пять штук… тысячными…

Бабка радостно охнула, но, получив деньги, с сомнением заметила:

— У меня вроде были бумажки по пятьсот рублей.

— Что-то вы путаете, баба Таня! — Матвей нарочито нахмурился.

Варя подозрительно на него посмотрела. И, прикусив губу, тихонько засмеялась.

— Больше у меня нет, — шепнул ей на ухо Матвей.

— Хоть не последние?

— Нормально, — успокоил её парень.

Бабка запричитала нараспев:

— Соколики мои, спасибо вам.

Затем уже вдохновенно заговорила:

— Детки, а я сегодня пирожков напекла. У меня сын их любил. Земля ему пухом! И хотя я одна-одинёшенька, и некого в гости мне ждать, но вот беру и пеку. Сижу с этими пирожками и жду: вдруг чудо произойдёт и гости придут? Уважьте! Откушайте пирожков! Я тут близко живу.

Матвей и Варя посмотрели друг на друга и, взяв бабушку под руки, повели её через улицу. В ближнем переулке, где жила баба Таня, стены домов были разрисованы граффити. С детской непосредственностью вихри красок веером взмывали, разлетались, переплетались в диком танце замысловатых очертаний и причудливых форм. Они словно вошли в сказку!

Такой же уютной и сказочной оказалась квартира бабушки Тани.

В квартире была одна комната, перед входом в которую аккуратно лежали самотканые половики. Середину комнаты занимал большой дубовый стол, накрытый белой сияющей скатертью. Вокруг — стулья с ажурными громоздкими спинками. В углу на полке возвышалась большая икона, рядом выстроились поменьше. Другой угол занимал старинный комод с облупившимся лаком. Рядом с ним приютился диван с круглыми подлокотниками, полстены занимал большой ковёр с оленями. Тепло и уютно.

Пахнет горячими пирожками…Огромное блюдо, доверху наполненное свежей сдобой, заняло почти весь стол.

«В сказке Красная Шапочка принесла бабушке пирожки, а в жизни всё наоборот», — мелькнуло в голове у Вари, и она нерешительно, словно извиняясь, улыбнулась.

— Сын очень любил пирожки. Я их всегда много пекла на день его рождения и под Новый год, — объясняла баба Таня — К нам всегда приходило много Ваниных друзей, на Новый год тут яблоку негде было упасть! Всё съедали! Я понимаю, что уже ни на день его рождения, ни тем более на Новый год ко мне никто не придёт, хотя были друзья, которые первое время меня навещали. Знаю, что никого не будет, но всё равно пеку. Это как память. Пока пеку — сына вспоминаю, потом долго сижу рядом с этими пирожками и плачу.

— Вы не будете одна в этот Новый год! — хлопнув в ладоши, вдруг воскликнула Варя — Я живу с дедушкой, и мы будем рады, если вы пригласите нас к себе в гости! Мой дедушка так любит пирожки!

Тут и Матвей захлопал в ладоши.

Через десять минут ребята уже впопыхах садились в автобус.

— Я забегу домой, возьму деньги, — торопливо шептал на ухо девушке Матвей. — Куплю новогодние подарки вам!

Варя ничего не сказала, только звонко поцеловала его в щёку.

Когда вся компания собралась у бабы Тани, казалось, всё уже так складно и весело устроилось, что и ждать больше нечего. Молодые не сводили друг с друга влюблённых глаз. Баба Таня и дед Василий, не умолкая, разговаривали. Общих тем — хоть отбавляй!

Время неспешно катилось к полуночи.

И вдруг — звонок у входной двери.

Все недоумённо переглянулись.

— Я никого не жду. Да и давно никто не приходил, — пожала плечами баба Таня.

Каково же было их удивление, когда в комнате, как в сказке, появился высокий дед с бородой, в длинной шубе, серых валенках, с посохом, и рядом — молоденькая девчушка в голубом полушубке!

Вот так номер! Дед Мороз и Снегурочка!

А дальше? Дальше — подарки!

Деду Василию, как по волшебству, досталась резная табакерка.

Старик умилился до слёз:

— Это чудо! Кто мог знать? Это же моя давняя мечта — иметь такую! Спасибо.

Баба Таня получила сковородку. И тоже прослезилась:

— Я давно такую хотела. Да откуда её взять? Денег-то нет!

Варя получила в подарок серёжки, а Матвей — зажигалку.

Праздник состоялся. Но вот загадка: кто из присутствующих — виновник торжества? Все испытующе переглядывались и улыбались, как будто знали точно, в чём секрет.

— Всё, последний адрес! Пора домой! — воскликнул Дед Мороз, когда за ним закрылась дверь.

Но тут зазвонил его сотовый телефон.

Дед Мороз поднёс мобильник к уху, и глаза его округлились.
— Что, Паша? — спросила Снегурочка.
— Слушай, а… вот этого дома номер какой?
— Как это — какой?
— Да понимаешь… это вот как раз последние заказчики звонили. Просили подождать полчаса, так как их ещё нет дома, они в пробке застряли. Мы перепутали номер дома и вручили подарки не тем!

Снегурочка ахнула:
— Надо пойти и забрать у них подарки!
— Нет, Тоня, — Паша озадаченно потёр лоб. — Ты видела их радостные лица? Это всё равно что счастье у людей отнять, веру в чудо! Это будет не по-новогоднему, не по-дед-морозовски!
— Да там вещей тысяч на шесть! — настаивала Снегурочка. — Что мы скажем настоящему заказчику? Он мужик крутой, голову оторвёт и пальцем не поведёт.
— Человек имеет право на чудо, и мы, сами того не подозревая, сотворили его! — словно не слыша причитаний, продолжал Дед Мороз. — По лицам видел, старики давно не получали подарков, а им под Новый год мы подарили сказку!
— Ты меня не слышишь, — повторяла Тоня, жалобно глядя на Деда Мороза.
— Слышу я тебя, — спокойно парировал Павел. — Твой гонорар мы, конечно, не тронем, а из моего купим такие же подарки. Магазин «Промтовары» тут где-то рядом. Вот и всё. Быть чуду под Новый год!

Через полчаса Дед Мороз и Снегурочка уже стучали в дверь другого дома и вручали те же подарки, но уже другим людям. В новой компании был солидно одетый мужчина лет сорока, представившийся Владимиром. Он пригласил гостей остаться «на пять минут» и «чуть-чуть» выпить. На что те, на удивление хозяев, не раздумывая, согласились.

Перенервничав, Дед Мороз после очередной рюмки, не удержавшись, рассказал о том, как оконфузился с подарками, и торжественно завершил рассказ словами:
— Но это было бы не по-дед-морозовски — забрать у них подарки! Это всё равно что счастье у людей отнять, веру в чудеса!
— Это правильно! Вы настоящий Дед Мороз! — заверил его Владимир и, добродушно улыбаясь, закончил: — Но и Деду Морозу нужны подарки и вера в сказку: он их заслужил.

И через секунду в руках у Павла оказался конверт, в котором…

А Новый год шагал по стране, по земле, его ждали в каждой квартире, в каждом доме… старые и пожилые, молодые и совсем ещё юные люди. Ждали и верили в чудеса. Так же, как вы поверили в историю, которую я только что рассказал.

ДиН ПАРОДИЯ

Евгений Минин

Опасный проект

Скромное

Я памятник себе не воздвигал,
на кой он нужен — лишний пьедестал…
Валерий Черешня

Стихов пусть очень много написал,
себе я не воздвигну пьедестал,
А то представьте: нужно целый день
стоять на нём — мне это делать лень.
Любому пьедестал даёт эффект,
но всё-таки опасен сей проект:
Всё, что понаписал, прочтёт народ
и памятник немедленно снесёт.

Словоносное

пьём никотин и курим девок
холодным [с горло] словарём.
Александр Петрушкин

Сегодня слово ставим крабом,
сегодня праздник у девчат,
мы жарим пиво нашим бабам,
все [в горле] словари молчат.
Баб этих курим [вот отрава],
плюём стихами как один,
шампанским льётся никотин,
и сладко кушается слава.

Сергей Кузнечихин

Неспортивный марафон

Первый вариант описания гонки умещался на одной странице и начинался с заявления, что традиционные 42,195 километра не в состоянии выявить истинные возможности участника и определить сильнейшего. Принципиально отказываясь от закостеневших канонов, организаторы сочли необходимым предупредить, что правила игры не являются догмой и могут быть изменены даже в процессе одной гонки. И это не было попыткой запугать: правила постоянно обрастали новыми поправками, причём некоторые из них полностью отрицали предыдущие.

Ремонты и реконструкции стадиона, на котором финишируют участники, обновляли фасад, делали более удобными трибуны и подсобные помещения, но конфигурация оставалась постоянной. Всё те же две разновеликие арены, расположенные цифрой «восемь», хотя некоторым группам людей эта фигура напоминает знак бесконечности.

Входные ворота для участников расположены напротив точки соприкосновения арен, предоставляя марафонцу полную свободу выбора, по какому кругу бежать — большому или малому. Предусмотрено и третье решение: если участник, попав на стадион, разуверится в своих силах, заробеет перед судьями или не выдержит улюлюканья зрителей, он может пересечь стадион в самом узком месте, потому что выход расположен напротив входа.

Исходное отличие от спортивного марафона — нефиксированный старт. Каждый начинает в одиночку. Ни время, ни место правилами не оговариваются. Конкретные условия старта отдельного участника не берутся во внимание. Погодные, географические, административные, экономические сложности или благоприятствия также не учитываются. Оценивается лишь конечный результат, показанный на стадионе.

Путь, пройденный до финала, не вносится в судейские протоколы и становится известным только из интервью победителей, их родственников, друзей или случайных свидетелей. Данные о сошедших с дистанции или не допущенных к состязаниям нигде не фиксируются.

Старт в гонке был и остаётся абсолютно свободный. Ни возраст, ни пол, ни образование, ни физическое или психическое здоровье правилами не оговариваются. Более того, некоторые явные отклонения от нормы иногда способствуют успеху, особенно раннему. Не оговариваются также происхождение и социальное положение: от детей подземелья до венценосных особ, от падшей женщины до принцессы, от монаха-мученика до злодея-душегуба. Стартуют все желающие: и те, кому нечего делать, и те, кому некуда деться; продолжатели славных династий и безвестные новички; маршалы и рядовые; полицейские и уголовники; нацеленные на пьедестал честолюбцы и любители «поддержать компанию»; холерики и флегматики; сангвиники и меланхолики.

Связи или экзотический жизненный опыт могут помочь попасть на стадион, но на финишном круге эта разница несущественна.

Первичным отбором занимается приёмная комиссия, состоящая из работников стадиона и кандидатов в судьи. Они определяют готовность соискателей, умение бежать: а) быстро, б) красиво, в) самобытно. Для оценки трофеев, добытых в процессе предварительного забега, в спорных случаях привлекаются узкие специалисты.

Демонстрацию классической техники чаще всего предлагают участники, стартовавшие в городах после занятий в секциях с опытными учителями.

Если скорость и грациозность бега превышают общепринятую норму, то на отсутствие самобытности комиссия в большинстве случаев закрывает глаза, потому что не может дать объективную оценку. Самобытность в чистом природном виде крайне редка. Чаще всего её имитируют, используя всевозможные трюки, скрашивая бег прыжками, гимнастическими кульбитами, ходулями, кандалами, колодками. Можно бежать с повязкой на глазах или спиной вперёд, жонглируя лимонами, арбузами, надувными гирями — всем, что подскажет молодая фантазия. Не забывают и о костюмах, удивляя разнообразием: от смокингов до косоворотон, от медвежьих шкур до набедренных повязок, от кольчуг до тюремных роб.

Участники, чей путь к финалу волей обстоятельств или по собственному выбору был извилист и долог, уверенные, что лёгкости бега недостаточно для искушённого зрителя, предлагают приёмной комиссии добытые трофеи: скальпы убитых врагов, чучела птиц и животных, раковины, добытые со дна океана, диковинные цветы, самородки,

найденные на берегах таёжных рек, или костяные украшения древних поселян. Более половины предоставленных трофеев оказываются подделками, но иные выполнены настолько искусно, что комиссия безоговорочно пропускает фальсификатора в финал. Уличённых в обмане лишают права на повторную попытку, и тогда им приходится менять внешность до неузнаваемости или ждать, когда в комиссии появятся новые люди.

Обладателям экзотических трофеев получить допуск на участие значительно легче, нежели тем, кто приносит домашнюю утварь, бывшую в употреблении совсем недавно, или дары природы, собранные в окрестностях стадиона. Доказать, что подобными экспонатами можно заинтересовать зрителя, весьма затруднительно. В этом случае соискатель полностью зависит от настроения стражей ворот.

Универсальной отмычкой во все времена являлась рекомендательная записка заслуженного марафонца. Её тоже приравнивают к трофею, и для некоторых стражей ворот она убедительнее тигровой шкуры. Тем не менее случались ситуации, когда имя автора вредило соискателю. Комиссия предлагала ему отречься от опального гранда. И отрекались. Но не все.

Характер знаменитостей непрост, порою они впадают в самое вульгарное самодурство. На пути к ним, как правило, образуется жестокий и ревнивый заслон из любителей погреться в лучах чужой славы. Умение добыть рекомендацию требует не только изобретательности, но и психологической гибкости. Чтобы отыскать лазейку, целеустремлённая молодёжь вынуждена маскироваться под официантов, массажистов, гомосексуалистов, курьеров, сантехников и прочих нужных в быту людишек.

Наиболее активное участие в отбраковке принимают рядовые марафонцы без регалий. Не добежавшие до славы, не нашедшие нормального места в жизни, они пристраиваются к приёмной комиссии ради мелких заработков или мстительного удовольствия отыграться за холуйскую молодость, стараясь согнуть новичков ещё ниже, чем гнулись сами.

Второй подвид неудачников менее распространён и отличается фанатичной преданностью избранному делу. Усомнившиеся в собственных возможностях, но заражённые воздухом стадиона, они пропадают у входа, убивая время тихим пьянством и раздачей всевозможных советов.

В недрах этой группы среди потрёпанных жизнью завсегдатаев периодически появляются и суетливые молодые люди, которые после первых неудачных попыток сообразили, что, имея багаж нужных знакомств и примелькавшись судьям, можно получить номер участника и стартовать без предварительного отбора.

Независимо от числа претендентов, допуск на стадион получают единицы. Всегда существовала негласная установка придерживать соискателей, дабы не путались под ногами у тех, кто уже завоевал право демонстрировать своё искусство, не отвлекали внимание зрителя от признанных фаворитов. Молодёжь и аутсайдеры постоянно жалуются на титулованных, которые ревниво оберегают свои мнимые рекорды и боятся открытой конкуренции. Элита с наивным удивлением заверяет, что настоящий талант всегда пробьёт себе дорогу. Но тем не менее претенденты на славу продолжают осаждать вход на стадион, а их, за редким исключением, отправляют на поиски дополнительных доказательств. Отвергнутые возвращаются оттачивать технику, добывать очередные трофеи, пускаются на поиски подходов к непредсказуемым стражам ворот или уходят, не оглядываясь, чтобы не возвращаться даже в качестве зрителя.

После жёсткого сита отбора счастливчики получают регистрационные номера и радостно бегут к большому кругу. Большинство дебютантов предпочитают именно его. Начинать с малого круга рискуют только самые амбициозные. Чаще всего это потомственные марафонцы или пригретые воспитанники грандов, которым зазорно показываться перед судьями и зрителями большой арены.

Бегущие по большому кругу разнообразием не отличаются. Форма на участниках вроде и модная, но не яркая, у некоторых явно с чужого плеча, неоднократно бывшая в употреблении. При близком рассмотрении можно заметить следы штопки — иногда аккуратной, но чаще всего грубой и торопливой. Вырезы на женских майках излишне глубоки. При неловких или резких движениях грудь вываливается наружу, и участнице приходится сбавлять скорость, чтобы привести себя в порядок. Это снижает конечный результат, вызывает нарекание судей, но привлекает внимание зрителей.

Ровный бег изредка скрашивается незатейливой акробатикой. Мечтающие пробиться на малый круг, экономя время и силы, стараются быстрее выполнить обязательную программу и увеличивают скорость, едва стартовав, не обращая внимания ни на соперников, ни на зрителей. К середине дистанции у большинства из них сбивается дыхание и появляется трезвый взгляд на свои возможности. Иные честолюбцы, охмелев от зрительского внимания, пропускают точку перехода на элитный уровень и пускаются в новый забег по тому же кругу.

Бегуны, для которых участие в марафоне — уже победа, ещё до старта заявляют, что зрительская любовь для них превыше всего, а большой круг — наилучшая площадка для полной демонстрации мастерства. О том, что заработки на большой

арене несоизмеримо выше и стабильнее, участники предпочитают не говорить. Исключением являются те, для которых деньги были не только главной, но и единственной целью.

Важнейшим качеством на этой дистанции является выносливость. Она определяет зрительский успех. Стартовавший в массовом забеге может одолеть несколько кругов и остаться незамеченным, но долгое присутствие на арене в конце концов даёт свои результаты, и ставки на него начинают постепенно расти. Тем, кто осилил десятый круг, в качестве бонуса выделяется самая близкая к трибунам дорожка.

Равнодушие зрителей и невнимание судей оказывают губительное влияние на подавляющее большинство марафонцев. Не обладающие природным упорством, не умеющие справиться с нервным напряжением покидают стадион после первого или второго круга. Наиболее удобным объяснением собственного бессилия является надуманное разочарование в целях и законах марафона. Но случалось, что уходили и после яркого дебюта, озадачив зрителей, горящих от нетерпения в ожидании новых встреч. Имя ярко вспыхнувшей звезды начинало гулять по трибунам и обрастать легендами. Пессимисты вспоминали о завистниках, роковых женщинах и гонениях властей. Оптимисты распускали слухи о скором возвращении. Вечные воздыхатели сетовали на убогость ныне бегущих.

Судейские столы большой арены установлены не в центре, а сдвинуты к точке пересечения кругов. Марафонцев, бегущих возле дальних трибун, судьи вынуждены рассматривать в бинокль. Но их никто не вынуждает. Судейская бригада немногочисленна, почти невлиятельна, потому и не очень привередлива. Мелкие нарушения во имя спасения зрелищности они стараются не замечать и вступают в права только в случаях откровенно провокационного поведения, за которое следует удаление со стадиона. Многие из них периодически поворачиваются спиной к своим подопечным и увлечённо наблюдают за событиями на малой арене. По регламенту они обязаны заносить в протокол результаты забегов и отмечать особо удачные трюки, но в силу своей безответственности заполняют протоколы задним числом, путая номера и статистику. Рекомендации для перехода на малый круг не имеют практической силы, потому и выдаются формально, почти наугад, без надлежащего анализа.

Не очень вместительные трибуны малой арены никогда не бывают переполнены. Зрители не кричат, не свистят, не улюлюкают. Грубые скандалы, переходящие в драки, практически исключены. Наиболее распространённый метод общения — шёпот, но напор безапелляционности суждений гораздо внушительнее безудержного скандирования завсегдатаев большой арены. У каждого зрителя имеются свои фавориты, но если судьи объявляют три-четыре имени и называют их самыми достойными, то зрители не решаются ослушаться, при этом каждый из них уверен, что их выбор сделан самостоятельно.

Случайные люди на трибунах появляются крайне редко. Большинство завсегдатаев при встрече здороваются. Многие из них встречаются не только на стадионе. Марафонцев они называют по имени-отчеству. Иные могут похвастаться личным знакомством не только с участником гонки, но и с теми, кто восседает за судейским столом. Близость может быть несколько преувеличена, но фантазии эти выросли не на пустом месте, потому что многие из постоянных обитателей малой арены провели молодость у входа на стадион, а кто-то и продолжает добиваться права на участие в состязаниях. Публика, знающая подноготную мастерства, как следствие, жёсткая, придирчивая, не прощающая ошибок. О собственных претензиях и неудачах они предпочитают не распространяться, но участников судят с плохо скрываемым высокомерием; впрочем, иногда их оценки, может и завистливые, но независимые, бывают глубже и квалифицированнее судейских.

Малочисленность участников и близость трибун к беговым дорожкам позволяют зрителям подробнее рассмотреть и оценить технику бега. Не обходится и без откровенных разочарований. Иногда уровень исполнения оказывается настолько невыразителен, что возникает естественный вопрос: как этот середнячок получил право выступать перед избранной публикой, если он даже на большой арене был далеко не лучшим? Для усмирения строптивых зрителей защитниками придуман универсальный ответ: «Вы не способны понять всех тонкостей». Подобными аргументами оправдывают и откровенных примитивистов, которые, на удивление, имеют сплочённую группу горячих поклонников и влиятельных судей.

Попадание на элитную арену не гарантирует повышенного внимания судей или зрительского интереса. Так же, как в беге по большому кругу можно оставаться незаметным участником с номером, но без имени. Но судейская травля и зрительское освистывание элиты изощрённее и безжалостнее.

Для привлечения внимания самым испытанным тактическим ходом является объединение в группировки.

Проникшие на малый круг в юном возрасте сразу попадают под ласковую опеку судей и становятся любимцами зрителей. В дальнейшем, как правило, наступает всеобщее разочарование, сопровождаемое безжалостными упрёками за неоправданные надежды, от которых может спасти только ранняя смерть.

Высокое нервное напряжение приводит к многочисленным психологическим травмам. Иные из них незаметны не только зрителям, но и судьям, которые не в состоянии объяснить, почему тот или иной участник сошёл с дистанции.

Марафонцы, склонные к написанию мемуаров, объясняют раннее завершение карьеры неспособностью на сверхусилие над собой и недостаточной агрессивностью, без которой нельзя добиться заметных результатов.

Смерть на беговой дорожке выигрышна даже при самых скромных результатах. Можно сказать, что эта смерть открывает дорогу в бессмертие. Но самым уникальным был случай, когда врач, обследуя погибшего марафонца, определил, что смерть наступила два года назад. Понимая всю абсурдность заключения, врач немедленно собрал консилиум, и весьма авторитетные специалисты вынуждены были подтвердить диагноз. Их растерянность нагляднее всего свидетельствовала, что это не профессиональный сговор, а очередная медицинская загадка. Но зрители и пресса не верили им, потому как верили своим глазам, перед которыми покойный постоянно мелькал последние два года. Однако некоторые из участников забега признавались, что от него давно попахивало мертвечиной. Озадаченные судьи случай смерти в протоколах не отметили, а погибшего дисквалифицировали задним числом как не прошедшего тест на допинг.

Ставки на малой арене несоизмеримо выше, поэтому судьи значительно авторитетнее. Они раздают титулы и награды, они составляют короткие и длинные списки для справочников и энциклопедий, от них зависит коммерческий успех марафонцев.

Впечатляет и обилие призов, разнообразие которых увеличивается с каждым годом. На столах, покрытых зелёным сукном, выставлен длинный ряд футляров с медалями, кубков различной величины и конфигурации, отлитых из пластмассы, алюминия, бронзы, серебра, золота, выточенных из дерева или камня, украшенных затейливой резьбой или инкрустацией. Между кубками по всей длине столов пестреют стопки дипломов и похвальных грамот, запас которых постоянно пополняется из нижних тумб.

Для более удобного обозрения судейские столы расположены крестообразно, как два пересекающихся диаметра, и оборудованы вращающимися креслами. Активное участие в комиссиях принимают не только профессиональные судьи, но и действующие марафонцы, отдыхающие перед очередными кругами. Иные садятся в судейское кресло из желания побыть на виду, кто-то — из чистосердечного любопытства: посмотреть на соратников со стороны, поддержать или, наоборот, приструнить ретивую и самоуверенную молодёжь, — а наиболее практичные, не мучаясь угрызениями совести, занимаются организацией собственной славы и собственных оценок. В промежутках между заседаниями заводятся нужные знакомства, а за ужинами, в непринуждённой обстановке, проясняются прежние недомолвки и произносятся лицеприятные тосты в надежде на ответную благодарность. Впрочем, само присутствие в славной компании автоматически повышает авторитет. Вечерние возлияния и дневной почёт надолго выбивают из формы, и некоторые марафонцы навсегда остаются в судейском корпусе, потому что участие в забеге требует безоговорочной самоотдачи, в отличие от пресс-конференций и встреч со зрителями. Но особо выносливые и честолюбивые, в надежде на новые победы, находят силы возвратиться.

При всей внешней респектабельности единодушие за судейскими столами случается крайне редко. Во все времена существовали независимые упрямцы, желающие противопоставить своё мнение большинству, но гораздо чаще возникают временные группировки, состав которых меняется в зависимости от накала страстей на стадионе и атмосферы за пределами его. Группировки рассаживаются кучками, выбирая себе западный, восточный или южный радиусы.

Северный — остаётся для судей-одиночек. Действуя наособицу, они практически не влияют на распределение титулов и призов, но голос их всегда слышен. Почти все обвинения в попытках предъявить зрителям фальшивые или краденые трофеи зарождаются в северном крыле.

Самыми лояльными считаются судьи южного радиуса, но в случаях, когда западные или восточные коллеги требовали дисквалификации, они никогда не становились на защиту марафонца и присоединялись к сильной стороне.

Противостояние между западом и востоком длится несколько веков. Чем активнее запад возвышает своих фаворитов, тем ожесточённее ниспровергает их восток. Случается, что судейские баталии полностью отвлекают внимание зрителей, и марафонцы позволяют себе вольные эксперименты, порою не совсем этичные.

Имена победителей чаще всего зависят от соотношения сил западного и восточного радиусов.

Но окончательные оценки выставляют не зрители, не судьи, а время.

Баадур Чхатарашвили

Привет, птица!

Недавно я видел человека, который не верит в сказки.
Г. К. Честертон

Народное искусство есть старейшая аристократия духа.
Йейтс

Меня здесь знали под кличкой «арфист». Годами скитался я по этим краям с переносной арфой, подвешенной за спиной на коротких ременных лямках… но вот моей арфы уже нет. От этого плечам во время ходьбы до зуда легко и непривычно.
Гвин Томас

1.

Впереди перевал. По ту сторону — спуск в долину, к реке. Натруженные ноги шаг за шагом меряют тропу, что, петляя меж обугленных стволов, ведёт к макушке крутого склона. Там, откуда я иду, не осталось ничего живого. Там, куда я иду… кто знает?

Вот и вершина: переполняя каменную чашу, родник роняет звонкую струю. Ко времени, вода в баклажке давно протухла. В тени карниза прохлада, уступ укроет от несущего липкий пепел ветра. Поклажу наземь — изголовье готово. В небе ни облачка, Золотой петух роняет жаркие перья…

Скрип-скрип — сквозь дрёму, скрип-скрип: над урезом площадки возвысился обрамлённый сивыми космами лик, за ним плечи, руки — худощавый широкоплечий дядька втянул на пятачок одноосную тележку, позади старался, подталкивая, подросток, следом подошли женщины — четверо, пара ребятишек.

Седой остановился, отпустил оглобли:
— Привет тебе, странник! Источник жив? Журчит? Вот и славно!

Плеснул воды в лицо, напился, подсел рядком, глянул острым глазом:
— Куда путь держишь?
— К реке.
— И что там, у реки?
— Не знаю, если честно, но надо же куда-то идти.
— Верно, куда-нибудь идти надо. Есть хочешь?
— Третий день пощусь.
— Сходи вон с Лазаре, — указал на недоросля, — дров нарубите, топор в повозке.

Женщины, не стыдясь наготы, поливали друг дружку, черпая воду глиняными мисками; дети — оба мальчишки — подобрались к самой чаше, толкались, разбрасывали брызги горстями. Измазавшись в копоти, я нарубил сучьев на склоне, Лазаре таскал охапки. Седой развёл костёр, надставил над огнём треногу, подвесил котёл, велел спутницам затевать стряпню, после вновь обратился ко мне:
— Ценное есть что? Оружие, лекарства?
— Я с оружием не дружу.
— Безоружным, да по горам лазать — смелый ты парень. Как тебя величать?
— Авель.
— Ну?! Значит — «гонимый праведник», если по Завету. Уж коли ты Авель, тогда я — Агасфер, — показал белые зубы, — вечный странник. Курево есть?
— Откуда табаку взяться? Глянь окрест.
— И то верно, неоткуда. Слушай меня: у реки делать нечего, там всё выгорело. Коли в охотку — пойдём с нами: лошадь околела, тяжко одному телегу тянуть.
— А в какие края?
— К отрогам. На южные склоны всего с десяток налётов случилось. В ущельях лес мог спастись, может, и люди выжили. Ну что, вступаешь в табор?
— Лучше с вами, чем одному плутать…
— Ладно, мамалыга поспела, давай поедим…

К ночи вожак залил костёр:
— Не стоит выставляться, мало ли кого огонёк поманить может.

Из повозки вытянул двустволку, прислонил к камню.
— Девочки, дайте Авелю одеяло. А может, кто согреть его желает? Ладно, шучу, всем спать, подниму на заре.

Из-за скалы выглянул молодой месяц, накрыл нас серебряным покрывалом. Ветер утих, остывая, потрескивали угли на кострище. Рядом были люди — конец одиночеству.

Утром, пока поспевали лепёшки, Седой приладил к оглоблям тележки петли, к задку — верёвку:
— Пустим под уклон, сами травить будем.

За едой разъяснил:
— У нас из харчей — мешок дроблёной кукурузы, полмешка муки и горсть соли, дней десять

продержимся, не больше. Ещё имеются бутылка бензина, зажигалка, ружьё и пять патронов дробовых, так что положеньице — сам понимаешь… Ну, ничего, Моисей евреев из пустыни вывел, и мы выберемся, было бы куда. Как спустимся, пойдём на восток, к вечеру до острова доберёмся, там река на два рукава расходится, попробуем перебраться. А после — прочь от реки, на северо-запад: должны к ущельям выйти, что по предгорью змеятся. Я в этих местах каждый камень знаю, не заплутаем.

Нисхождение завершилось к полудню: экипаж на спуске сдерживали всем обществом, натягивали канат; впереди, следуя извивам тропы, бежал Лазаре, поворачивал оглобли.

У подножья вышли на застывшую ленту переплавленного асфальта, детей усадили на повозку, я и Седой впряглись в постромки, и — на восток, вверх, вдоль реки. Седой рассказывал:

— В долине я каналы тянул, оросительную систему: видишь развалины — балки скрученные, камень битый — головное сооружение… было, воду качали в степь. Вот тут, от дороги и до всхолмья, виноградники тянулись, ближе к берегу — сады. У развилки мост стоял, на том берегу — пойменный лес, а нынче один пепел — фосфорная бомба почву на полметра вглубь прожигает. Маленькие холмики видишь? Это скот печёный — коровки, бычки…

Утомлённые солнцем мальчишки пристроились на куче скарба, уснули.

— Седой, вы одна семья?

— Да нет, беда свела. Первым я Лазаре выручил, ещё осенью: в верховьях деревню горой завалило — после бомбёжки склон обрушился, там я его и откопал еле живого. После девочек нашли в разбитой церкви. А детей недавно встретили — брели по пустоши, одичавшие, кожа да кости. Как выжили, непонятно.

Поднялся ветерок, потянул хрупкую взвесь. Река катила покрытую пятнами сажи жёлтую воду, изредка из пены выглядывала обгорелая коряга. Мы шли: скрип-скрип.

Шли до заката, без остановки, Седой торопил, хотел засветло добраться до нужного места. Дорога забрала вверх; впереди, зачернив часть неба, проглянуло массивное. Навалившись всем табором, вытолкали тележку на холм, свернули к стенам бетонного короба.

— Устоял! — Седой утёр пот со лба. — Знал, что уцелеет. Пошли, под крышей сегодня ночуем.

Внутри громадины шаги вторились долгим гулким эхом, нечастые проёмы высоченной западной стены рассыпáли по подножию сполохи уходящего солнца.

— Лазаре, тащи дрова из повозки, — распорядился Седой. — Девочки, котёл, кукурузу, воду. Поедим — и спать. С утра дел невпроворот. Тут, под нами, — стукнул каблуком в пол, — сокровищница. Авель, ты руками что-нибудь делать умеешь?

— А что нужно делать? Вообще-то я… музыкант.

— Да ну? — Седой хлопнул меня по плечу. — Весёлая компания у нас сложилась: Катерина вон — зубодёр, то есть, прошу прощения, дантист; Цуца — ветеринар; Тамра — бухгалтер; Ангелина — учитель словесности, а теперь и Шопен собственный объявился, дирижёр. Ну не сердись, не обижайся на старика: внизу машинный зал, поможешь мне кое-какие железки собрать, иначе реку не одолеем.

Как рассвело, Седой повёл меня вниз.

— Там темно, как у ишака в заднице, однако коптилки керосиновые должны присутствовать, сам заправлял, на аварийный случай.

Спустились по узкой лесенке, я встал у последней ступени, Седой на ощупь прошёл внутрь. Мигнул огонёк зажигалки, звякнуло стекло, тусклая лампа осветила вырубленный в камне колодец. Седой зажёг вторую, поднял повыше.

— Гляди: трос на барабане, надо смотать. Бочки видишь? Раствор хлора. Сольём аккуратно, тару наверх. За этой дверцей подсобка, там много чего полезного: инструмент, болты, гайки, провода. Начнём с лебёдки, бочки в последнюю очередь, иначе хлорки надышимся…

Самым трудным делом оказалась разборка барабана: ободрав в кровь руки, смотали неподатливый трос. Седой позвал женщин. Встав на лестнице цепочкой, перекидали кучу металлического хлама. Четыре бочки подкатили к ступеням, поставили «на попа», Седой каждую обвязал проводом, концы передал нам:

— Отойдите в сторону, я их опрокину — и бегом наверх, как стечёт — вытянем.

До вечера мы крепили бочки к бортам тележки, остатки хлорки разъедали исцарапанные ладони. Навернув на горловины заглушки, Седой полюбовался нескладной конструкцией:

— Готов ковчег. Пошли отдыхать, завтра спуск судна на воды.

За холмом островок делил реку на неширокие протоки. У воды выставил в небо опалённые огнём ветви израненный патриарх.

— Дивная роща была, — вздохнул Седой, — осенью народ сходился, шашлыки жарили, орехи собирали… Слушайте меня: на трос надеваем ползунок, — показал обрезок стальной трубы с проушинами, — чалим его одним концом к стволу, я обвяжусь верёвкой, вплавь переберусь на остров, после подадите мне второй конец…

Седой намертво закрепил трос на островке — согнул петлёй, набросил на валун. Я продел короткую

цепь через отверстия в «ползуне», оконечные звенья накинул на вбитые в борта телеги крючья. Ковчег столкнули в воду, я взобрался на зыбкую «палубу», принял переброшенный с острова конец, намотал на барабан лебёдки, налёг на ворот—в первую ходку перевезли утварь. Разгрузили пожитки, в два приёма переправили женщин, детей и Лазаре. Я вернулся на берег, перерубил трос у ствола, остальные ухватились за канат, приспустили «ковчег» по течению, после вытянули на другую сторону острова.

Потом всё повторяли в обратном порядке. Когда одолели реку, солнце уже ушло за скалы, что встали у нас на пути.

Проснулся я от крепкого тумака.
—Гляди!—Седой указал на берег: у самой воды семенили по наносному песку пёстрые птахи.—Сойки, понимаешь? Сойки! Лес где-то рядом, жизнь!

Разбудив остальных, мы побросали одеяла на тележку, впряглись и двинулись вдоль обрывистой гряды.
—Левее забирайте, левее,—командовал Седой,—как раз к седловине выйдем, а там по ущелью.

Обогнув скалистый уступ, свернули в широкий, с пологими склонами, проход. Тележка угодила колесом в канаву.
—Люди!—заорал я.—Тут дорога, вон ещё колея…
—Верно,—отозвался Седой,—дорога эта ведёт к Белым камням, к водопадам, часа два ходу. Девочки, подтянитесь, скоро райский уголок будем лицезреть. Господи, какие пикники я там затевал, сколько вина было выпито… Шире шаг! Шопен, запевай.
—Какая там песня, еле тяну, ноги подгибаются…
—Не вешать носа, скоро на травке привал устроим.
—А если и там… ну, как здесь…
—Не может быть там как здесь!—Седой поиграл желваками, сильнее налёг на постромку.—Шире шаг!

Следуя очертанию горы, дорога изогнулась; одолев ещё сотню шагов, мы увидели первый куст, дальше—ещё с десяток, а за следующим поворотом склоны застлал густой зелёный покров.

Быстроструйный поток отрастил пышные гривы зашеинам белых камней. С отвесной, заросшей мхом стены, наполняя воздух капельками влаги, от края до края ниспадала сплошная водяная завеса. Чуть ниже вода, вздымая клочья пены, прорывалась сквозь узкую горловину. Мы стали без слов, смотрели. Седой хлопнул в ладоши:
—Мальчики, девочки, очнитесь. Разведите костёр, я скоро вернусь.

Прихватив плетёнку, нырнул в заросли.

Я, шагая с камня на камень, пробрался к середине потока, лёг на шероховатую, согретую солнцем глыбу, слушал напев водопада. Потянуло дымком—это Лазаре колдовал над кучей хвороста. Костёр почти прогорел, когда вернулся Седой.
—Авель, наломай прутьев, готовь шампуры,—высыпал на траву кружева древесных грибов.—Испечём над жаром, к чертям мамалыгу, воротит уже. И ещё,—состроил значительную мину, придвинулся к тележке, пошарил рукой, достал бурдючок,—виноградная, двойной перегонки, давно зуб точу, однако сберёг, не тронул, ждал.

Детей насилу выгнали из воды, уселись у костра, чарка пошла по кругу. Крепкая водка свалила меня после третьей здравицы. Цуца принесла одеяло, укрыла, под голову подложила что-то мягкое. Яркие звёзды усыпали небо. Я уснул.

Пробудился я от давно позабытого: в предрассветной тишине, вторясь эхом, разливался собачий лай.
—Седой, проснись! Проснись, собаки брешут!

Вожак спросонок потряс головой, прислушался:
—Ветер западный, с Шилде несёт. Обойдём горловину, там проход должен быть…

Укрывшись в густых зарослях, мы глядели на лежащее в низине село.
—Авель, в том подворье ряды кустов с белыми цветам, и на соседнем дворе тоже: это табак,—Седой сглотнул слюну.—Душу чёрту продам за затяжку… А ведь толковые ребята: скотный двор на подветренной стороне, кукуруза по террасам высажена. Сады ухоженные, картофельное поле. Сено, верно, на плато заготавливают, в лугах—вон какие скирды стоят. Живут общим хозяйством. Гляди: у источника, под навесом, давильня, рядом «кастрюля»—водку гнать. Кухонька там же, столы с лавками душ на сто. Позади птичник, пасека. Ограда каменная вкруг. Когда же они отстроились? Не было здесь домов. Виноградники были, сады стояли, а деревня вон на тот холм карабкалась. Разобрали, видать, дома, перенесли—стена к стене стоят, так от лихих людей отбиться легче. Ладно, двинули вниз. Видишь—кустарник к ограде подобрался, там наших схороним, а мы с тобой пойдём разговоры разговаривать.

Собаки учуяли чужаков: здоровенные кобели, роняя с клыков слюну, бесновались у ворот, заглядывали в просветы меж досок. Над кладкой ограды появилась голова—голая, без единого волоска, рожа сморщена в изюминку. Рядом с первым ещё любопытствующие—скуластые, хмурые.
—Кто такие?—подал голос лысый.—Чего надо?

Седой показал пустые руки:
—Из-за реки идём, женщины с нами и дети…
—Не принимаем чужаков.
—Послушай, у меня повозка есть, инструмент, ружьё, кой-какие лекарства, внесу в общак…
—Не нужно. Идите с миром, не то собак выпущу.

— Эй, Кишмиш[1],— я выступил вперёд,— у меня есть ценная вещь…
— И что у тебя там ценного? Побрякушки не интересуют.
— Погоди.

Я метнулся к зарослям, сдёрнул с повозки рюкзак, повернул назад. Развязав стягивающий горловину шнурок, пристроил на ровном месте оклеенный коленкором ящик, откинул крышку, наставил на диск пластинку, покрутил ручку, передвинул мембрану. Зашипело, грянули медные. Со стены, раззявив рты, глядели на патефон, слушали. Отзвучала кода.

— Моцарт, «Турецкий марш»,— лысый подобрел лицом, разгладил морщины.
— «Рондо в турецком стиле»,— уточнил я.— Соната ля мажор, финал. Запись тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Дирижёр — Артуро Тосканини.
— Пластинок много?— лысый указал бровями на рюкзак.
— Штук тридцать: Ян Кипура, Джили, Карузо. Есть танцевальная: танго, фокстроты, вальсы. Даже чарльстон есть…
— У вас все здоровые? Заразу не занесёте?
— Больных нет, слово даю,— Седой приподнял ладонь, ударил себя в грудь.

Лысый обернулся, велел кому-то:
— Отзови собак.

Глянул ещё разок на патефон.
— Ведите своих. Завтра у нас «завод», сливянку будем гнать. Устроим танцы под вашу музыку. Пару дней поживёте на выселках — вон тот дом пустует, после поглядим. Если честные люди, примем в общину.

Пока Седой поднимал табор, я сменил пластинку, завёл пружину; ветерок подхватил мелодию и закружил в вальсе над черепицей обретённого крова…

2.

Много чудно́го поведал мне старичок с лукавыми глазами, когда, дожидаясь зова лягушки, коротали мы вечерние часы у продымлённого очага. К знахарю определил меня лысый староста: наутро после «завода», придерживая ладонью больную голову, брёл я к источнику — напиться. На площади толпились селяне. Седой размахивал руками, втолковывал лысому:
— Таскать сено в обход — ослиный труд! Вон на том уступе закрепим один конец, второй возле овчарни; сколотим поддон, подвесим на ролике, внизу барабан поставим, наверху блок. Вот тебе и канатная дорога…

Лысый приметил меня:
— А, музыкант. Свинья ты порядочная, приклеил мне кличку, только и слышу: Кишмиш да Кишмиш. Что, головка болит? Пить не умеешь. Иди на кухню, поешь горячего. После возвращайся, потолкуем.

На кухне наша Цуца на пару с толстой тёткой ворочала котлы.
— Бедный Шопенчик, похмельем мучается. Садись, похлёбку налью, с фасолью, с картошечкой.

После похлёбки Цуца силком влила в меня чарку сливянки. Повеселев, я вернулся к обществу. Седой орал, указывая на низ террасы:
— Там нагорную канавку выроем, облицуем плитняком, в той выемке сложим бассейн — вот тебе и запас воды для скота. Дальше: глина, известняк рядом есть?

Кишмиш отгородился ладонями:
— Ладно, ладно. Дам тебе людей, хочешь — копай, хочешь — засыпай обратно. Вот псих явился на мою голову. Эй, Шопен, поди сюда. Граммофон крутить — дело хорошее, а что-нибудь ещё умеешь?
— Да. Играю на арфе.
— Вот тебе раз. Где я, например, арфу возьму? У нас всё больше пандури[2] и ствири[3] в ходу. Что же тебе, без дела болтаться? Мда… Эй, люди,— лысый повернулся к народу,— Луку кто видел? Где Лука?
— Здесь я,— низенький, брови космами, в овчинной безрукавке, продвинулся вперёд.

Кишмиш уложил ладонь мне на руку:
— Вот что, музыкант. Дед Лука — знахарь наш и немного колдун. Ступай к нему в обучение — может, какая польза от тебя случится.

Древнее дарбази[4] колдуна стояло особняком у отвесной скалы, что отделяла село от горной гряды. Крытые дубовым гонтом бревенчатые стены углом приставали к каменному надолбу. В скале вырублены каморы, зал с очагом и материнским столбом[5] посерёдке. Лука очертил рукой:
— Отец мой здесь жил, дед мой и прадед, прозвище наше — Каланди[6]. Сам я без наследника, коли придёшься по сердцу — тебе хоромы оставлю.

Я оглядел жильё: по балкам связки кореньев, сушёных плодов; на рогожах расстелены травы. Столешница заставлена ступами, горшками, долблёнными из камня плошками. В нишах дубовые лежаки, под самым сводом мутное оконце. У очага широкая лавка. На перекладине круглит глаза совёнок.
— Это Когти,— Лука усадил птенца не плечо.— Ещё Чинка у нас живёт, домовой. Видать, схоронился,

1. Изюм *(груз.)*.
2. Струнный музыкальный инструмент.
3. Волынка.
4. Жилище с уступчатым сводом и очагом в центре, целиком, либо частично вырубленное в склоне горы.
5. Материнский столб — центральная опора в грузинском жилище.
6. Каланди (каланда) — Новый год, новогодний.

он чужаков стесняется. Ничего, сдружитесь. Выбирай ложе. Утром и в обед столуемся на сельской кухне, а по вечерам мы с тобой будем здесь перекусывать, ждать луну.
— Зачем луну ждать?
— Плоды, ягоды, корешки, листву собираем днём, ибо солнце напитывает их живительным огнём; а целебные травы силу черпают от лунного света, вот и ходим за ними ночью: первой луну видит форель, затаившись в спящей воде, второй — лягушка и подаёт нам знак. Пойдём наружу.

Обойдя слоистый выступ, мы вышли к колодцу, в заросли остролиста.
— Отсюда наше хозяйство начинается, — Лука указал на восток. — Тропка, что берёт начало у скалы, ведёт к лесу: видишь, там можжевельник меж каменьев проглядывает, дальше роща пихтовая, дубки, а за ними стеной деревья. Лес на гору карабкается, после луга тянутся, а по ту сторону к водопадам проход, к Белым камням.
— Лука, — прервал я старика, — объясни: кругом всё спалили, как же это уцелело?
— Мать места нас защитила.
— Какая мать? О чём ты?
— Ламария-покровительница[7] накрыла нас своим покрывалом, когда ваш бог привёл девять солнц из чужого мира и сжёг землю и иссушил воду.
— Лука, при чём тут бог? Самолёты несли бомбы, люди управляли ими, и люди сбрасывали те бомбы на нас.
— Молод ты и глуп. Что есть люди? Куклы, игрушки для высших. В стародавние времена божества сопутствовали людям повсюду, и мир был приветлив и светел. После вы, человечки твоего рода, объявили истинных богов ложными и стали поклоняться тому, распятому, которого приняли от чужаков. Вы преклоняли перед ним колена, а он сжёг наш мир огненным плевком, и сегодня этот мир засыпан толстым слоем пепла… Не мы одни спаслись: выше, в горах, лезгины схоронились в пещерах — духи предков оберегали племя; от них знаем: меж Семи острогов тоже люди есть, те, которые угли в очагах не гасили с Первого дня; и на западе некоторые выжили. Ещё бродячий торговец рассказывал: в городе, что у озера, толика жителей уцелела… Пошли в дом, Когти не может на свету долго.

В доме, у очага, прикрыв лапы пушистым хвостом, сидел то ли енот, то ли лисёнок — не понял я сразу.
— А вот и Чинка, — Лука снял с плеча совёнка, пустил гулять по столу. — С ним такая история вышла. Возвращался я как-то с озера, что над водопадами, — ночью было дело, верхом на ослике двигался. Как в самое сердце леса забрался — Чинка мне за спину спрыгнул, покуражиться захотел, с дороги сбить, поводить по зарослям, а я его раз — и тесьмой опутал, привязал к поясу, домой привёз. Посадил в котёл, прикрыл крышкой и камнем придавил, чтоб не выбрался. Сидел у меня, голубчик, в кутузке три дня и три ночи, потом поклялся, что вреда дому чинить не будет, я его и выпустил. Но он тот ещё плут. Заставил я его называть всё, что мне принадлежит, и слово-оберег давать, а про огонь забыл. Он мне и говорит: «Коли, Каланди, будешь ко мне несправедлив, огонь в очаге стану гасить». И верно: бывает, в сердцах рассержусь на бесёнка — в тот день растопить очаг никак не могу.

Не по себе мне сделалось от услышанного — мало радости с полоумным под одной крышей проживать. Лука заметил, прищурил глаз:
— Думаешь заговаривается старик? — рассмеялся. — Тут у нас много чего интересного происходит, постепенно привыкнешь, что за сказку примешь, что — за быль. Чинка тебя признал, иначе не объявился бы, и Когти на тебя добрым глазом смотрит…

Хлопнула дверь, в дом ворвался Седой:
— Ну как, Шопен, обживаешься? А я завтра обратно двинусь.
— Куда?
— За реку. Кишмиш лошадь даёт, я крепких ребят отобрал, пойдём с водокачки оставшийся инвентарь забирать — лебёдки, насосы, трубы, всё в хозяйстве сгодится. Дня через три вернусь. Не скучай тут без меня. А что это за зверь? Барсук, что ли?..

Чинка зевнул, потёр глаза тонкими пальцами, подобрал с полу рогожку и ушёл под лавку.

В тот вечер луны мы не дождались: налетел порывистый ветер, пригнал фиолетовые тучи, опрокинул ливнем. Лука раздул огонь в очаге, усадил меня на лавку, дал ступу, велел растирать сухие травы; сам смешивал в горшке, добавляя то корешок, то гроздь ягод.
— Лука, как ты травником сделался? От отца перенял?
— Нет, — отставил посуду, набил закопчённую трубку, прикурил от уголька. — Отец мой и дед овец разводили. Здесь, у дома, овчарня стояла. Я сызмальства за барашками бегал. Как Микел-Габриэл[8] родителя моего забрал — тогда мне как тебе сейчас годков было — один на хозяйстве остался. В те времена село на соседнем холме проживало, сюда сады подбирались и посевы. С весны я отару в горы водил, на луга, а к холодам зимовать возвращался. Зимой и было дело. Слышу, ночью овцы в загоне бьются, кричат. Вышел наружу — луна серебро разливает, снег искрится, а у колодца сидят три волка, языки вывалили, зубы блестят, и смотрят на меня, глаз не отводят. Вывел я одну

7. Ламария — в дохристианском пантеоне грузин покровительница плодородия.

8. Ангел смерти.

овцу, отдал им. Самый матёрый жертву ухватил, забросил на спину, и ушли волки в лес. Вот так. А когда ласточки прилетели гнёзда мастерить, погнал я овечек на дальние пастбища, к горе Рошки. У подножья той горы леса дремучие, я их краем обходил, по руслам речным,—спешил, чтоб до половодья успеть. Встретил я там троих охотников, вышли из леса, остановили меня—стройные, высокие, в тёмных одеждах, кинжалы в богатых ножнах. Один—видно было по стати, что вожак,—пригляделся ко мне, говорит: «Это, братья, Лука из Шилду: помните, морозной ночью барашком нас угостил?» Обнял меня, прихватил за плечо: «Пойдём, Каланди, сегодня ты наш гость. Овечек оставь, присмотрят, ни одна не пропадёт». Пришли мы в пещеру: на полу ковры, по стенам оружие развешено. Над углями цельный тур, на вертел насаженный, вино в кувшинах. Пировали до утра, и дал я во хмелю клятву почитать впредь Мамбери, повелителя волков. Назавтра из леса пришли серые пастухи, погнали отару на пастбище, и овцы их не дичились. Побратимы отвели меня в чащу, в логово Дедабери-колдуньи. Взялась старая обучать меня, но прежде заклятие наложила, что никогда во вред и на зло не использую науку. Прожил я у неё до осени—постигал тайный язык, учился дарами наших богов пользоваться, от злых сил обороняться. Как шиповник поспел да с дубов листва облетела, пригнали волки моих овечек с дальних лугов, и пошли мы к дому. Овец, вернувшись, передал я обществу, а сам стал врачевать людей и зверей. Так и живу с той поры.

— Ну, Лука, мастер ты сказки складывать.

Лука спрятал улыбку в усы:

— А ты в селе поспрошай: лес кругом, волки по ночам вблизи воют, и надо же так—сколько лет ни телка, ни порося не увели... Да, испортил нам дождик ночку, вон и Когти нахохлился, без прогулки остался. Если к утру распогодится, пойдём в лес, древесную азбуку тебе расскажу.

Ночью Чинка пришёл со своей рогожкой под мой лежак. Долго возился, устраивался, после захрапел басом. Лука предупредил:

— Не гони, без огня застынем.

К рассвету дождь выдохся. Трава на лужайке у дома исходила паром под первыми лучами проглянувшего сквозь облака солнца. Я направился к колодцу умыться.

— Стой, Авель, посторонись,—Лука встал у меня за спиной, в руке лук, наложил стрелу, прицелился, спустил тетиву.—Теперь можно, иди.

«Господи, съеду я с разума с ним на пару. Вот вздорный старик».

Пока я плескался, Лука вернулся в дом, снова появился, уже без оружия, с котомкой:

— Не будем время терять, спускаться в село, в лесу перекусим. Оботрись, и пойдём.

Мы шли к роще. Лука рассказывал:

— Боги одарили деревьями наш мир—величайшую милость оказали смертным. Первопредок Амиран похитил в небесах огонь, и дерево приняло огонь и сгорает в огне, даря нам тепло, свет тёмной ночью и защиту от зверя. Из дерева дом, в котором мы живём, ложе, на котором мы видим сны, ладья, на которой ходим по водам. Из дерева делаем мы лук для охоты, копьё для устрашения врага, из дерева—колыбель. Из дерева домовина, в которой обретём последнее убежище. Чтобы слово твоё дошло до небес, поведай его дереву. Дерево уходит корнями в прошлое, а ветвями в будущее, единит три мира: подземный, срединный и небесный. Каждое дерево смысл в себе несёт, изначально заложенный. Смотри: у колодца нашего остролист растёт—зелен летом и зимой, это воин, бессмертный рыцарь. Цветёт он в разгар лета, и в цветах тех сила, способная пробудить любовь в самом чёрством сердце. Остролист—вещее дерево: ежели не зацвёл от солнцестояния летнего и до зимнего—жди большой беды. Вот пихта-красавица, хвоя—как одежды нарядные: это дерево Мтовари, Белой богини, дерево перворождённых. Когда ребёнок родится, трижды обносим колыбель горящей веткой пихты, благость снизойдёт на прибывшего в этот мир. На день зимнего солнцеворота подносим дары лунному дереву: серебро, прялку, белую, красную и чёрную ленты. Желтоголовый королёк гнездится зимой на пихте—в снежных шапках на ветвях, заблудившегося путника выводит на дорогу. В пихтовой роще укроешься от врага, если почитаешь Мтовари. Пихта всегда впереди лиственного леса стоит, зовёт передохнуть, прежде чем вступишь под сумеречный полог. Давай-ка и мы на ковёр из опавших одёжек присядем, хлеб переломим, чарку осушим, покропим вином на ветви.

Лука скинул с плеча котомку, достал чистую тряпицу, расстелил под деревом, разложил пресные лепёшки, сыр, сушёный инжир, меж корней пристроил флягу. Я подсел, разлил вино по пиалам.

— Лука, ты только что говорил—дерево три мира единит, объясни.

— Почему мы пояс затягиваем посреди туловища? Потому что живём в срединном мире. Кроме нашего, видимого мира, существует ещё два: один выше нас, а другой под нами. В нижнем мире живут Мацили и Батонеби—злые духи, несущие нам болезни и порчу. Проникают они в наш мир через пещеры, колодцы. Ты, небось, утром дурное подумал, когда я с луком вышел, а это я тебя оберегал. Мацили только и боятся, что стрелы из побега тиса. Тис—хранитель тайн Мтовари, матери всего сущего, дерево смерти. Самый лучший лук—из его древесины, а для стрел срезаем ветви при затмении луны. Сок его—яд для нечисти.

— Ладно, там, под нами, нечисть. А в том, что над нами?
— В верхнем мире боги обитают, их дети и слуги... не спеши с расспросами — обо всём расскажу, дай время — научу видеть невидимых, различать облики, что бессмертные принимают. Вот, к примеру, в лесу можешь странное существо встретить: походит на человека, но густые волосы покрывают у него всю спину, борода до колен, зубы торчат изо рта — нижние загнуты, аж до темени достают. Если сам зла не задумал, не бойся чудища, это Месепи — распорядитель леса. Его спутник — Каракачи, пятнистый пёс. Обходят они лес, проверяют свои наделы, подсчитывают убыль или прибыль зверья, летучей и ползучей живности, собирают с них дань. Где увидишь — положи наземь пресный хлебец, поклонись и иди дальше. Однако я тебя в чащу пока одного отпускать не буду — можешь с Али столкнуться, вот эти пострашнее будут, обучу оберéгу от них после...

Весь день мы бродили по лесу. В дубняке Лука велел мне срезать кору с молодых побегов:
— Дуб — дерево царей, владыка леса и страж. В жилье входную дверь ставим из дубовой доски. Корни у дуба уходят в землю на глубину, равную его высоте, а крона достаёт до неба, потому он правит и небесами, и преисподней. Дуб — вещее дерево. В трёхствольный дуб каждым летом в июле бьёт молния, через семь дней идём к нему за советом, по шуму листвы понимаем его повеление. Омела обвивает ветви дуба и напитывается его соком, ягоды омелы настаиваем на вине, получаем волшебный эликсир, позволяет увидеть невидимое. В летнее солнцестояние ветви омелы срезаем, несём в дом для защиты от злых духов. А кору, что ты собрал, высушим и будем отваром лечить жар простудный, воспаления внутренние...
— Лука, гляди, — указал я на приземистое деревце у обрыва, — у нас его «древом желания» называли, ленты на ветки повязывали...
— Это боярышник, весеннее дерево, майское, недоброе. Неверно его древом желания называть. Май — месяц злых колдуний, тёмные силы в мае крепчают. Почему свадьбы в мае не играем? Ещё предки учили: до середины июня не будет счастья ни невестам, ни женихам. А лоскуты развешивают на боярышник, если растёт у источника, чтоб духов от воды отвлечь, задобрить. И запомни: срубишь боярышник — жди беды, не минует.

Намотавшись по зарослям, возвращались мы восвояси. Как миновали пихтовую рощу, приметил я на ближайшей лужайке с десяток малышей: сорванцы гоняли по траве большой оранжевый мяч. Ноги сами понесли меня к игрокам.
— Лука, — позвал я на бегу, — ты иди, я после догоню, стукну по мячику пару раз...
— Стой, стой, — крикнул старик, — не ходи туда...
Отмахнувшись, я продолжил бег, однако дети повели себя странно: завидев меня, прекратили игру, сбились в кучу и ушли в густой кустарник. Удивлённый, я повернул назад.
— Дикий вы народ, однако. Я что, страшило какое, что детвора от меня шарахается?
— Это не дети, — Лука нахмурился. — Когда я тебе говорю — «стой», так будь ласков, замри и слушай дальше... Маленький народец ты побеспокоил, добилни зовутся. Теперь жди неприятностей.
— Да ну тебя к чертям с твоими сказками.
В сердцах я зашагал к селу, минуя избушку Луки. У источника наткнулся на Седого.
— Привет, Шопен.
— Ты же в поход собирался. Отчего не ушёл?
— Из-за дождя, дорога раскисла. Завтра пойдём. А ты что такой взъерошенный?
— С Лукой поругался. Ненормальный он, донимает ерундой всякой...
— Э, побереги нервы. Пойдём на кухню, поедим, завозился с утра, живот подвело.
До харчей мы не добрались, отвлёк гомон в коровнике, куда только что пригнали стадо с выпаса.
— Стряслось что-то, — Седой сделал стойку. — Бегом за мной!

Посреди двора суетился народ: несколько дюжих мужиков пытались удержать стоймя упитанную бурёнку — подпирали с боков, тянули за рога. Рядом причитала растрёпанная матрона, у её ног валялись опрокинутые вёдра. Животина тяжело дышала, норовила залечь. Лысый староста чинил допрос:
— Что стряслось? Да не ори ты, дура старая. Где пастух?
Щуплый пастух подошёл, вобрал голову в плечи:
— Всё чудесно было, весь день паслись себе, а как вернулись, так она и взбесилась...
— Не иначе ядовитой травы нажралась... — подал реплику болельщик из толпы.
— Нет там дурной травы, — мой Лука подошёл к корове, поглядел в вывороченные глаза, пощупал под крутыми скулами. — Вроде не хворая. Непонятно.
Ноги у скотины окончательно отказали: подминая мужиков, корова завалилась набок, вывалила язык.
— Вай, кончается моя Пепела, — скотница ухватилась за голову.
Староста поймал за ухо подвернувшегося мальчугана:
— Беги на кухню, живо! Повариха там их, новых, зови сюда.
Вытирая руки о передник, подошла Цуца. Пощупала страдалице вымя, потрогала язык, приложила ухо к брюху, послушала.

— Непрохождение у неё…
— Чего? — староста вытянул шею.
— Запор. Клистир надо ставить — клизму. Только вот чем?

Седой понял: его выход.

— Цуца, шланг у меня есть, метра два. А сосуд какой нужен? Ёмкость назови.
— Ведра полтора за раз надо влить…
— Где кузнец? Я в кузню, щас вернусь…

Седой умчался со двора. Вернулся в сопровождении хмурого мужика, на ходу изображал что-то руками, очерчивал в воздухе:

— Я раскрою´, тебе только на заклёпки взять и снизу к ведру приставить, вместо донышка…

Кузнец потоптался возле коровы, заглянул зачем-то Пепеле под хвост.

— Попробуем, пошли.

Через четверть часа приспособление было готово. Натаскали воды, корову всем миром подняли, установили на разъезжающиеся копыта. Цуце подставили табурет, чтоб сподручнее было. Седой лил в агрегат воду, лысый держал хвост. После первой порции Пепела замерла, задумалась. Седой добавил воды. Пепела глубоко вздохнула, пригнула голову, натужилась, Седой и Цуца брызнули в стороны, лысый не успел: густая зелёная струя разрисовала старосту с ног до головы, под хвостом у скотины вздулся нарост с детскую голову; вывернув шею, Пепела внимательно разглядывала собственный зад.

— Воду несите, воду… — орал Кишмиш, протирая глаза.

Седой подхватил ведро, обдал новообразование.

— Куда льёшь, осёл?! На меня лей!

Пепела округлила бока, с громким чавком отстрелила инородное тело, встряхнулась и пошла к стойлу. Пока отмывали старосту, Седой подобрал отторгнутое, прополоскал в ведре.

— Глядите: мяч сожрала пластиковый, оранжевый.

Подошла Цуца.

— Не могла она его съесть, вернее — съесть могла, но тогда через зад он бы не вышел, отрыгнула бы и задохнулась.

Кишмиш обтёрся чьей-то рубахой:

— Как же он ей в задницу попал?
— Кто-то засунул.
— Да что ты несёшь? Кто тут будет скотине в зад всякую дрянь пихать? И потом, откуда мяч этот? Я наперечёт всё в деревне знаю, не было здесь такого…
— Ну, вчера ветер сильный был, — заметил Седой, — мог с пустыря какого принести. А вот кто у тебя в общине вредительствует, это тебе выяснять.

Я ойкнул, получив в спину тычок, оглянулся — Лука глядел строго:

— Пошли домой, ишак! Впредь слушать меня будешь.

3.

Набирал силу июнь, месяц дуба. В ночь перед солнцеворотом Лука долго рассматривал молодую луну:

— Ардадаги[9] дождливый будет, под домашний арест нас определит. Не беда, что заготовить успели, — разберём, высушим, начнём снадобья приготовлять… А к полудню завтрашнему гости прибудут, лезгины.
— Откуда знаешь? — удивился я.
— Гляди туда, — указал на север. — Видишь, на перевале, в седловине Рошки, огонёк — то большой Эрам, Эрам-Хут, побратим нашего старосты, знак подаёт. Надо похмельное зелье сварить, да побольше, послезавтра народ совсем больной будет.

Лука ушёл в дом — мы стояли у порога, — я остался, присел на вросшую в землю лавку, рассматривал звёзды, мерцавшие над тёмной бахромой уснувшего леса. Прилетел Когти, устроился на моём плече, замер, слушал ночные шорохи.

За прошедшие дни мы с Лукой облазали всю округу. Сперва водил он меня по самым укромным уголкам леса — показал ольховник, укрывавший берега сбегающей от Белых камней белопенной Инцобы, заросли бузины, кизила, ежевики. Учил:

— Ольха в лесу — главная колдунья, дерево Ио — лунной коровы, в ветвях ольхи вороны и соколы гнёзда вьют. По старшинству за ольхой кизил стоит, — Лука пригнул ветку, сорвал ягоду, кинул в рот, сморщился. — Незрелый, для нас в самый раз, насушим, будем отваром обжор от поноса пользовать…

Узнал я: берёза в лесу распускается первой, месяц берёзы начинается сразу после зимнего солнцеворота, потому берёза — дерево начала. Старый год прутьями берёзы гонят прочь, колыбель мастерят из её древесины. Лука на стволах надрезы делал, берестяные чаши навешивал:

— Поделятся с нами соком, кровушку себе почистим.

Повёл меня Лука в дальнее ущелье, показал скалу, одетую в малахитовое кружево:

— Плющ, священное растение Берика-изобильного[10]. Месяц плюща — октябрь. Последний сноп с нивы обвязываем стеблем плюща, «девой урожая» называем. Дам тебе попробовать напиток колдовской — вино с мёдом и соком плюща, после такого чудны́е сны снятся. Плющ бессмертен, дерево вечной жизни. Только веткой плюща можно от духа бузины оборониться. Ты и не знаешь: хочешь кому в дом дьявола зазвать — подбрось ему в очаг полено из ствола бузины…

9. Некалендарный месяц со дня солнцестояния.
10. Берика — юноша-дерево, повелитель животворящих сил природы, древесных соков, лозы и вина.

Для полуденного отдыха ходили мы на поляну, посреди которой, ухватившись за землю узловатыми пальцами-корнями, стояла древняя липа; кругом стеной миндальные деревца. Лука раскинул руки, обнял ствол:
— Ежели в лунную ночь тайком сюда подобраться, можно подсмотреть, как нимфы танцуют в серебряных лучах — Цацхви[11] и Нуши[12]. Цацхви — пышнотелая, белокожая, в красных одеждах; Нуши — из тумана сотканная, в белом плаще. Ветку липы в доме крепим на Материнский столб — прибавление в семье; ветку миндаля — у очага, дабы самые наши сокровенные мысли до неба достигали. Приляг под липой, пускай чуток мудрости в дурную твою башку сойдёт…

Познакомились с лесом. Лука меня на луга повёл — поначалу в дневную пору, чтобы засветло научился травы различать и после ночью не путал. Как вступили на плато, уложил на траву кукурузный хлебец:
— Это для Миндорт-Батони, повелителя трав и цветов. Будет к нам милостив — добудем за лето всё нужное.

По земле стелился пестроцветный ковёр: лютик-байа, золотистые звёздочки зверобоя, бирюзовые слезинки колокольчиков. Стройные свечи мзиура-девясила желтели меж репейных листов. Ветерок перекатывал нежный пух одуванчиков, кровавыми пятнами алели маки. Над разнотравьем деловито сновали труженицы-пчёлы. Запыхавшийся на крутом подъёме Лука отпил глоток воды из фляги.
— Девясил — первый наш помощник, ближе к осени корешки соберём, при любой хворобе отвар силы восстановит болящему. Гляди, в траве пятнышки фиолетовые — это фиалка горная, от тяжкого кашля. Видишь, стебли будто надломленные, голубым цветком побитые — цикорий, для обжор и пьяниц. Пойдём ромашку поищем, научу отличать лечебную от сорной…

К озеру привёл меня Лука: берега камышом окромлены, сиротами ивы плакучие стоят.
— Ива — весеннее дерево, месяц её — апрель, — Лука погладил ствол. — Дерево Мтовари, праматери нашей. Вертишейка, птица магов, гнёзда вьёт в ветвях ивы. Помогает ива добрым чародеям, белым колдунам. Злые духи ломоту костную на людей насылают, а ива нам кору свою дарит, дабы эту хворобу лечить. Срежь, Авель, вот с этих двух те ветки, что внутрь кроны повёрнуты, — дереву облегчение, а мы дома кору слущим и в дело пустим. Камыш в ноябре соберём, стрелы изготовим «дневные», против нечисти. Если из камышины свирель сделать да заговорить — откроет двери царства мёртвых, только нам этого пока не требуется. До осени камыш трогать нельзя, он силы набирается от водяных каджей[13]. Каджи здесь живут, в озере, — духи вод. Боятся они звона колокольчика, железа, огня и всего того, чем можно разжечь огонь. Какая тут рыба водится — им подвластна. Мы их почитаем, одариваем. Как жара спадёт, придём с рыбаками, сложим у воды лепёшки, сыр, кувшин вина выставим — на другой день нагонят в наши сети сазанов да карпов. Водяные каджи в снадобьях толк знают: первые лекарства нашим предкам ими были дарованы. Предупредить хочу: видишь лилии у того берега? Не вздумай когда сорвать, гнев хозяев озера навлечёшь — мстить будут. Пойдём дальше, за озером чертополох растёт, наберём ветвей для оберега, чертей гонять…

Отправляясь в походы, шли мы всегда дорожкой, что начиналась у колодца. На полпути к роще в узкую щель отделялась тропка, вилась змейкой возле поросшего лишайником валуна, терялась в сердце горы.
— Лука, куда она ведёт? Мы всё мимо ходим, сюда ни разу не свернули.
— Это дорога к нашему Хати[14]. Будем возвращаться — заглянем.

В тот день далеко мы не ходили, накопали кореньев у кромки леса и в полдень повернули к дому. Лука обещание исполнил: как дошли до развилки, свернул в проход.

Тропка вначале петляла под отвесными стенами, после поползла по крутому, поросшему узловатыми дубками гребню, привела нас к обрыву: внизу село — как на ладони, прямо перед нами — заснеженные вершины. Из зарослей кругом вздымались островерхие скалы. Хоть и был солнечный день, по ногам мягкой пеленой стлался туман. Неподалёку стояла маленькая молельня, её окружала каменная ограда, двор выложен растрескавшимся плитняком. К самой кладке ограды подступил шиповник, плющ карабкался по стенам на сланцевую кровлю. Посреди двора — тенистая смоковница. У обрыва — каменная скамья. Лука присел, отдышался.
— Садись, смотри: земля морщинами покрыта, выступами. Говорят, что когда Мтовари творила миры, срединный получился больше верхнего, не пришлось небо впору основе. Тогда дьявол Тарос[15] посоветовал владычице: «Сожми землю, и небо, подобно крышке, плотно накроет её». Послала Мтовари вниз серебряного дракона, обвил гвелешап[16] землю своим телом, сжал. Небо-то село

11. Липа *(груз.)*, хранительница священной рощи.
12. Миндаль *(груз.)*, хранительница священной рощи.
13. Каджи — черти, злые духи.
14. Общинно-племенные божества; так же назывались посвящённые им святилища.
15. У грузин — сатана.
16. Дракон.

на место, но земля, до того гладкая, погнулась. Где-то поднялись горы — вон Семь отрогов перед нами, кое-где сделались ущелья. По ущельям реки заструились, собрались в озёра и моря. Мтовари из небесного гнезда выпустила три пичуги, звались они щдавал, на ласточек похожи. Из этой троицы одна — совсем белая, вторая — с белой грудкой, а третья — вся чёрная. В тех местах, куда полетела белая щдавал, а полетела она к Семи отрогам, вечно лежит снег. Белогрудая щдавал прилетела в наши края, и у нас снег покрывает землю зимой. Чёрная устремилась на юг — там вовсе снега не бывает, ещё и огненный плевок туда упал — всё черным-черно; да ты и сам знаешь, оттуда пришёл. Смотри влево: у подножья третьего отрога как будто волны вздымаются — там гора Читхаро стоит. В старину стада туров скрывались в ущельях, что по её склонам сбегают. Ходили туда охотиться и сваны, и рачинцы, вайнахи спускались. На этой горе было пастбище, куда нога человека не ступала со дня сотворения мира. Балхетским лугом называли это место, трава там цвела круглый год[17]. Говорили, что неисчислимы были стада туров на том лугу, и в год раз, зимой, в солнцеворот, Бочи — повелитель гор — выпускал через горловину потайного ущелья ровно столько круторогих, сколько полагалось окрестным охотникам…

В вечерней тиши прозвенел колокол.

— Лука, стряслось что-то? В селе звонят…

— Нет, когда что недоброе — в колокол часто-часто бьют, а это наш виноградарь град отгоняет, видишь — от Рошки туча идёт.

— Опять ты за своё. Сейчас расскажешь мне, что грозовые тучи колокольного звона пугаются.

— Не тучи — поводырь. Град — это добрый дух, сирота. Неизвестно, кто его породил, он ещё до небожителей был. Живёт на заснеженных склонах, в одеяние из льдинок обряжен. Скучает он в своём обиталище, а любит иногда погулять по небу, хотя и слеп, как крот. В поводырях у него Тартарос — повелитель каджей. Как скажет он Тартаросу, что хочет прогуляться, тот его на тучу подсадит и водит по небу. Град просит прислужника Сатаны не приближать тучу к селеньям и посевам, не хочет портить плоды нашего труда, да зловредный обманывает его. Потому, как увидим грозовую тучу, бьём в колокол, Тартарос звона пуще чумы боится. Да ты гляди, туча-то ушла от села, над лесом клубится.

— Ветер сменился, — возразил я.

— Э-э, дикарь.

Лука достал из котомки трубку, набил табаком, выбил искру древним огнивом, пересел лицом к строению.

— Святилище это в незапамятные времена построили для Ламарии, охранительницы нашего края. Как царь Фарнаваз от персов божество перенял, а после человечки твоего рода распятого признали, древняя вера иссякла, но, как видишь, Хати сохранили. Во все времена в Шилде жила горстка людей, что почитала истинных богов. Я из рода смотрителей, последний деканози[18]. Когда надо, староста мне людей даёт, крышу чиним, трещины в кладке заделываем. Как настанет пора урожай принять, в честь покровительницы празднество устроим. Придём сюда всем селом, поклонимся, поднесём светлоликой скромные дары от достатка нашего, испросим милости к чадам своим…

С неба упал коршун, уселся на ветвь смоквы, заклекотал.

— Знаешь, о чём говорит? «Пить хочу». Когда Мтовари создала воду, коршун к ней не прикоснулся, побрезговал. В наказание пьёт только росу и кричит: «Мцкурия![19] Мцкурия!» — Лука хохотнул. — Вот и ты такой же, от родниковой воды отказываешься, росу лижешь, Тома́ неверующий…

…Облачко набежало на лунный диск. Когти упорхнул в дом, я за ним. Лука ворочал горшки, затевал что-то. Растопил очаг, в котёл ссыпа́л травы, после кипятил, сцеживал.

— В долине наше вино всегда славилось. А почему? Потому что я дрянь всякую на виноградник не допускал. В окрестных деревнях чем только лозу не поливали: и купоросом, и заморскими ядами, и чёрт его знает чем ещё. А у меня своё зелье: ромашка мелколепестковая, тысячелистник, корешки дурмана, табачный цвет, да ещё я пару слов наговорю над варевом — никакая букашка к лозе не прикоснётся. Остудим за ночь, утром виноградарю отнесём, пускай опрыскивает, пора. Я тебе про лозу расскажу. Лоза прежде в подлеске таилась: Берика виноградные косточки по нашей земле разбросал, от них и пошли ростки. Птицы ягоды клевали, да иногда медведь гроздь срывал. Какой-то умный человек принёс лозу из леса, высадил у жилища. Разрослась лоза, дала урожай. Что одолели — съели. Что съесть не сумели — отжали. Сок сладкий, вкусный. Стали думать, как его сохранить. Попробовали вываривать над огнём — бадаги получилось: густое, терпкое, на радость детям — в морозные зимние вечера лакомство. А сок, что в излишке остался, слили в кувшины, да и забыли про него. Перебродил виноградный сок, силу набрал. Весной прилетел соловей, поведал: «Да здравствует вино! Кто станет его пить, запоёт по-соловьиному». С тех пор и пьём вино в радости и в горе, и песни поём в застолье. В каморе хелади[20] красной глины, неси сюда и пиалы прихвати.

Лука сковырнул восковую нашлёпку.

— Это трёхлетнее.

……………………

17. Балхети — травостой *(старогруз.)*.

18. Смотритель святилища.

19. «(Я) испытываю жажду» *(груз.)*

20. Кувшин для вина.

Разлил, пригубил.
— Попробуй. Глотка два отпей, пережди, а после — залпом, до дна.

По жилам растеклось тепло, ноги онемели. В висках ударили серебряные молоточки.
— Ты слушай дальше, — Лука снова наполнил кубки. — Вслед за соловьём петух пришёл, попробовал вина, да и говорит: «Кто выпьет больше меры — ссоры полюбит и, подобно мне, забиякой станет». После пришёл жирный боров, нахлебался вина и завалился в грязь. Вино — кровь земли. Боги вином смертных одарили, и нынче каждый волен сам выбирать — соловьём он будет в питии, петухом или свиньёй. Выпьем, Авель, за наших предков, что нектар этот в веках сберегли. А теперь пошли отдыхать. В сутки раз и вода уснёт.

С раннего утра в селе затеяли готовку, собирали угощение для гостей. Я пошёл поглядеть: под кухонным навесом краснощёкий мясник свежевал бараньи туши. Цуцу, возведённую после успешного излечения Пепелы в ранг управительницы скотного двора, временно отозвали командовать стряпухами. Староста гонял селян на огород — дёргать с грядок редис, молодой лук, собирать пряные травы. Пристроившись вокруг котла, мужики чистили картошку. В каменной бадье у родника в пудовых кувшинах охлаждалось вино. На шум объявился Седой: давно уже устроили подъёмник к урезу травяного луга, отстроили бассейн возле овчарни, наш мастер на все руки скукой маялся. Попробовал было уговорить старосту затеять запруду на Инцоба, обещал соорудить генератор, провести в село электричество, однако Кишмиш заартачился, тянул время, ссылался на сенокос, поспевающий урожай. Седой сдружился с кузнецом, мастерил полезную в быту утварь. Сей момент клепал в кузне набор зубодёрных щипцов для Катерины — многие в селе мучались зубами. Смыл с рук копоть, направился к старосте.
— Слушай, — указал на кувшины, — лезгины вроде магометане, а ты их вином встречаешь.
— Это они в горах магометане, а здесь пьют за милую душу. Да и у себя в саклях балуются: пиво варят из ячменя, водку гонят с бузины. Гостил я у них, знаю. Их араки попробуешь — три дня помираешь, страшная штука. Интересно, соль привезут? Весь запас вышел. Если нет, придётся нам на солончаки идти, к отрогам.
— Вот это дело, — Седой ожил. — Давай людей, я пойду…

Приметил меня, подошёл, обнял. Уселись на лавочку.
— Ну, как ты? С колдуном подружился?
— Подружился. Добрый он — знахарству обучает, байки всякие рассказывает, вредничает иногда, но это ничего, терпимо.
— Терпи, терпи, полезную науку постигаешь. Лекарств ведь нет, какой мор случится — только на вас надежда.
— Слушай, всё спросить хочу: имя у тебя людское есть? Крестили же тебя когда-то.

Седой засмущался:
— Крестить меня поп отказался. Имя мне батюшка покойный дал нехристианское…
— Ну расскажи.
— Понимаешь, у нас в роду по мужской линии все землеустроители. Отец мой каналы рыл, дед. Я родом с Атенского ущелья, что в Картли. В наших краях богоборца богатыря Джафира почитали, песни о нём слагали. Джафир много славных дел совершил в старину, но главное, за что его чтили, — в безводье воду приводил. Скалы крушил, плугом стопудовым русла для новых рек прокладывал. Вот меня в его честь и поименовали. Так что я, с твоего позволенья, — Джафир Джафирович, или Джафо, если коротко.
— А что, красиво, — я покатал на языке, — Седой Джафо. Очень даже романтично, совсем как в книжках про разбойников.
— Кстати, о книжках: ты у старосты дома бывал?
— Нет. А что?
— Кишмиш сельскую библиотеку сохранил — одна комната книгами забита. Чего там только нет: Руставели, Важа, Илия; приключенческих полно: Жюль Верн, Дюма, Джек Лондон. Я Гоголя откопал, сейчас «Вий» перечитываю — мороз по коже дерёт…
— Как-нибудь вечерком к нам заходи, Луку послушай — никакой Гоголь не понадобится…

У ворот забрехали собаки. Босоногие дозорные, поднимая клубы пыли, бежали в нашу сторону:
— Едут, едут!

Верхом на мулах появились лезгины: в косматых шапках, на плечи накинуты бурки, впереди гигант — ноги из седла чуть не до земли свесил, орлиный нос, скулы буграми. Староста сделал было шаг вперёд, да и замер:
— Глядите, бороды сбрили. Ну и дела…

Я указал рукой:
— А это разве не бороды? У всех щёки заросшие.
— Да ну, у них раньше до пояса крашеный хной волос болтался…

Гости спешились. Великан облапил старосту:
— Привет тебе, Автандил. Вижу, в добром здравии пребываешь.

Староста привстал на цыпочки, пытался до плеч дотянуться:
— Привет тебе, Эрам-Хут! Как добрались?
— Раг[21] освещал нам дорогу днём, Барз[22] оберегала ночью, Пари[23] сопутствовали нам.

21. У лезгин — божество, персонификация солнца.
22. У лезгин — божество, персонификация луны.
23. У лезгин — духи-покровители.

— Что я слышу! Ты имена древних называешь?

Эрам-Хут потянулся было ладонью к подбородку, смутился, воровато спрятал руку за спину:
— Отринули мы Аллаха, к вере предков вернулись! Принимай гостинцы, Гуцар[24] вам прислал.

Гости снимали с мулов поклажу.
— Соль привёз?—озаботился Кишмиш.
— И соль привезли, и черемшу, и сыр, и муку ячменную. А ты кукурузой помоги.
— О чём речь! Богатые подарки увезёте. Эй, женщины, несите полотенца, гостям умыться с дороги…

Застолье сложилось знатное: говорили долгие тосты, вино лилось рекой, пели песни—гортанные горские и напевные многоголосные. В разгар веселья Кишмиш подал мне знак, я завёл патефон. Восторгу лезгин предела не было: двое вскочили на стол, зажали в зубах лезвия кинжалов, приспустили рукава черкесок, отплясывали под фокстрот. Кутили до рассвета. На заре Эрам-Хут ухватил меня за плечо ладонью с добрую сковороду, отцепил с пояса богатый кинжал:
— Это тебе за музыку, сам Шарвили[25] носил! Смотри не посрами его память.

Взвалив на спину, Лука нёс меня домой:
— Пьяница малолетний! Тоже мне—музыкант, учёный муж. Заблюёшь полы—сам же мыть будешь. Лезешь туда же—с мужиками на равных пить. Свинья!

Стараниями Луки я выжил. Сутки провалялся на лежаке: в голове крутилась карусель, язык высох и распух. Лука поил меня мятным чаем, отваром ежевичного листа, настоем шиповника. Бранился. К вечеру полегчало, унялось бешено колотившееся сердце. Лука сжал пальцами моё запястье, послушал биение крови, хмыкнул удовлетворённо:
— Неделю—отвар девясила с цикорием, печёнку почистишь. Поглядим, может, и разрешу тебе после глоток вина. Садись к столу, поешь.

Пока я жевал, Лука откинул крышку старинного резного сундука, пошарил внутри, бросил на стол украшенный серебряной вязью пояс:
— Кинжал в руке будешь носить? Примерь, если широко—защёлку переставим, дед мой фигуристее тебя был,—потянулся ко мне, на шею навесил связанный из грубой нитки мешочек.—В нём коготь и волос Али. Али в развалинах живут, что затерялись в чаще. Раньше в село пробирались, порчу наводили на рожениц. Теперь остерегаются, меня боятся. Столкнёшься—смотри не обделайся, видом страшные очень: космы всклоченные, когти в вершок длиной. Вот,—протянул мне узкую кожаную тесьму,—обвяжи правое запястье. Коли на тебе эти амулеты, в одиночку Али к тебе не подступится. А ежели их несколько будет, могут затеять вкруг тебя хоровод, песню завести, чтобы одурманить, воле своей подчинить. Отвечай им: «На мне талисман из эши[26], на руке браслет из меши[27], Квирия[28] справедливый, прокляни дьявольский хоровод». Если в ночь один уйдёшь в лес, кинжал всегда держи наполовину вынутым из ножен, иначе Али заговорить его могут, застрянет.

Лука стал собираться.
— Ты, вином раненный, оставайся дома, а мы с Когти сходим на луг, хочу яснотки набрать успеть до дождей…

4.

Хорошо знал знахарь приметы: три дня и три ночи грохотало в горах, молнии выстёгивали острыми жалами сумеречное небо. Селяне не отходили от виноградника, держали наготове циновки—защищать от града ранимые грозди. Колокол звонил не переставая. По-видимому, у Тартароса были более важные дела, град так и не пришёл, зато полил дождь, и похоже было, что надолго. Кишмиш ликовал, обещал невиданный травостой. Мы с Лукой засели в берлоге, вязали метёлки из высушенных трав, измельчали коренья…

Заявились гости: Джафо, Катерина и Тамра. Седой сразу же полез выяснять отношения с Чинкой—трепал за уши, дул в нос. Домовой брезгливо высвободился, ушёл с глаз. Катерина обратилась к знахарю с просьбой:
— Дедушка Лука, присоветуй что-нибудь обезболивающее. Джафир инструмент изготовил, я зубы дёргать начала, для успокоения страдальцев водкой пользуюсь—не помогает: сегодня пасечнику глазной рвала—пришлось к скамье привязывать…

Лука посмеялся в усы, ушёл в камору, вернулся с кувшином, попенял мне:
— Гости в доме, а ты зад от скамьи не оторвёшь. Неси инжир, орехи, мёд, вино подогрей, гвоздики добавь.

Подсел к огню.
— Сделаю я тебе снадобье, детка. Дрыхать будут твои страдальцы, сны сладкие смотреть, распорки в рот придётся вставлять. Немного дурмана, чуток сон-травы, пыльца конопли; смешаем всё—один напёрсток на стакан вина, и готово дело.
— Молодец, Лука, знал, что выручишь,—Седой растёр в ладони щепоть табака, завернул в виноградный лист, прикурил от лучины, сладко затянулся.—А уютно здесь у вас, настоящее логово.

……………………

24. У лезгин—божество урожая.
25. У лезгин—эпический герой.
26. Грубые шерстяные нитки.
27. Баранья кожа.
28. Повелитель суши, один из Великой Триады древнего пантеона грузин.

— Дедушка Лука,— подала голос молчаливая обычно стесняшка Тамра,— извините, с расспросами пристаю… Говорят, вы обо всём знаете… Вот я сама из этих краёв, из долины, а ваши на местных совсем не похожи — скуластые, говор гортанный, да и рыжих много. Отчего так?

Лука устроился удобнее, набил трубку.

— Так большинство здесь, в селе, родом с потусторонней Хевсуретии — семя Хогаис Миндия. Слыхивали про такого? Нет? Ну, тогда внимайте: Миндия, сын Хогая, в Архоти родился, есть такое некогда многолюдное ущелье к северу отсюда. Рассказывали, в день, когда младенец на свет явился, на небе два солнца встало. Как возмужал Миндия, молва о нём разошлась по всему нагорью — отвагой и острым умом славился. Случилось, пробрались в Архоти жамни[29], слуги Тароса, злые духи. Прибыли троицей, на чёрном осле, уместились разом на загривке животины, ибо невелики были ростом — с пядь каждый. Поклажу прихватили — три колчана с разноцветными стрелами: стрела с чёрным оперением била насмерть, краснопёрая оставляла человека в живых, но поражала тяжким недугом, а белая — лишала рассудка. Затаились жамни в зарослях бузины близ перекрёстка главных дорог, принялись метать красные стрелы в путников; тех, кто пытался им противостоять,— убивали. Много народа сгубили, не разбирая: мужей, женщин, детей… Миндия поспешил на выручку соплеменникам, однако с колдовством не совладел, одурманили его жамни и увели из Архоти. Завели несущие погибель сына Хогая за Балхетский луг, в урочище каджей, отдали злыдням. Каджи — людоеды, раскармливали пленников на съедение, принялись и Миндия напитывать силой. Жилища сатанинского воинства с трёх сторон отвесные утёсы окружали, с четвёртого бока бездонная пропасть скалила пасть. Через неё мост был перекинут — каджи ежедневно посыпали его настил золой, чтобы сразу заметить, если кто из пленников сбежит. Простая такая уловка сыну Хогаеву не помеха: прошёл Миндия через золу, пятясь задом, и бежал. Каджи его хватились только ко времени вечерней кормёжки поимников, да уже поздно было — далеко ушёл Миндия, ещё и следы свои запутал, на это он большим мастаком был. Беглец думал пробраться в родное ущелье, однако, протаптывая в зарослях ложные тропки, сам заплутал, вышел в незнакомую долину: вдоль ручья постройки стояли, похожи на те, что дети, забавляясь, мастерят. Схоронился Миндия в корнях неохватного дуба, глазеет: человечки с локоть ростом снуют меж игрушечных домиков, сбегаются в скопища, на небо глядят, после вновь разбегаются. Явился им Миндия — малыши на него луки наставили, крошечными пращами размахивают. Вышел вперёд одноглазый — видно было, что вожак,— спросил, какого роду-племени пришелец. Рассказал Миндия о своих злоключениях. Одноглазый и говорит: «А помнишь, герой, в Архоти ты в меня камень бросил и зеницу мне выбил? Ведь это я, обратившись птахой, к вам давней весной прилетал… Мы — гугули, кукушки: перебравшись через вон ту гору, превращаемся в птиц, а по эту сторону людское обличье принимаем». Вспомнил Миндия детские проказы, горько пожалел о содеянном, попросил у обиженного им прощения, после спросил о причине тревожной суеты малого народца. «Ждём нападения,— говорит вожак.— Друг-филин весть принёс: каджи замыслили нас извести, подговорили Тартароса наслать на обитель нашу птичье войско…» И вправду — налетела стая грачей, сорок, журавлей: разоряют постройки, нападают на малышей. Выворотил Миндия из земли куст остролиста, ухватил за верхушку, стал избивать летунов. Сгинуло пернатое воинство, разлетелось, спасаясь от гнева сына Хогая. Поклонились гугули Миндия в пояс: «За то, что отвратил опасность от нас, щедро одарим мы тебя, воин». Вожак приказал: «Пригоните стадо». Видит Миндия: гонят гугули вереницу змей, у каждой полоска белого каракуля вокруг горла. Зарезали одну, сварили, поднесли гостю. Трудно было отважиться попробовать угощение, да не смог Миндия обидеть хозяев — проглотил кусок. Тошно ему сделалось, муторно. Гугули устроили ему под дубом ложе из перьев, лёг Миндия, метался долго — не давала покоя съеденная змеятина. Наконец уснул и во сне услышал речь деревьев, птиц, зверей, полевых цветов и трав. Как проснулся Миндия, одноглазый вожак ему говорит: «Дар наш силу сохраняет лишь в оберегаемых Ламарией уголках. Я тебя отведу к такому месту, найдёшь там себе подругу, сложишь очаг и род Хогаев продолжишь». Тронулись в путь. Как перевалили через гору, одноглазый предупредил: «Я сейчас птицей обернусь, иди за мной по голосу». Рано ли, поздно ли — пришли они к Белым камням. Одноглазый распрощался с сыном Хогая, улетел восвояси. Сложил Миндия шалаш из ветвей, приручил козу с козлёнком, волка, змею, сокола — ведь понимал он язык животных, птиц, растений и всего сущего. Осенью привёл Миндия в шалаш рыжеволосую красавицу-тушинку. В положенное время родила она первенца. Миндия по лугам бродил, травы и цветы кричали ему вслед: «Я лекарство от такой-то хвори, а я от такой-то…» Потянулись к Белым камням люди, приводили болящих, раненых. Исцелял их Миндия. А тем временем множилось потомство сына Хогая, возмужавшие сыновья уже сами в окрестных сельбищах жён выбрали. Отстроились вокруг того места, где мы нынче проживаем… Потому у нас в селе каждый второй — по прозванию Миндиашвили.

29. Духи, вызывающие болезни.

Вторая половина—Каланди, с этими у меня общие предки, которые сюда с запада пришли, из-за Поперечного хребта,—говорят, от дэвов спасались…
— Что ещё за дэвы?—встрял Седой.—Это рогатые, из сказок?
— О дэвах в другой раз расскажу. А Миндия кистинцы убили. Пошёл он как-то в горы, в Тертего, к побратиму своему, да из-за непогоды сбился с пути, попал прямо к кровникам, в село Миза. Кистинцы вырезали у Миндия сердце, дали отведать женщинам, что на сносях были: авось сердце героя вложится им, авось родятся у них похожие на сына Хогая дети.

Рассказчик расправил усы, запел с хрипотцой:

Хогаис Минди умирал—
Солнце краснело, ярилось.
Небо разверзлось, земля грохотала,
Слёзы роняла луна.
Звёзды падали наземь,
Коршуны, ястребы, соколы
В горе били крылами.
Зверь высоких гор
Сходился, чтоб оплакать героя…

Умолк Лука, тишина повисла, только угли потрескивали в очаге.
— Спасибо,—Тамра убрала слезинку,—чудесный рассказ. А мы припозднились, пора и по домам.

Лука разлил вино:
— Кукушку по всему миру никчёмной птицей считают, пересмешником, а мы гугули «хвее» собираем—дань с урожая—и в лес относим. За то кукушка в нужное время нам знак подаёт. Её «ку-ку» по-разному звучит. Весной, как время придёт, «дар-гит» слышно, что значит—«сажайте, сейте». Осенью—«катха-гвини! катха-гвини!»—пора виноград собирать и вино давить. И никогда не ошибётся в сроках… Выпьем на посошок. Приходите завтра—расскажу вам про дэвов.

Позавтракали мы в доме, из-за дождя поленились идти в село. Убрав со стола, Лука перетёр с водкой ягоды бузины, отцедил чернила в плошку. Из сундука извлёк толстую тетрадь, вооружился обкусанной с конца перьевой ручкой, подсел к столу.
— Лука, ты никак сочинительством заняться надумал?—я подошёл поглядеть.
— Не мешай, лучше в доме прибери, грязью всё заросло.

Делать нечего: чертыхаясь, вышел я под холодные струи, набрал воды из колодца, разыскал швабру, тряпку, метлу. Начал выметать из-под лавок. Чинка, недовольный, удалился в кладовку. Метла задела что-то: к моим ногам выкатилось оттавино—прямая флейта.
— Лука,—я подобрал инструмент,—вот не знал, что ты музицируешь…
— Не моё, мне медведь на ухо наступил, это Чинка балуется, когда грустит.
— Да ну вас…

Я уложил флейту на полку, плеснул на пол воды. Возился я долго. Как принялся за нашу утварь, пыль поднялась столбом. Лука закашлялся:
— Намочи тряпку, обалдуй. Тьфу, ничего по-человечески не сделаешь…

В сердцах убрал тетрадь, повозился в кладовке, извлёк на свет божий ветхий зонт.
— Я спущусь в плотницкую, Джафира надо повидать (Седой пристроил к кузне сарай, обучал там Лазаре столярному делу). К обеду не опаздывай.

Чинка вернулся в комнату, неодобрительно оглядел чистые полы, забрал свою рогожку, забрался под лавку.

Навёл я наконец относительный порядок и, шлёпая башмаками по лужам, припустился вниз. За последнюю неделю от самой нашей избушки и до площади вдоль дороги образовалась глубокая канава—мутный поток, закручивая водовороты, струился наперегонки со мной. Под навесом заседала сельская «верхушка»: лысый староста, горбатый портной, вороватого обличия мельник, сапожник—кутила и балагур, надменный молчун-кузнец, грубиян-дровосек, брадобрей—болтун и сплетник, пьяница-маляр, застенчивый виноградарь и известный сластолюбец—деревенский пижон без определённых занятий. Староста приметил меня:
— Шопен, ты и так уже промок, будь другом, сбегай в мастерскую, позови Джафира и Луку, дело будем говорить.

Пришлось бежать дальше. В плотницкой Лазаре застругивал рубанком дощечку, Седой и Лука раскладывали на столе кривые деревяшки, примеряли одну к другой.
— Кишмиш зовёт,—сообщил я,—совет собирает.
— Идём.

Седой наказал Лазаре:
— Не забудь у мясника кишки забрать и замочи в воде с уксусом.
— На кой чёрт вам кишки?—полюбопытствовал я.—Колбасу делать собрались?
— Много будешь знать…—Джафо вбил ноги в калоши собственного изготовления.—Пошли.

Мужчины под навесом дружно курили. Седой сразу же сцепился со старостой:
— Говорил я тебе, ливнёвку строить надо, погляди—вода стоит по колено…

Староста выбил трубку, откашлялся:
— Сто лет без канализации жили—и ещё столько же проживём. Слушайте меня: пообносились мы все до предела, в драных рубахах ходим—заплата на заплате; женщины стонут—панталоны пошить не из чего, дети—лишенцы форменные. Опять же простыни нужны, наволочки, пелёнки… В общем—изготовление полотна надо наладить.

Портной поскрёб рыжую бороду:
— А из чего полотно? Льна да хлопка ведь нет.
— Знахаря послушаем,— староста кивнул Луке.— Расскажи, что ты надумал.
— Значит, так,— Лука прижмурился, накрыл глаза метёлками бровей.— За озером конопли пропасть, бери — не хочу. Заготовку надо начинать в сентябре, пока стебли не пожелтели. На пряжу матёрка идёт, с женским цветком. Свяжем снопы, под навесом просушим, после замочим недели на две, колотушками отделим луб. После женщин к делу пристроим: луб надо обтрепать, промыть и вычесать. Ну а потом веретено каждой — и нить скручивать.
— Вот это да! — Седой повертел головой.— Ладно, допустим, нитку свили. А что с ней дальше делать?
— А это уже его забота,— Кишмиш указал на пижона,— он до войны в городе околачивался, на ткацкой фабрике мастеровал, так что он у нас ткачом будет, а ты, Джафир, станок должен изготовить. Сумеешь?
— Да я ткацкого станка в жизни не видал. Были бы чертежи…
— Чертежи не обещаю,— староста вытянул из-за пазухи потрёпанную книгу,— а вот рисунков здесь хватает, гляди…

Седой принял томик, прочёл заглавие: «Аверинцев, И. В. Ткачество. Руководство для ткацких мастерских и для самообразования. Издательство „Новое время“ товарищества А. С. Суворина. Санкт-Петербург. 1914 год». Полистал страницы.
— Так, рама для плетения у эскимосов… ну, этого нам не надо; ткацкий станок тибетского племени теббу, ткацкий станок негритянского племени эхве… чёрт-те что… А вот это интересно: механический ткацкий станок Картрайта с двумя ремизками. Патент тысяча семьсот восемьдесят шестого года. Ремизка — это что будет?
— Ремизка есть рабочий орган для поднятия и опускания нитей основы при зёвообразовании,— отчеканил пижон.— В одну ремизку пробираем чётные нити основы, в другую — нечётные…
— Надо же, растуда его мать! — дровосек в восторге хлопнул ладонью по столу, смешался под взглядом старосты, затих.
— Ну вот что, грамотеи: чтоб у меня к осени эта самая ремизка стояла во-он в том сарае. Портной, ты всё одно без дела болтаешься, собирай с этим матерщинником,— Кишмиш указал на дровосека,— женскую команду: заготовка, мялка, прялка — ваше дело. А ты, Джафир, с ткачом на пару станок варганьте.
— И сварганим! Подумаешь, Картрайт. Не такое делали. Бумагу давай, схемы чертить.

Староста заскучал, стал смотреть поверх голов.
— Говорю, бумагу давай! — надавил Седой.— Без чертежей ни черта не выйдет.
— Ладно, выдам пару листов. Лука, пора бы дождю уняться. Виноград заскучал, картошка гнить начинает, будь ласков, пошамань вечерком.

Лука попросил Седого:
— Вырежи мне из пихтовой чурки кораблик в пядь длиной, занеси к ночи.

На кухне поварихи загремели котлами. Селяне, разбрызгивая жижу, потянулись к столам. Лука напоследок наказал старосте:
— Хоть земля и размокла, поручи кому за воротами одну борозду сохой пройти, шагов двадцать в длину, и соединить с канавой, что дождь намыл…

Дома нас ждал сюрприз: дверь настежь, на ступенях битые черепки, стекло в оконце расколото. Посреди дарбази, развалившись на полу, заливался в храпе Чинка. В изящных пальцах флейта, рядом пустой кувшин. Вылизанные мною утром каменные плиты затоптаны, следы размером в ладонь, похожи на детские, кое-где отпечаток копытца. Лука взбеленился:
— Бесовское отродье! Гостей, видать, принимал, скотина!

Ухватил домового за хвост, оттянул в угол. Чинка завозился на новом месте, перекатился носом к стене, зевнул во всю пасть — и ну храпеть дальше. Лука подобрал кувшин, понюхал горловину:
— Вот сволочь! Нет чтоб молодое вино хлебать — особый запас изничтожил, что я к Новому году берёг, гурман чёртов!

Я засучил рукава, пошёл за тряпкой — прибираться. Только закончил — ввалился Седой.
— Что это, барсук ваш околел? — указал на Чинку.
— Пьяный, отсыпается,— я убрал швабру.
— А-а, бывает. Лука, такой сойдёт? — выложил на стол деревянный кораблик.
— В самый раз.

Лука перенёс деревяшку к очагу, смешал стебли чистотела с дурманом, засыпал смесь в углубление на палубе судёнышка; размял кусочек воска, закрепил на корме петушиное перо.
— Авель, брось в очаг папоротника, золу собери в плошку, перемешай с солью.

Я не стал связываться, вопросы задавать, исполнил. Седой с интересом наблюдал. Лука выбрал из связки стебель плюща, свил кольцо.
— Пошли на двор, Авель, неси ладью и золу.

Остановились у канавы. Лука поднёс к пенистой струе венок, заговорил нараспев:
— Плющ золотистый, святая трава, заклинаю тебя именем Берика-изобильного, чтоб дала ты мне с радостью то, о чём тебя я прошу. Да будет твердь на средине воды и да отделит воды от вод!

Лука разжал пальцы, скомандовал:
— Авель, пускай ладью, вслед сыпь пепел. Ну вот и всё.
— Что всё? — не утерпел я.
— Кончили дело. Пойдём вина выпьем, зябко.

Мы пропустили по чарке, примеривались ко второй, когда заявились Тамра, Катерина, Ангелина, Лазаре-недоросль.
— Ой, дедушка Лука, что это с Чинкой? — Тамра наклонилась над домовым.
— Устал, отдыхает. Проходите к огню, садитесь. Я вам вчера обещал о дэвах рассказать, так выпьем по глотку, кровь в жилах согреем, и исполню.
— Мы Ангелине вашу историю о Миндия пересказали, — зачастила Тамра, — и всё-всё, что вы ещё расскажете, запомним, а потом детвору будем учить.

— Вот и ладно, — Лука потянулся за трубкой. — Сегодня начнём с начала начал. Слушайте: первыми были Мтовари — среброликая мать всего сущего, небесный пастух по имени Солнце, нимфы, гвелешапы, Паскунджи — могучая птица-дракон, Тарос — владыка тёмного мира и слуги его: Тартарос — предводитель каджей, Керентани — огнедышащий кабан, Карцецхли — гвелешап, изрыгающий пламя.

Мтовари создала срединный мир и правила им одна, пока не встретила рождённого от союза Паскунджи и нимфы Тирипи[30] Беткила. Покорил Беткил сердце Мтовари, стали они мужем и женой. Разбили в Далети[31] хрустальный шатёр, окружили себя слугами. Свита их — хозяйка зверей златовласая Дали, юноша-дерево Берика, нимфы — хранительницы священных рощ Цацхви, Нуши, Дапна[32].

Злобный Тарос велел Керонтани извести Беткила. Подстерёг кабан сына Тирипи, напал со спины, нанёс смертельную рану. Пролилась кровь Беткила наземь, из капель той крови проросли багряные лютики-байа. С тех пор Беткил правит царством мёртвых. А Мтовари покинула землю, удалилась на небо и от союза с Солнцем принесла тройню: Гмерти, Квирия и Мориге. Распалился Золотой петух, домогался среброликой, прохода ей не давал; тогда передала богиня власть сыновьям, сама скрылась в замке Далетском, что во внешнем мире. Ночью, когда Солнце спит, принимает она облик табунщицы звёздной и является миру.

Сели править божества солнцелунные: Гмерти-верховный взошёл на золотой трон, что на седьмом небе пребывает. Вездесущ и всемогуществен, один, но — множествен в долях своих; по одну сторону трона его — Висхв, белый бугай, по другую на серебряной цепи — Гвелисперi змееподобная. Квирия — предводитель хвтисшвили, сушей правит; Мориге — смотритель небес, повелевает Хати.

На самой вершине Седьмого отрога стояла крепость — обиталище Тароса, там познал Тарос рыжеволосую Алкала, женщину-каджи, дьявол Тартарос свёл их. Алкала родила девятерых аджами[33], а от них пошли дэвы.

Дэв велик ростом, выше пояса, подобно кабану, покрыт он щетиной. Во лбу у дэва рога наподобие козлиных, из пасти клыки выглядывают, у предводителей по нескольку голов. На крестце у дэва хвост, хвостом тем владеет он как рукой. Ходит дэв вразвалку — земля содрогается от его шагов. Дэвы не пьют вина — сок лозы для них яд, одурманивают себя варевом из плодов конопли — «банги» называют это питьё. Неуязвим дэв для смертного, ненавидит людской род, похищает людей и поедает их. Были ещё дэвы одноглазые — единственное око посреди лба у них помещалось — аримаспи звались. Эти жили особняком, у моря, людей сторонились, разводили мелкий скот; после ушли, по слухам — на море Понтийское.

В Цихегори, что на востоке, высекли дэвы в скале дарбази, расплодились в том логове. Вблизи жил Ростом-палаванд[34], чью голову охватывал медный обруч. Подобным грому криком наводил Ростом ужас на дэвов, стерёг их обиталище, не позволял творить зло. Смертным был Ростом, сгубили его дэвы: сами, умом короткие, не умели — Тартароса призвали в помощь. Нечистый чертовок-кудиани[35] послал вырыть на тропе Ростома волчью яму, наставить на дне отравленные колья, жердями прикрыть, дёрном застлать, листвой палой присыпать. Погиб Ростом-палаванд, и не стало управы на дэвов. С тех пор заполонили они наши земли.

В Цихегори, что в Картли, царём дэвов сел Бегела. В ущелье Арагви, там, где скалы сходили к самой воде, трёхголовый дэв Картана встал. Созвал Картана девятерых братьев, и начали они строить запруду — надумали затопить всё Пшави.

Гамхеура-дэв собрал родичей в Гудамакари, в пещере над рекой, у подножья красной скалы. Перегородили они русло плетёнкой, сами подстерегали людей на тропе выше преграды — сталкивали в воду. Ловили, как рыбу, кого съедали, кого в рабов обращали — гнали к Картане, запруду класть.

Там, где стремительная Иори из плена скал отвесных изливается на равнину, Муза-дэв поселился и многие дэвы с ним. Назвали то селение Хошари, и не стало с того дня покоя в Виноградной долине. Извели дэвы лозу, вырубили священные рощи, разорили храмы. Много смельчаков погибло в схватках с нечистью — не брали неуязвимых медные мечи. Оскудел людской род: не играли свадеб, погасли угли в очагах, даже хоронить стало некого — пожирали дэвы умерших и убитых: стон и плач стояли в царстве зла.

30. Нимфа водопада (ива).

31. Блаженная земля.

32. Хранительница лавровой рощи (лавровое деревце).

33. Страшилище, урод.

34. Палаванд — богатырь.

35. Кудиани — ведьмы, принимают любой облик. Живут в пещере на горе Табакона.

Достиг тот плач Древа жизни[36], услышали стенания небожители. Призвал Гмерти соправителей, повелел защитить смертных. Мориге ведунов Гаци и Гаими[37] послал вниз. Обошли посланники наши земли, воочию познали творимое, вернулись на небо и назвали имена тех, кто сумеет совладать с нечистью: Копала, Пиркуши, Иахсари.

В Ихинче, что в Пшави, жил Копала — человек, имеющий имя. Исцелял больных, изгонял жамни, помогал душам умерших сойти в подземный мир.

На берегу озера Абуделаури, у трёх растущих из одного корня дубов, жил Иахсари — воин, почитавший медведя и волка.

Среди гор и равнин бродил угрюмый Пиркуши, оружие делал для смертных: гнул луки, ковал из медного камня мечи, дубовые палицы колючими навершиями обряжал.

Слуга Мориге — ворон Бацац — разыскал названных, велел собраться на перекрёстке у Священной рощи на День середины лета. Уже луна зависла над Седьмым отрогом, когда добрались, с трёх сторон подошли избранные к густолиственной дубраве, а ждал их на месте Мцевари[38] — огненный пёс. Поведал Мцевари: дарует Квирия им силу разить бессмертных дэвов, перо Паскунджи и кожу гвелешапи. Побратались названные, поклялись: «Заменим друг друга в беде!»

Под ветвями дуба, что раскинулись шатром, Пиркуши явил своё мастерство — свил для Иахсари кнут-лахти из кожи, властителем суши присланной, в конец вплёл остриё — осколок небесного камня. Для Копалы выделал лук из тиса и кленовые стрелы — жало у каждой, как лист ивы, с насечками полумесяцем. Для себя Пиркуши выстругал дубовый молот. В ночь, когда лунный серп заполнил половину круга, натёрли побратимы руки и грудь молоком оленихи и пошли на Хошари.

Большая пустошь на окраине Виноградной долины звалась Оленьим гумном, нависала забокой над стремниной Иори. Раз в году собирались хошарские дэвы на том поле, состязались в метании камней. Посреди пустоши стоял столетний тис — Копала ночью прокрался, затаился в ветвях. Пиркуши спустился под обрыв, к самой воде, щепку ясеня[39] зубами закусил. На пути, которым Муза-дэв обычно в долину сходил, между валунами схоронился Иахсари. Как взошёл Муза на перевал — увидел Копалу на верхушке дерева. Рассвирепел Муза, стал проклятья изрыгать, тут Иахсари из засады вышел, взмахнул лахти и отделил злодею голову. После подставил под ступни ходули, которые Пиркуши загодя смастерил, надел меховые штаны Музы, поверх груди — рубаху из кабаньей шкуры, голову рогатой шапкой покрыл и двинулся на Оленье гумно. Дэвы за Музу его приняли, продолжали камни метать. Развернул Иахсари лахти, набросился на дэвов. Дэвы палицы у корней тиса сложили — не достать, нечем отразить смертоносный кнут, и Копала посылает стрелу за стрелой. Теснит Иахсари дэвов, кто жив ещё, к обрыву, сталкивает вниз, там Пиркуши охаживает их молотом. Пошли дэвы на корм рыбам — ни один не выплыл.

Ранним утром пришли побратимы в Гудамакари. Гамхвеура с роднёй, банги одурманенные, в пещере спали. У входа в нору Пиркуши огонь развёл, как разгорелось — бросил в костёр стебли изгоняющего нечисть девясила и побеги лозы. Выбежали дэвы из пещеры, не разбирая от дыма дороги, стали валиться в реку, запутались в своей же плетёнке. Перебил их Пиркуши молотом, а которых молот не достал — Копала поразил кленовыми стрелами. Одному подарили жизнь, звали его Азармац — большая дубина. Поклялся Азармац именем Тароса верно служить и любые приказы исполнить. Копала забрал молот и лахти у друзей, Азармац по сговору погнал Пиркуши и Иахсари к Картановой запруде, будто пленных. Выждал Копала чуть — и следом.

У запруды братья Картаны, что с погонялами на страже стояли, сразу новых рабов определили на гребень — камни укладывать. Азармац разговор с Картаной завёл, пообещал назавтра ещё невольников привести. На берегу, за валуном, Копала затаился, ждал, чтоб Пиркуши и Иахсари поближе придвинулись. Как время подошло, пустил Копала стрелы-молнии, поразил все три головы Картаны, побратимам их оружие вернул, и стали они бить дэвов. Истребили всех братьев, Азармаца отпустили, наказав пробираться к аримаспи-овцеводам.

Нарушил Азармац клятву, бежал сломя голову в Цихегори, к Бегеле с доносом. Перепугались дэвы, стали в страхе укреплять своё логово: у входа в дарбази врыли в землю высокий частокол из полых стволов тростника и заполнили те стволы мелким камнем, чтобы затупился топор, если рубить начнут. На каждый кол наставили глиняный горшок, наполненный жгучим соком боярышника — слепить тех, кто взобраться надумает. С внутренней стороны вырыли глубокий ров, острые рожны на дне вбили — Тартарос послал в Цихегори орла, тот и надоумил, как всё устроить.

Опять спустился на землю Бацац, рассказал побратимам про ловушки. Подобрались друзья

36. Древо жизни — соединяет небо, землю и подземный мир.

37. Гаци и Гаими — слуги Мориге, ведуны самого сокровенного.

38. Божественный пёс. Дух, посылаемый богами в помощь либо в наказание.

39. Ясень — символ водной стихии, не тонет человек с щепкой ясеня.

к самой крепости: одно только уязвимое место — отверстие над очагом, однако кругом отвесные скалы, не подобраться. Пиркуши сплёл корзину из побегов лощины, Копала набрал в плетёнку скорпионов изрядно. Дэвы обедать садились, когда тень сравняется с деревом, после, до первой звезды, обпивались банги. Дождались воины ночи, сожгли перо Паскунджи. Явилась змеептица, подхватила Копалу и перенесла на свод дарбази. Иахсари и Пиркуши встали у частокола.

Заглянул Копала в дыру — темень внутри, только храп дэвов слышен, да очаг еле тлеет. Встряхнул Копала корзину, бросил в дымоход. Расползлись скорпионы, стали жалить спящих. Кричат дэвы, мечутся в потёмках; после раздули огонь, и осветилось дарбази. Копала загодя стрелы приготовил, тетиву натянул… ринулись дэвы наружу: кто-то в ров — на острия, другие через ограду — Бегела первым, весь стрелами израненный, тут Иахсари и снёс ему голову тяжёлым лахти. Пиркуши бил молотом, Копала разил из лука. Многих поубивали побратимы. Те, кто вырвался, бежали — укрылись на Срединном хребте, в пещере, которую с тех пор называют Дэвисхврели. Долго они прятались там, дожидаясь того дня, когда перестанут люди почитать свои Хати, дабы вновь затеять охоту, но не дождались и ушли на восток, за Великие реки.

Гмерти усыновил Иахсари, Пиркуши и Копалу, сделались они *хвтисшвили нацилиани*[40]. — свет божественный от них стал исходить. Пиркуши нынче — Небесный кузнец, молнии и гром у него на сохранении. Иахсари и Копала во главе воинства ангелов стоят.

Предки наши, имён не знавшие, с помощью Берика лозу возродили; как отцвёл боярышник, принялись юницам женихов намечать, а как плющ цветом оделся — свадьбы править. Мтовари светила им в тёмные ночи, Золотой петух напитывал жаром виноградную гроздь. Лес дарил каштаны, орехи и мёд; козы — молоко и сыр. Смерть им была не более страшна, чем долгий сон… Вот и весь рассказ.

— Здóрово, — похвалил Седой. — А потом что было?
— Потом? Потом Азо родом из Персии принёс идолов Гаци и Га и веру в Ормузда. Царь Фарнаваз статую Ормузда во Мцхета поставил, велел народу ей поклоняться. А ещё позже из Каппадокии блаженная Нино пришла и принесла веру в распятого, это при царе Мириане было. А дальше что было, вы и сами знаете. Дождь кончился. Выйдем на двор, поклонимся Мтовари.

Через прореху в облаках выглянула луна, посеребрила неспешно скользившие вдоль уступа клубы тумана.
— Гляди, Авель, — Лука указал в сторону колодца, — остролист зацвёл.

5.

После дождей жара случилась невыносимая, август — месяц созревания плодов. За пару дней просохла земля, на лозе грозди налились янтарным соком. Староста согнал всё дамское общество на огороды — изводить сорняки, окучивать картофельный куст. Мужиков, кто только двигаться мог, — на плато, косить вставшие по пояс травы.

— Ярится небесный пастух, — Лука указал на солнце. — Пока тучи землю скрывали — скучал, за это теперь изливает на нас досаду.

Мы стояли на краю конопляного поля. Лука учил дровосека отличать матёрку от поскони. Я сорвал соцветие, растёр между пальцами:
— Лука, здесь же анаши полно. Неужто из села никто за дурью не бегает?
— Повадилась парочка ходоков, да я быстро отучил.
— Как?
— Пообещал хвосты им отрастить и ослиные уши… Видишь — колючка в красных соцветиях растопырилась? Бакакура зовётся. Вот её плоды надо истолочь в пыль и сыпануть тайком за шиворот любителю дури.
— И что потом?
— Да ничего особенного: как попробует после этого анаши — собственный день рождения проклянёт. Ну что, матерщинник, — обратился к дровосеку, — понял, которые стебли срезать надо? — снова глянул на солнце. — Двинемся к дому, ребята, не ровён час Золотой петух в темечко клюнет. Авель, запомни: при солнечном ударе на лоб листья лопуха размятые и пить охлаждённый отвар подорожника…

Зашагали к лесу. Дровосеков Бисквит бежал впереди, выискивал мышиные норки. Лука с одобрением поглядывал на пса:
— Нет у человека спутника более преданного, чем собака. Кошка в доме уют наводит, но живёт сама по себе. Добрый конь — друг в бою и в труде, однако независим и забывчив, хозяина сменит — не опечалится. А собака всем существом своим с душой твоей сольётся, пуще собственного глаза будет оберегать… — Лука потянул носом воздух. — Чем это воняет? Вроде из села несёт.

И верно, ветерок, дувший из низины, тянул волны мерзкого смрада. Бисквит вслед за Лукой принюхался, поджал хвост, завыл. Мы ускорили шаг. На подходе к нашей избушке вонь сделалась нестерпимой. По сбегающей с плато тропке поспешал разъярённый староста.
— Автандил, что стряслось? — спросил на ходу Лука.

40. *Букв.* «дети бога» — божества малого пантеона, носят в себе частицу высших богов. «Нацилиани» — от «нацили» (часть).

— Этот изобретатель чёртов, Джафир ваш, наладился клей изготовить. Выпросил у мясника бычьих костей да шкуру, сперва вымачивал, теперь, видать, варит. Перетравит нас этот Кулибин в конце концов…

Возле кузницы пылал жаркий костёр. Лазаре, обмотанный поперёк лица тряпицей, размешивал палкой варево в закопчённом котле. Хмурый кузнец поддавал жару — подбрасывал поленья в пламя. Седой руководил.

— Совсем рехнулся? — староста метнулся к Джафиру. — Скот на лугу от вонищи этой взбесился, собаки разбежались, мужики за коровами гоняются…

— А чем я тебе станок склею — соплями? — вызверился Седой.

Лука ушёл в кузню, вернулся с ведром, залил костёр.

— Джафо, уймись! Пойдём к нам, я тебе клея сделаю сколько надо. Эту гадость прикройте чем-нибудь, как остынет — выльем за воротами, землёй закидаем. Автандил, вели, чтоб принесли мне яиц дюжину да жбан творогу.

Лука усадил меня готовить болтушку из муки, сам влил в котелок густое масло, кипятил над огнём. Седой, хлопнувший для успокоения нервной системы изрядную порцию сливянки, захмелел, распустил слюни:

— Хороший мужик Кишмиш, однако упрямый, как ишак. Сколько дел переделать надо, гончар от безделья опух, говорю — печь большую сложим, трубы изготовим — кругом глины полно: в дождь по селу не пройти, отведём стоки за ограду…

Лука помешал в котелке.

— Джафо, не лезь ты на него нахрапом. Если что надумаешь — мне говори, а я уж Автандила уболтаю. И не лайся ты с ним. Он тебя уважает, знаю, и ценит, но ты пойми: на его плечах всё держится, он за наше выживание в ответе. Хоть раз задумался, почему он один в доме?

— Ну, бобыль.

— Не бобыль, а вдовец. Когда налёты начались, его семья в долине гостила, у родни, четверо ребятишек у него было… А теперь мы его семья. Мы все — и ты, и Авель, и девочки ваши. Учти.

Помолчали. Седой свернул самокрутку.

— Лука, а ты тоже вдовец?

Лука складку наложил на лоб, плеснул себе водки.

— Об этом мало кто знает. Кто в то время со мной водился, перемёрли уже, — помолчал, вздохнул тяжко, продолжил: — Как я знахарем сделался, выбрало мне общество невесту: чистая сердцем, нежная душой. Привёл я её в дом. Когда сняли последний сноп, сыграли свадьбу. Наутро после застолья посадил я перед домом гранатовое деревце… С первым снегом снарядил ружьё, поцеловал мою Хатию и отправился с верным Черноухом в горы, за Змеиный перевал, — дичь промышлять. Как положено, на месте каждого привала пресный хлебец хмиади оставлял, чтоб Шишвлиша-смотрителя[41] умилостивить. Молод был, глуп: дважды Гогбедниэри, посланница смотрителя, кружила над моей головой, скорбную песнь пела. Нет, не повернул назад. Поднял Черноух тура — рога в два кольца, копыта искры из скал высекают. Преследовал я его до лунного света, ноги сбил. Завёл меня тур в глухое ущелье — по склонам лес непроходимый, тут и явилась мне Ткаши, краса холодная, ухватила за рукав, увела в своё логово. А ведь ещё дед покойный поучал: «Можешь повстречать лесную женщину, да будет проклято её имя. Гляди, чтоб не соблазнила тебя, не заговаривай и не отвечай ей, иначе пожалеешь…» Не устоял я перед чарами колдуньи, разделил с ней ложе. Как прошло наваждение — оттолкнул чародейку, потянулся к кинжалу. Прокляла тогда меня Ткаши: «Пусть все, кто тебе до́роги, в камень обратятся и в деревяшки», — зашлась ледяным смехом и сгинула. Вышел я из пещеры на свет — у ног моих камень: лапы, хвост, уши… с тех пор собаку не держу. Без отдыха, без глотка воды бежал к дому. Гранат у порога высох, в очаге угли простыли, на лавке пряжа, а посреди комнаты вот этот столб объявился, не было его прежде… — Лука встал, погладил шершавую древесину. — Не касался я больше женщины, так и жил один. Ещё — никогда после не ходил я добывать зверя, ни одного существа жизни не лишил, мяса, рыбы, дичи не ел.

От рассказа Луки сдавило мне сердце, Седой тоже скис. Когти заметил грусть нашу, соскочил с жерди, уселся на плечо хозяина. Лука погладил птенца:

— Вот дружок мой. Почему, думаете, так люблю птенца? Более доброго существа, чем филин, в природе нет. Правда, мышкует — живую тварь изводит, но уж таким его Мтовари сотворила, мясоедом. Авель, сходи в кладовку, принеси вина, — заглянул в котелок. — Ну вот, в самый раз, загустело.

— Что это за масло? — ожил Седой.

— Конопляное. Всегда держу малый запас, не знаешь, когда может пригодиться. Добавим в болтушку, после размешаем с яичными желтками да сцеженным творогом и извести подсыплем. Будет тебе самолучший клей, от деда моего наука.

Я расставлял на столе закуску к вину.

— Лука, твой дед, от тебя же знаю, овчаром был. Он что, ещё и ремеслом каким занимался?

Лука потянулся за кувшином, разлил вино.

— А вот поднимем сейчас чашу за наших предков, и расскажу про моего деда…

Обтёр усы, набил трубку, закурил.

— Дед мой большим затейником был, да и смельчаком изрядным. Не помню, чтоб с охоты без

41. Шишвлиш — смотритель альпийских лугов.

добычи вернулся. Все тропки, ущелья да перевалы от реки и до Семи отрогов знал наперечёт. Пошёл он как-то в сторону Балхетского луга, туров промышлять. На полпути заночевал в скалах, костёр развёл. В полночь услышал голос из темени: «Эй, Каланди, пойдём со мной, на свадьбе гостем будешь».—«Темно,—ответил дед,—не вижу тебя».—«Иди на голос, только ружьё оставь, а как на место придём, ни с кем первый не заговаривай, да смотри не обманись». Пошёл дед на голос. Вывел его зазывала на поляну: посредине костёр горит, кругом черти расселись, водку пьют. Усадили гостя на скамью, подали рог с водкой—дед не пьёт. Главный чёрт спрашивает проводника: «Почему не пьёт наш гость?»—«Ждёт от вас даров».—«Завтра убьёт он трёх туров». Выпил дед водки, ему второй рог налили. Привели черти трёх туров, зарезали, освежевали, сварили мясо, разложили на таблы[42], обнесли всю компанию. Как съели мясо, началось чудно́е: собрали кости одного тура, завернули в шкуру, ударили по шкуре плетью… вскочил тур и убежал. Потом второго кости собрали, завернули в шкуру, сказали заклинание. И второй тур был таков. Тут проводник говорит деду: «Спрячь одну кость». Дед подобрал тайком турью лопатку, спрятал за пазуху. Черти стали кости собирать, глядят—лопатки не хватает. Искали—не нашли. Тогда заложили в шкуру деревянную ложку, сотворили заклинание: «Встань, встань, хечеча[43], из ясеня твоя лопатка…»—вскочил тур, умчался в темень. Тут деда сон сморил. Утром, как рассвело, вернулся дед к своему кострищу, глядь—на ближней скале туры стоят. Схватил дед ружьё, подстрелил троих, а как освежевал, так у одного лопатка деревянная оказалась…

Мы, уже изрядно поддавшие, посмеялись над деревянной косточкой. Лука догнал нас, опрокинув чарку, и продолжил:

— Обхитрить деда никто не мог. Даже Очокочи не сумел.

— Очокочи? Что за зверь такой?—Седой долил вина в пиалу.

— Демон злобный. Однажды дед преследовал оленя в лесу на Рошки. Загнал. Развёл костёр, стал шашлыки жарить. Вдруг из зарослей косматый, огромный выбрался; без одежды, шерсть дыбом стоит. На груди костяной выступ, как топор. Сел у костра, показал рукой, что голоден. Дед поделил мясо поровну. Как поели, ушёл косматый в лес. А дед ветвей лещины нарубил, сложил у костра подобие человечьего тулова, посредине кинжал воткнул рукоятью в землю, буркой накрыл, сам же схоронился за деревьями, ружьё зарядил, прислонил рядом с собой. Чуть времени прошло, сотрапезник его из зарослей выбрался, увидал бурку и упал на неё грудью, костяным наростом. Кинжал вонзился ему прямо в сердце, да ещё дед прострелил голову. Так убил он Очокочи, и поделом ему—уйму добрых людей извёл до того.

— Ур-ра-а!—заорал Седой.—Пьём за твоего деда, героем был,—осушил пиалу, стукнул себя кулаком в грудь.—Подайте мне этого Очокочи, конопляную клизму ему поставлю!—откинулся к стенке, сладко засопел.

— Так,—Лука привстал,—Джафир сегодня у нас ночует. Давай его здесь уложим, у очага, в тепле. Неси подушку, покрывало…

6.

А как заструился из точил грозди зрелой терпкий сок, затеяли мы празднество, Лука потребовал у селян умилостивления покровителей. Староста поначалу на дыбки встал: урожай, мол, ждать не будет,—но Лука упёрся, да и община взяла его сторону, и Кишмиш сдался, согласился прерваться со сбором достатков на равноденствие, на один только день; с рассветом следующего надлежало всем, к труду пригодным, пребывать на огородах и в плодовниках.

Наутро явился в нашу берлогу обычно щеголеватый—ума не приложу, как это у него при скудности быта получалось,—а на сей раз обряженный в мешковатую серую хламиду, чуть ли не вервием подпоясанный, ткач.

— Наш знаменосец и подручный мой,—сообщил Лука,—будет Лем на башню поднимать.

Лем так Лем: я, опытом школярства умудрённый, научился уже с расспросами не спешить—и так всё само собой прояснится.

Лука в сундуке своём порылся, извлёк такую же, как у сподручника, только расшитую серебром одёжку, шапку волчьего меха, потускневший от старости резной деревянный жезл—минуту спустя вместо привычного глазу лукавца сановитый старец предстал перед нами, заломил вскосмаченную бровь, указал на дверь:

— Что встали? Пора мольбище к таинству готовить, поспешим, селяне, небось, уже на подходе…

Пробившись сквозь обременённые увядающим уже листом частые ветви, стрелы светила, к пределу небесному поспешавшего, одели истёртые плиты в одеяние из хрупких, подвластных капризам озорного завевала, изменчивых кружев, норовили пробраться в молельню, позолотив скрывавший древние стены плющ, искали прорехи в густотканом его покрывале. Мы расстроили, смешали игру теней, шагая к Хати по камню двора. Лука извлёк из-под балахона чудовищных размеров ключ, отомкнул скрипучий замок, распахнул

42. Табла—деревянное блюдо либо низкий трёхногий стол.

43. Деревяшка.

тяжёлые дубовые двери. Ткач прошёл в капище, убрал ставень со стрельчатого окна: косой задористый лучик заглянул в узкий проём, высветил сложенный из рваного камня алтарь, кособокий ларь у задней стены. Откинув крышку вместилища, ткач потянул за конец разрисованную весёлым узором доску, следом вынул вторую: скоро образовался у его ног штабелёк пестроцветных тесин. Отобрав несколько, вынес наружу, вставил стоймя в пробитые в камне пазы—получился столп в человеческий рост,—затем добавил остатные, принялся, закрепляя обшивку прочными клиньями, надставлять сооружению следующий ярус.

Лука позвал меня подсобить: вдвоём стащили мы с вбитых в стену крюков продолговатый свёрток, уложили на пол, принялись сматывать навитую рогожу. Под покрышкой скрывались: несколько стержней, из которых Лука ловко собрал длинное, аршина в три, древко; литое серебряное навершие с широким жалом—на одной стороне силуэт волка выбит, на другой женский лик, и латанный-перелатанный то ли куль, то ли кошель потёртого серого шёлка с нашитыми разноцветными лоскутами и колокольцами. Лука наконечник на древко насадил, навесил у самого жала рванину, встряхнул, колокольцы побеспокоил.

—Это Лем, предки мои принесли его с запада в незапамятные времена, а им знамя вручила сама Ламария, покровительница наша…

—Тоже мне знамя,—не утерпел я,—бурдюк какой-то. Да и что толку с него, с тряпичного?..

—Болваном ты уродился, болваном и помрёшь!—Лука с Лемом на плече направился к выходу.—Стой здесь и гляди, осёл!

Лука пересёк двор, встал на противоположном его конце, повернулся ко мне лицом, поднял Лем над головой и, вскрикнув неразборчивое, резво побежал в мою сторону, а я, ошеломлённый, отступил невольно в глубь молельни, ибо стеснённое встречным потоком воздушным тряпьё вдруг раздулось и обратилось свирепым зверем с хвостом, лапами, разинутой кровавой пастью, клыками сверкающими… вот так Лем!

Запыхавшийся Лука поставил древко со сдувшимся волчиной в угол, смерил меня испепеляющим взглядом и отправился ревизовать старания ткача. Тем временем селяне стали подходить с корзинами, торбами—несли вкусности; мясник пригнал пяток барашков-смертников, из-под приставленного к капищу навеса винохранилища выносили и расставляли широкие столы и прочные лавки. Там же, под навесом, присыпанные землёю лючины отчиняли, разливали черпаком вино по ведёрным кувшинам. Уже раздули огонь под котлами, обожгли в жарком пламени вертела, уже простонали поочерёдно последним всхлыпом круторогие овны, уже упал на коленки сражённый жестоким ножом мясника годовалый телок, когда Лука ударил в колокол, вышел на ступени храма, удерживая в вытянутой, приподнятой руке серебряный кубок, начал славословие:

—*Слава тебе, Ламария светлоликая, слава и вам, воинство Мамбери кроваво-когтистое. Да возвеличит вас Гмерти, да укрепит вас Мориге, да наделит вас Квирия силой для оказания помощи, пользы, защиты общине нашей, обращающейся с молитвой к вам. Ламария, накрой нас подолом своим, окружи себя нами, дозволь молящимся просить о сохранении плодов труда нашего праведного!..*

Тут ткач появился: древко знамени к правому плечу приставлено, покачивает им, переливистый перезвон бубенцов к речениями Луки добавляет.

—*…Воины Мамбери, вы быстры в помощи! Острокогтистые, встаньте противу дня чёрного, врага дерзкого, дела вредного. Поскольку я не в должной мере славословлю и поминаю вас, постольку приумножьте вашу милость нам, почитателям вашим. Воины Мамбери, острозубые, быстроногие, в вашей силе оказать помощь молящимся вам, их семьям, родичам, скотине. Вы помогаете преданным вам шапконосцам и платоносицам, облегчаете дни их, отвращаете от них превратности, да будет победа вам, предводителю вашему Мамбери-волку и создателю вашему Гмерти!*

Лука осушил кубок, подал ткачу знак; тот мелким скользящим шагом двинулся в сторону им же собранной башни; из толпы вышли четверо молодцев, подладившись под поступь знаменосца, последовали за ним; тишина упала, только бубенцы Лема рассыпáли тревожную звень. Дошли, сопроводители опустились на колено каждый, накрест взяли друг друга за руки, знаменосец ступил на опору, его подняли кверху, укрепил он знамя, и разбежались все пятеро, пятясь задом и склонившись на бегу в поклоне.

Бегучим ручьём разлилась свирель, задорную мелодию подхватило пандури, звонкую дробь рассыпало доли[44], юноши объяли хороводом башню Лема, змейкой пошли девушки, грянул хор:

—*Шествует Ламария по полям, напитывая силой живительной корни и стебли, а быстроногие стражи серого воинства охраняют стада, на разнотравье пасущиеся.*

Запевала:

—*Приумножь урожай, Ламар, если желаешь подношений земли нашей. Сохрани баранту, Мамбери, если овечек жертвенных ждёшь!*

Хор:

—*А ты, Квирия, приумножь нам отроков, если желаешь прославителей сладкоголосых, да прибавь дев речистых, чтобы слагали песни в твою честь…*

44. Грузинский народный музыкальный инструмент, двухмембранный барабан.

Молодки, цепью вставшие в танце, вдруг разбили порядок, завели малые хороводы, обратные бегу главного, а вертуны — каждый второй взбираясь на плечи соседа — надставили ряд на сжавшееся вдвое и участившее ход живое кольцо. Музыканты пуще взъярились, танцоры разорвали круг, разделились поровну, пошли строем навстречу и сквозь противный ряд, вновь разошлись, объяли теперь уже девичьи обороты, разбили их, разминулись парами — кавалер на полшага впереди, дева, раскинув руки, лебедем вслед. Плясуны с плясуньями отдавались действу, которое уже обращалось состязанием лучших, зрители сопереживали, Золотой петух, засмотревшись, замер было в вышине, но скоро, гонимый похотью, продолжил извечный свой бег вдогонку Среброликой, — праздник начался!

От поварни густой аромат шашлыка разошёлся, утомлённые музыканты побросали инструменты и первыми поспешили к столам, за ними стронулось всё общество. Старшие селяне уселись во главе, у винохранилища, дамы заняли почётные места в тени смоковницы, юнцы-экономы разносили кувшины с вином, повара потрясали пучками вертелов со шкворчащей бараниной. Староста встал, выставил перед собой три кубка:

— Без вина даже боги не могут обходиться подолгу, ну а мы, смертные, духом слабые, и подавно. Наш добрый деканоз обрядом командовал, теперь, за столом, пришла моя очередь. Налей-ка мне, сынок…

Кишмиш поочерёдно воздал хвалу Квирия, Ламар и Мамбери, прокашлялся и неожиданно густым баритоном завёл:

> В яхонтовом марани[45]
> вино и рубин сверкают…
>
> В нём вырос чинар,
> он молод и распускает ветви… —

подхватили басы.

> На нём сидит соловей
> и расправляет крылья для полёта!.. —

отчаянно взревели тенора.

На башне встрепенулся Лем, — то налетел верховик, оживил стражника: матёрый распушил хвост, расставил крепкие лапы, оскалил серебро клыков и добавил протяжную верхнюю ноту к общему хору.

7.

— Артавоз, Артавоз, ты для нас конфет привёз? Артавоз, Артавоз… — мальчишки развесёлой гурьбой поспешали за повозкой, девочки, поотстав, чинно вышагивали следом.

— Михо, Михо, зачем едешь тихо?

Михо скосил глаз, приподнял мягкую губу, показал зубы: привет, мол, старым друзьям, рад видеть. Артаваз, притворно нахмурившись, погрозил озорникам кулаком:

— Вот я вам покажу, хулиганьё!

Повозка выкатилась на площадь, Михо без указки повернул к источнику и встал. Окружившая возок детвора притихла, ждала. Артаваз, постанывая, ступил наземь, присел на корточки, похрустел коленками, ухватившись за поясницу, распрямился, придвинулся к Михо, распустил упряжь:

— Отдыхай, трудяга.

Ослик затруси́л к скотному двору, к поилке. Артаваз поискал в возке, передал атаману босоногой стражи пакет:

— Держи, смотри не обдели кого…

— Ура-а, сахар! — дети отошли в сторонку — делить лакомство.

К повозке подобрался переломленный в пояснице мужичок.

— Артаваз, ты топор мне привёз?

— Здравствуй, Соломон. Привёз, посмотри сзади, под рогожей.

Соломон провёл по лезвию огрубелым пальцем.

— Топор, прямо скажу, хороший, а вот топорище не годится, не ложится в ладонь. Вот ты прошлой зимой мне топор привозил, так тот топор был так себе, а топорище у него было удобное, не в пример этому, а у этого топорище никуда не годное, поменял бы, только вот у того, у старого, топорище весной треснуло и обух разорвало…

— Э-э, Соломон, вырежь для этого новое топорище, и дело с концом.

— Топорище вырезать, конечно же, можно, только когда это будет? Это в лес надо пойти, лещину подходящую найти, верный дрын выбрать, срезать, обстругать, потом в воде вымочить, чтоб набухло, потом…

— Соломон! Я третьи сутки в дороге, устал. Вечером приходи, поговорим про топорище.

Соломон засунул топор за пояс.

— Артаваз, я салом рассчитаюсь, у меня в этом году сало хорошее. Жёлудя много уродилось — объелись свиньи, а свинья когда жёлудь ест, у неё сало плотное и с прожилкой, а когда жёлудя в лесу мало…

— Соломон!.. Иди домой, Соломон! Салом так салом. Ты кривого Зезву увидишь?

— Как я могу Зезву не увидеть, если мне мимо его дома идти? Это ведь я к себе не попаду, если не пойду мимо Зезвиного двора, другой дороги ведь и нет. А если пойти, например, мимо пасеки…

— Соломон, иди уже!!! Скажи Зезве, я ему пилу привёз.

— Обязательно скажу, только и Зезва с тобой салом расплатится. Груши дикой тоже много уродилось,

45. Хранилище с врытыми в землю ёмкостями для вина.

как и жёлудя, а свинья, она ведь как—она если желудей с грушей не поест, у неё сала-то и нет…

— Тьфу, совсем из ума выжил! Следующий раз у вашего кузнеца топор заказывай, жёлудь…— Артаваз зашагал в нашу сторону, поджидали мы его, хлеб-соль приготовили.

Староста выбрался из-за стола, помял Артавазову ладонь:

— Проходи, дорогой, отдохни с дороги. Как добрался?

— Без приключений.

— Вот и славно,—староста плеснул из кувшина в чашку.—А ну-ка, гость, скажи доброе слово.

— За моё прибытие, за ваше гостеприимство, и пусть будет всем нам удача!—Артаваз выцедил содержимое посуды, зажмурился, смахнул слезу.—Бешеный жип[46]. Сливовый?

— Нет, панта[47],—староста снова налил гостю, наполнил и наши чарки.—Этим летом столько панты в лесу уродилось—еле собрали, часть свиньям скормили, остальную сбражили, после выгнали, родимую. Полно водки, сопьёмся зимой, а сливянку бережём для твоей коммерции, на «экспорт». Ты закуси, не то свалит.

Артаваз придвинул к сковороде чистую миску, навалил тушёной фасоли, переломил лепёшку.

— Ты сало попробуй,—староста подмигнул нам,—в этом году у нас сало…

Артаваз поперхнулся, прожевал кое-как.

— И ты туда же? Только про жёлуди не объясняй, не вынесу…

— Что, утомил Соломон? Старик сегодня в ударе, весь день жертву искал, однако впустую—никто его слушать не желает. А тут ты нарисовался: наслаждались мы, наблюдая,—староста ухватил чарку.—Ну, друзья, вторую здравицу скажем… ух, хороша! Вот, Артаваз, в честь пришествия твоего позволяем себе дневной впрыск, цени. Что в городе?

— Плохо в городе, совсем плохо,—Артаваз поискал глазами, придвинул жбан с водой.—Мор в городе: воду берут из озера—тухлая, кипятят—всё одно болеют. Еды не осталось: найдут под завалами какой запас—бьют друг дружку насмерть; кто сильнее, тот и забирает. Страшно,—напился, причмокнул.—Вот это вода, от неё не захвораешь… Слушайте меня, люди, дурные вести я привёз. Из города лихие мужики повадились в набеги ходить: в двух днях пути отсюда, у старой плотины, селяне-греки исстари проживали, от налётов спасались—помните, я ещё весной табак ваш им сторговал?—так вот, захватили эту деревню, многих поубивали, женщин попортили—звери, не люди. Их там человек двадцать, может, чуть больше, перезимуют—как раз хватит им общинного стада до весны на прокорм. После пойдут рыскать по округе, рано или поздно и до вас доберутся. Пора тебе, Автандил, дозорную повинность объявить да будущих бойцов отобрать для отряда оборонительного. Не поленись сложить по углам ограды и у ворот поленницы из сушняка—кострища, на случай, если кто тёмной ночью сунется. Двустволки у вас вроде имеются, ну и я кое-чего подвёз: гильзы, порох, картечь—опять же на табак сменял у банды, нынче весь оружейный припас в их руках.

Притихли мы, обдумывали услышанное. Староста сложил кулаки на стол, сжал так, что жилы набухли:

— Не умеем мы убивать, мы крестьяне…

— Ничего, научитесь, иначе вас перебьют. Новый порядок наступает, порядок хищника, вот и подстраивайтесь. Завтра я уйду, хочу, пока перевалы открыты, к дружку твоему наведаться: Эрам-Хут обещал сходить на разведку в Дербент, если получится—промысел осетра наладить. Под вашу водочку—да балычок каспийский: что скажешь? За пару недель обернусь, после отдохну у вас, останусь до Большого праздника[48]—нашлялись мы с Михо за лето, еле ноги держат. А после…

Староста приобнял торговца:

— Слушай, тебе бродяжить не надоело? Оставайся уже насовсем. Жильё тебе выделим, пригожую вдовушку присмотрим…

— Нет, дорогой, спасибо за заботу, но это не по мне. Что я здесь делать буду—землю пахать? Я купец, верно ты сказал—бродяга. У нас с Михо ещё дел невпроворот. Весной пойду за Срединный хребет, к морю. Не могло же там полное безлюдье образоваться? Найдутся какие хозяйства, наладим обмен. Я за Иори[49] ходил, там толика людей выжила, крепкую общину сколотили. На дальнем плато, у армян, сыроварни заполнены, урожай картофеля невиданный, я для них свой—кровь одна, предложили забирать для коммерции сколько пожелаю, и тягловой силой помогут, а ты говоришь—оставайся. Да, забыл: в возке мешок полбы, спрячьте пока, а весной засеем пустошь у леса. По сдобе не соскучились? Мчади[50], небось, уже в глотку не лезет? Ладно, пойду я торговать, женщины уже собираются…

Староста разлил водку:

— Ну, друзья, скажем третью здравицу—и хватит. Слышали, что Артаваз наказал? Надо к войне готовиться. Пойдём сход собирать, с селом советоваться…

8.

День пошёл на убыль. Скоро овцы в поисках тепла начнут тесниться в загонах бок к боку, туман,

46. Жип, жипитаури—фруктовая водка *(груз.)*.
47. Дикая груша *(груз.)*.
48. Большой праздник—Берикаоба, празднество в честь Берика-изобильного.
49. Река в Восточной Грузии.
50. Кукурузная лепёшка *(груз.)*.

сгустившись, осядет льдинками на ветвях верещатника: год поворачивается вокруг невидимой оси, один конец которой Мтовари сотворила из жара, другой — из холода. В селе тишь да покой. В окнах жилья допоздна мерцают огоньки — пряхи свивают нить из конопляной кудели. До первых холодов успели сделать неотложные дела: дровосек разбил у озера лагерь — заготавливали матёрку от зари и до заката; на скотном дворе горбатый швец командовал рекрутами — трепали и вычёсывали луб. Седой, кузнец, ткач и Лазаре ночевали в мастерской (справился умница Джафо) — завершали сборку ткацкого станка. Попутно Седой исхитрился изготовить внушительных размеров пресс, давил для светильников масло из конопляного семени. Грозился, как закончит со станком, наладить уличное освещение, установить масляные фонари (кузнец поведал, что знает в горах старый слюдяной карьер). Ограда нашей коммуны претерпела переделки, приняла более грозное обличие: смущённые пророчествами Артаваза, подняли мы по углам и у ворот сторожевые вышки, сложили под навесами поленницы-кострища, в самой изгороди проделали узкие бойницы с крепкими ставнями; возвратившийся от лезгин торговец сам руководил работами… А Лука захворал: заходился в кашле, по ночам жар его донимал, днём озноб. Я сбился с ног: накладывал болящему на грудь припарки из крапивы, поил отваром зверобоя, анисовой настойкой. Пришла Цуца, прижалась ухом к опавшей груди, послушала:
— Сильные хрипы, воспаление лёгких. Антибиотики нужны, да где их взять?..

Чуть легчало Луке от отвара бархатцев, что росли на лужайке перед домом — из пожухлой травы выглядывали жёлтые соцветия. Лука бодрился, утешал меня:
— Не вешай нос, всё образуется. Сходи-ка ты к озеру, днями луговой шафран зацветёт. Коли найдёшь, луковицу выкопай, да только смотри — сок безвременника ядовит, даже если на кожу попадёт — свалит. Принесёшь луковицу — изготовим для меня зелье.
— А как я его узнаю, Лука?
— Стебель короткий, с вершок, в навершии три листа — на стрелки пырея похожи, в пазухе зелёная почка, рядом побег бледный, на нём цветок: околоцветник жёлтый, лепестки красные, — не ошибёшься, других цветов ведь нет уже, только у нас бархатцы держатся.

Назавтра я поручил Джафо присмотреть за больным и ушёл к озеру. Полдня я бродил по берегу, пока не приметил алое пятно. Кинжалом подрезал дёрн кругом стебля, спрятал добычу в корзину, в ямку положил хлебец. Туман накрыл землю сплошной пеленой. Я наугад тронулся в обратный путь. Дважды слышал позади шелест осторожных шагов, оборачивался — как будто лёгкая тень отступала в молочные сгустки. Холодок пробежал по спине, вспомнил я рассказы Луки, выпустил из ножен кинжал, зашагал быстрее. Вновь шорох позади. Обернулся — женщина в белом платье, полускрытая бледными струями, пристально смотрит, не отводит чёрных глаз. Ноги у меня ослабли, коленки подогнулись. И тут зазвонил колокол (Седой после сообщил, что, завидев в оконце завитки наползающего марева, Лука погнал его в звонницу). Бросился я на звон, не разбирая дороги, сердце зубами удерживал…

Лука приподнялся на ложе, рассмотрел меня:
— На тебе лица нет. Что стряслось?

Я выложил на стол добытую луковицу.
— Ерунда, померещилось что-то.
— Ну-ну. Луковицу подвесь у очага, подсушить надо. После зальёшь её водкой, за сутки настоится. А всё же: чего ты так испугался? Встретил кого?
— Вроде женщина какая-то следом шла.
— Голос подавала?
— Нет.
— Значит, не Али. На лице родимого пятна не заметил?
— Не рассматривал я её, чуть в штаны не наложил со страху.

Вошёл Седой:
— Вернулся? А мы уж думали — заплутал. Ты что такой бледный?
— Замёрз.
— Замёрз он, как же, — усмехнулся Лука. — С кудиани повстречался, с ведьмой. Джафо, у него руки трясутся, согрей вина да влей в него чарку-другую, не то сомлеет.

От горячего вина мне полегчало. Седой и себя не обидел, хорошо приложился к кувшину. Лука попросил:
— Тошно мне от отваров, да и знобит. Налейте-ка на донышко — кашель вроде отступил, глотну — объясню про ведьму.

Я подложил подушек в изголовье, налил Луке вина. Седой устроился у очага, свернул самокрутку. Лука отпил из пиалы, прищёлкнул языком:
— Терпкое в этом году вино, густое, как кровь. Да, о чём это я? Дед мой рассказывал, что после турецкого набега последнего, объявилась в Шилде женщина красоты необыкновенной. Поведала, будто беженка с правобережья: деревню, мол, турки спалили, люди разбежались. Был тогда кузнецом в селе силач Бадри[51], имя ему при рождении дали в честь Мтовари-владычицы. Очаровала пришлая кузнеца, он и привёл её в дом. Медовый месяц ещё не прошёл, а молодуха занемогла, слегла. Знахарь отварами её поил, заговоры нашёптывал — не помогло. Решил Бадри к реке идти, в монастырь — среди послушников учёные лекари попадались.

51. Полная луна *(старогруз.)*.

Застала его ночь в пути, стал он место для ночлега подыскивать. Вышел на поляну — посредине кувшин-квеври в землю врыт, туда и забрался. Сидит Бадри в квеври, горюет о больной жене. Вдруг шум поднялся. Выглянул тайком — поляна ведьмами полнится: одни верхом на кабанах едут, другие на кошках, третьи на козах, а последней его жена прилетела, голышом, на метле. Появился козлоногий с хвостом, заиграл на свирели. До утра плясали ведьмы, варили в медном котле хлёбово, пили из черепов. Как светать стало, начали расходиться, козлоногий свирель в квеври бросил, человека не заметил. Подобрал Бадри свирель, выбрался из кувшина, понурив голову, направился к дому. Жену он застал в постели. Заиграл тогда на свирели — поднялась ведьма в воздух и запорхала по комнате. Прекратил Бадри игру, ушёл в кузницу, а возвратился с раскалённым железом и выжег кудиани на лбу клеймо — виноградный лист. Сгинула ведьма, улетела через дымоход. Собрал Бадри односельчан, взяли они жаровню, уголь и пошли по лесу, кузнец на свирели наигрывал. Сбегались ведьмы на наигрыш, пускались в пляс, ловили их и прижигали железом. С тех пор кудиани окрест не встречались. А вы знайте: как увидите где женщину с родимым пятном, что на лист лозы похоже, — бегите без оглядки. Авель, налей-ка ещё, горло пересохло.

Седой надолго припал к горлышку кувшина, оторвался:

— Найду время — прогуляюсь к озеру, может случиться — разыщу эту стерву, что Авеля пуганула.

— Ну да, — Лука покивал головой, — штаны на смену прихватить не забудь…

Не помогла настойка безвременника, Лука слабел с каждым новым днём. Я шага за порог не ступал, дни и ночи старался, пытался побороть хворобу. Приходили селяне, несли лакомства: тёплое ещё бадаги, пастилу, сушёные фрукты, мёд в сотах. Когти забросил полночную охоту, застыл у изголовья страдальца. Чинка пропал: искал я его под лавками, в кладовке — тщетно. По нескольку раз на день прибегал Седой, шушукался с Лукой. Раз вынул что-то из сундука, утаил за пазухой, унёс. Я так устал, не различал уже — день или ночь. В полнолуние у Луки снова разгорелся жар, бился учитель на ложе, бредил, Черноуха звал, Хатию. После затих, и я провалился в сон…

Солнечный луч пробился сквозь оконце, пощекотал мне прижмуренные веки. Я открыл глаза: Лука поглаживал пристроившегося у него на груди птенца.

— Проснулся? С добрым утром.

— Лука, как ты?

— Как надо, Авель. Собери завтрак.

Приставил я к ложу табла, разложил еду, благо от даров логово наше ломилось. Лука подставил руки — обмыл я ему ладони — после скомандовал:

— На полке, что над очагом, — фляга, трилистник на горловине обозначен. Принеси.

Нашёл я флягу, обил сургуч с горлышка.

— Налей, — Лука сжал истончалыми пальцами пиалу. — Добавь немного мёду, — отхлебнул. — На ягодах омелы настаивал, на головках клевера. Авель, выпей и ты со мной на прощание.

Заплакал я, не удержался, слёзы так и хлынули.

— Не плачь, сынок. Пишущие судьбу[52] в свой реестр заглянули, да и внесли меня в список, что Микел-Габриэлю вручают. Слушай меня, юноша: смерть — это не конец, это смена облика. Видел ты не раз, как бабочки взлетают весной с полевых цветов — то души умерших: Беткил отпускает праведников из своих владений… Со дня моего появления на этом свете Инцоба от снегов, растопленных солнцем, уже восемьдесят раз превращалась из ручья в бурную реку — это, Авель, немалый срок…

Отворилась входная дверь, вошёл староста, обнял старика, присел на постель.

— Лука, не пугай ты нас, мы без тебя — как баранта без пастуха.

— Э-э, Автандил, знаешь старую присказку: «Было что-то — и ничего не было, жил-был певчий дрозд, да Боги к нам милостивые»? Вот и я, как тот дрозд, — всегда буду рядом…

Со двора послышался задорная мелодия — кто-то непринуждённо наигрывал партиту в до-миноре. Я вышел наружу: на лужайке, легко ступая по шафрановым головкам бархатцев, кружилась крошечная фигурка. У порога на лавке сидел Чинка, указал флейтой:

— Это дочь Миндорт-батони. В лугах цветов не осталось, вот с рассветом она и приходит к нам поиграть.

— Чинка, где ты опусы Баха изучал — в лесной консерватории?

— В Тюрингии. Подался я как-то в германские земли, в Виттенберг. В то время большой знаток демонологии, доктор Фауст Клитлингенский, в тамошнем университете курс лекций читал, он-то мне и присоветовал посетить Тюрингский лес, с коллегами пообщаться. Дивные там места, очаровали меня, вот и застрял на время. На реке Херзель, в предгорье, городок Эйзенах расположен — Иоганн Себастьян оттуда родом, там и музей его. Подружился я со смотрителем, редкой души был человек — мозельвейном угощал, флейту эту подарил. Вечерами просматривали за стаканом вина партитуры великого, музицировали. Исключительно приятное времяпрепровождение получалось.

— Что ж ты вернулся? По родным краям затосковал?

52. Слуги Беткила, «канцелярия» подземного царства.

— Бебель с Либкнехтом нагнали в Эйзенах голодранцев со всей Германии, вселенский бардак затеяли, вот я и сбежал…

Над селом встала радуга. Фея, с цветка на цветок, подобралась к ближнему концу небесной тесьмы и зашагала по изгибу, в ладошках — по листку клевера для равновесия…

9.

В первый день нового года мы похоронили Луку под смоковницей во дворе древнего Хати. В изголовье могилы сложили флягу с вином, плошку с творогом и изюмом, немного мёда, пресный хлебец. В село возвращались молчаливой толпой. Поминальный стол был накрыт на перекрёстке, у источника. Перед ближним концом стола — арка из ветвей лещины, обвитая стеблями плюща и пихтовыми ветками. Староста обошёл арку, остановился у столешницы.
— Авель, пройди через свод и встань рядом.

Откинул кусок полотна — на краю стола лежали знакомая мне тетрадь, резной жезл Луки и небольшая семиструнная арфа. Автандил вложил жезл мне в руку:
— Держи. Как наказал усопший наш деканоз, ты теперь хранитель храма. В эту тетрадь Лука записал то, чему научить тебя не успел, арфу собрал своими руками.
— Где же он струны взял? — брякнул я первое, что в голову пришло.
— Чинка свил из бараньих кишок, Джафир помогал. Люди, подходите к столу, помянем нашего наставника, пусть земля ему будет пухом, и за нового знахаря выпьем. Разлейте вино, переломите хлеб…

Седой хотел забрать меня на ночёвку к себе, но я отказался. Закинул за спину арфу, сунул за пояс жезл и тетрадь и побрёл к нашей берлоге. У порога меня дожидался Чинка:
— Когти улетел.
— Как же ты не доглядел? Вот беда…
— Поначалу он по дому метался, а после стекло в оконце выбил… Не грусти, знаю, куда он стремился, завтра пойдём к храму, найдём.

Ночью выпал снег, завалил дома до кровель. Неделю всем селом разбирали сугробы, расчищали улицы. Только на седьмой день мы с Чинкой смогли пробиться на тропку, что вела к Хати. С трудом одолели заледенелый подъём, подобрались к воротам: на ветке смоковницы, кругля глаза, сидел Когти, рядом топорщил перья на пятнистой грудке озорной дрозд-желтоклюв. Увидел нас, задрал голову к небу и залился весёлой трелью. Я поднял руку в приветствии:
— Здравствуй, птица!

ДиН ревю

Антон Метельков

Футляр

Новосибирск, 2015

• • •

поезжай в санталово собирать морошку
там в избе оставленной зреют щи под крышкой
тропки между избами топчет только лошадь
пыль за телевизором вытрут только мыши
зреют щи ленивые кто в них отразится
точно телевиденье смотрит без розетки
смотрит как сбегаются с выселков лисицы
как в избушке заячьей уши как лазейки
зреют щи студёные кто с них снимет пробу
словно бы будённого поцелует в губы
тот увидит как кружив с крышкою от гроба
полумедвежонок полуполушубок
кто обхватит котелок до последней косточки
он распустит узелок да на волоске
и ищи его хрящи убаюкай в горсточке
поезжай в санталово засыпай в леске

• • •

мы пришли к тебе с превером
рассказать про боль и веру
было нечего сказать
оставались осязать
сдан в багаж наш тёплый стаж
наш париж и наш сашбаш
лист хоронил как заплата
дырку на сердце солдата
от смерти не умирают
заметил голкипер рая
от смерти мерещатся черти
но вы им не верьте, не верьте
но верьте обманчивым слухам
что бродят меж бровью и ухом
и тихо крадутся губами
и тихо кладутся на память

Никита Брагин

Дикий мёд

Sine ira et studio

Проезжая промозглую серость промзон,
где бетонное крошево скрыто бурьяном,
ты молчишь, обжигающим чувством пронзён,
анархически пьяным…

Этим чувством ты смотришь сквозь годы вперёд,
там всё тот же закат и всё те же руины,
те же мутные воды, в которых не сыщется брод,
та же жёлтая глина.

А вокруг прорастает и веет полынь,
и по ржавым решёткам ползёт повилика,
и цветёт посреди человечьих пустынь,
как покой после крика.

И приходит смирение, и узнаёшь
нежность жизни и смерти железную грубость,
правду тихой земли и крикливую ложь,
искривившую губы…

Ищешь воду, и льётся из ржавой трубы
тихоструйная, светлая, как воскресенье,
и скрывает листва земляные горбы
одеялом осенним.

Чередуются жизни, как рифмы стиха,
перекрестия слов, переклички напевов,
осыпается боль, словно с камня труха,
без пристрастья и гнева.

Дикий мёд

Испив безумья дикий мёд,
уйти промеж миров,
шмыгнуть, как мышка за комод
от крыс и поваров,
и отрешиться от вещей
и правил бытия—
будь над тобою хоть Кощей,
но воля вся твоя,
вся—до последнего глотка
из ржавого ведра,
до обуха вблизи виска
и финки у ребра…
И, выше страсти и огня,
до венчика цветка,
что тихо спит, свой мёд храня,
и ждёт начала дня.

* * *

Всё воздушней, всё скорее
через реки и холмы
от апостола Андрея
до апостола Фомы,
от распаханного поля
и соснового венца
до жемчужины в неволе
и железного кольца…
Дух любви и дух сомнений,
с вечной скорбью вечный спор,
по полям туман и тени,
в небесах молчанье гор…
От ручья до океана
в тихой музыке дождя
обезумевшие страны
незаметно обходя,
Ты всё видишь, Ты всё знаешь,
Ты опять прощаешь нам,
но с отравой кровь земная
делит души пополам,
по артериям и венам
растекается огнём,
то позором, то изменой
искушая день за днём.
Разум злобен, сердце немо,
страсть слепа и горяча…
Ты простишь и эту немощь—
самому бы не прощать,
самому надеть рубаху,
что как снег белым-бела,
самому пойти на плаху
за слова и за дела,
а потом с Тобой далёко
через горы и леса,
где, куда ни глянет око,
края отчего краса,
где Твоё благословенье
в подорожнике росой,
где откроется спасенье
душеньке босой.

Советская Гавань

Листья шуршат, словно клочья страниц под ногами,
алый на жёлтом сложились в узор оригами,
капли дождя расплываются в лужах кругами,
руны осенних стихов облетают легко,—
севером только повеет—закружатся пухом;
сердце—как сжатое поле: и голо, и глухо;
творогом снега вскипит облаков молоко.

Этой порой, да под крыльями первой метели
в тёмное небо, где зори уже догорели,
ты улетишь, не имея ни силы, ни цели,
горькой бессонницей память свою окрылив.
Правда твоя открывается жерлом тоннельным,
ветер взывает и плачет гудком корабельным,
крошевом снега и льда зарастает залив.

Сколько вокруг ни смотри—ни креста, ни часовни,
сопки да скалы подёрнуты тундрой бескровной…
Здесь и природа сама так безжизненна, словно
старая кожа змеи на иссохшей земле,
здесь холодна и безвидна планета пустая,
рдяным лишайником шрамы её зарастают,
боль и бессонница тлеют, как уголь в золе.

Память и пламя—созвучные символы слова,—
каждую осень ты чувствуешь снова и снова
мертвенный холод, идущий от края земного,
и раздуваешь огонь, угольный прах вороша.
Жгучие искры мгновенны—ужалят и гаснут,
льдистые звёзды мерцают покойно и ясно,
искрами к звёздному небу взывает душа.

● ● ●

Не лови потаённые смыслы
полуночного скрипа дверей,
не считай окаянные числа
паспортов, телефонов, зверей,
и не путай Ван Гога с Магогом,
на подсолнухе кровь не ищи—
смерть сама просвистит за порогом,
словно каменный шар из пращи,
и уверенно скатится в лузу,
и легко увлечёт за собой
мастерство, вдохновение, музу,
контрабас, фортепьяно, гобой…
Эзотерика и гороскопы,
лабиринты и звёздный огонь—
всё уйдёт без войны и потопа,
всё развеется в пыль, только тронь.

И останутся только—простая,
повседневная зелень травы,
пёсий лай, голубиные стаи
и сквозь серое—взгляд синевы.

Денница

Кому-то надо выключить звезду
молочным утром, в тишине и тайне
пересекая окоём бескрайний
подобно князю, шедшему в Орду.

И прошептать: вовеки не найду
ни брода, ни парома на Почайне,
когда угаснет светлячком случайным
тускнеющая искорка на льду.

Горячим хлебом облаков румяных,
вскипающими сливками тумана
и мёдом наплывающей зари

природа празднует смиренномудро
и распускает золотые кудри.
А ты, денница, в памяти гори!

● ● ●

Всё кружится и вьюжится,
рыдая на бегу
до льдистой красной лужицы,
протаянной в снегу,
до нашей скорби угольной
и горьких чёрных слёз
по всей стране, поруганной
и втоптанной в навоз.

Становится незначащим
ученье, труд, язык;
под колоколом плачущим—
лоскутный материк;
беременная войнами,
в бреду дрожит земля,
рубцы и язвы гнойные
бесстыдно оголя…

Пора скорбеть и каяться
в беспамятных страстях,
но верба распускается
на плачущих ветвях,
но колыбелью солнечной
раскинулась весна,
а в тихой звёздной полночи
такая глубина…

Но как собрать единое—
где зёрна, где ростки?
Ладонью, словно льдиною,
касание руки…
Слова чадят, как факелы
анчаровой смолы,
и молча плачут ангелы
на острие иглы…

Отогревая

Отогревая сердце тишиной,
освобождаешь путь словам забытым
в пространстве между лирикой и бытом,
где слёзы звёзд—на мураве земной.

И мир, такой привычный и родной,
покойно спит меж небом и гранитом,
как зёрнышко под бронзовым копытом,
трамбующим песок и перегной.

И в сумерках, где память угасает,
ты видишь свет, как солнышко в кольце,
и девочка, счастливая, босая,

с младенческой улыбкой на лице,
сквозь годы первоцветом воскресая,
тебя уже встречает на крыльце.

Московская сильфида

Ты, смиренная, ты, простая,
над ночной Москвой пролетая,
что ты видишь в горящих окнах?
Сквозь иллюзию наших уютов
прорываются гнев и смута,
тянут нервы свои волокна.

Наплывает странное чувство,
словно в области сердца пусто,
а в виске стучат молоточки,—
приближаются стрелы и сроки
и уходят слова и строки,
оставляя пробелы и точки.

По грибы собираться не надо—
миновала пора листопада,
на траву опадает иней,
да и всё моё поколение
на ходу сменило миллениум,
проблуждав по родной пустыне.

В общем, пожили в разных эпохах
и познали совсем неплохо
все достоинства той и этой,
но, увы, мы все недовольны,
нам и тошно, и просто больно
на границе меж тьмой и светом.

Ну а ты, ночная летунья,
полюбуйся на полнолунье—
всё приятней, чем видеть лица
неприкаянных и незрячих
(мы не каемся и не плачем,
мы пытаемся веселиться).

И хотя возгордиться нечем,
время судит, и время лечит,
проводя через искус к ответу,
и, свершая свой вечный праздник,
струны старые щиплет и дразнит
этой песенкой недопетой.

Быть Тёрнером

Быть Тёрнером. Быть солнцем в облаках,
текучим, словно огненная пена
в роскошном повечерье Карфагена,
предощущающего кровь и крах.

Быть ледяной пургой над Ганнибалом,
и чёрным дымом над седой водой,
и в тёмном небе утренней звездой,
и моря переливчатым опалом.

Быть Тёрнером. Быть золотом в снегу,
когда глаза уже не различают
медовость эля и янтарность чая,
когда пора воскликнуть: не могу!

Да, не могу я видеть эту слякоть
и угольный, насквозь прокисший смог,
а счастье мне—с тобой мечтать и плакать,
не вылезая из домов-берлог,

и видеть Божий мир сквозь сотни окон
в узорчатой резьбе тяжёлых рам,
как солнца свет, струящийся потоком
из многоцветных витражей во храм!

На Большой Серпуховской

А на Большой Серпуховской,
ещё сто лет назад окраинной,—
покой, пронизанный тоской
со ржавым привкусом окалины.

Дряхлеющая тишина
суха, как пыль на подоконнике,
а грусть прохладна и нежна,
почти как толкованье сонника.

И в ней плутаешь и плывёшь
по краешку воспоминания,
где сон на обморок похож,
и пробужденье всё туманнее.

И, пробуждаясь, ты летишь
сквозь девяностые в двадцатые,
как сквозь космическую тишь
звезда, слепая и косматая.

И крылья, полные огня,
слабеют, распадаясь искрами,—
сгораешь, время хороня,
горюешь над прожитым близкими.

А эти старые дома
тебя переживают заново,
и, кажется, Москва сама
вздохнула кипенью каштановой,

и провожает, и поёт,
и музыкой, тобой услышанной,
сопровождается полёт
во сне над утренними крышами.

Тауз Исс

Стихия

Одиночество,
рассказанное самому себе

● ● ●

Я верю тому,
Кто грустит среди общего шумного счастья,
И первой звезде,
Сзывающей в сумерках
сонмища звёзд,
Ребёнку
и птице, посаженной в чёрную клетку,
Дорогам земным
И реке, утекающей в ночь.

● ● ●

Электричка ныряет
В длинный узкий туннель
И увозит с собой
Долгий железный крик.
Сотни, тысячи, толпы людей
В подземельях блуждают,
Будто в поисках давней потери,
И сшибаются двери,
Смыкаются неотвратимо.
В этот миг
В подземелье, которое глубже
могилы,
Понимаю библейское: «Всё—суета…»

● ● ●

Весна из сосулек, свисающих с крыш,
Творит
Тысячу тысячу тысяч
Восклицательных знаков…

● ● ●

Уходит женщина, уходит
В час пик по городу пустому
И в сердце горестном уносит
Отчаянный и нежный крик.

● ● ●

В этом озере
Вода утонула в воде
Войдя в глубины тишиной

● ● ●

Муравьиный рассвет расползается,
Тащит добычу—Солнце.

● ● ●

Всё что осталось от прошлого
Несколько строк
Детство
Всё уместилось в несколько строк
Всё… кроме детства

● ● ●

Белый Жрец уходит,
Бросив красный факел
В сердце, что восходит, как звезда.

Осенним листьям

Какая сила вас сорвала
И бросила в земную плоскость
Какая музыка соврала
Обманом обещавшим вечность

На ваших листьях аскетических
Застыли судороги молний
Скульптурой голой и трагической
Опустошённый лес наполнен
Среди дорог зовущих в детство
Аккорды лета отзвучали
Оборонённое наследство
Заговорённое печалью

● ● ●

Стихи—души моей стихия,
Рассветно-сумеречный бред.
. . . .
Рождение рассвета—
Как таяние льда.

● ● ●

Вновь забинтованы деревья,
Их лихорадит по весне—
Зелёные открылись раны.

● ● ●

В странном сне я увидел себя
В этом сне было всё наяву
В этом сне я лежал
обнимая себя
Между мною и мной
Было чёрное зеркало
Некая грань
Где я видел себя
Было нечто
Ничто
Нету слов чтоб придумать
названье ему
Между тем
Моё тело
летело
Так что уши казалось
вот-вот разорвутся
хлынет кровь
И дыханье моё наружу рвалось
В сотни тысячи атмосфер
Я летел будто связанный
прочными жёсткими путами
Я летел будто сдавленный грузом
в тысячи тонн
Вспомнил я в этом сне
раба Микеланджело
Вспомнил я в этом сне
Лаокоона
Вспомнил я и себя
Мне казалось что я умираю
умру
Я не знаю как долго
Это длилось
Знаю только что это
Было
Невыносимо
В то же время это было
прекрасно
Непохоже ни на что из земного
Будто я уходил навсегда
от Земли
С тяготеньем её порывая
Это было как будто не во сне
наяву
Это было как будто не наяву
не во сне
Очень трудно придумать
названье ему
Этому нечто
И Ничто

● ● ●

Балкону немножко страшно—
Он шагнул в пространство.

● ● ●

Есть звёзды разные
кладбищ камней пустынь
домов воды деревьев птиц дорог
людей огня любви цветов и песен
моя же та
что в сумерках красивых
над Родиной торжественно встаёт

● ● ●

Мне ранят душу крики птиц
Огнём нечаянного страха

● ● ●

Ещё не наступило лето
Как листья на землю упали
И осень в людях поселилась
И стали реки в мире жолты…

● ● ●

Скорбящие звуки заката
Мне бросили пламя в лицо.
Шагала ночь кругами ада,
И голос был: «Забудь её…»

● ● ●

Я завидую облакам
В их свободном движении
Гармония линий
И безмолвная ласка
И сострадание…

● ● ●

Утром,
После первого снега,
Вдруг стало видно,
Как много голых ветвей
у деревьев.

Вокзал

Твои перроны опустели.
Кого ты ждёшь?
Кому кричишь?

● ● ●

Я храню молчаливость
Над росписью лиц.

● ● ●

Не слышно птиц.
Звенит зенит.

Александр Петрушкин

В туннеле света

Фотография змéя

В силок попав даггеротипов общих,
бумажный змей артачится и ропщет
на это небо, что его лакает
собачьим языком из нашей дали.

Он удаляется—чужой и мне, и небу,
воде, и человеку, или хлеву,
и озеру, которые врастают
в свои потопы—ничего не ради.

Бумажный змей уже наполовину
не виден здесь (ещё мы видим спину
его сутулую—на ниточке не нашей)—
и, в урне погребальной воспылавши,

он бегуном, раскинув свои восемь
прозрачных ног, в хрусталике уносит
циклопью слепоту или печали
и там свистит—как будто на причале

там станет лодкою ещё одной поболе,
ещё одной историей и полем
многоязычным—где, уста смыкая,
он спит в росе, чужбин земных не зная.

● ● ●

И, небо раздвигая, словно створки
окон своих, здесь бабочка летит—
куда она на жизнь свою посмотрит,
когда её никто не повторит?

Не повторит сокрытого полёта,
который завершается, как мёд,
стекающий спирально вокруг плоти,
в которой она больше не живёт,

где небо, став булавкою свинцовой,
её прижмёт к стареющей груди,
что молоком наполнена и брызжет,
врастая в задыхания круги,

но бабочка лежит на крае смерти
и раздвигает скобки, как пейзаж,
где сад горит внутри её отметин
и меж упругих крыльев ей пожат.

Фома

Не снег упал, но человек в него
себя вложил, как речь или мерцанье
экрана, где не видишь своего,
и запечатан изнутри неявно

совсем иной, грачиный тёмный глас,
дудит в трубу полночной карусели,
что крутится внутри себя, как лаз,—
то как лицо, то как нутро метели.

Фома, Фома, опять всё пропустил,
как воробей сквозь слепоту и руки,
и облака твои опять густы—
с той стороны, где кирпичи и звуки,

опять в снегах идёт к тебе стена,
как ниточка и свет неприглушённый,
и ты ей внемлешь—будто ты вина
кувшин для голоса и тьмы приготовлённый.

Не свет упал, но человек в него
сложился—тем преодолев мерцанье,
и не равна длина длине его
ожогов на перстах на опознанье.

● ● ●

Без человека—ласточка, синица
пытаются до нитки распрямиться,
до нити, что проникнет в лабиринт
игольчатый, как ухо или бинт.

И, расставаясь с тушкой скорострельной,
взлетают птахи в снеге незаметном,
и кружатся, и крутятся, как тьма,—
у колеса нутро всё запятнав.

И, догорев, у голоса в овале
растут, как зёрна холода и стали,
у зрения слепого моего
не оставляют больше ничего.

Они—легки, а вовсе не пернаты,
их лица человечески покаты,
и катится по ним одна слеза—
уже бесчеловечна, как лоза.

• • •

Неудержимый мчится сон,
как электричка в полой птице,—
и что он нам? и что мы в нём?
когда дрожащая ресница,

замедлив свой сухой полёт,
летит к порогу, выгорая
не в выход для себя, но код,
что осветит окрестность рая,

который спит внутри неё
и видит, как она в сон входит,
прозрачный обхватив живот
его несбывшейся породы,

и гонит кадры его вспять
на свет, что ей прочтён, как стужа,
когда—над тьмой всей наклонясь—
она летит его снаружи—

пока он здесь летит на свет,
что сжат в ресниц её пелёнках—
поскольку недетей здесь нет
и нет похожих на ребёнка,

поскольку виден сквозь разлом
скорей не смысл, а лесорубы,
где птица небо, словно вяз,
в густые поцелует губы.

• • •

В туннеле света рой, и пчёлы
шуршат своею темнотой—
за ними вол идёт, раздвоен
вдоль, электрической дугой.

Он полон Бога и вольфрама,
звенит телятами внутри,
и на боках его три шрама
с прекрасными его детьми,

с его чиханьем, и простудой,
и смертностью его в очах,
которая растёт за гулом
фабричных ангелов в ключах

от этой жизни всеянварской,
что не уместится в санях,
что учат здесь язык татарский
вслед рою из тыдымских птах.

Он не заметит то, как пчёлы
его обнимут там, где свет
расширится и в бок ужалит,
в четвёртый шрам на темноте,

которую они сшивают
своей последней прямотой,
и шрам почти что оживает,
не понимая, что живой.

• • •

Уже не я живу, но он растёт во мне,
как свет, что выпадает по центру ноября
и щурится на снег, что кружится в огне,
его волчок распадом, как атом, заведя.

Уже не я иду, но он идёт со мной,
и ласково со мною о всём своём молчит,
и кормит молоком чужие поезда,
и это молоко внутри меня горчит.

Сужаясь в голос мой и сумерки мои,
он стаей воробьёв ложится вдоль меня,
и длятся пузыри ожогов и следов,
когда не я живу, от смерти отклонясь.

• • •

Бог возвращает серебро соломы,
открывши дверь огня ей до себя—
покуда это небо её тронет,
покуда этот ангел, теребя
её рубашку, то вздохнёт в метели,
то, не заметив краешка дождя,
запнётся, в смысле—встанет на колени,
но не дождётся веры, вновь пройдя
в иную Тверь, в иное нараспашку,
иные облегая имена,
Бог лепит из соломы человечка—
возможно, что он вылепит меня,
и, раскрывая хлеба грудь, как дверцу,
Он, молоко из воздуха подняв,
возьмёт себе неумершее сердце,
чья корочка уже не берега.

И Он напоит тёплую ворону
и ту калитку, что скрипит меж нас
в огне и серебре—как бы солома,
которую никто из нас не спас.

• • •

Ресница и слеза,
что в ней, как зверь, блуждает—
как будто бы окружность
по краю обрезает,
как будто бы живой
ей предназначен воздух,
или высокий дух
её сквозь прорезь бросил
куда-нибудь сюда,
где мотыльки недлинны,
и держит Бог кулак,
как ножик перочинный,
и вырезает нас
у зрения собаки—
пока её слеза
кровит по каждой капле.

Сергей Задереев

Погружения

Инь

● ● ●

Ветер в форточку
Вдохнул вдруг запах жасмина
И показалось
Ты так близко.

● ● ●

Снежинка упала
А ветер её не тронул
И это не нежность
А страх перед пустотой.

● ● ●

Тоска
Макаю палец в зелёный чай
Лепестки прилипают
И я стряхиваю их себе в душу.

● ● ●

Новогоднее утро
Наблюдаю за медленно
осыпающейся хвоей
А со мною луна и ветер
Но только не ты.

● ● ●

Показалось поверил в чудо
И хотел уйти навсегда
Но иней упал на ветки
И синица прощебетала
Оставайся мы будем вместе.

● ● ●

Вчера коснулся твоей руки
И только сегодня почувствовал
Сакура пахнет так же
Звал и мечтал столько лет
Но весны уже никогда не будет.

● ● ●

На запястье и на груди
Два родничка пульсируют
Один зовёт второй отвергает
Как мальчишка
К тебе прикоснуться боюсь.

● ● ●

В изгнании много лет
Жду восхода луны
Чтобы тень проходящего облака
Облик твой
Хоть на миг показала

● ● ●

Распахнула кимоно
Как бабочка крылья
Не ослепнуть бы
Только моргнул
И ты упорхнула
Лишь пыльца жемчужная
На циновке мерцает.

● ● ●

Было утро
И ты пахла росой
Вся в лепестках и травинках
Божьи коровки кузнечики
Золотые шмели и пчёлы
Все восторгались тобой
Только я один знал
Это вечный мой сон.

● ● ●

В гроте твоём хочу утонуть
Но дна не достигнув
Сжимаю в объятиях
Трепетание и истому.

● ● ●

После того
Как увидел тебя во сне
Такую податливую и непокорную
Захотелось подняться на Фудзияму
И воткнуть вакидзаси в сердце.

● ● ●

Встретил весну
А вокруг зима
Как же долго дремуче я спал
Сакура отцвела и завяла
Ты торопливо ушла к другому
Всё так откровенно бессмысленно
Если сон и явь встали вдруг на дыбы.

● ● ●

Ты чистая как снежинка
Мерцающая как роса
Спрятался в бурьяне на обочине
Не хочу чтобы видели
Утрату в моих глазах.

● ● ●

Не греет твёрдый бамбук
Лишь блики луны на холодной циновке
Как трепетное мерцание бабочки
На твоей словно лотос груди.

● ● ●

Коснулся твоего бедра
И рябь на воде и солнечные зайчики
Жёлтые малиновые зелёные
Всё вокруг ожило и раскрылось
И так же неожиданно
Вдруг обратилось в пепел
Сказки не возвращаются
Это всего лишь сон
Липкий пот утираю со вздохом.

● ● ●

Грудь твою и изгиб бедра
Одним движением кисти
На глади озёрной
Утренний ветер оставил.

● ● ●

Раскрой кимоно
И обыденность растает
Звуки и запахи оживут
Один день впереди
Он вечность
С неразделённой и неразменной
Серебряной иеной.

● ● ●

Твои розовые пятки
Твои точёные щиколотки
Ты вся изумрудовый рубин
Изумруд рубиновый
Слепну и глохну
Рассудок теряю
От нетерпения и желания
Блики твои ловлю и сверкания
О Господи
Кто тебя создал
Волшебное изумление и совершенство
Обойму губами и подниму в неведомое
Ты всегда одна
Сияние миража.

● ● ●

Сакура зацвела
Это утро
И капли росы на твоих бёдрах
Помню.

● ● ●

Если бы дал Всевышний
Сил и любви прикоснуться к тебе
Всё опрокинулось бы
И земля и небо
Такого чуда не выдержит мир.

● ● ●

Сотворил икебану
А зачем
Всё тщетно
Как удар вакидзаси
Под рёбра.

● ● ●

Всего лишь ступеньки
Нет им конца
К вершине стремлюсь
В облаках Фудзияма
О как мне постигнуть
Изгибы бедра
Волшебную ямку пупка
И влагу истомы.

● ● ●

Так легко вошёл в твою дверь
И все лепестки ириса
Сиреневые и золотые
Хранят твои запахи вздохи
Мне уже не вернуться
Потому что вошёл.

● ● ●

Дуновение и нет тебя
Ушла как лепесток
Но занавеска вдруг колыхнулась
Озираюсь
Паучок перебирает лапками письма
Которых не получу уже никогда.

● ● ●

Девочка белокурая
Склонилась у озера над водой
Серебристая нить паутинки
Легла на её лицо
Когда это было
Не вспомнить и не забыть.

Ян

● ● ●

Пересохло в горле
И ранним утром уехал в Японию
Одуревший хожу по квартире
Ищу саке озабоченно
Тщетно
Лишь тоскливым глазом горлышка
Мутный самогон на столе
Подмигивает.

● ● ●

Обернулся и вздрогнул
Мальчишка в белой рубахе
Взмахнул рукой
То ли зовёт то ли прощается
А за ним тени отца и деда
Значит и мне пора на покой.

● ● ●

Вижу горное озеро
В блестках слюды колышется
Лодка а в ней рыбак
Сосны усталые клонятся
Шишки роняют лениво
Как далеко моя родина
Где лопоухое детство прошло.

● ● ●

Грязные пятки и капли под носом
Шмыгаю и озираюсь
Картофельная ботва в борозде на поле
В осеннее небо дымит неохотно
Сегодня сбежал с уроков
А заняться не знаю чем.

● ● ●

Вернулся домой под утро
Жена глядит недоверчиво
Дети не спят почему-то
Но я ведь пришёл с рыбалки
Вон полная сумка угрей.

● ● ●

Ветер и снег
Тучи и дождь
Пусть надрываются и издеваются
У меня на столе
Водка и хлеб
Сало и огурец
И жизнь позади
И жизнь впереди
Разве этого мало?

● ● ●

Ржавый топор
И тесло тупое от долгой работы
Я нашёл под застрехой
Это записка от деда
Он хотел чтобы они легли в мои руки.

● ● ●

Осень рассыпала листья
Скрипят и шуршат под сандалиями
Захотелось вернуться в детство
Но ветра попутного нет.

● ● ●

Вчера вдруг потерял нэцке
Его дед когда-то вырезал из самшита
Наверное соскучился обо мне
И встретиться захотел.

Синяя тетрадь

КРАСНОЯРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛИЦЕЙ

Мастерская Елены Тимченко

Ася Пузанова

11 класс

Ломая рамки

Я в очередной раз взглянула на потрескавшийся экран телефона. Десять ноль три. Сдавленно выдохнула сквозь сжатые губы. Белобокий автобус лениво тащился сквозь пыльные улочки правобережья. А ровно в десять меня уже ждали на остановке «Базаиха». Почти каждое воскресенье мы с друзьями ходим на «Столбы». С «Турбазы»—если на центральные, с «Базаихи»—в места поинтереснее. Сегодня нас ожидал Торгашинский хребет, где я, кажется, ещё никогда не бывала.

Каждый раз я смотрю на них, ожидающих меня пёстрой замёрзшей толпой на остановке, переполненными искренним раскаянием глазами. Каждый раз молчаливо клянусь сама себе, что в следующий раз выйду пораньше. И каждый раз опаздываю снова…

Наконец моё неспешное транспортное средство добралось до места. Улыбаясь насмешливо и укоризненно, как и всегда, они вышли из аптеки с пустой рамкой для фотографий в руках и объявили, что собираются ломать рамки на вершине. «Идея хорошая,—подумалось мне.—И философская, образная такая».

И правда, кто из нас может сказать, что он свободен от любых рамок? Возможно ли это? А может, никаких рамок и вовсе нет? Что вообще есть свобода?

Тем временем мы добрались до первого холма и начали восхождение. Долго и муторно шагать вверх по прошлогодней траве, чуть присыпанной снегом, спотыкаясь о камни и скользя по чуть заметной тропинке. Вверх, шаг за шагом, безуспешно пытаясь выровнять дыхание и оглядываясь иногда, чтобы полюбоваться на всё удаляющиеся деревянные домики внизу, в огромном кратере. Кажется, что кратер этот—след древнего метеорита; смешно смотреть на домики, похожие на грибы, ютящиеся в его обширной чаше и не выползающие за край. Кажется, если бы этих природных границ не было, домики растеклись и расплескались бы по всей земле. Всё это очень красиво, но я понимаю, что стою больше для того, чтобы отдышаться, чем для того, чтобы любоваться видами. И я снова шаг за шагом преодолеваю крутой подъём.

Может, свобода—это что-то сродни птичьему полёту? На сильных и прекрасных крыльях птицы возносятся ввысь, разрезают воздух. Они кажутся такими лёгкими. Будто у них нет ограничений, и они могут лететь куда угодно. Им открыты все четыре стороны света, для них возможна любая высота, они в любой момент могут сорваться и…

Повешенные же на нас тела кажутся грузными мешками, неуправляемыми и тянущими вниз. Силы оставляют меня… Однако упасть на заснеженный, поросший травой камень я не успеваю. Первый подъём закончен, мы добрались до небольшого каменного хребта. Стоять на нём довольно страшно: каменистая поверхность узка и неровна, а ветер, ничем теперь не ограничиваемый, бушует, сбивает с ног и выхватывает перчатки из рук, чтобы бросить их на землю. Мы садимся на камни как можно выше и ближе к краю, чтобы вдохнуть чистый, бьющий в лицо воздух и долго вглядываться в пейзаж. Вдали виднеется город и синий густой смог над ним; немного ближе—сахарные горы, тёмные деревья и заледеневшая река с чёрным мостом. Сильные потоки воздуха, волнуясь, то бьют нам в лицо, переполняя лёгкие ощущением полёта, то стихают и осторожно проползают под шапку, леденя уши. Почему здесь хочется оставаться вечно?

Может, настоящая свобода—это ветер? Ничто не ограничивает его. Он—везде, перед ним—необъятный простор Вселенной, он может увидеть всё, услышать всё, дотронуться до всего. Невозможно поймать ветер. Мы же, кажется, поймали себя сами, заковали в рамки привычек, законов, этических норм и устоявшегося уклада жизни. Каждый из нас полон навязанных обществом или самим собой «надо», «можно» и «нельзя», обязательств и ценностей, страхов и предубеждений. Свободен только тот, у кого ничего нет. Однако ценна ли такая свобода? Достижима ли она? Я думаю, невозможность её—наше везение, ведь

человек не ветер, он нуждается в опоре, твёрдой земле под ногами и ориентирах. И рамки, ограничивающие нас во многом, во многом же являются и опорой, делающей нас людьми, дающей нам сосуществовать друг с другом. Полной свободы нет, и мы можем лишь бесконечно устремляться к ней, вырываясь за рамки, открывая для себя неизведанное.

Пора идти дальше. Сжалившись надо мной, рыжая Эля надела мне на шею рамку для фотографий и ободряюще улыбнулась: «Она придаст тебе сил!» За этот день мы отшагали немало по тонкому настилу снега и камням. Возвращаться мы решили просто — съехать около полукилометра с крутой горы на ледянках вниз, прямо через кусты, к ожидающей нас речке Базаихе. Конечно, мы были осторожны, но, думаю, во время этого спуска нам открылось что-то новое: непередаваемое ощущение скорости, лёгкости; снег, собираемый ногами, накрывал нас с головой. Спуск был длинен, но пролетел как одно счастливое мгновение и закончился прямо у кромки речного льда, куда я не преминула провалиться по колено, потянувшись за улетевшей ледянкой. Перебравшись через реку, я обнаружила, что совсем потеряла подошву одного ботинка и перемазала в чём-то всё лицо — в таком виде, ступая мокрым порванным носком по снегу и асфальту, я и шагала гордо до остановки, и в таком же виде, естественно, ехала в автобусе.

Придя домой, я сняла с шеи рамку для фотографий и обнаружила, что она раскололась.

Кажется, я в очередной раз сломала свои рамки.

Даша Голощапова

7 класс

Сказка о странном мальчике Янеке и его удивительных друзьях

Мальчик по имени Янек был необычным, даже странным. С другими детьми из деревеньки он не разговаривал — избегал их. Зато Янек целые дни проводил за разговорами со стульями, сырами и сушёными вишнями в кладовой.

Родителям Янека это совсем не нравилось. Они сначала ругали, а потом умасливали его подарками, хвалили за каждое слово, сказанное не бутылке вишнёвки, а настоящему человеку.

Матушка Янека даже водила мальчика к колдунье (уроженке Литвы), живущей на окраине деревни. Та сначала заунывно читала заклятья и потешно качала головой, водила руками вокруг мальчишки. После колдунья вытащила из шкафчика мешочек с истолчёнными травами и, не говоря ни слова, вручила его матери мальчика. Потом литовка испуганно глянула на Янека, прошептала, что она «такой дряни не вынесет» и, бросив на мать «больного» взгляд, полный жалости и сочувствия, сказала, что они могут идти и денег за «лечение» не надо.

После этого случая колдунья спешно покинула деревеньку и переехала, по слухам, в Краков.

В один тихий майский вечер странный мальчишка собрал вокруг себя в кладовой целый съестной совет: три головки сыра, две луковицы, одну баночку сливового джема и большой свиной окорок.

— Что случилось? Что произошло? Зачем нас тут собрали? — пискляво вопила одна из луковиц.

— Пан Окорок, может, вы знаете, зачем мальчик нас тут собрал? — величаво пробасила головка сыра.

— Друзья! — начал Янек. — Мои родители против нашего общения, вот о чём я хочу поговорить. Что же делать?

— Ну… например… можно… Эх, я не знаю… — промямлила баночка джема.

— Я предлагаю революцию! Свободу еде! — заверещала другая луковица.

— Нужно скрывать наше общение, Янек! Начни ты и с людьми разговаривать, — предложил Окорок.

— Давай ты нас… в мешок, а сам… ну, того… бежать, — пробормотал сливовый джем, смущённо заёрзав по полу.

— А вот это идея! — ухмыльнулся мальчишка. — Я устал оттого, что родители мои не разрешают мне ни словечка молвить с вами, друзья!

Янек собрал весь «провиант» в мешок и, по-шпионски выскользнув из кладовой, подбежал на цыпочках к калитке и побежал сломя голову в сторону леса. За ним, он думал, огромная Варшава, где его, Янека, уж точно поймут.

Так думали и луковицы, и сыры, и даже баночка сливового джема.

Когда мальчик вбежал в сырой холодный лес, небо уже потемнело, на нём угрюмо повисли серые тучи.

Янек присел на поваленную ветром берёзу, вынул из мешка окорок, которого, в отличие от истеричных луковиц, мальчишка считал серьёзным собеседником.

— Пан Окорок! Далеко ли ещё до Варшавы?

Окорок огляделся и произнёс:

— Думаю, как из лесу выйдем — и… там она.

Заморосил холодный дождик. Янек укутался в шерстяную телогрейку, а мешок с «друзьями» засунул в ямку под стволом берёзы.

— Эй, парниша! — нервно выкрикнула одна из луковиц. — Скоро мы придём?

— Скоро, скоро, — грустно вздохнул мальчик и вскоре уснул, свернувшись калачиком на стволе упавшей берёзы.

Пока Янек беспокойно спал, в мешке с едой разразился самый настоящий спор.

— Я тебе говорю, тебе, луковица дубовая! Я буду спать под кроватью Яна! — гневно вещала одна из головок сыра.
— Нет, мы! Мы! Мы! Мы! — верещали обе луковицы. — Сыр Янек любит! Он вас троих мигом скушает.

Сыры всерьёз обиделись и обещали луковицам все кары небесные. Окорок молчал, думал о чём-то своём. Джем что-то бормотал, подозрительно оглядывая всех присутствующих.

Янек проспал недолго. Пробудился он оттого, что дождь разошёлся вовсю, а издали уже слышались раскаты грома. Мальчику стало холодно, и он понял, что проголодался. У Янека был целый мешок съестного, но, к сожалению, съесть единственных друзей он не мог.
— Пойдём дальше? — поинтересовался мальчик у мешка, лежавшего под стволом берёзы.
— Пойдём… — донёсся из мешка нестройный хор голосов.

Вокруг Янека бушевала стихия. Капли дождя дробно стучали по листве, куртка мальчика уже давно вымокла до нитки. Пройдя немного через влажный папоротник, мальчишка сел прямо на землю и обхватил руками колени.

Еда в мешке тем временем продолжала спор: луковицы гневно верещали, головки сыра так же жарко отстаивали свою точку зрения!
— Я думаю, мы уже пришли! — сыры твёрдо стояли на своём.
— Не-а! Не пришли! Это не столица! — луковицы в два писклявых голоса выражали несогласие.

Янек вскоре поднялся и продолжил путь. Его босые ноги кололи острые веточки и камни, пальцы побелели от холода.
— Янек! Что там? — раздалось из мешка.

Грубоватый голос принадлежал Окороку. Мальчик произнёс, прислонившись спиной к высокой осине:
— Мы пока в лесу. Сейчас ещё ночь.

И правда, небо всё ещё было угольно-чёрным, и лес тоже погрузился в предрассветную тьму. Янек пробирался на ощупь, близоруко выставив вперёд руки. Остановиться он не мог: дома его уже точно хватились и искать будут именно в лесу.

Издалека раздался заунывный волчий вой. Тут же ему ответил ещё один голос, и ещё, и ещё.

Янек огляделся, вздрогнул и побежал изо всех сил куда-то вперёд, не разбирая дороги. Несколько раз мальчик падал, спотыкаясь о корни деревьев, разбил коленку.

Когда он остановился, небо посветлело, и дождь почти не капал. Вокруг Янека были незнакомые деревья, незнакомые пни и булыжники. Он-то думал, что весь лес с друзьями обошёл. Оказалось, что есть и другой лес. Страшный и холодный.
— Янек!

Мальчик посмотрел в сторону мешка.
— Ну Янек, ты чего как… ну… сомн… сомн… була эта! Во! Сомнамбула! — заметила банка джема. — Мы пришли?
— Да, пришли… — грустно проговорил мальчишка, достал из мешка ругающийся окорок и… откусил от него приличный кусок.
— Э, едоед! Ты чего? — вытаращилась одна из луковиц на Янека, вовсю уминающего окорок.

Закончив с мясом, мальчик надкусил каждую головку сыра, каждую луковицу и ополовинил банку сливового джема.

К вечеру Янека нашли в лесу, замёрзшего, но сытого и довольного. Родители устроили знатный пир у себя дома в честь спасения Яна.

С тех пор этот странный мальчишка не разговаривал с едой, посудой и мебелью. Правда, во сне он часто виделся с тремя глуповатыми головками сыра, двумя взбалмошными луковицами, паном Окороком и банкой сливового джема.

Катя Сапрыгина

11 класс

Танцуй за тех, кто не может

Такое желанное, такое недосягаемое слово «свобода»… Что значит оно для разных народов, стран, эпох и отдельных людей?

Начиная с древнейших времён, люди боролись за собственную жизнь, конкурируя с дикой природой; за освобождение от гнёта господствующих держав и подчинения им. Боролись за свободу слова в печати и возможность быть услышанными, продвигать собственные идеи и мысли. В девятнадцатом веке — за свободу личности, отмену крепостного права, установление равноправия. Добивались свобод и уважения путём революций и бунтов, ценой своих принципов, убеждений и нередко жизней. Многие подвергались опасностям, по крупицам собирали сломленную силу духа и кровью расписывались за получение хотя бы глотка свободы.

Двадцатый век стал переломным временем в истории: он был насыщен огромными переменами, сменами власти, сенсационными открытиями, прорывами во многих сферах жизни человека. Но к чему мы пришли в исходе этого и начале двадцать первого века? Теперь мы считаемся свободными во всём, за что боролись наши прародители. Мы добились, но почему же мы несчастливы, почему не чувствуем себя свободными в полной мере даже сейчас?

Я думала, что людям стали мешать суета, мелочные заботы, проблемы на работе, учёбе, нехватка времени, денег, внимания. Но это лишь поверхностные неудобства, которые при сильном

желании и старании можно изменить. Нам могут в этом помочь друзья, родные, врачи, искусство, смена деятельности и тому подобное.

А я хочу рассказать о тех, кто по-настоящему закован, кто никогда не чувствовал и, скорее всего, никогда не сможет почувствовать себя свободным… Судьба не предоставила им права выбора. Может, их принёс несчастливый аист, или какой-нибудь злодей перемешал их звёздную карту жизни. Известно только, что для многих из них смысл слова «свобода» был потерян раз и навсегда. С первой секунды рождения их жизнь зависит от посторонней помощи, медикаментов, от различного оборудования. И неизвестно, что страшнее: быть и осознавать или быть и не осознавать всего, на что ты мог бы быть способен.

Я учусь в обычной общеобразовательной школе, и всего пару лет назад у нас стали обучаться дети, которых принёс тот самый несчастливый аист. Все привыкли к тому, что их водят за руку, сидят с ними на уроках, помогают им совершать кажущиеся нам обычными действия их мамы и бабушки.

Однажды, во время очередного дежурства, я стояла между этажами на лестнице и вдруг через сонную учебную задумчивость остановила свой взгляд на мальчике Сене, которого мама вела, держа за руки. Пока я сосредоточенно следила за тем, чтобы шумные малыши из начальной школы и бойкие пятиклассники не сбили их с ног, я всё больше вглядывалась в лицо и фигурку Сеньки. Он делал с трудом дававшиеся ему шаги, изо всех сил стараясь подчинить своё тело ровным движениям. Каждое усилие отображалось на его лице, каждая покорённая ступенька стоила ему неимоверного труда. Мама отпустила Сенину руку, и на долю секунды он растерялся, ещё крепче схватился другой рукой за перила и решил идти сам…

Ужасающие, тяжёлые болезни, сковывающие не только детей, но и их родных,—вот она, несвобода, которая кажется мне самой страшной в двадцать первом веке. Боюсь представить, что чувствуют мамы этих лучезарных детей, с какими мыслями живут, просыпаются и засыпают. И как мы, рождённые под счастливыми звёздами, можем жаловаться на свою судьбу?! На то, что нас затянула работа, рутина, лень?

Я могу идти, танцевать, улыбаться людям и быть свободной в своих движениях. Разве есть что-то большее, чего можно желать?

Когда-то я участвовала в закрытии спортивных игр для особенных детей. Участники приехали со всего края, но их оказалось так мало. Приехали только те, кому судьбой было разрешено самостоятельно встать на ноги. Нас, встречающих и танцующих для них, было тоже немного. Но, пожалуй, я не смогу передать словами, какими глазами они смотрели на наши сверкающие платья, какое изумление выражали их лица в ответ на наши улыбки и приглашения встать в хоровод. Стать на эти несколько минут одним целым оказалось испытанием и для них, и для нас. И лично у меня было одно единственное желание—подарить этим мужественным, невероятно добрым и чуточку невезучим людям всё своё тепло, всю нежность, которой, как мне кажется, им так не хватает. Улыбаться им без жалости, а с невероятной искренностью, с той же красотой души, какая живёт в них самих. Этот праздник, такой обычный для нас, но грандиозный для них, живёт в моей памяти как один из самых светлых, на которых я выступала за все двенадцать лет занятий танцами.

КРАСНОЯРСКИЙ ГОРОДСКОЙ КОНКУРС «СУПЕРПЕРО-2015»,

посвящённый году литературы и 15-летию городской детской газеты «Детский район»

Номинация «Мы едем, едем, едем…»

Варвара Кузнецова

Красноярск, школа № 6, 11 класс

Ciao, Италия!

или Италия в миниатюре

Невозможно ни одну страну изучить по книжкам, фильмам или картинкам. Хочешь по-настоящему узнать что-либо о стране—посети её! Отправляясь с родителями в Италию, я только и знала: море, Рим, Венеция, макароны и сапог. Но, как оказалось, всё не так просто.

Coco arriva!

Спускаюсь с трапа и ступаю на раскалённый асфальт в городе Римини: «Наконец-то!» Жаркое итальянское солнце. Влажный морской воздух. Едва заселившись в гостиницу, мы отправляемся на пляж. Искупавшись, дремлем на шезлонгах, уставшие после перелёта. Как вдруг: «Синьор, синьора, синьорина! Prego! (Пожалуйста.—*итал.*)». Лениво открываю один глаз—стоит негр с солнцезащитными очками в руках и предлагает их купить. Я отказываюсь и снова закрываю глаз. Но не тут-то было! «Coco! Coco arriva! Africa vitamino!»—голос продавца кокосов слышался всё ближе и ближе. Затем нас атаковали продавцы музыкальных колонок, украшений, одежды, предлагали сделать татуировку и массаж. Хорошо, что нас заранее предупредили, что, по законам Италии, штраф за вещь, купленную не в магазине, а у прохожих, оплачивает покупатель, а не продавец,—так итальянское правительство борется с нелегальной продажей товаров.

Как это всё можно съесть?

Когда спадает жара, идём с родителями гулять по вечернему Римини.

Мы нашли прекрасный ristorante, всё было мило и уютно. Заказали каждому по блюду, салату, десерту… И вот нам несут гигантские блюда, доверху наполненные пастой и салатами. Как это всё можно съесть за один раз? Ели долго, очень долго… но так и не доели. Впоследствии мы стали заказывать одну порцию на троих. Конечно, мы могли, как истинные итальянцы, трапезничать по четыре часа, но нам, русским, нужно всё успеть — мы ведь туристы!

Сан-Марино

Сан-Марино всего в получасе езды от Римини. Это крошечное государство, расположенное на горе. Помимо того, что во всей Европе улочки маленькие и узкие, здесь они просто микроскопические. И да — машины умудряются ездить по ним!

Нас привезли к главной достопримечательности Сан-Марино — крепости, расположенной у самой вершины горы. Толпы туристов, прогуливающихся по улочкам и площадям крепости, создают определённый ритм, в который попадаешь, едва проходишь через крепостные ворота. Типичная средневековая крепость… Но от вида на материковую Италию и землю, рассечённую полями, захватывает дух.

Пути-дороги

В пятницу утром родители арендовали автомобиль — мы собирались посетить Флоренцию и Венецию. Запаслись картами автодорог, едой, не забыли младшего брата, который постоянно играл с нами в прятки в любой удобный и неудобный момент, и отправились в путь. Вот только когда взяли машину, выяснилось, что навигатор не входит в услуги аренды. Намечалась весёлая поездочка!

Решили купить навигатор. Ох! Как долго мы кружили по различным развязкам, кольцам и перекрёсткам, чтобы попасть в торговый центр. Всё-таки купили навигатор, но уже в машине выяснили, что прикуриватель не работает! А навигатор разряжен…

Карта Италии, разрисованная жёлтыми полосочками дорог, ничем нам не помогла. Папа за рулём, мама на переднем сиденье, но у неё плохое зрение, я на заднем сиденье, но мне тоже хочется поучаствовать в дискуссии на тему: «Куда же мы едем?» Один тыкает пальцем направо, уверяя, что это именно тот поворот, который нам нужен, второй говорит, что нужно ехать прямо, а я утверждаю, что если верить указателям, нужно развернуться и ехать назад. В результате, не найдя где свернуть, проскочили сквозь Флоренцию и, сделав круг в направлении Болоньи, наконец со второй попытки въехали в столицу итальянского Возрождения.

Флоренция

Путешествие по Флоренции я начала с прогулки по гостиничному номеру, который располагался в одном из старых зданий в центре города: невероятно высокие потолки, украшенные фресками, арочные окна, старинные шкафы и комодики с полочками, закрывающимися на ключик. Всё старинное — кроме телевизора, тостера и чайника.

Потом наш путь лежал на Понте Веккьо — знаменитый флорентийский мост, где располагаются старые ювелирные мастерские. Полюбовались золотыми украшениями и повздыхали возле лавочек с уникальными ювелирными изделиями.

За узкими улочками открывается площадь Синьории, на которой стоят Давид и другие скульптуры, захваченные флорентийцами в походах. Пройдя ещё пару переулков, мы ахнули: перед нами возник тот самый Санта-Мария-дель-Фьоре, купол которого виден с любой крыши Флоренции. Я ощущала себя ничтожным существом рядом с таким гигантским собором. Меня охватило необыкновенное чувство: то, что я раньше видела в фильмах и на фотографиях, теперь вижу вживую! Теперь я понимаю, что значит музыка, застывшая в камне!

Венеция

Венеция встретила нас проливным дождём. А у нас нет ни зонта, ни курток…

Припарковав машину и забрав из неё все вещи, мы побежали, намокая под ливнем, под соседнюю крышу. И вот тут мы смогли оценить, какая польза от уличных торговцев: «случайно» рядом с нами оказался чернокожий торговец с дождевиками. Он начал торговаться, но о каком торге может идти речь, когда ты за минуту успел промокнуть до ниточки?

Венеция показалась серой и холодной.

Мы долго петляли по узеньким улочкам, проходя многочисленные мостики и каналы. Постоянно поскальзываясь на каменной кладке мостовых, мы думали только об одном: поскорей бы согреться!

Но мне удалось увидеть настоящую Венецию на следующий день, когда мы катались на гондолах по узеньким каналам, огибая повороты, углы домов, наклоняясь под низенькими мостиками и разговаривая с гондольером о венецианской зиме.

Медуза

Такая синяя… скользкая… Будто вижу её в научном фильме про морскую фауну. Она плывёт по каналу. Она — медуза. Так эпично она вздымается в морской воде. Прозрачная, словно муранское стекло с голубоватым отливом в водах канала острова Мурано.

Я в кресле самолёта… Я закрываю глаза, и передо мной возникает образ величественного Санта-Мария-дель-Фьоре, я брожу по узеньким улочкам

Сан-Марино, и мимо меня эпично проплывает муранская медуза. Прощай, солнечная Италия!

ЕРМАКОВСКАЯ ШКОЛА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Константин Мигунов

Превращения

Когда я был маленький, у меня на спине были крылья. Я очень был рад и хотел летать. Но мама запретила мне и сказала, что я буду летать, когда научусь.

— Как же я научусь, если ты мне запрещаешь?

— Потерпи,—сказала мама,—я скоро куплю курицу, у неё тоже есть крылья, и она тебя летать научит.

Пока мама искала подходящую курицу, мои крылья исчезли.

Зато у меня выросли плавники! Я только хотел нырнуть в реку, как мама надела на меня спасательный круг и на всякий случай приготовила надувной матрац, чтобы я не утонул, пока она ищет мне подходящую рыбу в учителя. В итоге мама купила мне акваланг, а плавники у меня сами собой отвалились.

С тех пор я начал превращаться… когда придумаю в кого—расскажу!

Сергей Чубик

6 класс

Птица-осень

Почему-то с утра у меня грустное настроение… Вроде и в школе дела хорошо, и погода стоит за окном солнечная, но мне грустно. Хотел почитать, но не могу сосредоточиться. Поиграл немножко с кошкой, но это тоже меня не развеселило.

Я просто сижу на диване и думаю ни о чём.

Я включил музыку, чтобы хоть немного развеселиться. Бася замурлыкала на подоконнике. Я тихо подошёл к окну. Уже вечер. Закат красивый, золотой. Он сливается с золотом деревьев, и весь мир кажется спокойным золотым царством.

Я присмотрелся и заметил малюсенькую золотую птичку в листве дерева за окном. Она порхала с ветки на ветку, переливаясь всеми оттенками золота. Иногда она терялась в ворохе листьев, и тогда мне казалось, что она мне причудилась, но потом она снова появлялась, и я её ясно видел.

Я решил поближе её рассмотреть и распахнул окно. Бася, спавшая на подоконнике, подпрыгнула от испуга и громко замяукала. Моя странная гостья тоже испугалась и упорхнула.

Весь вечер я всматривался в темноту, но больше её не увидел.

Мне очень хотелось увидеть снова эту красивую птичку. Я перелистал все энциклопедии, но не нашёл ничего похожего. Неужели это птица из сказки? Или действительно она мне причудилась?

Всю ночь мне снилась сказочная птица с золотыми перьями—как берёзовые листья… на лапках у неё были красивые маленькие браслеты, сплетённые из лозы. Она не похожа ни на одну известную людям птицу! В моём сне она порхала с ветки на ветку и очень красиво пела.

Утром я забыл про свой сон. Выучил уроки и пошёл в школу. День прошёл как обычно. После уроков остался поиграть в баскетбол, погулял с друзьями и вернулся домой. По телевизору шёл интересный фильм. На кухне вкусно пахло пирожками. Мама с папой пили чай. Я поужинал и снова сел за уроки.

За окном уже было совсем темно.

Вдруг я услышал красивое пение. Эту песню я уже слышал—во сне. Я ущипнул себя. Мне не верилось, что волшебство вернулось. Да, это она!

Она весело порхала по листикам и была похожа на листопад. Такой красоты я ещё не видел! В золотом закате стоят волшебные золотые деревья, и маленькое чудо порхает с ветки на ветку. Я тихо открыл окно. Золотая гостья переливчато пела. Я прислушался к её песне и услышал знакомые звуки. В шорохе листьев раздавалось: «Прощай, осень! Прощай, осень!» Это была грустная песня. Птичка полетала немножко и упорхнула.

Я грустно вздохнул и пошёл спать…

А наутро выпал снег. От золота на деревьях не осталось и следа! Золотое царство превратилось в серебряное.

Да, это была птица-осень. Она прощалась с нами, знала, что выпадет снег и убьёт золотое царство.

Мне очень нравится зима. Я люблю кататься на коньках. Весной тоже хорошо. А лето вообще моё любимое время года. Но больше всего на свете я буду ждать осень, особенно—золотой октябрь. Может быть, прилетит моя волшебная гостья. Я сел за стол и нарисовал её. Жаль, что голос её в рисунке нельзя передать. Мне снова грустно. Прилетай ко мне в гости, моя загадочная птица-осень!

Сергей Добросоцкий

7 класс

Интервью

Я взял интервью у своего папы, Александра Николаевича Добросоцкого, потому что у него самая

яркая профессия. Он работает в пожарной охране МЧС России.
— Папа, я хотел бы узнать многое о твоей профессии. Ты очень давно работаешь, тушишь пожары, спасаешь людей. Сколько лет ты там работаешь?
— Уже двадцать лет.
— Какая у тебя должность, какое звание?
— Я — водитель пожарного автомобиля, а звание у меня — прапорщик.
— Это всё очень интересно, но хотелось бы уточнить: что главное в твоей работе?
— Главное — три качества: сноровка, знание, смелость. Без этих качеств невозможно тушить пожары.
— Раз ты заговорил о пожаре, как по-твоему — что такое пожар?
— По моему мнению, пожар — это неконтролируемое горение.
— Это и есть пожар?
— Да, верно.
— А что означает для тебя сплочённость коллектива?
— Это единый боевой расчёт, который не теряется ни в огне, ни в дыму.
— Красиво сказано! Спасибо за информацию о пожарниках.
— Всегда пожалуйста.
— У меня ещё один вопрос. Главный. Как ты относишься к тому, что наше интервью будут читать в газете? Будет ли читателям интересна жизнь пожарника?
— Я считаю, что им будет очень интересно, потому что мало кто знает, как живут пожарники.

ЛИЦЕЙ № 103 «ГАРМОНИЯ»

г. Железногорск

Евгения Захарчук

10 класс

Скорая помощь

Звоните, пишите в скорую помощь,
Мы не посмотрим на имя и отчество —
Наша быстрейшая скорая помощь
Лечит от боли и одиночества!

Есть у нас пледы от всякой печали,
Добрые книги, карандаши;
Есть самовары с ромашковым чаем
И собеседник для каждой души;

Есть у нас горы игрушечных мишек,
Самые мягкие в мире коты,
Три килограмма румянистых пышек
И красненький бантик для красоты.

А если всё это никак не поможет,
Дадим вам билеты — в Венецию! в Рим!
Только пускай вас ничто не тревожит —
Проблемы так любят, когда мы грустим.

Звоните, пишите в скорую помощь,
Мы не посмотрим на имя и отчество —
Наша быстрейшая скорая помощь
Лечит от боли и одиночества!

Анатолий Чмыхало

На Саур-могиле

Отрывки из романа «Три весны»

Они вынырнули из-за чёрного, как пепелище, облака. Они неторопливо тянули над курганами и оврагами, над всем неоглядным Диким полем, гордые красавцы-лебеди.

Летели молча, вытянув длинные шеи, словно прислушиваясь к тому, что творилось на земле. Они как будто знали, что здесь пристреляна каждая былинка. Знали, но не могли облететь стороной эти места: многовековой инстинкт вёл лебедей к верховьям Миуса и дальше — на север.

Лебеди были белыми, но в кровавом свете зари их оперение пламенело, как у сказочных жар-птиц. Могучие крылья легко и царственно проносили лебедей по небу. Полёт стаи казался чудом.

И за этим чудом следили из окопов бойцы. Уставшие от непрерывных боёв красноармейцы весны сорок третьего года.

Когда лебеди отдалились к багровой черте горизонта и вот-вот должны были скрыться из виду, на пути стаи вдруг с треском лопнула шрапнель. И цепочка из пяти птиц рассыпалась, её звенья заметались вокруг сизого клубка разрыва.

Но растерянность продолжалась лишь минуту. Затем стая снова выстроилась и устремилась вперёд, словно атакуя врага. И тут же рванула другая шрапнель, вожак отвалил от стаи и, как подбитый самолёт, пошёл на снижение. Он затрубил жалобно, протяжно. И ему ответили тревожные трубы четырёх птиц. Вожак низко пронёсся над окопами и, дотянув до реки, упал. От удара крыльев по воде пошли багрово-алые брызги. А другие лебеди повернули за ним и долго кричали и кружили над Миусом. Но вожак не ответил им.

— Погиб, — с тяжёлым вздохом сказал Костя, осторожно высовываясь из окопа.

Но отсюда было невозможно увидеть, что делалось за поворотом реки, где упал лебедь. Из окопов просматривался лишь небольшой участок Миуса да правый его берег, где змеилась по саду едва приметная траншея противника. Слева, примерно в километре, виднелось под скалой село. Оно было на нашем берегу, немцы обстреливали его кинжальным огнём из дотов. В селе уже давно никто не жил: все дома были разбиты и сожжены. Это только издали да в такой поздний час они ещё казались домами, а там лишь печи да глиняные стены.

А справа на фоне вылинявшего неба виднелась за Миусом мрачная пирамида Саур-могилы. Говорили, что если б не эта Саур-могила, то не остановить бы гитлеровцам наших войск на Миусе. Ещё в феврале наши части ворвались бы в Донбасс.

Немец одел в железо и бетон Саур-могилу и землю на добрый десяток километров изрыл траншеями, опутал колючей проволокой, начинил минами. Это была первая линия обороны, а за ней шли вторая и третья. И над всеми этими укреплениями господствовала высота с отметкой 278 — Саур-могила. Она была невдалеке от окопа, в котором сидел Костя. И было обидно, что она прикрывала не нашу, а чужую армию и что у её подножия сложил голову уже не один красноармеец.

Утром пошёл дождь, и в траншее до сих пор было сыро. Сапоги разъезжались по осклизлой глине. Пахло прошлогодней травой и прелью. И ещё пахло порохом, волглым и палёным сукном.

Быстро темнело. За Миусом, за Саур-могилой погас фиолетово-рыжий степной закат, и засветились в чёрных прорехах прикрытого тучами неба робкие звёзды. Стоило взлететь над окопами голубой немецкой ракете, как звёзды меркли и пропадали во тьме. Вот так же прятались необстрелянные бойцы от падавшего далеко в стороне снаряда и от пули, которая уже пролетела мимо.

«А лебеди бросили вожака, — грустно подумал Костя. — Лебедям больше ничего не оставалось делать. Они — не люди. Да и так ли всемогущи люди?!»

И Костя вспомнил: это случилось в конце февраля под Красным Аксаем. Два наших истребителя дрались с четвёркой «мессеров». Распустив хвост чёрного дыма, упал один вражеский истребитель, затем другой. Наблюдавшая за боем пехота уже салютовала выстрелами и шапками. Костя вместе со всеми кричал «ура!» и стрелял с колена из полуавтоматической винтовки. Стрелял в набиравший высоту «мессер».

И вдруг ведущий ястребок словно ударился о какой-то невидимый барьер. Самолёт тряхнуло и отбросило в сторону. Он свалился на крыло и начал быстро снижаться. И «мессеры», как злые коршуны, пристроились ему в хвост и стреляли, пока он не ударился о землю.

Было больно видеть потом, как безрассудно храбро бросился навстречу «мессерам» опоздавший на помощь ведущему другой «Як». Его срезали первой же очередью.

Всё это произошло буквально за несколько минут на глазах у целого полка. И никто не смог помочь лётчикам. Только вытащили из-под обломков изуродованные тела и похоронили в одной могиле у степного шляха. И замполит батальона Фёдор Ипатьевич Гладышев так начал свою короткую речь над могилой:

— Если бы…

Как было помочь им в небе? А что лебеди!.. Птица, она и есть птица.

Дорогой Фёдор Ипатьевич. В тот день он как-то пытался шутить, но тут же пожаловался, что проклятый ветер запорошил ему глаза песком. А ветер был слабый, а песка совсем не было. Полк месил на дороге мокрый снег.

Костя считал, что ему повезло. Попасть в одну часть со своим учителем — это было очень здорово!

В старую крепость, что была на краю города, возле Малой казачьей станицы, он явился утром. А повестка пришла накануне вечером. Часов в одиннадцать возвращался Костя вместе с Алёшей и Ванько́м из парка. И когда увидел, что на кухне, в столовой и в его комнате светятся окна, понял: наконец-то наступил его черёд. И они втроём зашли в дом. И мать встретила их на крыльце. Она зарыдала, неумело обнимая взрослого сына. Только и сказала:

— Завтра, — протянула повестку, которую Костя прочитал тут же при падавшем из окна свете.

— Ну чего ты, мама?.. Ну не плачь…

Мать первой прошла в дом. На столе стояла нераспечатанная поллитровка водки и полная чашка спелых помидоров. И ещё поставила мать сало, розовое, с жёлтой коркой.

Из спальни вышел хмурый отец. Он был в рабочем костюме из грубой ткани. Значит, ещё не собирался спать. Щёлкнул крышкой старинных карманных часов и прошагал к своему постоянному месту за столом.

— Не лезь под пулю. Если ей надо, она сама найдёт тебя, — сказал он, аккуратно разливая водку по гранёным стаканам.

А Костя, сдвинув свои прямые брови, думал тогда только об одном: прислали ли повестки Алёше и Ваньку́? Хорошо бы идти на фронт вместе.

Но утром Алёша явился невесёлый. Повестки ему не было. Не шёл в армию и Ванёк.

А в крепости Костя встретил Петера и Сёму Ротштейна и обрадовался им. Всё-таки свои ребята, а то он совсем пал духом.

Тогда-то и подошёл к ним Фёдор Ипатьевич. Он был в военной форме, с капитанской шпалой на малиновой петлице. А на рукаве вышита звезда, как у всех политруков. И сказал он, что берёт ребят в свой батальон.

На людном вокзале, перед тем как эшелону отправиться, Федя расцеловался с комбригом Чалкиным. Отец поцеловал Костю, а мать заплакала. Костя обнял её одной рукой, другой нежно погладил её мягкие волосы. И ему нестерпимо захотелось, чтоб как можно скорее ушёл поезд. Костя сам боялся разреветься.

С Владой он не простился. Влада по-прежнему жила в Свердловске. Костя написал ей большое-пребольшое письмо. Но она не ответила.

Потом ещё писал ей из Ташкента, где формировалась дивизия, из-под Калинина, из Калача и из других фронтовых мест. Но ответа не было. Обеспокоенный молчанием, он дважды обращался к её отцу, но не получил ни строчки…

Неподалёку брызнула пулемётная очередь. Костя снова выглянул из траншеи и увидел над темнеющей рекой ниточку красноватых огоньков. Фрицы били трассирующими по самому берегу Миуса, по кустам, где окопалось боевое охранение батальона. Где-то там сейчас должен быть Петер.

— Питаться, братья-славяне! — послышался из сумрака простуженный голос старшины. И в траншее, и в выходящем в балку, к землянкам и взводным блиндажам, ходе сообщения в ту же минуту возник весёлый, призывный перестук котелков и ложек.

Мимо Кости прошмыгнул маленький, но достаточно плотный для своих девятнадцати лет снайпер Егорушка. Это о нём недавно писали московские газеты. Егорушку называли грозою фашистов. Смотреть не на что — лилипут, а гроза.

— Мои крестники загоношились, — бросил на ходу Егорушка.

Костя понял, о чём он говорил. Неделю назад на утренней зорьке Егорушка снял в саду двух вражеских пулемётчиков. После этого фрицы сменили пулемётную позицию, а теперь, выходит, снова бьют с прежнего места.

«Петеэровец ударил», — подумал Костя, услышав хлёсткий звук выстрела.

Огненная строчка оборвалась. Значит, попал. Но фрицы тут же повесили над Миусом «люстру», осветившую всё вокруг зеленоватым мертвенным светом. И враз, стараясь опередить друг друга, застучало несколько вражеских пулемётов.

— Психует фриц. Нервенный он, а это никуда не годится. В такой войне выдержка требуется.

Боец сказал правду. Именно — выдержка. Под Сталинградом какую силищу одолели! И снова топтаться приходится, искать у противника слабое место. А он ещё силён, немец, ой как силён!

Вспомнились первые дни войны. Тогда все говорили о скорой победе, о помощи немецких рабочих, которые должны были совершить у себя революцию.

«А приходится воевать вот где,—подумал Костя.—И это ещё ничего. У самой Волги были… Но теперь верно говорит боец: не устоять немцу».

В землянке было темно, и Костя не стал зажигать спичку. Чего доброго, заметят фрицы и пустят в ход миномёты и пушки. Костя долго шарился среди вещевых мешков, касок, противогазов, ещё какого-то снаряжения, пока не нашёл своего котелка.

Стрельба стихла внезапно. Фронт затаился. Теперь можно отдохнуть до утра. Прошлую ночь Костя спал мало, пришлось дежурить в траншее. Зато сегодня отоспится. Он решил поскорее поесть и уйти в блиндаж. Но едва съел суп с макаронами и принялся за кашу, из темноты вышагнул Фёдор Ипатьевич. Он сразу узнал Костю, подсел к нему и спросил:

— Ты, Воробьёв, лебедей видел? Ну, которые пролетали сегодня? А помнишь, как в «Слове о полку Игореве» говорится: «Кричат в полночь телеги, словно распущены лебеди»?.. Так ты знай, Воробьёв, что здесь русичи князя Игоря с Гзаком и Кончаком бились. Чести себе искали, а князю славы. Может, вот в такую же ночь по этой самой балке, где мы сидим с тобой, Игорь из плена бежал. Тут только в балках и можно укрыться.

— Неужели всё это здесь?—удивлённо проговорил Костя, бросая в котелок ложку.—Вы серьёзно, Фёдор Ипатьевич?

— Вполне. Нужно учить историю, Воробьёв. Вон когда ещё в этой степи русские стояли насмерть. Восемьсот лет назад! Теперь подумай, какая она нам родная, донецкая земля. А Гитлер на днях объявил, что восточная граница Германии навечно пройдёт по Миусу.

— Вон как рассудил! Чего захотелось!—усмехнулся Костя.

— Лаком кусок—вся Украина. Есть на что позариться. А перевернётся ведь, и скоро!

— Точно,—согласился Костя.—Теперь уж как пойдём, то до самого Берлина. Без передышки. Пора кончать!

— Ты думаешь?

— Конечно.

— Ну, раз ты так говоришь, то пора.

Костя засмущался. Хотел было спросить, что делается на других фронтах, как рядом услышал всё тот же хриплый голос старшины второй роты:

— Ночью углубляем траншею, братья-славяне!

Почти до самого утра стучали лопаты. Бойцы уходили в землю. Значит, стоять здесь придётся ещё не один день. <…>

В Красноярск Алёша попал летом сорок второго года. До этого он вместе с Ваньком служил в запасном полку под Новосибирском. Перед самой отправкой полка на фронт начальство отобрало бойцов, имеющих десятилетку, и послало в артучилище. Было обидно, что их увозят ещё дальше в тыл. Алёша подавал командиру полка рапорт, чтобы разрешили ехать на передовую, но рапорт в штабе оставили без последствий. И вот—Красноярск.

— Начальству виднее, кому куда ехать. На то оно и начальство,—рассудил Ванёк, которому было, пожалуй, всё равно, где служить.

Поезд прибыл в Красноярск днём. Стояла жара, тяжёлая, изнурительная.

Ребятам хотелось к реке, хоть разок нырнуть, а уж потом идти. Но встречавший команду щеголеватый капитан лениво процедил сквозь зубы:

— Отставить!

Отставили. Не допризывники—знали уже, что в армии не поспоришь. Оно ведь и правильно: дисциплина должна быть настоящей. Капитан повернулся на каблуках, звякнул шпорами, оглядывая пополнение.

— Разобраться по трое. Подтянись!

— Это почему же по трое?—раздался чей-то недоумённый голос.

— Вы в кавалерии.

— Как так, товарищ капитан? А нам говорили, что артучилище,—с простодушной улыбочкой проговорил Ванёк.

— Вы будете во втором дивизионе. А второй дивизион готовит артиллеристов для кавалерии. Нужно выучиться ездить верхом, владеть клинком и так далее,—пояснял капитан, выравнивая строй.

Он хватал ребят за руку, за плечо, ставил на место. Быстро навёл порядок, и колонна зашагала по прокалённым солнцем улицам.

Прибывших не держали в карантине ни одного часа. Их с ходу завернули в небольшую баньку, вымыли, прожарили одежду. И в тот же день поместили в казарму, распределив по взводам, которые уже занимались. Ванёк и Алёша попали в шестьдесят второй взвод.

Командир взвода Лагущенко, невысокий, с девичьим румяным лицом шатен, строго сказал новичкам:

— Это вам не пехота. Значить, артиллерист должен быть подтянутым, разворотливым, исполнительным. Или он не артиллерист, а баба. Понятно?

— Так точно, товарищ лейтенант,—выпятив грудь, весело ответил Ванёк.

— А почему несвежие подворотнички?

— Мы только с дороги, товарищ лейтенант,—сказал Алёша.

— Это—последнее вам замечание. Вы не из гражданки пришли, а из армии. Понятно?

— Понятно, товарищ лейтенант.

— Скажу помкомвзвода, чтоб закрепил за вами карабины. Значить, пока что устраивайтесь.

Алёша и Ванёк получили в каптёрке пахнущие прожаркой одеяла и простыни. Потом вместе с ватагой курсантов сходили на конюшню и там

набили наволочки мягкой и упругой соломой. А когда вернулись в казарму, между ровными рядами двухъярусных коек их встретил сердитый помкомвзвода. Алёша так и застыл от удивления и забыл поприветствовать его.

— Вот здорово! — сказал наконец Алёша. — Я вас знаю! Вы — сержант Шашкин. Мы встречались в Ташкенте. Ещё до войны.

Как же это давно было! А ведь войны прошло чуть больше года.

— Может быть, — произнёс Шашкин, строго глядя на Алёшу. — Но подойдите ко мне снова и доложите по форме.

Вот оно как. А ведь Алёша чуть было не бросился обнимать его.

— Товарищ сержант, рядовой Колобов прибыл в артучилище для дальнейшего прохождения службы.

— Отставить!

— Товарищ сержант…

Шашкин побагровел:

— Два наряда вне очереди! Повторите.

— Есть два наряда вне очереди.

— Ступайте.

И вдруг Алёше стало обидно-обидно, и его взорвало:

— За что наряды? Вы хоть объясните, товарищ сержант! Должен же я знать…

Объяснили курсанты.

— Ты это вправду?

— Что? — не понял Алёша.

— Да ты же сержантом Шашкина кроешь, а он старший сержант. У него же три угольничка!

Алёша досадовал на себя. И надо ж было так оскандалиться! Ни за понюшку табаку схватил наряды, из-за такой мелочи: не обратил внимания на петлицы.

Он всё-таки надеялся, что Шашкин смягчится и отменит наказание. Есть же у него сердце. Но через несколько дней Алёшу послали на ночное дежурство в конюшню. Жалеючи его, курсанты со стажем из других батарей училища предупредили:

— Ты — новичок и кое-чего знать не можешь. У нас так положено: совсем не умывайся и не чешись от бани до бани. А кони должны быть всегда в аккурате. Не дай бог, ночью будет генеральная проверка и какой конь окажется в навозе!..

— Да к Образцовой не подходи сразу. Она хоть и дохлая с виду — бьёт, стерва.

— Не давай Негусу грызть кормушку…

Нельзя сказать, что Алёша остался недоволен своим первым нарядом. Отдежурил он как положено. Не присел ни на минуту, пока утром не пришли курсанты чистить коней. Устал дьявольски, но острые запахи конского пота и навоза пробудили в Алёше воспоминания о детстве, о родном селе, о колхозе, в котором работала дояркой Алёшина мать. Алёша любил коней и так же, как Федя, очень жалел их. Кстати, где он теперь, Фёдор Ипатьевич? Где Костя Воробьёв? Наверное, они уже давно на фронте… А может, кое-кто и отвоевался… <…>

Целый день над окопами безнаказанно висела «рама». Уйдёт на северо-запад, за Саур-могилу, вернётся и снова уйдёт. Иногда она пропадала на какой-нибудь час: очевидно, летала на заправку. По «раме» били из пулемётов и автоматов, из противотанковых ружей и винтовок, но она ходила высоко, к тому же у неё бронированное брюхо — попробуй сбей! Впрочем, говорили, что где-то сбивали.

Знакомство с «рамой» не сулило ничего хорошего. Эта двухфюзеляжная уродина сама по себе не была опасной. Она не бросала бомб. Вооружённая до зубов, она не стреляла по наземным целям.

Но красноармейцы люто ненавидели «раму». Даже «юнкерсы» и «хейнкели» не шли с ней в сравнение — вот как она насолила пехоте. Да и артиллерии от неё доставалось. Бомбардировщики сбросят бомбовый груз и улетят. Если уж попала бомба в цель — каюк, а пролетела мимо — живи, ребята, не тужи.

А «рама» в таком случае не даст бойцу покоя. Она вызывает и корректирует огонь тяжёлой артиллерии. Если батарейцы промазали, она постарается поправить дело. Ей сверху всё видно. А прогнать её некому. Что-то нет поблизости зенитчиков. И истребителей наших не видно. Одни «мессеры» патрулируют в небе. Они забрались высоко-высоко, вдвое выше «рамы».

Весь день пехота ждала удара вражеской артиллерии. Но его не было. На широком фронте разорвался лишь один тяжёлый снаряд, прилетевший откуда-то издалека, так как никто не слышал выстрела. Разрыв этого снаряда поняли в наших окопах как начало артналёта. Сейчас, мол, «рама» скорректирует стрельбу, и пойдёт свистопляска. Однако тревожились понапрасну.

Вечером «юнкерсы» молотили наши боевые порядки у Саур-могилы. Ветер принёс оттуда бурую тучу пыли. В траншеях на какое-то время стало темно, как в погребе, лишь, едва приметные, краснели огоньки самокруток.

А ночью на правом берегу Миуса ревели моторы и скрежетали гусеницы танков. Похоже было, что фрицы сосредоточивали силы для наступления. Не собирался мириться Гитлер с потерей сталинградских и донских степей, хотелось ему Ворошиловский проспект в Ростове опять называть своим именем.

Не спалось этой ночью красноармейцам. Ожидание боя до предела напрягло нервы. Люди много курили, тревожно поглядывая в сторону вражеских окопов. Настораживало и то, что фрицы не подвешивали «люстр» и не обстреливали окопавшихся у самой воды наших дозоров.

Воздух в степи был свежий, пахучий — не надышишься. Ноздри ловили дурманящий запах чабреца и мелкой полыни. И Косте вспоминались бахчи за Шанхаем и крупные капли росы на пудовых арбузах. Ползёшь, не поднимая головы, и катишь впереди себя зелёного великана. Вот это была работа! Когда падал вместе с арбузом в канаву, на рубашке не было сухого места. А как драпали от сторожа! А как палил он им вдогонку из дробовика, который однажды всё-таки разорвало!..

На правобережье Миуса всё ещё рокотали моторы. И Петер, который лежал рядом с Костей на бруствере траншеи, сказал:

— Если будет атака, её нужно ждать в том месте, где бомбили «юнкерсы».

— Ерунда, — возразил Костя. — Бомбили они для отвода глаз. А утром будут гвоздить по всему участку. Снаряд-то выпустили недаром. Это им надо было для пристрелки.

— А ты откуда знаешь?

— Предполагаю. Не такие уж они дураки, чтобы вечером бомбить, а утром наступать. Это всё для отвода глаз.

— Что же, посмотрим, — сказал Петер.

— А я бы прежде хотел посмотреть сон. На свежую голову веселее воюется.

— Спи.

— Что-то не спится, — и после некоторой паузы: — Петер, ты когда-нибудь любил?

— Нет, не довелось.

— Гиблое это дело — любить, — тоном бывалого, всё познавшего человека проговорил Костя.

— Догадываюсь. Но, к сожалению, личного опыта пока не имею. Истину приходится принимать на веру.

— А у тебя были чирьи, Петер? На мягком месте.

Петер промычал что-то.

— Это тоже плохо. Мучают, а не выдавишь, пока не созреют.

— Брось хандрить. Влада тебя любит, — сказал Петер, подтолкнув Костю локтем в бок.

— Если бы ты любил стихи, я прочитал бы тебе сейчас «Соловьиный сад» или что-нибудь ещё. Но ты чудной человек, Петер!..

— Я люблю музыку, а она тоньше по чувству, чем поэзия, — возразил Петер.

— Не помню, что пророчил тебе Алёша Колобов на выпускном вечере...

— Начальника какого-то крупнейшего комбината.

— И ты им будешь.

— Так уж и начальником! — усмехнулся Петер. — Но инженером постараюсь быть на том самом комбинате. Уж это точно! Или ты мне не веришь?

— Почему же? Верю.

— Конечно, если ничего не случится... Главное, чтобы война не затянулась. Второго-то фронта всё нет и нет. Этак можем и постареть для студенчества. А что? Время-то понемногу уходит...

— Так уж и постареем!

— А в институты сразу кинется уйма народу! Но я буду готовиться, чтобы поступить. Ведь мы уже столько перезабыли!..

Со стороны Миуса подошёл снайпер Егорушка. Пригнулся, чиркнул зажигалкой.

— Ну как? — спросил его Костя.

— Вчера ещё одного записал в поминание.

— Не мой ли попрыгунчик?

— Твоего не трогаю, как и договаривались, — сказал Егорушка, подсаживаясь к ребятам. — А чего-то фрицы всё-таки затевают. Это вот похоже, как под Калачом было. «Рама» летала, а утром другого дня нам и всыпали... Покурю да, однако, пойду спать.

От блиндажей роты донёсся хриплый голос телефониста: «„Волга“... „Волга“... Я — „Иртыш“... Я — „Иртыш“... „Волга“...»

Неподалёку кто-то рассказывал, как опаливают убитую свинью:

— Перво-наперво готовь солому. Кабана — в копёшку, и разводи огонь. Аж зашкворчит! Но надо, чтобы жáру было в самый раз. Мало — не изведёшь щетину, много — затвердеет кожа. А паяльной лампой никогда так не обделаешь.

— У нас кипятком свинью обдают и потом дёргают щетину, — раздался чей-то робкий голос.

— А у меня в Сибири зазноба объявилась, — сказал ребятам Егорушка. — Прислала письмо заочница, Аграфена Фокина. Выходит, Груня. Мол, желаю переписываться с отважным бойцом, и после войны приглашает в гости. Мне это письмо старшина вручил. А я ответик состряпал самый тёплый. Выходит, душевный. Груня, пишу, меня ваше письмо очень взволновало, и сам я — холостой. И это даже завлекательно для меня приехать в вашу Ивановку, когда война кончится. А она мне другое письмо пишет. Дескать, дорогой Егорушка, и так далее. Про специальность меня спрашивает. Ежели мне там понравится, то, мол, и работёнка будет, в колхозе. А жить к себе приглашала... Ну чего ещё солдату надо! Дело теперь за фотокарточкой. Пишу ей: мол, надо поближе узнать друг друга, — и прошу прислать карточку. А она не шлёт. А я снова прошу. И завелась у нас переписка аж с прошлой весны. И так я ничего не получил от неё — в смысле изображения. Да и письма вдруг перестала присылать. Я тогда, долго не думая, написал председателю Ивановского сельсовета.

— Ишь ты! Сообразил, — покачал головой Костя.

— А чего? Раз село, то должен быть сельсовет, а сельсовета не бывает без председателя. Написал подробно. Мол, сообщите мне о судьбе Груни Фокиной. Очень желаю знать. И сегодня ответ пришёл от председателя... — споткнулся на слове Егорушка.

— Заболела или что?

— Да нет, здорова. Не очень, но ничего!

— Изменила?

— Да что вы, ребята! По гроб моя!
— Так чего же голову морочишь? — спросил Костя.

Егорушка шумно вздохнул и, немного помедлив, продолжил:
— А то, что Груне моей шестьдесят седьмой годок пошёл. И она не писала мне правды, чтобы не разочаровывать меня, когда я послал ей ответ душевный. А письма она сочиняла вместе с учительницей, которую перевели в другое село. Вот так и прекратились письма на фронт. Вот что, ребята, со мною приключилось. Сколько я мечтал об этой самой Груне, если б она знала! Я её молоденькой, с чёрными бровями и длинной косой себе представлял. И почему-то в бордовой кофточке из фланельки. На спинке вытачки, короткий рукав, открытый ворот…
— Смотри-ка, он понимает!.. — засмеялся Костя.
— Я ведь учеником был в портновской. На дамском раскрое. Да и в журналах интересовался. Выходит, кое-что и понял. Ох и обидно, ребята!

Вскоре он ушёл. Костя и Петер ещё поговорили и понемногу задремали. И показалось им, что их тотчас кто-то разбудил.
— Давайте в траншею. Светает, — сказал, тормоша Костю, рослый боец с противотанковым ружьём.

Костя смотрел на него спросонья непонимающим взглядом.
— Вставать надо, — добавил боец.

В степи было спокойно. Не слышно ни одного выстрела, не всплеснёт внизу быстрый Миус. Притихли на той стороне танки. Лишь в утренней тишине, еле слышная, наплывала откуда-то песня жаворонка. Распелся, дурной. Что ж, если ему нравится, пусть поёт.

Солнце поднималось всё выше, а фрицы не стреляли и не шли в атаку. А что, если всё-таки начнут артподготовку?
— Кишка у них тонка форсировать Миус. Это им не сорок первый, — сказал появившийся в траншее Фёдор Ипатьевич. — Всю музыку они затеяли с перепугу, не иначе. Должно быть, показалось им, друзья мои, что мы вытряхнуть собираемся их из окопов. Вот и создали видимость, что технику концентрируют в балках да к траншеям пристреливаются.
— Неужели, Фёдор Ипатьевич? — Костя круто повернулся к Гладышеву.
— Точно. Разведка наша на ту сторону ходила. Зарывают в землю танки. Оборону укрепляют. Фрицу сейчас не до жиру.
— Вот гады! А мы не выспались из-за них, — простодушно сказал Костя. — Так ведь?
— Досыпайте.
— Придётся, — согласился Петер и побрёл к блиндажу.

Костя взвёл затвор винтовки и стал ждать, когда над вражеской траншеей покажется чёрная голова весельчака. Ждать пришлось долго. То ли у фрица не было с утра игривого настроения, то ли он куда уходил. И лишь часов около десяти, когда солнце стало порядком пригревать, длинноносый фриц показал Косте язык. Впрочем, может быть, и не Косте, но тот принял это на свой счёт и выстрелил.

Фриц забавлялся около часа. И Костя один раз едва не ухлопал его. Длинноносый прыгнул чуть в стороне от места, куда стрелял Костя, всего в каких-то пяти метрах.

И, как всегда в таких случаях, на нашу траншею обрушился пулемётный и миномётный огонь. Немцы не жалели боеприпасов. Методически били и били по левому берегу.
— Раззадорил ты их, — сказал Сёма.

Но ударила наша артиллерия, и мины перестали падать на участке второй роты. Видно, залп накрыл миномётчиков. И пулемёты оробели: стали стихать один за другим. <…>

Наконец-то Васька Панков пришёл на позиции второй роты. Пришёл не в гости, а на службу, неся в одной руке автомат, а в другой — румынский ранец из конской кожи. Этот ранец он прихватил в окопах противника вместе с румыном, когда в начале зимы воевал в штрафной роте. Ещё была у Васьки, как память о том времени, румынская бронзовая медаль, которую в шутку преподнёс ему под Батайском знакомый штрафник.

После встречи с Петером Васька попросился у начальства, чтоб послали его к своим ребятам. Но майор из штаба дивизии недовольно отмахнулся от Васькиной просьбы:
— Это в тылу только — наши и ваши. Здесь все свои. Сегодня чужие, а завтра свои.

Он послал Ваську в комендантский взвод. И служить бы Ваське там, как солдатскому котелку, — век без износа, если бы не Федя. Спасибо ему, дотолковался с кем-то в штабе, и вот Васька, живой и здоровый, стоял перед ребятами. И поблёскивали от радости влажные Васькины глаза.
— Явление Христа народу, — сказал он, бросил рюкзак и обнял свободной рукой сначала Костю, а потом Сёму. — Ведь надо же так, огольцы! Никогда не думал, что придётся воевать с кем-нибудь из наших! А тут смотрю — идёт Петер. Самому себе не поверил. А потом фараона увидел, того, кто меня попутал, Гущина. Ты-то с ним дружбу завёл, Петер?
— Я? Да ты что! — оправдывался Петер.
— Ну а зачем ты к нему ходил?
— Я ходил? Я был в штабе дивизии. Ну, он меня и встретил. В дружки набивается.
— Ладно, чего уж там.

Костя разглядывал Ваську. За время, что они не виделись, Васька похудел и почернел лицом. А в глазах его была усталость, большая усталость от пережитого.

Васька продолжал:
— У вас тут затишье. Заскучать можно. В штрафной роте я уж привык к шуму. По тебе и танки лупят, и миномёты, и авиация тебя молотит. А у вас что?

Конечно, он немножко рисовался. Он был прирождённым артистом, этот Васька Панков. Хотя в штрафной роте он всего перевидал. Как-никак был ранен и снова в строю. Может, другому его переживаний на всю жизнь хватит.

Костя всё ещё глядел на Ваську долгим испытующим взглядом. В уголках рта у Васьки было что-то горькое.

Костя чувствовал себя виноватым в том, что случилось с Васькой. Ведь если бы учком охватил Ваську какой-то работой… Ох и мальчишка же сам Костя! Идеалист, как его иногда называл Алёша. Костя определённо переоценивал возможности учкома. Но ведь все знали, что Васька водится с ворами и хулиганами, и никто не попытался оторвать его от шайки.

Однако не слишком ли поздно печалиться об этом сейчас, когда и лагерь, и штрафная рота у Васьки позади и он такой же обстрелянный солдат, как и все здесь, на переднем крае? Но это хорошо, что обошлось счастливо. Из штрафников выживают немногие — на то они и штрафники.
— У вас затишье, — повторил Васька, шаря у себя по карманам.

Очевидно, он искал табак и не мог найти. И, словно извиняясь, что так произошло, широко развёл руками.

За рекой грохнуло, и на этот залп отозвались разрывы на левом берегу, неподалёку от места, где стояли ребята. Как челноки, засновали люди в траншее. Солнце тускло поблёскивало на касках. Костя и Петер тоже надели каски, а у Сёмы и Васьки их не было. Сёма утопил свою каску в колодце, когда черпал ею воду на одном из безлюдных степных хуторов. Сейчас Сёма лишь втянул голову в плечи и невесело усмехнулся:
— Даёт. Не война, а сплошное убийство.

Один из снарядов угодил в траншею. Санинструктор Маша, молоденькая красивая девушка, и усатый боец, годный ей не то в отцы, не то в деды, пробежали к тому колену траншеи, над которым ещё стояло бурое облако разрыва. Маша, еле успевавшая за усачом, покрикивала на него:
— Скорее! Скорее!

Вскоре на плащ-палатке пронесли парня с землистым и как будто удивлённым лицом. У него были перебиты ноги. Парня несли к землянке, где была перевязочная.

Затем на плащ-палатках протащили ещё двух. Эти уже не нуждались в помощи. Ночью их закопают друзья где-нибудь поблизости.

Костя угрюмым взглядом проводил погибших, и в его мозгу снова мелькнуло:

В Руре успели пулю
И для меня отлить.

После войны тут можно будет добывать свинец и железо. Залежи по всей линии фронта.
— Странно, но и здесь убивают людей, — скорее печально, чем в шутку проговорил Васька и снова зашарил в карманах.

Костя дал ему закурить и закурил сам. Снаряды стали ложиться ближе. После каждого взрыва в траншею залетали комья спёкшейся земли и осколки.
— Чёрт возьми, до чего скучно вот так сидеть, — сказал Сёма.
— Тоже мне пошёл жаловаться! Разве ж такая скука? — возразил Васька. — Вот там скука, где я побывал, так это без трёпа.
— Ты хоть бы рассказал, как всё получилось, Мы ведь ничего не знаем. Верно, ребята? — подвинулся Сёма к Ваське.
— Что скажешь? — дёрнул плечом тот. — Глупо вышло со мной. И вспоминать не хочется.
— А всё-таки? — не обращая внимания на ухавшие разрывы, попросил Петер.
— Скажи. За что-то ведь припаяли тебе десятку, — рассудил Сёма.
— По совокупности совершённых преступлений, — Васька сплюнул и замолчал.

К вечеру погода испортилась. Подул ветер, взвихрил над окопами пыль и согнал к Миусу тучи, грозные, тёмно-синие. И вскоре проплясала по земле и по каскам первая дождевая очередь. И улыбнулись ребята наступающему ненастью. Значит, сегодня, а может, и завтра не будет бомбёжек. А ещё можно помыться под дождём. Нужно лишь раздеться догола и немножко поплясать в траншее.

Перестрелка стихла по всему фронту. Фрицы для чего-то пустили в набрякшее водой небо подряд несколько ракет и успокоились.
— В такую погоду хорошо сидеть дома и что-нибудь мастерить. Дождик стучится в окна, а тебе сухо и тепло, — вслух размечтался Васька. — Но сидеть дома не обязательно. Можно оторваться из дома. Засучить штаны и бегать по лужам.
— Можно, — согласился Сёма — и вдруг ни с того ни с сего: — Я, ребята, у Смыслова партию выиграл. Он давал сеанс на двадцати досках. В Доме офицеров.
— Смухлевал? — спросил Костя.
— Вместо положенного одного хода два делал. Думал, что заметит. Аж сердце ёкнуло, когда он подошёл. А он посмотрел на доску и очень удивился, и потом посмотрел на меня. Имей я совесть, покраснел бы и погиб сразу. Но у меня её в тот раз при себе не оказалось. И смотрю я на него чистыми, ангельскими глазами. И он поверил. Взял своего короля за голову и опрокинул.
— Ты гад, Сёма, — сказал Костя.

— Не знаю. Может, и так. Только я о себе лучше думаю,— важно ответил тот.— И вышло, что один я у Смыслова выиграл и пять ничьих. Остальные четырнадцать — его. Меня сфотографировали тогда.
— Значит, не заметил?
— Если бы так,— вздохнул Сёма.— Он всё заметил, да не стал поднимать шума. Только шепнул мне на ухо одну новость. Вроде той, что Костя сейчас сказал.

С наступлением темноты Костя надел шинель, взял винтовку и ушёл в дозор. Парень, которого он сменил, потёр замёрзшие руки, молча кивнул на ту сторону и направился в тыл быстрыми, размашистыми шагами.

Сначала Костя не понял дозорного. Он напрягал глаза, всматривался в еле различимый за сеткой дождя правый берег и ничего подозрительного не замечал.

«Спит, наверно, длинноносый»,— подумал Костя, кутая лицо в поднятый воротник шинели.

Но вот из-за Миуса донеслись негромкие звуки баяна. Играли медленно, по нескольку раз повторяя одни и те же ноты. Кто-то разучивал «Катюшу». Видно, на это обращал дозорный Костино внимание.

«Веселятся фрицы. Затишью радуются»,— решил Костя.

А сам снова увидел в мыслях гордую, умную Владу. Почему Влада так сдержанна в чувствах к нему? Неужели нашла другого, из тех, кто носятся по магазинам и ресторанам? Нет, она никогда не предаст их дружбу. Если же кто ей понравится, Влада напишет об этом открыто. Уж такая она есть, что бы ни говорил о ней Алёша, что бы ни говорили другие ребята. Костя лучше их знает Владу и готов поклясться, что она не солжёт, никогда не покривит душой.

Может, просто у Влады было дурное настроение, когда она писала Косте. Трудно живут люди в тылу, а ей вдвойне труднее — без матери. Надо ей черкнуть что-то тёплое, ободряющее.

Теперь уже немного осталось ждать до победы. И тогда они встретятся и, если сохранят в сердцах любовь, свяжут свои судьбы. Об этом давно втайне мечтает Костя. Он не представляет себе будущего без Влады.

За рекой снова заиграл баян, всё так же медленно, но решительнее. Фриц определённо делал успехи в учёбе, хотя и фальшивил кое-где. Сидят, сволочи, на нашей земле, да ещё и наши песни играют!
— Рус! Рус! — неожиданно раздалось на том берегу.— Иди к нам! Петь будем, шнапс пить будем!

Голос был слышен хорошо. Но никто из наших фрицу не ответил.
— Рус — трус! Иван отчень трус! — дразнился фриц, вызывая на разговор.
— А ты дерьмо свинячье! — не выдержали у нас.

В словесной перепалке произошла заминка. За Миусом, очевидно, решали, что сказать. И наконец оттуда донеслось:
— Рус! А что есть дер-мо?
— Сдавайся в плен! Учить будем!
— А что есть дер-мо? — повторили вопрос.— Вас ист дас?
— Подожди, со временем всё узнаешь!..

Дождь не переставал. Он проводил Костю до землянки и ещё долго дробно рассыпался у порога. Ребята не спали, когда промокший Костя по чьим-то ногам прополз на своё место. Ребята слушали неторопливый рассказ Васьки Панкова:
— ...Нас было четверо. И я шагал рядом с дяханом, который привёл меня к аксакалу Касыму. И нёс я кожаную суму со жратвой и ещё баночку с дунганским перцем. Аксакал Касым и его помощник Самед через каждую сотню шагов брали у меня перец и посыпали тропинку. Это чтобы собаки след не почуяли. Вот так мы и топали. Но нас ждали там. Была засада. От самой Алма-Аты за нами следили... Ну, потом и начался сабантуй. Целый взвод против нас!
— Ты что-то, брат, заливаешь! — сказал Егорушка.
— Вот и ты не веришь.
— Рад бы, да это ведь сказки одни.

Васька закурил из чьего-то кисета и вдруг нащупал рукой Костю и дал ему затянуться. Костя с наслаждением пыхнул дымом, устраиваясь спать.
— Ну как там? Поливает? — спросил Васька.
— Есть немного. Фрицы звали к себе. Петь «Катюшу».
— Да ну!

Костя рассказал о состоявшихся переговорах. Васька внимательно выслушал его и протянул:
— Вот так история! Сходить бы туда!
— Убьют. А если и вернёшься живым, трибунал к стенке поставит,— сказал Сёма.
— Что верно, то верно,— после непродолжительного раздумья заметил Васька.
— Спать, хлопцы! — прикрикнул самый старый во взводе — сорокалетний пулемётчик Михеич.

Едва занялась заря, один из наших блиндажей хлёстко обстрелял танк. Стрелял он из сада, одетого кипенью цветения. А когда наша артиллерия буквально раздела деревья, оказалось, что сад пуст, что наших перехитрили. Сразу же после выстрела под частую дробь пулемётов фрицы отвели танк на запасную позицию.

Наши артиллеристы, сообразив, что их провели, открыли такой огонь по траншеям, что сидевшим там фрицам пришлось туго. Но это была пехота, а танк всё-таки ушёл.

Единственный выстрел немецкого «Т-4», хотя и развалил угол блиндажа, беды не наделал. В этот утренний час люди завтракали в балке, у походной кухни, и блиндаж был пуст. Повезло

солдатам второй роты. Случись такое полчаса спустя, наверняка были бы жертвы.

Темнолицый и такой же кругленький, каким он был в гражданке, капитан Гладышев заглядывал в ходы сообщения и блиндажи. И покрикивал через плечо командиру роты и старшине, которые неотступно ходили за ним:

— Где маскировка? Я не вижу маскировки!.. Укрывайтесь плащ-палатками и всеми подручными средствами. Ройте ложные траншеи.

— Значит, засели мы здесь капитально,— слушая Федю, сказал Костя.

— Не всё же время наступать. Надо подтягивать тылы, накапливать силы,— рассудил Петер.

— Ты что-то смыслишь в этом деле,— Васька уважительно посмотрел на Петера и принялся сбивать прикладом автомата глину, пристывшую к подошвам сапог.

— Ты не шути!— предупредил Костя, намереваясь отобрать у Васьки автомат.

Но тот решительно отвёл Костину руку:

— Ну чего?

— Убить можешь. Были случаи, когда вот так— удар автомата о землю— и очередь. Сам стреляет.

— Ладно уж,— согласился Васька и повесил автомат себе на шею.

Он стал много сговорчивее. Повзрослел, да и в тюрьме чему-то научился, и в штрафной роте. Не выносил лишь одного: сочувствия к себе. Оно Ваське что нож по сердцу.

Федя на ходу протянул руку Косте, поздоровался таким же образом с Васькой и Петером. И уже зашагал дальше, но, что-то вспомнив, вернулся к ребятам. Коротко кивнул в сторону Миуса, проговорил:

— На хитрости пускаются фрицы, на обман.

— Да,— сказал Костя.— Танк-то улизнул.

— Улизнул,— подтвердил Федя, задумчиво глядя мимо ребят, и вдруг словно очнулся от сна, живо пробежал глазами по их лицам.— Кто из вас дежурил сегодня ночью?

— Я дежурил,— ответил Костя.

— «Катюшу» слушал?

— Слушал.

— Эх, Воробьёв, Воробьёв! Простаки мы с тобой. Учить нас с тобой надо! Понял, мой юный друг?

— Ничего не понял, Фёдор Ипатьевич. То есть— товарищ капитан.

— Дорого обошлась нам эта самая музыка. Под «Катюшу» они петеэровца у нас украли вместе с противотанковым ружьём. И сунул же чёрт оставить петеэровца в окопе на ночь. Это всё ваш ротный! Вот он, полюбуйтесь на него,— беззлобно сказал Федя.— Всё ждёт танков после той беспокойной ночи.

— Неужели украли?— удивился Васька.— Это же надо переплавить через речку. Лодку спускали на воду, не иначе.

— Гадай теперь, как было дело, а петеэровца утащили. И парень-то был хороший, герой, комсомолец. А ведь взяли его, сволочи, без звука, пока «Катюшу» пели. Так вот, Воробьёв, как развешивать уши! На воду надо было смотреть, на воду!

Смятый сознанием собственной вины, Костя стоял перед Федей опустя голову. Упрёки были справедливы, хотя ведь петеэровец— не ребёнок. Как он мог дать схватить себя и перетащить на тот берег? Или спал, или добровольно ушёл с фрицами. То есть не совсем добровольно, а скис, когда на него наставили оружие. Боясь за свою жизнь, не поднял тревоги. Но, может, было и не так, а как-то по-иному. Всё равно Костина вина есть, раз украли петеэровца на участке их роты.

— Делай выводы, Воробьёв,— сказал на прощание Федя.

Старшина принёс и раздал бойцам погоны. В армии вводились новые знаки различия, и пусть все знали об этом уже давно, погоны стали бы в этот день предметом оживлённого разговора, не будь злополучного петеэровца. Теперь вторая рота только и говорила, что о ночном происшествии.

— Может, его не украли вовсе,— сказал Васька,— Может, заболел человек и лежит где-нибудь под берегом. Надо бы посмотреть.

— Да уж смотрели, кому это положено,— возражали Ваське.— Был уже тут один из особого отдела.

— Гущин был. Я думал: чего он ходит?— догадался Костя.— Ребята, как же так получается? А если всех нас поодиночке перетаскают таким манером?

— Всех вряд ли,— заключил Васька.— А тебя уволокут. Да что говорить! Сегодня чуть не украли. Уши развесил.

— Чуть— не считается,— сказал Сёма.

Следующей ночью у самой воды сапёры ставили рогатки и минные поля. На той стороне снова играл баян, и фриц напевал «Катюшу». Но на этот раз дозорные уже не переговаривались с ним, а зорко вглядывались в противоположный берег.

И кто-то из дозорных заметил выросшую над вражеской траншеей фигуру, и в ту же секунду ударил по ней автомат. Но фигура как стояла, так и осталась стоять. А в ответ на новую автоматную очередь из-за реки опять донеслось:

— Рус! Что есть дер-мо? Вас ист дас?

Когда же рассвело, бойцы увидели на берегу воткнутое стволом в землю противотанковое ружье, а на нём тёмно-зелёную каску петеэровца. И после этого ни у кого уже не осталось сомнений в судьбе пропавшего красноармейца. Значит, всё-таки выкрали!

И, конечно, было обидно нашим ребятам. Мало того, что уволокли человека, да ещё и издеваются. Но обида— обидой, а что сделаешь, чем насолишь фрицам? Из окопов они не вылазят, разве что попрыгунчик, и тот что-то перестал резвиться. А в окопах их не сразу достанешь и снарядами,

и минами. Да и наша артиллерия не всегда ввязывается в перестрелку. Наверное, тоже накапливают силы.

Один из бойцов попытался было стрелять по каске, чтобы сшибить её, но его остановили. Первое дело — всё равно не сшибёшь, другое — каска-то хоть на той стороне, а наша она, советская.

Гущин снова пришёл во вторую роту. Долго смотрел в бинокль на вражеский берег. И спросил:
— Глубок ли Миус? Есть ли брод?

Этого никто в роте не знал. Но высказывали предположение, что сейчас, при подъёме воды, Миуса не перейти. А Васька Панков заметил:
— Не собираетесь ли сходить к фрицам?
— Собираюсь.
— А если я схожу?

Гущин насмешливо посмотрел на Ваську:
— Струсишь.
— Ни к чему мне, а то бы смотался.

Проходили дни и ночи, а ружьё с каской всё стояло на том берегу Миуса. Артиллеристы уже считали его за ориентир.
— Позор наш стоит, — отворачивался от него капитан Гладышев.

Костя снова находился в дозоре. И ночь, как назло, была опять тёмная, и порывистый ветер туго бил в лицо. А фрицы пускали ракеты, и после каждой из них на какое-то время глаза совершенно слепли. С тем бóльшим напряжением вглядывался Костя в правый берег. И вот из мрака снова выступила островерхая Саур-могила, помнящая Игоря и храп половецких коней на Диком поле. А может, не было у Кости ни детства, ни школы, и Костя воюет ещё с далеких Игоревых времён?

Но если есть память у кургана, то какою же она должна быть у человека! И Костя помнит до мелочи всё, что случилось с ним. Прошлое постоянно живёт в нём.
— Везёт же мне, — вслух подумал Костя. — Опять темень кромешная.

Тревожно было Косте. Поэтому он очень обрадовался, когда вскоре к нему пришёл Васька. Сел рядом и молча, неподвижно, как идол, наблюдал за правым берегом. Противник ничем не выдавал своего присутствия. Было так тихо, что Костя и Васька слышали, как на том берегу плескалась вода о корягу.
— Спит, наверно, солист. И видит во сне свою паршивую Германию. Ему бы в окоп сейчас гранату! А? Не успел бы очухаться, как явился к Господу Богу.
— Тише.
— Не украдут — не бойся. Кого нужно было, того уже увели… Не завидую я тому петеэровцу. Сидит теперь где-нибудь в фашистском лагере на баланде. Если, конечно, не расстреляли. А кругом колючая проволока, пулемёты да овчарки. Не убежишь!.. Хотя в любом положении можно что-то придумать…
— Бегут ведь. И линию фронта переходят.
— Берег-то наш минирован? — спросил Васька.
— Не знаю. Лазили тут сапёры. А чего тебе?
— Да так. Может, я хочу смотаться к фрицам.
— Не дури, Васька. Убьют. Ты с ума сошёл!.. Иди-ка лучше спать, — посоветовал Костя.
— А ежели мне тут нравится? — медленно проговорил Васька.
— Слушай, я подниму тревогу. Я на посту и не имею права!.. Ну тебя же свои подстрелят!..
— Не подстрелят. Я поплыву тихо-тихо. А будет шибко невпроворот — прикрывай огнём.
— Не надо, Вася. Я даю выстрел, — с холодной решимостью сказал Костя. — Нам обоим отвечать придётся. Перед трибуналом.
— Ладно. Я отвечаю сам за себя. Заткнись!
— Стой!

Васька скользнул вниз, к реке. А Костя догнал его, схватил сзади за ворот гимнастёрки:
— Тут мины!..

Васька осел. Он долго молчал, тяжело дыша, а потом сказал с болью:
— Думаешь, я…
— А я ничего не думаю! — сурово проговорил Костя.

Васька скрипнул зубами, нехорошо рассмеялся. И, сразу посерьёзнев, сказал:
— Фашиста я вот этими руками… А как ходит к ним в окопы разведка?
— Разведка не самовольно идёт. Её посылают. К тому же она не одни сутки готовит поиск.
— Ладно, уговорил. Тогда я попробую храпануть, — Васька нырнул в ход сообщения и пропал во тьме.

Напрасно Костя вслушивался в чуткую, загадочную тишину: он ничего больше не услышал. А время шло медленно. Косте казалось, что его уже давно должен был сменить Петер.

Васька ушёл. Может быть, спит уже. И надо только додуматься — в одиночку плыть к врагу. Да это же верная гибель! А что, если Васька хотел бежать к немцам? Ваську обидели, он сидел в тюрьме, был штрафником… Но тут же Костя отогнал от себя эту мысль. Нет, Васька не такой. Он и нахулиганит, и ругаться может, как извозчик. Но изменить Родине? Нет! И если уж на кого обижаться Ваське, так только на себя, что, как мышь в мышеловку, попался в засаду вместе с контрабандистами.

Сзади послышались тяжёлые шаги Петера. Он подошёл, продирая заспанные глаза:
— Ну что тут?
— Всё нормально.
— Васька-то был с тобой? — спросил Петер.
— А ты где его видел?
— Да он только что мне попался.
— Мы с ним покурили, и он ушёл, — подавляя тревогу, ответил Костя.
— А вроде он мокрый…

Устраиваясь в землянке спать, Костя почувствовал под рукой что-то гладкое и холодное. Поднёс громоздкий предмет к самому носу, стараясь разглядеть. Да это же аккордеон! Откуда он взялся? Может, кто принёс из ребят? Но во взводе не было музыкантов, да и кто доверит кому такое богатство?
— Окопчик у самого берега и — никого, — всё ещё дрожа от холода и возбуждения, рядом зашептал Васька. — А музыка лежит, прикрытая каким-то тряпьём. Вот и взял, а плыть с нею — одно горе… Тихо у фрицев. А ружьё еле выдернул. Потопил, и каску тоже. Там… — и он кивнул в сторону реки.
— Давай спать, — Костя боялся, что их разговор могут услышать.

На переднем крае по-прежнему было тихо, словно всё онемело и вымерло.

Александр Сигида

Вместо репортажа

● ● ●

тают наши города
накануне долгой осени —
наступают холода
(в роковом многоголосии

догорает огород —
перелётные снимаются…),
разбегается народ…
телезрители свыкаются

с монотонной чехардой —
канонада да рыдания
(жить с технической водой
можно долго…) —
до свидания!

далеко видать с горы
(как не вспомнить здесь про Воланда);

из-за жажды и жары
притупилось чувство голода.

● ● ●

месяц не было связи —
ни грошей, ни воды
(выбирались из грязи,
как Москва из Орды)

ни к чему разговоры —
ложь ловили на слух…
(узаконить поборы
за войну и испуг?!)

оправдавшие напад —
снова точат клинок
(ляжет Солнце на Запад,
если встанет Восток).

● ● ●

светлой памяти А. А. Гизая,
погибшего 2 июня 2014

там — на картинках — красивые горы,
гордые профили дремлющих скал
(тут — бесконечное личное горе
и бесконечный смертельный оскал).

головы молча склоняя над гробом,
нам остаётся продолжить борьбу
(звонкий салют отзывается громом
сопровождая жизнь и судьбу).

вот и дожили до грозного часа —
к нам возвращается время потерь…
(горы Афгана и степи Донбасса
соединились навеки теперь.)

● ● ●

здесь не сено а манна
застилая лиман
солнце в сети заманит
серебристый туман

утро тянет волынку
но блеснули лучи
и прохладную дымку
заключают в ночи

так приветствуя просинь
переливами рос
входит в раннюю осень
золотой сенокос

Марат Валеев

Сбежал парнишка на войну…

Очерки о ветеранах

Астафьев называл её сестрёнкой

Если честно, то брался за этот очерк с некоторой неуверенностью. Ну как можно в небольшом газетном материале рассказать о жизни человека, судьба которого могла бы лечь в основу по меньшей мере повести? И всё же попытаюсь. Тем более что человек этот, Галина Георгиевна Суевалова, ветеран не только педагогического труда, но и Великой Отечественной войны, семидесятилетие Победы в которой мы нынче отмечаем.

В её трудовой книжке единственная запись о приёме на работу, сделала она в 1944 году в Илимпийском роно Эвенкийского автономного округа. И более полувека Галина Георгиевна, за исключением нескольких месяцев, трудилась на одном мете, в Туринской средней школе. Она вела начальные классы, а значит, для сотен и тысяч эвенкийцев осталась первой учительницей, для которой в памяти бывших её учеников существует особый уголок, куда, кроме Галины Георгиевны, никто не вхож. И где бы ни находились её ученики, они всегда помнят, что есть на этой земле их первая учительница, помогшая им преодолеть первую ступеньку на крутой длинной жизненной лестнице. Ведь Галина Георгиевна учила их не только читать-писать, слагать и умножать, но и основам гражданственности, законам общежития, добру и справедливости.

При этом далеко не каждый из них знал, что с самой Галиной Георгиевной судьба обходилась по-доброму не всегда. Начать хотя бы с того, что росла она сиротой. Возможно, где-то и были её родители («Я уже позже как-то выясняла, что вроде они есть у меня, и даже имена их мне назвали»,—с грустью говорила мне Галина Георгиевна), но крохотная девочка, с трёх лет очутившаяся в одном из украинских детприёмников, ничего о них тогда не знала и не могла знать. Время-то было какое: совсем недавно окончилась Гражданская война. Повсюду разруха, голод, страна наводнена косяками бродяг, беспризорников. Может, родители подкинули её, может, погибли. Кто это сейчас знает?

И с тридцатых годов Галя Ус (Галина Георгиевна и до сих пор не уверена, что это её подлинные имя и фамилия: может, ей их дали в детприёмнике, а может, всё же была при ней какая-то записка, когда она оказалась в нём) начала скитаться по детским домам. Скитаться потому, что не могла долго прожить в каком-то одном из них.

Не нравились порядки в этих сиротских заведениях, не нравилось, как к ним, детдомовцам, относились в школах ученики из нормальных семей, не нравилось, что за место под солнцем, а вернее, за общим столом, за лучшую койку и далее—надо буквально драться. Не нравились однообразная и скудная еда, нищенская одежонка, не нравилась жизнь по команде… И она периодически сбегала.

Скиталась по стране, переезжая с места на место то под лавкой пассажирского вагона четвёртого класса (там народ попроще ездил, бедный, но добрый, хлебцем мог угостить, куском жёсткого сала), то на заплёванной, замусоренной подсолнечной лузгой палубе парохода, опять же в третьем или четвёртом классе.

Пробавлялась тем, что подавали, что удавалось самой стянуть у зазевавшейся торговки на базаре. Один раз её подобрал цыганский табор: смуглую, с распущенными волнистыми волосами девочку тот бродячий весёлый народ принял за свою. Кочевала с ними месяца три, пропахла дымом костров и окончательно прониклась духом свободолюбия и независимости. Но девочку у цыган отняли милиционеры, повсюду охотившиеся за беспризорниками, и снова поместили в детдом.

На этот раз аж в Игарский. Там Галя Ус провела несколько лет, вплоть до юношеского возраста. Чем запомнилась Игарка, вернее, детский дом? Да тем же самым: вечным недоеданием, постоянной борьбой за самоутверждение (Гале за её ершистый характер дали прозвище Гайчи—по имени героя популярного в те годы фильма «Гайчи» с похожей на её судьбой), унижениями и оскорблениями со стороны городских благополучных детей, с которыми в одной школе учились детдомовские. Их, отчаянных, с вечно голодным блеском в глазах, боялись и ненавидели, всегда ждали от «босяков» какой-нибудь пакости. Ну а раз относились к детдомовцам с презрением и боязнью, держали их на определённой дистанции, то и получали то, чего ожидали: поджоги, грабежи, даже убийства.

— Виктор Астафьев очень хорошо описал жизнь нашего детдома в книге «Кража»,— сообщает мне Галина Георгиевна.— Хоть он героям повести и дал вымышленные имена, но я всех узнала…
— Так вы с Астафьевым…
— Да, мы в одном детдоме были,— подтверждает Суевалова.— Более того, мы дружили!

Но об этом, как бы ни хотелось рассказать именно сейчас,— всё же попозже, по хронологии событий. А пока проследим судьбу Галины Георгиевны дальше. В конце тридцатых — начале сороковых годов детдом из Игарки перевели в Енисейск. Но здесь Галя надолго не задержалась. Началась война, и она со своей подругой Лизой Дмитриевой сбежала: девчонки, уже повзрослевшие и по горло сытые детдомовской житухой, решили податься на фронт. Хоть санитарками, хоть кем, только бы подальше от детдома. Украдкой забрались на пароход, думая, что он плывёт в Красноярск. А замызганная посудина пошлёпала в… Игарку.

Сошли они на пристани сто лет надоевшего им городишка. Куда податься? Был бы детдом на месте, хотя бы в него на первое время заявились — обогреться, поесть чего-нибудь. Небось, не прогнали бы их. А так — ну куда? Ни денег, ни пожевать чего, ни близких, кто бы их обласкал. Ну и пошли в горком комсомола: так, мол, и так. Мы такие-то, оттуда-то. Что посоветуете?

Им, конечно, посоветовали вернуться в детдом, то есть обратно в Енисейск. Но девчонки переглянулись, вспомнили тошнотное путешествие по Енисею и что их ждёт в конце его, и дружно затрясли головами: только не обратно. Тогда их решили всё же оставить в Игарке. Сначала дали направление на учёбу в ремесленное училище. Но девчонки как увидели, что там одни пацаны,— ходу назад. А в Игарке только-только образовывалось педучилище. Вот туда и определили подруг. Причём, что за «пед»-училище, их не интересовало — главное, что там были одни девчонки.
— Ну вот, закончила я подготовительное отделение, приступила к занятиям,— вспоминает Галина Георгиевна.— И только тут узнала, что из нас будут готовить учителей. Откуда же мне было тогда знать, что педагог — это и есть учитель! Ну не было в нашем лексиконе такого понятия. Сразу испугалась: какая из меня учительница? Я же всю свою жизнь, сколько помню себя, была бродяжкой, босотой, хулиганкой детдомовской, наконец. А тут нá тебе — учительница. Это чему же я могла бы учить детей? Ну нет, думаю, это не по мне…

И Галя в очередной раз — в чём была, в том и удрала. Ей это делать было не привыкать. Ушла в тайгу. Попала к лесорубам. Те её отогрели, накормили, ну и, конечно, сообщили в город. На деляну приехал (благо от города всего в пяти километрах) милиционер верхом на лошади. Подсадил её к себе в седло и отвёз обратно в училище. Как Галю отругали в тот раз директор училища Андриан Семёнович Воронин и его супруга Ксения Ивановна! Они ведь приняли в судьбе этой непоседливой девчонки самое прямое участие, взяли её даже без экзаменов, надеясь вывести в люди. А она такое отмочила.

Проняло Галю до самых печёнок. И стала она учиться — прилежно, настойчиво. Её в свободное от занятий время принимали у себя Воронины. Галя оттаивала в уютной, незнакомой ей домашней обстановке, пыталась что-то делать по хозяйству, ухаживала за только что появившейся в этой семье крохотной дочкой. Она и по сей день благодарна Ворониным за их доброту, участие.

Начинались каникулы — все студенты разъезжались и расходились по домам. Только у Гали никого и нигде не было; даже у её подруги, такой же детдомовки Лизы, объявился в Игарке родственник, и она уходила к нему. А Галя оставалась в городе, работала, чаще сторожем, и жила в сторожках же различных предприятий города. До начала занятий. И снова садилась за парту.

В 1944 году она окончила училище. Ей дали направление в Ванавару, стали оформлять документы. Понадобилось выписать паспорт. А у Галины не оказалось ни свидетельства о рождении, ни каких-нибудь других документов, подтверждающих её возраст. Тогда собрали медкомиссию, которая и определила на глаз, что Гале исполнилось девятнадцать — хотя ей, конечно, могло быть и годом-другим меньше или больше. С этой справкой она и пошла в паспортный стол.
— А там старичок такой сидел, добрый, участливый,— вспоминает Галина Георгиевна.— «Доченька,— говорит,— ну ладно, год мы тебе запишем. А как быть с числом? Да и отчества у тебя нет».— «Не знаю»,— пожимаю я плечами. «Ну ладно,— вздыхает тогда он.— Какое у нас сегодня число? Тридцатое апреля. Так и запишем: дата рождения — тридцатое апреля тысяча девятьсот двадцать пятого года, раз тебе девятнадцать. Ну а с отчеством как быть?» Сообща мы решили, что в сочетании с моим именем хорошо будет звучать «Георгиевна». Так и записали…

Наконец паспорт на руках, на дворе — нежаркое северное лето. Пора и в путь, в неведомую ей Ванавару. Галина села на пароход «Мария Ульянова», на нём же плыли в Туру выпускницы училища Надежда Комбагир, Каплина, Безруких, был среди пассажиров и секретарь Эвенкийского окружкома партии В. Н. Увачан. Вот на него-то и насели девчонки: давайте, Василий Николаевич, ссадим Галину в Туре. Ну куда, мол, она одна поплывёт в Ванавару, как доберётся? Как там одна будет жить, никого не зная, да ещё с детдомовским прошлым? Вдруг попадёт в какую-нибудь дурную компанию — пропадёт же.

Так и ссадили её в Туре. Илимпийский роно направил свежеиспечённую выпускницу в Тутончанскую начальную школу. Галина поплыла туда на катере. По дороге познакомилась со стариком-шкипером и помогавшей ему внучкой. Долго ли, коротко ли плыли, но вот и Тутончаны. На берегу катер поджидала строгого вида женщина — Галина каким-то внутренним чутьём поняла, что это и есть заведующая школой, в подмогу которой её направили.

— С вами должна быть учительница. Где она? — спросила заведующая.

— Да вот же, встречай, — подтолкнул к сходням Галину старик.

Заведующая с недоумением посмотрела на худенькую девчонку, одетую в потрёпанные шаровары и куртёшку, перевязанный бечёвкой фанерный ящичек в её руках (там Галина держала тетради, учебники, которые ей выдали в роно). В общем, выглядела она далеко не презентабельно.

— Ну вот! — фыркнула женщина и поджала губы. — Какую-то шпану мне прислали.

Галю как будто ошпарили. В ней разом вспыхнула обида на весь белый свет. Мало она вынесла в детдомах, мало её оскорбляли за все эти сиротские годы. И вот только-только почувствовала себя человеком, специалистом с образованием — и всё начинается сначала.

Она чуть ли не на колени бросилась перед старым шкипером:

— Дедушка, забери меня отсюда, ради всего святого! Возьми лучше к себе на работу, всё буду делать, только не оставляй здесь!

— Да как можно, девонька? — забормотал старик, гневно косясь из-под лохматых бровей на бестактную заведующую, всё ещё стоящую на берегу. — Нельзя! Раз тебя направили сюда — здесь и должна работать. А то, неровён час, припишут дезертирство с трудового фронту и посадят. Война ведь идёт, каждый должен быть на своём месте и блюсти дисциплину.

Но Галя плакала и стояла на своём. Заведующая молча повернулась и ушла.

— Так тому и быть, — вздохнул шкипер. — Оставайся. Будешь за внучку работать — ей всё равно в школу идти…

И Галя взяла на себя роль матроса: мыла палубу катера, помогала причаливать его, готовила нехитрую снедь. Катер мотылялся с почтой, какими-то грузами между старым и новым Туруханском, туда-сюда, туда-сюда. У Гали было покойно на душе: ну что ж, не мечтала она стать учительницей — и не стала. Ей и так хорошо. А что будет дальше, её как-то не интересовало. Возраст был не тот, чтобы всерьёз задумываться о будущем.

А её, оказывается, искали: тревогу забили в роно, забеспокоился В. Н. Увачан. Во все концы, куда могла забраться беглянка, полетели запросы. И в один из ненастных сентябрьских дней катер, приплывший из нового Туруханска в старый, на берегу поджидал милиционер.

— Ус Галина?

— Да, — испуганным воробушком подпрыгнуло сердце у Галины.

— Следуй за мной.

Ночь Галина провела в кпз. Утром пришла какая-то женщина, попросила дежурного милиционера оставить одних и заговорила с затравленно смотревшей на неё девушкой. Это была заведующая Туруханским роно. Она говорила негромким, каким-то проникающим до самых глубин девичьей души голосом о том, что нельзя жить одним днём, надо думать о будущем. А оно у Гали впереди только хорошее, всё дурное, связанное с детдомовской жизнью, позади. Теперь только от самой Галины зависит, как повернётся её судьба, она уже взрослая и сама в состоянии отвечать за себя, за свои поступки.

В общем, оказалось, что завроно знает про Галю практически всё, и предложила ей остаться работать в местной школе. Но сказала: будет всё же лучше, если Галя вернётся туда, куда её направили, и докажет неприветливо встретившей её заведующей Тутончанской школой, что она — не «шпана», а такой же советский человек, как и все, более того — она специалист и сможет учить детей.

Галя оттаяла, проплакалась, и на следующий день катер вёз её уже в Тутончаны (как раз в те края нужно было везти почту). На этот раз никто её на берегу не встречал. Она тепло распростилась со старым шкипером и пошла в село, навстречу своей судьбе. Расспросила у первой встреченной ею женщины (впоследствии матери её ученицы Оли Май), где школа, пришла туда, нашла заведующую.

Та встретила её обрадованно и в то же время смущённо. Они долго проговорили, Галя всё рассказала о себе, и заведующая, едва сдерживая слёзы, самым искренним образом попросила у новой учительницы прощения.

А занятия уже шли вовсю. Галине дали сразу два класса. Но вот появиться перед учениками ей было не в чем: не в шароварах же идти на первый урок? В магазине — хоть шаром покати, ни одного лоскутка материи. Да и от Галининых двухсот рублей, выданных в училище на дорогу, уже почти ничего не осталось.

Весть о том, что приехала новая учительница, бывшая детдомовка и едва одетая, быстро распространилась по Тутончанам. Жалостливые бабы выменяли на продуктовый талон у кого-то кусок белого шёлка, выкрасили его синькой и сшили для Галины платье. Вот в нём она и пришла на первый урок.

Так началась её учительская работа. Жила в школе, спала на раскладушке, после занятий бегала

в клуб. Была она бойкой, энергичной, на неё навалили массу поручений: и комсоргом-то она стала, и библиотекой заведовала, и по профсоюзной линии заворачивала. Галину заметил Василий Суевалов, молодой заготовитель пушнины. Дело молодое, закрутили они любовь — да и поженились.

Галя была уже беременной, когда Василию пришла повестка из военкомата: война-то ещё шла. Поплакала Галя, проводив молодого мужа в Туру, да и осталась одна. Но кручиниться было некогда, она и до этого крутилась как белка в колесе, а тут ещё заведующая школой, почувствовав слабину (половину работы в школе, если не больше, взяла на себя новая учительница), начала варить дома бражку да попивать. Естественно, занятия она периодически пропускала, и Гале приходилось вести все четыре класса, да ещё и интернатом заведовать. Как только её на всё хватало?

И тут Василий передал Галине записку: его по брони оставляют в Туре, в райкоме комсомола. Потому и жить им надлежит там. В Туре молодая семья поселилась в каком-то сарае. Василий прорубил в стене несколько окон, утеплил — и квартирка была готова. На работу Галина пошла в среднюю школу. Все преподаватели были в основном преклонного возраста, люди, много повидавшие на своём веку, добрые, участливые. Галину приняли как в родную семью.

— Господи, я же ничего не умела тогда! — всплёскивает руками Галина Георгиевна. — Если как у учительницы у меня ещё что-то получалось, то житейского опыта — никакого. А тут дети пошли. Я с первой дочкой не знала что делать, не умела её ни пеленать, ни остановить плач. К свекрови стыдно было обращаться (вот, скажет, неумёха какая, хотя она ко мне и хорошо относилась), так я за советами всегда обращалась к работницам школы. Они посмеются, добро так, да буквально на пальцах объясняют мне, что и как надо делать. Никогда не забуду их доброты ко мне, бескорыстной помощи. Если из меня что-то и получилось — как человек, как педагог, так это только благодаря коллективу Туринской средней школы…

В Туре Галина вела младшие классы, затем ей поручили вести русский язык и литературу ещё и в вечерней школе. Сюда же она погнала и мужа Василия: «У тебя всего семь классов, тебе надо расти, и среднее образование — обязательное условие для дальнейшего продвижения по работе». И действительно, после получения среднего образования Василий Григорьевич был направлен в Высшую партийную школу, после чего многие годы возглавлял Эвенкийский окрисполком.

Галина Георгиевна очень скоро почувствовала вкус к своей работе, ей всё удавалось. Учила она ребятишек хорошо, доходчиво, с выдумкой. За все годы работы в школе от руководства ни разу не получила не то что выговора, а даже внушения. Напротив, её всегда отмечали как одну из лучших преподавательниц. Побывавшие на одном из её уроков инспекторы из Министерства просвещения сказали, что она талантлива, и посоветовали направить её на дальнейшую учёбу. Так и сказали: «Эта девочка — настоящий самородок». А услышав в ответ: «У этой девочки уже четверо дочерей», — не поверили. Но так оно и было.

— Ну куда бы я поехала от них учиться? — вопрошала меня Галина Георгиевна. — Да к тому же ещё Василий находился в партшколе…

И всё же она окончила годичные курсы в Ленинградском пединституте имени Герцена, и с новыми силами и знаниями продолжала свою плодотворную работу. Ей присвоили звания: сначала «Отличник образования», потом «Заслуженный работник просвещения РСФСР», награждали медалями, вручили в общей сложности свыше шестидесяти грамот. Но она не зазнавалась, не переоценивала себя, а продолжала оставаться такой же — добросовестной, требовательной к ученикам и себе. Учила их, училась и сама, год от года совершенствуя свои навыки и способности. О ней написали в «Известиях», дали фотографию. Со всех концов страны посыпались письма, в которых восхищались ею, её судьбой, кое-кто признал в ней даже родственницу.

— Нет, родственников у меня так и не нашлось, — вздыхает Галина Георгиевна. — Так и осталась я без роду-племени…

Но тут она явно несправедлива к себе. Пусть не родной, но близкой её считают сейчас не только в Туре, но и далеко за пределами Эвенкии тысячи её учеников, многие люди, которые прошли через её судьбу.

Сестрёнкой её называл ныне признанный классик русской литературы Виктор Петрович Астафьев, а тогда такой же воспитанник Игарского детского дома.

— Мы сдружились-то не сразу, — продолжает Галина Георгиевна. — Витька — он был ведь какой-то поначалу нелюдимый. Всех сторонился, всегда ходил с какой-нибудь книжкой в руках или за поясом. На уроках читал, в столовой читал, в красном уголке читал. Само собой, всё, что рассказывали учителя, пропускал мимо ушей. А когда вызывали к доске, часто не мог ответить. Ну и его оставили на второй год в пятом классе. Вот здесь мы и стали с ним одноклассниками…

Отличница Галя не могла позволить себе, чтобы понравившийся ей парнишка был отстающим. И она с благословения классного руководителя взяла над Виктором шефство. И стала постепенно подтягивать его по математике, русскому языку — да-да, у будущего знаменитого писателя были существенные проблемы с этим предметом. Зато по литературе Астафьев сам мог подтянуть кого хочешь: быстро перечитав все интересующие его

книги в небогатой детдомовской библиотеке, он при поручительстве директора детдома записался в городскую, где выбор был уже намного побогаче.

— Непросто было с Витькой: он ведь продолжал оставаться парнем очень ершистым и независимым, часто сбегал с уроков, от меня,— улыбается Галина Георгиевна.— А сбегал-то куда, оказывается: в лес или на Енисей! Он же вырос в таёжной местности, на реке, и очень тосковал по природе. А в Игарке до леса надо было ещё добраться— здесь же кругом тундра. И вот возвращается потом, на следующий день, просветлённый такой, послушный. И мы снова начинали с ним зубрить уроки.

Настойчивое шефство Галины не прошло даром: пятый класс Виктор Астафьев закончил лишь с одной тройкой. Правда, всё по нему же, по русскому языку. Наверное, это Господь распорядился так, чтобы он уже потом, спустя многие годы, смог с лихвой вернуть свой долг перед «великим и могучим» в виде своих замечательных и неповторимых произведений, так обогативших русскую литературу. В том числе и повести «Кража», в которой Астафьев подробно расписал свою детдомовскую жизнь и жизнь своих сверстников в Игарке, все те опасные приключения, порой заканчивающиеся для пацанов весьма драматично.

Галя Ус и Витька Астафьев расстались в 1940 году: шестнадцатилетним парнем он вернулся в родную Овсянку, где от родного гнезда уже почти ничего не осталось. А Галя продолжала жить и учиться в Игарке вплоть до 1944 года.

Бывшие воспитанники Игарского детского дома встретились через много лет после того, как расстались,— в 1986 году. Здесь, в Туре.

Впервые о нём как о писателе Галина Георгиевна услышала из лекции заезжего литератора ещё в шестидесятые годы. Он назвал его подающим большие надежды писателем, воспитанником Игарского детского дома.

— Я как услышала это да его имя, всё во мне и всколыхнулось: да это же наш Витька!— с волнением вспоминает Галина Георгиевна.— Я уже к тому времени и думать о нём забыла. А тут на́ тебе: писатель! Это Витька-то, с которым, как со второгодником, мучились воспитатели и учителя, который всегда сбегал куда-то— то в тайгу, то к озеру, где мог разговаривать с травинкой какой-нибудь, с птичкой, петь сам себе во всё горло? Витька, которого все считали немного не в себе,— и писатель? Вот ведь какие фортели выкидывает судьба!

Всё ещё не веря, Галина Георгиевна написала Астафьеву, напомнила о себе, привела такие подробности из детдомовской жизни, которые могли знать только его воспитанники. И получила ответ: «Да, Галенька, это я. И тебя помню. Нам надо обязательно увидеться!» Так Астафьев, не дождавшись, когда Галина Георгиевна сама выберется в Красноярск, прилетел в Туру. Эта встреча была не для слабонервных: два пожилых уже человека, заключив друг друга в объятия, то плакали, то смеялись, называли друг друга уже забытыми детдомовскими кличками…

А потом было много неспешных разговоров. Виктор Петрович приехал в Туру на целый месяц вместе со своей женой Марией Семёновной Корякиной, чтобы можно было и вдоволь пообщаться с подругой интернатского детства, и отдохнуть. Их сопровождал известный эвенкийский писатель Алитет Немтушкин, к которому В. П. Астафьев питал самые тёплые чувства.

Они за этот месяц несколько раз выезжали на рыбалку на знаменитые эвенкийские водоёмы (затем впечатления от этой поездки легли в основу знаменитого астафьевского очерка «Вечно живи, речка Виви!»).

Писатель также провёл ряд читательских встреч в учебных заведениях, производственных коллективах Туры. И конечно, в промежутках между всеми этими делами он общался со своей «сестрёнкой», подарил ей несколько своих последних книг с дарственными надписями, именуя себя в автографах «детдомовским братом» Галины Ус.

«Ишь, как ты шикарно живёшь!— удивлялся Астафьев, расхаживая по четырёхкомнатной, обставленной импортной мебелью квартире Суеваловых.— Прямо как королева! А вот я победней тебя буду. Да вот приедешь ко мне, сама увидишь». При этом писателя ничуть не смущало, что «удобства» жилища председателя окрисполкома находятся, как и у подавляющего большинства туринцев, во дворе. Его вообще трудно было чем-либо удивить, потому что, плоть от плоти своего народа, за свою жизнь он видел и прошёл такое, что иному и в кошмарном сне может не привидеться.

Но однажды он всё-таки удивился, или, скорее, разочаровался. Когда узнал, что Галина Георгиевна является членом партии (отношение писателя ко всему советскому, ну или, во всяком случае, к тому, что затем было обозначено обидным словом «совок», широко известно).

«Ну и дурочка!»— безапелляционно заявил Виктор Петрович, когда они остались одни— при Василии Ивановиче Суевалове, убеждённом коммунисте, он такие разговоры старался не заводить. «Ну почему же?»— обиделась Галина Георгиевна. «Да как ты могла после того, что они с нашими родителями, с нами самими сделали, вступить в эту их… партию?»— «Ну как, я же в советской школе работаю, учу детей доброму, светлому. У меня вон сколько наград за мои педагогические успехи. Да и муж у меня глубоко партийный»,— пыталась возражать ему Галина Георгиевна.

Хотя убеждённость её несколько пошатнулась, когда Виктор Петрович рассказал, что, когда

работал над своей книгой «Кража», добился, чтобы его допустили к архивам, связанным с Игаркой. И нашёл там документы, свидетельствующие о том, что Галя этот период своей жизни провела недалеко от того места, куда, оказывается, из хутора Выселки близ Киева был привезён и затем расстрелян её отец, Пётр Дмитриевич Ус.

Это открытие потрясло Галину Георгиевну. Но в принципе она была готова к тому, что именно что-то такое и могло произойти с её отцом, как и со многими тысячами других отцов, дедов, матерей, бабушек. Время было такое, что уж тут поделаешь…

Когда Астафьев с женой уехали к себе в Красноярск, Галина Георгиевна осталась в Туре не только одной из самых преданных его читательниц, но и его полномочным представителем, пропагандистом его творчества. Она провела множество открытых уроков, встреч в различных учреждениях и организациях, на которых со всей силой своего преподавательского мастерства открывала перед слушателями невероятно глубокий и яркий мир произведений Астафьева.

А Виктор Петрович, в свою очередь, никогда не забывал о том, что далеко на Севере, в самом сердце России, живёт его названая сестра, звонил ей, присылал свои новые книги, с большой радостью открывал перед Галиной Георгиевной двери своей квартиры в Академгородке, когда ей удавалось вырваться на «материк». Он был потрясён, когда в её жизни одно за другим произошли большие несчастья. Умер от рака крови десятилетний внук; в тридцатитрёхлетнем возрасте угасла, как свеча, от рака желудка дочь Ирина (вспомним, что так же рано умершую дочь Астафьева тоже звали Ириной). Виктор Петрович сам купил Галине Георгиевне путёвку в санаторий и предложил ей съездить отдохнуть, оправиться от тяжёлой психологической травмы. Но жизнь продолжала испытывать Галину Георгиевну на прочность: в это же время свалился с инфарктом её муж, и, конечно, ни о каком отдыхе для неё не могло быть и речи. Она разрывалась между больницей, школой, где продолжала работать, и домом. И везде успевала — такой уж закалки и подготовки была Галина Георгиевна, что её хватало на всё и всех.

Не лучшие времена тогда переживал и Виктор Астафьев. Его резкие высказывания о власть предержащих, страшные в своей обличительной правдивости последние книги настроили эти самые власти, определённые слои читающего населения против него самого. Астафьева травили в красно-коричневой прессе. Депутаты Законодательного собрания Красноярского края мстительно отказали нуждающемуся в девяностые годы писателю (между прочим, лауреату множества литературных премий, Герою Социалистического Труда, бывшему депутату Государственной Думы, фронтовику, наконец!) в ничтожной доплате к пенсии.

Всё это да обострившиеся возрастные болячки и последствия фронтового ранения вели разрушительную работу в его организме. И в 2001 году сердце его перестало биться. Умер вскоре и муж Галины Георгиевны. Так она потеряла двоих своих самых дорогих мужчин, о которых скорбит каждый свой новый прожитый день.

Но это вовсе не означает, что Галина Георгиевна пребывает в чёрной меланхолии. Жизнь-то продолжается! И в ней ещё немало места для радостей. В 2010 году знатно был отпразднован её восьмидесятипятилетний юбилей, а в этом году грядёт уже девяностолетие, которое она встретит немногим раньше юбилея Великой Победы. Туринские власти позаботились наконец о том, чтобы квартиру заслуженного учителя РСФР, почётного жителя Эвенкии, ветерана тыла Великой Отечественной войны капитально отремонтировали и благоустроили, и у Галины Георгиевны хоть на склоне лет в доме стало по-настоящему тепло и появились сверкающие белизной новенькие ванна и, простите, унитаз! Это ли не радость для пожилой женщины!

Семьи её детей успешно справились с невзгодами перестройки, экономических кризисов, инфляций и прочих неприятных напастей новой России и живут очень достойно. У всех хорошее образование, хорошие должности (включая администрацию Эвенкийского района и правительство Красноярского края), приличные машины, успехи в бизнесе и прочие блага. А сколько её учеников стали уважаемыми, известными людьми! Только в Туре их — десятки. Ещё больше разъехались по белу свету и честно служат стране, народу. Как, например, генерал-лейтенант Александр Горовой, первые четыре класса отучившийся именно у Галины Георгиевны в Туре.

Все они любят и чтят свою первую учительницу, бывшую сироту и детдомовку Галку Ус, которую Виктор Петрович до конца дней своей жизни звал сестрёнкой…

Сбежал парнишка на войну…

Во все времена в лихую для нашей страны годину рядом со взрослыми защитниками Отечества старались встать с оружием в руках — и у них это получалось! — и подростки. Вот об одном таком юном герое, Володе Львове, с которым я познакомился в его уже зрелые годы в Эвенкии, и хочу сегодня рассказать.

Родом из Торопца

Есть в Тверской (Калининской) области древний город Торопец. Здесь с тринадцатого века существовала крепость, стоявшая на западной границе Смоленского княжества. Вся история

Торопца связана с бесчисленными отражениями нашествий литовцев, поляков, шведов, германцев, других захватчиков. Поэтому торопчане, или, как их раньше называли, кривичи, из поколения в поколение воспитывались в духе воинских традиций, готовности всегда дать отпор незваным гостям.

В роду у Львовых все мужчины — что прадеды, что деды, а также отец Володи, братья, — все в своё время стояли под ружьём, участвовали и в русско-турецких кампаниях, в первой империалистической и последующих войнах. Не один из этого рода сложил свою голову или получил увечье. В 1941 году настала очередь встать в ряды защитников Родины и юному, пятнадцатилетнему Володе.

Когда Молотов выступил по радио с известием о нападении на СССР гитлеровской Германии, почти всё мужское население Торопца пришло в движение: кто добровольно отправился в военкомат, кто уже с повесткой.

Дядя Володи, Василий Николаевич, был призван на сборы из запаса ещё восемнадцатого июня. И в первый же день войны лагерь запасников попал под жестокую бомбёжку. Люди, не успевшие даже надеть обмундирование, практически все погибли. В родной Торопец вернулись только двое из них. А вот отец Володи, Иван Николаевич, воевал в армии Катукова, был ранен, контужен, но вернулся домой с Победой и дожил почти до ста лет!

На фронт — босиком

Но вернёмся в тот грозовой сорок первый год. Когда все старшие мужчины из семьи Львовых ушли на фронт, то что же оставалось делать Володе? Он себя к службе в армии готовил с детских лет, даже в школу ходил во всём военном, перешитом на его рост, включая шинель вместо пальто.

Впрочем, не он один так ходил: жили в те годы торопчане скромно, носили что подвернётся, а обмундирование красноармейское в их городке было доступным — здесь стоял гарнизон, в котором и служил отец Володи.

Володя и с ним ещё парнишек пятнадцать, все непризывного возраста, собрались и отправились в военкомат. Их оттуда, конечно, попёрли: «Без вас обойдёмся, вам ещё подрасти надо!»

Тогда Володя сбежал из дома и прибился к стоящим на окраине Торопца артиллеристам, выдав себя за сироту. И удивительное дело — его не прогнали. Шустрый пацан (невысокий, босой) глянулся командиру 2-й батареи 1-го дивизиона 501-го гаубичного полка.

Володе нашлось дело как коноводу. Парень понравился теперь уже всем батарейцам — своей исполнительностью, дисциплинированностью. Новому бойцу и любимцу батареи даже справили не обычные кирзовые, а яловые сапоги.

У Володи появилась персональная лошадь для верховой езды, в обозе он нашёл бесхозную винтовку — мосинскую трёхлинейную, и хотя ростом юный солдатик был меньше своего грозного оружия с тускло поблёскивающим трёхгранным штыком сантиметров на десять, вид у него был довольно бравый.

В обязанности Володи Львова поначалу входили преимущественно хозяйственные работы: заготовка кормов для лошадей — а их на батарее было не менее сорока (120-миллиметровые гаубицы с зарядными ящиками — довольно тяжёлые агрегаты, потому каждое орудие тащили по восемь лошадей); также заготовка продовольствия для батареи, за которым он ездил на повозке вместе со старшиной по окрестным сёлам.

Разведка

Но не обошлось и без участия в боевых действиях. Под Великими Луками наши войска, что там были, после кровопролитных сражений попали во вражеское окружение. Беспрерывные бомбёжки, танковые атаки мало что оставили от 501-го артиллерийского полка. Гибли люди, гибли лошади, в железный лом превращались пушки.

Батарейцы рискнули отправить Володю Львова в разведку в деревню Михальки, к которой вышли остатки наших окружённых войск. Надо было пойти и разузнать, есть ли там немцы. Сняли с него шинельку, гимнастёрку, оставили в майке да гражданских штанах, найденных в одной из повозок. При виде этого щуплого подростка вряд ли кто мог заподозрить в нём разведчика.

Володя выбрался из оврага, в котором затаились бойцы, и пошёл в деревню. Немцы туда уже втягивались. Одному из них понравились сапоги на ногах парнишки, стоявшего в кучке сельчан на обочине дороги. Жестами, окриками: «Вэк! Вэк!» — он приказал Володе снять сапоги.

Парнишке очень жалко было расставаться со своей такой классной обувкой, и он, отрицательно мотая головой, попятился назад. Тогда немец что-то проорал, подскочил к нему и двинул кулаком в глаз. А много ли щуплому парнишке надо?

Очнулся он уже лежащим на земле, сапог на нём не было. Но они валялись рядом. Какая-то сердобольная бабка, заведшая его к себе в избу и сделавшая примочку к ушибленному месту, пояснила, что на того немца наорал другой, видимо, по чину постарше, отнял у него сапоги и бросил к ногам потерявшего сознание мальца. Так Володя и вернулся из разведки: в спасённых яловых сапогах, со сведениями о наличии немцев. И с огромным фингалом.

Уходящие на восток наши потрёпанные войска не стали выходить на занятые немцами Михальки и двинулись дальше по длинному оврагу, перешедшему в более пологий лог. Немцы их заметили,

бросили туда танки и вдребезги разбили остатки наших войск. А их в том злосчастном логе скопились не сотни, а тысячи — из остатков разных подразделений. Многих убили, но ещё больше взяли в плен.

В оккупации

Легко раненному в руку и голову Володе удалось схорониться в кустах. На этом его служба в артиллерии, можно сказать, закончилась. Он стал пробираться к себе домой, в Торопец. Проделав путь длиной километров в восемьдесят, обнаружил свой дом пустым. Только в одной из комнат нашёл деда.

Торопец был уже занят немцами.

— Все наши эвакуировались, — сообщил дед. — Тебя ждали, ждали, когда объявишься, да без тебя уехали. А я остался. Мне какая разница, где помирать? Лучше уж дома…

Володя то с дедом жил, то у соседей, у которых хоть поесть что было. А потом и мама его с младшими детьми и другими родственниками вернулась. Оказывается, поезда уже не ходили, и они пешком побрели с толпой беженцев на восток. Да только куда ни ткнутся — везде уже немцы хозяйничают. Тогда мама и решила вернуться домой.

Она отругала старшего сына за такую длительную отлучку — домочадцы уж и не знали, что думать. Не дай Бог, сгинул где от шальной или злонамеренной пули, тогда ж это запросто было. Володя уже не стал рассказывать матери, что успел за эти несколько недель повоевать.

И зажили они в условиях оккупации, когда и голодно было, и холодно, и боязно. Володя всё больше пропадал на улице со своими сверстниками. Их было пять или шесть пацанов, объявившим фрицам свою, малую войну.

Пацанская война

Они могли украдкой подсыпать немцам на кухне песок в варево, толчёного стекла в корм их лошадям, а то и кабель перерезать. Конечно, большого вреда немцам это не приносило. Но хотя бы беспокоило. А как-то пацаны раздобыли взрывчатку и хотели взорвать мост через реку Торопу. Но тут Володе Львову пришлось срочно бежать из города.

Полицай Фёдоров Василий Фёдорович невзначай увидел, как он перерезал телефонный провод Увидеть-то увидел, да не уверен был, что это именно Володя Львов, которого он знал. Полицай подслеповатым был, всегда ходил в каких-то синих очках. И потому он срочно пошёл ко Львовым с таким расчётом, что если парня дома нет, то это именно он и совершил диверсию. И останется только дождаться его возвращения.

Но Володя был резвее и знал путь к себе домой более короткий, чем по улицам. Когда полицай Фёдоров пришёл ко Львовым, Володя как ни в чём не бывало рубил во дворе хворост для домашней печи.

Полицай долго и с подозрением смотрел на Володю, казалось, вот-вот начнёт его обнюхивать.

Но он просто зло закричал:

— Это ты был, я знаю! А ну пойдём в комендатуру, повесить тебя надо за такие вредительские дела.

Ну, тут мать и дед Володи накинулись на полицая:

— Ты его с кем-то перепутал, Вовка сегодня никуда ещё со двора не выходил!..

Так и отбили своё непутёвое чадо от насевшего полицая.

Предатели от кары не ушли

Володин дедушка хорошо знал этого Фёдорова, они до войны в одном гараже сторожами работали. Иван Дмитриевич ещё тогда, когда Фёдоров только собрался в полицию идти, отговаривал его:

— Смотри, Василий Фёдорович, как бы не пожалел потом.

И ведь точно, когда наши пришли, Фёдоров прибежал к деду:

— Иван Дмитриевич, заступись, скажи нашим, что я вреда никому не делал. Вон и внука твоего не тронул тогда, помнишь? А ведь было за что, я точно видел, как он телефонный провод перерезал.

На что дед ему сказал:

— Я тебя предупреждал? Так что иди с Богом, а я тебя перекрещу.

И перекрестил его, понуро уходящего с их двора, в спину.

Фёдоров какое-то время скрывался по тайным местам в городе, но его выследили — многие ведь знали в небольшом Торопце, что служил он в полиции. А Фёдоров, когда за ним пришли, стал убегать. Ну и красноармеец, который за ним гнался, ударил его прикладом по голове, чтобы остановить. Да насмерть.

А самым главным полицаем в Торопце служил бывший начальник паспортного стола Васильев. Как он ни прислуживал немцам, они его с собой не забрали, когда уходили из города под натиском Красной Армии. Ну а когда наши пришли, Васильева этого повесили. Ни один предатель не миновал своей кары.

Но это я немного забежал вперёд. После того случая, когда полицай Фёдоров заподозрил Володю Львова во вредительстве немцам, за парнишкой был установлен негласный надзор. Володя это почувствовал и бежал из города. С ним ушла и его двоюродная сестра Анна — она приглянулась одному немецкому офицеру, тот стал приставать самым наглым образом и схлопотал от разгневанной девушки пощёчину.

Брат и сестра скитались по соседним деревням, прятались у родственников, которых, к счастью,

у них в этих местах было много. Вернулись в город уже после того, как немцев выбили.

А теперь—в партизаны!

Объявился и их сосед, Володя Стёпин, с винтовкой на плече. Сказал, что записался в партизаны. Назвал загоревшемуся тёзке и адрес, куда можно обратиться: в разместившийся с приходом наших войск в Торопце 4-й отдел НКВД по Калининской области.

Отдел этот специализировался на организации партизанского движения в тылу врага, диверсионной деятельности. Начальник, подполковник Котлов, выслушал явившегося к нему паренька, порасспрашивал, где и чем он занимался в последнее время, и сказал:
— Запишем тебя в истребительный батальон. Если знаешь ещё кого-то из надёжных ребят, приводи.

Месяц новоявленных истребителей учили разным премудростям диверсионной деятельности, а потом первую группу отправили в тыл врага—за сбором разведданных.

Сначала ушли шесть человек, потом, после успешного выполнения задания, ещё одиннадцать. Самая большая группа, вместе с которой Володя участвовал в рейде по вражеским тылам, состояла из сорока истребителей—парней и девчат.

Что они там делали, за линией фронта? Подрывали мосты, железнодорожные пути, выводили из строя связь, нападали на небольшие вражеские гарнизоны. Естественно, это доставляло немцам немало хлопот. И они всеми силами и средствами пытались найти эти диверсионные летучие отряды и их уничтожить.

Не было ни одного выхода в тыл врага, чтобы группы возвращались назад благополучно, без потерь. Но поставленные командованием задачи юные партизаны-диверсанты с честью выполняли: не давали немцам и их пособникам спокойной жизни, отвлекали на себя значительные неприятельские силы.

Так прошли 1942 и 1943 годы. В январе сорок третьего Львов вступил в комсомол и как бесценную реликвию, как главный документ своей жизни многие годы, практически до конца дней своих, хранил комсомольский билет за №15349596, выданный Кашинским РК ВЛКСМ Калининской области.

Первая медаль

В том же 1943 году приказом начальника Центрального штаба партизанского движения №3/н от 16 февраля 1943 года «за доблесть и мужество, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков» он был награждён медалью «Партизану Отечественной войны» II степени. В дальнейшей его жизни были и другие награды, но эта для Владимира Львова была самой памятной и дорогой.

Что же было потом? Немцев гнали всё дальше и дальше, на освобождённых территориях Калининщины и Псковщины партизанам больше делать было уже нечего. Взрослые влились в регулярные части Красной Армии и пошли с ними на запад, за Победой.

А мальчишкам и девчонкам, вчерашним участникам партизанского движения, надо было привыкать к мирной жизни, а главное—учиться, чтобы встать на место тех, кто ушёл на фронт и не вернулся.

У Володи была давняя мечта—стать лётчиком. Вот с этим он и пришёл в свой 4-й отдел НКВД, посверкивая новенькой медалью:
— Раз мне дальше воевать нельзя, дайте направление в лётное училище, летать хочу!

На крыльях мечты

После окончания школы младших авиационных специалистов Львов был направлен для прохождения дальнейшей службы в Австрию, где и летал. Правда, не пилотом, а стрелком-радистом.

Потом была служба в ЛИИ (Лётно-исследовательский институт, город Жуковский) ВВС, где испытывались различные типы самолётов, и должность у Владимира Львова, соответственно, называлась «воздушный стрелок-радист-испытатель». Всякое приходилось испытывать, и не только на самолётах, но и на себе: и горели в воздухе, и падали. И гибли, конечно, при этом.

Но ко Львову судьба была благосклонна, он уцелел на этой опасной службе и продолжил учёбу. И в конце концов добился своего: после окончания Балашовского авиационного училища сам стал пилотом, учил летать и других, поскольку его оставили в училище лётчиком-инструктором.

Впоследствии судьба распорядилась так, что Владимир Иванович после завершения военной службы работал в заполярной авиации, участвовал в становлении и развитии Туринского авиапредприятия в Эвенкии. А ещё он в это же время умудрился получить юридическое образование на юрфаке МГУ.

Сделал всё как надо!

После выхода на пенсию майор запаса Владимир Львов нашёл новое призвание—воспитание подрастающего поколения. Был военруком в Туринской школе-интернате и Туринской средней школе, преподавал в вечерней школе рабочей молодёжи.

Занимаясь обучением и воспитанием чужих детей, Владимир Иванович, конечно же, не забывал и о своих собственных. Его сыновья, Александр и Николай, как и отец, стали военными авиаторами.

Очень хотелось бы закончить этот очерк на мажорной ноте: что вот дожил ветеран до сегодняшних дней и нынче будет праздновать семидесятилетие Великой Победы, в достижение которой и он, совсем тогда ещё пацан, внёс свой вклад.

Однако семьдесят лет по нынешним меркам—это целый жизненный срок! Многие мужчины у нас, к сожалению, просто столько не живут. Конечно, Владимир Иванович прожил довольно большую и, можно сказать, счастливую жизнь. Но до сегодняшних дней он, увы, не дожил, как и многие другие ветераны Великой Отечественной войны.

Да, громких подвигов Владимир Львов не совершил. Но всё, что положено настоящему мужчине, он сделал: и Родину защитил совсем в юном возрасте, и в мирное время достойно ей послужил, и замечательное потомство после себя оставил. За что ему честь и вечная память! Дай Бог каждому так прожить…

Простите меня, дядя Вася…

На днях, выйдя на прогулку, увидел у соседнего подъезда карету скорой помощи. Дом у нас довольно большой, сто с чем-то квартир, и скорую во дворе можно увидеть нередко, особенно в такие вот межсезонные дни, когда погода никак не «устаканится», отчего метеозависимые люди очень страдают. Но чаще всего медики приезжали по вызову именно ко второму подъезду. Здесь, я знал, живёт единственный в нашем доме участник войны дядя Вася.

Он часто в погожие дни выходил на прогулки, но за территорию дома никогда не уходил, а быстрым шагом, бодро постукивая по асфальту тростью, делал несколько кругов по внутреннему периметру двора и усаживался отдыхать на скамью у своего подъезда.

Прошлой осенью я присел к нему, мы разговорились, вот тогда я и узнал, что Василий Иванович (он разрешил мне называть его дядей Васей) воевал, был на фронте шофёром, подвозил на своём грузовике снаряды артиллеристам, вывозил раненых, попадал под артобстрелы, бомбёжки, несколько раз был ранен, очень сильно контужен. Из-за этой контузии его, после лечения в госпитале, и списали вчистую за год до Победы.

Он вернулся в свой Иланский район, откуда уходил на фронт в 1941-м, с боевыми наградами и продолжил шоферить—до самой пенсии и ещё лет десять после выхода на неё. Женился, детей с женой нарожал, по-моему, троих. Когда пережил любимую супругу, старшая дочь забрала его к себе в город, вот в этот наш дом.

—Она у меня врач, и это благодаря ей я ещё жив,—покашливая и слегка подёргивая головой, рассказывал дядя Вася.—У меня уже два инфаркта было, доча оба раза вытаскивала, считай, с того света, спасибо ей…

—Дядя Вася, а давайте я про вас напишу,—предложил я Василию Ивановичу, сказав, что я журналист.—Только нам с вами надо будет немного подготовиться. Вы свой наградной пиджачок с орденами и медалями наденете (я нисколько не сомневался, что он у него есть), я диктофон и фотоаппарат с собой возьму, и мы с вами более подробно поговорим о вашей жизни. Хотите—я к вам домой приду, а можем и на лавочке вот так же посидеть.

И он вроде согласился. Но когда я в назначенный день и час вышел во двор и подошёл к лавочке, на которой (минута в минуту!) дожидался Василий Иванович, он огорошил меня неожиданным отказом более подробно поговорить со мной.

—Дочь запретила,—конфузясь, сообщил мне фронтовик.—Сказала, что мне ни в коем случае нельзя волноваться, а то сердце опять может… того…

Я, конечно, немного расстроился. Но понимал, что дочери-врачу, все последние годы «ведущей» своего немолодого (под девяносто лет уже), больного, израненного отца, виднее, что ему можно, а чего нельзя. А Василий Иванович, если начнёт вспоминать про войну более детально, чего я от него непременно стал бы добиваться, конечно, разволнуется, а там и до беды недалеко. Вон у него и так уже пальцы на рукояти трости стали мелко дрожать.

И я не стал ни диктофон вынимать, ни фотоаппарат расчехлять. Посидев с дядей Васей для приличия немного, вернулся домой. Но затею свою расспросить его более подробно не оставил. Решил, что спустя какое-то время, когда Василий Иванович подзабудет это несостоявшееся интервью, опять к нему подсяду с включённым в кармане диктофоном и постепенно, исподволь, выведаю недостающую для полноценного очерка информацию и всё равно напишу о нём. А когда распечатаю очерк на бумаге и дам ему предварительно почитать, тогда дядя Вася уже и сфотографироваться не откажется.

Но Василий Иванович всё не появлялся и не появлялся во дворе. Вот уже и Новый год прошёл, и непривычно тёплый февраль—самое время для прогулок!—перевалил за первую декаду, а знакомой слегка согбенной фигуры я так больше и не увидел.

И вот вчера увидел эту скорую и подумал: не к Василию ли Ивановичу она приехала? И спросил об этом на выходе со двора у охранника, вышедшего покурить из своей будки.

—Это который фронтовик, что ли?—позёвывая, переспросил охранник.—Так он помер, перед самым Новым годом. Вот так же скорая приезжала, только рано утром, как раз в моё дежурство. Да только зря: инфаркт у деда был обширный, говорят, не откачали. А к кому в этот раз скорая приехала, я даже и не знаю…

Не скажу, что я был потрясён,—мало ли пережил-перевидал смертей за свои шестьдесят три года, а эта была вполне ожидаема,—но очень

опечалился. Вот ещё одним участником великой, жестокой и кровопролитнейшей войны стало меньше. И я, к великому своему сожалению, не успел написать о Василии Ивановиче при его жизни — о том, как он крутил баранку на фронтовых дорогах, под свист пуль и грохот разрывов снарядов и бомб.

Как рвали его тело осколки вражеского металла, но он, оправившись от ран, снова садился за руль, но уже другой полуторки (прежнюю, безнадёжно покалеченную снарядом, списали). Как в мирной жизни он остался верен фронтовой профессии и наматывал на колёса машины десятки тысяч километров, развозя нужные для восстановления подорванного войной народного хозяйства грузы.

Как болели его раны и раскалывалась от ужасного гула и звона контуженая голова, когда менялась погода или когда кто его сильно расстраивал. Но он не мог валяться долго на койке — его гнали за баранку профессиональный долг и обязанность перед государством и семьёй, которую надо было кормить.

И хотя не было моей вины в том, что я обо всём этом не написал в очерке про дядю Василия Ивановича — так уж сложились обстоятельства,— всё равно я чувствую себя перед ним виноватым. Простите меня, дядя Вася! И пусть хоть эти скупые строки послужат памятью о вас, славном воине и неутомимом труженике фронтовых и мирных дорог…

Жили-были немцы…

Пролог

В Казахстане, где я прожил много лет, было полным-полно немцев, встречались даже сёла, население которых было сплошь немецким. Был у меня и друг-немец — Сашка Ляйрих (он ещё в восьмидесятые годы перебрался в Германию). Мы вместе росли, дрались, бывало, не решив какие-то мальчишечьи проблемы мирным путём, потом снова мирились. Ходили на рыбалку на Иртыш, совершали набеги на чужие огороды — чужой огурец всегда почему-то казался вкуснее. И я никогда не задумывался: откуда взялись в степях Казахстана немцы?

Лишь позже, повзрослев, многое узнал. И то, что сюда их переселили в годы войны с берегов Волги (без малого миллион!), и мне понятна стала причина постоянной печали в глазах отца Сашки — дяди Адольфа. Он был мобилизован отсюда же, из Казахстана, на трудовой фронт, рвал жилы где-то на лесоповале, получил там увечье. Он внёс свою долю, хоть и подневольную, в победу над фашизмом.

Но после войны его не приглашали ни на одно торжественное собрание по случаю Дня Победы, хотя на них чествовали даже чуть ли не последних лодырей в тылу, не говоря уже о фронтовиках. Те вообще косились на дядю Адольфа, по пьянке могли обозвать его и фашистом. А какой он был фашист? Тихий, непьющий и трудяга, каких мало. Но он был немец. И это во время войны и ещё много лет после неё помнили всегда — особенно люди злые, недалёкие. Это я сейчас понимаю. Как и то, что тогдашние правители нашей страны очень несправедливо отнеслись к этому честному и трудолюбивому народу — российским немцам, обжившим Поволжье более двух веков назад. Потом людей этих реабилитировали, как репрессированным назначили какие-то льготы. Справедливость как будто восторжествовала. Даже дяде Адольфу выдали медаль участника Великой Отечественной войны (помнится, в списке участников ВОВ, вывешенном в нашем сельском клубе в тот год, не помню уже каком, его фамилия была дописана последней, от руки), и его впервые пригласили на торжественное собрание по случаю Дня Победы. Розовощёкий школьник повязал ему на шею алый пионерский галстук, он резко контрастировал со смертельно бледным лицом дяди Адольфа. А по его изрезанной морщинами щеке текли слёзы… О чём тогда плакал дядя Адольф, тихо, по-мужски? Были ли то слёзы очищения и радости, или же плакал он по своей злой волей исковерканной судьбе? Наверное, я теперь этого никогда не узнаю. А мой сегодняшний рассказ — дань уважения и сочувствия к ним, к незаслуженно обиженным российским немцам.

В Блюменфельде

Жила-была в поволжском немецком селе Блюменфельд (в переводе — цветочное поле), в ста двадцати километрах от города Энгельса, большая семья Темпелей. Кроме четырёх взрослых душ — матери с отцом да бабушки с дедушкой,— в ней насчитывалось ещё семеро детей. Немцы здесь жили издавна, уже третью сотню лет. Своими трудолюбивыми руками они распахали и оплодотворили эти засушливые степи, в которых в летнюю пору дождя не бывало по три месяца. Выращивали богатые урожаи пшеницы, возделывали на поливных плантациях багровые крупные помидоры, пупырчатые, один к одному, огурцы, кудрявую тугую капусту. Выпасали на степных просторах, в весеннюю пору полыхающих алыми тюльпанами, тучные стада коров.

Бывали у жителей Блюменфельда и праздники, случались и горести. Праздники — как у всех людей: Пасха, Рождество, торжества по случаю хорошего урожая, какие-то церковные даты. Правда, проходили они, может быть, более чинно, чем в соседних русских да украинских поселениях (были и такие, как, например, Харьковка). Степенно танцевали под аккомпанемент гармоники и барабана, немного выпивали и, раскрасневшись,

хором распевали, дружно раскачиваясь, принесённые предками из Германии и сохранённые ими песни. Горести тоже обычные, людские: кто-то умирал, случался неурожай, или вдруг гиб скот. Но эти чёрные минуты переживались без особого надрыва, а с какой-то фатальностью: значит, так должно было случиться.

Хуже приходилось немцам, когда над страной сгущались тучи войны. Нет, они так же, как и все россияне, исправно несли государству службу: тянули воинскую лямку и по двадцать пять лет, участвовали в турецких кампаниях, в войну с Японией 1904–1905 годов. Но вот когда разразилась первая империалистическая война, немцам стали напоминать, кто они, на чьей земле живут. Даже прошёл, в общем-то, нелепый слух, что император Николай II намерен утопить всех немцев в Волге. Впрочем, слух оказался слухом. Немцев с Поволжья даже забирали на войну, преимущественно на русско-турецкий фронт. Многие возвращались калеками — как, например, инвалид Давыд Греб.

А его тёзка Давыд Сайбель был на русско-австрийском фронте, попал в плен вместе с русскими, украинцами. В лагере, где они содержались, с пленными обращались достаточно корректно, но кормили плохо. Люди за колючей проволокой сами готовили себе скудную пищу из отпускаемых продуктов, сами же распределяли её.

На кухне обычно дежурили по два человека. Когда русские разливали похлёбку в миски, украинцы обвиняли их в том, что они своим накладывают погуще и побольше. Приходила очередь украинцев раздавать пищу — они слышали такие же обвинения в свой адрес от русских. Дело доходило до драк. И тогда пленные нашли соломоново решение: они поставили на постоянное дежурство на кухню обоих своих товарищей по неволе — немцев. Дескать, эти ребята честные, и, кроме того, в лагере нет их соплеменников, так что «лоббировать» им некого. И точно: после этого все свары прекратились, каждому в миску с педантичностью накладывалось одинаковое и по количеству, и по консистенции содержимое котлов. Когда долгими зимними вечерами в Блюменфельде Давыд Давыдович за кружкой домашнего пива рассказывал об этом своим односельчанам, те одобрительно посмеивались, толкая друг друга в плечо: «Это правда: где немцы, там порядок и справедливость».

Да, именно порядок и справедливость царили всегда в Блюменфельде. Нарушились они с началом Гражданской войны: зажиточных немцев попеременно грабили и красные, и белые, и зелёные. Глава семейства Темпелей Александр Егорович исхитрился спасти от «экспроприации» любимого жеребца: загнал ему в копыто иголки. Кобыл у них забрали сразу же отступившие вакулинцы (так назвал их Андрей Александрович мне в своём рассказе, а ему обо всём этом, в свою очередь, рассказывала его мама) — члены одной из банд или партизанского отряда, сражавшегося против красных. Взамен же оставили доходяг-кляч, которых, впрочем, позже удалось вы́ходить.

А жеребец, неожиданно охромевший, так и остался на дворе: ни белые, ни зелёные, ни красные, сколько ни рассматривали его копыто, иголок найти не смогли. Если бы Александр Егорович забил туда гвоздь, как поступали тогда некоторые хозяева, да если бы «экспроприаторы» обнаружили это, расстрела хозяину было бы не миновать.

Вскоре Гражданская война закончилась. Утвердилась советская власть. Блюменфельд стал колхозом. Вернее даже, на его основе, поскольку село было большое, было создано два колхоза — имени Сталина и имени Чапаева. Немцы оправились быстро, освоились и при новом режиме, главное — чтобы были работа да мир. Остальное они брали сами — своим трудолюбием, трезвым расчётом. Колхозы также выращивали зерновые, огородные и бахчевые культуры, соревновались между собой, кто их больше произведёт и поставит в города — Энгельс, Саратов.

За труды свои получали и натуроплату, и деньги, вели домашнее хозяйство. У Темпелей, например, имелось две лошади, три коровы да овцы, свиньи, птица. Был достаток, было тихое счастье. Дети подрастали, Андрей уже закончил пять классов, рос, как и все его сородичи, трудолюбивым, помогал вести и домашнее хозяйство, и в колхозе подрабатывал. А ещё он мечтал стать или шофёром, или агрономом.

Сталин назвал их врагами

Но всё рухнуло с началом Великой Отечественной войны. И хотя немцы Блюменфельда давно уже не имели никаких связей со своей исторической родиной — знали только, что где-то там есть Германия, всё равно какую-то вину за собой чувствовали. Ведь это их соплеменники пошли войной на Россию, ставшую для блюменфельдцев родиной. И они готовы были встать на её защиту с оружием в руках. Однако война уже шла месяц, второй, но никого из Блюменфельда на фронт не брали. Между тем в действующей армии служило немало российских немцев, призванных ещё до начала войны.

Служил в армии и старший брат Андрея, Адам. Он был призван ещё в 1938 году, а в 1941-м должен был вернуться домой. Да так и не вернулся. От него пришло несколько писем, в которых он писал, что воюет. А потом письма от Адама перестали приходить. Уже позже стало известно, что в сентябре он попал в плен. Мыкался по разным концлагерям. Пока его и других военнопленных из последнего лагеря не освободили англичане. Адаму, естественно, растолковали, что он может вернуться к себе на родину, но лучше ему этого

не делать — сгноят в Сибири, а то расстреляют. Припишут, что сам, как немец, сдался в плен, добровольно, и всем привет. Скорее всего, так бы оно и произошло.

Так Адам оказался в Англии. Позже он пытался разыскать свою семью по переписке, нашел её через НКВД в Сибири в пятидесятых годах. Звал к себе (к тому времени он уже хорошо прижился на чужбине, имел собственный дом, автомашину) — сам приехать, видимо, боялся. Но и из Темпелей никто к нему приехать навестить не мог по причине, о которой сказано будет ниже. Умер Адам Андреевич Темпель, гражданин Великобритании и бывший российский немец, в 1992 году, так никого и не повидав из своих родных с 1938 года. С ним судьба обошлась ещё достаточно милостиво. А ведь бывало намного хуже. Так, российскому немцу Коху, взятому в плен позже Адама Темпеля, его соплеменники, обозлённые яростным сопротивлением Красной Армии, в рядах которой — доннер-веттер! — служили и арийцы по происхождению, вырезали на спине звезду и замучили до смерти.

Но вернёмся к Блюменфельду. Двадцать восьмого августа 1941 года сюда приехали чины из НКВД и зачитали указ Сталина, согласно которому все российские немцы чохом записывались в потенциальные предатели, а потому подлежали переселению, от греха подальше, в Сибирь и на другие просторы необъятного СССР. А уже тринадцатого или пятнадцатого сентября немцы прощались с Блюменфельдом.

В село понаехали солдаты — начальники думали, что жители будут сопротивляться депортации. Но немцы понимали, что против лома нет приёма, и потому молча грузили свои нехитрые пожитки в машины, на которых их свозили на станцию к поджидавшим эшелонам. Брали самое необходимое: кое-что из одежды, кухонной утвари, старались больше взять продуктов, дорога-то предстояла дальняя. Ни одного случая не то что организованного, но даже спонтанного сопротивления ни в Блюменфельде, ни в других немецких населённых пунктах не было.

Неизвестно, что при этом творилось в душе у каждого из выселяемых (попробуй-ка за здорово живёшь оставь всё десятилетиями нажитое, ставшую за века родной землю), но волю Сталина немцы выполнили покорно.

Везли их в товарных вагонах, как скот. Поезд тащился медленно, пропуская идущие на запад воинские составы. На одной из станций рядом остановился эшелон с евреями, вывозимыми из Белоруссии в Среднюю Азию. Евреи были голодные — успели за дорогу подмести свои припасы. Пока составы стояли рядом, успели обменяться: немцы им — хлеб, какие-то другие продукты, евреи — вещи, деньги, ценности. Кто чем был богат… А в сущности, все они были равны, и жизнь каждого в эти трагические дни практически ничего не стоила.

Через две недели пути блюменфельдцы были уже в Красноярске. А оттуда часть их переправили в село Красная Горка Берёзовского района. Председатель колхоза Лысенко обрадовался: такое пополнение, не менее трёх десятков рабочих рук, было как нельзя кстати, поскольку всё основное мужское население уже ушло на фронт. Расселили немцев где придётся. Семью Темпелей приютила одна женщина, сын которой был на фронте и дом его пустовал.

— Сразу же начали с уборки урожая, — вспоминает Андрей Александрович. — Уже на второй день после приезда в Красную Горку мы молотили пшеницу на току. Потом было много другой работы: заготовка дров, уход за колхозным скотом. Пятнадцать человек из наших записали на курсы трактористов, в том числе и меня…

Самое интересное — молодой Темпель тогда знал всего десятка полтора русских слов (немцы жили у себя в Блюменфельде обособленно, учёба в школе велась на немецком языке, а русский изучался примерно так же, как немецкий в русских школах). Но его неплохо понимали, да и сам Андрей, как губка, впитывал в себя всё новые и новые слова, целые словосочетания из русского языка и скоро мог довольно сносно изъясняться со всеми красногорцами, не питающими, кстати, никаких враждебных чувств к поселенцам.

На Виви

Не довелось Андрею стать трактористом: весной немцам объявили, что их руки нужны на Крайнем Севере. Сказали: «Поедете ловить рыбу для армии». Председатель колхоза (уже другой — Игнатюк, а Лысенко ушёл на фронт) закручинился: целых сорок семей враз должны были покинуть село. А к ним уже привыкли, нарадоваться не могли на работящих да безропотных немцев. Но они не были хозяевами себе — ими вертел как хотел НКВД. И в июне депортированных погрузили на пароход «Орджоникидзе», который доставил их до Енисейска. Дальше немцев повезли на баржах, буксируемых катерами-лесосплавщиками.

Путь был долгим и утомительным. Плыли обычно только днём, на ночь делали стоянку, разводили на берегу костры, готовили нехитрую еду, наспех перекусывали и погружались в короткий беспокойный сон. А наутро вновь садились на опостылевшие баржи, за бортами которых плескалась енисейская вода, неспешно проплывали поросшие лиственницей, сосной и кедрачом крутые берега. Живой груз — немецкие семьи — сгружали почти в каждом встречном населённом пункте. Зашли в Подкаменную Тунгуску, продвигались по ней, пока позволяла глубина. Оставили немцев на

берегах и этой реки. Блюменфельдцы, привыкшие к своим безоглядным степным просторам да небольшим озерцам, с тревогой всматривались в обступающие берега дремучие таёжные заросли, прислушивались к яростно клокотавшей на порогах тунгусской воде. Один из депортированных из Латвии (немало в том караване было и прибалтов) заснул на борту баржи, свалился воду, и… только его и видели, бедолагу.

— Когда уже на Нижней Тунгуске мы подплывали к какому-либо стойбищу, эвенки тут же сворачивали свои чумы и исчезали в тайге. Мы не могли понять, в чём дело,— рассказывал Андрей Александрович.— А уже потом, когда немного обжились в Эвенкии, нам и рассказали, что среди коренного населения распространился слух: едут немцы, очень страшный народ — не люди и не звери, но с рогами на голове и с одним глазом во лбу. Видать, наивные таёжники верили этой чуши, а иначе чего было бежать? И зачем только нужно было такие слухи распускать?

Конечным пунктом путешествия семьи Темпелей и ещё нескольких десятков немцев была фактория Виви. Здесь жили эвенки — рыбаки, охотники. Председатель сельсовета Комбагир по кличке «Знаешь-понимаешь» (это была его любимая присказка) отнёсся к новоприбывшим без всяких предубеждений, достаточно радушно, как, впрочем, и все жители Виви. Им разрешили временно поселиться в избушках оленеводов и промысловиков, находящихся в тайге. Прибывшее из окружного центра Туры начальство распорядилось начать строительство двух бараков на тридцать семей. Немцам сказали: «Стройте капитально, надолго. Вы отсюда больше никуда не уедете». То есть дали понять, что эти дикие суровые места — навсегда.

Ну что ж, навсегда так навсегда. Немцы — народ понятливый и дисциплинированный. Заготовили лес и заложили два больших барака на берегах Виви, почти напротив друг друга. О том, какие здесь бывают страшные морозы, уже знали и потому строили с таким расчётом, чтобы зимовать можно было без проблем.

— В нашем бараке поселились пятнадцать семей,— вспоминал Андрей Александрович.— У каждой семьи — своя ячейка, образуемая перегородками. Утеплили дом так, что даже в самые сильные морозы внутри было жарко, приходилось иногда даже входные двери открывать, чтобы впустить свежий воздух…

И потянулись монотонные трудовые будни. Зимой немцы заготавливали дрова. Мороз не мороз (что такое актированные дни, тогда никто не знал), а три куба на человека в день выдай. Норму производственную выполнишь — получишь полный паёк. А он был таков: шестьсот граммов хлеба в день, на месяц — два килограмма крупы, семьсот пятьдесят граммов сахара, восемьсот граммов масла. Как хочешь, так и растягивай эти продукты. Хорошо поработаешь, то есть с перевыполнением нормы,— добавят в день двести граммов хлеба; не осилишь норму — пайка хлебная в день составит всего триста граммов.

Естественно, такая норма — три кубометра в день — была по силам далеко не каждому. Деревья в пятидесятиградусные морозы становились как каменные, зубья ручных пил долго ездили по ледяной поверхности стволов, пока удавалось сделать запил. Люди мёрзли, голодали (на морозе, как известно, аппетит всегда разыгрывается не на шутку, даже если при этом ничего не делать) — паёк-то был скудный, и если бы эвенки иногда не делились со своими несчастными подневольными соседями мясом, рыбой, те бы и ног не смогли таскать, не то что работать. Потом немцам всё же снизили норму — сделали её по три куба на два человека. Иначе бы они просто все повымерли, а это было бы не по-хозяйски, не по-государственному. А смерти случались часто…

— Среди нас были и прибалты,— рассказывает Андрей Александрович.— И вот один из них, кажется, по фамилии Скарчевский, с двумя высшими образованиями человек, он раньше жил в Латвии, и очень богато, по его рассказам. Машина у него была, прислуга… в общем, избалованный такой господинчик. И вот попадает он в такие ужасные условия, в такие страшные морозы. Ничего не умеет, лишний раз не пошевелится. И как-то раз мы поехали на оленях за солью на Уакит за триста километров — там, на солёном озере, была солеварка. Мороз-то крепкий, и как только начинаешь замерзать, спрыгиваешь с олешка, бежишь рядышком. Согреешься — снова садишься и едешь. А Скарчевский этот весь укутался и едет, как статуя, хоть бы раз слез. Ну, когда добрались, наконец, до Уакита, все кинулись в стоящий чум (стойбище эвенкийское было) — чаю попить, обогреться. А Скарчевский сидит и сидит на олешке. Кто-то вышел позвать его — он молчит. Толкнули, а он и свалился, как сноп. Замёрз. Вот так было…

Сам Андрей Темпель был парнишкой очень живым, деятельным. Любая работа кипела у него в руках — сказывалась колхозная закваска. Немцы на Виви не только лес заготавливали, но и рыбачили. Андрей попал в бригаду к Алексею Красноштанову, мужику требовательному, но справедливому. Если требовал с немцев выработки, то и сам при этом чертоломил.

— А рыбы тогда было — пропасть! — продолжает свой рассказ Андрей Александрович.— Перегораживали речку, скажем, отсюда и досюда, заводили в этом месте невод и вычерпывали в огороженном месте до двенадцати тонн за раз! Мы эту рыбу солили, сушили, отправляли в Туру, а оттуда наша продукция уходила на фронт. Ну и нам самим

Красноштанов разрешал брать рыбу на питание сколько нужно, в этом отношении он не жадный был. А ведь не все бригадиры были такие. Вон Эльвира моя (тогда ещё не жена мне) рыбачила на озере Воеволи. Там тоже рыбы было навалом. Но им разрешали брать в день не более одной рыбки на человека. Впроголодь там жили…

Так в нашей беседе мы с Андреем Александровичем перешли постепенно к теме отношения местного населения, руководящего люда к сосланным немцам.

Счёт добра и зла

— Я скажу так: большинство простых людей нам сочувствовали, особенно эвенки. Когда они убедились, что мы не собираемся им причинять зла и вовсе не те немцы, против которых воевал СССР; более того, когда узнали, что нас незаслуженно обидели и выгнали с родной земли, коренное население всячески старалось нам помочь… Были и начальники неплохие, которые всё прекрасно понимали и старались не доставлять нам лишних неприятностей,— говорит Темпель.— Что касается подневольного труда — да, было тяжело. Однако и местное население в те годы работало с не меньшим напряжением и упорством. Время тогда было такое — суровое и жестокое. Вон брат у Эльвиры опоздал на работу на десять минут — его посадили на три месяца. Но посадили его не за то, что он немец, а за то, что опоздал. Тогда за это сажали и местных жителей…

Продолжая тему отношения местного населения к депортированным немцам, Темпель так и не смог вспомнить сколь-нибудь значительного притеснения. Тех, кто их не любил, были единицы.

— Хороших людей было больше,— утверждает Андрей Александрович.— Благодаря им мы и выжили в те тяжёлые годы: не притесняли, не обижали нас почём зря, а наоборот, старались поддержать, ободрить. Никогда не забуду директора Туринской средней школы К. В. Стурова, эвенка с Виви Чапогира по кличке «Митико», секретаря окружкома партии В. Н. Увачана… Да всех не перечислишь. Спасибо им!

Свой счёт добра и зла и у жены Андрея Александровича — Эльвиры Александровны. Вот ей пришлось потруднее: она безвылазно три года прорыбачила, заготавливала дрова, выполняла другую работу в самой таёжной глуши, на озере Воеволи. Тамошним немцам не повезло с бригадиром: жестоким оказался человеком, бессердечным. Норму ему кровь из носу — а дай. Хоть костьми ложись. И кровь из носу у немцев шла, и костьми ложились. Но норму давали, иначе или тюрьма, или голодная смерть. До сих пор Эльвира Александровна хранит обиду и на другого человека — лейтенанта Хромова из военкомата. В тот день несколько немок (это было уже в Туре) пилили по разнарядке дрова для этого учреждения. Мороз стоял жесточайший. Деревянными, негнущимися руками бедные женщины напилили-таки сколько нужно было дров, сложили их в поленницу и рассчитывали хоть немного обогреться в жарко натопленном военкомате. Но вышел этот самый лейтенант, пинками развалил поленницу, обозвал немок всякими нехорошими словами и заставил всё сложить заново. Не пустил даже на порог тёплого помещения. Так тогда стало обидно Эльвире и её подругам по несчастью, что и спустя многие годы это перенесённое унижение жило в её сердце!

У Андрея Александровича свой взгляд на этот случай.

— Знаете, кто в военкоматах тогда работал: или инвалиды, вернувшиеся с фронта, или белобилетники, которых на фронт не брали. И у тех, и у этих были свои причины злиться на нас, немцев. Хотя и не могли они не понимать, что мы-то тут совершенно ни при чём,— рассудительно говорил он.

С такими людьми Андрей Александрович разговаривал на их же языке, а попросту говоря, дрался, хотя этого ему хотелось меньше всего. Ведь он, как и все немцы, стоял на спецучёте, за ним был особый надзор. Но что оставалось, когда кто-нибудь, ничем не лучше тебя, считал себя выше только потому, что ты был репрессированный немец, и старался утвердить своё превосходство недозволенными методами — оскорблениями, зуботычинами? Темпель ещё у себя в Блюменфельде выучил несколько безотказных приёмов рукопашной схватки. И здесь они ему пригодились. Когда он поколотил известных туринских блатарей Мишу-Капитана и Луку, вышел победителем из стычек с хулиганами калибром поменьше, в Туре стало намного меньше охотников задеть чем-то этого вспыльчивого, крепко сколоченного парня.

Пусть это не повторится

— А как вы в Туру попали, Андрей Александрович?— спрашиваю я его.

— В тысяча девятьсот сорок третьем году, как сейчас помню, пятнадцатого марта, на Виви приехал старший лейтенант из Туры, выбрал двенадцать парней. И нас как бы приписали к военкомату. Сказали, что в любой момент могут мобилизовать,— рассказывал Темпель.— Расселились мы кто где, тут же каждому нашли работу, и стали мы ждать вызова из военкомата. Но нас почему-то не брали и не брали. А вот прибалтов — их здесь много было тогда — тех брали. Как раз началось освобождение прибалтийских республик, вот этих ребят на те участки фронта и отправили. А мы так в Туре и остались. Хотя из Красноярска, я знаю, таких же немцев, как мы, в сорок четвёртом году на фронт уже брали. И правильно делали — ведь мы же были такие же советские люди, и фашисты

были врагами и для нас, потому что топтали нашу общую землю…

Война окончилась. Но приволжские немцы по-прежнему содержались на спецучёте, никуда не имели права выехать, у них не было паспортов. Приходилось ежемесячно отмечаться в нквд: дескать, все ли здесь, никто никуда не убежал? Да куда отсюда убежишь? И зачем? Их земли в приволжских степях уже заняты, это ясно как Божий день. Так что Эвенкия для Темпелей и многих других немцев стала вторым домом.

— В первые годы наша приволжская степь, особенно весенняя, когда расцветают тюльпаны, снилась мне часто,— рассказывает Андрей Александрович.— А с годами эта тоска сгладилась. И сейчас я представить не могу, как смог бы прожить без тайги, без запаха багульника…

И всё же — тянуло ли его на родную землю? Пожалуй, нет. Ведь Андрей Александрович попал в Эвенкию в таком возрасте, когда смена обстоятельств, места жительства проходит практически безболезненно, а над всем довлеет жажда новизны ощущений. Люди постарше, конечно, тосковали по родным местам. Темпель вычитал даже такую историю: один из их земляков, уже глубокий старик, после того как немцам в 1955–1956 годах разрешили свободно передвигаться по стране, вернули им общегражданские права, добрался-таки до родной деревни. Даже дом свой нашёл. Но он, понятно, был занят другими людьми. На стук вышла хозяйка: мол, чего тебе надо, старик? А он: «Это мой дом, я здесь когда-то жил» Ему в ответ недобро: «Проваливай, ничего не знаем, мы хозяева этого дома». Старик ответил, что он ни на чём не настаивает, только просит разрешения посидеть несколько минут на крыльце родного дома. А потом он уйдёт. Присел немец-старик на крылечко, вздохнул да и умер. На родной земле…

Андрей Александрович никуда отсюда выезжать не собирался — слишком много времени он провёл здесь, сложилась его судьба, здесь он вырастил двоих сыновей, здесь живут его внуки и правнучка. Здесь он со своей Эльвирой Александровной отпраздновал золотую свадьбу, за многие годы добросовестной работы на Севере был отмечен правительственными наградами.

Больше десятка лет назад Андрей Александрович навсегда упокоился на этой суровой земле, приютившей его в начале грозных сороковых и ставшей для него второй родиной. И не было у него зла на тех, по чьей недоброй воле его занесло в эти края.

— Что ж, я понимаю — время было такое,— покачивая головой, задумчиво говорил он с неистребимым немецким акцентом, от которого так и не мог избавиться до конца своих дней.— Не только с немцами так обошлись, но и со многими другими народами. Вот только не надо, чтобы такое ещё раз повторилось. Никогда и никому не надо…

ДиН пародия

Евгений Минин

Камни за пазухой

Назидательное

Если долго смотреть на воду
Очень долго смотреть на воду
Бесконечно смотреть на воду
Ты наверное станешь рыбой
Андрей Баранов

Если долго смотреть на водку
Очень долго смотреть на водку
Бесконечно смотреть на водку
Ты наверное станешь воблой
Если долго смотреть на строчки
Сочинённые мною строчки
И смотреть читая на строчки
Станешь ты пародистом

В натуре

Я давно собираю сучья
Грею косточки у костра
То ли это натура сучья
То ли муза мне не сестра
Андрей Фамицкий

Я давно собираю камни
И за пазуху их кладу.
Со стихами давно пора мне
Завязать уже в этом году.
Всё, ни строчки, как говорится,
Прекращаю писать с утра,
Так как муза мне не сестрица —
Лишь пародия мне сестра.

Геннадий Васильев

Сердце солдата

Из цикла «Рассказы о чудесном»

Художник вернулся с войны с медалями. Их было две — круглые, из непонятного металла (скорее всего, это была бронза), с крестом посередине, выбеленным, они касались друг друга и геройски звякали. Там, на войне, медали надевать запрещалось. Так же, как запрещалось надевать любые знаки отличия — погоны, лычки, нашивки… Условие секретности сообщало дополнительную ценность наградам. Медали вручали торжественно, перед строем — а потом изымали и хранили вместе с документами в специальном месте. И потому все помнили, кому и за что вручались награды. Художник получил две медали — за оборону города, название которого он помнил, но никогда в нём не был, и «За боевые заслуги», которые у него, конечно, были.

Художник вернулся с войны, где он провёл почти год, и стал ещё знаменитее, чем раньше.

— Ну, как там, на войне? Страшно? — спрашивали его товарищи по цеху.

— Да как… на войне как на войне, — отвечал он и улыбался — сдержанно и мужественно. Как от него ждали.

— Как же ты решился? Могли же убить… — выпытывали подруги.

— Ну… за братьев наших, славян… — играл он желваками, и подруги любили его ещё больше.

Его звали на телевидение — поделиться, но он отказывался:

— Не мастер я разговорного жанра. Я всё больше кистью…

От него ждали новых работ — на военную, конечно, на патриотическую тему. Руководитель творческого союза прямо брал быка за рога:

— Говори: когда планируем выставку? Вот у меня график — говори, когда готов, я подвину любого, кто в плане. Твоя тема важнее любой другой, на пике!

— Да нет у меня никакой темы! Не написал я пока ничего. А может, и не напишу…

— Как так? — кипятился в трубку руководитель союза. — Ты что — с собой ничего оттуда не привёз? Что ж ты там целый год почти делал?!

— Воевал, знаешь…

Ему не хотелось писать войну. Он ушёл туда добровольно, по зову сердца, по убеждениям, и убеждения эти не изменились. Война не погасила в его груди патриотический огонь.

Но он не хотел делиться тем, что видел. Он слишком много видел. Он был художник-реалист, и война для него стала сплошным пленэром, очень щедрым на смену пейзажей и сюжетов, характеров и портретов. Этого пленэра ему теперь хватит до конца жизни, такая палитра — дай Бог каждому. Но он пока не был готов рассказывать — по крайней мере, рассказывать широко, как он умел, эпически, с размахом.

От него отстали, и он вздохнул. Он хотел писать то, что писал всю свою творческую жизнь, с самой художественной школы: пейзажи, натюрморты, увядание природы и её пробуждение, живые цветы, деревья, людей и животных в пейзаже — вот это он хотел писать. И умел, он был одним из лучших пейзажистов не только в большом городе, но, пожалуй, в стране. Его картины занимали достойные места в лучших галереях и музеях, их с удовольствием покупали настоящие ценители искусства.

Он поехал писать натуру. Стоял апрель, солнечный, многообещающий. Каждая веточка на дереве, каждая почка на веточке — всё дышало будущим, радостью ожидания, счастьем жить. Он установил этюдник, разложил краски, начал работать жадно. Он соскучился по работе. И всё пошло хорошо. И в этот, и в последующие дни. Он написал несколько этюдов, часть решил превратить в большие живописные полотна, другие ему казались вполне самостоятельными работами, чуть доделать — и можно показывать и продавать. Он работал самозабвенно, забывая — какой день в календаре.

Однажды к нему в мастерскую, на последний этаж высокого дома, пришёл приятель. Тоже художник, они учились живописи у одного мастера. Приятель разменял свой талант мастера портрета на кич, его работы охотно и дорого покупались, а он так же охотно и откровенно посмеивался над вкусами покупателей. Ясности и точности суждений, однако, он не утратил. Художник показал ему свои новые работы.

— Что скажешь?

Приятель долго молчал. Потом спросил:

— Ты же не хотел рисовать войну?

Художник удивился:

— При чём же здесь война?

— У тебя в этих пейзажах — война. Мёртвое всё. Погибло — и никогда не оживёт…

Они поссорились. Художник попросил приятеля больше к нему не приходить. Оставшись один, долго ещё кипятился: «Надо же — война!.. Весной всё дышит, жизнью, а он: „погибло, не оживёт“…» Он вышел на балкон, широко распахнул дверь — пусть в мастерскую войдёт весенний воздух!

Над городом висело чистое, отмытое от зимы небо, светило солнце, стаями носились и орали обалдевшие от счастья воробьи. Жизнь разворачивалась во всей нарядной новизне. На противоположной стороне улицы, как раз напротив балкона, около здания института два парня прямо на асфальте устанавливали аппаратуру: на раскладной табуретке стоял ноутбук, к нему цеплялись пара колонок и микрофон. Туда же тянулся шнур от акустической гитары. Барды. Один встал перед микрофоном, проверил гитару, начал петь. Второй со шляпой в протянутой руке стал приставать к прохожим. Звук был чистым, голос на удивление приятным, слова песни какие-то странные. Но главное — песня была про художника. Он невольно стал слушать.

Он рисовал солдата,
Просвеченного рентгеном.
Солдат был как все люди,
Такой же, как я и ты.
Он выводил тушью
Кости солдата, вены,
Почки солдата, печень,
Лёгкие и т. д.

Песня звучала простенько, даже слишком, в стихах не было рифмы, в мелодии не слышалось особой музыки. Художник даже хотел уйти, но что-то заставило остаться и дослушать. Бард рассказывал о том, как, рисуя тушью солдата, неведомый рисовальщик почему-то главный орган — сердце — нарисовал простым карандашом.

Этот вопрос любой бы
Задал на нашем месте:
«Зачем ты рисуешь сердце
Не тушью — карандашом?»
И он ответил с заминкой,
По сторонам глядя:
«Чтобы стереть резинкой,
Если придёт война!..»

Художник вздрогнул. Какая странная песня… Он с неприязнью посмотрел вниз, на исполнителя. Вокруг того уже собралась кучка студентов, аплодировали. Художник почувствовал прохладу, поёжился, вернулся в мастерскую. Что-то сдвинулось внутри, стало почему-то не по себе. «Неприятная песня…» — подумал он снова. Ну да ладно, пора к станку. Он подошёл к мольберту, взял краску на кисть, взглянул на полотно — и замер. С картины, которую он начал писать по самым свежим, самым весенним впечатлениям, на него смотрела мёртвая природа. Он не знал — почему мёртвая, всё было как живое. Но всё было — мёртвое. Мёртвые цветы, умершие деревья, неживые птицы… «Погибло — и никогда не оживёт…»

Он рванулся на лестницу, сбежал с седьмого этажа, выскочил на улицу, растолкал студентов.

— Слушай, друг, — задыхаясь, обратился он к парню с гитарой, — ты сейчас песню пел про художника, который солдата рисовал…

— Ну да, пел. И что?

— Да нет, ничего… А чья песня?

Парень пожал плечами:

— Вот не знаю я автора.

— Мы не знаем, — подтвердил второй, со шляпой. — В записи услышали, понравилась — выучили. Старинная, наверно, там карандаш — за три копейки… — он покосился на кисть, которую художник так и держал в руке. — А вы что — тоже художник?

— Художник… А можно её — ещё раз? Я заплачу, — художник взглянул на шляпу.

— Да пожалуйста, можно и не платить, мы с удовольствием.

И он снова услышал:

Солдат был как все люди,
Просвеченные рентгеном,
Такой же, как мы с вами,
Только чуть-чуть солдат:
На строгом черепе чёрном
Чёрная каска болталась,
А из-за чёрной ключицы
Чёрный торчал автомат…

Художник слушал — и чувствовал, как пустота в его груди разрастается, как там образуется одна большая дыра вместо сердца, вместо всего, что там есть.

Он рисовал тушью.
А сердце почему-то,
Самое главное — сердце —
Вывел карандашом.
Простым таким карандашиком,
Мягким, за три копейки,
Сердце солдата вывел
И посмотрел на нас…

— Чтобы стереть резинкой, если придёт война… — вслух повторил художник. И вздохнул — как всхлипнул. — Спасибо, ребята.

В мастерскую он поднялся пешком. Он теперь боялся туда вернуться. А когда вернулся — понял, чего боялся. Со всех новых картин, со всех этюдов на него смотрела смерть. Художник был реалистом. На войне, на которую он ушёл добровольцем, по зову сердца, он видел только смерть. Ничего

другого на войне не бывает. Он подумал: война убила его, стёрла его сердце, как резинка стирает карандашный рисунок. Больше никогда он не сможет создать ничего живого.

Он снова вышел на балкон. Барды на той стороне улицы пели уже другие песни, публика смеялась и бросала монеты в шляпу. Жизнь продолжалась. Художник перегнулся через перила.

…Нет, он не бросился с балкона — ведь именно этого ждёт читатель? Нет, он не бросился. У него просто остановилось сердце. Оно всё-таки не было нарисовано карандашом. Оно было настоящее.

А его посмертную выставку выставком не одобрил. Такой реализм патриотически воспитанному творческому союзу был не нужен.

Чермен Дудаев

Под газырями, нá сердце моём…

● ● ●

Под газырями, нá сердце моём,
Лежит моё Отечество, и в нём
Мой дом стоит…
И горный окоём
Обхватывает небо, как подпруга.
И дарит мне любезная подруга
Очей своих беканский водоём…
И мы вдвоём… и ни врага, ни друга,
И ни врага, ни друга, мы вдвоём…
Под газырями, нá сердце моём…

Под газырями у меня в груди
Дарьял прозрачной дымкою кадит,
Мой дом стоит…
И мой кунак следит
За тучными небесными стадами.
Он не страдает по изящной даме,
Сказавшей мне когда-то: «Уходи…»,
Оставшейся портретом в синей раме,
Печальным силуэтом позади,
Под газырями, у меня в груди…

Под газырями, в сердце у меня,
Стоит мой дом — Осетия моя…
Мой горный рай…
И не умею я
Любить другую землю пуще этой.
Мной прочтено достаточно поэтов,
Седлавших легкокрылого коня.
Семь тысяч женщин в зареве сонетов…
Но только лишь одна Алания…
Под газырями, в сердце у меня…

● ● ●

Мне завтра в Нарьян-Мар…
В какую глушь
я улетаю от московских луж,
От клуш владикавказских, от кликуш,
От перебранки «осетин-ингуш»,
От мёртвых душ,
От перезревших груш…
И от Тебя, что мне не скажет: «Муж…»
Я завтра в Нарьян-Мар…
Пусть нарты вниз
Со склона моей жизни понеслись,
По следу чернобурок, рыжих лис.
За эхом памяти, за мраком лиц…
К Печоре, в тундру… от Твоих ресниц.
Мне не с кем говорить, молчать и спать…
Где время поворачивалось вспять?
Лишь в памяти. А память не унять.
Она мой «Англетер», мой номер пять.
И я впишу в «Таёжную тетрадь»
Стихи, которых мог и не писать,
Когда бы Ты со мной… Я в Нарьян-Мар!..
Мне тридцать лет — не молод и не стар.
Уста к устам! Коста! О, как он мал,
Его любовь, вселенная и Нар.
Я каторжник! И страсть моя, и жар —
Кандальный звон Твоих дигорских чар…

Константин Мигунов[1]

Бабушка Нюра

Великая Отечественная война в судьбах детей

Хочу рассказать о своей бабушке, Анне Николаевне Коваленко, которая в годы войны подростком работала в колхозе «Красный украинец» в селе Новополтавка Ермаковского района.

По словам моей бабушки, её бабка (бабка Гордеиха, так звали её по мужу Гордею) в начале двадцатого века, ещё девчонкой, была привезена вместе со своими родственниками с Украины, с Полтавщины, в Сибирь. Поселились они в деревеньке близ Ермаковского, которую окрестили Новополтавкой. У бабки Гордеихи родилась дочь Пелагея, а вот у Пелагеи — Анна, это и есть моя бабушка.

Баба Аня мне рассказывала, в какое голодное и трудное время они жили. Семья была большая, мать и отец трудились в колхозе «Красный украинец». В начале тридцатых годов в тех местах орудовала банда Мишина, участники которой называли себя «чёрными партизанами».

— Как-то вечером тятя запряг лошадь, посадил нас, детишек, и поехали мы на колхозные поля — подобрать картошку, которая осталась кое-где после уборки. Была середина осени, моросил дождик, — рассказывала бабушка. — Вдруг подскочили к нам мужики из этой банды, спросили, что мы тут делаем, но не тронули. Тятя был инвалидом, худенький, прихрамывал, небольшого роста. Посмотрели они на него и сказали: «Хочешь жить — собирай свою ораву и езжай скорей отсюда!» Тятя посадил нас на телегу, и мы быстро поехали домой.

Я часто с интересом и восхищением слушал эти её рассказы.

— Когда началась война, мне было тринадцать лет, — продолжает бабушка. — Надеть, обуть было нечего. Ходила в стоптанных башмаках своего тяти, пальтишко — жалко было на него смотреть. Многие наши односельчане ушли на фронт, и нам, подросткам, приходилось наравне со взрослыми работать на полях. Летом пололи свёклу и репу. Осенью помогали убирать хлеб. Ещё я пасла овец. Помню, бывало, даст мама на весь день лепёшку и бутылку молока, разделю эту еду на три раза. Пасу овец, а кушать очень хочется. До обеда далеко, откушу кусочек, гляжу — а лепёшки уже и нет. Съела. Так и терплю до вечера. По ночам вязала с мамой носки и варежки на фронт бойцам. Очень трудно было, хотелось поиграть, да игрушек не было. Сделаю из початка кукурузы куколку, поиграю немножко. Вот так и жили, но очень верили и надеялись на скорую победу.

О Дне Победы баба Нюра вспоминала со слезами на глазах. Она всегда говорила, что Победа им досталась очень трудно.

— В деревне после того, как было объявлено о Победе, все радовались, плакали, а потом пошли к конторе колхоза «Красный украинец», где прошёл митинг, и всех поздравили с этим долгожданным событием!

За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны Анна Николаевна Коваленко указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года награждена медалью, которая была торжественно вручена на собрании колхоза в 1947 году.

Всю свою жизнь бабушка посвятила ветеринарии — проработала в колхозе в Новополтавке. В 1973 году получила ещё одну награду — знак «Победитель социалистического соревнования».

Но самым важным для неё событием в мирное время, как она всегда мне говорила, было то, что, как награда за труды во время войны, я, её внук, родился девятого мая, в День Победы, и мне сейчас столько же лет, сколько было моей бабе Нюре, когда началась война.

Для себя я сделал очень большое открытие. Узнавая о жизни и работе простых людей в глубоком тылу во время страшной войны, о которой снимают фильмы, я становился как будто старше. Когда разыскиваешь материал, словно проживаешь эту войну не в сводках информбюро, а вместе со своими предками — в колхозе «Красный украинец». Я себя представил на месте той девочки, какой была моя бабушка, и понял, что самые настоящие ценности в жизни — это в трудное время прийти на помощь и своей семье, и своей Родине. Это не просто слова, а достойная жизнь честного человека. В реальности, конечно, так прожить тяжелее и труднее, но я бы тоже смог работать, сколько хватило бы моих сил. Я понял,

1. Автор — ученик шестого класса Ермаковской СОШ №1.

что на войне было два фронта. Один — на линии огня, второй — в тылу, и если бы не было прочного тыла, не было бы и Победы.

Если посмотреть сводки колхоза «Красный украинец» и факты из жизни отдельно взятой Анны Николаевны, её вклад в приближение Победы, он окажется очень весомым! Вот такими рабочими руками и ковалась Победа.

К сожалению, моей бабушки Нюры уже нет в живых, но я всегда буду помнить её рассказы, гордиться тем, какая она была труженица и замечательный человек!

«ПТИЧЬЯ ТЕМА»

Победители литературного конкурса

Дарья Герасимова

На фоне звёзд

Ворона

У вороны мёрзнут лапки,
По сугробам труден путь.
Ей приятней прыгать в травке,
Чем зимой в снегу тонуть,
Над двором взлетать весною,
Громко каркать в вышине,
А потом, порой ночною,
Видеть сыр в прекрасном сне.
И кота большого в клетке —
Как подарок и сюрприз…
И дремать на тёплой ветке,
И с неё не падать вниз!

Сова

На фоне крупных белых звёзд
Летит в ночи сова.
Гнёт спину важный старый мост,
В воде блестит плотва.
Заснули мыши у печи
И лодки у пруда,
И лишь сова летит в ночи
Неведомо куда.
Заснуло кресло, и окно,
И мой скрипучий стул,
И даже я уже давно,
Давным-давно уснул.
И где-то спят мои друзья,
Враги, леса, трава,
Но снится мне, что это я
Лечу, а не сова.

Внизу, вдали, круглится мост
И спину гнёт, как кот,
А я лечу на фоне звёзд
Без горя и хлопот.
Я громко ухать не хочу
И никого не съем.
И знаю я — куда лечу,
Не знаю лишь — зачем.
…

Люди разные,
Посмотри:
У кого-то птица поёт внутри,
У кого-то серая спит сова,
У кого-то ворон склевал слова.
Здесь —
Весною кричат грачи,
Там —
О чём-то павлин молчит.
У кого-то ласточка или стриж,
У кого-то — весёлый чиж.
Этот чиж
Все дни напролёт
Скачет, прыгает и поёт,
Ветры слушает, что кружат,
Учит песням своих чижат.
А бывает —
Внутри живёт
Полосатый когтистый кот.
Или нет никого внутри…
Люди разные,
Посмотри.

Владимир Нестеренко

Молодинская битва и воевода Воротынский

Отрывок из исторического романа «Полководец князь Воротынский»

Имя князя М. И. Воротынского, великого полководца государства Российского времён Ивана Грозного, незаслуженно забыто, а его великая победа над татаро-турецким войском в 1572 году у деревни Молоди, именуемая как Молодинская битва, не упоминается в учебниках истории и никогда не отмечалась правительством.

Сам государь Иоанн назвал эту победу знаменитой. Значение Молодинской битвы для нашего государства очень велико, она стоит в ряду великих битв, которые выиграли Александр Невский, Дмитрий Донской, Пётр I, Михаил Кутузов. Она сравнима с победой советских полководцев в Великой Отечественной войне. Впервые о Молодинской битве широко заговорили в 2012 году, когда сражению исполнилось 440 лет.

Хан Тавриды недомогал. Ранним хмурым утром, припадая то на одну, то на другую ногу, вышел из шатра. Оглядел с высоты холма своё необозримое войско. Прямо перед ним стоял его царский полк в жёлтых халатах и с такими же жёлтыми конскими хвостами на копьях. Справа — тумены Дивей-мурзы, словно облитые шоколадом, слева — ногаи Теребердея. Эти носили рыжую сряду[1], в хитрости сравнивая себя с лисами, на копьях такие же рыжие конские хвосты. Впереди оранжево маячил сторожевой полк. Хан Девлет-Гирей обернулся и всмотрелся в цветастые шеренги янычар и турский обоз с пушками и тёмной конницей. Настроение у него, несмотря на хворь, победное, лёгкое.

— Мы никогда так медленно не ходили, — всё же недовольно проворчал царь, — несколько лун тащимся по московским землям.

— Турский обоз с нарядом виноват, мой великий повелитель. С ним быстро не побежишь, — отвечал Дивей-мурза.

— Посади янычар на телеги, я хочу быть у Серпухова до вечерней молитвы.

— Отсюда Теребердей побежит к Сенькиному перевозу, днём оглядится, а вечером будет на той стороне и пойдёт к Москве. Проводники есть. Мы выйдем на Серпухов главными силами и откроем пальбу из всего турского наряда по урусам. Они стоят там и ждут нас.

— Их много?

— Знает только один Аллах, великий повелитель. Мы возьмём их обманом. Оставим наряд травиться[2], а сами пойдём одни к Тарусе, другие к Сенькиному перевозу, сакмой[3] Теребердея. Сойдёмся у Пахры, а там Москва под носом.

Девлет-Гирей внимательно слушал своего полководца и в знак согласия возносил хвалу Аллаху.

— Кто во главе войска?

— Лазутчики доносят — воевода Воротынский, — с неприязнью ответил мурза и увидел, как хан нахмурился и задумался.

Неудобный человек Воротынский. Помнится, заговорили о нём после разгрома царевича Иминя. Это поражение вынудило хана Саип-Гирея, родного дядю, осаждавшего Пронск, с позором бежать в Крым без полона и табунов скота. Орда осталась очень недовольна неудачником. С согласия Оттоманской Порты племянник зарезал дядю и воцарился, готовился делать в угоду султану великую шкоту русским. Мелкие набеги не в счёт. Ждал случая. И он представился, когда молодой Иоанн с огромным войском пошёл на Казань. Москва обезлюдела. Девлет-Гирей внезапно оказался под Тулой, намереваясь идти на Москву, разорить её и окрестные города. Но всё тот же Воротынский, посланный государем наперехват, быстро переправился через Оку и разбил хана, взял обоз и освободил полон. Особо отличился тогда князь Андрей Курбский со своим полком. Спустя несколько лет хан снова решил лично попытать счастья и вторгся в западные пределы, вышел к Мценску, обошёл вотчину Воротынского Новосиль и стал развивать успех. Но сначала в Одоеве, а затем в Белеве напоролся на Воротынского и был рассеян его стрельцами и пушкарями. Были биты князем и сыновья-царевичи. Даже в триумфальном 1571 году, когда хан дотла сжёг Москву вместе с русским войском, несметным числом жителей и беженцев, купцов иностранных, Воротынский устоял со своим передовым полком и по наказу государя шёл по пятам, отбивая полон.

1. Сряда — одежда.
2. Вести обстрел врага из пищалей, луков и арбалетов.
3. Сакма — след конницы.

Но что мог сделать один полк против его орды? Она растеклась по всем улусам, и хан пригнал в Тавриду полтораста тысяч полона, многие табуны скота и косяки лошадей.

Хан не без оснований полагал, что в следующем году сможет вторично покорить русское государство, как это сделал великий Бату-хан, и слал Иоанну оскорбительные грамоты: «Жгу и пустошу всё из-за Казани и Астрахани… Я пришёл на тебя, город твой сжёг, хотел венца твоего и головы; но ты не пришёл и против нас не стал, а ещё хвалишься, что-де я московский государь! Захочешь с нами душевною мыслию в дружбе быть, так отдай наши юрты — Казань и Астрахань; а захочешь казною и деньгами всесветное богатство нам давать — не надобно; желание наше — Казань и Астрахань, а государства твоего я дороги видел и опознал».

Хан усмехнулся, вспоминая свои остроты, велел подать кумыса; когда испил чашу, воззрился на Дивея:

— Обойдём Воротынского как решили. В арканах приведёшь его к моим ногам!

Михаил Иванович встал с восходом солнца, увидел хмурый рассвет. Ползли невысокие тучи, роняя мелкие капли дождя. Всё верно, о непогоде говорили ему натруженные походами и простуженные ноги и спина. Верный Никита сделал ему на ночь примочку из настоя лопуха и сейчас готов слить умыться. Михаил Иванович любил утрами освежаться по пояс. Он немного прошёлся перед шатром с думой о семье, о доме, о басурманине-крымце, сбросил с себя нательную рубаху, и — пошла купель. Князь фыркал и отдувался от порций прохладной воды, какую Никита набирал из кленового ведра ковшом и лил то на руки, то на шею, то на лопатки, растирая заматерелое тело. Мышцы играли и были ещё крепки, хотя князю шёл седьмой десяток лет. Когда кончилась вода, Михаил Иванович подхватил широкое холщовое полотенце и стал с удовольствием растирать влажное тело. Оно загорелось, запари́ло в утренней прохладе, как горячие вареники, которые он любил со сметаной.

Из шатра выскочил возмужалый и рослый княжич Иван, молвил:

— Господь в помощь, батюшка.

— Благодарствую, сыне. Какие сны привиделись?

— Не помню, батюшка, — ответил Иван, сбрасывая исподнюю рубаху по примеру отца. — А ну, Никита, окати меня волной студёной!

— А я видел, Ваня, матушка наша, покойница, хлеба нам с тобой подавала, а мы принимали. Много хлебов! Думаю, вещий то сон: побьём мы басурмана без сомнений.

— Где он ныне? — спросил Иван, подставляя под ковш руки лодочкой.

— У Тулы. Огнестрельный наряд турский его крепко держит. Обуза для него, а нам на руку.

— Он с ним, как мужик со спущенными штанами, запутался в беге, — сказал Никита, обливая княжича из ковша, — крымец дик, не привыкший к пушкам.

— Янычары с аркебузами у него злые, — сказал Иван, — но против наших стрельцов и казаков им не устоять.

— Верно говоришь, — князь прекратил растирать тело, надел исподнюю рубаху и сказал: — Торопись, княжич, к столу, да пора в приказную избу. Послушаем последние вести о басурмане да отпишем грамоту государю, узнаем, пришёл ли по моему приказу сторожевой полк да где оставил заслон. Потом отправлю тебя в Серпухов с Никитой, под защиту надёжных стен.

Княжич вспыхнул костром от последних слов отца, хотел порывисто возразить: мол, не маленький я, неужто вершником не сгожусь? — но, воспитанный в строгой воле отца, смолчал, понимая, что рисковать своим наследником в битве батюшка ни за что не согласится. Покорно склонив голову, Иван потупил взгляд. Отец глянул на покрасневшее лицо сына, остался доволен его покорностью, но и немым возражением, направился к своему боевому коню, которого в двух шагах за узду держал оруженосец. Княжич последовал за воеводой.

— Жди, Ваня, следующего года. Жив-здоров буду — возьму тебя вершником в свой полк или к Хованскому в передовой определю, — пообещал отец и увидел благодарный взгляд сына, одним движением на радостях вскочившего в седло.

В приказной избе новый писарь Семён Головин под диктовку князя Ивана Шереметева писал, что 1863 головы сторожевого полка заняли позиции с левого фланга большого полка, а двести конных воинов в доспехах в окрестностях Сенькиного брода остались сторожить хана, мешать ему делать перелаз. Велено в съёмный бой[4] не вступать, а только травиться да проследить, куда пойдёт орда.

Вести об орде шли одинаковые: татары, ступив на русские земли, идут ходко, ночуют в укромных лощинах, как водится, без костров, бесшумным гигантским муравейником там, где покинуло их солнце. Тёплые ночи макушки лета позволяют вести себя на отдыхе скрытно и покойно.

«Как ни огромно войско, — размышлял Воротынский, — как ни сильно, а, ступив на чужие земли, хоронится. Знакомый приём, рассчитанный на скрытный удар». Это не беспокоило, тревожила молчанка передового полка и полка правой руки, хотя Таруса находилась ближе, чем Кашира. «Соединились ли? Неужто медлят выполнять мой наказ — собираться в один кулак?» Не выказывая своей тревоги, воевода отправился с малой дружиной да княжичем Иваном смотреть, где и

4. Рукопашная схватка.

как встал сторожевой полк. Воеводы князь Иван Шуйский и окольничий Василий Умной-Колычев, утомлённые ночным переходом, велели войску встать поодаль берега в дубраве и отдыхать три часа. Кормщики готовят горячую пищу, но особливо дымы не пускают, в кострах палят осину да тополь, горящие бездымно. В ожидании сечи горячая пища ободрит войско.

Главный воевода слушал и одобрительно кивал головой.

— И дальше будем скрытны от врага. Пусть покажет свою рать и польстится на серпуховскую переправу. Как достигнет середины реки, со всех пищалей встретим. Посмотрим, куда повернёт. Стрельцов и казаков передвинь, князь Иван, ближе к парому, чтобы от огня пищалей жарко стало басурману.

— А как не пойдёт на перелаз?—усомнился окольничий Василий.

— Басурман струги с собой не везёт, чтобы огнестрельный наряд переправить; он привык всё брать у нас, кормиться работорговлей. Плоты рубить тоже не горазд. Попытается захватить наш паром и струги или приневолит рубить паромы полонённых мужиков наших. Доносят, пока полон не берёт. Нам можно сжечь или убрать свой паром, но оставим на глазах для азарта, как бы впопыхах брошенный.

— Смерч огненный по татарину бросим,—раздумчиво сказал князь Шуйский,—собьём тысячи. Тройной тын у серпуховской переправы с ходу не взять. Перелаз отобьём—а он на другой. И там бы так, да где поспеть!

— Не забывай, князь Иван, он числом велик. Распустится на потоки и здесь оставит тьму, а то и две для нового приступа. Будем следовать вчерашнему уговору строго—быть в одном кулаке и бить им всей мощью.

— Я не супротив, лишь только умом прикидываю. Будь в моём полку с тысячу стрельцов и казаков с пищалями, не оставил бы Сенькин брод. И ты бы такой наказ не дал.

— По Сеньке и шапка,—ответил Воротынский.— Почивайте пока спокойно. Басурман явится не раньше как после полудня, он тоже не на крыльях, да с турским нарядом. Наши сторожи зорко за ним следят.

Часы ожидания смертельной схватки с врагом всегда проходят томительно и нервно. Русское войско, густо хоронясь в прибрежном лесу в трёх верстах от Серпухова, чутко прислушивалось к звукам на той стороне, а само безмолвствовало. Дозоры сидели в береговом чащобнике, хоронились в дубраве, зорко всматривались вдаль и после полудня, когда солнце уже поворотило на спад, выныривая меж сизыми дымными облаками, увидели на шляху поднимающуюся тучу пыли.

— Идут. Хоть и дождь с утречка брызнул, а едино взбили пыль; видно, войско огромно!—сказал Тимур Алалыкин своему напарнику по секрету Ермолаю.

— Тут брызнул, там, поди, нет,—урезонил тот, поправляя купеческий кафтан, под которым скрыта кольчуга.

— Мотай к сотнику, скажи, на шляхе пыль столбом.

Ермолай, хоронясь в зарослях кустарника, исчез. Алалыкин ощупал скрытый под кафтаном у пояса обоюдоострый клинок, подобрался весь, замер, глядя на растущую тучу пыли. Вернулся Ермолай, зашептал, хотя враг был ещё далеко:

— Велено разведку пропустить, будут брать сами.

— Донеси соседям,—так же тихо ответил Тимур.

Ермолай вновь исчез. Едва успел вернуться, как на той стороне, низкой и усыпанной галечником, куда в половодье ходко идёт вода, заливая прибрежный богатый луг, появились всадники. Они остановились, гортанно переговариваясь, и было слышно, ветерок подувал с юга-запада, речь ведут с опаской. Татары указывали на причаленный к берегу паром на двух стругах, на вытащенные на полкорпуса десятка два лёгких плоскодонок без вёсел и с веслами.

— Не слышно, о чём бают,—прошептал Тимур.— Вон того бы взять языка, ишь петушится—видать, старшой.

Разведчики рассыпались по берегу влево и вправо, высматривая, есть ли тут кто, чтоб схватить и дознаться о войске. Но пусто кругом, мертво, даже птахи не летают. Нет, затрещала сорока на тех, что вверх по реке ушли. Увидели громаду стен серпуховской крепости, тоже безлюдную, вернулись на перевоз. А пыль приближалась. Вот уж различим стал шум огромной, идущей на рысях конной массы, и татарский дозор, нащупывая брод, а он чётко обозначен на берегу колёсами телег, двинулся на левый, тоже пологий, берег, держа наизготовку луки с заправленными стрелами. Прошли стремнину по брюхо лошадям. Озираясь по сторонам, объезжая брошенные на берегу струги без вёсел, паром, выехали на берег и тронули шагом, в любую секунду готовые пустить в противника стрелы и повернуть коней назад. Безлюдно и тут.

— Урус бежал,—донеслась до Алалыкина гортанная речь, и всадники скрылись за поворотом лесистой дороги.

Он не слышал шум короткой схватки. Знал: скрутят чисто, извлекут пользу. Только через полчаса, когда на берегу появился сторожевой татарский полк и остановился в ожидании разведчиков, из-за поворота на рысях выскочил один вражеский всадник, и в нём Тимур узнал Семёна Головина, хорошо знающего татарский язык, за ним второй и третий воины, переодетые в татарские доспехи. Они остановились на берегу и, вздыбливая коней, заорали в три глотки:

— Хурра! Хурра!

Поворотили коней, взмахами рук указывая путь, зарысили в московскую сторону.

В передовых рядах на том берегу произошло замешательство.

— Не признали, не поверили нашей уловке,— прошептал Алалыкин.

— Чай, они уйдут восвояси?— не согласился бастрыга Ермолай.— Тута одна стезя— к Аллаху.

Из глубины орды на берег вылетел на сером в яблоках скакуне богато одетый всадник. Не иначе князь или царевич. Он размахивал саблей, что-то кричал и первый устремился к переправе. Его тут же обошла лава конников и, угадывая брод по колёсной колее и ребристому течению, устремилась на приступ реки. Чуя воду, кони сбавили ход, но сзади напирали, обходили слева и справа, погружаясь в более глубокие места. Течение реки вздыбилось от сотен конских ног и туш, заходили волны. Ещё минута-две— и всадники пересекли середину реки, готовые выпустить из луков тучу стрел в противника, если тот появится на пути.

Вдруг на левобережье ожил густой кустарник, прилегающая дубрава закишела стрельцами в разноцветных кафтанах и ермолках, казаками в тёмных рубахах с кожаными нагрудниками и в кольчугах, немцами в латах. И всё это воинство в несколько тысяч человек, теснясь, напирая друг на друга, ударило по увязшей в переправе коннице. Густо били с флангов и в лоб. В ответ засвистели стрелы, слепо находя цель. Стрельбой командовали с одного крыла Игнатий Кобяков и Юрий Тутолмин, с другого фланга— Юрий Булгаков да Иван Фустов. Атаман Черкашенин с казаками, выскочив из дубравы, оседлав дорогу и центр переправы, били в лоб. Пороховой дым застлал всё вокруг, но вторая партия стрелков, едва видя цель, дружно разрядила пищали, затем третья. Вой, визг раненых, храп и ржание лошадей, вскипевшая от неистового всплеска конной лавы вода глушили даже залпы. Всё смешалось. Всадники, сражённые меткими пулями, падали с высоких сёдел под ноги обезумевшим животным, окрасили воду Оки своей кровью. Многие лошади, потеряв всадников, рванули вперёд, влево и вправо, попадая в близкие окские ямы. Одни выбирались на берег, другие, выбившись из сил, тонули, давили раненых, которые старались ухватиться за сбрую и выплыть на берег. Часть лошадей выскочила на дорогу и бешено унеслась в дубраву. Татарские всадники на том берегу придержали коней, но и им досталось от четвёртой партии стрельцов и казаков, ударивших залпом. Приступ захлебнулся. Татары отхлынули, встали поодаль, недосягаемые пулями.

Русское войско, сотрясая пищалями, ревело буйволами на все голоса. Прорывалось ещё малоизвестное «Ура!», принесённое донскими казаками. На берег прискакали воеводы Воротынский, Шуйский и увидели много побитых и отступивших татар.

Князья Михаил и Иван крестились.

— И ещё Бог воздаст!— сказал Воротынский.

Он ударил в свой барабан, что приторочен слева у седла, привлекая внимание войска. И когда стихли возгласы, воевода выехал на бугорок, чтоб все видели, громко сказал:

— Молодцы, браты стрельцы и казаки! Вот так и дальше будем бить басурмана. Поднести каждому по чарке анисовой. Здесь будем ждать основную орду. До ночи они не сунутся, а сунутся— велю выкатить пушки, а пока пусть стоят скрытно для смущения басурмана.

— Вот это воевода!— восхитились иные.

— С таким орда не страшна!— кричали другие.

— Ура князю-воеводе!— вознесли хвалебный ор донцы Черкашенина.

Воевода усмехался в усы, огнём горящие глаза говорили, что он доволен. Повернул коня и уехал.

Кормщики появились быстро. Десятка два.

— Разберись сотнями, получил— вертайся на своё место!— раздался приказ.— За берегом наблюдать.

Стрельцы и казаки, а с ними кучка немцев быстро разобрались, и бочка анисовой тут же переместилась в их желудки. Жевали с утра полученные сухари. Повеселевшие, бодрые вои расходились по своим местам, зорко взирая на прибывающую на правом берегу, табунящуюся конницу, изготавливались к новому бою. Но на переправу никто не шёл. Однако скоро было замечено оживление: на берег стали выкатывать пушки, за ними суетились пушкари и янычары с аркебузами. Рокот правого берега неожиданно перекрыли громы. Набежавшая тёмно-сизая туча метала ослепительные молнии, ветер рвал и гнул ивы, черёмуху с чёрными плодами, местами обобранную воями, гудел в дубраве, треща сломанными ветками. Секанул проливной кривой дождь как из ведра. Стрельцы и казаки забеспокоились за припасы зелья, укрывая рожки и кожаные сумки. Через завесу дождя плохо проглядывался правый берег, на котором суетились вымокшие до нитки турские пушкари и цветастые янычары.

— Беречь огнестрельный заряд,— кричали сотники,— прикрыть чем можно!

Встревоженный ливнем, когда пищали— что железная палка, не применишь, Воротынский подтянул к переправе всю наличную конницу, лучников и арбалетчиков на случай дерзкого прорыва татар во время грозы, на который они горазды. Но небесные силы остудили порыв вражеской конницы. Она отошла под прикрытие ближнего леса и не помышляла о прорыве. Ливень с мелким градом отложился на восток так же быстро и неожиданно, как и налетел. Зашевелились турки, подтягивая на телегах пушки. Небо очистилось от

туч, брызнуло склонившееся к дальнему зубчатому лесу яркое и приятное солнце.

О возне у пушек вновь донесли Воротынскому. Вместе с Шереметевым он тут же появился и, оценив обстановку, приказал скрытно отойти стрельцам и казакам в дубраву. Не успели они показать тыл, как с того берега ударили пушки. Ядра со свистом падали в воду и чащобник. Стрельцы да казаки поспешили убраться, готовые встретить врага огнём пищалей. Вновь на правом берегу появилась конница, но татары медлили, хотя пушки палили неистово. Уже в сгущающихся сумерках видно было, как конница отхлынула от пушек. Янычары и пушкари продолжали палить из всего огнестрельного оружия по левому берегу, больше всего с недолётом. Главный воевода Воротынский попусту травиться не велел и не показал врагу своих пушек. Это произошло вечером и ночью 27 июня 1572 года.

Ночь выдалась тёмная, небо закрыто высокими кучевыми облаками. Дождя больше не ожидалось, костры палить воеводы не велели, ждали ночного нападения. Стрелецкие и казацкие сотни стояли близ берега за частоколом, готовые отразить натиск. Под Серпуховом всё обошлось спокойно, если не считать неустанную пальбу турецких пушек. Князю Воротынскому наконец донесли, что передовой полк и полк правой руки пошли на сближение, а на перелазах у села Дракино встал небольшой конный отряд.

Двести воинов сторожевого полка, в голове которых был княжич Иван Долгорукий из Орла, притаились в зарослях Оки по обеим сторонам Сенькиного брода. Здесь, против широкого плёса, уходя краями в засеки, стояли крепкие плетни из ив и отынены. Между ними в две сажени шириной насыпаны земля, гравий, песок. Настоящая крепостная стена. С северной стороны глубокий ров, заполненный грунтовой окской водой. Тут же устроены подмости для воинов, чтобы не мочились в воде, а, прикрытые стеной, били бы из рушниц[5], арбалетов и луков. При надобности на насыпи свободно размещается более десятка лёгких пушек. Взять такую крепость непросто. Но цель у сторожевиков была иная: по возможности мешать перелазу татар, в сечу не вступать, а вести наблюдение, куда пойдёт враг, и, не мешкая, донести главному воеводе.

Вечерело. Появились вражеские разведчики, пошли на правый берег. Сторожи подпустили их к плетням на выстрел и поразили из арбалетов. Подобрали упавшие в воду копья и увидели на них рыжие конские хвосты—знак мурзы Теребердея. Не прошло и получаса, как Сенькин брод наполнился криками всадников, храпом лошадей. Шум нарастал лавиной, и в тусклом вечернем свете отряд различил плотную массу всадников, идущих на приступ. Вода вспенилась под копытами скакунов, моча брюхо, полоща стремена и ноги наездников. Косым дождём сыпанули стрелы. Недолёт. Ещё несколько минут—и засадные сотни будут осыпаны стальным ливнем. Не спасут и доспехи, на многих воинах они кожаные с металлическими бляхами, пробиваемые стрелой арбалета. Надо уходить, но горяча кровь княжича, так и не терпится достать саблей врага. Денис Ивашкин, годами старше, телом могутнее, сгрёб в охапку княжича и через ров с водой к лошадям бросился. За ним те, кто сидел на подмостях. Послышались слепые шлепки стрел о тела, кто-то охнул, сражённый, взвилась на дыбы раненая лошадь.

— Уходим,—раздался зычный голос Ивашкина.— Мы ещё сгодимся в главной сече.

У плетней свалка. Передние конники смяты и прижаты к стене. Её не взять с маху, не перескочить. Заиграла труба, останавливая лавину конницы. Плетни схвачены крепкими волосяными арканами. Лошади натянули. Стоят укрепления, не та сила берёт. Ещё добавились арканы, в ход пошли топоры, подрубая колья.

Сторожевой отряд отошёл на полёт стрелы, перестроился, и—короткая атака, удар из всех арбалетов и луков. Падают захватчики, но в ответ новая лавина тяжёлых ногайских стрел. Вскрикнули раненые, упали убитые. Русичи откатились. А тем временем новая волна конной тяги повалила подрубленные плетни, обсыпалась часть земли, кинжалами принялись рыхлить земляную преграду враги, и вот первые конники перемахнули стену, угодили в ров. Ещё и ещё с визгом прыгают в ров всадники, кто на тот свет отправился, кто выбрался, ожидая своих, и когда накопилось несколько сотен—пошли в атаку на русских витязей, хоронящихся у засек, огрызающихся стрелами.

Княжич Долгорукий отправил гонца к Воротынскому с трофейным копьём, велел сказать, что орда Теребердея перелезла через Оку и передовые сотни устремились в сторону Москвы по каширской дороге. Через час новый гонец подтвердил эту весть: орда тысяч в двадцать рассеяла часть сторожевого отряда и ушла по сакме передовых сотен. Днём вестники княжича продолжали доносить о движении Теребердея, распознавая его воинов по рыжему цвету халатов.

Князь за полученные вести крестился, славил Всевышнего, а вершнику велел подать чарку за верную службу.

На серпуховской переправе казаки-лазутчики, ходившие на правый берег Оки, захватили языка, он показал, что с пушками осталось только две тысячи конных татар и турок, а сам хан пошёл следом за ногайским мурзой; Дивей-мурза повёл вторую половину орды под Тарусу.

5. Рушница—ручное ружьё, пищаль.

— Божье предзнаменование исполняется!— крестясь, тихо молвил князь Михаил.

Стало ясно: Дивей будет перелазить реку у деревни Дракино. Это самое удобное место. Здесь стоит полк правой руки, в нём всего три с половиной тысячи ратников, из них тысяча стрельцов и казаков с пищалями. Казаки из Шацкого, Рязкова, Дедилова и Данкова— конные. Они могут разъезжать вниз и вверх по реке на случай, если татары станут строить плоты и на них скрытно переплавляться, чтобы зайти в тыл обороняющимся. Вряд ли Дивей решится на это хлопотное, длительное дело, никак не укладывающееся в крымскую тактику— скорость и внезапность. Орда попрёт нахрапом, не считаясь с потерями, перелезет реку, возможно— в нескольких местах. Лето, теплынь! Татарва сему обучалась на Северском Донце, полноводном не менее Оки. Зайдут со всех сторон. И тогда при всей стойкости одному полку переправу не удержать. Он будет смят и уничтожен превосходящими во много раз силами. Воротынский ещё раз утвердился в своём верном решении. Выполнят ли его наказ строптивые воеводы?

Девлет-Гирей перемахнёт Оку всё на том же Сенькином перевозе. И дай Бог, чтобы не остановился у реки, а пошёл на север по сакме своего мурзы. Тогда малая, но боеспособная русская армия не окажется меж двух ратей, не будет окружена. Татары же, напротив, будут находиться меж защитниками Москвы под началом князей Юрия Токмакова, Тимофея Долгорукого и береговой армией Воротынского.

Воротынский эту ночь был на ногах, подкреплял силы горячим травяным чаем, принимал полковых вершников и отправлял своих, терпеливо ждал вестей о войсках самого хана и Дивея. Девлет-Гирей с царевичами был проворен, и ранним утром Воротынскому донесли, что сильная ханская рать устремилась к крымской дороге и идёт на соединение с ногайцами, которые встали у реки Пахры, перерезали все московские дороги, но никого не воюют.

Большой воевода переживал за исход войны больше всех. Он понимал: решается судьба отечества,— но внешне выглядел спокойным и уверенным. Эта внутренняя уверенность сидела в нём с того момента, когда получил известие о пополнении татарского войска турецкими янычарами и огнестрельным нарядом— обузой конницы. Тогда-то стало зреть решение. Его ум стратега увидел действия крымца и в противовес выдвинул свой замысел: сохранить силы для решающего сражения. И виделось оно ему не в один день. Князьям Хованскому и Одоевскому, как первым воеводам, слал гонца за гонцом с требованием не вступать в съёмные бои, уклоняться и не показывать свои истинные силы. Требовал соединения полков, общими силами догонять ушедших вперёд татар, а догнав, вцепиться в хвост.

Воротынский ещё отдавал наказы вершникам, а большой полк в эти минуты снялся и двинулся на предельной скорости за басурманом. Князь Иван Шереметев головой отвечал за движение и сохранность гуляй-города[6] и всего огнестрельного наряда. Теперь от скорости продвижения и взаимодействия полков зависел успех будущего сражения. Чтобы оставшиеся турки с пушками не воспользовались паромом и лодками, большой воевода приказал проломить днища и затопить. В Серпухов послал гонца с наказом воли государя: поместному воеводе беспокоить оставшихся у переправы турецких пушкарей, не давать перелазить на левую сторону реки. Турок охраняют всего две тысячи всадников. Воеводе по силам перебить басурман и не только обеспечить свою безопасность, но, главное, закрыть тыл береговому войску, ушедшему за крымцами.

Вестники шли к Воротынскому по наказу каждый час. В пути ему донесли, что полк правой руки воеводы Одоевского потрёпан наскочившими на него у Протвы татарами, ночью он уклонился от съёмного боя и сохранил главные силы. У Лопасни новый вершник донёс, что полк Одоевского соединился с полком князя Хованского и рать настигает Дивей-мурзу. В заслоне он держит сторожевой полк с царевичами Алды-Гиреем и Казы-Гиреем. Двадцать восьмого июля к вечеру полки могут ударить по хвосту татар.

После полудня, под палящим солнцем, Воротынский, сопревший в доспехах, миновал церковь Воскресения Христова, деревню Молоди. Передовые вестники донесли, что у речки Рожаи есть невысокий холм и лощина. На севере просматривается топкая пойма реки Пахра. Там же сизой накипью угадывается растянувшееся на несколько вёрст татарское войско. Главного воеводу эта весть обрадовала, но не удивила. Он перекрестился, воздавая хвалу Господу, и поспешил осмотреть местность.

Князь торопко выехал из лесу и остановился там, где земля взбугрилась, поросла травой и кустарником. Холм не холм, а бугристая лобастая поляна действительно господствовала на десятки вёрст в округе. Перед всадником едва ли не до самой Пахры раскинулось неширокое поле, окаймлённое густыми рощами из смешанного леса, а южная окраина его накатывалась на этот взлобок. Справа и слева к холму подступали густые рощицы, что могли быть естественной преградой для стремительной татарской конницы, лишая её излюбленного манёвра— удара с флангов с целью зайти полкам в тыл. Если посмотреть на

6. Гуляй-город— полевое подвижное укрепление на телегах или санях из деревянных щитов с бойницами.

восток, то есть вправо, то глаз находит окутанную изумрудной ризой садов деревеньку Молоди, стоящую на малой речке Рожае, почти скрытую от глаза волнистой шалью забок. Видны кособокие овраги. Они есть и слева. Довольно глубокая и широкая лощина подпирала взлобок с юга и уходила полукольцом на север, к Пахре. Позиция для генерального сражения отменная. Это сразу же отметил Воротынский. Здесь стоять гуляй-городу! Пока всё складывается как загадано. Впереди задача не из простых: навязать врагу сражение на выгодной для себя позиции, не дать противнику быстро понять, насколько она ему неудобна. Потому медлить с устройством укрепления — играть против себя! И большой воевода отдаёт приказ о развёртывании гуляй-города так, чтобы края его прикрывались конницей полков и она бы смыкалась с лесочками слева и справа. Большую брешь надо оставить справа, чтобы в пылу натиска враг мог развивать свой успех, уходя туда, подставляя бок для меткого огня пушек и рушниц. Тут же татары будут встречены конными полками.

Отдав наказы, князь спешился, ещё раз всмотрелся в округу, задумался, прислушиваясь к своему уставшему от тревог и волнений сердцу. Оно билось ровно. Что-то здесь напоминало ему великое поле Куликово, раскинувшееся всего лишь на несколько вёрст, подпираемое дубравами, оврагами, Доном и Непрядвой — верными союзниками великого князя Московского Дмитрия Ивановича, его тесноту для битвы огромных масс войск. Бывал он там и раньше, и в прошлом году, возвращаясь после сугона[7]. Стояли и на Красном холме, обозревая поле битвы. Ходили на места, где раскинулись полки великого князя, ломали шеломы, молились за упокой братьев. И теперь родная земля с этим холмом, сотворённым когда-то Всевышним, посланным ему для твёрдости и крепости, с удобной для манёвра лощиной, поросшей шиповником, цветущим иван-чаем, пустырником и шалфеем, эти перелески, Рожая с оврагами и топкая Пахра, в которую упёрся головой басурман-крымец, станут и ему союзниками, верной опорой, коль остался он брошенный государем наедине с сильным и беспощадным врагом. В который раз уж вспоминается ему таинственный московский старец, обронивший вещие слова: «Будет тебе, князь, труд и ратная слава, но впадёшь и в горечь!» И ещё заметил воевода: поодаль слева и справа макушки деревьев усыпаны чёрными птицами, они то взлетают волнами над лесом, то падают на ветки, и грай вороний то рокотно долетает до слуха, подхваченный ветерком, то глушится в гущах лесных. Над лугом, одетым в благоухающее разнотравье, со следами недавнего покоса, струилось прозрачное марево, и чудилось ему, будто ангелы слетаются, уготавливая просторы эти для вечного покоя тому, кто вступит на них в великую брань. Не раз уж, бывало, перед сечей чудилось ему такое — правда, коротко, неясным мимолётом, а сейчас устойчиво и зримо. Тут, тут быть басурману битому!

Гулко по бездорожью набегали тяжело гружённые подводы со щитами и пушками. Быстро, с разворота, намётанным глазом они ставились друг возле друга, тут же коней выпрягали возчики-воины, лошадей уводили в лощину, треножили, отдавая на поруки коноводам, а сами шли в пеший строй. С десяток мужиков двигали телегу к стене, поднимали деревянный щит, сцепляли крючьями. Пушкари определяли место своим соколикам[8]. Казаки и стрельцы несли тяжёлые деревянные рогатки и спешно ставили, облюбовывая удобные позиции перед крепостью для боя пищалей. Ещё не была установлена первая пушка, а Воротынский слал гонца за гонцом Хованскому и Одоевскому: татары у него перед носом. Разведка доносит, что басурман растянулся на семь-восемь вёрст, наступила решительная минута для атаки вражеского сторожевого полка. Потрепите его, как кудель. Не дайте царевичам уйти дальше! Тогда царь ввяжется в затяжную брань.

Новый гонец принёс воеводам дальнейший наказ: во время сечи покажите тыл, не нарушая боевой строй, идите к гуляй-городу, заманите татар под огонь всего наряда, сами уходите вправо.

Гуляй-город — крепость на колёсах — выглядел просто и внушительно. На телеги крепились прочные, из дуба, щиты в полбревна, низ загораживался толстыми плахами, в стенах — бойницы для ведения огня из пушек, затинниц и ручных пищалей. Перед стенами копался ров, впереди выставлялись сцепленные массивные деревянные рогатки, за которыми также можно было укрываться и вести огонь из пищалей, бить врага из луков и арбалетов. Пушки из крепости разили дробом[9] и ядрами. Важной особенностью было то, что в любой момент гуляй-город мог принять под свою защиту полевых воинов, отбрасывая стену через ров, выполняющую роль моста. Затем каждый щит быстро поднимался верёвками и укреплялся. Был и второй способ. При необходимости несколько человек, расцепив крючья, разворачивали телегу со щитом, открывая проход для отходящих ратников. Затем ставили сооружение на место, укрепляли.

Со дня весеннего набора войско изрядно обновилось и неустанно обучалось ратному искусству, сноровке, меткой стрельбе из всех видов оружия. Обучать было кому: старых воев прошлогоднего передового полка сохранённого князем, было

7. Сугон — погоня, гонка за кем-нибудь.
8. Соколики — фальконеты, полевые пушки для поражения живой силы противника.
9. Дроб — картечь, выполненная из речной отборной гальки, чугунных шариков, кусочков свинца.

немало. Они находились в каждом полку и составляли ядро. Князь полагался на их храбрость и смекалистость, рассудительность воевод и преданность Отчизне. Тут погрешить ни на кого не мог. Но вот строптивость окольничих терзала. Как-то будут выполняться ими его наказы? В минуты смертельной опасности не взыграют ли порочные для русских князей междоусобица и местничество? И тогда — поражение. Не от врага, а от фальшивой горделивости. Не дай Господь такому случиться!

Новый вестник от князей Хованского и Одоевского донёс:

— Воеводы выполнили твой наказ, князь. Полки идут скопом. Собран ударный отряд. В нём конные казаки с пищалями, стрельцы. Набралось больше двух тысяч. Вместе с конницей двух полков отряд настигает сторожевой татарский полк, ждёт момента для внезапного удара.

Воротынский был удовлетворён и успокоен. Очи его сверкнули зарницею, будто высвечивая путь в кромешной тьме. И сейчас же к Хованскому и Одоевскому полетели свежие вершники с новым наказом о том, как действовать дальше, куда отступать. Сам же стал поторапливать устроителей гуляй-города, которыми управляли второй воевода большого полка князь Иван Шереметев, головы пушкарей князья Семён Коркодинов и Захарий Сугорский.

— Поторопитесь, братья, скоро потребую огня соколиков! — зычно подал голос Воротынский.

— Стараемся, князь, аж рубахи взмокли, — отвечал князь Семён Коркодинов. — Правое крыло готово палить. Скоро пособится и левое.

— Казаки полка уже наладились вести бой, — доложил Игнатий Кобяков.

— Стрельцы тоже стоят наизготовку, — не замедлил откликнуться Михаил Ржевский.

К гуляй-городу подтягивался обоз с провиантом. Конница большого полка становилась в резерв на краю лощины. Полк левой руки занял свою позицию слева от крепости. Князь Андрей Репнин ревностно следил за размещением. Пешую рать направил в руки главного воеводы, тот указал, где копать ров перед укреплением, велел нарубить веток в лощине и прикрыть ими щиты гуляя.

Тем временем передовой полк под командой первого воеводы князя Хованского быстрым маршем пошёл на сближение с татарами. Примчавшийся вестник от главного воеводы передал его волю: ударить всеми силами по татарам…

Они были рядом. Ударный отряд остановился, дал отдых лошадям, перестроился по уговору, пуская вперёд конных казаков с пищалями и стрельцов.

«И передовова полку воеводы князь Ондрей Хованской да князь Дмитрей Хворостинин пришли на крымской сторожевой полк. А в сторожевом полку были два царевича. И учали дело делать у Воскресенья на Молодех и домчали крымских людей до царева полку», — гласит запись в разрядной книге…

Стремителен был бросок сводного полка. Татары встретили конную массу русских дождём стрел. Казалось, приступ тут же захлебнулся: передние конники остановились и спешились. Короткое замешательство — но дружный залп рушниц, бьющих гораздо дальше полёта стрелы, ошеломил татар. За первым залпом последовал второй, внося немалый урон и душевное смятение сторожевиков под командой двух царевичей. Пороховой дым на несколько секунд накрыл пространство между противниками, лёгкий ветерок нёс его к татарам, а когда едкая пелена рассеялась, нукеры увидели, что русская конница врезается в их порядки. Началась сеча. Многих татар побили и поколебали, погнали, уничтожая в сече. Спасаясь со свитой, царевичи прибежали к царю. Он стоял на берегу Пахры со своим полком.

— Московские люди догнали нас и побили, — кричали царевичи. — На Москву идти рано, надо разбить их здесь, чтобы не оказаться между двух ратей. Дай нам две тьмы, мы сомнём неверных.

Разгневанный Девлет-Гирей метал на царевичей огненные молнии и свирепо рычал:

— Мы опрокинули два жалких отряда на перелазах, русские уже дважды нанесли нам заметный урон. Берите тьму ногайскую и две тысячи моего полка да принесите мне голову того князя, кто уничтожил мой сторожевой полк из отборных нукеров.

Затрещали барабаны, завыли трубы, посрамлённые царевичи вскочили на коней, и тьма всадников ринулась добывать славу и голову обидчика. Обидчики же получили к этому часу точное место, где развернулся гуляй-город, и, отбиваясь от наседающего противника с помощью казачьих и стрелецких пищалей, стали отходить в заданном направлении. Когда вышли к деревне Молоди, увидели на холме своих, то откровенно побежали, обойдя гуляй-город справа, закрывая собой обзор, подставили ногайскую конницу под меткий огонь пушек, под пули нескольких тысяч стрельцов и казаков. Многие ещё не успели занять место в крепости, палили из пищалей, спустившись с косогора на несколько метров, чтобы не мешать целиться стрелкам за крепостной стеной. Всадники валились снопами. Ошеломлённые внезапным огнём, остатки отряда показали тыл. С флангов передвижной крепости выскочили лавы конников, собранные со всех полков, и довершили разгром атакующих, устилая поле трупами. Царевичам удалось уйти.

Новая удача окрылила русское воинство. Гуляй-город заполнился пешими и конными до отказа и рокотал радостными голосами, подобно громам, долгожданным в начале знойного лета. Сделалось

чадно от дыхания скученного войска, нагретых от выстрелов пушек и пищалей, пахло людским и конским по́том, но никто не замечал неудобицу, лица воев освещались улыбками, удача подкреплялась крепким словом и смехом.
— А не поднесёт ли нам воевода по чарке за новое дело?—гудели стрельцы Квашнина, которые вели огонь за пределами стен.
— Ишь, разохотились!—смеясь, отвечали им казаки Булгакова.
— Нашего полку прибыло. Где князю взять столько анисовой? Чай, в Серпухове запас остался.
— Анисовка, браты, хороша для раненых: и горло промоет, и боль снимет, и рану от татарской сабли обескровит,—подводили черту подьячие из приказной избы.

Тут и Сеня Головин выкатился на круг и прокричал:

Разбежался татарин прыткой,
Но вышел Тимур с Никиткой.
Вдарили пищальми метко да хлёстко,
Из наряда дробом жёстко,
Повалился снопом басурманин.
Не ходи. Здесь стоит крепкой русиянин.

Тимур Алалыкин, крутя лохматой головой, подошёл вразвалку к Семёну, приобнял его, расцеловал.
— Башка, во башка!—восхитился он.
— Пошто меня пропустил? Не узрел, как я сёк татарву да из кольчуги стрелу вынул?
— Узрел, Ермоха, только не в склад твоё бугристое имечко попадает. В другой раз, глядишь, и вкручу. Мне про князя песнь надо составить, чтоб люди пели.
— В чём же закавыка?
— Это, брат, дело трудное.

Ещё не схлынули в гуляй-городе и за его стенами возбуждение, толкотня, поиски своих сотоварищей, собирание сотен, а кормщики призывно заиграли в рожки. День допивал последние солнечные лучи, и каждый полк потянулся к своей походной поварной получить гречневую похлёбку, ломоть хлеба да добрый кусок присоленного сига, щуки, язя. Сотники, получив приказы от воевод, разбирались, кто жив, кто ранен, кто убит. Последних, слава Богу, было немного. Раненных стрелами больше. Им давали анисовую водку, промывали раны настоями из целебных трав, рваные—прижигали. Доклады сотников стекались у воевод, а те шли в приказную избу, писари заносили в книгу, считали, и когда всё улеглось, донесли большому воеводе. Урон войска убитыми и ранеными с прихода орды на берег тянул к тысяче. Татар же только перед гуляй-городом и далее в угоне похоронщики насчитали более десяти тысяч. Собрали оружие, сняли с трупов кольчуги и иные доспехи, сапоги, халаты и другую добротную одёжку.

Всюду из гуляй-города, с его флангов, где стояли конные полки, видны были многочисленные трупы людей и конские. Местами они лежали грудами, в иных—курганами. Так кучно и с огромной поражающей силой били пушки и залпы пищалей. Воины некоторое время взирали на дело рук своих молча. Поражал не сам вид трупов, а обилие их, вызывая тот отвлечённый страх, который сидел в каждом человеке перед атакой и улетучился с первым залпом. Теперь тот испуг как бы вновь вернулся, предупреждая о грозной опасности впереди, но устрашиться уж никто не мог, и каждый про себя, а то и вслух говорил: воздал нам Бог и ещё воздаст многие победы. Затем шёл по своим делам, к поварной своего полка для подкрепления телесных сил

Тимур Алалыкин хватился своего дружка Ермолая; тот, оказалось, подался в лекарню с раной в плече. От глубокого ранения спасла кольчуга, вроде царапина, а вот кровоточит, мажет одёжку. Ещё он, как и каждый раненый, опасался огнёвки, от которой, если возьмётся, не спасёшься.
— Ермоха, где запропал?—обрадовался Тимур, разыскав товарища.
— Стрела вот царапнула, неглубоко, а кровавит.
— Дай-ко, гляну,—Тимур с видом знатока вгляделся в обнажённое плечо купеческого сына, молвил:—Стрела в жилу угодила, айда в сторонку, я лекарничать могу. У меня бабка травница, знахарка по настоям да мазям. Счас я тебе анисовой водкой промою рану, тады соком подорожника, смешанным с соком кровохлёбки, залью и листом подорожника укрою да тряпицей повяжу. Бабкино наставленье держу в голове. Пригождалось. Зарастёт как на собаке.
— Ну?—не поверил Ермолай.
— Дугу гну! Слухай старшого, не кочевряжься, не то ужин прохлопаем. Слышишь, кормщики голос подают.

После плотного ужина войско уже в сумерках вышло из гуляй-города и окопало его рвом, выставило рогатки. Усиленные конные и пешие дозоры выступили на охрану, войско расположилось на ночлег—сберегать силы для будущей брани.

Девлет-Гирей негодовал: опять встал на пути и мешает делу Воротынский. Ханские фантазии на уровне Батыева могущества потускнели от крови двух разгромленных туменов. Царевичи говорят об огненной крепости—гуляй-городе. Разбить её нечем. Пушки, оставленные на берегу, сами сюда не прискочат. Напуганный неудачами царь перешёл Пахру и углубился в болото на несколько километров, чтобы прийти в себя, провести разведку и умыслить какую-нибудь хитрость, чем были знамениты Субудай-багатур и Джэбэ-нойон. Болото не топкое, кочкарник с жёсткой осокой и зарослями камыша. Стоять можно.

Утром утомлённого и не выспавшегося хана разбудил залп пищалей. Что это, стрельцы и казаки Воротынского?

В шатёр вбежал перепуганный Дивей-мурза и воскликнул:

— Великий царь крымский, неверные бьют из пищалей по нашим полкам. Они смяли сторожевые заслоны и близко подобрались к стану! Прикажи отогнать стаю волков!

— Разве ты не главный воевода над моими нукерами,— взревел царь, брызгая слюной,— и сам не можешь разбить голову псу, чтобы не тревожить меня?

Дивей-мурза, пятясь и прикладывая руку к сердцу, выскочил из шатра, поднял свою тьму и погнался за конными казаками и дворянской конницей. Те покорно отхлынули, отошли за Пахру и стали убойно огрызаться пищалями. Дивей-мурза оставил тьму за Пахрой травиться, а сам вернулся к царю.

Повелитель был хмур и зол, даже не притронулся к поданной пище, от чего никогда не отказывался раньше. Ему нездоровилось, в чреве ощущались боли, они делаются более острыми при плохих известиях.

— Мой повелитель, разреши взять в дело янычар. Их аркебузы помогут сломить казаков и стрельцов.

— Турские бездельники оставили пушки на берегу, нечем взломать гуляй-город, бросай их на казаков нещадно! Пусть хвастуны покажут свою прыть!

Дивей был готов жертвовать всей турской ордой, а не только янычарами; турская конная лава не отличалась отвагой, а воеводы старались не попадаться на глаза царю и Дивею. Теперь он погнал янычар к Пахре. Кочкарник не давал быстро двигаться людям, лошади то и дело спотыкались в непролазной осоке и камышах. В такой ловушке нет никакого манёвра коннице, надо уходить на простор степи и брать приступом гуляй-город. Скоро в этом убедился и сам хан. Янычары травились с казаками и стрельцами, но стоило напереть коннице, они, вскочив на лошадей, уходили под защиту крепости. Через некоторое время урусы зашли с другой стороны и били по веренице растянувшихся татарских войск. Девлет-Гирей собрал мурз, царевичей, князей и велел подготовить приступ гуляй-города на завтра.

— Набег на Москву откладываем. Пусть ночью конница покинет болото. После утренней молитвы на приступ пойдут все царевичи, мурзы и князья, Дивей поведёт их и с помощью Аллаха разобьёт неверных,— решил хан.— Пусть развевается наше царское знамя, играют трубы и бьют барабаны. Победителям я раздам все московские, рязанские, тверские и другие улусы. Многие вернутся в казанские и астраханские юрты. Царя Ивана запрём в Новгороде, уморим голодом или сорвём с него корону.

Ночные дозоры и лазутчики-казаки Черкашенина заметили оживление в татарском стане. Ночь была ясная, звёздная. Ущербный месяц лил тусклый матовый свет на землю, и очертания болотного кустарника, хилых редких берёз, казалось, двигались навстречу засевшим за Пахрой лазутчикам. Они напряжённо всматривались в ползущие тени, в воскуряющийся над хлябкими озерушками молочный туман и увидели медленно движущуюся лаву всадников. Послышались храп тысяч лошадей, звяканье удил, хриплые окрики наездников. Лазутчики спешно ретировались, вышли на берег Пахры и стали ждать событий. В лунном свете конная масса медленно плыла, как единый гигантский призрак, зароняя в сердца бравым казакам трепет.

— Свят-свят,— крестились оробевшие лазутчики и сиганули по броду за Пахру, вышли на конные дозоры и передали весть, что татарское войско движется в сторону русских полков.

— Два гонца к воеводе,— сказал десятник дозора.— Донесите воеводе, что поганый прыскает из болота. Встаёт несметной тучей на берегу Пахры. Мы до свету будем хорониться и дозорить.

Князь Воротынский, приказав после первого отражения татар ни на минуту не давать врагу покоя, что и делалось, отдыхал в шатре приказной избы вместе с другими воеводами. Площадь гуляй-города ограничена, много шатров не наставишь, в боевой обстановке можно прикорнуть и на телеге. Большинство сотников, стрелецких и казачьих голов так и делали, подстелив под бок любую сряду, тем более на дворе макушка лета и ночи тёплые. Воины рядами устилали истоптанную на холме траву. Она, можно сказать, уже выбита тысячами сапог, обнажилась чёрная земля. От дыхания и храпа тысяч крепких мужиков в крепости стоял шум, словно в ветреную ночь голос дубрав да перекатов Оки. Поодаль скучились тысячи лошадей, их храп и бряканье удил разносились на версту. Коней партиями водили на водопой к Рожае, кормили, готовя к дневной брани.

Гонцов окликнули ещё на подступах к крепости, у ворот с тыльной стороны их уже встречал дежурный воевода из Дедилова князь Андрей Палецкий. Он внимательно выслушал вестников и встревожился, заспешил к большому воеводе, имея его наказ: будить в случае опасности или иных тревожных вестей. Было за полночь. Князь Палецкий неслышно вошёл в шатёр и на ощупь тронул Михаила Ивановича, чутко дремавшего на топчане, прикрывшись лёгким одеялом. Князь мгновенно проснулся, сел, свесив босые ноги.

— Что случилось?— полушёпотом спросил воевода.

— Дозор донёс: царь вышел из болота и встал на берегу Пахры. Войско необозримо.

— Завтра пойдёт на приступ! — вымолвил князь Михаил. — Но какими силами?
— Вестники сказывают, конница растянулась вдоль берега на версту, а то и шире. Мрак, могли ошибиться.
— Где вестники? Погодь, обуюсь, выйду. Больно тут душно. Пусть воеводы спят.

Но неслышный разговор разбудил чутких воинов. Поднялся князь Шереметев, за ним князья Хованский, Одоевский, Хворостинин и поспешили за Михаилом Ивановичем. Вышли на свежий воздух. Ночь выдалась приятно тёплая, как мягкая перина, в которой тонет уставшее от дневных забот тело и находит покой. Она как бы извиняется за знойный и тяжкий день и даёт полную возможность скинуть в крепком сне усталость, встретить новое утро радостным сознанием, что ты жив и здоров и готов довершить то, что не успел вчера вместе со своими товарищами. Они здесь, рядом, разлеглись по всему гуляю так, что и ступить негде. Палецкий окликнул гонцов, велел подойти. Те подскочили мигом.
— Кто узрел басурмана? — спросил Воротынский.
— Оба зрили, только луна тускла.
— Что же он?
— Вышел из болота и опёрся о берег Пахры. Дугой встал, топкие места мешают.
— Днём кто обозревал эти места?
— Ноне впервой.
— Как же знаешь о топких местах?
— Наш берег выше, сухой. Ходили скрозь с версту. На левом много лыв и кочки.
— Об этом же мне говорил казачий воевода, что днём травился с басурманом.
— Пугнуть бы его из пищалей на рассвете, — сказал князь Хворостинин, — смутить перед приступом. Река Пахра в верховьях мелкая, но топкая. Большие конские полки скоро не пройдут, увязнут.
— Мысль верная! Перед рассветом, когда морит сон, содеять дерзкую вылазку стрельцам и казакам. Бить залпами по скученным татарам, при дюжей опасности быстро верхами вернуться в крепость! Нам неведомо, куда он пойдёт, но поймёт: хвост его всюду придавлен. Остаётся одно — приступ. Где стоят конные казаки, что вчера травились? — спросил Воротынский у князя Одоевского.
— На правом фланге гуляя. Атаман Черкашенин со своими — на левом. На подъём они горазды.
— Отсюда до басурмана рукой подать. Посадить казаков и стрельцов на коней, встать в крепком месте, травиться сколько можно и отойти. Побудку войску проведём на рассвете. До дела принять пищу, раздать в запас сухари, занять перед гуляем и с флангов позиции по росписи. Таков мой наказ.

Роспись по традиции: стрельцы и казаки передового полка под началом князя Дмитрия Хворостинина встанут перед гуляй-городом, укроются во рву и загородятся рогатками; правый фланг прикроют пешие стрельцы и казаки полка правой руки с князем Фёдором Шереметевым. Они также сядут за рогатками в ров, что загодя раскинул свои крылья влево и вправо, сзади будет стоять, маневрируя, конница князей Андрея Хованского и Никиты Одоевского; пешие воины полка левой руки с князем Петром Хворостининым, усиленного стрельцами сторожевого полка с окольничим Василием Умным-Колычевым и казаками Черкашенина, обороняют левый фланг, за ними — конница полков во главе первых воевод князей Андрея Репнина и Ивана Шуйского. В гуляй-городе московские пушкари и воеводы у наряда князья Семён Коркодинов да Захарий Сугорский, казаки с пищалями Игнатия Кобякова и Юрия Тутомлина, наёмные казаки Юрия Булгакова и Ивана Фустова, стрельцы голов Осипа Исупова, Михаила Ржевского. Тут же немцы Францбека и все остальные. Ими командует начальник крепости второй воевода большого полка Иван Шереметев. Задача этого самого большого отряда не только отражать лобовые атаки врага, но и при надобности прикрывать своим огнём конницу на флангах, гасить набег, а как пойдёт замешательство в рядах татар, тут пойдут в сечу облачённые в доспехи конные витязи полков. Конница большого полка — поодаль, в резерве. На неё у большого воеводы свой потаённый умысел. В доспехах воины готовы вступить в сечу по первому слову головы войска. На всё зоркий глаз Михаила Ивановича с его гонцами.

В шатёр идти в напряжённый час не хотелось. Шереметев с Палецким призвали через дежурных гонцов атамана Черкашенина, а Никита Одоевский — атамана конных казаков Ряскова. На дело вызвался идти князь Дмитрий Хворостинин. Воротынский урядил его, зная разумную решительность окольничего, бившего два года назад татарский изгон под Каширой. Он быстро собрал атаманов и голов стрелецких, передал наказ Воротынского. Шум, поднявшийся в лагере, побудил многих, но трубачи побудку не играли, и люди продолжали отдыхать. Воеводы в раздумье присели кто куда. Михаил Иванович глянул на звёздное небо, отыскал ковш Большой Медведицы, он уже изрядно наклонился, собираясь через часок вылить на землю рассвет. Глухо ухнул за лощиной филин, да плаксиво сообщила о себе выпь. Из глубокой, но покатой лощины тянуло стойким медвяным ароматом цветущих зарослей иван-чая, шалфея. Местами пересекались кусты шиповника да пустырник. На южной стороне лога — цепь березняка, липы, осины. Весной здесь сыро от сточных снежных вод, а сейчас сухо и укромно. Хороша для скрытого манёвра, за ней зоркий глаз сторожей, выдвинутых на версту вперёд.
— Далеко за полночь, — сказал князь, сбивая нарастающее напряжение в ожидании начавшейся

дерзкой вылазки,—вот и поварные взялись за дело. Не опоздать бы.
— Стрельцы и казаки упредят, сорвут утреннюю молитву,—откликнулся Хованский.—Обождём.

Минуты тянулись медленно. За правым флангом гуляй-города и далее за речкой Рожаей, над деревней Молоди воронёное небо, расцвеченное звёздами, стало светлеть. Вот-вот князь Палецкий объявит побудку. Но вперёд трубачей войско побудил раскатистый, но глухой залп пищалей, напоминающий далёкий гром. Воеводы молча вскочили с лавок, поворотив головы на север, прислушались. Через минуту раздался второй. Лагерь ожил, вопрошал тысячами глоток:
— Браты, никак басурмана наши травят?
— Кто? Откуда?
— От верблюда. С нашим воеводой жди всякого!
— Верно, прижали татарину хвост. Не уйдёт.

И тут трубачи заиграли побудку.
— Хороша музыка трубачей, а пищальная лучше!
— Слыхал, третий залп дают. И пошто я не там?
— Погоди, прибежит татарин—и тебе гостинец.
— Отблагодарствую пулей, с меня сбудется.

С полчаса гремели пищали, потом враз смолкли. В лагере ударил полковой барабан, поднимая по тревоге полки. Ратники, хватая оружие, побежали занимать позиции по росписи, которую огласили ещё вчера. Прошло десятка два напряжённых минут, и в молочном рассвете появились всадники; они ехали неспешной рысью, удивляя изготовившихся к отражению приступа воинов. Вскоре полились рассказы о деле. А это было так. Татары отдыхали, кони под сёдлами стояли на поводах, общипывая вокруг себя сочную, но грубую траву. После первого залпа нукеры всполошились, заметались. Завыли трубы, войско отхлынуло от берега, оставляя убитых и раненых людей и лошадей. Успели дать десять залпов. Увидели, что с флангов татары пытаются обойти смельчаков. Выполняя наказ воеводы, стрельцы и казаки откатились. Каков нанесён урон—сказать трудно, палили впотьмах, но татарва ревела.

Лавина всадников бесшумно выкатывалась со стороны Пахры на раскинувшееся неширокое поле перед гуляй-городом: до холма не долетал гул орды, как далёкий гром, а лишь отблеск молнии напоминал о приближающейся грозе. Так и здесь над полем сначала вспыхнули блики наконечников копий, доспехов, затем они потонули в поднятой многотысячными копытами лошадей туче пыли. Лава простёрлась на всю поперечину поля, уже изведавшего множество копыт и обагрённого кровью; накатывалась гулко и стремительно. Пыль застилала солнце, грозя накрыть собой и поле, и перелески, и холм с гуляй-городом, ограничивая обзор, мешая вести прицельный огонь. Это не на шутку встревожило воевод, но и набегающая конница оказывалась ослеплённой. Вскоре стал слышен рокот лавы, а дикий клич «Хурра!» многотысячной орды заглушил боевой рык труб и дробь многих барабанов.

Русский стан, замерев, молчал. Утреннее солнце изрядно разогрелось, с запада неожиданно потянул ветерок, сваливая столб пыли вправо, открывая левый фланг бешено мчавшихся всадников. Войско накатывалось излюбленным полумесяцем, намереваясь охватить фланги, с ходу зайти в тыл, если удастся опрокинуть плотные ряды русской конницы, упирающейся в перелески слева и справа. Перед крепостью на полёт стрелы по указу Воротынского ранним утром были поставлены тяжёлые дубовые рогатки, крепко увязаны. Низкие и выносливые в беге татарские лошади не могли брать такие барьеры, а значит, стремительный бег будет неизбежно сорван, сгрудившиеся всадники представят собой хорошие мишени для боя стрелецких и казачьих пищалей, огнестрельного наряда гуляй-города. Задача, поставленная большим воеводой,—выбивать живую силу как можно больше—решится.

В центре крепости стояли туры, откуда Воротынский вёл наблюдение и отдавал команды. Развевалось знамя большого полка с изображением Спаса. Войско стояло наизготовку: воеводы, в доспехах, шеломах, на боевых конях, окружённые рындами и гонцами, находились в гуще своих полков под развевающимися хоругвями; пушки, заряженные дробом, зияли жерлами в бойницах, у московских пушкарей дымились фитили; стрельцы и казаки перед гуляй-городом засели в ров, закрылись щитами и рогатками, ощетинились смертоносными дулами пищалей. Такую же изготовку приняли стрельцы в самой крепости, готовые к залпу. Конница детей дворянских, детей боярских и иных людей, в доспехах и шеломах, с луками и арбалетами,—на флангах. Ждали накат врага для верного посыла своих снарядов, пуль и дроба.

Напряжение нарастало. Ураган вражеской конницы накатывался. Вот-вот хлынет ливень стрел. В тот миг, когда первая шеренга оказалась перед рогатками и всадники осаживали коней перед неодолимым с ходу препятствием, а следующие за ними, не видя его, напирали, в гуляй-городе набатом ударили в огромный полковой барабан восемь барабанщиков, засвистели рожки, заиграли зурны. Этот барабанный бой послужил сигналом для общего залпа, и он прокатился оглушительным и продолжительным громом, снося с сёдел сгрудившихся наездников.

Тучи стрел засвистели с той и с другой стороны. В центре всё смешалось. Наземь падали не только всадники, но и раненые лошади, подминая собой живых ратников. Пушки и пищали рыкнули второй раз многотысячными смертями, останавливая лавину всадников в центре. С флангов татарам

удалось оттеснить, разорвать рогатки. Двумя потоками, продираясь по кромкам леса, всадники стали прорываться вперёд, развивая приступ. Вновь дружно рыкнули пушки, выбрасывая с огромной силой отборный гранитный гравий и чугунные шарики, сметая людей и лошадей, и первый приступ захлебнулся в крови убитых и раненых. Просочившиеся немногочисленные отряды татар были уничтожены в яростной, но короткой сече русской конницей.

Воротынский удовлетворённо наблюдал, как крымцы откатывались на исходный рубеж, долго перестраивались на виду у русских воев. В лесу слева и справа появились отряды смельчаков, которые метали арканы на рогатки, стягивали их на конной тяге, расчищая поле. По ним ударили из пищалей, пешие казаки были посланы отогнать татар, но те успели расчистить проходы для конницы, и она снова бросилась в атаку, закрывая перед собой жаркий день дождём стрел. Но пули и дроб пушек вновь били дальше и точнее, уязвлённые всадники валились с высоких сёдел на землю или продолжали мчаться вперёд, ухватившись за лошадиную шею. Кони ржали, неудержимо неслись в общем потоке лавы. Задние напирали на передних, стремясь пробиться к стенам крепости, сокрушить стрельцов и казаков, но обжигались сами от убойного огня. Злые залпы следовали за залпами. Татары не выдерживали и поворачивали коней, показывая тыл. Тогда с флангов с места в карьер выходила конница и гнала до предела расстроенные тьмы татар и турок.

Суздальский витязь Тимур Алалыкин дрался рядом со своими товарищами Семёном Головиным и Ермолаем на левом фланге, где атаки татар были более успешны, а воины отличались ростом, проворностью и настойчивостью. Пушки с центра сюда не доставали, били только те, что находились на левой дуге крепости, и потому здесь постоянно мелькали доспехами царевичи и мурзы, надеясь пробиться в тыл. Редели ряды защитников от метких стрел атакующих.

— Укажи, кто из них Дивей,— говорил Тимур Семёну,— я припас для него аркан и пойду его брать.

— В такой каше разве можно узреть мурзу?— отвечал Семён.

Однако атаки не прекращались, за ополдень давление усилилось, но татарам не удавалось уничтожить пеших стрелков, засевших во рву под стенами, пробиться в тыл. После залпа из пищалей и пушек-соколиков, всё так же бьющих прицельно дробом, набег захлёбывался, в сечу вступала русская конница. В одной такой атаке Семён увидел мурзу и указал:

— Вот Дивей, под ним вороной жеребец, халат простого нукера, да под халатом дорогие доспехи— пуля не берёт. Сабля у мурзы хорезмская, рукоять с каменьями.

— Вижу волка, счас стрельцы приперчат, пойдёт наше дело! Заарканю!

Стрельцы и казаки палили дружно, быстро заряжая горячие пищали. Но враг напирал, левый фланг попросил подкрепление, Воротынский немедленно переместил с центра несколько сотен казаков, и огонь пищалей усилился. Татары вновь не выдержали меткого огня и показали тыл, за ними устремилась конница. Алалыкин с места взял в карьер и быстро настиг уходящего вместе с поредевшими нукерами всадника на вороном аргамаке. Рядом с витязем шли Семён и Ермолай, посылая на ходу стрелы из арбалетов. Лошадь под мурзой спотыкнулась, витязь бросил аркан, петля захлестнула всадника, и он был выбит из седла. Алалыкин подтащил к себе мурзу, взвалил его перед собой и помчал в гуляй-город. В татарском войске прокатилась волна возгласов смятения, началось беспорядочное отступление к Пахре. Русская конница, прикрывающая фланги гуляйгорода, под восторженные крики и улюлюканье, казачье «ура» всюду теснила врага.

Воротынский зорко наблюдал за отходом басурман. Передовые волны конницы ушли далеко, отрываясь от основных сил, и он дал сигнал барабанщикам играть отбой атаке, ибо знал, как ловко умеют отходить татары, заводя наседавших под удар засадного полка. Так поплатился героический Козельск, выдержавший семинедельную осаду монголов. Но случилось непоправимое. Пороками была разрушена стена, куда ринулись вражеские воины. Защитники отбили приступ, но вместо того, чтобы немедленно заделать пролом, бросились преследовать отступающего врага. «...Исшедшие изъ града, исекоша праща их...»— скупо сообщает летописец, казалось бы, победную атаку. Витязи и их воевода не знали своих врагов, их хитрости, тактику боя в поле, не догадывались о таланте и опыте главного воителя. Он же предвидел такой исход и поставил в засаду свежих воинов, и когда козельская дружина далеко оторвалась от крепости— была отрезана от неё. Произошёл неравный бой, где все русичи полегли, унося на тот свет каждый двух, а то и трёх врагов.

Воротынский прекрасно знал своего врага, все его хитрости и заморочки. И хотя нынче было видно, что татары изрядно биты, уходят в беспорядке, главный воевода всё же поостерёгся, понимая, как ещё много свежих сил у врага стоит в резерве и понести урон своих сынов в выигранном сражении дня никак нельзя. Только выбивать врага на расстоянии с самыми наименьшими для себя потерями. Всадники полков, разгорячённые боем, услышав звуки отбоя атаки, неохотно поворачивали вспять, возвращаясь на исходные позиции по усыпанному трупами полю.

В гуляй-городе всё внимание теперь было приковано к Тимуру Алалыкину, который пробирался

через стеснённые ряды застоявшегося резерва, въехал в крепость через задние ворота. Семён Головин помогал ему пробиться к центру, где на возвышении находился большой воевода.

— Дорогу витязю Алалыкину!—кричал Семён во всю глотку.—Он пленил главного воеводу татар Дивея!

Дорогу давали, салютуя обнажёнными саблями, но мало кто верил словам, видя связанного пленника в сряде простого воина.

Слух о пленении Дивея быстро докатился до Воротынского, и он пожелал немедленно взглянуть на своего первостепенного противника. Спешившись, Алалыкин вёл под уздцы своего коня с навьюченным поперёк седла пленником. Представ перед князем, он сгрёб в охапку рослого врага, поставил его на ноги и, видя недоверие в очах воеводы и случившихся рядом с ним других князей, не растерялся.

— Этот шакал и есть Дивей-мурза,—пригибая пленника могучей рукой к земле, принуждая его встать на колени, сказал Тимур.

Витязь сорвал с него халат нукера, под которым были скрыты дорогие доспехи.

— Сеня Головин его опознал.

— Пусть же он скажет, откуда знает мурзу,—велел Воротынский.

— Два года в его руках был пленником, много раз его зрел вживую, как теперь,—отвечал Головин.—Посол Нагой меня выкупил и к государю прошлым годом послал с вестью.

Дивей зло осклабился, зашипел:

— Я прогневил Аллаха, не сломал тебе хребет.

Воротынский знал татарский язык и воскликнул:

— Птицу видно по полёту! Хороший подарок государю и войску сделал наш славный витязь. Буду просить государя за подвиг удостоить Алалыкина особой чести—дать дворянский титул и поместье. Слава витязю и всему нашему войску!

— Слава! Слава! Слава!—троекратно прокричали воины, собравшиеся вокруг командного пункта.

— Теперь отведите мурзу в шатёр, оставьте нас с князем Шереметевым, хочу спросить у мурзы многое.

Мурзу спрашивали с пристрастием: сколько привёл хан войска, что задумал совершить царь и что собирается делать теперь?

Мурза особенно не упорствовал, сказал, что хан привёл с собой двенадцать туменов, семь тысяч янычар, собирается сначала разбить Воротынского, выручит его, мурзу, из неволи, потом с пушками пойдёт брать Москву и самого царя Ивана, чтобы вернуть прежнее господство орды над Русью. Повелителю помогает его брат по вере—турецкий султан Селим.

— Силы моего повелителя велики, и гнев его будет тоже великим. Он сломает хребты каждому воеводе, кто попадёт ему в руки после падения крепости,—грозился мурза, а князья дивились наглости пленника, его самоуверенности.

Спесь с Дивея слетела, он сник после того, как ему сказали, что убиты ногайский Теребердей-мурза, трое ширинских князей. Астраханского царевича взяли в плен. Нукеров же побито бесчисленно много.

Девлет-Гирей был потрясён потерей своих военачальников. Негодуя, он клялся выручить своего воеводу и повелел назавтра повторить приступ. Но огромные потери резко охладили его пыл. Отойдя за Пахру в обморочном состоянии, он два дня зализывал раны, уряжал новых воевод, перестраивал полки.

Русское войско тоже понесло потери. Поредели стрельцы и казаки передового полка, конные воины от стрел и сабель противника. Урон ощутимый к соотношению всего войска, но каждый погибший унёс с собой до десятка татар и турок. Однако и при потерях Воротынский не позволил хану лечить войско в спокойствии. В ночь на первое августа над Пахрой повисли грозовые тучи, загрохотали громы, засверкали близкие молнии, освещая спешившееся войско татар и турок, пошёл ливень. Поначалу татары воздавали хвалу Аллаху за грозовое вспоможение от цепких урусов, которые не давали покоя даже ночью. Хвала оказалась преждевременной. За ливнем долго и нудно шёл мелкий густой дождь, наполнив Пахру и кочкарник избытком воды, подтопив шатры. Царь был вынужден вовсе покинуть спасительное болото и выйти к берегу реки. Дождь сеял до полудня. Затем вышло освежённое солнце, а вместе с ним появились русские и стали прицельно бить врага из пищалей. Им отвечали стрелами, а янычары извлекли из своих подмоченных сумок зелье и кое-как наладили огонь аркебуз. Вступать в рукопашный бой басурманы не решались, зная, что русские тут же уйдут в крепость и снова вернутся, как только татары откатятся за Пахру.

Первого августа стрельцы и казаки продолжали травиться с противником, нанося урон в живой силе, уходя от съёмного боя, держа в напряжении врага, сея в душе смятение, что могло прорасти шильями близкой паники и безудержного бегства.

За эти два дня раненым воинам лекари промывали настоями из целебных трав раны, убитых переносили в тыл и после отпевания полковыми священниками хоронили в братской могиле, ставили один крест. Работы хватало всем. Конные отряды сопровождали кормщиков, которые пополняли из Рожаи запасы воды. Возили бочками на подводах, наполняли баклаги каждому воину.

Воротынскому доносили о большом расходе зелья, пуль и зарядов для пушек, истощении провизии. Битве же конца не видно. Михаил Иванович

и сам видел непомерно большой расход огневых припасов от столь частой стрельбы и снарядил подвижной отряд в Лопасню и Серпухов с указом пополнить армию хлебом, скотом на убой, а главное—зельем и зарядами. Взять их как можно больше, ибо речь идёт о жизни войска и о свободе отчизны. Обернуться велел в течение суток. Гонцов с раскладом, чего и где брать, выслал немедля в города. Казну кормщикам для покупки продовольствия распорядился выдать сполна. Отряд, не мешкая, ушёл в ночь. Благо дорога наезженная.

Вечером первого августа с тыльной стороны гуляя, где стояла в резерве конница большого полка, пришли двадцать молодинских мужиков. Все в лаптях, кто в зипуне, кто в рубахе, у кого за спиной, у кого сбоку подоткнутые за кушаки топоры на длинных свежеоструганных черешках, в руках по самодельному копью, у иного рогатина, у троих по булаве. В туесках у мужиков малина и смородина. Их остановил на подступах сторожевой разъезд во главе с князем Юрием Курлятевым. Снаряжённого в дорогие доспехи, на боевом гнедом жеребце с серебряной сбруей, его мужики безошибочно определили воеводой.

— Чьи будете?—спросил князь Юрий.

— Молодинские, батюшка-воевода, многие вам лета, подсоблять идём супротив татарвы,—нашёлся среди них разговорчивый, на вид крепкий мужик в холстяной рубахе, в сером картузе, с бородой клином.—И гостинца несём. Бабы, ишь, ягоды набрали. Несите, наказали, нашим воям, пусть по горсточке посластят языки.

Его товарищи молча кивали головами в знак одобрения.

— И вам многие лета, мужики. Кто у вас старший?

— Я и буду,—ответил разговорчивый.—Анисим меня кличут, сын Коркин, оратай потомственный, батюшка-воевода. Ещё и хлеба печёные несём в заплечных мешках.

— Прибыток рати не помешает. Драться горазды ли?

— Животы положим за матушку-Русь, батюшка-воевода, не сумлевайся.

— Идите, мужики, с Божьим промыслом. Иван, проводи до ворот.

Окликнутый молодой всадник тронул коня, повернул вправо.

— Ходко за мной, мужики,—сказал бравый Иван и пустил коня скорым шагом.

За ним дружно заспешили молодинцы. В крепости их встретили с умилением. Голова крепости князь Иван Шереметев распорядился поставить мужиков к пушкам для пополнения расчёта, поскольку меткие татарские стрелы из арбалетов поражали даже прислугу пушкарей. Бойниц для пушек не хватало, и часть их стояла на лафетах в проёмах между повозками со щитами. Крепкие кованые крючья прочно удерживали повозки, проскочить между такими щелями-проёмами человек с ходу не мог, но прицельно стрелять они позволяли той и другой стороне дерущихся.

Приятная новость быстро облетела воинов. Пополнение невелико, но оно восхитило войско сговором мужиков, желающих драться с погаными по подсказке своего сердца. Да где ж взять татарину таких молодцев?! Да не только сами пришли, но съестные гостинцы богатые принесли и сдали в поварню. Князь Воротынский захотел взглянуть на мужиков. Несмотря на занятость в подготовке ожидаемого приступа татар, он присел на ступень повозки и стал спрашивать мужиков, что их заставило влиться в рать. Всё тот же словоохотливый Анисим доносил:

— В прошлом годе татарин пожёг деревню, не всю, правда, люди загодя схоронились в дальнем лесу, но пограбил остатни пожитки. В полон угнал, кто подвернулся под руку. Сколько ж можно бедовать, князь-воевода? Мы тебя знаем, не впервой тут.

— Сколько в Молодях дворов?

— Небогато, три десятка счёту после татарина. Земли тут скрозь пахотные. Орай токма, сыт будешь. В иной год жито сам-пять берём. Лён сеем, полотно ткём, портки да рубахи шьём. Маслице из семя давим сполна. Ягода всякая: глубеника, сморода, малина, черёмуха. В вершках Пахры клюква на болотах, черника водится, гриб белый—иной год не вынесешь из лесу. Приварок зело добрый. Землицей, князь-батюшка, кормимся, долами, не ленись токма.

— Славно говоришь, Анисим, душа от твоих слов петь хочет. Побьём басурмана Божьим промыслом да с вашей помощью—приеду на пироги с глубеникой, ещё со щавелем на меду люблю, а клюква студёная к чаю как хороша!

— Приезжай, князь-батюшка, долгие тебе лета, угостим пирогами, всей деревней встретим.

— И тебе, Анисим, долгие лета. Привыкайте тут, пушкари московские вразумят твоих мужиков,—князь тяжеловато поднялся, опершись о колесо.

Видно, годы и заботы ратные угнетали плоть, побаливали ноги, и поясница порой досаждает. Спасибо, Никита настоями лекарничает, в бане крапивой так пропарит—долго мурашки бегают, и вроде горит поясница, а приятно. Золотые руки у Никиты, куда бы он без него. Княжич Иван, главное, у него на руках, воин, возмужал, не заметишь, как и женить пора подоспеет. Сватов надобно скоро засылать…

Гонец, посланный к государю князем Воротынским с вестями о перелазе Оки крымским царём с огромным войском, прибыл в Новгород тридцать первого июля. Государь опечалился, ужаснулся от возможного повторения прошлогоднего пожога столицы и вспомнил свои тайные искания

убежища у английской королевы Елизаветы, ещё раз огорчился, что она отвечала на его просьбу с холодностью, хотя обещала принять и позволяла жить, где Иоанн пожелает. Послу Дженкинсону Иоанн говорил: «Для чего же королева, занимаясь единственно выгодами английской торговли, не оказала живого участия в обстоятельствах, решительных для судьбы моей? Знаю, что торговля важна для государства, но собственные дела царские ещё важнее купеческих».

Следом за первым гонцом прибыл второй, с более отрадными вестями: войско князя Воротынского вцепилось в хана и остановило его на реке Пахре. Государь приободрился и велел снарядить гонца Воротынскому с грамотой, в которой писал держать собаку-царя, а он поспешно отправит сильное войско. Сам же продолжил праздновать свадьбу своего шурина Григория Колтовского.

И «…князь Юрья послал гонца с грамотою, что идёт рать новгородская многия»[10].

Тайный царский гонец стремительно шёл к Пахре. Тут его полонили татарские разъезды, грамоту отняли и прочитали. Спрашивали гонца, когда прибудет новое войско. Гонец ничего не знал. Его пытали и умертвили.

Девлет-Гирей советовался с оставшимися царевичами, мурзами и решил быстрее разбить войско Воротынского, выручить из неволи своего советника, обогатиться захваченным огнестрельным нарядом, а отдохнувшее и победное войско встретит и поразит государеву рать. С берегов Оки будут переправлены к войску оставленные турецкие пушки и припасы. Пушкари усилят его рать, кони будут повёрнуты на Москву, засевший там враг также будет разбит. Устрашённый Иоанн запрётся в Новгороде, его обложат, как волки оленя. Тогда русская земля снова окажется на многие века под пятой татарской. Он сам сядет на Москве и раздаст своим вельможам окрестности, как обещал ещё в Бахчисарае.

Второго августа, оправившись духом, Девлет-Гирей назначил новый приступ гуляй-города. Сил у него было ещё предостаточно, он отменил безумные конные набеги, спéшил войско и пошёл брать крепость пешим строем. Вдали на бранном поле, недосягаемые для пушек, строились, устрашая ровными рядами, фаланги янычар, каждая в шесть шеренг. По краям и за ними — спешившиеся турецкие татарские конники. Конные полки с флангов густо прикрывали пеших. Развевались татарские и турецкие знамёна, трещали мелкие барабаны, ухали раскатисто большие, надсадно выли трубы. Мириады солнечных бликов от доспехов, сабель, кинжалов, аркебуз полыхали, словно разлившееся море. У русских ратников по шкуре полз мороз.

В ответ загрохотали полковые барабаны, грозный набат творили те же восемь барабанщиков большого полка, свистели десятки рожков, басили трубы, пели зурны.

Увидев иной ход приступа, главный воевода велел расступиться гуляй-городу, бросить стены на рвы и всех стрельцов и казаков впустить в крепость, встать в неприступную оборону у бойниц и над стенами, закрыться от стрел доспехами и щитами. Их было не счесть: собранные с убитых врагов кольчуги и щиты быстро разошлись по ратникам, зерцала и шеломы тоже. Большая часть кожаных доспехов за ненадобностью свалена в кучу. Подходи, бери. Но их не брали: противен был устоявшийся запах долго не мытых тел степняков.

Фланги крепости по-прежнему прикрывала конница всех полков. Только всадники большого полка, скрытые лощиной, оставались в резерве, томительно, но терпеливо ожидая своего решительного часа. Причём уж который день! Как можно вынести бездействие в то время, когда твои сотоварищи бьются из последних сил, проливают кровь и умирают? Просились в первые ряды. Но воля большого воеводы была непреклонна: время резерва ещё не наступило, и надо ждать решающего момента, как ждал его на Куликовом поле воевода волынец Дмитрий Боброк. Когда же он наступит?

Главный удар татар был нацелен на гуляй-город, в нём крымский царь видел первостепенное зло. Там сидел в плену его главный воевода Дивей-мурза, которого царь поклялся вызволить. Жаркое августовское солнце выжимало пот. Воины удушливо покашливали. Янычары разодеты как куклы: широкие синие шаровары заправлены в коричневые высокие сапоги, на плечах наглухо застёгнут атласный плащ красного цвета, полы подоткнуты под кушак, видна низкая юбка кафтана с жёлтыми рукавами. На кушаке висит кривая длинная сабля в ножнах, тут же подоткнут ятаган. На голове длинный колпак с золотистой оправой. Хорошая мишень для стрелка. Татары одеты проще — в однотонные халаты, опоясанные кушаками. Оружия навешено на каждого больше: тут и кривая сабля в ножнах, через плечо кожаный сагайдак со стрелами и луком, кинжал с набалдашником на рукоятке. У воинов первых шеренг в руках копья. На голове малахай из фетра. Поневоле сопреешь, да ещё прижаренный стрелецкими и казачьими пулями.

Шеренги пеших под гром барабанов двинулись. Под грозный дружный клич янычары и вся татарско-турецкая рать выхватила из ножен сабли. Они сверкнули на солнце тысячами зеркал. Русская крепость молчала, только гремел полковой барабан, играли трубы и рожки да зурны.

Князь Воротынский пристально наблюдал за мощным и красивым движением врага. Зрелище впечатляло, слышан был мерный твёрдый шаг

10. Пискарёвская летопись.

многотысячного войска. Сколько же их идёт, сколько осталось в резерве? Последний вопрос волновал воеводу больше всего и решал исход замысла. Ещё один день приступа — и огнестрельный заряд, даже пополненный из крепостей, может истощиться, отбивать наседающего врага станет нечем. Но никто не мог сейчас сказать что-то утешительное. Разве что меткая стрельба его пушкарей, стрельцов и казаков, стойкость и напористость конницы.

В горле от напряжения пересохло. Воевода ждал приближения грозного врага. Вот фигуры из карликовых выросли во весь рост, вот уж можно различить и лица первой шеренги. Она дружно выбрасывала из глóток боевой клич, устрашая. Сглатывая твёрдый воздушный ком, главный воевода взмахнул рукой, отдавая команду. Справа и слева раздались голоса воевод огнестрельного наряда князей Коркодинова и Сугорского:

— Заряжай соколики первым зарядом! Выбивать янычар с аркебузами, не давать им вести огонь!

Пушкари ловко, без суеты, в минуту выполнили наказ.

— Соколики заряжены, — понеслось от пушек, — фитиля запалены!

Ещё выжидательная пауза. Глазомер подсказывал: расстояние между крепостью и атакующими сократилось на двести саженей. И снова взмах руки главного воеводы, стоящего на виду у всего войска под знаменем с изображением Спаса. Шелестели на ветру полковые знамёна, светились лики святых угодников. У защитников крепости прибавились копья, на длинных древках — вымпелы и ленты. Их частокол то поднимался, то опускался на стены крепости, показывая её неприступность, создавая впечатление многочисленности воев в шеломах и ладных доспехах, смущая врага.

— Соколики, за веру, отечество, за государя по басурманам — залп! — раздалась команда воевод у наряда.

Дружно, раскатисто ахнули пушки, отскочившие назад от самого сильного заряда, бьющего на двести и более саженей. Пороховой дым окутал стены крепости, с визгом полетел дроб свинцовый вперемежку с чугунными шариками и отборной круглой гранитной галькой.

— Заряжай первым зарядом, — раздалась новая команда воевод, ещё не видевших, что же произошло с врагом.

Но не успела смолкнуть команда, как с поля раздался вой раненых: по такой армаде промахнуться было мудрено. Враг смешался, ряды его расстроились, но зычные голоса полковников янычар повелевали выровнять строй и пуститься на приступ бегом. И тут их накрыл второй залп картечи. Несколько десятков полевых пушек изрядно устлали поле разноцветными трупами. Однако янычары и спешившиеся турки-конники, стиснутые с флангов татарами и отрядами конницы, бежали вперёд.

Третий залп пушек слился в единый с залпом пищалей стрельцов и казаков. Били прицельно. Передние ряды наступающего войска опадали, как под косой подрезанная трава. Строй смешался, и новый залп соколиков и пищалей погнал врага вспять. Тучи стрел, выпущенных наступающими, падали, не долетая до гуляй-города. По отступающим ударила конница полков, началась сеча. Но конных татар, поддерживающих приступ, оказалось слишком много, и Воротынский велел трубить отход коннице. Она под прикрытием огня пушек и пищалей откатилась, обагрив сабли, шестопёры и булавы татарской кровью. Но и сами вои обагрились своею.

Пеший приступ откатился на безопасное расстояние, густо усыпав почерневшее поле трупами. Хан обзывал отступивших турок шакалами, трусами, недостойными жизни и милости, грозился применить старый обычай предков: ломать хребет отступившему нукеру или турку, а с ним и всему десятку, отступит десяток — казнить сотню. Его царский полк угрожающе ощетинился саблями, арбалетами, и прославленные в иных странах, но посрамлённые на земле московской у деревеньки Молоди янычары вновь стали строиться в шеренги. Новая атака была настойчивее и более многочисленной, хотя шеренги янычар укоротились. Девлет-Гирей ввёл в бой новые силы.

Пушки и пищали раскалялись от пальбы, их охлаждали водой, она кипела, брызгая горячими каплями, обжигала. Воду требовалось экономить, Рожая хоть и рядом, да где тут сбегаешь во время неистовой брани, когда каждый стоящий на ногах человек бился у стен крепости! Припекало и полуденное солнце, выжимая пот. Рубахи под доспехами у пушкарей и стрельцов взмокли, пищали жгли руки.

После нескольких отбитых натисков янычары и татары, прикрываясь огнём аркебуз, всё же прорвались к стенам, пытались раскачать щиты, повалить и ворваться в расположение. Крепость от усилия множества рук ходила ходуном, крючья крепления щитов гнулись, стены кренились, внутренние колёса телег то там, то здесь отрывались от земли, грозили опрокинуться и дать дорогу врагу. Сеча шла великая, в ход пошли копья, сабли, топоры. «И тут многих тотар побили и руки пообсекли бесчисленно много», — доносит нам «Повесть о Молодинской битве». Ров перед гуляем стал быстро наполняться трупами, давая возможность набегавшим нукерам и янычарам без усилий хвататься за стены. Конные полки с флангов бросались в атаки на наступающих, давили пеших конями, доставали саблями. Но врагов всё ещё было слишком много, наседали конные татары, что прикрывали фланги пеших. Сдержать превосходящего противника удавалось с огромным трудом. Разящая сила пушек и пищалей в ближнем бою теряла свою мощь, но гром огня не умолкал. Били

кучно в ту сторону, где у татар и янычар намечался успех, грозя разметать щиты гуляй-города. Иногда казалось, что вот-вот крепость рассыплется и враги ворвутся в расположение. Но каждый раз витязи находили силы и отбивались, едва ли не в упор из пищалей расстреливали наседавших.

Воротынский в доспехах, шеломе чутко следил за ходом битвы. После полудня он убедился, что Девлет-Гирей, не считаясь с потерями, бросает в бой новые и новые силы, и вот уже всё его войско сгрудилось перед гуляй-городом. Брошенный камень не упадёт на землю, выпущенная из пищали пуля найдёт цель. Но и в гуляй-город через стены летел косой дождь стрел, находя жертвы, барабаня по щитам стоявших в резерве и измаявшихся в бездействии конных воев большого полка, готовых в любую секунду ударить по приказу своего воеводы. Приближалась та решительная минута, о которой Воротынский всё время говорил резерву. Князь приказал явиться князю Андрею Дмитриевичу Палецкому — помощнику в резерве.

— Князь, наступает час резерва. Готовы ли воины выступить сиюминутно?

— Заждались! — на лице Палецкого засияла радостная улыбка. — Животы положим!

— Надо победить, князь, и сохранить животы. Отдавай команду готовности. Пусть сторожи разберут завалы в лощине.

Грузный, отяжелённый доспехами князь повернулся и заспешил к воинам большого полка; вот он не удержался и с шага перешёл на бег. Увидев необычное поведение воеводы, кавалеристы без слов поняли, что наконец-то пришла пора показать себя в сече. Подобрались, изготовились к выступлению, как благодать восприняли слова князя о скорой атаке на врага.

Одновременно Воротынский призвал князей Хованского, Хворостинина, Одоевского, Шуйского и Репнина. Они находились со своими полками, но явились быстро.

— Князья, дело к вечеру, а битва не угасает. Зелье кончается, воды нет. Мыслю, царь бросил все силы. Басурман осатанел, натиск усиливается. Обойдём его манёвром: я в полной тайне по лощине, что за гуляем, быстро зайду в тыл басурману, ударю. По сигналам моих труб надо дать последний залп со всего огнестрельного наряда и броситься со всем войском навстречу мне. Битва решится! — Воротынский внимательно смотрел в глаза воеводам, убеждаясь, убедил ли. — Я на вас надеюсь, на решительность, рать за вами пойдёт. Предупредите всех стрелецких голов, пушкарей, пусть пойдёт каждый, с Божьей помощью одолеем. Вижу, глаза загорелись! Пора, минута дорога, слушайте сигнал к общему приступу! В гуляе единый глас к приступу пусть подаст воевода Шереметев.

Князь, не мешкая, сверкая доспехами, с лёгкостью молодца вскочил на своего каурого, выехал из ворот крепости и повёл конницу большого полка по лощине, подминая душистые, в рост человека, цветущие медоносы и кустарник. Сторожи разобрали завалы на выходе из лощины, и князь с ходу изготовился для удара с тыла. Заиграли трубачи, давая сигнал к встречной атаке всех сил, находящихся в крепости. Затрещали барабаны воевод, поднимая дух своей рати и угнетая вражеский.

— Сыны мои, — крикнул зычно большой воевода, — не посрамим отцов и братьев наших, за веру и отечество секи басурмана!

И первый ринулся в атаку, видел, как мчат рядом его рынды с копьями, как засвистела в воздухе туча стрел, как сверкнули сабли на солнце, склонившемся к дальнему лесу. Слышал грохот пушек и пищалей, за ним казачье «Ура!», подхваченное остальным войском, слышал, как бил рокотно полковой барабан, наигрывали рожки и зурны. Но увидел главное: растерянность настигнутых басурман, их искажённые смертельным страхом лица, — и понял, что они сейчас побегут под воинственные клики русских конников, что неустрашимой широкой, но не густой лавой гнали коней в карьер!

Натиск получился стремительный, застоявшиеся всадники, давно рвущиеся в бой, выплеснули свою отвагу и злость на врага, настигали и били нещадно. Конные полки татар пытались пойти на выручку пешим, но…

Дав залп из всех пушек и пищалей, из крепости выхлестнулась лавина пеших воинов всех полков. В атаку шёл каждый, кто мог стоять на ногах и держать саблю или боевой топор. Впереди — отважные воеводы Дмитрий Хворостинин, Фёдор Шереметев, атаман Михаил Черкашенин с казаками, за ними, увлекая за собой прислугу пушкарей, — князья Семён Коркодинов и Захарий Сугорский. Слева на врага устремились остатки сторожевого полка с воеводой Иваном Шуйским, полка левой руки во главе с воеводой Андреем Репниным. С правого фланга ударили остатки конницы передового полка и правой руки. Их вели неустрашимые князья Андрей Хованский, Никита Одоевский. Напор ратников с двух сторон был настолько неожидан и силён, что татары, крича: «Урус, урус — подмога!» — ринулись в бегство, бросая оружие, в панике давя друг друга, а тот, кто сопротивлялся, понимая, что русских гораздо меньше даже после нескольких дней битвы, был сражён застоявшимся резервом. Бегущего врага преследовали до темноты. Обтекая Молоди, сеча докатилась до берегов Лопасни. Воротынскому и другим воеводам, князьям стало ясно: враг разбит наголову.

Ночь укрыла остатки рассеянных всадников и пешцев. В бою были убиты царевичи и внук хана, многие мурзы и нукеры взяты в плен, повязаны арканами. Янычары полегли полностью. Поле битвы цветасто пестрело трупами.

Не приходи на чужую землю!

Любовь Степанова

Сиреневый ветер

Лета жду

Я лета жду, как лета ждёт река,
Играющая в спящую царевну.
Седлаю старой марки Горбунка
И уношусь в забытую деревню.

Спешу не в тридесятые края,
В пяти верстах живёт родное лето.
Ведёт к нему в ромашках колея.
Не надо визы ждать и брать билета.

Всё здесь как прежде, много лет назад,
Но гуще березняк и кедры выше.
Некошеные травы норовят
Пощекотать домов печальных крыши.

Здесь детство заблудилось навсегда
Среди озёр в звенящих медоносах.
Сверкнёт оно, как под ногой слюда,
Как дождь слепой, запутавшийся в косах.

Здесь время поворачивает вспять,
И потому всегда спешу сюда я
Счастливейшие годы вспоминать,
Где жив отец, где мама молодая.

Сиреневый ветер

Сиреневый ветер лопочет
О спрятанной в сердце любви…
А в Питере белые ночи.
Ну что ты молчишь? Позови!
Надену я лёгкие крылья
И старенький зонтик возьму…
Ты помнишь, в ту ночь мы открыли
Сирени душистую тьму?
В соцветьях напрасно искали
Пятилепестковый цветок.
И вот мы с тобой на вокзале.
Мой поезд идёт на восток.
Качнётся кораблик на шпиле,
Блеснёт золотая корма…
Ах, как мы друг друга любили,
От счастья сходили с ума.
Знакомый сиреневый ветер
Задел моё сердце в ночи.
Хочу, чтобы ты мне ответил.
Я жду. Отзовись. Не молчи.

Не до сна

Не хочется верить, что всё уже предрешено
И после зимы не наступит однажды весна.
Задумчивый месяц клюёт золотое пшено.
Под снегом дома задремали, а мне не до сна.

За тёмным окошком колдует январская мгла,
Сулит одиночество: о, не сойти бы с ума.
Я жизнь свою здесь, на земле, прожила как могла
И всё в этой жизни упрямо решала сама.

Прохлада окна не остудит горячего лба.
На чистых снегах народился крещенский рассвет.
По белому полю промчалась кривая судьба,
Тропинок намяла! — а главной дороги и нет.

Ну кто виноват, что брела до сих пор не туда,
Не ведая Божия страха, всегда напролом?
Очисти меня, иордани живая вода,
Мой ангел-хранитель, коснись невесомым крылом.

Микула Селянинович

Чёрные волны. Рубаху, что парус, надуло.
Курс — на зарю окоёма, и — право руля!
Эх, исполать богатырскому роду, Микула,
Вечный оратай бессмертной планеты Земля.

Не расписная ладья — стопудовая сошка
Мерно скрипит, нарезая отвалы-века.
Чаек прожорливых стая, коня не тревожь-ка!
Экая прыть — задарма ухватить червяка.

Солью к могучей спине прикипела рубаха.
Солнце, и ветер, и мышц перекаты, и — с плеч.
Стой! За бугром вороньё раскаркавилось, пахарь!
Не потому ль на меже и кольчуга, и меч?

Скинуты наспех, ещё не остыли доспехи.
Дюже крепка и меча, и сохи рукоять.
Кабы не метили землю кровавые вехи,
Век бы охаживать пашню, а не воевать.

Полно, мой сокол, да взора не застит кручина!
Глянь: где коней огнегривых рожает заря,
В тёплой земле утопая, несу тебе сына,
Древа славянского веточку. Богатыря!

Звёздная лестница

С неба звёздная лестница в снег ударила звонко—
Потеряла Медведица своего Медвежонка.

Непослушного сына отыскать бы скорей!
Где ты? В искрах снежинок? В огоньках фонарей?

Где ты бродишь, плутишка? Вот затеял игру!
Гаснут звёздочки, слышь-ка, на Земле поутру.

Непоседа доверчивый к ней в восторге примчался
И поведал, что вечером с другом он повстречался.

Под ночным небосводом мальчуган без опаски
Угощал его мёдом, сочинял ему сказки.

И рассказывать будут мамам мудро и просто
Медвежонок—о людях, человечек—о звёздах.

Одинокая птица

Людмиле Смирновой,
художнику и поэту

Вольная и одинокая птица,
Нежная радуга в мире теней!
Всё повторится и довоплотится,
Всё—от вершины мечты до корней.

Там, в заоконном тревожном покое,
Вне бытия, и жилья, и молвы,
Мрака мрачнее восстало такое,
Что пережить не осмелились Вы.

Серые улицы, серые лица,
И безысходность в грунтовке холста.
Было бы силы упасть и молиться,
Но в измождённой душе—пустота…

Где вы, родные крылатые кони?
Что ж вы, вспорхнувшие к струнам персты?!
Мраморным холодом жжёт подоконник.
Туже объятья глухой пустоты.

А на мольберте окна всё безлюдней.
Небо ослепшее сводит с ума.
—Люди, я стану серебряной лютней,
Чтоб отступила вселенская тьма!

Стану морозного утра дыханьем,
Стану росой наступившего дня.
По доброте не вмените греха мне.
Радуйтесь, и, вспоминая меня,

Эти лучи золотого веселья
В жёлтом, и синем, и красном—лови!
Счастливы все ли? обласканы все ли
Светом вовеки бессмертной любви?

Татьяна Биргер

Ночная кошка

Сон

Светлых ангелов собранье
    в небесах,
Или ветра трепыханье
    в волосах,
Сладкий сон о жизни прежней
    посетил,
Голос вечный, трубный, нежный
    возвестил.
Как подруга Маргариты,
    как мечта
(Ну, скорее посмотри ты:
    та, не та?),
На метле, на самолёте,
    на шесте,
Кто со мною там в полёте:
    те, не те?
Позади—людское поле,
    суета,
Впереди—лишь ветер, воля,
    пустота
И безбрежный, беспредельный
    океан—
Как виденье, наваждение, обман…
А внизу, в той синей дали,
    в окне—
И манили, и кивали…
Мне?

Рождество

Лёгкий ангел прилетел,
Дунул в ушко,
Тихо песню засвистел
Над подушкой.

И на небе вдруг звезда
Появилась,
Сладко сердце из груди
Покатилось.

Я зажгу свечу
У окошка:
Хоть кому-то посвечу,
Хоть немножко.

Вся от слёз моих сияет подушка,
Как тот ангел на еловой макушке.

Когда погас свет

Ни во что не влюблена,
Лишь ночная глубина
Манит дном.

Тишина в ушах звенит,
С темнотою говорит
Дом.

Молча руки подниму.
Тьма и сердцу, и уму
Шлёт привет.

И внезапно хорошо,
Когда в городе большом
Гаснет свет.

● ● ●

Ветер по небу носился,
Ветер в дом ко мне просился,
Загудел, влетел в окно,
Душу вынул заодно.

В небе дождик суетился,
Каплею в окно скатился.
Эта капелька одна
Душу выжгла мне до дна.

Я осталась без души.
Я—твоя, тоска, души!

Весна

Снова в доме тишина.
Ты приди ко мне, Весна,
Низко косы распусти,
Сладко дрёму напусти.

Не ступи ногой босой
Ты на робкий луч косой.
Он дрожит, но держится,
В нём котёнок нежится.

Долгожданная Весна,
Ясных глаз голубизна,
Приходи, не мешкай,
Молодца утешь-ка.

Старые женщины в саду

М. и А. Цветаевым

Две старые больные тени
Просвеченным на солнце днём
Уходят в сад, где всё—цветенье,
Чтобы навек остаться в нём,
В цветах, деревьях, травах, птицах…
В них нет ни капли суеты.
Привет, покой на древних лицах.
Едва меняют их черты
Лишь писк птенцов да птичьи ссоры.
Но солнце светит, и тепло.
Давно закончены все споры,
Давно всё в Лету утекло.
Прекрасные старухи века
Страстей, изящества и бед,
Вам низко кланяюсь. Вы—веха
Страны, которой больше нет.

● ● ●

Старушка читает стихи,
И тонкая ниточка счастья
Скользит вдоль цветочной трухи,
Вдоль книги, под хрупким запястьем.

И в каждом ей слове намёк
Всё слышится, словно из детства
Она извлекает урок
Былой красоты и кокетства.

И юность у моря, и смех
Она вспоминает с улыбкой,
И год роковой, что для всех
Потом оказался ошибкой.

В семнадцать так хочется петь!
Вон в парке всё вальсы играют…
А сколько потом претерпеть
Придётся, пусть лучше не знают.

Ночная кошка

Когда топорщит рожки
Блестящий серп в окне,
Ко мне ночная кошка
Спешит во сне.

Ступает там, где хочет:
Тут, там, везде,
Горят кошачьи очи
В ответ звезде.

Бьёт раскалённым током
Зовущий взор,
На дне его глубоком
Цветёт узор.

И вся в истоме страстной,
В себя погружена,
И страшно, и прекрасно
Кричит она.

Мои пылают плечи
И голова,
И в крике этом вечном
Ловлю слова.

В них мира откровенье,
В них смысл и свет,
И в них моё спасенье
От зла и бед.

Во тьме ночной лоснится
Пушистый мех,
И слышу или снится
Далёкий смех?

Когда пробьёт дорожку
Луна в окне,
Опять ночная кошка,
Спешит ко мне.

Екатерина Самусенко

Минута славы

Аз есмь завучъ

— Вот, ребят, какое дело. Вы же пришли в школу отрабатывать летнюю практику? А копать землю под саженцы вам, как вижу, не хочется,—учитель истории и завуч нашей школы Александр Николаевич Андреев прошёлся по кабинету, сел на край стола и испытующе поглядел на нас с Лёхой.—Не хочется, не отговаривайтесь. Так вот, у меня к вам деловое предложение…

— Опять подклеивать старые книжки в библиотеке?—мрачно спросила я, памятуя о прошлогодней практике.—Тогда учтите: если библиотекарша снова будет мучить нас ранним Пастернаком в её исполнении, то всё кончится как в прошлый раз.

— Бессовестные вы люди, Логинова. Светлана Васильевна потом месяц ходить не могла из-за того, что ей на ногу «случайно» упала полка с томами Большой советской энциклопедии,—Александр Николаевич старался сохранить серьёзный вид.—Но нет, я имел в виду не совсем это. Понимаете, завтра в школу придёт районная комиссия, нужно навести порядок…

— Ну не, убираться мы не будем,—замотал головой Лёха.—Полы ещё мыть, ага! Чёрта с два…

— Не перебивай учителя, Балашов. Никто не заставляет вас убираться в классах, я прошу вас подготовить к проверке только мой кабинет. Видите, сюда после экзаменов привезли документы,—он кивнул в сторону красовавшейся на его столе кипы бумажек,—я начал их разбирать, но успел только разложить по разделам. Делов—всего ничего: напечатать корешки для папочек, упаковать бумаги да покрасивее расставить на полке. Задача ясна? Вот и прекрасно!

Мы уныло кивнули и синхронно посмотрели в открытое окно. Жаркий июньский день так и манил на улицу: во дворе раздавались крики мелкотни из школьного лагеря, шуршал колёсами и звенел чей-то велосипед, вовсю надрывались птицы (судя по звукам, кто-то едва не попал мячом в гнездо на дереве). Нам же с Лёхой предстояло продремать весь день за какими-то бумажками…

— Александр Николаевич, а может, мы всё-таки покопаемся в грядках?—безнадёжно предложила я.

— Ничего не знаю. Я вернусь к четырём часам… может быть. Если закончите раньше—ключ от кабинета на столе!—донеслось уже из-за двери.

Делать было нечего—я включила компьютер и начала набирать под Лёхину диктовку названия папок. Названия были страшные и непонятные: «Списки объединений дополнительного образования»,—или: «Дополнительные списки объединённого образования»,—или даже: «Объединённые дополнения образованных списков»,—как ни переставляй слова, ясней они не становились. Муторная работа перемежалась тяжкими вздохами.

— Летняя практика—это то же рабство, только над школьниками,—процедила я сквозь зубы спустя пятнадцать минут.—Странно, что наш Андреев не думает об этом.

— Ну да! Он же историк. Тем более он должен знать, что крепостное право отменили ещё в… в… тысяча семьсот каком-то году.

— Восемьсот шестьдесят первом. Но для нашей школы, видимо, его решили восстановить…

Лёха со злостью стукнул кулаком по стареньому, видавшему виды принтеру—тот испуганно хрюкнул и выплюнул зажёванный листок с названиями папок. Комок испорченной бумаги тут же был выброшен в окно и, очевидно, пролетел в паре сантиметров от многострадального гнезда (птицы заголосили ещё усиленнее).

— Хорошо бы завтрашняя комиссия узнала, что в нашей школе процветает рабовладельческий строй!—крикнул, перегнувшись через подоконник, Лёха—не то мне, не то младшеклассникам на улице.—Давай оставим на столе письмо. «Мы, угнетённые непосильным трудом и притеснением со стороны феодалов…»

— Зачем же письмо? Всё гораздо проще,—пробормотала я и сама расхохоталась своей задумке.—Лёха, ты подумай. Если Андреев не вернётся сегодня проверить нашу работу, мы можем безнаказанно написать вместо этой заумной ерунды всё, что вздумается. И увидит это уже не он, а районная комиссия! Понимаешь?..

Для пробы я взяла название пятнадцатой папки «*Списки учеников*». Заменила «учеников» на «крестьян», добавив для пущей важности твёрдый знак на конце, а после в порыве вдохновения допечатала мелким шрифтом: «*Ревизская сказка*». Балашов, тоже сдававший в прошлом году зачёт по «Мёртвым душам», чуть не вывалился со смеху в окно, а я продолжила набирать.

«Рейтинг учителей» — *«Табель о рангахъ»*…

«Связи с другими учебными заведениями» — *«Внешняя политика»*… хотя нет, лучше *«Дипломатическія отношенія съ иными державами»*…

Через два часа усердных размышлений, непрерывного хохота и загугливания правил дореволюционной орфографии папки были готовы. На том наша сегодняшняя практика заканчивалась, и мы имели полное право закрыть кабинет и бежать хоть на все четыре стороны… но теперь жажда деятельности не оставляла нас в покое.

— Чудо, а не папочки, — подытожила я, глядя на аккуратно составленные на полке корешки. — Такие хоть к императору во дворец, и то неплохо будет. А, Лёха?

Лёха не ответил: он, беззвучно хохоча, зачем-то искал в «Кивипедии» страницу «Титулы русских царей».

— «Божіею милостью Мы, Александръ Николаевичъ Четвёртый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Сибирскій…»

— Вот чёрт, места на бэйдже не хватает.

— Пиши: «и прочая, и прочая»… Да не забудь в конце: «Завучъ по воспитательной работе»!

…Чтобы завершить оформление кабинета новоиспечённого Школьного Императора, нам не хватало парадного портрета Его Величества. Лёха, загоревшись идеей, уже выбирал, куда лучше подклеить лицо нашего завуча — на портрет Петра Первого, более подходящего под обстановку, или Наполеона Бонапарта (он здесь был совершенно ни к чему, но выглядел эпичнее). Но отсутствие «Фотошопа» на компьютере заставило нас отложить эту задумку на потом.

На следующее утро ни я, ни Лёха не пришли в школу — побоялись монаршего гнева. Как нам позже рассказали, мы пропустили грандиозное зрелище!..

Та самая страшная комиссия интересовалась только состоянием столовой, а в кабинет завуча даже не заглянула. Зато после проверки наш Андреев в разговоре с другими руководителями летней практики намекнул, что дал ученикам достаточно оригинальное задание (какое — не уточнил). Заинтригованные учителя — человек десять, не меньше, — немедленно кинулись в кабинет…

Первое, что им бросилось в глаза, — это план-схема школы с невинной подписью: «Резиденція Государя». Возле на стене красовался полный список титулов местного монарха (нагло заимствованный не то у Петра Первого, не то у Александра Второго), полку украшали многострадальные папки с монархическими корешками. Табличка «Приёмъ челобитныхъ» и самодельная бумажная корона на столе довершали впечатление.

Хохот стоял такой, что прибежала директриса… и сама от души посмеялась над «оригинальным заданием».

Нет, просто так для нас с Лёхой эта история не закончилась. Всю оставшуюся практику мы отрабатывали в кабинетах других учителей, оформляя и им интерьеры по заказу.

Да, и надежда на чувство юмора нашего историка вполне оправдалась. Хоть Его Величество и заметил, что при царях детей воспитывали розгами, он, похоже, на нас не обиделся. Во всяком случае, с практикой проблем не возникло. Так и расписался у нас в зачетках: *«Практику принял! Моё Императорское Величество Андреев А. Н.»*.

Минута славы

Школьный двор цветёт букетами и бантиками первоклассниц. Учителя шикают на галдящих подростков, призывая их соблюдать тишину. Но ребятам нет дела до юного скромного дарования, пищащего со сцены поздравление преподавателям, у них есть темы для обсуждения поинтереснее.

Наконец юную нервную чтицу уводят за ручку со сцены. Микрофон берёт директор, включается гимн России, и школьники неохотно замолкают. Начинается торжественная часть.

— Право поднятия флага, — патетично произносит директор, — предоставляется ученице восьмого «А» класса Галине Логиновой.

Это мой звёздный час.

Я гордо покидаю колонну своего класса, чувствуя, как меня провожают завистливые взгляды, и торжественным маршем направляюсь к флагу. Как живописно он будет развеваться над этими берёзками на фоне ясно-голубого сентябрьского неба!

Я принимаю картинную позу (меня снимают на видео), дёргаю за верёвку… дёргаю ещё раз. Что за ерунда?!

Флаг совершенно неэстетично цепляется за ветку одной из берёзок и застревает на полпути «между небом и землёй», а я, с ослиным упорством продолжая дёргать за верёвку, понимаю, что историческая видеозапись потерпела крах.

— Лёха-а, — жалобно тяну я, обращаясь к своему однокласснику, который подобрался к флагу ближе всех, стремясь сфотографировать меня с наиболее удачного ракурса. — Лёха, помоги!

Лёха — высокий и крепкий восьмиклассник, косая сажень в плечах. Ему не то что флаг зацепившийся поднять — берёзу мешающую сломать всё равно что раз плюнуть.

— Да что я-то? — мгновенно тушуется он. — Ты же отличница, это тебе честь оказана. А я троечник, я и тут постою.

С этими словами он делает шаг назад, картинно разворачивает плечи и по-военному равняется на повисший тряпкой флаг.

— Лёха, гад! — со злости я едва не рву верёвку, и знамя молнией взлетает вверх.

Это происходит как раз к концу гимна.

Я торопливо разворачиваюсь, неловко кланяюсь и резвым галопом улепётываю подальше от всех камер, одноклассников и многострадальных флагов.

Лёха стоит подобно статуе победителя и с гордой миной салютует победно развевающемуся знамени.

Цветы от поклонниц

1.

Продавец цветочного магазина зевнула и скучающе посмотрела на часы. Близился конец рабочего дня, и она мечтала поскорей закрыть павильон, дойти до дома и выпить чашку крепкого горячего чая. Последнее особенно привлекало из-за ужасной погоды: завыванья ледяного ноябрьского ветра и пробрасывающий снег заставляли поёжиться.

Ну кому в такую погоду могут понадобиться цветы? Для свиданий под фонарём слишком холодно, для подарка любимой учительнице — слишком поздно. И между тем перед витриной уже четверть часа о чём-то шушукались две девчонки лет четырнадцати на вид, показывая пальцами на букеты и оживлённо споря друг с другом.

— Вам чего, девчата? — устало спросила продавец в тайной надежде, что школьницы забежали просто погреться и сейчас же уйдут. — Подарок, что ли, высматриваете? Классному руководителю на день рождения?

— Нет, — отозвалась одна — та, что повыше и в очочках. — Мы на концерт собираемся. Вот, не знаем, что на поклон вручать…

— Мы фанаты, — вставила другая, чуть помладше, с лицом, усыпанным веснушками.

— Не фанаты, а поклонницы, — строго поправила первая. — Большая разница.

В чём разница состоит, она не стала пояснять, а продавец понимающе кивнула.

— Вот, возьмите розы. Классика жанра. Женщине или мужчине дарим?

— Мужчине, — пискнула младшая и назвала фамилию актёра.

Продавец поморщилась: фамилия эта в последнее время звучала повсюду и успела ей изрядно надоесть. Впрочем, фанатки эти… то есть поклонницы, наверняка без ума от своего кумира, и вставлять недовольные реплики в его адрес женщина не осмелилась.

— Мне, пожалуйста, красную розу, — помедлив, попросила старшая, — а Надюхе… Надь, ты какую берёшь?

— Оранжевую, она красивее.

«Как же, будет актёр ваш разглядывать, что вы ему дарите», — мысленно усмехнулась продавец. Однако желание клиента — закон. Женщина скрутила две упаковки, обернула их сверху газетой, чтобы цветы не замёрзли, и протянула девчонкам.

Детский восторг отразился на лицах поклонниц. Обе сбивчиво ответили «спасибо», сунули деньги и бережно взяли букетики, словно что-то безумно драгоценное.

Дверь за девчонками захлопнулась, и школьницы ушли в сумрачный ноябрьский вечер.

2.

Три часа пролетели как один миг. Но наконец начался последний номер концерта, и я потянула Надюху за рукав.

— Саш, ты чего? Ещё же не кончилось! — пробормотала она, влюблённо глядя в бинокль на сцену.

— Побежали! Сейчас Он допоёт, толпа хлынет к сцене, и туда вообще нельзя будет пробиться. Нам ещё с балкона спускаться, точно опоздаем! А так будем первыми.

Мы пробежали по ногам возмущённой публики («Простите… ой… извиняюсь… расселись тут, пройти негде…») и бросились к двери со светящейся табличкой «Выход».

— Девушки, вы куда? — преградил нам дорогу охранник.

— Мы… того… цветы принесли… — замямлила Надя.

— Зачем?

Глубокомысленный вопрос, однако. Ну не пол же мы собрались ими мести!

— Дарить! Актёру! В знак того, что нам понравилось!

— Концерт кончится, тогда подарите.

— Так последний же номер! — шёпотом крикнули мы, отчего из соседних кресел на нас зашикали.

Мы выбежали в сверкающий атриум Большого концертного зала. Съехали по лестнице, поспешно нашли вход в партер и под финальные аккорды песни ворвались в зал.

Я победно неслась — нет, почти летела через зал, едва касаясь пола; Надюха за мной. До сцены оставалось не более пяти метров. Зрители испуганно оборачивались, преследуя взглядами наш торжественный полёт, пока…

…Пока я не запнулась о невесть откуда взявшуюся ступеньку и не растянулась на полу. Позор!

Вся романтика мигом куда-то исчезла. Но я встала, бережно отряхнула букет и, превозмогая боль в коленке, доковыляла до сцены.

И — что самое страшное! — всё это время Актёр стоял в двух шагах от меня и увлечённо за мной наблюдал.

— Спасибо. Не ушиблись? — хмыкнул он, принимая цветы.

Только я хотела ответить, как меня догнала запыхавшаяся Надюха с букетом и начала что-то лепетать о том, как она уважает Актёра. За ней

бросились другие зрители. Актёр брал букеты, так же мило улыбаясь. И вскоре нас окончательно отпихнули от сцены…

3.

— Ох, это было что-то! Как Он на меня посмотрел! Это же чудо, что Он живой, настоящий! — без умолку щебетала Надя, когда мы вышли из зала и направились к гардеробу. — А как Он смотрел на тебя! Ты видела? Ты видела?..

— Да уж. Устроила посмешище. Свалилась как подрубленная! — мрачно ответила я, потирая пострадавшее колено.

Очередь в гардероб совершенно не думала двигаться. Мы стояли в самом её хвосте, когда с улицы вбежал разрумяненный молодой человек и, тряся какими-то бумажками, стал приставать к людям:

— Открытки с автографом Актёра! Недорого! Покупайте! Уникальный шанс!..

— Вау, — тихо ахнула Надюха. — Санюш, давай возьмём, а? У меня остались ещё деньги с цветов. Давай, ну?

Я не ответила.

— Слушай, Сашка, мне совсем не нравится, когда ты так смотришь, — прошептала Надя. — Это значит, что у тебя какая-то новая дурацкая идея. Ну, колись!

— Надь, ты помнишь, как мы, когда шли мимо чёрного входа БКЗ, видели там припаркованный фургончик? — выдохнула я. — А это значит, что сейчас все актёры переоденутся и поедут домой именно на нём, — объяснила я. — И Он в том числе! У меня с собой и ручка с блокнотом есть! Надюха, погнали! Они же сейчас уедут…

— Саш, ты куда? — окликнула меня подруга, но я уже была на улице.

Ноябрьский мороз тут же заявил о себе, напомнив, что моя куртка осталась в гардеробе…

Эх, была не была! По морозу босико-ом, тра-та-ти-та-та-та-та!

Я обежала здание БКЗ за каких-то полторы минуты и остановилась, только когда увидела тот самый фургон. Рядом с ним был припаркован шикарный белый «Мерседес», но в тот миг я не обратила на него внимания.

— Александра, чокнутая! — догнала меня Надя. — И что мы теперь делать будем?

— Он вот-вот выйдет, смотри хорошенько, не пропусти. А мы уж скажем ему пару слов, возьмём автографы — и домой!

Прошло минут пять, потом восемь… пятнадцать. Блокнот и ручка едва не выскальзывали из закоченевших рук.

— Идут! — шепнула Надя минуты через три, но тут же разочарованно выдохнула.

Люди в униформе с надписью «Охрана» оцепили выход, один из них подошёл к нам. Тот самый, который не выпускал нас с балкона!

— Девчонки, а вы-то что здесь ждёте?

— А-автографы, — только и просипела я.

— Пусть себе стоят, — фыркнул другой охранник. — Вы только вот что, девицы. Отойдите-ка подальше отсюда. Как пойдёт ваш любимец, вы ему закричите и помашете руками. Авось услышит, подойдёт. Хотя сомневаюсь, устал человек после концерта.

Мы безмолвно кивнули и отошли за указанную черту.

Тут же охранники перестроились и окружили кого-то выходящего. Я задрожала — то ли от мороза, то ли от волнения — и протёрла некстати запотевшие очки.

— Надюх, кто там? Не Он?

— Да нет, вроде женщина какая-то! — прищурившись, пробормотала Надюха, но без уверенности.

К вышедшему человеку (лица не было видно) подошёл наш знакомый охранник и что-то негромко сказал ему. Тот пожал плечами, сел в припаркованный рядом с фургоном белый «Мерседес» и — уехал.

—Что ж вы, девчонки, ему ничего не крикнули? Он бы подошёл к вам…

Надя испуганно вжала голову в плечи, ожидая яростного вопля с моей стороны.

— Сашка… Прости, не увидела… Как только я могла перепутать?..

— Да ладно тебе, — почти безразлично ответила я. — Пошли в гардероб.

4.

На следующий день я слегла с температурой тридцать восемь и две.

Я сидела дома и пила горячий чай с малиной, когда ко мне заглянула мама.

— Подруга твоя пришла, хотела с тобой повидаться. Не пустила её, она сама бледненькая, того и гляди заболеет. Принесла тебе домашнее задание и ещё что-то, — и передала мне согнутый вчетверо тетрадный листок.

Я развернула — внутрь оказалась вложена фотография…

Актёр задорно улыбался, точь-в-точь так же, как вчера, наблюдая за моим «полётом». На обратной стороне красовалась подпись. Значит, она всё-таки купила…

— Надя твоя говорит, что дарит фотку тебе. Очень уж она беспокоится, что ты вчера так и не достала автограф. А ей, говорит, она не нужна: похвасталась раз родителям — и хватит. Хотя она, похоже, такая же фанатка, как и ты…

— Не фанатка, а поклонница, — поправила я. — Фанатки — они спешат высказаться в любви своему кумиру, оккупируют его дом, пишут на стенах… А мы хотели только сказать ему, как он здорово играет. Только лично, чтоб услышал.

...В это время Актёр в самолёте с улыбкой вспоминал глаза двух девочек, первыми бросившихся к сцене с цветами.

Контролируя «внутреннего Обломова»

Для меня свобода — возможность плодотворно работать и заниматься своим любимым делом. Немногие люди могут похвастаться способностью распределять своё время так, чтобы его хватало и на работу, и на отдых в разумных пределах. (К слову, к таковым счастливчикам не относится и ваш покорный слуга.) Иначе, пользуясь знаменитым «правилом студента» и откладывая все дела на последний день, человек сначала изощряется в попытках убить своё внезапно нахлынувшее свободное время, а после изнемогает от чудовищных масштабов работы. О какой свободе тогда можно говорить, если над тобой властвует твой сумасшедший график?

Несносные экзамены, всяческие дополнительные занятия, домашние заботы. От всего этого никуда не деться (а хорошо бы...). Но свобода — умение разумно распределять и выполнять свои дела, а не быть рабом своего расписания.

Конечно, встречаются субъекты, любящие работу настолько, что объём её у них превышает все разумные пределы и застилает собой всё свободное время... но это, скорее, исключение из правила. Основной враг свободы в моём понимании — это, конечно же, человеческая лень. Неистребимое и знакомое каждому человеку чувство, может, и являющееся двигателем прогресса согласно известному высказыванию, но чаще всего тормозящее всякое движение вперёд. И правда, зачем куда-то двигаться, если есть мягкий удобный диван, а пульт от телевизора или планшетник под рукой?.. Поддаваясь лени, составлять график дел уже нет смысла: все задания будут упорядочены и аккуратно выписаны на листочек по пунктикам, но выполнять их будет уже некому... Бесконтрольная лень отнимает свободу у человека, так как это безделье не исходит от его воли и рассудка.

Если говорить образно, то в каждом человеке сидит свой маленький лентяй, к которому порой следует прислушиваться. Но дай ему полную волю — и вся жизнь потонет в настоящей обломовщине, мастерски описанной Гончаровым.

Поэтому свобода — это в первую очередь способность в разумных пределах прислушиваться к своему «внутреннему Обломову», не пуская в то же время дела на самотёк.

Музыка осени

— Пётр Ильич Чайковский. Времена года. Октябрь, — объявляет концертмейстер.

На сцену выходит пианист, коротко кланяется, садится за рояль и берёт первый аккорд.

Тихая медленная музыка, словно прохладный осенний воздух, неспешно наполняет концертный зал. И ты непостижимым образом оказываешься не в мягком кресле десятого ряда партера, не в театре в самом центре шумного задымлённого города, а где-то в старом саду, в окружении вековых деревьев. Идёшь, никуда не спеша, и вдыхаешь пряный, чуть горьковатый запах увядшей листвы.

И волшебные звуки музыки будто сливаются с шорохом опадающих листьев.

Может быть, идёт дождь — мелкий, моросящий и пронзительно-тоскливый. Или же дорогу застилает густой туман, сквозь который чуть виднеются алые пятна — гроздья рябины...

Порывы прохладного ветерка поднимают листья с тропинки и несут их к озеру. Его зыбкая поверхность покрывается оранжевыми, жёлтыми, багряными пятнами; впрочем, скоро волны утихают, и наступает, как прежде, спокойная и печальная тишина.

Музыка чуть ускоряется. В ней появляются светлые интонации, словно из-за серых тусклых облаков выглянул луч солнца. В самом деле, осень — вовсе не конец жизни. Зима пройдёт, и природа снова проснётся — так зачем же грустить? Но тучи вновь затягивают небо, и вместе с дождём возвращается первая тема — тоскливая и щемящая.

Наверное, когда-то этой дорогой ходил и сам Пётр Ильич Чайковский. И эти светлые ощущения — умиротворение с примесью грусти — навсегда остались в его музыке.

Будто вопрос без ответа, в воздухе повисают две последние ноты. И растворяются в громе аплодисментов...

стр. 45
Арутюнов Сергей Сергеевич
Москва, 1972 г. р.

Российский поэт, прозаик, публицист, критик. Родился в Красноярске. В 1999 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первая публикация стихов — в 1994 году в журнале «Новая Юность». Регулярные публикации рецензий в широком круге изданий — «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы», «Футурум АРТ», «Дети Ра», «Книжное обозрение», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День поэзии», «НГ-Exlibris», «Дружба народов» и др. С 2005 года ведёт творческий семинар в Литературном институте имени А. М. Горького. Лауреат премии имени Бориса Пастернака (2004), Московского международного открытого книжного фестиваля в номинации «За лучшую рецензию» (2007), Отличия журнала «Современная поэзия» в области критики (2008), премии авангардного журнала «Футурум АРТ» (дважды, 2010, 2012), ордена «Золотая осень» имени Сергея Есенина (2013), премии имени поэта-декабриста Фёдора Глинки (2013), премии «Вторая Отечественная» имени поэта, участника Первой мировой войны Сергея Сергеевича Бехтеева (2014). Член редколлегии журнала «День и ночь» (Красноярск).

стр. 105
Ахадов Эльдар Алихасович
Красноярск, 1960 г. р.

Российский писатель. Родился в Баку. Окончил Ленинградский горный институт. В течение 10 лет руководил краевым литературным объединением при Государственном центре народного творчества Красноярского края и краевой литературной студией «Былина» для незрячих и слабовидящих. Автор более 30 книг поэзии и прозы. Основатель сайта «Миры Эльдара» и международного русскоязычного поэтического конкурса «Озарение». Произведения автора публиковались в журналах «Молодая гвардия» (Москва), «Мурзилка» (Москва), «Дети Ра» (Москва), «Футурум АРТ» (Москва), «Кукумбер» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Неизвестная Сибирь» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Обская радуга» (Салехард), «Intelligent New-York» и др. Обладатель многочисленных литературных премий и наград.

стр. 5
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Поэт, эссеист, публицист. Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил филологический факультет Пермского госуниверситета. Автор четырёх поэтических книг: «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой», «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и ряда литературных премий — имени Павла Бажова (2008), имени Алексея Решетова (2013), общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). Основатель трёх поэтических групп: «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина»), «Иерусалимский журнал» (Израиль), в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антология русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов». Награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта», орденом Достоевского I степени. В настоящее время — собкор «Литературной газеты».

стр. 227
Биргер Татьяна Захаровна
Красноярск

Поэт. Педагог дополнительного образования, руководитель Музея быта и традиций народов Красноярского края МОУ СОШ №55. Финалист литературного конкурса «Король поэтов» (2014).

стр. 9
Блохин Николай Фёдорович
Ставрополь, 1952 г.р.

Родился в с. Калюжное Шпаковского района Ставропольского края. В 1979 году окончил отделение журналистики филологического факультета

Ростовского-на-Дону госуниверситета, в 1985 году — редакторское отделение Высшей партийной школы при ЦК Компартии Украины (ныне — Киевский институт публицистики). С 1973 года работал в СМИ Ставропольского края, Волгоградской области, Луганской области, г. Киева — корреспондентом, ответственным секретарём, заведующим отделом, главным редактором. Член редколлегии альманаха «Литературное Ставрополье». С февраля 1983 года — член Союза журналистов России. Автор более двадцати книг, многочисленных публицистических журнальных статей, посвящённых творчеству А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, М. А. Булгакова, И. Д. Сургучёва, кинорежиссёра С. И. Параджанова и других. Печатался в альманахах и журналах «Литературный факел» (Москва), «Голос Кавказа (Пятигорск), «Ставропольский хронограф», «Литературное Ставрополье», «Подъём» (Воронеж), «После 12» (Кемерово), сборниках Ставропольского государственного университета «Сургучёвские чтения», в «Общеписательской Литературной газете». Лауреат российских и украинских журналистских премий им. писателя Б. Горбатова, «ПЕГАЗ-2004», «ПЕГАЗ-2005». Награждён медалью «100 лет А. Е. Бочкину». Предлагаемая публикация посвящена поэту А. Д. Бахтинову, жившему в Красноярском крае и посвятившему енисейской земле значительную часть творческого наследия.

стр. 158

Брагин Никита Юрьевич

Москва, 1956 г. р.

Родился в Москве. Окончил геологический факультет МГУ. Доктор геолого-минералогических наук, профессор, главный научный сотрудник Геологического института РАН, эксперт ВАК, автор многочисленных научных работ. Преподаёт в Российском государственном геологоразведочном университете (Москва). Автор сборников и книг стихов: «Стихи» (2004), «Камни, песчинки, потоки» (2005), «Лаура делла Скала» (2006), «Четыре стихии» (2008), «Избранное» (2009), «Пятый угол» (2010). Публиковался в альманахах и сборниках по итогам различных поэтических конкурсов, в журналах «Российский колокол», «Лит-э-Лит», «Чайка», «Литературный меридиан», «Невский альманах» и др. Член Союза писателей России.

стр. 0

Букал Ирина Сергеевна

Красноярск, 1996 г. р.

Родилась в посёлке Агинское Саянского района. Осознанно писать стихи начала с 10 лет, когда вместе со своей семьёй переехала в город Красноярск. Участница литературных конкурсов и разнообразных творческих мероприятий. Победитель конкурса чтецов «Читаем главы» в номинации «Авторское» (2015).

стр. 186

Валеев Марат Хасанович

Красноярск, 1951 г. р.

Родился в городе Краснотурьинске Свердловской области. Рос и учился в селе Пятерыжск на Иртыше, в целинном Казахстане, куда попал вместе с родителями ещё в дошкольном возрасте. Окончил школу, успел поработать бетонщиком на заводе ЖБИ, призвался в СА. Служил в стройбате в 1969–1971 годах, строил военные объекты в Пермской, Костромской, Саратовской областях. Вернулся в Казахстан, работал сварщиком в тракторной бригаде. В профессиональной журналистике с 1972 года. Работал в газетах Павлодарской области «Ленинское знамя» (Железинка), «Вперёд» (Экибастуз), «Звезда Прииртышья» (Павлодар). Окончил факультет журналистики КазГУ (Алма-Ата). В 1989 году приглашён в газету «Советская Эвенкия» на севере Красноярского края. Сейчас — редактор этой газеты, но под другим названием — «Эвенкийская жизнь». Без отрыва от основной работы, а порой и прямо на ней написал и опубликовал несколько сотен иронических, юмористических рассказов и миниатюр, фельетонов. Автор нескольких прозаических сборников. Член Союза российских писателей.

стр. 202

Васильев Геннадий Михайлович

Красноярск, 1959 г. р.

Журналист, поэт, исполнитель авторской песни. Родился в Томске. Отслужил в армии, потом по комсомольской путёвке оказался на КАТЭКе, в Шарыпово. Учился заочно в Иркутском университете на факультете журналистики. Работал в газетах «Красноярский комсомолец», «Свой голос», «Евразия», «Деловая Сибирь», вёл еженедельную программу на красноярской студии «Авторадио», участвовал во всевозможных медиапроектах. Участник Всероссийского совещания молодых литераторов в Ярославле в 1996 году.

стр. 23

Григорян Завен Тигранович

Ереван, Армения, 1979 г. р.

Родился в Ереване. В 1986–1996 годах обучался в средней школе № 20 имени Ф. Э. Дзержинского. После окончания поступил на исторический факультет Армянского государственного педагогического университета имени Х. Абовяна. Уже в процессе учёбы начал углублённо заниматься советской историей и в 2000 году успешно защитил диплом по теме «Развал Советского Союза». В том же году поступил в аспирантуру университета на кафедру «История России». Начал работать и закончил диссертацию на тему «Исторический опыт политического реформирования советского общества в 50–60-е годы XX века. (На примере Советской Армении)». Работа написана на основании многолетней работы в Армянском национальном архиве,

многие документы того времени будут опубликованы впервые. Готовится защита. В 2014 году вступил в Ереванский геополитический клуб. Участник актуальных исторических теледискуссий и «круглых столов». Автор нескольких статей на тему «хрущёвской оттепели».

стр. 204 **Дудаев Чермен Аланович**
Владикавказ, 1984 г. р.

Родился в г. Владикавказе. Автор поэтического сборника «Глаза Поэта». Председатель Северо-Осетинского литературного клуба «Мирдэста». Лауреат Пушкинского фестиваля искусств. Имеет многочисленные публикации на Родине и за её пределами.

стр. 43 **Дударев Валерий Фёдорович**
Москва, 1965 г. р.

Родился в Москве. Окончил филологический факультет МПГИ имени Ленина. Работал сторожем, дворником, каменщиком, бетонщиком, столяром, архивистом, редактором, преподавал в школе и университете, валил лес в Якутии. Много скитался по стране от Москвы до Магадана: даже прошёл пешком и на попутках всю Колымскую трассу. Попал в редакцию журнала «Юность» ещё школьником, а в 90-е годы XX века служил в молодёжном и книжном отделах «Юности». Прошёл путь от заведующего отделом поэзии, ответственного секретаря до заместителя главного редактора журнала «Юность». А с января 2007 года является главным редактором журнала «Юность». Публикации в журналах «Волга», «Литературная учёба», «Нева», «Наш современник», «Юность», «East-West Review» (Великобритания), «Знаци» (Болгария), альманахах «День поэзии», «Истоки», «Poesia» (Польша), газетах «Литературная газета», «Независимая газета», «Литературная Россия». Стихи переводились на английский, болгарский, польский языки. Лауреат литературных премий им. Александра Невского, Сергея Есенина, Бориса Корнилова и др. В 2012 году стал лауреатом премии «Новый век. 2012» Международного форума «Диалог цивилизаций и культур» — как главный редактор журнала «Юность» за лучший медийный проект начала XXI столетия.

стр. 165 **Задереев Сергей Константинович**
Красноярск, 1950 г. р.

Родился в селе Ирбей Красноярского края. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работал в газетах Красноярского края и Иркутской области, заведующим литературной частью Красноярского ТЮЗа, старшим редактором Красноярского филиала Свердловской киностудии, ответственным секретарём и главным редактором альманаха «Енисей». Руководил Красноярской писательской организацией. Публикации в журналах «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «День и ночь» и др. Автор книг «Дерево единое» (1980), «Хождение за светом» (1986), «Заветное слово» (1987), «Дымы над горой» (1987), «Светлое дно оврага» (1990) и др., изданных в Красноярске и Москве. Директор художественного салона «Дар».

стр. 161 **Исс Тауз**
Грозный, 1951 г. р.

Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт имени А. М. Горького (семинар поэзии). Автор сборников стихов «Пространство души», «Горсть», «Линии», эссеистики «Грани», прозы «Путешествие в полдень». Вице-президент Академии культуры Кавказа. Член Союзов писателей Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

стр. 3 **Костров Владимир Андреевич**
Москва, 1935 г. р.

Поэт, переводчик, литературный критик. Родился в деревне Власиха Костромской области. Окончил химфак МГУ (1958), Высшие литературные курсы (1969). Был членом КПСС. Работал инженером-химиком на оборонном предприятии в Загорске, в журналах «Техника — молодёжи» и «Смена», рабочим секретарём правления Московского отделения СП РСФСР (с 1980-го), заместителем главного редактора журнала «НМ» (с 1986-го). С 1979 года ведёт семинар поэзии в Литинституте; доцент. Печатается с 1957 года. Автор книг стихов «Первый снег», «Кострома — Россия», «Утро в Останкине», «Металл и нежность», «Я вас люблю», «Товарищества светлый час», «Солнце во дворе», «Если любишь…», «Нечаянная радость», «Открылось взору», «Свет насущный», «Роза ветров», «Стратостат», «Песня, женщина и река» и др. Публиковался в газете «Завтра», в журналах «Знамя», «НМ» (№ 11/1988; № 7/1991), «Россия» и коллективных сборниках. Член Союза писателей СССР. Избирался членом правлений СП РСФСР и СП СССР, председателем Клуба независимых. Член редколлегии журнала «ЛУ», редсовета журнала «Роман-газета XXI век». Председатель Пушкинского комитета СП России, вице-президент Фонда 200-летия А. С. Пушкина. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1984), медалью «За укрепление боевого содружества» (2000). Лауреат многочисленных государственных и литературных премий. Член правления Союза писателей России.

стр. 50 **Косяков Дмитрий Николаевич**
Красноярск, 1983 г. р.

Выпускник филологического факультета КГУ, «Школы культурной журналистики» Фонда Михаила Прохорова. Арт-критик и искусствовед, журналист, поэт-мелодекламатор, основатель дайв-театра, автор и ведущий дискуссионных

клубов, преподаватель, сценарист кино и театра. Публикации в журналах «День и ночь», «Дети Ра».

стр. 128 **Кузнечихин Сергей Данилович**
Красноярск, 1946 г. р.

Родился в посёлке Космынино Костромской области, в семье служащего. Окончил Калининский политехнический институт (1969). Работал инженером в Свирске Иркутской области и в Красноярске, а затем — сторожем (с 1989-го). Печатается как поэт с 1977 года. Автор книг стихов «Жёсткий вагон» (1979), «Соседи» (1984), «Поиски брода» (1991), «Похмелье» (1996), «Ненужные стихи» (2002), «Местное время» (2006), «Дополнительное время» (2010), «С точностью до шага» (2012). Выпустил книги прозы «Аварийная ситуация» (Москва, «Советский писатель», 1990), «Омулёвая бочка» (Красноярск, 1994), «Где наша не пропадала» (Красноярск, 2005), «Забавный народ» (Красноярск, 2007), «Бич-рыба» (Москва, «Эксмо», 2014). Многочисленные публикации в журналах, альманахах, антологиях России, ближнего и дальнего зарубежья. Член СП СССР (1991). Награждён медалью «За трудовое отличие» (1981). Зам. главного редактора журнала «День и ночь». Член Союза писателей России, Международного Союза писателей XXI века.

обл. **Левченко Александр**
Красноярск, 1966 г. р.

Родился в городе Гулькевичи (Краснодарский край, Россия). Окончил курсы художников-оформителей в г. Краснодаре (1984) и Красноярское художественное училище им. Сурикова (1991). Преподавал в школе искусств села Казачинское С 1996 года — свободный художник. В 2001 году вместе с Василием Слоновым создал Мирное художественное объединение с целью поддержки творческих инициатив и поиска новых форм работы в области жанровой композиции (сюжетной картины). Провёл несколько персональных выставок, участвовал в выставках молодёжного объединения при Союзе художников Красноярска. Участвовал в выставках красноярских художников в Афинах (Греция) и Пассау (Бавария).

стр. 101 **Лисковая Оксана Павловна**
Москва, 1974 г. р.

Поэт, прозаик. Выпускница и сотрудник Литературного института имени А. М. Горького. Лауреат конкурса «Память победы» (2015). Член Союза писателей России.

стр. 104, 122, 127, 201 **Минин Евгений Аронович**
Иерусалим, Израиль, 1949 г. р.

Известный поэт, пародист, организатор литературного процесса. Стихи, пародии и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Издатель альманаха «Иерусалимские голоса», приложений к альманаху «Литературный Иерусалим», издатель и редактор множества поэтических сборников. Автор текстов песен для шести музыкальных альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи. Председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член Союзов писателей Израиля и Москвы, директор Международного союза литераторов и журналистов (APIA) по Израилю, литературный представитель за рубежом газеты «Информпространство» (Москва). Лауреат нескольких литературных премий. Член судейского корпуса Международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2008, 2009, 2010).

стр. 207 **Нестеренко Владимир Георгиевич**
Красноярск, 1941 г. р.

Окончил ремесленное училище, восемь лет работал на заводах слесарем. С 1966 года стал профессиональным журналистом. Окончил КазГУ. Победитель литературно-публицистического конкурса «Национальное возрождение Руси» (автобиографическая повесть «Иван в десятой степени»), трёхкратный золотой дипломант Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» с присвоением звания «Лауреат», лауреат Международного литературного конкурса «Серебряный ручеёк» в номинации «Рассказы для детей», многократный дипломант конкурсов МТО ДА, лауреат литературного фестиваля Красноярского края «Вера, Надежда, Любовь». Наиболее известны романы «Дорога на плаху», «Удар небесный», «Охотники за любовью», сборник легенд и сказок «Сказание о Танну-Ола», сборник таёжных рассказов «Песня марала». Историческая трилогия «Перекати-поле» о судьбе поволжских немцев в 2008 году издана в Москве и Красноярске, переведена на немецкий язык в Германии. Член Союза журналистов СССР, член Союза писателей России.

стр. 49 **Новикова Нина**
Красноярск, 1970 г. р.

Училась в Лесосибирском педагогическом институте. Стихи пишет с 2008 года. Печаталась в журнале «Луч» (Ижевск), в альманахе «Новый Енисейский литератор», «Антологии одного стихотворения». Член красноярского литературного объединения «Диалог». Заняла четвёртое место в конкурсе «Король поэтов» (2012), получив право на издание своей первой книги «Ветрам навстречу», вышедшей в 2013 году.

стр. 22 **Пеньков Владислав**
Таллинн, Эстония, 1969 г. р.

Родился во Владивостоке. Сменил несколько мест жительства и работы. Автор книг «Ладонь ангела» (2004), «Гефкер» (2006). Печатался в российской

и эстонской периодике. Член Союза российских писателей.

стр. 125 **Петров Сергей Владимирович**
Москва, 1960 г. р.

Публикации в литературных журналах «Юность», «Невский альманах», «Наша молодёжь», «День и ночь», «Млечный путь», «Север», «Контрабанда», «Пограничник». Автор исторического детектива «Всё когда-нибудь заканчивается». Член Московского отделения Союза писателей России.

стр. 163 **Петрушкин Александр Александрович**
Кыштым, 1972 г. р.

Российский поэт, прозаик, драматург, критик. Родился в городе Озёрске Челябинской области. Публиковался в журналах «Уральская новь», «Урал», «Уральский следопыт», «Аврора», «Крещатик», «День и ночь», «Дети Ра», «Нева», «Знамя», «Воздух», «Волга—XXI век» и других, в «Антологии современной уральской поэзии» (2, 3 тома, под редакцией Виталия Кальпиди). Дважды финалист премии «ЛитературРентген» (2005—культуртрегерская деятельность, 2006—лучший нестоличный литературный фестиваль (куратор фестиваля «Новый Транзит», 2003–2007)). Полуфиналист международного литературного конкурса «Тамиздат» (2007). Лауреат уральского фестиваля поэзии «Глубина» (2007). Учредитель журнала актуальной литературы «Транзит-Урал», литературно-художественного фонда «Антология», фестивалей «Новый Транзит» и литературы малых городов имени Виктора Толокнова. Лауреат литературной премии «ЛитературРентген» (2007) в номинации «Фиксаж» (лучший нестоличный издатель поэзии). Лауреат литературных премий журналов «Дети Ра» (2008), «Зинзивер» (2010), спецпремии «Русского Гулливера» (2014). С 2007 года—руководитель поэтического семинара городов Северной зоны (поэты Челябинской и Свердловской областей). С 2008 года—координатор независимой поэтической премии «П». С 2009 года—куратор евразийского журнального портала «Мегалит», главный редактор литературного журнала «Новая реальность».

стр. 109 **Пырх Виталий Петрович**
Красноярск, 1944 г. р.

Родился в Запорожье. Окончил Запорожский металлургический техникум. После окончания работал отжигальщиком термических печей на заводе «Запорожсталь». Служил в Советской Армии. С отличием окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал корреспондентом, заведующим отделом промышленности и собственным корреспондентом республиканских и центральных газет. С 1987 года живёт в Красноярске, где работал корреспондентом газеты «Трибуна». Автор более двух тысяч газетных публикаций различных жанров, двух десятков статей в толстых журналах, а также нескольких книг публицистики, изданных в Москве и Сыктывкаре, шестнадцати поэтических сборников и трёх книг документальной прозы.

стр. 5 **Родыгин Евгений Павлович**
Екатеринбург, 1925 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Любимый народом композитор, автор многих популярных песен, фронтовик. Прошёл славный боевой путь от рядового до старшего сержанта, став поистине народным любимцем, исполнителем музыкальных произведений на передовой. Неоценимый духовный вклад в победу в Великой Отечественной войне уральского композитора и музыканта Родыгина отмечен в 1944 году медалью «За отвагу». 23 апреля 1945 года тяжело ранен на реке Одер. После госпиталя и окончания войны поступает на композиторское отделение Уральской государственной консерватории. В 1950 году окончил консерваторию, после чего работал с Уральским государственным русским народным хором. Вместе с хором объездил весь Урал, Сибирь, побывал во всех союзных республиках и за рубежом. В 1950–1956 годах создаются лучшие песни этого периода: «Уральская рябинушка», «Небо тёмно-синее», «Куда бежишь, тропинка милая?», «Белым снегом», «Песня о Свердловске», «Лён мой», «Едут новосёлы», которые получили признание во всём мире. Их можно услышать в исполнении не только отечественных, но и иностранных певцов, в том числе на испанском, немецком, французском языках. Автор музыки к кинофильмам и опереттам. Занимался моржеванием, наизусть цитирует Цицерона, Байрона, Пушкина, Бердяева и других классиков литературы и философии. В 2012 году в Чусовском этнографическом парке стараниями его основателя Леонарда Постникова установлен памятный знак песне Евгения Родыгина «Уральская рябинушка». Почётный гражданин Свердловской области и Екатеринбурга, заслуженный деятель искусств РСФСР, заслуженный деятель Союза композиторов России, народный артист России.

стр. 16 **Самотик Людмила Григорьевна**
Красноярск, 1944 г. р.

Филолог, публицист. Профессор, доктор филологических наук. Родилась в селе Краснотуранск Красноярского края. В 1966 году с отличием окончила Красноярский государственный педагогический институт по специальности «Русский язык и литература». С 1968 года по настоящее время работает в КГПУ им. В. П. Астафьева. Автор многочисленных книг, статей, публикаций по проблемам диалектной и авторской лексикографии, сибирской диалектологии, лексики русского языка,

выразительных средств языка художественной литературы.

стр. 229

Самусенко Екатерина Олеговна

Красноярск, 1998 г. р.

Ученица 11 класса красноярской гимназии «Универс» (№1) и третьего курса Литературного лицея. Автор многочисленных публикаций в детской периодике, в разделе «Синяя тетрадь» журнала «День и ночь». Финалист краевого конкурса чтецов «Страница 16».

стр. 185

Сигида Александр

Молодогвардейск, 1963 г. р.

Историк по образованию. Поэт. Член Союза писателей России, член правления Союза писателей ЛНР. Лауреат премии им. М. Матусовского, «Молодой гвардии». Автор восьми сборников стихотворений. Лауреат фестивалей «Веничкина радуга», «Пушкинское кольцо», VIII всеукраинского фестиваля поэтов «Летающая крыша» (Черкассы). В 1999 году основал ТО СТАН (Луганск). Организатор I Всеукраинского поэтического фестиваля «Краснодонские горизонты-2009». Печатался в сборниках ТО СТАН и «Радуга», журнале «Склянка Часу», альманахе «Свой вариант», альманахе «Крылья», антологии «15 веков русской поэзии» (Москва). Один из авторов поэтических сборников о войне в Донбассе «Ожог» и «Час мужества» (Москва).

стр. 47

Ставер Сергей Петрович

Назарово, 1949 г. р.

Родился на станции Крутояр Красноярского края. По профессии — художник-оформитель. Автор девяти поэтических сборников, участник Всероссийских литературных чтений имени В. П. Астафьева. Публиковался в литературных журналах «Енисей», «День и ночь» (Красноярск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сибирские Афины» (Томск), альманахах «День российской поэзии», «Новый Енисейский литератор». Руководитель народного коллектива назаровских литераторов «Эхо Арги». Член Союза российских писателей.

стр. 225

Степанова Любовь Евгеньевна

Зеленогорск

Родилась в семье первостроителей города. Окончила Ленинградский институт культуры имени Н. К. Крупской (факультет режиссуры, массовых представлений и праздников). Работала в Ленконцерте. Лауреат Всесоюзного (Геленджик) и Всероссийского (Ухта) конкурсов культорганизаторов. Работала учителем в школе. Преподавала русский язык, литературу, мировую художественную культуру. После переезда в город Зеленогорск Красноярского края работает в центре «Перспектива». Стихи опубликованы в газетах и журналах «День поэзии», «Парадный подъезд», «Невский альманах», «Новый Енисейский литератор», «Антология сибирской поэзии и прозы», «Поэзия на Енисее».

стр. 123

Тимченко Елена Владимировна

Красноярск, 1962 г. р.

Родилась в селе Шила Сухобузимского района Красноярского края. Окончила физический факультет Красноярского государственного университета. Работала в агроуниверситете на кафедре физики в должности ассистента и младшего научного сотрудника, преподавала программирование и информационные технологии в техникуме и информатику в гимназии. Автор повести-сказки «Мерзлотка и её друзья», победившей в грантовом конкурсе «Книжное Красноярье» в 2007 году. С 2001 года стала внештатным сотрудником газеты «Городские новости», с 2004 года — главный редактор приложения «Детский район». С 2004 года ведёт в Красноярском литературном лицее творческие мастерские. Член Союза российских писателей.

стр. 175

Чмыхало Анатолий Иванович

Красноярск, 1924–2013

Родился в селе Вострово Волчихинского района Алтайского края. Воевал на фронте (1942–1943), работал артистом республиканского театра в Алма-Ате (1943–1944), корреспондентом газеты «Красноярский рабочий» (1946–1947). С 1947 года — писатель. Был ответственным секретарём Красноярской писательской организации, главным редактором журнала «Енисей» (1962–1976). Автор романов «Половодье», «Нужно верить», «Три весны», «Дикая кровь», «Отложенный выстрел» и др. Почётный гражданин города Красноярска, заслуженный работник культуры РСФСР, почётный профессор КГПУ. Награждён орденами Отечественной войны I и II степени, Дружбы народов, «Знак Почёта», знаком отличия «За заслуги перед городом Красноярском», 20-ю медалями. Член Союза писателей СССР и РФ (с 1963-го).

стр. 132

Чхатарашвили Баадур Михайлович

Тбилиси, Грузия, 1952 г. р.

Родился в Тбилиси. Окончил Грузинский политехнический институт, специальность — гидротехническое строительство. После были аспирантура МИСИ, заочный университет искусств. Член Международной федерации художников (IFA). Первый свой рассказ написал в 2008 году — опубликован в сборнике «Скажи» («АСТ-Астрель»). В 2008–2009 годах публиковал прозу в журналах «На любителя» (Атланта, США) и «Зарубежные записки» (Дортмунд, Германия). С 2010 года писал «в стол». В 2013 году роман «Хроника Колхиса» попал в длинный список Русской премии.

С 2011 года под псевдонимом Vakeli публикует краткие исторические хроники на общественном портале «Новый Геродот».

стр. 3

Шулаков Сергей Иванович
Москва, 1970 г. р.

Журналист, критик. В 2003–2005 годах — главный редактор журнала «Сельская молодёжь», в 2005–2006 годах — руководитель пресс-службы Международной ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ), заместитель главного редактора журнала «Вестник МАГ». С 2009 года — литературный редактор исторического альманаха «Кентавр» издательства «Подвиг». Автор литературно-критических статей в газетах «Книжное обозрение», «НГ-Exlibris», в другой центральной периодике. Лауреат премии журнала «Юность» 2009 года в номинации «Литературная критика».

Картины Александра Левченко любезно предоставлены красноярским художественным салоном «Дар».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Марина Саввиных

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

по прозе
Александр Астраханцев
Евгений Мамонтов

по поэзии
Сергей Кузнечихин

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

СЕКРЕТАРИАТ
Юлия Вятчина
Артём Яковлев

Издание осуществляется при поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Журнал издаётся с 1993 г. В его создании принимал участие В. П. Астафьев. Первым главным редактором с 1993 по 2007 гг. был Р. Х. Солнцев. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Николай Алешков — Набережные Челны
Сергей Арутюнов — Москва
Юрий Беликов — Пермь
Вера Зубарева — Филадельфия
Анатолий Кирилин — Барнаул
Владимир Костылев — Арсеньев
Валентин Курбатов — Псков
Андрей Лазарчук — Санкт-Петербург
Евгений Минин — Иерусалим
Виталий Молчанов — Оренбург
Дмитрий Мурзин — Кемерово
Миясат Муслимова — Махачкала
Александр Петрушкин — Кыштым
Лев Роднов — Ижевск
Евгений Степанов — Москва
Михаил Тарковский — Бахта
Вероника Шелленберг — Омск

В оформлении обложки использованы картины Александра Левченко.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «День и ночь».
ИНН 246 304 2749
Расчётный счёт
4070 2810 8006 0000 0186
в Новосибирском филиале
ОАО «Банк Москвы»
в г. Новосибирске
БИК 045 004 762
Корреспондентский счёт
3010 1810 9000 00-00 0762

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3.
т. +7 983 571 4936

Почтовый адрес:
66 00 28, г. Красноярск, а/я 11 937,
редакция журнала «День и ночь».

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 16.11.2015
Тираж: 1200 экз.

Отпечатано ИП Азарова Н. Н.
в типографии «Литера-принт»,
г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10
эл. почта: 2007rex@mail.ru, т. 294 15 77

Александр Левченко

На рыбалке

40×50 | х. м.

Александр Левченко

Поэта муза | 40×50 | х. м.

На обложке:

Песни осеннего леса | 40×50 | х. м.